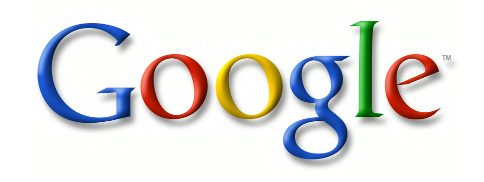
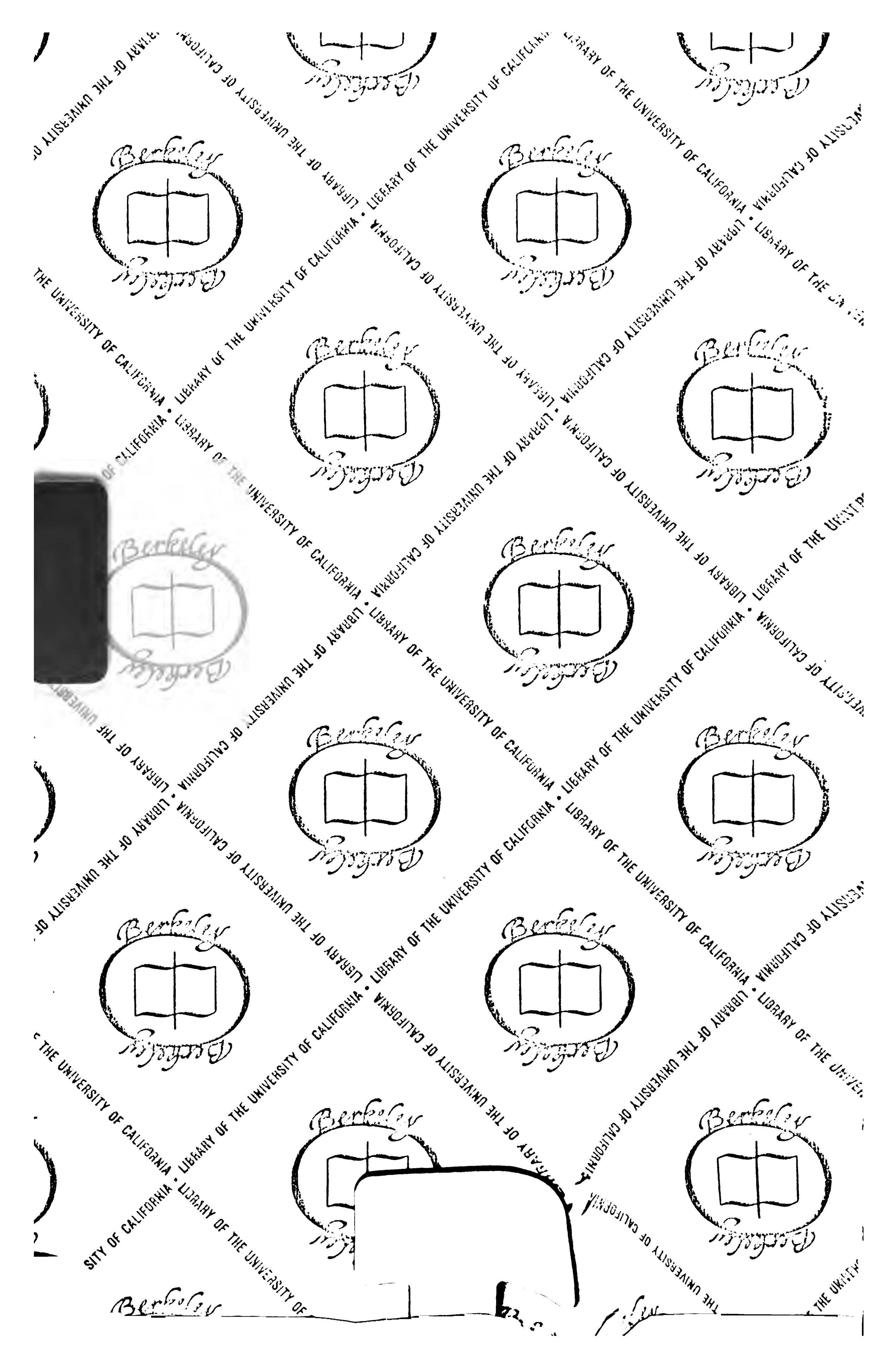
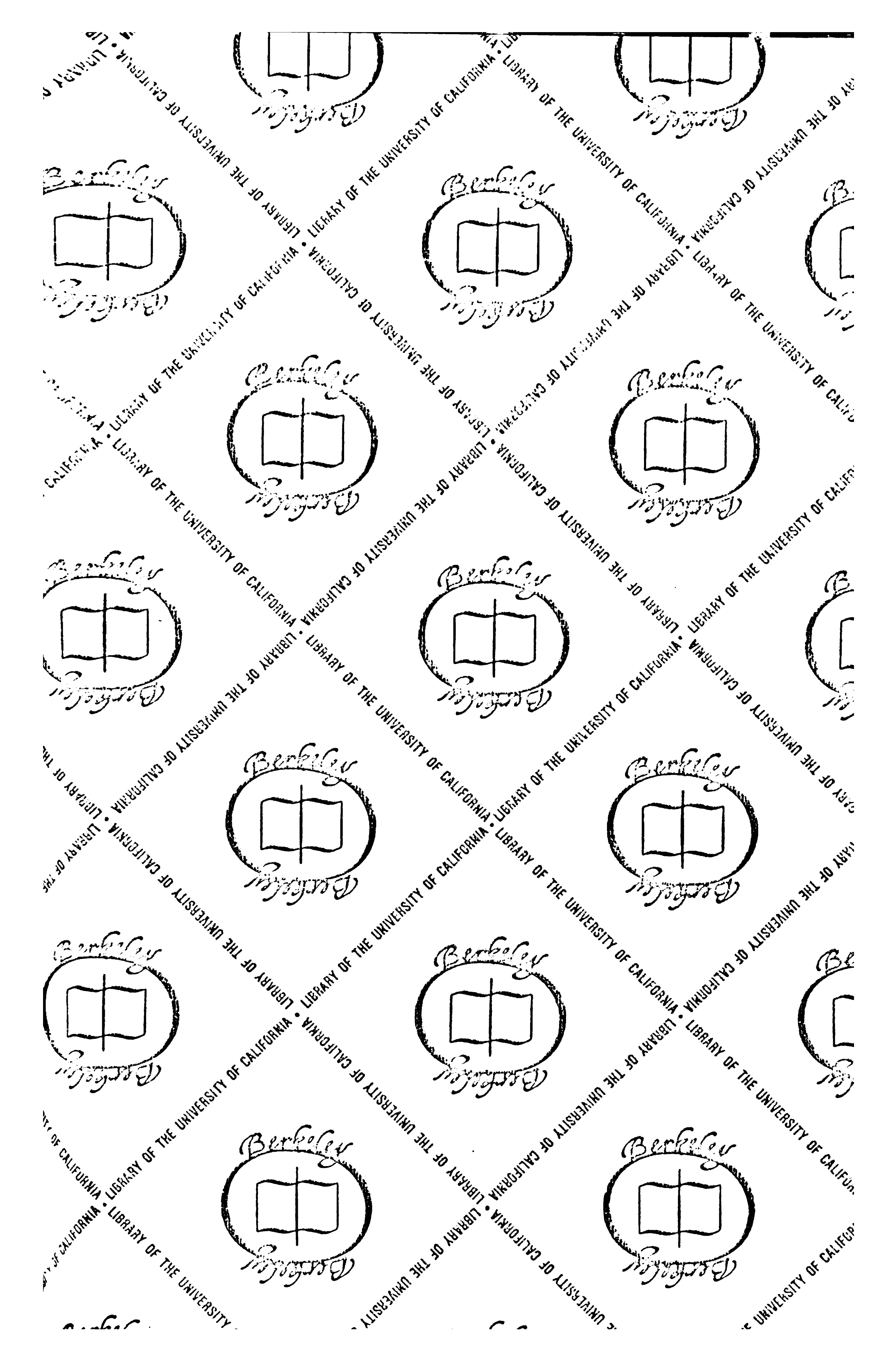

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Berkeley

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Berkeley

СОБСТВЕННОСТЬ

и

ГОСУДАРСТВО

Б. ЧИЧЕРИНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Цѣна 4 руб.

МОСКВА.
Типографія Н. Н. Брискорнъ, на Тверской улицѣ, домъ Локотниковой.
1883.

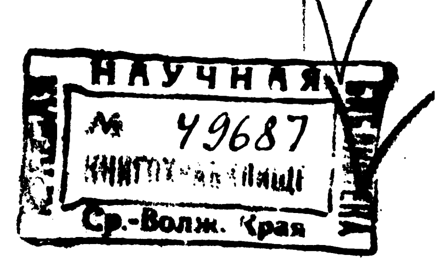

СОБСТВЕННОСТЬ

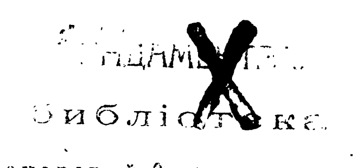
и

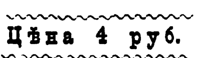
ГОСУДАРСТВО

Б. ЧИЧЕРИНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Цѣна 4 руб.

МОСКВА.
Типографія П. П. Брискорнъ, на Тверской улицѣ, домъ Локотниковой.
1883.

7154-5219

КНИГА ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

ГЛАВА VII.

ЗАКОНЫ МѢНЫ.

Произведенная вещь поступаетъ въ оборотъ. Только на самыхъ низкихъ ступеняхъ экономическаго развитія господствуетъ домашнее хозяйство, гдѣ человѣкъ производитъ все исключительно для собственнаго потребленія. На высшихъ ступеняхъ, при раздѣленіи занятій, каждый производитъ для другихъ и получаетъ, въ замѣнъ, отъ другихъ то, что ему потребно. Мѣна становится опредѣляющимъ началомъ всего промышленнаго быта. Отъ нея зависитъ и самое производство, ибо товаръ производится въ виду обмѣна.

Всякая мѣна основана на опредѣленіи сравнительнаго достоинства товаровъ—ихъ цѣнности. Ходячимъ мѣриломъ этого достоинства является исключительно для этого предназначенный товаръ—деньги, или замѣняющіе ихъ знаки. Отъ какихъ же данныхъ зависитъ это опредѣленіе?

Со времени Адама Смита, экономисты различаютъ двоякую цѣнность произведеній: потребительную и мѣновую. Первая есть достоинство предмета въ отношеніи къ тѣмъ потребностямъ, которымъ онъ удовлетворяетъ, или къ той пользѣ, которую онъ приноситъ; вторая есть достоинство предмета, опредѣляемое количествомъ другихъ товаровъ, которые можно за него получить. Мѣновая цѣнность, выраженная въ деньгахъ, называется цѣною.

Эти два рода цѣнностей не совпадаютъ. Есть предметы въ высшей степени полезные, и которые однако не имѣютъ никакой мѣновой цѣнности. Это—тѣ, которые не произведены и не усвоены человѣкомъ, а находятся въ природѣ въ неограниченномъ количествѣ, такъ что каждый можетъ ими пользоваться безпрепятственно. Таковы свѣтъ, воздухъ. Мѣновую цѣнность имѣютъ только тѣ предметы, которые находятся въ обладанiи человѣка, будучи имъ усвоены или произведены.

Въ силу чего же эти предметы получаютъ мѣновую цѣнность? Единственно въ силу того, что они нужны другимъ, и что другiе готовы дать за нихъ свои собственныя произведенiя. Что́ никому не нужно, то не имѣетъ мѣновой цѣнности. Слѣдовательно, основанiемъ мѣновой цѣнности является все таки цѣнность потребительная. А потому, утверждать, что для опредѣленiя первой необходимо совершенно отвлечься отъ послѣдней, такъ чтобы въ мѣновой цѣнности не оставалось ни единаго атома потребительной цѣнности, значитъ исходить отъ чистой безсмыслицы. Мы увидимъ далѣе, что именно на этомъ началѣ строитъ всю свою экономическую теорiю Карлъ Марксъ. Справедливо, что при сравненiи полезности двухъ обмѣнивающихся товаровъ, необходимо сдѣлать отвлеченiе отъ ихъ разнокачественности и возвести ихъ къ общему мѣрилу, которое и служитъ основанiемъ сравненiя; но отвлекаясь отъ спецiальной полезности предметовъ, мы получаемъ только понятiе объ общей полезности, которая и выражается въ мѣновой цѣнности и находитъ своего представителя въ деньгахъ.

Полезность предмета, или способность его удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, составляетъ такимъ образомъ первый и необходимый факторъ въ опредѣленiи цѣнности. На ней основывается требованiе, или спросъ. Въ силу этого начала, чѣмъ больше требованiе, тѣмъ выше цѣнность произведенiя, и всякое усиленiе требованiя влечетъ за собою возвышенiе цѣнности. Таковъ основной экономическiй законъ, имѣющiй силу всегда и вездѣ.

Человѣческiя потребности, составляющiя источникъ спроса, измѣнчивы и разнообразны до безконечности. Есть потребности необходимыя и потребности роскоши, потребности разлитыя въ массѣ, и потребности, составляющiя достоянiе немногихъ. Между тѣми и другими идетъ непрерывная, хотя и вѣчно измѣняющаяся лѣствица. Отсюда вытекаетъ другой основной экономическiй законъ, которымъ

опредѣляется весь оборотъ, именно, что мѣновая цѣнность предметовъ есть не постоянная, а измѣняющаяся величина. А потому невозможно упрочить цѣнность, какъ требуютъ Прудонъ и за нимъ другіе соціалисты. Для этого надобно было бы предварительно упрочить потребности, чтó немыслимо. Всѣ подобныя попытки грѣшатъ въ самомъ своемъ основаніи.

Не одними однако потребностями опредѣляется спросъ произведеній. Для того чтобы какое бы то ни было требованіе могло служить источникомъ мѣны, необходимо, чтобы требующій имѣлъ съ своей стороны предметъ, который бы онъ могъ дать въ замѣнъ пріобрѣтаемаго товара. Экономическое требованіе зависитъ не только отъ потребностей, но и отъ покупной силы потребителей. И тутъ является непрерывная лѣствица, расширяющаяся къ низу и съуживающаяся къ верху. Въ массѣ, покупная сила каждаго отдѣльнаго лица не велика, но совокупность ея громадна. Напротивъ, чѣмъ выше мы восходимъ по общественной лѣствицѣ, тѣмъ больше становится покупная сила отдѣльныхъ лицъ, но зато тѣмъ болѣе съуживается ихъ кругъ. Отсюда третій законъ экономическаго оборота, что чѣмъ дешевле товаръ, тѣмъ болѣе у него сбыта, и наоборотъ, самые дорогіе товары имѣютъ наименьшее количество покупателей.

Таковы законы, управляющіе требованіемъ. Послѣднее составляетъ однако лишь одинъ изъ двухъ элементовъ мѣны. Другимъ элементомъ является предлагаемый товаръ, могущій удовлетворить потребности. Требованію соотвѣтствуетъ предложеніе.

Очевидно, что при одинакомъ требованіи цѣнность товара будетъ тѣмъ выше, чѣмъ онъ рѣже, а потому чѣмъ труднѣе его получить. Если всѣ не могутъ быть удовлетворены, то удовлетворятся только тѣ, которые въ состояніи заплатить высшую цѣну. Остальные принуждены будутъ или вовсе отказаться отъ удовлетворенія потребности или довольствоваться меньшимъ количествомъ. Покупная сила, выражающаяся въ количествѣ денегъ или предметовъ, которое потребители готовы дать за извѣстный товаръ, обращаясь на меньшее количество произведеній, естественно возвышаетъ ихъ цѣнность, и наоборотъ, чѣмъ эта сила распредѣляется на большее количество предлагаемыхъ произведеній, тѣмъ ниже цѣнность послѣднихъ. Произведенія, находящіяся въ изобиліи, чтобы получить сбытъ, должны искать бóльшаго круга покупателей, или удовлетворить одной и той

Эти два рода цѣнностей не совпадаютъ. Есть предметы въ высшей степени полезные, и которые однако не имѣютъ никакой мѣновой цѣнности. Это—тѣ, которые не произведены и не усвоены человѣкомъ, а находятся въ природѣ въ неограниченномъ количествѣ, такъ что каждый можетъ ими пользоваться безпрепятственно. Таковы свѣтъ, воздухъ. Мѣновую цѣнность имѣютъ только тѣ предметы, которые находятся въ обладанiи человѣка, будучи имъ усвоены или произведены.

Въ силу чего же эти предметы получаютъ мѣновую цѣнность? Единственно въ силу того, что они нужны другимъ, и что другiе готовы дать за нихъ свои собственныя произведенiя. Чтó никому не нужно, то не имѣетъ мѣновой цѣнности. Слѣдовательно, основанiемъ мѣновой цѣнности является все таки цѣнность потребительная. А потому, утверждать, что для опредѣленiя первой необходимо совершенно отвлечься отъ послѣдней, такъ чтобы въ мѣновой цѣнности не оставалось ни единаго атома потребительной цѣнности, значитъ исходить отъ чистой безсмыслицы. Мы увидимъ далѣе, что именно на этомъ началѣ строитъ всю свою экономическую теорiю Карлъ Марксъ. Справедливо, что при сравненiи полезности двухъ обмѣнивающихся товаровъ, необходимо сдѣлать отвлеченiе отъ ихъ разнокачественности и возвести ихъ къ общему мѣрилу, которое и служитъ основанiемъ сравненiя; но отвлекаясь отъ спецiальной полезности предметовъ, мы получаемъ только понятiе объ общей полезности, которая и выражается въ мѣновой цѣнности и находитъ своего представителя въ деньгахъ.

Полезность предмета, или способность его удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, составляетъ такимъ образомъ первый и необходимый факторъ въ опредѣленiи цѣнности. На ней основывается требованiе, или спросъ. Въ силу этого начала, чѣмъ больше требованiе, тѣмъ выше цѣнность произведенiя, и всякое усиленiе требованiя влечетъ за собою возвышенiе цѣнности. Таковъ основной экономическiй законъ, имѣющiй силу всегда и вездѣ.

Человѣческiя потребности, составляющiя источникъ спроса, измѣнчивы и разнообразны до безконечности. Есть потребности необходимыя и потребности роскоши, потребности разлитыя въ массѣ, и потребности, составляющiя достоянiе немногихъ. Между тѣми и другими идетъ непрерывная, хотя и вѣчно измѣняющаяся лѣстница. Отсюда вытекаетъ другой основной экономическiй законъ, которымъ

опредѣляется весь оборотъ, именно, что мѣновая цѣнность предметовъ есть не постоянная, а измѣняющаяся величина. А потому невозможно упрочить цѣнность, какъ требуютъ Прудонъ и за нимъ другіе соціалисты. Для этого надобно было бы предварительно упрочить потребности, что́ немыслимо. Всѣ подобныя попытки грѣшатъ въ самомъ своемъ основаніи.

Не одними однако потребностями опредѣляется спросъ произведеній. Для того чтобы какое бы то ни было требованіе могло служить источникомъ мѣны, необходимо, чтобы требующій имѣлъ съ своей стороны предметъ, который бы онъ могъ дать въ замѣнъ пріобрѣтаемаго товара. Экономическое требованіе зависитъ не только отъ потребностей, но и отъ покупной силы потребителей. И тутъ является непрерывная лѣстница, расширяющаяся къ низу и съуживающаяся къ верху. Въ массѣ, покупная сила каждаго отдѣльнаго лица не велика, но совокупность ея громадна. Напротивъ, чѣмъ выше мы восходимъ по общественной лѣстницѣ, тѣмъ больше становится покупная сила отдѣльныхъ лицъ, но зато тѣмъ болѣе съуживается ихъ кругъ. Отсюда третій законъ экономическаго оборота, что чѣмъ дешевле товаръ, тѣмъ болѣе у него сбыта, и наоборотъ, самые дорогіе товары имѣютъ наименьшее количество покупателей.

Таковы законы, управляющіе требованіемъ. Послѣднее составляетъ однако лишь одинъ изъ двухъ элементовъ мѣны. Другимъ элементомъ является предлагаемый товаръ, могущій удовлетворить потребности. Требованію соотвѣтствуетъ предложеніе.

Очевидно, что при одинакомъ требованіи цѣнность товара будетъ тѣмъ выше, чѣмъ онъ рѣже, а потому чѣмъ труднѣе его получить. Если всѣ не могутъ быть удовлетворены, то удовлетворятся только тѣ, которые въ состояніи заплатить высшую цѣну. Остальные принуждены будутъ или вовсе отказаться отъ удовлетворенія потребности или довольствоваться меньшимъ количествомъ. Покупная сила, выражающаяся въ количествѣ денегъ или предметовъ, которое потребители готовы дать за извѣстный товаръ, обращаясь на меньшее количество произведеній, естественно возвышаетъ ихъ цѣнность, и наоборотъ, чѣмъ эта сила распредѣляется на большее количество предлагаемыхъ произведеній, тѣмъ ниже цѣнность послѣднихъ. Произведенія, находящіяся въ изобиліи, чтобы получить сбытъ, должны искать бо́льшаго круга покупателей, или удовлетворить одной и той

же покупной силѣ большимъ количествомъ произведеній. И то и другое ведетъ къ пониженію цѣнности товара. Отсюда вытекаетъ опять основной экономическій законъ, что чѣмъ больше предложеніе, тѣмъ ниже цѣнность товара. Предложеніе дѣйствуетъ въ обратномъ смыслѣ противъ требованія.

Количество предлагаемыхъ произведеній зависитъ отчасти отъ самаго ихъ свойства, или отъ количества, въ какомъ они существуютъ въ природѣ, отчасти отъ большей или меньшей дѣятельности производства. Есть предметы, которые могутъ быть производимы въ неограниченномъ количествѣ, и есть другіе, которые не могутъ быть произвольно умножаемы. Къ послѣднимъ принадлежатъ рѣдкія произведенія природы, а также человѣческія произведенія, требующія исключительныхъ способностей. Такого рода предметы, находясь всегда въ ограниченномъ количествѣ, неизбѣжно получаютъ монопольную цѣну, и чѣмъ больше на нихъ требованіе, тѣмъ выше ихъ цѣна. Это прямо вытекаетъ изъ означеннаго выше закона.

Тоже самое имѣетъ мѣсто относительно тѣхъ произведеній, которыя, хотя и могутъ быть произвольно умножаемы, но не иначе какъ съ большими усиліями и тратами. Въ такомъ случаѣ, товары, производимые при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, неизбѣжно пріобрѣтаютъ монопольную цѣну. Ибо, опять же въ силу основнаго экономическаго закона, всѣ находящіеся на рынкѣ товары, если нѣтъ препятствующихъ обстоятельствъ, стремятся къ уравненію въ цѣнѣ. Такъ какъ каждый ищетъ своей выгоды, то никто не станетъ покупать дороже, если онъ тутъ же можетъ купить дешевле, и наоборотъ, ни для кого не выгодно держать высшую цѣну противъ сосѣдей, ибо онъ этимъ можетъ отбить покупателей. Тысячи различныхъ обстоятельствъ, довѣріе, привычка, неопытность, могутъ видоизмѣнять эти начала, но общее стремленіе всегда таково.

Что касается до предметовъ, которые могутъ быть произвольно умножаемы, то естественное стремленіе промышленности состоитъ въ томъ, чтобы производить ихъ столько, сколько нужно для удовлетворенія всѣхъ потребностей. Пока требованіе не удовлетворено вполнѣ, цѣна стоитъ высокая, а потому производство представляется выгоднымъ. Вслѣдствіе этого, сюда устремляется промышленная дѣятельность, ищущая прибыли; производство увеличивается, и цѣны падаютъ. Границею этого паденія является граница самой промышленной выгоды. Цѣна произведенія должна вознаграждать издержки

производства и дать обыкновенный барышъ предпринимателю. Если она падаетъ ниже, то производство становится невыгоднымъ; вслѣдствіе этого, оно сокращается, и цѣна произведенія опять поднимается до того уровня, при которомъ она можетъ дать предпринимателю надлежащее вознагражденіе. Этотъ уровень составляетъ нормальную цѣну всѣхъ произвольно умножаемыхъ произведеній, цѣну, къ которой они стремятся среди колебаній въ ту и другую сторону, и къ которой они рано или поздно непремѣнно приходятъ. Поэтому нѣкоторые экономисты называютъ ее естественною цѣною произведеній.

Въ итогѣ, мы имѣемъ два фактора, дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи, и отъ взаимнаго отношенія которыхъ зависитъ цѣна произведеній. Общій законъ формулируется такъ, что цѣнность товаровъ опредѣляется отношеніемъ предложенія къ требованію. Такъ какъ этотъ законъ вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ производства и потребленія, то его можно назвать естественнымъ закономъ промышленнаго оборота.

Въ основаніи его лежитъ то начало личнаго интереса, которое составляетъ исходную точку и движущую пружину всей промышленной дѣятельности. Каждая изъ двухъ мѣняющихся сторонъ имѣетъ въ виду исключительно свою собственную выгоду. Покупщикъ старается купить какъ можно дешевле; продавецъ старается продать какъ можно дороже. Мѣна состоится только тогда, когда выгода будетъ обоюдная, то есть, когда каждая изъ двухъ сторонъ найдетъ свой расчетъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти чужой товаръ въ замѣнъ своего. При этомъ выгода можетъ быть больше на той или на другой сторонѣ; колебанія могутъ быть значительныя; но въ общей сложности, или въ суммѣ многихъ сдѣлокъ, установляется та цѣна, которая вытекаетъ изъ общихъ условій рынка, при взаимнодѣйствіи противоположныхъ элементовъ.

Эти два фактора имѣютъ однакоже не одинакое значеніе. Требованіе составляетъ начало и конецъ всего процесса. Оно вызываетъ производство и оно же составляетъ его цѣль. Предложеніе является здѣсь только средствомъ. Оно существуетъ въ виду требованія и имѣетъ цѣлью его удовлетвореніе. Силою требованія опредѣляются, какъ количество, такъ и качество производимыхъ товаровъ, а равно и цѣна, которую покупатель готовъ за нихъ дать. Предложеніе соразмѣряется съ этими данными, при чемъ, побуждаемое выгодою,

оно стремится понизить цѣну до границы, допускаемой издержками производства.

Но если такъ, то нельзя не признать одностороннею теорію, которая обращаетъ вниманіе исключительно на предложеніе и опредѣляетъ цѣнность единственно издержками производства. Такова знаменитая въ экономической наукѣ теорія, которая цѣнность произведеній сводитъ къ количеству положеннаго на нихъ труда. Эта теорія, зачатки которой находятся уже у Адама Смита, имѣетъ основателемъ своимъ Рикардо. Такъ какъ соціалисты строятъ свое ученіе на томъ же началѣ, хотя и въ извращенномъ видѣ, то мы должны на ней остановиться.

Рикардо прежде всего устраняетъ изъ своего изслѣдованія тѣ предметы, которыхъ цѣнность зависитъ отъ ихъ рѣдкости и опредѣляется исключительно вкусомъ и средствами покупателей. Эти предметы, по его мнѣнію, составляютъ столь незначительную часть находящихся въ оборотѣ товаровъ, что ихъ можно оставлять безъ вниманія, ограничиваясь тѣми, которые могутъ быть произвольно умножаемы[1]).

Относительно послѣднихъ, Рикардо не отвергаетъ вліянія предложенія и требованія, но онъ утверждаетъ, что эта причина имѣетъ лишь временное, преходящее значеніе; окончательно же цѣна товаровъ опредѣляется издержками производства. Это и есть цѣна естественная, въ отличіе отъ цѣны ходячей (гл. XXX, ср. гл. IV).

Чѣмъ же опредѣляются издержки производства?

Согласно съ общепринятымъ въ политической экономіи раздѣленіемъ, Рикардо признаетъ три дѣятеля производства: землю, капиталъ и трудъ; но вліяніе на опредѣленіе цѣнности произведеній онъ приписываетъ единственно труду, при чемъ онъ настаиваетъ на томъ, что онъ говоритъ не объ а б с о л ю т н о й, а лишь объ о т н о с и т е л ь н о й цѣнности, которая опредѣляется сравненіемъ одного предмета съ другимъ (Гл. I, отд. 2 и 6). Въ цѣнность товара входятъ и процентъ съ капитала и поземельная рента, но пропорціональное отношеніе цѣнности одного произведенія къ цѣнности другаго опредѣляется почти исключительно большимъ или меньшимъ количествомъ положеннаго на нихъ труда. Хотя трудъ имѣетъ и различное каче-

---

1) Principles of Political Economy ch. I, sect. I. Въ текстѣ цитуются далѣе главы этого сочиненія.

ство, которое оплачивается различно, однако тутъ скоро установляется извѣстная сравнительная лѣствица, которая мало измѣняется, а потому имѣетъ мало вліянія и на измѣненіе цѣнностей (Гл. I, отд. 2). Не имѣетъ вліянія и высота заработной платы, ибо, при свободѣ передвиженія, она одинакова во всѣхъ отрасляхъ. Какое бы работникъ ни получалъ вознагражденіе за свой трудъ, вездѣ оно соразмѣряется съ количествомъ труда, а потому сравнительное отношеніе проистекающей отсюда цѣнности товаровъ остается тоже. Возвышеніе заработной платы ведетъ лишь къ увеличенію доли труда на счетъ капитала, но оно не измѣняетъ сравнительной цѣнности произведеній (Гл. I. отд. 3).

По той же причинѣ не слѣдуетъ принимать въ расчетъ и бо́льшей или меньшей высоты процентовъ съ капитала. Такъ какъ эта высота одинакова во всѣхъ отрасляхъ, то она не можетъ имѣть вліянія на сравнительную цѣнность товаровъ. Общее возвышеніе процента соотвѣственно уменьшаетъ долю труда, но пропорція остается таже. Бо́льшая же или меньшая цѣнность самыхъ капиталовъ, употребленныхъ на производство, дѣйствительно имѣетъ вліяніе на цѣнность произведеній; но такъ какъ цѣнность капиталовъ въ свою очередь опредѣляется количествомъ труда, положеннаго на ихъ производство, то и здѣсь трудъ является единственнымъ опредѣляющимъ началомъ, съ тою лишь оговоркою, что надобно принимать въ расчетъ не одинъ трудъ, употребленный на непосредственное производство извѣстнаго товара, но и тотъ, который былъ положенъ на производство необходимыхъ для него машинъ и орудій (Гл. I, отд. 3).

Говоря о капиталѣ, Рикардо указываетъ однако на одно обстоятельство, которое значительно видоизмѣняетъ его теорію. Въ цѣнность машинъ и орудій, образующихъ такъ называемый стоячій капиталъ производства, входитъ не только заработная плата, соразмѣрная съ количествомъ положеннаго на нихъ труда, но и процентъ съ капитала, употребленнаго на ихъ производство. Этотъ новый элементъ нарушаетъ пропорцію, и чѣмъ больше въ производствѣ употребляется стоячаго капитала, тѣмъ это нарушеніе будетъ больше. Отсюда различіе между производствами, употребляющими значительную часть стоячаго капитала, и производствами, дѣйствующими главнымъ образомъ посредствомъ капитала оборотнаго, состоящаго въ заработной платѣ. Въ послѣднихъ, цѣна произведеній зависитъ исключительно отъ заработной платы съ присоединеніемъ къ

ней обыкновеннаго процента съ капитала; въ первыхъ же, къ этому прибавляется процентъ съ прежде употребленнаго капитала, а потому сравнительная цѣнность произведенiй въ обоихъ не будетъ совершенно пропорцiональна количеству положеннаго въ нихъ труда. Очевидно также, что повышенiе заработной платы и соотвѣтствующее пониженiе процента съ капитала будутъ имѣть совершенно различное значенiе для производствъ, употребляющихъ преимущественно трудъ, и для тѣхъ, въ которыя положено много стоячаго капитала. А такъ какъ трата и возмѣщенiе стоячаго капитала совершаются съ большею или меньшею быстротою, вслѣдствiе чего стоячiй капиталъ въ большей или меньшей степени приближается къ оборотному, то и съ этой стороны представляется различiе, которое не можетъ не имѣть влiянiя на цѣнность произведенiй. Однакоже, замѣчаетъ Рикардо, всѣ эти причины имѣютъ лишь слабое дѣйствiе въ сравненiи съ увеличенiемъ или уменьшенiемъ количества труда, а потому, не упуская ихъ совершенно изъ вида, можно значительныя колебанiя цѣнностей приписать исключительно послѣднему (Гл. I, отд. 4 и 5).

Наконецъ, и поземельная рента, которая платится собственнику за право употреблять производительныя и непогибающiя силы земли, не имѣетъ влiянiя на сравнительную цѣнность произведенiй. Рента, по теорiи Рикардо, составляетъ разницу между доходомъ съ худшихъ и доходомъ съ лучшихъ земель. Пока необработанныхъ пространствъ много, и можно имѣть сколько угодно участковъ лучшаго качества и близкихъ къ мѣсту сбыта, земля ренты не приноситъ. Цѣнность произведенiй вознаграждаетъ только положенный на нихъ трудъ и процентъ съ капитала. Но когда земли становится мало, и цѣнность произведенiй возвышается такъ, что оказывается выгоднымъ обработывать участки худшаго качества или болѣе отдаленные, тогда земли, которыя находятся въ болѣе благопрiятныхъ условiяхъ, получаютъ монопольную цѣну. Худшiя земли продолжаютъ вознаграждать только трудъ и капиталъ; лучшiя же даютъ, сверхъ того, доходъ землевладѣльцу, или поземельную ренту. Но этотъ доходъ не имѣетъ никакого влiянiя на цѣну произведенiй, которая опредѣляется исключительно трудомъ и капиталомъ, положенными на обработку худшихъ земель. Ибо, вслѣдствiе общаго стремленiя цѣнъ къ уравненiю, цѣны всѣхъ произведенiй будутъ стоять на той высотѣ, которая способна вознаградить издержки на земляхъ худшаго качества. Слѣдовательно, общая цѣна произведенiй будетъ зависѣть

единственно отъ послѣднихъ, а такъ какъ цѣнность капитала, въ свою очередь, сводится къ количеству положеннаго на него труда, то и въ этомъ случаѣ оправдывается общій законъ, что главнымъ опредѣляющимъ началомъ цѣны произведеній является количество положеннаго на нихъ труда. Рента же вовсе не есть элементъ цѣны; она составляетъ только ту часть общей, опредѣляемой независимо отъ нея цѣны, которая достается землевладѣльцу, какъ плата за бо́льшую доходность его земель (Гл. II).

Такова теорія Рикардо. Не смотря на ея односторонность, невозможно отказать ей въ значительныхъ научныхъ достоинствахъ. Знаменитый экономистъ стоитъ на почвѣ чисто научнаго изслѣдованія; онъ наблюдаетъ явленія и старается отыскать ихъ причины. Онъ не отвергаетъ ни процента съ капитала, ни поземельной ренты; онъ доказываетъ только, что они имѣютъ весьма мало, или вовсе не имѣютъ вліянія на сравнительную цѣнность произведеній. Изъ его аргументаціи невозможно вывести никакихъ заключеній въ пользу соціализма. Преобладающее значеніе труда въ опредѣленіи цѣнъ признается имъ какъ фактъ, вытекающій изъ существующаго порядка вещей, а отнюдь не какъ требованіе, долженствующее измѣнить весь этотъ порядокъ.

Тѣмъ не менѣе, въ его доводахъ были стороны, которыя могли подать поводъ къ ложнымъ выводамъ. Къ этому вело уже то преобладающее значеніе, которое давалось издержкамъ производства, съ устраненіемъ требованія, какъ совершенно второстепеннаго элемента. Между тѣмъ, изъ теоріи поземельной ренты Рикардо явствуетъ, что самыя издержки производства опредѣляются требованіемъ. Ибо, въ силу чего становится возможною обработка худшихъ земель? Единственно въ силу возвышенія цѣнъ отъ увеличившагося требованія. Поэтому, когда Рикардо говоритъ, что цѣнность хлѣба возвышается вслѣдствіе бо́льшаго труда, употребленнаго на худшихъ земляхъ (гл. II), и прибавляетъ, что безъ этого умноженія труда, цѣна хлѣба не могла бы возвыситься (гл. VI), онъ очевидно принимаетъ слѣдствіе за причину. Еслибы худшія земли не обработывались, то цѣна хлѣба стояла бы еще выше, ибо, при одинакомъ требованіи, предложеніе было бы меньше. Какъ говоритъ самъ Рикардо въ другомъ мѣстѣ, «возвышеніе ходячей цѣны на хлѣбъ есть единственное, что поощряетъ производство, ибо, замѣчаетъ онъ, можно считать непогрѣшимымъ началомъ, что единственная вещь. которая можетъ поощрить

производство какого либо товара, есть избытокъ его ходячей цѣны противъ цѣны естественной или необходимой» (гл. XXXII). Изъ этого ясно, что большее требованіе, а не большее количество употребленнаго труда составляетъ причину возвышенія цѣны хлѣба; возможность же приложенія бо́льшаго количества труда является только послѣдствіемъ этого возвышенія.

Но еще болѣе, нежели этимъ одностороннимъ взглядомъ на издержки производства, Рикардо подалъ поводъ къ недоразумѣніямъ тѣмъ, что онъ окончательно смѣшалъ абсолютную цѣнность съ относительною. Мы видѣли, что доказывая преобладающее вліяніе количества употребленнаго труда на цѣнность товаровъ, онъ весьма ясно настаивалъ на томъ, что онъ говоритъ только о цѣнности относительной, не отрицая, что въ нее могутъ входить и другіе элементы. Какую бы долю въ цѣнности товаровъ ни составлялъ процентъ съ капитала, будь это $^1/_{10}$ или $^1/_{20}$, такъ какъ процентъ вездѣ одинъ и тотъ же, то отношеніе не измѣняется. Между тѣмъ, въ дополнительныхъ главахъ къ своему сочиненію, онъ прямо признаетъ, что «трудъ есть общее мѣрило, которымъ опредѣляется дѣйствительная и относительная цѣнность» товаровъ. Вслѣдствіе этого, онъ сталъ утверждать, что естественныя силы работаютъ даромъ, а потому увеличиваютъ полезность, но не мѣновую цѣнность произведеній (гл. XX), тогда какъ по собственной его теоріи поземельная рента составляетъ плату за употребленіе производительныхъ и не погибающихъ силъ земли. Хотя бы высота цѣнъ на хлѣбъ зависѣла не отъ поземельной ренты, но все же послѣдняя входитъ, какъ составная часть, въ цѣну хлѣба, получаемаго съ лучшихъ земель; слѣдовательно, эта цѣна опредѣляется не однимъ количествомъ положеннаго въ производство труда.

То, что для Рикардо было только слѣдствіемъ недоразумѣнія, то для соціалистовъ сдѣлалось основаніемъ всѣхъ ихъ выводовъ. Они утверждаютъ, что трудъ составляетъ абсолютно единственный источникъ и мѣрило всякой цѣнности, а потому они отвергаютъ все, что отъ него не происходитъ. И процентъ съ капитала, и поземельная рента, все это объявляется беззаконнымъ похищеніемъ того, что создано трудомъ.

Такое воззрѣніе, конечно, не могло быть плодомъ внимательнаго наблюденія явленій и точнаго изслѣдованія фактовъ. Опытная почва покидается тутъ совершенно. Все, что существуетъ въ дѣйствитель-

ности, отрицается во имя одностороння̆го начала, которое, если не находитъ себѣ приложенія въ настоящемъ порядкѣ, то должно осуществиться въ переустроенномъ обществѣ.

Основатель этой теоріи, Прудонъ, прямо становится на эту точку зрѣнія. Сравнивши отношенія цѣнностей съ пропорціями химическаго соединенія тѣлъ, онъ указываетъ на то, что химики, которымъ опытъ открываетъ эти пропорціи, не знаютъ ихъ причинъ. «Общественная экономія, напротивъ, говоритъ онъ, которой никакое изслѣдованіе a posteriori не могло бы непосредственно раскрыть законъ пропорціональности цѣнностей, можетъ постигнуть его въ самой силѣ ее производящей..... Эта сила есть трудъ.... Трудъ, и единственно трудъ производитъ всѣ элементы богатства, и сочетаетъ ихъ до послѣднихъ частичекъ по закону пропорціональности, измѣнчивому, но достовѣрному» [1]).

Можно ожидать, что высказывая подобное положеніе, авторъ подтвердитъ его строгими доказательствами; таково требованіе науки. Гдѣ нѣтъ фактическихъ изслѣдованій, тамъ необходимъ логическій выводъ. Между тѣмъ, ни того, ни другаго мы не находимъ у Прудона и его послѣдователей. Начало, принятое на вѣру, но не выведенное логическимъ путемъ и еще менѣе подкрѣпленное опытомъ, выдается за абсолютную истину, съ которою все должно сообразоваться. И всѣ послѣдующіе соціалисты одинъ за другимъ повторяютъ туже тему, точно также избавляя себя отъ всякаго доказательства. Мы видѣли уже, что Родбертусъ выставляетъ въ видѣ аксіомы, что экономическое значеніе имѣетъ одинъ трудъ, и что все, что не произведено трудомъ, принадлежитъ къ естественнымъ, а не къ экономическимъ благамъ. Лассаль возвеличиваетъ Рикардо, какъ провозвѣстника величайшаго экономическаго принципа, но признавая его непослѣдовательнымъ, тщательно обходитъ его аргументацію и самъ не представляетъ ничего въ замѣнъ [2]). Наконецъ, главный корифей современнаго соціализма, Карлъ Марксъ, на томъ же началѣ строитъ всю свою систему, но прибѣгаетъ при этомъ къ такой софистикѣ, которая доказываетъ только всю шаткость принятыхъ имъ основаній. Разборъ теоріи Маркса

---

[1]) Contradictions économiques, ch. II, § 2.

[2]) Herr Bastiat-Schulze v. Delitsch стр. 101, 119—120.

покажетъ намъ, на сколько это начало можетъ имѣть притязанія на научное значеніе [1]).

Марксъ отправляется отъ различія потребительной цѣнности и мѣновой. Первая представляетъ собою полезность товара, вторая—то количественное отношеніе, въ которомъ обмѣниваются другъ на друга различные полезные предметы. Это отношеніе указываетъ на то, что въ обоихъ существуетъ нѣчто общее, находящееся и здѣсь и тамъ въ равномъ количествѣ. Это общее должно быть отлично отъ разнаго качества товаровъ, слѣдовательно и отъ ихъ полезности, которая заключается именно въ ихъ качествѣ. Поэтому, чтобы получить мѣновую цѣнность, надобно сдѣлать отвлеченіе отъ всякой потребительной цѣнности. «Какъ потребительныя цѣнности, говоритъ Марксъ, товары прежде всего являются съ различнымъ качествомъ; какъ мѣновыя цѣнности, они могутъ быть только разнаго количества, слѣдовательно они не содержатъ въ себѣ ни единаго атома потребительной цѣнности».

Что же остается въ обмѣнивающихся товарахъ за исключеніемъ ихъ полезности? То, что и тѣ и другіе суть произведенія труда. На этомъ только основаніи можетъ происходить уравненіе. Однако и трудъ берется здѣсь не со стороны его полезности, ибо, исключивши полезность предмета, мы исключили и полезность труда. Остается одинъ «отвлеченный человѣческій трудъ», или трата рабочей силы, измѣряемая временемъ. Это и есть истинное мѣрило мѣновой цѣнности, и ничего другаго въ ней не заключается [2]).

Такова аргументація Маркса. Въ ней есть какъ будто попытка сдѣлать логическій выводъ; но эта попытка обнаруживаетъ только полный недостатокъ логики и тѣмъ самымъ обличаетъ совершенную несостоятельность этой теоріи. Нечего говорить о томъ, что въ дѣйствительности не происходитъ и не можетъ происходить ничего подобнаго. Никто никогда не мѣняетъ товаровъ, отвлекаясь отъ ихъ полезности, ибо мѣна происходитъ именно вслѣдствіе того, что каждой сторонѣ нуженъ товаръ, находящійся въ рукахъ другой, и эта потребность составляетъ существенный элементъ въ опредѣленіи цѣн-

---

[1]) Подробный разборъ ученія Маркса я представилъ въ статьѣ, помѣщенной въ VI томѣ Сборника Государственныхъ Знаній.

[2]) Das Kapital. стр. 10—13.

ности. Но и чисто логически такой выводъ представляется нелѣпымъ. Невозможно отвлекаться отъ того, что составляетъ основаніе всего процесса. Сказать, что въ мѣновой цѣнности нѣтъ ни единаго атома потребительной цѣнности, значитъ утверждать, что безполезныя вещи должны мѣняться совершенно также, какъ и полезныя, а это—чистая нелѣпость. Затѣмъ не видать, почему, за исключеніемъ полезности, въ товарахъ остается одно только качество, именно, что они являются произведеніями труда; какъ будто не могутъ мѣняться произведенія природы въ различныхъ пропорціяхъ, смотря, напримѣръ, по ихъ величинѣ или рѣдкости. Наконецъ, когда мы отвлекаемся отъ самой полезности труда и беремъ въ расчетъ единственно трату силы, измѣряемую временемъ, то здѣсь уже теряется всякій смыслъ. Обезьяна, которая въ баснѣ катаетъ бревна, должна, по этой теоріи, получить совершенно такую же плату, какъ и самый полезный работникъ. Вслѣдствіе этого, самъ Марксъ принужденъ признать, что работа, воплощаемая въ мѣновой цѣнности, должна быть работа полезная (стр. 16, 17). Но если такъ, то опредѣляя мѣновую цѣнность товаровъ, мы не отвлекаемся отъ всякой полезности, а напротивъ, должны принимать ее въ соображеніе, и тогда вся теорія рушится въ самомъ основаніи.

Не меньшія несообразности оказываются и въ приложеніи принятаго Марксомъ начала. Прежде всего, противъ него говоритъ тотъ очевидный фактъ, что различнаго качества работа оплачивается и не можетъ не оплачиваться разно, между тѣмъ какъ по теоріи, каждый часъ рабочаго времени долженъ имѣть одинакую цѣну, какова бы ни была работа. Марксъ не рѣшился послѣдовательно провести свое начало, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Прудонъ, который отвергаетъ всякое право таланта на высшую плату. Марксъ требуетъ, напротивъ, чтобы болѣе сложная или высшаго качества работа сводилась къ единицѣ простой (стр. 19). Но какимъ образомъ возможно произвести эту операцію? На это у Маркса нѣтъ отвѣта. Онъ просто ссылается на опытъ, указывая на то, что этотъ процессъ постоянно происходитъ «за спиною производителей». Между тѣмъ, въ дѣйствительности, этотъ процессъ происходитъ именно въ силу того начала, которое устраняется Марксомъ. Качественно высшая работа оплачивается выше, вслѣдствіе того что ея произведенія цѣнятся дороже: отъ цѣны произведеній зависитъ и цѣна работы; оцѣнка же произведеній совершается посредствомъ предложенія и требованія. На

Эти два рода цѣнностей не совпадаютъ. Есть предметы въ высшей степени полезные, и которые однако не имѣютъ никакой мѣновой цѣнности. Это—тѣ, которые не произведены и не усвоены человѣкомъ, а находятся въ природѣ въ неограниченномъ количествѣ, такъ что каждый можетъ ими пользоваться безпрепятственно. Таковы свѣтъ, воздухъ. Мѣновую цѣнность имѣютъ только тѣ предметы, которые находятся въ обладаніи человѣка, будучи имъ усвоены или произведены.

Въ силу чего же эти предметы получаютъ мѣновую цѣнность? Единственно въ силу того, что они нужны другимъ, и что другіе готовы дать за нихъ свои собственныя произведенія. Что́ никому не нужно, то не имѣетъ мѣновой цѣнности. Слѣдовательно, основаніемъ мѣновой цѣнности является все таки цѣнность потребительная. А потому, утверждать, что для опредѣленія первой необходимо совершенно отвлечься отъ послѣдней, такъ чтобы въ мѣновой цѣнности не оставалось ни единаго атома потребительной цѣнности, значитъ исходить отъ чистой безсмыслицы. Мы увидимъ далѣе, что именно на этомъ началѣ строитъ всю свою экономическую теорію Карлъ Марксъ. Справедливо, что при сравненіи полезности двухъ обмѣнивающихся товаровъ, необходимо сдѣлать отвлеченіе отъ ихъ разнокачественности и возвести ихъ къ общему мѣрилу, которое и служитъ основаніемъ сравненія; но отвлекаясь отъ спеціальной полезности предметовъ, мы получаемъ только понятіе объ общей полезности, которая и выражается въ мѣновой цѣнности и находитъ своего представителя въ деньгахъ.

Полезность предмета, или способность его удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, составляетъ такимъ образомъ первый и необходимый факторъ въ опредѣленіи цѣнности. На ней основывается требованіе, или спросъ. Въ силу этого начала, чѣмъ больше требованіе, тѣмъ выше цѣнность произведенія, и всякое усиленіе требованія влечетъ за собою возвышеніе цѣнности. Таковъ основной экономическій законъ, имѣющій силу всегда и вездѣ.

Человѣческія потребности, составляющія источникъ спроса, измѣнчивы и разнообразны до безконечности. Есть потребности необходимыя и потребности роскоши, потребности разлитыя въ массѣ, и потребности, составляющія достояніе немногихъ. Между тѣми и другими идетъ непрерывная, хотя и вѣчно измѣняющаяся лѣствица. Отсюда вытекаетъ другой основной экономическій законъ, которымъ

опредѣляется весь оборотъ, именно, что мѣновая цѣнность предметовъ есть не постоянная, а измѣняющаяся величина. А потому невозможно упрочить цѣнность, какъ требуютъ Прудонъ и за нимъ другіе соціалисты. Для этого надобно было бы предварительно упрочить потребности, что́ немыслимо. Всѣ подобныя попытки грѣшатъ въ самомъ своемъ основаніи.

Не одними однако потребностями опредѣляется спросъ произведеній. Для того чтобы какое бы то ни было требованіе могло служить источникомъ мѣны, необходимо, чтобы требующій имѣлъ съ своей стороны предметъ, который бы онъ могъ дать въ замѣнъ пріобрѣтаемаго товара. Экономическое требованіе зависитъ не только отъ потребностей, но и отъ покупной силы потребителей. И тутъ является непрерывная лѣстница, расширяющаяся къ низу и съуживающаяся къ верху. Въ массѣ, покупная сила каждаго отдѣльнаго лица не велика, но совокупность ея громадна. Напротивъ, чѣмъ выше мы восходимъ по общественной лѣстницѣ, тѣмъ больше становится покупная сила отдѣльныхъ лицъ, но зато тѣмъ болѣе съуживается ихъ кругъ. Отсюда третій законъ экономическаго оборота, что чѣмъ дешевле товаръ, тѣмъ болѣе у него сбыта, и наоборотъ, самые дорогіе товары имѣютъ наименьшее количество покупателей.

Таковы законы, управляющіе требованіемъ. Послѣднее составляетъ однако лишь одинъ изъ двухъ элементовъ мѣны. Другимъ элементомъ является предлагаемый товаръ, могущій удовлетворить потребности. Требованію соотвѣтствуетъ предложеніе.

Очевидно, что при одинакомъ требованіи цѣнность товара будетъ тѣмъ выше, чѣмъ онъ рѣже, а потому чѣмъ труднѣе его получить. Если всѣ не могутъ быть удовлетворены, то удовлетворятся только тѣ, которые въ состояніи заплатить высшую цѣну. Остальные принуждены будутъ или вовсе отказаться отъ удовлетворенія потребности или довольствоваться меньшимъ количествомъ. Покупная сила, выражающаяся въ количествѣ денегъ или предметовъ, которое потребители готовы дать за извѣстный товаръ, обращаясь на меньшее количество произведеній, естественно возвышаетъ ихъ цѣнность, и наоборотъ, чѣмъ эта сила распредѣляется на большее количество предлагаемыхъ произведеній, тѣмъ ниже цѣнность послѣднихъ. Произведенія, находящіяся въ изобиліи, чтобы получить сбытъ, должны искать бо́льшаго круга покупателей, или удовлетворить одной и той

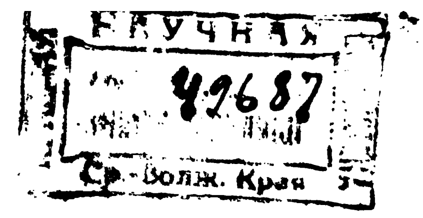
ра, или который употребляется на производство товара по старому способу, опять же пропадаетъ даромъ. Часъ работы ручнаго ткача, по введеніи паровой машины, представляетъ собою, примѣрно, только половину общественно-необходимаго рабочаго часа, а потому и цѣнится только въ половину (стр. 14, 86).

Ясно, что этимъ способомъ въ опредѣленіе цѣны вводится исключенное прежде начало, именно, потребность или спросъ. Мѣриломъ цѣнности является не дѣйствительная трата силы, измѣряемая временемъ, какъ увѣрялъ Марксъ, а потребная трата силы, то есть, работа, на сколько она оказывается нужною. Откинувши полезность работы, мы снова къ ней возвращаемся, но такимъ путемъ, который, кромѣ полнаго хаоса, ни къ чему не можетъ насъ привести. Въ самомъ дѣлѣ, почему мы можемъ знать, какое количество работы потребно для общества? Точное опредѣленіе тутъ совершенно немыслимо; мы можемъ только придти къ приблизительному расчету, принявши въ соображеніе существующее требованіе на товаръ, то есть, ту полезность, которую приписываютъ ему потребители, и ту цѣну, которую они готовы за него дать. Требованіе на работу существуетъ на столько, на сколько есть требованіе на товаръ. Если же мы, откинувъ требованіе на товаръ, какъ несущественное для опредѣленія цѣны, захотимъ опредѣлить требованіе работы, мы очевидно сдѣлаемъ непозволительный скачекъ и будемъ витать въ облакахъ. Отвлекаться отъ требованія и принимать за начало потребное, значитъ просто играть словами и издѣваться надъ читателемъ. Между тѣмъ, на этомъ основано все ученіе Маркса. Построенное на нелѣпости, оно не можетъ породить ничего, кромѣ нескончаемыхъ противорѣчій. Тѣ, которые приписываютъ ему малѣйшее научное значеніе, тѣмъ самымъ обнаруживаютъ только полную свою неспособность понимать то, что они читаютъ [1]).

Явная невозможность устранить требованіе и его удовлетвореніе изъ числа элементовъ, опредѣляющихъ цѣнность товаровъ, привела Шеффле къ попыткѣ сочетать оба начала. Онъ настаиваетъ на томъ, что по-

---

[1]) Любопытно, что Ланге, признавая книгу Маркса геніальною, находитъ однако, что его теорія цѣнности не выдерживаетъ критики (Arbeiterfrage (1879) стр. 248). Но именно на этой теоріи у него все построено. Подобная оцѣнка со стороны философа-экономиста служитъ характеристическимъ образчикомъ современной критики.

литико-экономическое опредѣленіе цѣнности работы и произведеній должно быть двоякое: оно должно принимать во вниманіе, съ одной стороны издержки, съ другой стороны полезность. Издержки, по его мнѣнію, могутъ быть сведены къ работѣ, ибо производительное потребленіе капитала разлагается на сумму прежде произведенныхъ работъ. Различныя же работы должны быть приведены къ единой общественной рабочей силѣ, посредствомъ сведенія квалифицированной работы къ простой и измѣренія всѣхъ работъ рабочимъ временемъ [1]). Все это однако, говоритъ Шеффле, составляетъ только исходную точку, которая впослѣдствіи должна видоизмѣниться оцѣнкою пользы (стр. 311, 312).

И такъ, мы получаемъ мѣрило, которое въ сущности не есть мѣрило, ибо оно само должно измѣниться совершенно инаго рода соображеніями. Вслѣдствіе этого, къ прежнимъ противорѣчіямъ прибавляются только новыя, и вся эта система, пытающаяся сдѣлать мѣриломъ цѣнностей единицу рабочаго времени, окончательно разрушается своею внутреннею несостоятельностью.

Послѣдуемъ за аргументаціею Шеффле.

Первый шагъ и тутъ составляетъ сведеніе «квалифицированной» работы къ простой. Шеффле относится къ этому вопросу не такъ поверхностно, какъ Марксъ. Хотя онъ увѣряетъ, что эта задача разрѣшима, и что Родбертусъ и Марксъ достаточно ее выяснили, однако онъ сознается, что разрѣшеніе вовсе не такъ легко, какъ кажется. Очевидно, что нельзя установить одну и туже единицу времени для работы истощающей, опасной, требующей дорогой подготовки, наконецъ прилежной, и для работы легкой, укрѣпляющей, образующей или даже лѣнивой. Для того чтобы достигнуть надлежащей оцѣнки, говоритъ Шеффле, нужно 1) основать ее на строго научномъ физіологическомъ изслѣдованіи потребленія мускуловъ и нервовъ; 2) опредѣлить для каждой отрасли особое количество работы, какъ эквивалентъ нормальнаго рабочаго дня; 3) обезпечить надлежащее употребленіе времени требованіемъ наименьшихъ предѣловъ исполненной работы; 4) принять въ соображеніе неблагопріятное дѣйствіе непроизводительныхъ вспомогательныхъ средствъ въ отдѣльныхъ производствахъ, а также вліяніе временъ года и т. п. Безъ всего этого, говоритъ Шеффле, «невозможно было бы достигнуть политико-экономическаго и справед-

---

[1]) Bau und Leben des soc. Körpers, III, стр. 274—276.

ливаго сведенія частицъ работы на доли дѣйствительнаго общественнаго совокупнаго рабочаго времени, слѣдовательно и справедливаго опредѣленія правъ на доли дохода» (стр. 316).

Шеффле не сомнѣвается, что когда нибудь удастся разрѣшить эту многосложную задачу и опредѣлить различныя работы, какъ эквиваленты различной траты личной субстанціи, ибо, замѣчаетъ онъ, если уже нынѣшнее индивидуалистическое производство достигаетъ, хотя и несовершеннымъ образомъ, извѣстной классификаціи цѣнности различныхъ работъ, то почему же болѣе раціональная, болѣе единая и основанная на болѣе научныхъ данныхъ оцѣнка осталась бы безъ результата? Нельзя однакоже отъ себя скрывать, прибавляетъ онъ, что этотъ вопросъ едва только представляетъ начало разрѣшенія и требуетъ еще значительной научной обработки (стр. 317).

Мы, съ своей стороны, полагаемъ напротивъ, что именно при такой постановкѣ вопроса онъ никогда не получитъ разрѣшенія. Существующее индивидуалистическое производство можетъ, въ этомъ отношеніи, достигнуть извѣстныхъ результатовъ, потому что оно выбираетъ для этого единственный путь, способный привести къ цѣли: оно цѣнность работы опредѣляетъ цѣнностью произведеній. Если же мы, вмѣсто того, захотимъ, на основаніи строго научныхъ данныхъ, свести цѣнность работы къ извѣстной тратѣ личной рабочей силы, или личной субстанціи, какъ выражается Шеффле, то мы вовлечемся только въ нескончаемыя противорѣчія. Желательно знать, на основаніи какихъ строго научныхъ данныхъ можно измѣрить количественную трату ума, смѣтливости, ловкости, умѣнія, таланта? Даже трата физической силы безконечно различна для различныхъ особей. Одна и таже работа требуетъ болѣе усилій отъ слабаго, нежели отъ сильнаго, отъ неумѣлаго, нежели отъ умѣлаго. Еще менѣе возможно вычислить и измѣрить все разнообразіе благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій. Установить твердое мѣрило, принявши за основаніе безконечно измѣняющуюся единицу—совершенно немыслимая задача. И если мы ко всему этому прибавимъ, что даже «непроизводительныя, по выраженію Шеффле, но служащія обществу профессіональныя работы», напримѣръ ученыхъ и художниковъ, должны, по этой теоріи, «быть точно также приведены къ единицамъ нормальнаго рабочаго времени» (стр. 318), то чудовищность всѣхъ этихъ предположеній раскрывается намъ вполнѣ. Ког-

да Шеффле хочетъ деньги замѣнить единицею рабочаго дня, онъ забываетъ, что фунтъ золота всегда и при всѣхъ условіяхъ есть фунтъ золота, вслѣдствіе чего онъ и можетъ быть мѣриломъ цѣны, тогда какъ рабочій день представляетъ собою совершенно различную трату силы и совершенно различное количество и качество работы; онъ разнится не только по отношенію къ различнымъ отраслямъ производства, но и по отношенію къ лицамъ и условіямъ, среди которыхъ происходитъ работа. Какъ же можетъ онъ быть мѣриломъ цѣнностей?

И такъ, съ перваго шага оказывается уже невозможность этимъ путемъ установить какое бы то ни было мѣрило. Но къ этой невозможности прибавляется новая, вслѣдствіе необходимости сообразить издержки съ приносимою ими пользою. Выгодность предпріятія состоитъ въ томъ, чтобы получить наибольшую пользу при наименьшихъ издержкахъ. Сужденіе объ этомъ отношеніи, говоритъ Шеффле, и есть экономическое опредѣленіе цѣнности. Всякій, кто не принимаетъ этого въ соображеніе, разоряется (стр. 278—280). Съ этой точки зрѣнія, при опредѣленіи единицы рабочаго времени, надобно имѣть въ виду наименьшія издержки. А между тѣмъ, для установленія общаго мѣрила необходимо, чтобы издержки опредѣлялись среднія. Но среднія не суть наименьшія, а наименьшія не суть среднія, и когда Шеффле разомъ требуетъ опредѣленія «средней наименьшей траты работы» (стр. 274, 315 и др.), то онъ доказываетъ только, что для него не существуетъ то, что на человѣческомъ языкѣ называется противорѣчіемъ. Изъ этихъ двухъ эпитетовъ каждый исключаетъ другой.

Съ экономической точки зрѣнія, разница между этими двумя способами опредѣленія издержекъ состоитъ въ томъ, что плата за работу на основаніи наименьшихъ возможныхъ издержекъ для достиженія извѣстной пользы будетъ выгодна для общества, а плата на основаніи среднихъ издержекъ будетъ, напротивъ, весьма невыгодна. Все производство, котораго стоимость превышаетъ среднюю цифру, будетъ въ убытокъ. Если, напримѣръ, два работника произвели 8 фунтовъ какого либо товара въ 4 часа, два другихъ въ 8 часовъ, а два въ 12, то въ среднемъ выводѣ 1 фунтъ будетъ равняться одному часу работы. Въ такомъ случаѣ, первые два за произведенные ими 8 фунтовъ получатъ 4, а послѣдніе за свои 8 получатъ 12. Ясно, что послѣдніе работали съ выгодою для себя,

но въ убытокъ обществу, первые наоборотъ. А потому общее стремленіе работниковъ будетъ состоять въ томъ, чтобы стать въ послѣдній разрядъ, то есть, производить какъ можно менѣе въ наибольшее количество времени. Частное производство, при такихъ условіяхъ, не могло бы существовать.

Затѣмъ спрашивается: какимъ образомъ опредѣлить эту среднюю цифру издержекъ? Самъ Шеффле видитъ въ этомъ величайшія трудности. «Высота ея, говоритъ онъ, зависитъ отъ внѣшнихъ и отъ общественныхъ случайностей, отъ состоянія техники, отъ большаго или меньшаго прилежанія, умѣнія и образованія народонаселенія, отъ различной доброты рядомъ другъ съ другомъ употребляемыхъ производительныхъ средствъ. И всѣ эти коэффиціенты общественно-необходимаго рабочаго времени суть измѣняющіяся, частью даже въ высшей степени измѣняющіяся величины!» (стр. 317). И тутъ Шеффле не отчаявается въ возможности рѣшить эту, по его выраженію, «въ высшей степени трудную и богатую отношеніями задачу. Для ея разрѣшенія, говоритъ онъ, потребуются необыкновенно остроумныя комбинаціи методъ и ухищреній.» Но «какъ мало, восклицаетъ онъ тутъ же, эта сторона проблемы продумана до конца даже первыми соціалъ-преобразовательными мыслителями!» Надобно прибавить, что и самъ Шеффле тутъ ровно ничего не додумалъ.

И при всемъ томъ, мы еще только въ началѣ задачи. Главная часть ея впереди; ибо предстоитъ не только опредѣлить среднія наименьшія издержки, но и соразмѣрить эту цифру съ потребностями. Издержки производства, какъ мы уже видѣли, составляютъ лишь точку отправленія для опредѣленія цѣнности товаровъ. На нихъ можно остановиться только тогда, когда произведенія, стоившія одинакихъ издержекъ, требуются въ равной степени. Если же одно требуется болѣе другаго, то меньшее количество перваго должно приравниваться, какъ мѣновой эквивалентъ, къ большему количеству послѣдняго, имѣющаго меньшую полезную цѣнность (стр. 311).

Такимъ образомъ, мы должны въ каждомъ случаѣ опредѣлить «величину и настоятельность общественной потребности, называемой нынѣ спросомъ» (стр. 312), и на этомъ основаніи увеличить или уменьшить опредѣленную издержками производства цѣну произведеній.

Спрашивается прежде всего: на что это нужно при соціалистическомъ производствѣ? Въ дѣйствительности, значительный и настоятельный спросъ, напримѣръ на предметы первой необходимости,

вовсе не увеличиваетъ цѣны произведеній, если предложеніе идетъ съ нимъ въ уровень. Только при недостаткѣ товара цѣны поднимаются, а при избыткѣ понижаются, и это колебаніе служитъ признакомъ размѣра требованія, съ которымъ соображается и производство. Въ соціалистическомъ же порядкѣ, какой предполагается теоріею Шеффле, государство распоряжается всѣмъ; слѣдовательно, отъ него зависитъ держать предложеніе въ уровень съ спросомъ, по крайней мѣрѣ относительно предметовъ произвольно умножаемыхъ, и если оно этого не дѣлаетъ, то вина лежитъ на немъ, а не на потребителяхъ, которыхъ заставляютъ платить высшую цѣну, потому только что государство не позаботилось объ удовлетвореніи ихъ нуждъ.

Затѣмъ является вопросъ: въ состояніи ли государство исполнить возлагаемую на него задачу? При частномъ производствѣ, цѣны служатъ указателемъ потребностей; здѣсь же, напротивъ, самыя цѣны должны устанавливаться сообразно съ изслѣдованною напередъ потребностью. Для этого надобно прежде всего, чтобы государство точно знало силу и величину всѣхъ частныхъ потребностей. Шеффле полагаетъ, что при правильной статистикѣ всѣхъ заявленій, эта часть задачи разрѣшается всего легче, при чемъ онъ замѣчаетъ только, что ее не надобно представлять себѣ уже слишкомъ легкою (стр. 319). Можно думать напротивъ, что при безконечномъ разнообразіи и измѣнчивости потребностей, опредѣлить ихъ заранѣе вовсе не легко. Конечно, задача упрощается тѣмъ, что доходы потребителей низводятся до уровня простой заработной платы, а потому требованія становятся несравненно однообразнѣе, нежели теперь (319). Еще болѣе она упрощается тѣмъ, что по теоріи Шеффле, государство само опредѣляетъ потребности, которымъ оно должно удовлетворять, сокращая излишнія и неразумныя, и водворяя тѣ, которыя оно признаетъ полезными для общества (стр. 320). Но, какъ замѣчаетъ далѣе самъ Шеффле, «противъ этого воспрянетъ сокровеннѣйшая природа человѣка; неискоренимая сила личнаго влеченія къ свободѣ, то есть нравственная природа человѣка, должна быть убита, прежде нежели большинство допуститъ, чтобы разъ на всегда было опредѣлено, что̀, гдѣ, какъ и когда дозволено ѣсть, себя вести, останавливаться, путешествовать, разговаривать, научаться. Навѣрное, говоритъ Шеффле, терроризмъ, который захотѣлъ бы личную свободу потребностей оттѣснить назадъ

за предѣлы нынѣшней свободы средняго состоянія, не могъ бы продержаться болѣе четверти года» (стр. 344).

Положимъ однако, что государству удалось бы узнать или опредѣлить заранѣе всѣ потребности; что же изъ этого выйдетъ? Заявленія будутъ безконечно разнообразны, но только относительно количества и качества, но и относительно цѣнъ. Одни будутъ требовать извѣстнаго количества произведеній по одной цѣнѣ, другіе по другой, при чемъ всѣ, безъ сомнѣнія, будутъ предлагать цѣну возможно низкую. Какъ же поступить тутъ правительство? Если оно установитъ среднюю цѣну, то предлагавшіе болѣе низкую цѣну не станутъ покупать, или купятъ произведеніе въ меньшемъ количествѣ. Если оно, имѣя въ виду удовлетвореніе всѣхъ потребностей, понизитъ цѣну противъ издержекъ производства, то оно останется въ убыткѣ; если же, наконецъ, оно повыситъ цѣну, то вмѣсто удовлетворенія потребности, оно сократитъ послѣднюю и тогда произведенное количество останется безъ сбыта, то есть, опять же будетъ убытокъ.

Во всякомъ случаѣ, при такомъ порядкѣ, потребность не можетъ быть правильнымъ регуляторомъ цѣнъ, ибо тутъ нѣтъ взаимнодѣйствія двухъ независимыхъ другъ отъ друга элементовъ, которые, среди колебаній, постепенно уравновѣшиваются. И потребности и цѣны, все находится въ рукахъ государства, которое по произволу можетъ, понижая цѣны даже ниже издержекъ производства, возбуждать потребность, и наоборотъ, возвышая цѣны, сокращать потребность (стр. 344—5). Шеффле ссылается на то, что это дѣлается и въ настоящее время. Но когда частные производители повышаютъ и понижаютъ цѣны, они дѣлаютъ это въ виду барыша, и если они плохо разочли свой барышъ, то они разоряются. Государство же въ подобныхъ операціяхъ, безъ сомнѣнія, будетъ весьма часто терпѣть убытокъ, но оно отъ этого не разорится, а разложитъ свой убытокъ на рабочихъ. Въ такомъ случаѣ, по теоріи Шеффле, цѣнность рабочаго дня сокращается; изъ него дѣлается вычетъ, соотвѣтствующій понесенному обществомъ убытку (стр. 342, 346). Точно также уменьшается цѣнность рабочаго дня въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ сокращается требованіе на работу, и наоборотъ, возвышается цѣнность тамъ, гдѣ увеличивается требованіе. Черезъ это рабочіе понуждаются переходить изъ одной отрасли въ другую (стр. 346). То есть, то, что выдается за неизмѣнное мѣрило цѣнностей, будетъ постоянно коле-

баться, не только вслѣдствіе вѣчно измѣняющихся потребностей, но и вслѣдствіе большей или меньшей выгодности всѣхъ производимыхъ государствомъ экономическихъ операцій. Вмѣсто цѣлаго рабочаго дня, рабочій получаетъ квитанцію на полъ-дня, потому что государство въ прошедшемъ году ошиблось въ расчетахъ по какимъ то другимъ отраслямъ производства. Ясно, что рабочій день превращается въ чисто фиктивную единицу. Вмѣсто того чтобы измѣрять что бы то ни было, онъ самъ постоянно измѣняется вслѣдствіе вліянія совершенно постороннихъ обстоятельствъ. А вмѣстѣ съ этою единицею измѣняется и цѣнность товаровъ, на сколько она опредѣляется издержками производства. При вычетѣ прежнихъ убытковъ изъ рабочаго дня, можно даже недоумѣвать, какимъ образомъ слѣдуетъ на основаніи произведенныхъ издержекъ опредѣлять цѣну новыхъ произведеній: должно ли принимать въ расчетъ полный рабочій день или сокращенный, за который работникъ получилъ плату? Если мы примемъ послѣднее, то прежніе убытки не будутъ возмѣщены цѣнностью новыхъ произведеній; если первое, то въ опредѣленіе новой цѣнности войдутъ не только настоящія издержки производства, но и убытки по всѣмъ прежнимъ операціямъ, не имѣющимъ даже ничего общаго съ даннымъ производствомъ. Тутъ является новый элементъ, совершенно уже неопредѣленный, для котораго невозможно подыскать никакого мѣрила.

Въ сущности, при такомъ порядкѣ, не требуется даже никакого мѣрила и никакихъ законовъ, ибо тутъ господствуетъ чистый произволъ. Правительство можетъ установлять таксы по своему усмотрѣнію, по той простой причинѣ, что тутъ уничтожается всякая мѣна. Государство является единственнымъ производителемъ, и изъ его магазиновъ рабочіе, по предъявленіи квитанцій, берутъ все, что имъ нужно, по цѣнѣ, установленной правительствомъ. Такъ какъ конкурренціи нѣтъ, то они волею или неволею принуждены сообразоваться съ этою цѣною. Все, что имъ дозволяется, это—сокращать свое потребленіе. Если же нѣтъ мѣны, то нѣтъ и мѣновой цѣнности, а потому трактовать о ней совершенно безполезно. Соціалисты заимствовали это понятіе у экономистовъ, которые извлекли его изъ наблюденія жизненныхъ явленій. Но къ соціалистическому порядку, не имѣющему ничего общаго съ явленіями жизни, а представляющему только воображаемое устройство, это понятіе непримѣнимо, и когда соціалисты, пародируя научные пріемы, стараются

ся дать ему точное опредѣленіе, оно въ ихъ рукахъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается пустымъ миражемъ. Когда же они на этомъ миражѣ строятъ все свое экономическое зданіе, какъ дѣлаютъ Прудонъ и Марксъ, то очевидно, что это зданіе является не болѣе какъ воздушнымъ замкомъ. Система, основанная на призракѣ, сама ничто иное какъ призракъ.

ГЛАВА VIII.

КОНКУРРЕНЦІЯ.

Правильная мѣна возможна только подъ условіемъ свободы. Всякая мѣна предполагаетъ двѣ независимыя другъ отъ друга стороны, изъ которыхъ каждая ищетъ пріобрѣсти отъ другой то, что ей нужно, за возможно меньшую плату; а такъ какъ свободный человѣкъ самъ судья своихъ нуждъ и того, что онъ готовъ дать за пріобрѣтаемое, то очевидно, что нормальное рѣшеніе вопроса заключается въ обоюдномъ соглашеніи. Договоръ составляетъ естественную форму мѣны, и эта форма господствуетъ на практикѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ торговля. Въ этой области, основное начало юридическаго и экономическаго порядка находитъ вполнѣ законное свое приложеніе.

Только подъ условіемъ свободы возможно и правильное дѣйствіе экономическихъ законовъ, управляющихъ мѣною. Между предложеніемъ и требованіемъ тогда только установляется естественное равновѣсіе, когда оба дѣятеля не стѣсняются ничѣмъ. Всякое стѣсненіе предложенія ведетъ къ его уменьшенію, а вслѣдствіе того къ ненормальному возвышенію цѣны предмета, что, въ свою очередь, производитъ уменьшеніе требованія. Наоборотъ, стѣсненіе требованія ведетъ къ упадку цѣнъ, и вслѣдствіе того къ уменьшенію производства. Наконецъ, произвольное установленіе цѣны влечетъ за собою либо уменьшеніе требованія, если цѣна положена слишкомъ высокая, либо уменьшеніе производства, если цѣна положена слишкомъ низкая. Въ первомъ случаѣ оказывается недостатокъ сбыта

для произведеній, во второмъ случаѣ въ результатѣ является недостатокъ въ удовлетвореніи потребностей. Законы мѣны продолжаютъ дѣйствовать и при стѣсненіяхъ, ибо отъ естественныхъ законовъ уйти нельзя, но они дѣйствуютъ неправильно, вслѣдствіе чего потребности не удовлетворяются надлежащимъ образомъ.

Напротивъ, при свободныхъ отношеніяхъ, взаимнодѣйствіе обоихъ факторовъ мало по малу приводитъ ихъ къ естественному равновѣсію, при чемъ главнымъ регуляторомъ является требованіе. Съ усиленіемъ его возвышаются цѣны, возвышеніе же цѣнъ, будучи источникомъ прибыли, привлекаетъ новыя промышленныя силы: производство, вслѣдствіе этого, увеличивается, а при увеличенномъ предложеніи, цѣны снова падаютъ, до тѣхъ поръ пока возстановится нарушенное равновѣсіе. Наоборотъ, съ уменьшеніемъ требованія цѣны падаютъ, вслѣдствіе чего производство сокращается, а съ уменьшеніемъ предложенія цѣны опять ростутъ. Такимъ образомъ, при нормальныхъ условіяхъ, тамъ гдѣ нѣтъ никакихъ постороннихъ препятствующихъ причинъ, экономическая свобода въ себѣ самой заключаетъ начало, опредѣляющее правильное отношеніе предложенія къ требованію, изъ котораго вытекаетъ нормальная, при данныхъ условіяхъ, цѣна произведеній.

Это вытекающее изъ свободы начало, которое ведетъ къ естественному равновѣсію между предложеніемъ и требованіемъ, или къ возможно полному удовлетворенію требованія по возможно низкой цѣнѣ, есть конкурренція или промышленное состязаніе. При свободныхъ отношеніяхъ, каждый, въ силу личнаго интереса, старается получить за свой товаръ возможно высшую цѣну. Но это стремленіе находитъ себѣ противодѣйствіе въ личномъ интересѣ другихъ. Подъ вліяніемъ конкурренціи, каждый продавецъ, желающій сбыть свой товаръ, цѣнитъ его не дороже, а дешевле своихъ соперниковъ. Иначе онъ не привлечетъ, а отобьетъ покупателей. Единственною границею являются здѣсь издержки производства, ниже которыхъ нельзя продать товаръ, не потерпѣвши убытка, и къ этой границѣ соперничество неудержимо приводитъ цѣны всѣхъ товаровъ, которые могутъ быть произведены въ произвольномъ количествѣ.

Эти благодѣтельныя послѣдствія промышленнаго состязанія издавна были замѣчены экономистами, которые сдѣлали изъ него краеугольный камень своей системы. Бастіа въ особенности прославлялъ конкурренцію, какъ верховное начало, производящее всеобщую

гармонію интересовъ. И точно, выгоды ея, какъ относительно производства, такъ и относительно распредѣленія и потребленія богатства, неисчислимы.

Прежде всего, ничто такъ не содѣйствуетъ возбужденію промышленныхъ силъ. Если вообще личный интересъ побуждаетъ человѣка производить больше и лучше, въ виду полученія большей выгоды, то этотъ стимулъ дѣйствуетъ несравненно сильнѣе, когда есть опасность быть превзойденнымъ на данномъ поприщѣ и вслѣдствіе того лишиться ожидаемой прибыли. Наоборотъ, нѣтъ ничего, что бы такъ способствовало умаленію энергіи въ производителяхъ, какъ монополія. Она даетъ человѣку увѣренность въ полученіи прибыли безъ особеннаго труда; монополистъ просто пользуется выгодою своего положенія. Только съ появленіемъ соперниковъ, это преимущество исчезаетъ; тутъ оказывается необходимость напрягать всѣ свои силы, чтобы идти съ ними въ уровень и даже, по возможности, ихъ превзойти. Свободному состязанію человѣчество обязано всѣми чудесами, которыми одарила его промышленность новаго времени. Оно побуждаетъ каждаго предпринимателя работать неутомимо и изыскивать всѣ средства, чтобы производить какъ можно больше и лучше. Какое отсюда проистекло развитіе промышленнаго производства и торговыхъ оборотовъ, объ этомъ излишне распространяться; все это слишкомъ извѣстно.

Но не одно производство, а также и распредѣленіе богатства получаетъ отъ конкурренціи громадную пользу. Въ самомъ дѣлѣ, что заставляетъ продавцевъ, при усилившимся требованіи, понижать цѣну произведеній? Еслибы не было конкурренціи, то производители находились бы въ положеніи монополистовъ, получающихъ огромные барыши вслѣдствіе независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ. Но именно эти барыши привлекаютъ новыя силы, а конкурренція ведетъ къ пониженію цѣнъ. Такимъ образомъ, выгоды немногихъ распредѣляются между всѣми производителями. Тоже самое имѣетъ мѣсто при всякомъ новомъ изобрѣтеніи или улучшеніи, которое дозволяетъ съ меньшими издержками производить больше и лучше. Первые, прилагающіе къ дѣлу новые способы, получаютъ громадныя прибыли; но конкурренція заставляетъ ихъ понижать цѣны соотвѣтственно уменьшеннымъ издержкамъ и такимъ образомъ дѣлиться своими выгодами съ другими.

Всего болѣе выигрываютъ отъ этого потребители. Проистекающее

отъ конкурренціи уменьшеніе цѣнъ составляетъ чистый ихъ барышъ. Они получаютъ возможность покупать товаръ у тѣхъ, которые доставляютъ его по болѣе низкой цѣнѣ или лучшаго качества. Вслѣдствіе конкурренціи, продавецъ принужденъ довольствоваться платою за издержки производства, а всѣ тѣ выгоды, которыя проистекаютъ отъ обращенія силъ природы на пользу человѣка, достаются потребителямъ даромъ. Бастіа чрезвычайно наглядно изобразилъ это изумительное послѣдствіе промышленнаго состязанія. Значеніе всякаго изобрѣтенія, говоритъ онъ, состоитъ въ замѣнѣ человѣческаго труда дѣйствіемъ силъ природы. Но первый нововводитель, который пользуется этими силами, получаетъ за нихъ монопольную плату, ибо онъ производитъ съ меньшими издержками, а беретъ за свои произведенія туже цѣну, что и другіе. Когда же новый способъ входитъ въ общее употребленіе, то конкурренція заставляетъ всѣхъ понижать цѣны до предѣловъ издержекъ производства, и тогда излишняя работа естественныхъ силъ достается потребителю даромъ. Такимъ образомъ, не смотря на то что орудія производства находятся въ частныхъ рукахъ, конкурренція дѣлаетъ силы природы общимъ достояніемъ человѣчества [1]).

Эти великіе и благотворные результаты конкурренціи не получаются однако безъ жертвъ. Цѣль достигается не иначе, какъ путемъ борьбы, а во всякой борьбѣ слабѣйшіе остаются въ накладѣ. Выгодная для сильныхъ, конкурренція разорительна для тѣхъ, которые не въ состояніи идти вслѣдъ за другими. Поэтому защитники равенства всѣми силами ополчаются противъ этого начала. Соціалисты направляютъ на него всѣ свои громы. О благодѣтельныхъ результахъ промышленнаго состязанія упоминается вскользь, а бѣдствія, проистекающія отъ борьбы интересовъ, выставляются въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Въ особенности на этомъ поприщѣ отличался Луи Бланъ. Онъ преслѣдовалъ конкурренцію, какъ злѣйшаго врага не только работниковъ, но и капиталистовъ. По его мнѣнію, она является для народа системою истребленія, для мѣщанства вѣчно дѣйствующею причиною бѣдности и разоренія. Подъ вліяніемъ безграничнаго соперничества, постоянное пониженіе заработной платы становится общимъ и необходимымъ фактомъ. Работникъ лишается средствъ жизни, семейство разрушается, дѣти гибнутъ отъ прежде-

[1]) *Harmonies économiques*, X.

временной и непосильной работы. А съ другой стороны, разоряется и масса предпринимателей. «Дешевизна, говоритъ Луи Бланъ, вотъ великое слово, въ которомъ сосредоточиваются, по мнѣнію экономистовъ школы Смитовъ и Сеевъ, всѣ благодѣянія безграничнаго состязанія. Но зачѣмъ упорно смотрѣть на результаты дешевизны только относительно минутной выгоды, которую получаетъ отъ нея потребитель? Дешевизна приноситъ пользу потребляющимъ, только бросая въ среду производящихъ сѣмена самой разорительной анархіи. Дешевизна, это—молотъ, которымъ богатые производители раздавливаютъ бѣднѣйшихъ. Дешевизна, это—ловушка, въ которую смѣлые спекулянты заставляютъ падать трудолюбивыхъ людей. Дешевизна, это—смертный приговоръ фабриканта, который не въ состояніи пріобрѣсти дорогую машину, доступную болѣе богатымъ его соперникамъ. Дешевизна, это—исполнитель казней, совершаемыхъ монополіею, это—насосъ высасывающій среднюю промышленность, среднюю торговлю, среднюю собственность, однимъ словомъ, это—уничтоженіе мѣщанства въ пользу нѣсколькихъ промышленныхъ олигарховъ». Луи Бланъ не хотѣлъ однако совершенно уничтожить дешевизну; но онъ утверждалъ, что свойство дурныхъ началъ состоитъ въ томъ, что они добро превращаютъ въ зло. «Въ системѣ конкурренціи, говоритъ онъ, дешевизна есть только временное и лицемѣрное благодѣяніе. Она держится, пока есть борьба; какъ же скоро богатый выбилъ съ поля всѣхъ своихъ соперниковъ, цѣны опять поднимаются. Конкурренція ведетъ къ монополіи; по той же причинѣ, дешевизна ведетъ къ чрезмѣрнымъ цѣнамъ. Такимъ образомъ, то, что между производителями было оружіемъ войны, то рано или поздно становится причиною бѣдности для самихъ потребителей» [1].

Едва ли нужно доказывать, что вся эта риторическая аргументація страдаетъ крайнимъ преувеличеніемъ. Въ дѣйствительности, мы не видимъ ни постояннаго пониженія заработной платы подъ вліяніемъ конкурренціи, ни разоренія массы предпринимателей, ни безмѣрнаго возвышенія цѣнъ, ни монополій, какъ результатовъ промышленной борьбы. Все это не болѣе какъ декламація, съ помощью которой соціалисты, по своему обыкновенію, отдѣльные случаи возводятъ въ общее правило. Нѣтъ сомнѣнія, что фабрикантъ, который остается при первобытныхъ орудіяхъ, когда другіе работаютъ усовершенство-

[1] Organisation du travail, ch. 3.

ванными машинами, не въ состояніи выдержать соперничество и долженъ наконецъ прекратить производство. Но таковъ удѣлъ всѣхъ отстающихъ отъ общаго движенія. Виновато въ этомъ не соперничество, а совершенствованіе человѣчества. Можно помочь разорившемуся фабриканту, но нельзя сдѣлать, чтобы онъ получалъ доходъ съ производства, которое перестало быть выгоднымъ. Окончательно, польза отъ этой перемѣны достается потребителю, и эта выгода не временная и не лицемѣрная, какъ утверждаетъ Луи Бланъ, а прочная и дѣйствительная. Всякое уменьшеніе издержекъ производства подъ вліяніемъ конкурренціи становится вѣчнымъ достояніемъ человѣчества. Конкурренція является орудіемъ прогресса. Она ускоряетъ общее движеніе, побуждаетъ способнѣйшихъ идти впередъ и заставляетъ остальныхъ напрягать всѣ свои силы, чтобы слѣдовать за ними. Отсюда ясно, что уничтоженіе конкурренціи было бы уничтоженіемъ сильнѣйшаго побужденія къ совершенствованію. Это значило бы задержать передовыхъ, съ тѣмъ чтобы они шли въ уровень съ отсталыми. Такая система ничто иное, какъ отрицаніе развитія.

Явная нелѣпость подобнаго воззрѣнія привела новѣйшихъ соціалистовъ каѳедры къ болѣе осторожной критикѣ. Не отрицая важныхъ и благодѣтельныхъ послѣдствій конкурренціи, они утверждаютъ однако, что экономисты не довольно обращаютъ вниманія на темныя ея стороны; они полагаютъ, что эту форму состязанія, которую они считаютъ только временнымъ произведеніемъ нынѣшняго промышленнаго быта, можно замѣнить другими, не имѣющими ея недостатковъ. Образцомъ такой критики можетъ служить Адольфъ Вагнеръ, который въ нѣсколькихъ наглядныхъ положеніяхъ сгруппировалъ все, что можно сказать противъ конкурренціи [1]).

Выгодную сторону промышленнаго состязанія Вагнеръ видитъ главнымъ образомъ въ производствѣ. Усовершенствованіе техники, уменьшеніе, вслѣдствіе того, издержекъ производства, и притомъ въ интересѣ цѣлаго, ибо тутъ получается даровое содѣйствіе силъ природы, приложеніе къ дѣлу возможно высшей степени мысли и дѣятельности, приманка чрезвычайнаго барыша, проистекающаго отъ уменьшенія издержекъ или отъ увеличенія сбыта, таковы послѣдствія, которыя можетъ имѣть свободное соперничество. При этомъ однако, замѣчаетъ Вагнеръ, не надобно забывать, во первыхъ, что эти выгоды, вслѣд-

1) Lehrbuch der Pol. Oek. Grundleg. §§ 127—138.

ствіе проистекающаго отъ конкурренціи неправильнаго распредѣленія богатства, не всегда идутъ въ пользу массы, и во вторыхъ, что въ дѣйствительности не всегда оказываются эти послѣдствія, ибо, вмѣсто конкурренціи, между производителями можетъ произойти сдѣлка, и тогда установится фактическая монополія.

Но если въ этихъ предѣлахъ признаются выгоды конкурренціи, то отсюда не слѣдуетъ, говоритъ Вагнеръ, что эта система составляетъ, какъ утверждаютъ ея защитники, единственное естественное состояніе народнаго хозяйства. Подобный выводъ ничто иное какъ софизмъ самаго худшаго свойства, и всѣ послѣдствія, которыя изъ него выводятся, точно также ложны, какъ онъ самъ.

Софизмъ въ доводахъ защитниковъ конкурренціи Вагнеръ видитъ въ томъ, что у нихъ происходитъ смѣшеніе понятій на счетъ самаго существа промышленнаго интереса, составляющаго движущую пружину состязанія. Интересъ признается естественною силою, дѣйствующею, подобно тяжести, по непреложнымъ законамъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это не болѣе какъ человѣческое влеченіе, которое служитъ побужденіемъ для воли, но можетъ быть руководимо разумомъ и не снимаетъ съ человѣка нравственной отвѣтственности за его дѣйствія. Кромѣ того, фактически достовѣрно, что эта система явилась плодомъ новѣйшей исторіи, и не видать, почему бы мы должны были признать ее окончательнымъ результатомъ историческаго развитія. Напротивъ, можно думать, что она, какъ и всякое историческое явленіе, зависимое отъ категорій пространства и времени, составляетъ нѣчто преходящее, приспособленное только къ извѣстному состоянію общества. Однимъ словомъ, нынѣшняя система свободной конкурренціи, по мнѣнію Вагнера, есть историческая, а никакъ не логическая или естественная категорія. Въ особенности, признаніе нынѣшнихъ юридическихъ основаній этой системы, именно, началъ личной свободы и частной собственности, какъ естественныхъ, логически необходимыхъ и даже единственно необходимыхъ границъ конкурренціи, по его увѣренію, ничто иное какъ совершенно произвольный логическій кругъ.

Если же самое начало ложно, продолжаетъ Вагнеръ, то столь же невѣрны и всѣ выводимыя изъ него послѣдствія, а именно: что основанный на свободной конкурренціи промышленный бытъ, будучи произведеніемъ естественной необходимости, удовлетворителенъ, неиз-

мѣненъ и оправдывается въ себѣ самомъ; что конкурренція, доставляя побѣду способнѣйшимъ, тѣмъ самымъ производитъ справедливое, то есть, согласное съ достоинствомъ каждаго лица распредѣленіе народнаго богатства; что свобода и стремленіе къ собственной пользѣ, которую каждый понимаетъ лучше всѣхъ другихъ, составляютъ необходимое требованіе народнаго хозяйства; что поэтому единственная здравая хозяйственная политика состоитъ въ предоставленіи промышленности самой себѣ, всякое же вмѣшательство государства не только вредно, но несправедливо и противоестественно; что задача государства въ области народнаго хозяйства заключается единственно въ защитѣ отъ насилія, порядокъ же въ промышленномъ мірѣ долженъ установляться самою свободною конкурренціею, которая въ результатѣ своемъ приводитъ къ полной гармоніи хозяйственныхъ интересовъ, вслѣдствіе чего въ ней одной слѣдуетъ искать лѣкарства отъ всѣхъ золъ.

Этотъ оптимистическій взглядъ на систему свободной конкурренціи основанъ, по мнѣнію Вагнера, на ложныхъ и недоказанныхъ аксіомахъ и положеніяхъ. Кромѣ того, онъ выведенъ чисто умозрительнымъ путемъ, безъ всякаго вниманія къ дѣйствительности, и совершенно упуская изъ виду невыгодныя послѣдствія конкурренціи, между тѣмъ какъ приложимость его къ явленіямъ промышленнаго міра должна быть доказана опытомъ, путемъ наведенія, при чемъ неизбѣжно должны будутъ оказаться и тѣ вредныя послѣдствія системы, которыя здѣсь остаются въ тѣни.

Самъ Вагнеръ противополагаетъ этому воззрѣнію слѣдующія положенія: 1) что личный интересъ не одинъ опредѣляетъ дѣйствія человѣка въ промышленной области, но что рядомъ съ нимъ являются и другія, нравственныя побужденія, частью хорошія, частью дурныя; 2) что система свободной конкурренціи сама производитъ въ промышленномъ оборотѣ многія неправильности, бѣдствія и дисгармоніи, которыя вытекаютъ изъ самой ея природы; 3) что система частнаго хозяйства вообще, и еще болѣе при свободной конкурренціи, не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ, а именно, она или вовсе не удовлетворяетъ или недостаточно удовлетворяетъ потребностямъ общественнымъ.

Что касается въ особенности до вредныхъ послѣдствій свободной конкурренціи, то они, по мнѣнію Вагнера, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) побѣда способнѣйшихъ, при всѣхъ своихъ выгодахъ, заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, опасность фактической мо-

нополіи, а съ другой стороны, нерѣдко покупается цѣною значительнаго вреда для массы населенія. Въ оправданіе ея нельзя ссылаться на необходимость, проистекающую изъ естественнаго неравенства силъ, ибо въ человѣкѣ естественное неравенство силъ можетъ быть въ значительной степени сглажено воспитаніемъ. Кромѣ того, въ человѣческихъ обществахъ, къ естественному неравенству присоединяется чисто искусственное, происходящее отъ неравенства умственнаго развитія и имущественнаго положенія. При такихъ условіяхъ, задача государства состоитъ именно въ томъ, чтобы защитить слабыхъ противъ сильныхъ, а не предавать первыхъ безъ разбора на жертву конкурренціи, въ которой они должны погибнуть. 2) При системѣ конкурренціи, побѣждаютъ не только способнѣйшіе, но часто и безсовѣстнѣйшіе, которые пользуются всѣми средствами, чтобы нажиться, а это ведетъ къ общему паденію нравственности, ибо не только дурные дѣлаются еще хуже, но и совѣстливые, чтобы держаться на общемъ уровнѣ, принуждены за ними слѣдовать и имъ подражать. 3) Въ системѣ свободной конкурренціи, крупное производство побѣждаетъ мелкое, чтó особенно ярко проявляется въ обработывающей промышленности. Вслѣдствіе этого уменьшается число самостоятельныхъ хозяевъ, и общество раздѣляется на противоположные классы крупныхъ предпринимателей и наемныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, неравенство идетъ возрастая, и установляются вредныя для общества отношенія подчиненія и господства. Въ общемъ итогѣ, заключаетъ Вагнеръ, и принимая особенно во вниманіе, что слабѣйшіе элементы составляютъ огромное большинство народа, нельзя не придти къ заключенію, что свободная конкурренція не должна обсуждаться исключительно со стороны ея выгодъ для производства, и что во всякомъ случаѣ на нее нельзя смотрѣть, какъ на окончательное завершеніе промышленнаго развитія. Она требуетъ и поправки и восполненія.

Такова критика Вагнера. Тутъ прежде всего представляется вопросъ: слѣдуетъ ли признать свободную конкурренцію естественнымъ состояніемъ народнаго хозяйства, или она является только искусственнымъ произведеніемъ извѣстнаго промышленнаго быта? Этотъ вопросъ сводится къ слѣдующему: вытекаетъ ли свобода изъ самаго естества человѣка, или она составляетъ случайный и мимолетный плодъ извѣстной исторической эпохи? Конкурренція ничто иное какъ явленіе свободы на промышленномъ поприщѣ; слѣдовательно, если

мы свободу считаемъ принадлежностью самой природы человѣка, то мы конкурренцію должны считать естественнымъ состояніемъ человѣческихъ обществъ; если же мы въ конкурренціи будемъ видѣть только временное историческое явленіе, то мы и свободу должны будемъ признать не болѣе какъ историческою категоріею. Возраженіе Вагнера, что конкурренція фактически является плодомъ новѣйшаго развитія, совершенно одинаково прилагается къ свободѣ. Одно начало держится и падаетъ вмѣстѣ съ другимъ. Поэтому, если мы въ свободѣ, а не въ рабствѣ видимъ завершеніе человѣческаго развитія, то тоже самое мы должны сказать и о конкурренціи.

Самъ Вагнеръ говоритъ, что «признаніе личной свободы всѣхъ людей въ государствѣ одно соотвѣтствуетъ нравственному существу человѣка и составляетъ для общежитія первостепенное требованіе гуманности и культуры» (§ 216). Но онъ утверждаетъ, что это не болѣе какъ формальное начало, котораго содержаніе и объемъ должны опредѣляться историческимъ развитіемъ. Характеристическая же черта новѣйшей системы конкурренціи состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что здѣсь свобода является безграничною, чего въ общественномъ интересѣ допустить нельзя (§ 217).

Но развѣ въ самомъ дѣлѣ система конкурренціи есть господство безграничной свободы? Развѣ тутъ, напротивъ, свобода одного не ограничивается совершенно одинакою свободою другихъ? Производитель весьма охотно взялъ бы за свои произведенія высшую цѣну, но такъ какъ онъ не можетъ помѣшать другому продавать свой товаръ дешевле, то онъ самъ принужденъ сообразоваться съ положеніемъ рынка. Единственная свобода, которая предоставляется здѣсь человѣку, есть право производить лучше и дешевле другихъ, и эта свобода въ одинакой степени принадлежитъ всѣмъ. Производитель, вступающій въ состязаніе съ другими, никого не насилуетъ, никого не прогоняетъ съ рынка, никого не заставляетъ покупать свой товаръ: онъ только предлагаетъ свои произведенія, и отъ покупателя зависитъ купить ихъ у него или у другаго. Говорить при такихъ условіяхъ о безграничной и анархической свободѣ значитъ замѣнять мысль фразою.

Въ этой системѣ не отрицаются и нравственныя побужденія. Видѣть въ конкурренціи естественное состояніе человѣческихъ обществъ вовсе не значитъ признавать, что она дѣйствуетъ какъ физическая сила, помимо человѣческой воли, и безъ всякой отвѣт-

ственности человѣка за свои дѣйствія. Свобода составляетъ принадлежность не физической силы, а именно воли; это—не физическое, а нравственное начало, и гдѣ есть свобода, тамъ есть и отвѣтственность. Поэтому, когда Вагнеръ системѣ конкурренціи противополагаетъ существованіе въ человѣкѣ нравственныхъ побужденій, то это возраженіе бьетъ совершенно мимо. Производить лучше и дешевле другихъ, вовсе не есть безнравственный поступокъ. Если же на этомъ поприщѣ допускаются безнравственныя побужденія, то это происходитъ не отъ того что этого требуетъ конкурренція, а отъ того что человѣкъ, какъ свободное существо, самъ является судьею своихъ побужденій, и всякое вмѣшательство государства въ эту область составляетъ ничѣмъ не оправданное насиліе совѣсти. Возраженіе Вагнера тогда только имѣло бы силу, еслибы мы, по его примѣру, допустили возможность принудительной нравственности. Въ этомъ случаѣ дѣйствительно уничтожилась бы конкурренція, но единственно вслѣдствіе того, что этимъ самымъ уничтожилась бы свобода.

Наконецъ, система конкурренціи не исключаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ и вмѣшательства государства. Благодѣтельныя послѣдствія этой системы оказываются только тамъ, гдѣ конкурренція фактически возможна; если же, вслѣдствіе исключительныхъ условій, конкурренція исчезаетъ, и вмѣсто ея на дѣлѣ водворяется монополія, то исчезаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и благодѣтельныя ея послѣдствія. Тогда вмѣшательство власти можетъ сдѣлаться необходимостью. Но виновата въ этомъ не конкурренція, а напротивъ, отсутствіе конкурренціи. Какъ характеристическій примѣръ полнаго устраненія конкурренціи посредствомъ сдѣлокъ, сліяній и фактическихъ монополій, Вагнеръ, вслѣдъ за другими, приводитъ исторію частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Сѣверной Америкѣ, Великобританіи и Франціи (§ 128, прим. 8). Но именно къ желѣзнымъ дорогамъ система конкурренціи, по самымъ условіямъ дѣла, неприложима. По одному и тому же направленію нормальнымъ образомъ можетъ быть проложена только одна желѣзная дорога. Если будутъ построены двѣ, то это будетъ совершенно безполезная трата капитала, которая должна быть возмѣщена доходами съ публики. Во всякомъ случаѣ, двѣ дороги легко могутъ слиться или вступить въ сдѣлку, а для третьей нѣтъ уже мѣста. Желѣзныя дороги, по существу своему, не допускаютъ безграничнаго производства; это—общественное предпріятіе, которое неизбѣжно должно составлять монополію. Послѣдняя уста-

новляется вовсе не вслѣдствіе конкурренціи, а силою вещей. Поэтому, вмѣшательство государства здѣсь совершенно необходимо.

Точно также умѣстно оно и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ удовлетвореніи потребностей общества, какъ цѣлаго, ибо удовлетвореніе этихъ потребностей лежитъ именно на обязанности государства. Если на дѣлѣ оказывается, что система конкурренціи достаточна для достиженія этой цѣли, то государство можетъ ею пользоваться, и это дѣлается въ огромномъ большинствѣ случаевъ; но оно всегда въ правѣ изыскивать другіе пути. И это не составляетъ нарушенія конкурренціи, точно также какъ не нарушаетъ конкурренціи право всякаго потребителя удовлетворять своимъ нуждамъ по собственному усмотрѣнію, покупать произведенія на рынкѣ, заказывать ихъ извѣстному мастеру или дѣлать ихъ у себя дома. Конкурренція есть право предлагать другимъ свои произведенія, а отнюдь не право заставлять другихъ пріобрѣтать произведенія тѣмъ, а не другимъ путемъ. Поэтому, когда Вагнеръ системѣ конкурренціи противополагаетъ недостаточность ея для удовлетворенія общественныхъ потребностей, то это опять возраженіе, которое теоретически бьетъ мимо; практически же, оно противорѣчитъ всему тому, что намъ извѣстно изъ опыта. Въ этомъ отношеніи, можно сослаться на самого Вагнера. «На сколько вещественныя блага нужны, какъ прямое средство для государственныхъ цѣлей, говоритъ онъ, на столько въ развитомъ народномъ хозяйствѣ, какъ общее правило, лучше, чтобы государство покупало ихъ въ свободномъ оборотѣ или пріобрѣтало ихъ по заказу отъ частныхъ лицъ. Ибо здѣсь, какъ удостовѣряетъ опытъ, государство рѣдко съ успѣхомъ соперничаетъ съ частными хозяйствами въ обыкновенномъ промышленномъ производствѣ, и частная промышленность охотно поставляетъ эти произведенія по заказу. Поэтому государству большею частью выгодно отказаться отъ собственнаго производства этихъ предметовъ». Вагнеръ дѣлаетъ исключеніе лишь для тѣхъ случаевъ, когда государству нужны спеціальныя вещи, которыя потребляются только имъ, или же когда надобно сдѣлать опытъ, или наконецъ, когда конкурренція частныхъ лицъ очень мала, а контроль затруднителенъ. «Однако и тутъ, замѣчаетъ онъ, а тѣмъ паче въ большей части другихъ областей, развитая частная промышленность съ выгодою замѣняетъ государственное хозяйство» [1]). Такимъ образомъ, частная

[1]) Finanzwissenschaft § 88 (1877).

промышленность, при системѣ конкурренціи, какъ удостовѣряетъ опытъ, не только не оказывается недостаточною для удовлетворенія государственныхъ потребностей, но удовлетворяетъ ихъ лучше самого государства даже тамъ, гдѣ она, повидимому, всего менѣе къ тому способна. Зачѣмъ же, спрашивается, дѣлать такія возраженія, которыя самъ авторъ признаетъ несостоятельными?

Совершенно иное значеніе имѣетъ та критика, которая направлена противъ конкурренціи на собственной ея почвѣ. Еслибы дѣйствительно оказалось, что конкурренція разоряетъ массу въ пользу немногихъ, что она подрываетъ нравственность и ведетъ къ большему и большему неравенству между людьми, то слѣдовало бы признать, что темныя ея стороны перевѣшиваютъ ея выгоды, и что это начало во всякомъ случаѣ должно быть ограничено. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи легко увидѣть, что и эти доводы построены на весьма шаткихъ основаніяхъ.

Нельзя, прежде всего, не замѣтить, что Вагнеръ, ополчаясь противъ экономистовъ за то, что они выгоды конкурренціи выводятъ чисто умозрительнымъ путемъ, не обращая вниманія на дѣйствительность, самъ дѣлаетъ совершенно тоже самое, когда говоритъ о ея недостаткахъ. Онъ прямо даже въ этомъ признается: «именно въ этихъ вопросахъ, замѣчаетъ онъ, дедуктивная метода, правильно приложенная, достаточно доказательна», при чемъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что здѣсь имѣется въ виду не столько изслѣдованіе явленій, происходящихъ отъ приложенія извѣстнаго начала, сколько указаніе на стремленія, вытекающія изъ этого начала (§ 134 прим. 2). Но въ такомъ случаѣ, за что же ополчаться на умозрительные выводы вообще и на экономистовъ въ особенности? Развѣ только за тѣмъ, чтобы предварительно набросить на нихъ тѣнь, а затѣмъ самому, въ тихомолку, идти тою же дорогою? Тутъ же Вагнеръ признаетъ, что за недостаткомъ полной и достовѣрной экономической и соціальной статистики, невозможно даже сдѣлать строго научнаго вывода изъ опыта; поэтому, въ подтвержденіе умозрительныхъ выводовъ надобно довольствоваться ссылкою на «ежедневное наблюденіе». Но вѣдь это значитъ отказываться отъ научнаго вывода. Извѣстно, что всѣ мыслители, которые изслѣдовали и прилагали опытную методу, считаютъ ежедневное наблюденіе самымъ несовершеннымъ научнымъ доказательствомъ. И если уже ссылаться на ежедневное наблюденіе, то никакъ нельзя упрекнуть

экономистовъ въ недостаточномъ къ нему вниманіи. Ежедневное наблюденіе громогласно, на всѣхъ концахъ земли, подтверждаетъ правильность ихъ умозрительныхъ выводовъ. Вездѣ конкурренція привлекаетъ промышленныя силы къ выгоднымъ производствамъ, понижаетъ цѣны произведеній и доставляетъ потребителямъ возможность пріобрѣтать товары самымъ выгоднымъ для нихъ образомъ. Съ другой стороны, экономисты вовсе не скрываютъ отъ себя темныхъ сторонъ конкурренціи; но они не придаютъ имъ того преувеличеннаго значенія, какое приписываетъ имъ Вагнеръ. «Повторяю, говоритъ Бастіа, я не отрицаю, не игнорирую, и также какъ другіе, горюю о страданіяхъ, которыя конкурренція приноситъ людямъ; но развѣ это причина закрывать глаза на приносимую ею пользу?... И какое есть въ мірѣ прогрессивное начало, котораго благодѣтельное дѣйствіе не было бы, особенно въ началѣ, перемѣшано съ многими страданіями и бѣдствіями?» [1])

Взглянемъ же на тѣ темныя стороны конкурренціи, на которыя указываетъ Вагнеръ.

Не станемъ распространяться о странномъ мнѣніи, будто неравенство силъ и способностей не составляетъ естественной принадлежности человѣческой природы и, на сколько оно существуетъ, должно по возможности сглаживаться культурою. Самъ Вагнеръ указываетъ на то, что не только это неравенство не исчезаетъ вслѣдствіе культуры, но напротивъ, къ естественному неравенству присоединяются еще другія, проистекающія изъ чисто человѣческихъ отношеній. Неравенство на высшихъ ступеняхъ развитія несомнѣнно больше, нежели на низшихъ. Достигнетъ ли когда нибудь человѣчество такого идеальнаго состоянія, гдѣ всѣ будутъ равны и по способностямъ, и по развитію и по имуществу, объ этомъ безполезно говорить; это значило бы предаваться празднымъ фантазіямъ. Фактъ тотъ, что неравенство всегда было и есть, что оно составляетъ плодъ всего историческаго развитія человѣчества, и что уничтожить его нѣтъ никакой возможности. Спрашивается: какъ же должно относиться къ нему государство? Должно ли оно защищать слабыхъ противъ сильныхъ, какъ требуетъ Вагнеръ?

Несомнѣнно должно, какъ скоро сильный хочетъ насиловать сла-

---

[1]) Harmonies économiques, X.

баго. Въ этомъ и состоитъ задача права, и это именно дѣлается въ системѣ конкурренціи, которая допускаетъ только свободное состязаніе и исключаетъ насиліе. Единственное право, которое она даетъ человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы производить дешевле и лучше другихъ. При такихъ условіяхъ, ограничить конкурренцію во имя защиты слабыхъ значитъ помѣшать способнѣйшимъ производить лучше и дешевле, нежели другіе. Есть ли въ этомъ малѣйшій смыслъ?

Существуютъ два способа уравненія неравныхъ силъ: можно стараться слабѣйшихъ поднять къ уровню сильнѣйшихъ, или можно сильнѣйшихъ низвести до уровня слабѣйшихъ. Когда государство старается поднять уровень слабѣйшихъ юридическою защитою, распространеніемъ образованія, устраненіемъ препятствій пріобрѣтенію матеріальныхъ средствъ, наконецъ введеніемъ вспомогательныхъ учрежденій, находящихся въ общемъ пользованіи, то противъ этого ничего нельзя сказать. Подобный образъ дѣйствія вездѣ принятъ и совершенно совмѣстенъ съ системою конкурренціи. Но еслибы государство захотѣло поступать наоборотъ, и вмѣсто того чтобы поднимать общій уровень слабѣйшихъ, вздумало бы способныхъ низвести на степень неспособныхъ, ограничивая свободную ихъ дѣятельность и ихъ производительность, то это было бы чудовищное посягательство и на свободу человѣка, и на общественные интересы и на требованія развитія. Общество подвигается впередъ единственно черезъ то, что есть въ немъ способнѣйшіе люди, которые идутъ впереди другихъ и тѣмъ самымъ заставляютъ остальныхъ слѣдовать за собою. Задерживать ихъ значитъ останавливать развитіе. Въ настоящемъ случаѣ представляется къ этому тѣмъ менѣе поводовъ, что вся дѣятельность этихъ лицъ, хотя она движется личнымъ интересомъ, обращается однако, силою вещей, на общую пользу. Высшая способность оказывается въ томъ, что производитель лучше другихъ умѣетъ удовлетворить потребностямъ публики. Выигрываетъ отъ этого масса потребителей, которые, при ограниченіи конкурренціи, принуждаются покупать дороже и хуже, нежели при свободѣ.

Отсюда ясно, что увѣреніе Вагнера, будто конкурренція нерѣдко влечетъ за собою большой матеріальный вредъ для массы народонаселенія, идетъ наперекоръ очевидности. Дешевизна произведеній и даровое дѣйствіе силъ природы на пользу человѣка безспорно полезны для массы. Пострадать отъ этого могутъ нѣкоторые произво-

дители, которые не въ состояніи держаться на высотѣ общаго уровня. Эти производители несомнѣнно должны или разориться или отказаться отъ своего производства. Но продолженіе дорогаго производства не можетъ быть выгодно ни для нихъ самихъ, ни для массы потребителей. Самостоятельнымъ хозяиномъ можетъ быть только тотъ кто въ состояніи удовлетворить наличнымъ потребностямъ общества. Если же онъ производитъ дороже и хуже другихъ, то онъ долженъ отказаться отъ самостоятельнаго производства и искать себѣ инаго, болѣе подходящаго занятія. Конкурренція устраняетъ здѣсь именно то, что невыгодно для народнаго хозяйства. И это устраненіе совершается не насильственнымъ путемъ, а силою вещей. Судьею является здѣсь потребитель, который даетъ предпочтеніе лучшему и дешевѣйшему товару. Поэтому, всякое ограниченіе конкурренціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе правъ потребителя и замѣна сужденія лицъ, пользующихся произведеніями, сужденіемъ власти. Это—подать, налагаемая на массу въ пользу немногихъ.

Таковымъ представляется ограниченіе конкурренціи даже и въ томъ случаѣ, который можетъ найти себѣ оправданіе въ потребностяхъ народнаго развитія, именно, когда ограничивается конкурренція иностранцевъ въ пользу туземнаго производства. Такого рода мѣры вызываются стремленіемъ поднять уровень народной производительности, которая, безъ защиты отъ соперничества иностранцевъ, находящихся въ лучшихъ условіяхъ, не могла бы пустить корни и подняться на надлежащую высоту. Зрѣющая промышленность, какъ несовершеннолѣтній, нуждается въ опекѣ. Но и тутъ эта опека водворяется въ ущербъ потребителямъ, которые должны уплачивать не только таможенную пошлину за иностранные товары, но и лишнюю цѣну туземнаго товара, получающаго характеръ монополіи. И тутъ это ничто иное какъ подать, налагаемая на массу въ пользу немногихъ. Это становится совершенно очевиднымъ, когда пошлиною облагаются предметы общей потребности, напримѣръ желѣзо. Всѣ потребители желѣза, то есть масса народа, должны платить лишнія деньги за потребляемый товаръ, и эта лишняя плата идетъ въ пользу владѣльцевъ рудниковъ. Государство, въ видахъ развитія народнаго хозяйства, можетъ прибѣгать къ такого рода ограниченіямъ; но оно не должно скрывать отъ себя настоящаго ихъ характера.

И такъ, ущербъ, наносимый промышленнымъ состязаніемъ массѣ

народонаселенія, ничто иное какъ фикція. Вывести его изъ начала конкурренціи, какъ пытается дѣлать Вагнеръ, нѣтъ возможности.

Столь же несостоятельно и другое возраженіе, будто конкурренція ведетъ къ побѣдѣ худшихъ элементовъ надъ лучшими, а вслѣдствіе того къ паденію нравственности въ народѣ. Приводимый Вагнеромъ примѣръ относится къ биржевой игрѣ, гдѣ нерѣдко люди обогащаются весьма нечистыми путями. Но биржевая игра и конкурренція— двѣ разныя вещи. Неправильное обогащеніе можетъ происходить всякаго рода путями, какъ при конкурренціи, такъ и безъ конкурренціи. Не на биржевой игрѣ, а на правильной торговлѣ основано народное хозяйство, а потому существенный вопросъ состоитъ въ томъ: кто въ общемъ итогѣ является побѣдителемъ въ правильной торговлѣ, тѣ ли, которые обманываютъ потребителя, поставляя ему плохой товаръ, или тѣ, которые честно ведутъ свое дѣло? На этотъ вопросъ едва ли можетъ быть два отвѣта. Честность въ торговлѣ составляетъ силу; она привлекаетъ довѣріе. Потребитель охотно платитъ дороже купцу, когда онъ увѣренъ, что всегда получитъ отъ него хорошій товаръ. Тѣ же, которые ищутъ обогащенія обманомъ, весьма часто собственнымъ опытомъ убѣждаются, что безчестность есть вмѣстѣ и плохой расчетъ. И чѣмъ шире конкурренція, тѣмъ необходимѣе становится честное веденіе дѣла. Подобно тому какъ она вытѣсняетъ съ рынка неспособныхъ, она вытѣсняетъ и тѣхъ, которые дѣйствуютъ обманомъ. Отсюда общее явленіе, что чѣмъ ниже промышленность, чѣмъ меньше въ ней состязанія, тѣмъ болѣе господствуетъ въ ней обманъ. Наоборотъ, чѣмъ выше промышленное развитіе народа и чѣмъ шире состязаніе, тѣмъ правильнѣе ведется дѣло. Конкурренція не только не влечетъ за собою упадка нравственности, а напротивъ, она всего болѣе способствуетъ водворенію въ торговомъ мірѣ честныхъ привычекъ, безъ которыхъ правильное веденіе крупныхъ оборотовъ совершенно немыслимо. Съ развитіемъ торговли, нравственный элементъ довѣрія становится все болѣе и болѣе преобладающимъ, а довѣріе все основано на честности.

Наконецъ, совершенно невѣрно положеніе, будто конкурренція непремѣнно даетъ побѣду крупнымъ производствамъ надъ мелкими. Самъ Вагнеръ признаетъ, что это явленіе обнаруживается не во всѣхъ отрасляхъ, а главнымъ образомъ въ промышленности обрабатывающей, или вѣрнѣе, въ фабричной. Но почему же оно оказывается

именно тутъ? Потому что это требуется самымъ развитіемъ промышленности и совершенствованіемъ техники. Невозможно продолжать первобытное ручное производство, когда можно производить въ тысячу разъ лучше и дешевле съ помощью паровыхъ машинъ. Конкуренція только обнаруживаетъ это положеніе дѣлъ, и не на ней лежитъ вина. Можно установлять какія угодно ограниченія, они не въ состояніи сдѣлать, чтобы невыгодное производство было выгоднымъ, а выгодное невыгоднымъ. Это признаютъ даже тѣ писатели, которые, вообще, вовсе не являются друзьями конкуренціи. Такъ напримѣръ, Брентано, говоря о законодательныхъ попыткахъ старыхъ цеховъ защитить ремесленное производство противъ конкуренціи крупныхъ капиталовъ, прибавляетъ: «но ни этотъ законъ, ни всѣ другія старанія цеховъ не могли задержать хода развитія, которое, особенно вслѣдствіе цѣлаго ряда техническихъ изобрѣтеній, перевело всю промышленность въ руки крупныхъ капиталовъ. Ремесла, а съ ними и цехи, болѣе и болѣе теряли свое значеніе, и въ своемъ стремленіи измѣнить естественное теченіе вещей, они дѣлались только предметами ненависти и презрѣнія» [1]).

Поэтому и относительное уменьшеніе числа самостоятельныхъ хозяевъ въ обработывающей промышленности слѣдуетъ приписать не конкуренціи, а измѣненію условій производства. А такъ какъ это измѣненіе выгодно для народнаго хозяйства, то объ этомъ нечего и жалѣть. Нѣтъ никакой нужды, чтобы въ обществѣ было какъ можно болѣе самостоятельныхъ хозяевъ. Прикащики, смотрители, техники и высшіе рабочіе на фабрикахъ столь же полезны и могутъ имѣть такое же, если не еще болѣе обезпеченное положеніе. Соціалисты, стремящіеся къ уничтоженію всѣхъ частныхъ хозяйствъ и къ сосредоточенію всей промышленности въ рукахъ казны, всего менѣе въ правѣ дѣлать подобный упрекъ конкуренціи. Вредное дѣйствіе на

---

[1]) Die Arbeitergilden der Gegenwart I, стр. 87 (1871). Любопытно при этомъ, что Брентано постоянно выставляетъ конкуренцію, какъ политику сильнѣйшихъ, дѣйствующимъ въ ущербъ слабымъ (стр. 12, 88), а между тѣмъ онъ тутъ же, излагая развитіе цеховаго устройства, повѣствуетъ, что политика сильнѣйшихъ состояла именно въ томъ, чтобы исключить конкуренцію и установить для себя монополію (стр. 85). Въ этомъ можно видѣть то весьма обыкновенное въ настоящее время явленіе, особенно у писателей съ соціалистическимъ или соціалъ-политическимъ оттѣнкомъ, что въ теоріи принимается одно, а рядомъ съ этимъ излагаются факты, которые говорятъ совершенно противоположное.

народное хозяйство оказалось бы единственно въ томъ случаѣ, если-бы дѣйствительно конкурренція вела, съ одной стороны, къ большему и большему сосредоточенію богатства въ рукахъ немногихъ, а съ другой стороны, къ большему и большему обѣднѣнію массы; но именно этого мы не видимъ. Въ подтвержденіе своего взгляда, ни Вагнеръ, ни другіе писатели, раздѣляющіе его теорію, не приводятъ никакихъ фактовъ. Напротивъ, фактъ тотъ, что конкурренція понижаетъ барыши предпринимателей и разливаетъ благосостояніе въ массахъ. Временныя бѣдствія, проистекающія отъ измѣненія условій производства, исчезаютъ, какъ скоро промышленность входитъ въ правильную колею, и именно подъ вліяніемъ конкурренціи уступаютъ мѣсто широкому развитію народнаго богатства. Мы подробнѣе увидимъ это ниже, когда будемъ говорить о распредѣленіи богатства.

Частныхъ бѣдствій, конечно, отрицать невозможно, и никто не думаетъ ихъ отрицать. Гдѣ есть борьба, тамъ неизбѣжны и страданія. Въ конкурренціи проявляется не только борьба различныхъ промышлённыхъ силъ, но и борьба стараго порядка съ новымъ. Въ этой борьбѣ старое неминуемо должно погибнуть, ибо оно не соотвѣтствуетъ болѣе потребностямъ времени; новое обыкновенно водворяется только цѣною страданій. Но когда говорятъ, что конкурренція, рядомъ съ гармоніею интересовъ, производитъ и дисгармонію, то надобно спросить: каковъ же окончательный ея результатъ? къ чему она ведетъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ самая цѣль конкурренціи. Изъ за чего соперничаютъ производители? къ чему они стремятся? Къ тому, чтобы производить какъ можно дешевле и лучше. Каждый изъ нихъ старается приманить къ себѣ потребителей высшимъ качествомъ и большею дешевизною произведеній. Цѣль, слѣдовательно, состоитъ въ удовлетвореніи потребителя, и побѣдителемъ въ борьбѣ остается тотъ, кто лучше другихъ достигаетъ этого результата. Но этотъ результатъ и есть цѣль всей хозяйственной дѣятельности человѣка. Въ удовлетвореніи потребителей заключается именно та высшая гармонія интересовъ, къ которой стремится все промышленное развитіе. Борьба является здѣсь только средствомъ. Такимъ образомъ, въ системѣ конкурренціи, противоположность интересовъ составляетъ лишь преходящій моментъ; окончательный результатъ состоитъ въ высшемъ ихъ соглашеніи.

Нельзя ли однако достигнуть этого результата инымъ путемъ, минуя ненавистную борьбу и избавляя человѣчество отъ страданій?

Ни коимъ образомъ. Борьба составляетъ необходимое послѣдствіе свободы, а вмѣстѣ и необходимое условіе всякаго человѣческаго совершенствованія; уничтожить ее можно только уничтоживши, какъ свободу, такъ и развитіе. Все, что можно и должно требовать, это то, чтобы борьба была мирная, а не насильственная, а въ этомъ и состоитъ система конкурренціи. Только этимъ путемъ на промышленномъ поприщѣ можетъ быть достигнута цѣль человѣческой дѣятельности. Для того чтобы потребитель былъ удовлетворенъ, необходимо соперничество производителей, изъ которыхъ каждый, наперерывъ передъ другими, старается доставить ему то, что ему нужно. При такой системѣ, которая есть система свободы, потребитель является высшимъ судьею всей промышленной дѣятельности; онъ можетъ выбирать себѣ то, что ему потребно, и въ этомъ состоитъ гармонія интересовъ. Какъ же скоро этотъ порядокъ устраняется и замѣняется другимъ, такъ потребитель теряетъ свое выгодное положеніе. Онъ перестаетъ быть судьею, а долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему даютъ. Слѣдовательно, онъ остается неудовлетвореннымъ, и гармонія интересовъ не достигается. Съ устраненіемъ соперничества становится невозможнымъ достиженіе цѣли промышленнаго производства. Потребитель ставится въ положеніе невѣсты, которая беретъ жениха не по собственному выбору, а получаетъ его изъ рукъ опекуна.

Всѣ эти столь очевидныя положенія дѣлаются, если можно, еще доказательнѣе, если мы сравнимъ конкурренцію съ противоположнымъ ей началомъ, то есть, съ монополіею. Всякое ограниченіе конкурренціи есть, въ большей или меньшей степени, установленіе монополіи. Монополія же, какъ извѣстно, ведетъ къ эксплуатаціи потребителя производителемъ. Послѣдній, не имѣя соперниковъ, лишается всякаго побужденія къ совершенствованію. Ему не за чѣмъ стараться угодить потребителю, ибо онъ знаетъ, что потребитель принужденъ брать то, что ему даютъ. Такимъ образомъ, отношенія здѣсь совершенно мѣняются: если въ системѣ конкурренціи потребитель былъ судьею производителя, то здѣсь онъ становится въ зависимость отъ послѣдняго, и чѣмъ болѣе стѣснено соперничество, чѣмъ шире монополія, тѣмъ эта зависимость больше. Еслибы все промышленное производство сосредоточивалось въ рукахъ одного монополиста, то потребители сдѣлались бы полными рабами.

Къ этому именно ведутъ всѣ соціалистическія системы. Онѣ стремятся установить величайшую изъ всѣхъ монополій, монополію го-

сударства. Тутъ исчезаетъ всякая конкурренція; потребителю негдѣ взять что бы то ни было, иначе какъ изъ казенныхъ магазиновъ. Онъ не только принужденъ довольствоваться тѣмъ, что ему даютъ, но самыя его потребности опредѣляются государствомъ. Изъ верховнаго судьи всего промышленнаго производства онъ превращается въ страдательное орудіе чужой воли. Государство, съ своей стороны, не имѣетъ никакого интереса въ возможно лучшемъ и дешевѣйшемъ производствѣ. Убытковъ оно не терпитъ, ибо, если оно сдѣлало неправильный расчетъ, то оно потерю распредѣляетъ на работниковъ или на потребителей. Доходы свои оно получаетъ изъ общей массы, взимая сперва все для себя нужное, и затѣмъ предоставляя остальное производителямъ, которые должны довольствоваться остатками. Единственная узда состоитъ въ опасеніи возбудить неудовольствіе публики. Но черезъ это всякій мелкій вопросъ промышленнаго производства возводится на степень политическаго событія. При системѣ конкурренціи, плохое или слишкомъ дорогое произведеніе просто не покупается; потребитель можетъ искать въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же всякій другой путь ему прегражденъ, и онъ принужденъ вести войну съ казеннымъ управленіемъ. Вмѣсто мирной борьбы свободнаго состязанія, на всѣхъ пунктахъ должна возгорѣться политическая борьба изъ за экономическихъ интересовъ. Если ко всему этому прибавить, что эта монополія неизбѣжно должна находиться въ рукахъ господствующей партіи, то сдѣлается очевиднымъ, что подобное устройство представляетъ нѣчто чудовищное, несовмѣстное ни съ какими гарантіями права и ни съ какими промышленными успѣхами. Можно, по примѣру Шеффле, мечтать о замѣнѣ существующей конкурренціи системою испытаній и премій: эти мечты доказываютъ только, что сами соціалисты не видятъ возможности обойтись безъ состязанія, которое одно напрягаетъ всѣ человѣческія силы и способности; но они естественное состязаніе хотятъ замѣнить искусственнымъ, при которомъ судьею является не потребитель, имѣющій ближайшій интересъ въ дѣлѣ, а чиновникъ, равно чуждый интересамъ производства и потребленія. Какъ уже было указано выше, подобная система неизбѣжно ведетъ къ господству бюрократическаго формализма, личныхъ искательствъ и, наконецъ, неразлучнаго съ владычествомъ чиновничества непотизма.

Менѣе всего при такомъ порядкѣ можетъ быть достигнута та

гармонія интересовъ, во имя которой ратуютъ соціалисты. Гармонія въ промышленной области состоитъ въ возможно лучшемъ удовлетвореніи потребителя съ выгодою для производителей. Эта цѣль достигается тамъ, гдѣ производители принуждены состязаться между собою, чтобы получить награду изъ рукъ потребителей, то есть, при системѣ конкурренціи. Но она не достигается тамъ, гдѣ потребители совершенно устраняются отъ рѣшенія вопроса, а производителемъ является монополистъ, полновластно распоряжающійся, какъ производствомъ, такъ и потребленіемъ. То, что въ системѣ конкурренціи составляетъ главное, именно, удовлетвореніе потребителя, то здѣсь становится зависимымъ началомъ. Замѣна суда потребителя судомъ чиновника, свободы опекою, конкурренціи монополіею, таковы существенныя черты соціалистическаго порядка. О промышленномъ развитіи тутъ не можетъ быть рѣчи, и еще менѣе можетъ быть рѣчь о надлежащемъ удовлетвореніи человѣческихъ нуждъ.

ГЛАВА IX.

ДОХОДЪ.

Въ цѣнѣ произведенiй заключается, какъ возвращенiе затраченнаго капитала, такъ и доходъ производителей. За вычетомъ капитала, все остальное образуетъ доходъ, который распредѣляется между производителями. Нѣкоторые изъ нихъ однако получили уже свое вознагражденiе заранѣе, въ видѣ аванса; вслѣдствiе этого, то, что для нихъ составляетъ доходъ, то для другихъ является тратою капитала, которая возмѣщается въ цѣнѣ произведенiй. Но этотъ авансъ не измѣняетъ расчета, а имѣетъ лишь то послѣдствiе, что затраченный такимъ образомъ капиталъ долженъ возвратиться съ прибавленiемъ къ нему процентовъ, которые составляютъ съ него доходъ.

Спрашивается: въ какой пропорцiи и по какому закону совершается распредѣленiе дохода между производителями?

Мы видѣли, что въ производствѣ участвуютъ четыре дѣятеля: природа, капиталъ, трудъ и направляющая воля. Сообразно съ этимъ, существуютъ четыре вида промышленнаго дохода: поземельная рента, процентъ съ капитала, заработная плата и прибыль предпрiятiя. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ нихъ.

I. Поземельная рента.

Подъ именемъ поземельной ренты разумѣется плата за землю, какъ орудiе производства. Этотъ доходъ принадлежитъ землевладѣльцу, какъ землевладѣльцу [1]).

---

[1]) Рошеръ (Grundlagen, § 149) опредѣляетъ поземельную ренту, какъ ту

Въ экономической наукѣ, съ теоріею поземельной ренты неразрывно связано имя Рикардо. Мы видѣли уже выше эту теорію. Она заключается въ томъ, что поземельная рента составляетъ плату за дѣйствіе производительныхъ и непогибающихъ силъ природы, плату, которая получается тогда, когда возвышеніе цѣнъ на произведенія земли заставляетъ перейти къ обработкѣ земель худшаго качества и съ менѣе выгоднымъ положеніемъ. Эти послѣднія не приносятъ ренты, а вознаграждаютъ только затраченные въ нихъ капиталъ и трудъ; лучшія же или ближайшія къ сбыту земли представляютъ избытокъ дохода, который идетъ землевладѣльцу и составляетъ поземельную ренту. Послѣдняя равняется такимъ образомъ разности между доходностью земель перваго и втораго разряда. Когда, вслѣдствіе умноженія народонаселенія и увеличившихся потребностей, цѣна произведеній земли поднимается еще выше, то производители находятъ выгоднымъ перейти къ обработкѣ земель третьяго разряда; тогда земли втораго разряда, вслѣдствіе большей доходности, начинаютъ также приносить ренту, а рента съ земель перваго разряда соотвѣтственно возвышается. Такимъ образомъ, поземельная рента равняется всегда разности между доходностью даннаго участка и доходностью земель послѣдняго разряда, не приносящихъ никакой ренты, а только вознаграждающихъ капиталъ и трудъ.

Тоже самое дѣйствіе имѣетъ послѣдовательное обращеніе на одинъ и тотъ же участокъ капиталовъ, приносящихъ все менѣе и менѣе дохода, что̀, какъ мы видѣли, составляетъ необходимое явленіе въ интенсивномъ хозяйствѣ. Возвышеніе цѣнъ дѣлаетъ выгоднымъ приложеніе къ землѣ капиталовъ даже съ меньшимъ доходомъ; прежній же капиталъ, вслѣдствіе этого, даетъ избытокъ, образующій ренту.

Все это вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ умноженія народонаселенія. А такъ какъ, по естественному ходу вещей, народонаселеніе постоянно ростетъ, количество же земли остается одно и тоже, то поземельная рента, по ученію Рикардо, должна постоянно возвышаться. Такимъ образомъ, поземельный собственникъ, какъ монополистъ, имѣющій въ рукахъ производство предметовъ первой

часть чистаго дохода съ земли, которая остается за вычетомъ заработной платы и процентовъ съ капитала. Это не совсѣмъ вѣрно, ибо за вычетомъ этихъ издержекъ остается прибыль предпринимателя, который часть дохода выплачиваетъ землевладѣльцу въ видѣ поземельной ренты.

необходимости, одинъ пользуется выгодами, проистекающими отъ развитія народной жизни.

Противъ этой теоріи послѣдовали весьма существенныя возраженія. Они хорошо резюмированы у Леруа-Больё [1]).

Прежде всего, фактически невѣрно, что обработка земель исторически идетъ отъ лучшихъ къ худшимъ, какъ предполагалъ Рикардо. Напротивъ, самыя тучныя земли, дающія наиболѣе дохода, обыкновенно поступаютъ въ обработку позднѣе, ибо онѣ требуютъ нѣкотораго умѣнія и приложенія капитала, для того чтобы привести ихъ въ надлежащее состояніе. На это обстоятельство указалъ въ особенности американскій экономистъ Керей.

Этимъ однако не опровергается основное положеніе Рикардо, именно, что большее плодородіе почвы и выгоды мѣстности даютъ извѣстнымъ участкамъ преимущество, которое и выражается въ поземельной рентѣ. Это положеніе остается вѣрнымъ, какимъ бы порядкомъ ни шла послѣдовательная обработка земли. Если земледѣліе позднѣе переходитъ къ болѣе плодороднымъ почвамъ, и послѣднія оказываются достаточными для удовлетворенія потребностей, то менѣе плодородныя покидаются или перестаютъ приносить ренту. Законъ отъ этого не измѣняется. У самого Рикардо, изображеніе последовательнаго развитія земледѣлія имѣло значеніе болѣе гипотезы, служащей для выясненія закона, нежели историческаго факта.

Гораздо важнѣе другое обстоятельство, которое болѣе существеннымъ образомъ видоизмѣняетъ теорію Рикардо, именно, что только на первобытныхъ ступеняхъ земледѣлія производительность почвы зависитъ исключительно отъ силъ природы. На высшихъ ступеняхъ, главнымъ дѣятелемъ является положенный въ землю капиталъ. Мы уже говорили объ этомъ выше. Посредствомъ капитала, безплодныя почвы обращаются въ плодородныя. Самыя производительныя силы земли истощаются; человѣкъ долженъ, съ помощью труда и капитала, возвратить природѣ то, что онъ у нея отнялъ. Вслѣдствіе этого, поземельная рента перестаетъ быть платою за дѣйствіе усвоенныхъ человѣкомъ силъ природы: существеннѣйшую часть ея составляетъ процентъ съ положеннаго въ землю капитала, и эти два элемента такъ тѣсно связываются другъ съ другомъ, что ихъ нельзя даже раздѣлить.

---

[1]) Essai sur la répartition des richesses, ch. II.

Кромѣ того съ расширеніемъ промышленности и торговли, невозможность увеличить пространство земли, состоящей во владѣніи даннаго общества, перестаетъ имѣть существенное значеніе, ибо съ мѣстными произведеніями могутъ конкуррировать произведенія плодородныхъ земель, находящихся въ другихъ мѣстахъ земнаго шара. Только искусственными стѣсненіями туземные землевладѣльцы ограждаютъ себя отъ иностраннаго соперничества. За ними, конечно, остается выгода положенія, но и эта выгода значительно сокращается съ умноженіемъ капитала и съ усовершенствованіемъ путей сообщенія. При удешевленіи перевозки, близость разстоянія теряетъ въ значительной степени свое преимущество. Если прибавить къ этому, что именно на близкихъ разстояніяхъ отъ большихъ центровъ господствуетъ интенсивное хозяйство, требующее огромныхъ издержекъ и удобреній, которыя выписываются нерѣдко изъ далекихъ странъ, тогда какъ конкуррирующія отдаленныя, но первобытныя почвы даютъ обильныя жатвы почти безъ всякихъ расходовъ, то легко убѣдиться, что выгода, проистекающая отъ близости разстоянія, можетъ перевѣшиваться другими условіями и даже низойти на степень нуля.

Европа въ послѣдніе годы испытала на себѣ дѣйствіе этихъ новыхъ элементовъ. Конкурренція Америки, при удешевленіи средствъ перевозки, заставила англійскихъ и французскихъ землевладѣльцевъ значительно понизить получаемую ими ренту. Въ Англіи это пониженіе произошло въ размѣрѣ отъ 10 до 20 процентовъ. Одинъ герцогъ Бедфордъ въ прошедшемъ году уменьшилъ свой доходъ на 70,000 фунтовъ. А такъ какъ удешевленіе можетъ идти еще далѣе, то и дальнѣйшее пониженіе ренты представляется весьма вѣроятнымъ.

При такихъ условіяхъ, не только нельзя сказать, вмѣстѣ съ послѣдователями Рикардо, что землевладѣльцы, въ качествѣ монополистовъ, одни пользуются выгодами, проистекающими отъ умноженія народонаселенія и богатства, но можно, напротивъ, опасаться, что землевладѣніе сдѣлается слишкомъ невыгоднымъ помѣщеніемъ капитала. Мы видѣли эти опасенія у Штейна. Уже въ настоящее время расчитываютъ, что происшедшее въ нынѣшнемъ столѣтіи возвышеніе поземельной ренты едва равняется обыкновеннымъ процентамъ съ положеннаго въ землю капитала [1]. Съ пониженіемъ же

[1] Leroy-Beaulieu: Essai sur la répartition des richesses, ch. III, p. 110—111.

ренты, затраты сдѣлаются еще непроизводительнѣе и рискованнѣе. А между тѣмъ, только большая или меньшая вѣрность дохода съ земли можетъ до нѣкоторой степени уравновѣсить тѣ значительныя прибыли, которыя нерѣдко получаются при помѣщеніи капиталовъ въ другія предпріятія. Если и на эту вѣрность нельзя расчитывать, то на сторонѣ землевладѣнія останется одно нравственное положеніе, которымъ люди могутъ дорожить, хотя бы оно было сопряжено съ матеріальнымъ ущербомъ. А такъ какъ уменьшеніе дохода землевладѣльцевъ, при пониженіи цѣнъ, идетъ въ пользу массы населенія, то государство, съ своей стороны, не можетъ не дорожить этими нравственными выгодами, которыя заставляютъ высшіе классы довольствоваться меньшею долею дохода, нежели какая приходилась бы имъ въ силу простаго дѣйствія экономическихъ законовъ. Мы здѣсь опять приходимъ къ тому положенію, что для государства нѣтъ никакого расчета взять въ свои руки эту мнимую монополію. На низшихъ ступеняхъ, когда дѣйствуютъ однѣ естественныя силы, при обиліи земель, она имѣетъ мало значенія и едва достаточна для привлеченія къ земледѣлію образованныхъ элементовъ; на высшихъ же ступеняхъ, она можетъ поддерживаться только постояннымъ вкладомъ капитала, приносящаго меньшіе проценты, нежели въ другихъ отрасляхъ.

Конечно, есть условія, при которыхъ землевладѣльцы могутъ получить болѣе или менѣе значительныя выгоды: цѣны на земли ростутъ, когда, вслѣдствіе умноженія народонаселенія или улучшенія средствъ перевозки, земледѣльческимъ произведеніямъ открывается новый сбытъ. Таковъ законъ для всѣхъ отраслей производства: усилившееся требованіе возвышаетъ цѣнность произведеній, а вмѣстѣ и доходъ производителей. Но точно также доходъ можетъ падать, когда, вмѣсто сбыта, является внѣшняя конкурренція, понижающая цѣны. Такъ напримѣръ, въ Англіи арендная плата за землю послѣ 1815 года понизилась на 50%. Тоже самое произошло и послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, и наконецъ, какъ сказано, въ новѣйшее время, вслѣдствіе конкурренціи Америки. Временныя колебанія могутъ быть въ ту или другую сторону, но общій ходъ—указанный выше.

Въ итогѣ, теорія Рикардо, вѣрная, если принять въ соображеніе однѣ силы природы, существенно видоизмѣняется дѣйствіемъ капитала, который, умножая производство, возстановляя истощающіяся

естественныя силы, превращая безплодныя земли въ плодородныя, и наконецъ, удешевляя издержки перевоза, дѣлаетъ неравенство естественныхъ условій второстепеннымъ факторомъ промышленнаго производства. Нѣкоторое значеніе это неравенство всегда сохраняетъ, вслѣдствіе чего на лучшихъ земляхъ рента все таки выше, нежели на худшихъ. И въ этомъ отношеніи теорія Рикардо остается вѣрною. Но во первыхъ, это неравенство проистекаетъ не только отъ естественныхъ условій, но и отъ положеннаго въ землю капитала. Во вторыхъ, оно съ развитіемъ земледѣлія идетъ не увеличиваясь, а уменьшаясь. Плодородіе почвы не можетъ возвышаться до безконечности, и предѣлъ его скорѣе достигается на лучшихъ земляхъ, нежели на худшихъ. Послѣднія, посредствомъ усовершенствованной обработки, постепенно переходятъ въ высшій разрядъ и черезъ это приближаются къ первымъ. Такъ напримѣръ, по исчисленіямъ Пасси, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, съ 1829 г. по 1852, арендная плата за лучшія земли возвысилась на 32%, а за худшія на 250 и даже на 500 % [1]. Такимъ образомъ, доходъ землевладѣльца получается не столько отъ того, что сдѣлано природою, сколько отъ того, что сдѣлано самимъ человѣкомъ.

Совершенно съ иной точки зрѣнія возстаетъ противъ теоріи Рикардо Родбертусъ. Принимая за аксіому основное положеніе Рикардо, что цѣнность произведеній опредѣляется количествомъ положенной въ нихъ работы, но извращая смыслъ этого положенія, онъ выводитъ отсюда, что капиталистъ, совокупно съ землевладѣльцемъ, пользуясь монополіею, берутъ себѣ въ видѣ поземельной ренты и процента съ капитала часть того, что принадлежитъ рабочимъ. Распредѣленіе же между ними этого похищеннаго достоянія опредѣляется особенностями земледѣльческой и обработывающей промышленности. Доля, причитающаяся каждой изъ нихъ въ совокупномъ произведеніи, въ силу общаго экономическаго закона, соразмѣрна съ количествомъ положенной въ произведенія работы, какъ въ той, такъ и въ другой. Таже пропорція существуетъ и между доходами землевладѣльца и капиталиста. Такъ напримѣръ, если количество работы, положенной въ произведенія земледѣлія и обработывающей

[1]) Приведено у Леруа-Больё: Essai sur la répartition des richesses, стр. 92. Рошеръ, напротивъ, полагаетъ, что разность идетъ увеличиваясь (Grundlagen § 150); но это положеніе, невѣрное въ теоріи, опровергается приведенными въ текстѣ фактами.

промышленности, одинаково, то и доля, причитающаяся владѣльцамъ этихъ произведеній въ силу права собственности, будетъ одинакая. Но отношеніе этой доли къ затраченному капиталу будетъ разное, вслѣдствіе того что обработывающая промышленность принуждена дѣлать бо́льшія затраты, нежели земледѣльческая. Первая, кромѣ издержекъ на орудія производства и на заработную плату, покупаетъ еще матеріалъ; второй же матеріалъ дается природою. А такъ какъ отношеніе прибыли къ затраченному капиталу составляетъ процентъ, и въ дѣйствительности этотъ процентъ исчисляется одинаково для обѣихъ отраслей, при чемъ за норму принимается промышленность обработывающая, то очевидно, что въ земледѣліи всегда останется излишекъ дохода, соотвѣтствующій сбереженію на покупку матеріала. Этотъ именно избытокъ представляется въ видѣ поземельной ренты, которую землевладѣлецъ получаетъ съ земледѣльческаго дохода, за вычетомъ обыкновеннаго процента съ затраченнаго капитала. Изъ этого ясно, заключаетъ Родбертусъ, что поземельная рента существуетъ всегда, какова бы ни была цѣнность произведеній и каковы бы ни были издержки производства. Она проистекаетъ не изъ различія доходности земель, какъ утверждаетъ Рикардо, а изъ того, что капиталистъ и землевладѣлецъ присвоиваютъ себѣ часть того, что принадлежитъ работникамъ, при чемъ землевладѣлецъ, не имѣя надобности покупать матеріалы, получаетъ бо́льшую прибыль въ сравненіи съ своими издержками; одна часть этой прибыли представляется доходомъ съ затраченнаго капитала, другая же часть, составляющая излишекъ, является доходомъ отъ земли [1]).

Эта запутанная софистика представляетъ живой примѣръ способа аргументаціи Родбертуса. Не станемъ говорить о совершенно произвольномъ положеніи, что цѣнность произведеній опредѣляется исключительно количествомъ положенной въ нихъ работы, то есть, заработною платою и тратою орудій, не принимая въ расчетъ процента съ капитала и дохода съ земли. Этотъ вопросъ мы уже разбирали выше. Но изъ чего слѣдуетъ, что доходъ собственниковъ соразмѣряется точно также съ количествомъ положенной въ произведенія работы, а не съ сдѣланными ими затратами? Если въ обработывающей промышленности капиталистъ исчисляетъ свою прибыль сораз-

---

[1]) Zur Beleuchtung der soc. Frage стр. 105—113.

мѣрно съ своими издержками, то и землевладѣлецъ долженъ дѣлать тоже самое, и если на одной сторонѣ окажется избытокъ дохода, то при свободномъ передвиженіи капиталовъ, положеніе ихъ скоро уравняется. Самъ Родбертусъ признаетъ, что и въ земледѣліи прибыль съ капитала исчисляется на основаніи общеупотребительнаго въ обработывающей промышленности процента; въ силу чего же это совершается? Причина та, что если въ одной отрасли прибыль больше, нежели въ другой, то капиталы устремляются туда, гдѣ производство выгоднѣе, до тѣхъ поръ пока не установится общій уровень. При такихъ условіяхъ, еслибы дѣйствительно капиталисту въ обработывающей промышленности приходилось получать одинакую прибыль при бо̀льшихъ затратахъ, то единственнымъ результатомъ такого порядка вещей было бы то, что значительная часть капиталовъ перешла бы къ земледѣлію, пока не возстановился бы уровень. Избытка не оказалось бы никакого.

Мало того: если мы, какъ требуетъ Родбертусъ, при исчисленіи доли каждаго производителя должны отправляться не отъ отдѣльныхъ отраслей, а отъ совокупнаго производства, раздѣляя между производителями окончательный результатъ, полученный въ цѣнѣ произведеній, то мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что прибыль землевладѣльца въ сравненіи съ капиталистомъ должна быть не больше, а меньше. Въ самомъ дѣлѣ, отчего капиталистъ въ обработывающей промышленности принужденъ дѣлать бо̀льшія затраты? Оттого что онъ покупаетъ матеріалы у владѣльца земледѣльческихъ произведеній. Но по этой теоріи, покупая у послѣдняго матеріалы, онъ даетъ ему впередъ то, что должно причитаться ему, только когда произведеніе поступитъ въ руки потребителя. Если же капиталистъ дѣлаетъ землевладѣльцу авансъ, и на этотъ авансъ насчитываетъ извѣстный процентъ прибыли, то этотъ процентъ долженъ быть уплаченъ ему никѣмъ инымъ, какъ тѣмъ самымъ лицемъ, кому дѣлается авансъ, то есть, землевладѣльцемъ. Черезъ это, доля послѣдняго должна не увеличиться, а уменьшиться. Изъ своего дохода онъ долженъ вознаградить капиталиста за сдѣланную въ его пользу затрату. Опять избытка не окажется.

Такимъ образомъ, съ какой стороны мы ни возьмемъ теорію Родбертуса, поземельная рента ею не объясняется. Въ теоріи Рикардо, при нѣкоторой ея односторонности, видна ясная мысль и пониманіе дѣла. У Родбертуса, кромѣ кривыхъ понятій, вытекающихъ изъ страннаго

сочетанія фантастическихъ представленій съ противорѣчащими имъ явленіями жизни, мы ничего не находимъ.

Въ дѣйствительности, поземельная рента опредѣляется, съ одной стороны, цѣною произведеній, съ другой стороны, отношеніемъ земли къ другимъ дѣятелямъ производства. Землевладѣлецъ получаетъ, какъ плату за землю, ту долю дохода съ произведеній, которая остается за вычетомъ заработной платы, процента съ капитала и прибыли предпринимателя. Тамъ, гдѣ цѣна произведеній вознаграждаетъ только текущія издержки и даетъ обыкновенную прибыль, поземельная рента доходитъ до нуля. Въ такихъ случаяхъ хозяинъ можетъ самъ пользоваться землею, которая даетъ ему вознагражденіе за положенные въ нее трудъ и капиталъ; но сдавать ее въ аренду онъ не можетъ, ибо никто ея не возьметъ, иначе какъ себѣ въ убытокъ. Если съ землею соединился капиталъ постоянный, то извѣстная поземельная рента, составляющая процентъ съ этого капитала, принадлежитъ уже къ издержкамъ производства; иначе затрата капитала не окупится. Такого рода рента составляетъ наименьшій предѣлъ безубыточнаго производства. Затѣмъ, по мѣрѣ возвышенія цѣны произведеній, при одинакихъ другихъ условіяхъ, возвышается и рента, а такъ какъ цѣна зависитъ отъ предложенія и требованія, то основной законъ экономическаго оборота является вмѣстѣ и опредѣляющимъ началомъ дохода.

Распредѣленіе этого дохода между различными дѣятелями, участвующими въ производствѣ, зависитъ отъ взаимнаго ихъ экономическаго отношенія. Въ производствахъ, связанныхъ съ землею, это отношеніе опредѣляется тою мѣрою, въ какой требуется содѣйствіе другихъ дѣятелей, и тою платою, которую они берутъ за это содѣйствіе.

Первое находится въ обратномъ отношеніи къ качествамъ самой земли, разумѣя подъ этимъ словомъ всѣ доставляемыя ею выгоды. Чѣмъ выше качества земли, тѣмъ меньше требуется участіе другихъ дѣятелей для одинакаго количества произведеній.

Къ числу этихъ качествъ принадлежитъ, прежде всего, производительность почвы. На плодородной почвѣ, при меньшихъ издержкахъ, получается большее количество произведеній, а потому поземельная рента, при одинакихъ другихъ условіяхъ, здѣсь выше, нежели въ другихъ мѣстахъ. Производительность почвы можетъ увеличиваться вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій, которыя

дають возможность извлекать изъ дѣйствія силъ природы бо́льшіе результаты. Въ такомъ случаѣ, съ землею соединяется капиталъ, и тогда при исчисленіи ренты, надобно принять въ расчетъ проценты съ этого капитала. Если капитала положено много, то возвышеніе ренты можетъ быть мнимое. Рента исчисляется на извѣстное пространство земли, которое всегда остается одно и тоже, а потому можетъ казаться, что рента ростетъ, тогда какъ въ сущности она составляетъ доходъ съ гораздо большаго капитала, положеннаго въ землю. Вслѣдствіе этого, доходъ собственно съ земли въ дѣйствительности можетъ быть даже меньше прежняго, тогда какъ номинально, сравнительно съ даннымъ пространствомъ, онъ представляется больше.

Кромѣ плодородія почвы, къ качествамъ земли принадлежитъ выгодность положенія, то есть, близость или дальность отъ мѣстъ сбыта, а также удобство и дешевизна сообщеній. Земли, находящіяся ближе къ мѣсту сбыта или пользующіяся болѣе удобными и дешевыми сообщеніями, приносятъ болѣе дохода нежели тѣ, которыя не имѣютъ этихъ преимуществъ. Издержки для доставленія произведеній на рынокъ тутъ меньше, слѣдовательно требуется меньшее участіе труда и капитала, соразмѣрно съ чѣмъ уменьшается и доля послѣднихъ въ доходѣ, получаемомъ съ произведеній.

Эта доля зависитъ не только отъ мѣры, въ какой требуется участіе другихъ дѣятелей въ производствѣ, но и отъ высоты той платы, которую они взимаютъ за это участіе. Высота же платы опредѣляется опять закономъ предложенія и требованія. Чѣмъ больше земли въ сравненіи съ народонаселеніемъ, тѣмъ выше будетъ заработная плата и тѣмъ меньше останется для ренты, и наоборотъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ отношеніи къ капиталу. Когда говорятъ, что высота процента съ капитала въ земледѣліи всегда опредѣляется высотою процента въ обрабатывающей промышленности, то упускаютъ изъ виду, что требованіе капитала въ земледѣліи возвышаетъ процентъ и въ другихъ отрасляхъ, также какъ и наоборотъ, требованіе капиталовъ въ другихъ отрасляхъ, уменьшая предложеніе ихъ въ земледѣліи, тѣмъ самымъ поддерживаетъ высоту процента, хотя бы, при уменьшеніи количества земли, рента имѣла стремленіе къ возвышенію. Наконецъ, тотъ же законъ управляетъ и отношеніемъ поземельной ренты къ прибыли предпринимателя. Тутъ является отношеніе пред-

принимателя, съ одной стороны къ землѣ, съ другой стороны къ капиталу. Тамъ, гдѣ предпріятія обращаются преимущественно на землю, тамъ неизбѣжно ростетъ поземельная рента, которая можетъ достигнуть даже неестественной высоты вслѣдствіе конкурренціи соискателей. Предприниматель готовъ иногда довольствоваться самымъ малымъ, лишь бы получить клочокъ земли. Таково отчасти положеніе дѣлъ въ Ирландіи. Тамъ же, гдѣ рядомъ съ земледѣліемъ возникаютъ и всякаго рода другія предпріятія, и гдѣ поэтому небольшой капиталистъ не поставленъ въ необходимость влагать свой капиталъ непремѣнно въ землю, а можетъ выбирать между различными отраслями, тамъ поземельная рента держится на умѣренной высотѣ, и положеніе предпринимателя становится выгоднѣе. Это именно замѣчается въ странахъ, гдѣ производительность развивается равномѣрно. Въ Англіи и Франціи, какъ мы видѣли, положеніе фермера въ настоящее время несравненно лучше, нежели прежде; увеличеніе производительности земли идетъ главнымъ образомъ въ его пользу. А съ другой стороны, отъ этого не страдаетъ и землевладѣлецъ, ибо, если конкурренція другихъ отраслей въ требованіи труда, капитала и предпріимчивости ведетъ къ пониженію поземельной ренты, то это стремленіе уравновѣшивается возрастающимъ требованіемъ на произведенія земли, которое рождается при развитіи другихъ отраслей производства. Тутъ является новый сбытъ, вслѣдствіе котораго возвышается цѣна произведеній, а соразмѣрно съ этимъ и поземельная рента. Такимъ образомъ, обоюдная выгода достигается всестороннимъ развитіемъ производства, а такъ какъ развитіе другихъ отраслей зависитъ главнымъ образомъ отъ накопленія капиталовъ, то и въ этомъ отношеніи возрастаніе капитала является существеннѣйшимъ условіемъ народнаго богатства.

2. Процентъ съ капитала.

Процентъ составляетъ вознагражденіе за выгоды, доставляемыя употребленіемъ капитала. Всего яснѣе это выражается въ ссудахъ, когда капиталистъ и предприниматель являются двумя разными лицами. Предприниматель получаетъ чужой капиталъ на время и обязанъ его возвратить; но сверхъ того, онъ долженъ вознаградить капиталиста за выгоды, доставленныя ему въ промежуточный срокъ употребленіемъ капитала. Это вознагражденіе, сравненное съ капитальною суммою,

называется процентомъ. При употребленіи капитала самимъ хозяиномъ, таже выгода получается имъ самимъ. Поэтому и здѣсь на капиталъ насчитывается извѣстный процентъ, который входитъ въ составъ издержекъ производства. Иначе хозяинъ, самъ употребляя свой капиталъ, лишился бы той выгоды, которую онъ получаетъ при отдачѣ его въ чужія руки. Высотою процента при ссудахъ опредѣляется и высота процента при собственномъ употребленіи. Такимъ образомъ капиталъ, находясь въ оборотѣ, даетъ ростъ. Это и служитъ выраженіемъ того основнаго экономическаго факта, что капиталъ является дѣятелемъ производства.

Процентъ съ капитала есть, по этому самому, явленіе міровое. Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ на свѣтѣ ссуды, существуютъ и проценты. Никогда ни одинъ народъ безъ нихъ не обходился, и всѣ стремленія уничтожить проценты, придавая ссудамъ чисто нравственный характеръ благотворительности, оказывались тщетными, ибо вознагражденіе за употребленіе капитала необходимо вытекаетъ изъ самыхъ коренныхъ законовъ и условій экономическаго быта.

Уже въ древнѣйшемъ законодательствѣ Индіи, въ законахъ Ману, мы находимъ постановленія о ростѣ. Тамъ прямо говорится, что кто беретъ два процента въ мѣсяцъ даже съ Брамина, тотъ не повиненъ въ беззаконной прибыли. У Евреевъ воспрещено было взиманіе роста съ соотечественниковъ, но дозволено было брать проценты съ иностранцевъ. У Грековъ, при ихъ воззрѣніи на дѣятельность и обязанности гражданина, отдача денегъ за проценты подвергалась осужденію; Аристотель считалъ взиманіе роста, также какъ и торговые обороты, противоестественнымъ способомъ обогащенія. Тѣмъ не менѣе, еще Солономъ разрѣшено было брать проценты по обоюдному соглашенію безъ всякаго ограниченія. Въ Римѣ была установлена имъ законная норма. Только въ средніе вѣка, подъ вліяніемъ церкви, которая, опираясь на еврейскій законъ, ратовала противъ всякаго роста, произошла реакція и въ свѣтскомъ законодательствѣ. Но настоятельныя потребности промышленности новаго времени заставили отказаться отъ этого взгляда. Новая философія права, равно какъ и положительное законодательство всѣхъ европейскихъ народовъ, признали процентъ съ капитала правомѣрнымъ способомъ полученія дохода.

Въ настоящее время, одни соціалисты считаютъ процентъ явленіемъ незаконнымъ. Прудонъ объявилъ производительность ка-

питала фикціею, а получаемый съ него доходъ вымогательствомъ, проистекающимъ изъ права собственности. Нормальный экономическій порядокъ, по его теоріи, долженъ быть основанъ на взаимности услугъ, которыя должны уравновѣшиваться безъ всякой прибыли для кого бы то ни было. Поэтому и кредитъ, который ничто иное какъ мѣна, долженъ быть даровой. Всѣ производители, обмѣниваясь своими произведеніями, кредитуютъ другъ другу, не взимая за это никакой особенной платы. Разница состоитъ лишь въ томъ, что одни отдаютъ свои произведенія за разъ, а другіе въ нѣсколько сроковъ. На этомъ Прудонъ основывалъ свой знаменитый проектъ мѣноваго банка, который долженъ былъ сдѣлаться всеобщимъ посредникомъ мѣны, безъ помощи денегъ, пуская въ ходъ бумаги, представляющія цѣнность обмѣнивающихся произведеній, и взимая за это лишь плату необходимую для покрытія издержекъ. Изъ этого банка онъ совершенно устранялъ государство: все должно было быть основано на взаимности производителей [1]).

Противъ этой теоріи дароваго кредита возсталъ Бастіа. Отправляясь, точно также какъ Прудонъ, отъ проявляющейся въ оборотѣ взаимности услугъ, онъ доказывалъ, что тотъ, кто даетъ другому кредитъ, то есть, предоставляетъ срокъ для уплаты, тѣмъ самымъ оказываетъ услугу, за которую онъ долженъ быть вознагражденъ. Не все равно, платить за произведенія немедленно или черезъ годъ, черезъ два, три или четыре года. Получающій отсрочку тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ выгоду, за которую онъ долженъ заплатить. Иначе всякій захотѣлъ бы получить кредитъ, и никто не хотѣлъ бы его давать. И чѣмъ долѣе срокъ, тѣмъ плата очевидно должна быть больше. Въ этомъ и состоитъ процентъ. Тамъ, гдѣ оборотъ основанъ не на благотворительности, а на расчетѣ, процентъ съ капитала составляетъ необходимую принадлежность всякой кредитной сдѣлки. Это—вознагражденіе за оказанную услугу, именно, за право употреблять въ теченіи извѣстнаго времени чужой капиталъ [2]).

Эта аргументація совершенно уничтожала теорію Прудона. Вызванный на бой, знаменитый соціалистъ метался во всѣ стороны,

---

[1]) См. въ особенности Résumé de la Question Sociale. Banque d'Echange (1849).

[2]) См. брошюру: Capital et Rente; также Harmonies économiques VII, и споръ съ Прудономъ.

но прямаго отвѣта на поставленный ему вопросъ онъ не могъ дать. И точно, съ точки зрѣнія частнаго обмѣна услугъ, на которую становился Прудонъ, доводы Бастіà были неотразимы. Это и было признано Луи Бланомъ, который, допуская невозможность уничтожить процентъ съ капитала при системѣ частнаго производства, въ свою очередь пытался опровергнуть Бастіà съ точки зрѣнія кредита государственнаго.

Въ силу чего, говоритъ Луи Бланъ, должникъ платитъ процентъ кредитору? Единственно въ силу того, что онъ нуждается въ средствахъ работы, или въ орудіяхъ производства, которыя находятся въ рукахъ другаго. Но справедливъ ли такой порядокъ вещей, въ которомъ средства работы, долженствующія быть во владѣніи всѣхъ, усвоены нѣкоторыми? Всякій, рождаясь, приноситъ съ собою право на жизнь; но право на жизнь осуществляется только возможностью работать; возможность же работать зависитъ отъ обладанія орудіями производства. Слѣдовательно, если множество людей, рождаясь на свѣтъ, находятъ орудія производства въ рукахъ нѣкоторыхъ, то они черезъ это самое становятся рабами послѣднихъ. Утверждаютъ, что счастливые обладатели капитала, давая его въ займы, оказываютъ услугу тѣмъ, которые въ немъ нуждаются. Но какимъ образомъ пріобрѣли они возможность оказывать эту услугу и почему другіе въ ней нуждаются? Говорятъ, что капиталъ есть произведеніе труда, и что уплата процентовъ составляетъ вознагражденіе за предшествующій трудъ. Но въ такомъ случаѣ надобно разсмотрѣть, дѣйствительно ли капиталистъ пріобрѣлъ капиталъ своимъ собственнымъ трудомъ. Если онъ выигралъ его на биржѣ или обогатился обманомъ, то это будетъ вознагражденіе игры и обмана, а не труда. Экономисты, доказывающіе законность процента, всегда имѣютъ въ виду капиталъ, какъ вещь, а не капиталиста, какъ лице, между тѣмъ какъ все дѣло именно въ послѣднемъ. Никто не отрицаетъ пользы капитала, но отрицаютъ справедливость присвоенія его немногимъ. При такой системѣ, обманщикъ и игрокъ получаютъ такое же вознагражденіе, какъ и честный работникъ. Послѣдній дѣйствительно долженъ получить вознагражденіе, но въ качествѣ работника, а не капиталиста. Слѣдовательно, необходимо придти къ такой системѣ, гдѣ вознаграждался бы одинъ трудъ, но вознаграждался бы вполнѣ. Это возможно только при такомъ общественномъ устройствѣ, гдѣ орудія производства составляютъ достояніе всѣхъ,

и всякій, рождаясь членомъ общества, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ на нихъ извѣстное право. Здѣсь только возможно и осуществленіе дароваго кредита, который иначе остается чистою химерою [1]).

Не трудно видѣть всю слабость этихъ доводовъ. Луи Бланъ утверждаетъ, что каждый, рождаясь, приноситъ съ собою право на жизнь; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что каждый, просто въ силу рожденія, имѣетъ право требовать отъ другихъ, чтобы они доставляли ему средства работы. Актъ рожденія никому не даетъ права на произведенныя чужимъ трудомъ орудія производства. Тотъ кто, являясь на свѣтъ, находитъ эти орудія въ рукахъ другихъ людей, можетъ обратиться къ послѣднимъ не съ требованіемъ, а съ просьбою, и если онъ получитъ отъ нихъ то, что ему нужно, онъ обязанъ вознаградить ихъ за оказанную ему услугу. При этомъ нѣтъ никакой нужды изслѣдовать, какимъ образомъ кредиторъ пріобрѣлъ находящійся въ рукахъ его капиталъ: достаточно того, что онъ законный его владѣлецъ, и что онъ оказываетъ должнику услугу, за которую послѣдній обязанъ его вознаградить. Для должника совершенно даже безразлично происхожденіе получаемаго въ займы капитала. Отъ кого бы онъ его ни получилъ, онъ одинаково обязанъ вознаградить владѣльца. Если процентъ съ капитала, пріобрѣтеннаго собственнымъ трудомъ, имѣетъ законное основаніе, какъ допускаетъ Луи Бланъ, то этимъ самымъ признается въ принципѣ законность всякаго процента. Вопреки увѣренію Луи Блана, тутъ дѣло идетъ не о нравственныхъ качествахъ лицъ, а объ экономическихъ отношеніяхъ. Но и эти отношенія управляются справедливостью, которая требуетъ, чтобы оказанныя услуги вознаграждались. Она не можетъ признать правильнымъ, чтобы капиталъ, произведенный трудомъ однихъ, отдавался другимъ даромъ, въ силу какого то присущаго имъ отъ рожденія права. По этому самому, она не можетъ признать правильнымъ и то, чтобы орудія производства, созданныя трудомъ отдѣльныхъ лицъ, становились достояніемъ всѣхъ. Въ нормальномъ порядкѣ, капиталъ, какъ произведеніе труда, долженъ принадлежать тому, кто его произвелъ, или къ кому онъ перешелъ по добровольному соглашенію съ производителемъ. Если владѣлецъ ссужаетъ имъ новаго работника, нуждающагося въ орудіяхъ производства, то онъ имѣетъ право требовать вознагражденія.

---

1) L'Organisation du travail, Livre IV, ch. I, 2 (1850).

Система Луи Блана въ сущности уничтожаетъ всякій кредитъ, ибо тамъ, гдѣ орудія производства принадлежатъ цѣлому обществу и все производство становится общественнымъ, тамъ работникъ не нуждается ни въ какой ссудѣ капитала: онъ обреченъ на то, чтобы вѣчно оставаться при одной заработной платѣ. Процентъ исчезаетъ, просто потому что исчезаютъ ссуды и займы. Общество, или государство, является тутъ единственнымъ производителемъ; въ рукахъ его остается весь капиталъ; работникамъ же оно раздаетъ не капиталъ, а работу. Но и въ этомъ случаѣ общество все таки получаетъ съ своего капитала прибыль; иначе капиталъ употреблялся бы непроизводительно. Разница лишь та, что эта прибыль исчисляется не на основаніи экономическихъ законовъ, а чисто произвольно. Государство беретъ то, что ему нужно, а остальное раздаетъ работникамъ, въ видѣ заработной платы. Если Луи Бланъ признаетъ противорѣчіемъ водвореніе дароваго кредита при системѣ индивидуализма, то еще большимъ противорѣчіемъ представляется установленіе дароваго кредита при такой системѣ, которая исключаетъ всякій кредитъ, и которая сама ничто иное какъ колоссальное противорѣчіе.

Еще менѣе основательны тѣ возраженія, которыя дѣлаетъ Родбертусъ противъ теоріи Бастіà [1]). Родбертусъ признаетъ совершено согласнымъ съ справедливостью, что предприниматель платитъ капиталисту извѣстный процентъ за ссужаемый ему капиталъ. Но вопросъ, по его мнѣнію, состоитъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что капиталистъ, вмѣстѣ съ предпринимателемъ, неправильно присвоиваютъ себѣ львиную часть произведеній рабочаго. При дѣлежѣ добычи, предприниматель, безъ сомнѣнія, можетъ удѣлить часть своей прибыли капиталисту; но въ силу чего пріобрѣлъ онъ право на эту прибыль? Единственно въ силу того, что работники, пущенные по міру голодными и нагими, принуждены довольствоваться насущнымъ кускомъ хлѣба, предоставляя предпринимателямъ и капиталистамъ значительнѣйшую часть того, что произведено ихъ руками. Когда Бастіà, говоритъ Родбертусъ, ставитъ вопросъ между рабочимъ, произведшимъ орудіе, и другимъ рабочимъ, получающимъ это орудіе въ ссуду, то онъ этимъ затемняетъ только истинное существо дѣла, изображая споръ вовсе не между тѣми сторонами, которыя ведутъ его въ

---

[1]) Zur Beleuchtung der soc. Frage, стр. 115—119.

дѣйствительности, а между такими, которыя живутъ въ мирѣ между собою.

На дѣлѣ, ложная постановка вопроса является только у Родбертуса, который, по своему обыкновенію, дѣлая диверсію въ сторону, старается путемъ софизмовъ избѣгнуть неотразимой аргументаціи Бастіà. Вопросъ о закономѣрности роста касается ссуды вообще, а вовсе не тѣхъ лицъ, кому и кѣмъ она производится. Предприниматель ли занимаетъ у капиталиста, или рабочій у рабочаго, это совершенно безразлично. Вопросъ состоитъ единственно въ томъ: правомѣрно ли, при ссудѣ капитала, требовать не только его возвращенія полностью, но и платы за употребленіе его въ теченіи извѣстнаго срока? Родбертусъ признаетъ, что предприниматель, по справедливости, обязанъ уплатить процентъ капиталисту; но вѣдь предпринимателями могутъ быть и рабочіе, и они же могутъ быть и кредиторами предпріятія, какъ доказываетъ примѣръ рабочихъ товариществъ, которыя выпускаютъ облигаціи, расходящіяся въ рабочемъ классѣ. Что же тогда? Измѣняется ли этимъ положеніе вопроса? Если же въ этомъ случаѣ ростъ, какъ плата за употребленіе капитала, правомѣренъ, то онъ правомѣренъ и вообще, и тогда ни коимъ образомъ невозможно сказать, что капиталистъ, взимая процентъ, присвоиваетъ себѣ то, что ему не принадлежитъ. Всѣ эти возраженія ничто иное какъ декламація. При распредѣленіи дохода, капиталисту принадлежитъ процентъ, предпринимателю прибыль, а рабочимъ заработная плата. Если же рабочій является предпринимателемъ, то ему принадлежитъ и прибыль, а процентъ онъ все таки долженъ уплатить капиталисту, у котораго онъ занялъ деньги. Этого требуетъ самая строгая справедливость.

Другой вопросъ: беретъ ли капиталистъ много или мало? Тутъ дѣло идетъ уже не о закономѣрности роста, а объ его высотѣ. Но и тутъ вопросъ рѣшается, въ общемъ итогѣ, не произволомъ, а экономическими законами. Ходячая высота процента опредѣляется опять же отношеніемъ предложенія къ требованію. Чѣмъ больше спросъ на капиталъ, тѣмъ выше процентъ, и наоборотъ, чѣмъ больше предложеніе, тѣмъ онъ ниже. Ростъ стоитъ высоко при рѣдкости капиталовъ; онъ понижается при ихъ изобиліи. Спросъ же на капиталъ опредѣляется отношеніемъ его къ другимъ дѣятелямъ производства.

Главнымъ опредѣляющимъ началомъ является здѣсь отношеніе капитала къ народонаселенію. Отъ численности народонаселенія зависитъ количество рабочихъ рукъ, требующихъ работы; требованіе же работы есть вмѣстѣ требованіе необходимаго для работы капитала. Съ своей стороны, капиталъ, для того чтобы быть производительнымъ, требуетъ рабочихъ рукъ. Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ ниже заработная плата, и тѣмъ выше процентъ съ капитала; наоборотъ, чѣмъ ихъ меньше въ сравненіи съ капиталомъ, тѣмъ выше заработная плата, и тѣмъ ниже процентъ. Поэтому, если народонаселеніе умножается быстрѣе, нежели капиталъ, то заработная плата понижается, а доходъ капиталистовъ ростетъ. Но это пониженіе не можетъ идти далѣе того, что нужно для содержанія рабочихъ; иначе количество ихъ уменьшается отъ голода и болѣзней, до тѣхъ поръ пока установится такое отношеніе, которое дастъ имъ возможность жить. Такое же явленіе происходитъ и тогда, когда предложеніе капиталовъ внезапно уменьшается, напримѣръ вслѣдствіе экономическихъ или политическихъ кризисовъ, которые не только уничтожаютъ многіе изъ обращающихся капиталовъ, но заставляютъ и остальные скрываться подъ вліяніемъ страха. Наоборотъ, если капиталъ умножается быстрѣе, нежели народонаселеніе, то заработная плата ростетъ, а процентъ съ капитала понижается. Это и есть то отношеніе, которое господствуетъ у всѣхъ прогрессивныхъ народовъ. Въ теченіи исторіи мы видимъ, что процентъ съ капитала, не смотря на значительныя колебанія и на различіе мѣстныхъ условій, постепенно понижается, и это свидѣтельствуетъ объ экономическомъ развитіи человѣчества. Въ новѣйшее время въ особенности, быстрое умноженіе капиталовъ повело къ чрезвычайному паденію процента въ государствахъ западной Европы. Многіе капиталисты принуждены довольствоваться помѣщеніемъ капиталовъ даже изъ за двухъ процентовъ. Для крупныхъ капиталовъ, тутъ все таки остается довольно значительный доходъ; но мелкіе капиталисты должны добавлять недостающее своимъ трудомъ. Если такое положеніе, съ одной стороны, содѣйствуетъ производительности, то съ другой стороны, нельзя не признать, что слишкомъ значительное пониженіе процента составляетъ вообще препятствіе дальнѣйшему приращенію капитала, а вслѣдствіе того и промышленному развитію общества.

Отношеніе капитала къ народонаселенію не есть впрочемъ единственный факторъ, опредѣляющій высоту процента. Независимо отъ

случайныхъ обстоятельствъ, могущихъ имѣть вліяніе на возвышеніе или пониженіе роста, тутъ играетъ роль и отношеніе капитала къ остальнымъ двумъ дѣятелямъ производства, къ землѣ и къ предпріимчивости. Въ странахъ новыхъ, гдѣ земли много, и она, при малыхъ издержкахъ, даетъ обильную жатву, а между тѣмъ обезпеченъ и внѣшній сбытъ, является спросъ одновременно на капиталъ и на рабочія силы. При такихъ условіяхъ, и заработная плата и процентъ съ капитала могутъ стоять на значительной высотѣ. Обиліе естественныхъ богатствъ даетъ обоимъ дѣятелямъ возможность возвыситься на счетъ поземельной ренты. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ старыхъ обществахъ, если въ нихъ внезапно открывается поприще для новыхъ предпріятій. И тутъ является значительный спросъ, какъ на капиталъ, такъ и на рабочія руки. Новыя предпріятія всегда даютъ большую прибыль, изъ которой предприниматель можетъ удѣлить часть капиталистамъ и рабочимъ, съ тѣмъ чтобы привлечь ихъ къ своему дѣлу. Тутъ покоряются человѣку новыя силы природы, и это дѣйствуетъ точно также, какъ и обработка новыхъ земель. Таковы именно были результаты построенія въ Европѣ желѣзныхъ дорогъ. Но такой усиленный спросъ на капиталы составляетъ явленіе временное. Онъ продолжается до тѣхъ поръ, пока новая отрасль не переполнится; а такъ какъ значительность прибыли, съ своей стороны, содѣйствуетъ приращенію капиталовъ, то за возвышеніемъ процента опять слѣдуетъ его пониженіе. Постояннымъ факторомъ остается отношеніе капитала къ народонаселенію, вслѣдствіе чего главная задача экономической политики должна состоять въ содѣйствіи возможно быстрому приращенію капиталовъ. Въ богатыхъ и образованныхъ странахъ это дѣлается само собою. Гдѣ капиталы находятся въ изобиліи, а народонаселеніе, съ своей стороны, имѣетъ привычки воздержности и бережливости, тамъ капитализація идетъ съ неимовѣрною быстротою, и соотвѣтственно этому понижается процентъ. Предѣлъ этому пониженію лежитъ въ возможности помѣстить свои капиталы въ другихъ странахъ, гдѣ капиталы скудны и естественныя богатства мало разработаны. Въ настоящее время, громадное количество англійскихъ и французскихъ капиталовъ помѣщены за границею, а такъ какъ предпріятія все расширяются и капиталы ищутъ новыхъ помѣщеній, то предѣломъ этого расширенія является лишь разработка богатствъ всего земнаго шара.

Отсюда видно, до какой степени превратны всѣ возгласы соціалистовъ противъ тираніи капитала и противъ закономѣрности процентовъ. Эта мнимая тиранія есть высшее благодѣяніе для человѣческаго рода. Изъ всѣхъ дѣятелей производства, одинъ капиталъ способенъ умножаться безгранично, и всегда благотворно для общества. Только въ его умноженіи заключается спасеніе и отъ истощенія земли и отъ чрезмѣрнаго приращенія народонаселенія. Доходъ же съ капитала составляетъ необходимое условіе его умноженія. Доходъ вызываетъ сбереженія и даетъ возможность сберегать. Высота процента доказываетъ только, что капиталовъ мало, и что требуется ихъ умноженіе, и лишь путемъ этого естественнаго умноженія, а не какими либо произвольными постановленіями или искусственными мѣрами, возможно поднять высоту заработной платы. Предложенія соціалистовъ идутъ совершенно наперекоръ той цѣли, которую они имѣютъ въ виду. Съ уничтоженіемъ процентовъ, уничтожилось бы всякое побужденіе къ приращенію капитала; вмѣсто того чтобы рости, онъ остановился бы или пошелъ назадъ. Послѣдствіемъ была бы всеобщая бѣдность. При такомъ условіи, единственнымъ исходомъ представляется переводъ всѣхъ капиталовъ въ руки государства, которое, въ качествѣ монополиста, имѣло бы возможность брать ту прибыль, какую ему заблагоразсудится, не стѣсняясь отношеніемъ предложенія къ требованію. Однако и тутъ сохранился бы законъ отношенія капитала къ народонаселенію; чѣмъ болѣе стало бы брать себѣ государство, тѣмъ менѣе оставалось бы для рабочихъ, и тѣмъ ниже стояла бы заработная плата. А такъ какъ при государственномъ хозяйствѣ неизбѣжно должно уменьшиться производство, а умноженію народонаселенія не полагается никакихъ преградъ, то естественно что и этотъ порядокъ еще быстрѣе поведетъ къ всеобщей бѣдности. Еслибы когда либо возможно было хотя временное осуществленіе соціализма, то онъ разрушилъ бы себя собственнымъ противорѣчіемъ.

3. Заработная плата.

Заработная плата есть вознагражденіе работника за его трудъ. При существующемъ экономическомъ строѣ, основанномъ на свободѣ, эта плата опредѣляется рыночною цѣною работы и установляется договоромъ между нанимателемъ и нанимаемымъ.

Извѣстно, что соціалисты возстаютъ противъ такого способа вознагражденія. По ихъ теоріи, трудъ составляетъ единственный источникъ цѣнности товаровъ, а между тѣмъ, продавая его на рынкѣ, работникъ получаетъ только часть произведенной имъ цѣнности въ видѣ наемной платы. Соціалисты видятъ даже нѣчто безчестное въ томъ, что трудъ, который служитъ началомъ всякаго производства и неразрывно связанъ съ лицемъ работника, покупается и продается, какъ простой товаръ, и подчиняется общимъ всѣмъ произведеніямъ законамъ мѣны [1]).

Окончательное свое выраженіе это воззрѣніе нашло у Маркса. Отправляясь отъ того положенія, что цѣнность всѣхъ товаровъ опредѣляется количествомъ вложеннаго въ нихъ труда, Марксъ утверждаетъ, что и самый трудъ, какъ скоро онъ обращается въ товаръ, слѣдуетъ тому же закону. Мѣновая его цѣнность опредѣляется количествомъ труда, необходимаго для поддержанія рабочей силы, то есть, для содержанія работника. Но такъ какъ трудъ, по своей природѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ всякой производительности, то онъ производитъ гораздо болѣе того, что онъ самъ стоитъ. Рабочій можетъ работать, напримѣръ, двѣнадцать часовъ, а для производства всего потребнаго для его содержанія достаточно примѣрно шести. Эти шесть часовъ и представляютъ мѣновую цѣнность работы, тогда какъ въ цѣнность произведеннаго ею товара входитъ не мѣновая, а потребительная ея цѣнность, равняющаяся двѣнадцати часамъ дѣйствительно произведенной работы. Слѣдовательно, покупая трудъ за сумму, равняющуюся шестичасовой работѣ, и продавая произведенный этимъ трудомъ товаръ за сумму, равняющуюся двѣнадцатичасовой работѣ, капиталистъ, или предприниматель получаетъ излишекъ, который онъ неправильно похищаетъ у рабочаго и присвоиваетъ себѣ. Отсюда прибыль, которая составляетъ плодъ производительности работы, но которая ускользаетъ отъ рабочаго, вслѣдствіе того что онъ принужденъ свою рабочую силу продавать по рыночной цѣнѣ [2]).

Выше было уже опровергнуто то ложное положеніе, на которомъ покоится вся эта аргументація, именно, что трудъ есть единственная производительная сила, и что цѣнность произведеній опредѣ-

[1]) Rodbertus: Zur Beleuchtung der socialen Frage, стр. 47.
[2]) Das Kapital, стр 157 и слѣд.

ляется исключительно количествомъ вложеннаго въ нихъ труда. Въ дѣйствительности, прибыль капиталиста и предпринимателя составляетъ законно принадлежащее имъ вознагражденіе за ихъ участіе въ производствѣ, а вовсе не излишекъ, отбираемый у рабочаго. Но къ этому софизму присоединяются здѣсь другіе. Чтобы дать своему выводу какую нибудь логическую окраску, Марксъ предполагаетъ, что на рынкѣ покупается не работа, а рабочая сила, цѣнность которой опредѣляется необходимыми для содержанія ея издержками. Между тѣмъ, на дѣлѣ продается и покупается вовсе не р а б о ч а я с и л а, которая остается при рабочемъ, а единственно ея у п о т р е б л е н і е, то есть работа въ теченіи извѣстнаго количества часовъ. Если рабочій обязался работать двѣнадцать часовъ, то предприниматель купилъ именно двѣнадцатичасовую работу, а никакъ не шестичасовую. За эту двѣнадцатичасовую работу онъ заплатилъ деньги въ видѣ заработной платы, и именно эта сумма вошла въ цѣнность произведеннаго товара, какъ часть издержекъ производства. По теоріи Маркса, продается исключительно мѣновая цѣнность рабочей силы, за которую работникъ получаетъ плату, а покупается потребительная ея цѣнность, то есть, употребленіе ея, какъ производительной силы, чѣмъ и опредѣляется цѣна произведеній. Глупый работникъ объ этомъ не догадывается, но капиталистъ на этомъ основываетъ всѣ свои расчеты. Между тѣмъ, по собственному ученію Маркса, въ мѣновую цѣность какого бы то ни было товара не входитъ ни единаго атома потребительной цѣнности. Если мы примемъ это ученіе, то мы должны будемъ сказать, что и въ цѣнность произведеннаго работою товара не входитъ ни единаго атома потребительной цѣнности купленной на рынкѣ работы, а единственно мѣновая цѣнность послѣдней. Если же мы скажемъ, что цѣнность произведеннаго товара опредѣляется потребительною цѣнностью работы, то мы должны будемъ признать, что именно эта цѣнность куплена предпринимателемъ, и что за нее онъ заплатилъ работнику. Какого бы начала мы ни держались, расчетъ долженъ быть одинъ. Предполагать же, что работникъ продаетъ одну цѣнность, а предприниматель покупаетъ другую, что одинъ продаетъ шестичасовую работу, а другой покупаетъ двѣнадцатичасовую, значитъ отказаться отъ объясненія явленій какими бы то ни было экономическими законами и прибѣгать къ чистой безсмыслицѣ, не имѣющей даже и

призрака основанія. Все ученіе Маркса, котораго выдаютъ за великаго экономиста, зиждется на этомъ софизмѣ.

И такъ, въ заработной платѣ выражается участіе работника въ производствѣ. Чтó въ этой формѣ безчестнаго, трудно понять человѣку, не довольствующемуся фразами. Эта форма есть договоръ двухъ равноправныхъ лицъ, обмѣнивающихся услугами. Одинъ предлагаетъ свою работу, физическую или умственную, другой въ замѣнъ этой работы даетъ деньги. Величайшія произведенія искусства въ этой формѣ обращаются на рынкѣ, также какъ и самый ничтожный товаръ. Тѣ, которые возстаютъ на заработную плату и требуютъ непосредственнаго участія работника въ прибыляхъ предпріятія, не видятъ, что именно первый способъ уплаты всего выгоднѣе для работника, а послѣдній для него немыслимъ. Въ заработной платѣ работникъ получаетъ вознагражденіе немедленно и безъ риска; это—авансъ, который дѣлаетъ ему предприниматель, и который возмѣщается послѣднему, можетъ быть, только черезъ много лѣтъ, а иногда и не возмѣщается вовсе. Еслибы работникъ, участвующій въ постройкѣ фабрики, долженъ былъ получать свое вознагражденіе изъ продажи готовыхъ уже издѣлій, то онъ умеръ бы съ голоду. Работникъ не можетъ ждать; ему нужно питаться, пока затрата на постройку возмѣстится цѣнностью произведеній. Работникъ не можетъ также ставить свое вознагражденіе въ зависимость отъ чужой способности и отъ чужаго хозяйства. Успѣхъ предпріятія зависитъ отъ умѣнія предпринимателя, который, по этому самому, беретъ и весь рискъ на себя. Работникъ же получаетъ свою плату, каковъ бы ни былъ исходъ дѣла, будетъ ли то барышъ или убытокъ. Два работника, работающіе на двухъ сосѣднихъ фабрикахъ, получаютъ равное вознагражденіе за одинакій трудъ, а между тѣмъ одна фабрика, подъ разумнымъ руководствомъ, можетъ процвѣтать, а другая, при дурномъ хозяйствѣ, можетъ давать убытокъ. По мѣткому выраженію Леруа-Больё, заработная плата есть какъ бы страховая премія противъ возможной неспособности или случайной ошибки того, кто заказываетъ и направляетъ работу. Въ ней, говоритъ тотъ же авторъ, заключается то, что лежитъ въ основаніи почти всѣхъ человѣческихъ соглашеній: «я требую платы сообразно съ своимъ трудомъ и съ своею заслугою, а не съ удачею того, кто заказываетъ мнѣ работу» [1]).

---

[1]) Essai sur la répartition des richesses, стр. 374, 378.

Но если работникъ получаетъ свою плату въ видѣ аванса и безъ всякаго риска, то очевидно, что онъ не можетъ имѣть притязанія на такую же долю въ произведеніи, какъ тотъ, кто дѣлаетъ авансъ и беретъ на себя рискъ. Утверждать, какъ дѣлаютъ соціалисты, что предприниматель и капиталистъ присвоиваютъ себѣ то, что принадлежитъ рабочимъ, значитъ намѣренно закрывать глаза на самыя справедливыя требованія, вытекающія изъ условій производства. Получая плату прежде, нежели продано произведеніе, рабочій долженъ сдѣлать уступку даже изъ той доли, которая составляетъ вознагражденіе за его трудъ.

Чѣмъ же опредѣляется высота этой доли? Здѣсь мы встрѣчаемся съ продолжающимся доселѣ споромъ на счетъ того, есть ли трудъ такой же товаръ, какъ и всѣ другіе, а потому долженъ ли онъ покупаться и продаваться совершенно также, какъ и прочіе товары? Съ устраненіемъ соціалистическаго воззрѣнія на трудъ, какъ на единственный источникъ цѣнности, остается еще разсмотрѣть: не имѣетъ ли трудъ такихъ особенностей, которыя отличаютъ его отъ другихъ предметовъ купли и продажи, и не требуется ли для него иная оцѣнка?

Этотъ вопросъ былъ поднятъ въ Англіи въ 1860 году, на съѣздѣ Союза для преуспѣянія Общественныхъ Наукъ, по поводу доклада о рабочихъ союзахъ и забастовкахъ [1]; съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался предметомъ горячей полемики въ литературѣ. Фабриканты, возстававшіе противъ стачекъ и забастовокъ, утверждали, что трудъ—такой же точно товаръ, какъ и другіе, а потому подлежитъ рыночной оцѣнкѣ на основаніи предложенія и требованія. Сторонники рабочихъ, напротивъ, старались доказать, что хотя трудъ можетъ быть названъ товаромъ, такъ какъ онъ продается и покупается на рынкѣ, однако онъ имѣетъ такія особенности, которыя не позволяютъ обходиться съ нимъ, какъ съ другими товарами.

Въ чемъ же состоятъ эти особенности?

Нѣкоторые утверждали, что работа, въ отличіе отъ другихъ предметовъ купли и продажи, есть живой товаръ, а потому невозможно ставить ее на одну доску съ мертвыми вещами. Но признакъ жизни не установляетъ никакого существеннаго отличія одного товара отъ

---

[1]) См. Trades'Societies and Strikes. Fourth Annual Meeting Sept. 1860.

другаго. Живыя существа, напримѣръ лошади и коровы, продаются совершенно на томъ же основаніи, какъ и неодушевленные предметы. Человѣкъ же, какъ живое существо, даже вовсе не продается; на рынкѣ продается не человѣкъ, а его трудъ, и въ этомъ отношеніи совершенно все равно, продается ли трудъ или произведенія труда. Продающіе свои произведенія—точно также живые люди, какъ и продающіе свою работу; для тѣхъ и другихъ продажа составляетъ источникъ жизненныхъ средствъ. Покупщикъ же въ обоихъ случаяхъ цѣнитъ пріобрѣтаемое по той пользѣ, которую оно ему приноситъ. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, нельзя найти никакой разницы между продажею работы и продажею произведеній.

Другіе видѣли различіе въ томъ, что работа, какъ употребленіе силы, есть нѣчто невидимое и неосязаемое; отсюда выводили, что она никакъ не можетъ быть приравнена къ матеріальнымъ предметамъ. Но противъ этого было замѣчено, что когда нанимается домъ или лошадь, то употребленіе этихъ предметовъ точно также составляетъ нѣчто невидимое и неосязаемое. Слѣдовательно, и съ этой стороны между работою и другими товарами никакого различія не оказывается.

Столь же несостоятеленъ и другой сродный съ этимъ доводъ, будто работа, въ отличіе отъ другихъ товаровъ, существуетъ во времени, а потому не можетъ сберегаться; каждая минута, въ которую рабочая сила остается безъ употребленія, говорятъ защитники этого мнѣнія, пропадаетъ безвозвратно, а съ тѣмъ вмѣстѣ пропадаетъ и работа. Но тоже самое относится къ употребленію всѣхъ вещей. Домъ, который стоитъ безъ нанимателей, лошадь, остающаяся безъ работы, находятся совершенно въ томъ же положеніи.

Брентано, который сдѣлалъ сводъ различныхъ взглядовъ по этому вопросу, отвергая всѣ предъидущія объясненія, видитъ единственное, но, по его мнѣнію, существенное различіе между работою и другими товарами въ томъ, что работа неразрывно связана съ самымъ лицемъ продавца. Капиталъ, который ближе всего подходитъ къ труду, такъ какъ оба составляютъ орудія производства, отличается однако отъ послѣдняго тѣмъ, что онъ можетъ быть проданъ отдѣльно отъ владѣющаго имъ лица. Работа же, будучи продана покупателю, даетъ послѣднему власть и надъ лицемъ продавца, ибо, кто покупаетъ употребленіе вещи, тотъ становится владѣльцемъ самой употребляемой вещи. А такъ какъ въ работѣ проявляется весь чело-

вѣкъ, своимъ тѣломъ, разумомъ и чувствами, то покупщикъ работы пріобрѣтаетъ власть надъ всѣмъ физическимъ, умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ бытомъ рабочаго. И это владычество, по увѣренію Брентано, безгранично: покупщикъ работы распоряжается, по своему произволу, и свободою и всѣмъ лицемъ рабочаго, лишая его всякаго вліянія на опредѣленіе условій своего существованія. Между тѣмъ, подобное положеніе противорѣчитъ нравственному существу человѣка, который долженъ быть всегда цѣлью и никогда не можетъ быть низведенъ на степень простаго средства. А потому невозможно приравнивать работу къ другимъ товарамъ, а слѣдуетъ цѣнить ее сообразно съ этою ея особенностью [1]).

Высказывая такой взглядъ, Брентано возстаетъ противъ господствующаго въ политической экономіи стремленія дѣлать общія положенія на основаніи отвлеченныхъ выводовъ; но онъ самъ впадаетъ здѣсь въ тоже самое прегрѣшеніе, и притомъ съ тѣмъ отягчающимъ обстоятельствомъ, что сдѣланный имъ выводъ радикально ложенъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ наемъ работы съ ближе всего подходящимъ къ нему наймомъ капитала, то мы увидимъ, что покупка употребленія вещи не влечетъ за собою непремѣнно власти надъ самою вещью. Орудіе производства можно нанять и съ тѣмъ условіемъ, что оно будетъ употребляться самимъ хозяиномъ. Такъ напримѣръ, паровую молотилку можно нанять съ условіемъ, что хозяинъ ставитъ машиниста и рабочихъ, которые приводятъ ее въ дѣйствіе. Плугъ нанимается вмѣстѣ съ плугаремъ. Владѣлецъ молотильной машины можетъ даже работать у себя дома, съ тѣмъ чтобы ему подвозили чужой хлѣбъ, какъ дѣлается на мельницахъ. Точно также и рабочій можетъ или работать на чужой фабрикѣ чужими орудіями, или же у себя дома съ чужимъ матеріаломъ и чужими орудіями, или же наконецъ, онъ можетъ обработывать чужой матеріалъ своими собственными орудіями. Всѣ эти случаи встрѣчаются въ жизни, и вездѣ опредѣленіе платы, какъ за употребленіе орудій, такъ и за работу, производится совершенно одинакимъ способомъ, именно, взаимнымъ соглашеніемъ, на основаніи закона предложенія и требованія. Особенность работы состоитъ единственно въ томъ, что соотвѣтствующая капиталу рабочая сила, при экономическомъ бытѣ основанномъ на свободѣ, не можетъ быть ни продана, ни отдана другому въ

---

[1]) Die Arbeitergilden der Gegenwart, II, гл. I.

употребленіе: употребляетъ ее всегда самъ работникъ. А потому наниматель не пріобрѣтаетъ надъ послѣднимъ никакой власти. Власть надъ лицемъ имѣютъ только рабовладѣльцы; какъ же скоро рабочій становится свободнымъ лицемъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ признается, что распоряжаться своимъ трудомъ можетъ только онъ самъ, и никто другой. Установленіе условій найма должно совершаться не иначе, какъ по обоюдному соглашенію.

Еще менѣе можно допустить, что съ работою отчуждается весь человѣкъ, какъ увѣряетъ Брентано. Такое всецѣлое отчужденіе лица и есть рабство. Свобода отличается отъ рабства именно тѣмъ, что отчуждается не лице, и не рабочая сила, а лишь частное употребленіе этой силы, и притомъ не иначе какъ по волѣ ея хозяина. Это выяснено съ совершенною очевидностью, какъ правовѣдѣніемъ, такъ и философіею [1]). Точно говоря, покупщикъ пріобрѣтаетъ только результатъ употребленія силы. Работаетъ ли нанимающійся поштучно или поденно, работаетъ ли онъ на фабрикѣ или дома, съ своими или съ чужими орудіями, все это совершенно безразлично для опредѣленія заработной платы, и нанимающій столь же мало имѣетъ власти надъ лицемъ работника въ одномъ случаѣ, какъ и въ другомъ. Работникъ, работающій у себя дома и располагающій своимъ временемъ, можетъ находиться въ гораздо худшемъ положеніи, нежели нанимающійся на фабрикѣ. Вознагражденіе его опредѣляется не большею или меньшею зависимостью его отъ нанимателя, а положеніемъ рынка. Когда спросъ на товаръ и на работу малъ, онъ волею или неволею принужденъ довольствоваться ничтожною платою, какъ бы онъ свободно ни располагалъ своимъ лицемъ.

Самъ Брентано опровергаетъ свое воззрѣніе, когда онъ признаетъ, что посредствомъ ремесленныхъ или рабочихъ союзовъ рабочіе уравниваются съ продавцами другихъ товаровъ. Еслибы дѣйствительно покупка употребленія вещи непремѣнно влекла за собою власть надъ самою вещью, еслибы, продавая свой трудъ, работникъ тѣмъ самымъ отдавалъ себя всецѣло въ руки хозяина, то никакіе союзы не могли бы помочь этому злу. Если же союзы уравниваютъ рабочихъ съ продавцами другихъ товаровъ, то это значитъ, что невыгодное положеніе работника происходитъ вовсе не отъ этой особенности работы, неразрывно съ нею связанной, а отъ совершенно

---

[1]) Ср. Hegel: Philosophie des Rechts § 67.

другихъ причинъ. И точно, Брентано тутъ же приводитъ другую причину, не имѣющую ничего общаго съ указанною имъ особенностью, но гораздо болѣе вѣрную, именно, что при общей бѣдности низшаго населенія, рабочіе, побуждаемые голодомъ, нерѣдко принуждены бываютъ согласиться на невыгодныя для нихъ условія. Эта причина дѣйствительно существуетъ, но она не составляетъ особенности работы, какъ товара. Извѣстно, что и продавцы другихъ товаровъ нерѣдко принуждены бываютъ продавать свои произведенія въ убытокъ; при неблагопріятныхъ условіяхъ, они даже въ конецъ разоряются. Они могутъ получать и значительныя выгоды; но тоже самое бываетъ и съ рабочими: при усиленномъ спросѣ на работу, даже бѣднѣйшіе работники могутъ имѣть весьма хорошіе заработки. И тутъ, слѣдовательно, особенности не оказывается никакой. Въ обоихъ случаяхъ, цѣна опредѣляется не особенностями того или другаго товара, а состояніемъ рынка, то есть, предложеніемъ и требованіемъ.

Такимъ образомъ, и къ заработной платѣ прилагается тотъ же самый законъ, которымъ управляются всѣ экономическія отношенія: чѣмъ больше рабочихъ рукъ въ сравненіи съ требованіемъ, тѣмъ заработная плата стоитъ ниже; наоборотъ, чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ она выше.

Не стремится ли однако народонаселеніе насытить всегда требованіе такъ, что заработная плата неизбѣжно понижается до низшаго своего уровня?

Экономисты, преимущественно англійской школы, и въ приложеніи къ труду различали цѣнность естественную и ходячую. Только послѣдняя, по ихъ мнѣнію, опредѣляется предложеніемъ и требованіемъ; первая же состоитъ въ зависимости отъ средствъ пропитанія. «Естественная цѣна работы, говоритъ Рикардо, есть та, которая доставляетъ рабочимъ вообще средства существовать и продолжать свое племя, безъ умноженія и безъ сокращенія ихъ числа» [1]. Научныя основанія этого ученія были формулированы въ знаменитой теоріи Мальтуса. Онъ доказывалъ, что народонаселеніе всегда имѣетъ стремленіе умножаться быстрѣе, нежели средства существованія. Первое ростетъ въ геометрической пропорціи, послѣднія въ ариѳметической. Поэтому, какъ скоро возвышеніе заработной платы подни-

---

[1]) Principles of Pol. Ec. гл. V.

маетъ уровень благосостоянія рабочаго класса, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ умножается и народонаселеніе, до тѣхъ поръ пока увеличеніе количества рабочихъ рукъ не низведетъ опять заработную плату на прежнюю ея высоту. Когда же, наоборотъ, заработная плата понижается такъ, что рабочіе не имѣютъ уже достаточныхъ средствъ существованія, то голодъ и болѣзни уменьшаютъ ихъ число, пока опять не возстановится нормальное отношеніе.

Отсюда и экономисты и соціалисты выводили заключеніе, что не смотря на колебанія въ ту и другую сторону, заработная плата, подъ вліяніемъ предложенія и требованія, всегда стремится къ естественному уровню, доставляющему не болѣе, какъ насущный хлѣбъ рабочему и его семейству. Лассаль называлъ это «желѣзнымъ экономическимъ закономъ», противъ котораго недѣйствительны никакія частныя мѣры. Только радикальное измѣненіе всего общественнаго строя въ состояніи его устранить [1]).

Но если таковъ дѣйствительно «желѣзный экономическій законъ», то его не устранитъ и самое коренное измѣненіе общественнаго строя. Можно обобрать землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей, и всю принадлежащую имъ прибыль присвоить рабочимъ; отъ этого, по признанному всѣми расчету, доходъ каждаго рабочаго увеличится весьма немногимъ. Но какъ бы онъ ни увеличился, въ силу «желѣзнаго экономическаго закона» народонаселеніе будетъ возрастать быстрѣе; слѣдовательно, черезъ короткое время всѣ опять низойдутъ на прежній уровень. Разница противъ прежняго будетъ состоять лишь въ томъ, что теперь уже не у кого будетъ брать; всѣ равно будутъ нищими. Кромѣ того, съ уничтоженіемъ капиталистовъ и предпринимателей изсякнетъ главный источникъ умноженія капиталовъ, то есть единственное, что можетъ служить противовѣсіемъ умноженію народонаселенія. Голодная смерть будетъ свирѣпствовать уже безъ всякихъ преградъ. Таковъ неизбѣжный исходъ соціализма. Онъ не только безсиленъ противъ указаннаго имъ зла, но онъ необходимо долженъ сдѣлать зло еще худшимъ.

Лѣкарство заключается не въ измѣненіи общественнаго строя, а единственно въ привычкахъ и предусмотрительности человѣка. Самъ Лассаль признаетъ, что въ составъ необходимыхъ средствъ существованія работниковъ входитъ не только скудное пропитаніе, но и

---

[1]) См. Offenes Antwortschreiben etc.

все то, что въ данное время принадлежитъ къ привычному образу жизни рабочаго класса и что образуетъ общій уровень его быта. Только при возможности держаться на этомъ уровнѣ, рабочій основываетъ новую семью, вслѣдствіе чего, при нормальныхъ условіяхъ, заработная плата постоянно держится на данной высотѣ. Отсюда ясно, что этотъ такъ называемый «желѣзный экономическій законъ» вовсе не есть нѣчто неотразимое и непреложное, какъ законъ физической природы. Онъ прилагается къ свободнымъ существамъ, а потому дѣйствіе его въ значительной степени зависитъ отъ предусмотрительности этихъ существъ.

Выведенное Мальтусомъ отношеніе между умноженіемъ народонаселенія и умноженіемъ средствъ пропитанія составляетъ не болѣе какъ лежащее въ физической природѣ стремленіе, которое существенно видоизмѣняется дѣйствіемъ человѣческой воли. Это признавалось и самимъ ея авторомъ. Даже въ предѣлахъ одной и той же страны, при воздержности и предусмотрительности народонаселенія, количество рабочихъ рукъ можетъ идти въ уровень съ умноженіемъ средствъ пропитанія. Капиталъ и изобрѣтательность, обращенные на землю, могутъ увеличивать производительность ея даже въ большей мѣрѣ, нежели требуется приростомъ народонаселенія. Если же мы примемъ во вниманіе, что обработка непочатыхъ пространствъ въ другихъ мѣстахъ земнаго шара, совокупно съ удешевленіемъ перевозки, можетъ значительно понизить цѣнность произведеній земли, а съ другой стороны, что умноженіе капиталовъ ведетъ къ возвышенію заработной платы и къ удешевленію всѣхъ тѣхъ предметовъ потребленія, которые могутъ производиться въ неограниченномъ количествѣ, то мы несомнѣнно придемъ къ заключенію, что то, что называютъ естественною цѣною работы, вовсе не ограничивается скудными средствами пропитанія, а можетъ идти гораздо выше. Тамъ, гдѣ капиталъ ростетъ быстрѣе, нежели народонаселеніе, общій уровень быта рабочаго класса постепенно поднимается, и этотъ результатъ въ значительной степени зависитъ отъ собственной предусмотрительности рабочихъ. Онъ достигается въ томъ случаѣ, если они избытокъ заработной платы обращаютъ на улучшеніе своего быта, а не на чрезмѣрное умноженіе семействъ.

Не всякое впрочемъ умноженіе капитала непремѣнно ведетъ къ возвышенію заработной платы. Капиталъ раздѣляется на стоячій и оборотный: только увеличеніе послѣдняго непосредственно имѣетъ

это дѣйствіе. Умноженіе же перваго можетъ, по крайней мѣрѣ временно, даже уменьшить требованіе на рабочія руки. Таково бываетъ на первыхъ порахъ слѣдствіе введенія машинъ. Но это слѣдствіе имѣетъ преходящее значеніе. Выгоды, проистекающія отъ употребленія машинъ, привлекаютъ капиталы, а такъ какъ приведеніе въ дѣйствіе машинъ требуетъ рабочихъ рукъ, и стоячій капиталъ не обходится безъ оборотнаго, то умноженіе перваго въ концѣ концовъ все таки приводитъ къ умноженію послѣдняго, а потому и къ возвышенію заработной платы.

Это отношеніе стоячаго капитала къ оборотному привело англійскихъ экономистовъ къ ученію о такъ называемомъ «фондѣ заработной платы», изъ котораго уплачивается работа. Возвышеніе платы зависитъ, по этой теоріи, не отъ умноженія капитала вообще, а отъ умноженія именно этой части капитала. Отсюда выводили, что заработная плата не можетъ произвольно повышаться, ибо, если-бы она повысилась для однихъ, то рабочаго фонда не хватило бы на всѣхъ, и тогда нѣкоторые должны бы были остаться вовсе безъ платы [1]).

Противъ этой теоріи въ новѣйшее время послѣдовали съ разныхъ сторонъ возраженія. Утверждаютъ, что единственный фондъ, изъ котораго производится заработная плата, есть общій народный доходъ, и что нѣтъ закона, безусловно опредѣляющаго ту часть этого дохода, которая должна принадлежать рабочимъ. Весьма поэтому возможно повышеніе заработной платы на счетъ доходовъ потребителей или прибылей предпринимателей. Доходъ остается тотъ же, но распредѣленіе его измѣняется [2]).

Возражатели забываютъ, что рабочіе не получаютъ своей платы непосредственно изъ общаго народнаго дохода. Уплата производится въ видѣ аванса, который впослѣдствіи возмѣщается предпринимателю изъ доходовъ предпріятія. А для аванса требуется извѣстный капиталъ, или фондъ, который потомъ снова пополняется изъ доходовъ. Поэтому нельзя сказать, вмѣстѣ съ Леруа-Больё, что «фондъ заработной платы существовалъ только въ смутномъ умѣ нѣкоторыхъ экономистовъ, которые авторитетомъ своего имени навязали другимъ

---

[1]) См. Милль: Основанія Пол. Эк. кн. II, гл. XI §§ 1, 3, гл. XII § 1.

[2]) См. Leroy-Beaulieu: Essai sur la répartition des richesses Гл. XIV, стр. 382; Brentano: die Arbeitergilden der Gegenwart II, стр. 200 и слѣд., и др.

странныя выраженія, прикрывающія ложныя понятія». Фондъ дѣйствительно существуетъ; онъ составляетъ часть оборотнаго капитала предпріятія, и всякая правильная бухгалтерія обнаруживаетъ, какимъ образомъ онъ образуется и пополняется. Это дѣлается путемъ сбереженій. Предприниматель не удѣляетъ работникамъ часть того дохода, который получается при содѣйствіи этой самой работы, ибо этотъ доходъ получается послѣ. Чтобы увеличить заработную плату, надобно отложить часть предшествующихъ доходовъ, превративши ихъ въ оборотный капиталъ предпріятія. Въ преуспѣвающей отрасли, это дѣлается легко, ибо тутъ постоянно оказываются болѣе или менѣе значительныя сбереженія, которыя могутъ быть употреблены на то или другое назначеніе. Съ этой стороны справедливо, что рабочій фондъ не составляетъ неподвижной и неизмѣнной суммы, исключающей въ данную минуту всякую возможность увеличенія. Онъ всегда можетъ пополняться сбереженіями изъ доходовъ; но для этого необходимо, чтобы самые доходы оставляли избытокъ. Иначе предприниматель, вмѣсто увеличенія капитала, предпочтетъ сократить производство. Нѣкоторые рабочіе могутъ получить бо̀льшую плату, но другіе останутся безъ работы.

Такимъ образомъ, увеличеніе оборотнаго капитала зависитъ отъ дохода, а такъ какъ заработная плата уплачивается предпринимателемъ, то главную роль играетъ здѣсь прибыль предпріятія. Слѣдовательно, тутъ надобно принять въ соображеніе не только отношеніе капитала къ народонаселенію, но и отношеніе его къ другимъ дѣятелямъ производства. Выше было уже указано на то, что высокая прибыль, которая получается при обработкѣ новыхъ земель, а также при открытіи новыхъ поприщъ для дѣятельности или при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, поднимаетъ требованіе, какъ на капиталъ, такъ и на работу, и съ тѣмъ вмѣстѣ возвышаетъ размѣръ процентовъ и заработную плату. Здѣсь же лежитъ источникъ сбереженій, а вмѣстѣ и побужденіе къ новымъ затратамъ. Напротивъ, въ отрасляхъ, гдѣ прибыль низка въ сравненіи съ другими производствами, является скорѣе стремленіе къ сокращенію производства и къ уменьшенію затратъ. Въ такомъ случаѣ, рабочіе принуждены или довольствоваться меньшею заработною платою или оставаться частью безъ занятій.

Кромѣ прибыли предпріятія, оборотный капиталъ, необходимый для увеличенія заработной платы, можетъ пополняться и изъ поземельной

мельной ренты. Но это дѣлается только тогда, когда прибыль недостаточна: въ такомъ случаѣ арендаторъ, принужденный увеличить заработную плату, требуетъ соразмѣрнаго сокращенія ренты. А такъ какъ возвышеніе заработной платы не является здѣсь послѣдствіемъ увеличенія прибыли, слѣдовательно спроса на работу въ данной отрасли, то оно можетъ быть вызвано только сторонними причинами, именно, увеличеніемъ прибылей въ другихъ отрасляхъ, черезъ что усиливается вообще требованіе на работу. Такъ напримѣръ, въ Англіи, послѣ 1871 года, значительный подъемъ фабричной промышленности повысилъ въ ней заработную плату, и это повело къ повышенію заработной платы и въ земледѣліи; но такъ какъ въ послѣднемъ не было особенно благопріятныхъ условій, то окончательно возвышеніе пало на поземельную ренту, которая соотвѣтственно понизилась. И тутъ, слѣдовательно, первою причиною повышенія заработной платы является увеличеніе прибыли, которое даетъ возможность увеличить оборотный капиталъ и тѣмъ удовлетворить требованіе работы.

Мы видимъ, что и въ этихъ отношеніяхъ все окончательно зависитъ не отъ человѣческаго произвола, а отъ экономическихъ условій и управляющихъ ими законовъ. Человѣкъ можетъ только наблюдать эти условія и пользоваться ими. Этимъ объясняется удача или неудача рабочихъ агитацій въ пользу возвышенія заработной платы. Удача оказывается тамъ, гдѣ требованіе совпадаетъ съ экономическими условіями, неудача тамъ, гдѣ оно идетъ имъ наперекоръ.

Мы къ этому вопросу возвратимся ниже, а теперь переходимъ къ четвертому и послѣднему элементу дохода, къ прибыли предпріятія.

4. Прибыль предпріятія.

Прибыль предпріятія составляетъ ту часть дохода, которая остается за вычетомъ издержекъ производства, а въ отрасляхъ, связанныхъ съ землею, и за вычетомъ поземельной ренты. Этотъ излишекъ образуется изъ нѣсколькихъ элементовъ. Въ составъ его входятъ: 1) вознагражденіе предпринимателя за трудъ управленія; 2) премія таланта; 3) страховая премія за рискъ; 4) внѣшнія обстоятельства.

Не всякій предприниматель несетъ на себѣ трудъ управленія. Въ товариществахъ обыкновенно дѣло ведется однимъ или немногими;

остальные же, давая свое имя, свой капиталъ, и участвуя въ риске, получаютъ соответствующую долю прибыли. Это особенно видно въ акціонерныхъ обществахъ, гдѣ акціонеръ, не участвуя въ управленіи, имѣетъ однако право на дивидендъ. Въ такихъ случаяхъ, вознагражденіе за трудъ выдѣляется изъ прибыли и, по крайней мѣрѣ частью, относится къ издержкамъ производства; частью же оно можетъ состоять и въ извѣстной долѣ въ барышахъ.

Размѣръ этого вознагражденія опредѣляется опять же закономъ предложенія и требованія. Требованіе зависитъ отъ высоты прибыли: чѣмъ больше прибыль, тѣмъ больше можно дать вознагражденія за руководство предпріятіемъ. Предложеніе же зависитъ отъ количества образованныхъ силъ въ народѣ. Чѣмъ менѣе распространено образованіе въ промышленномъ классѣ, тѣмъ труднѣе найти человѣка способнаго управлять предпріятіемъ, и тѣмъ выше цѣнится его трудъ. Это относится въ особенности къ тѣмъ предпріятіямъ, которыя, кромѣ навыка и нѣкоторой смышлености, требуютъ болѣе или менѣе значительной подготовки, знаній, просвѣщеннаго взгляда на промышленныя условія и отношенія. Съ распространеніемъ образованія въ обществѣ, этого рода трудъ имѣетъ стремленіе къ пониженію. Конкурренція становится сильнѣе; многія лица, получившія извѣстное умственное развитіе и не довольствующіяся механическимъ трудомъ, ищутъ занятій и готовы понизить свои притязанія.

Совершенно иное значеніе имѣетъ второй элементъ, входящій въ составъ прибыли предпріятія,—премія таланта. Это—элементъ чисто личный, а потому не поддающійся никакому опредѣленію. Талантъ выражается именно въ томъ, что лице выдѣляется изъ среды своихъ конкуррентовъ. Въ какой мѣрѣ оно способно возвыситься, это опредѣляется исключительно успѣхомъ, то есть, количествомъ получаемой прибыли. Въ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, напримѣръ въ искусствѣ, сила таланта выражается въ достоинствѣ произведеній, и этимъ опредѣляется получаемое за нихъ матеріальное вознагражденіе; въ промышленности же, весь талантъ состоитъ въ способности получать прибыль. Поэтому здѣсь талантъ цѣнится по приносимому имъ доходу, а не доходъ по степени таланта. Это—тоже самое начало, которое прилагается и къ оцѣнкѣ земли: цѣнность земли опредѣляется приносимымъ ею доходомъ, тогда какъ въ капиталѣ, наоборотъ, количество дохода опредѣляется цѣнностью капитала. Причина та, что талантъ, также какъ и земля, составля-

етъ естественную, хотя и развитую культурою силу, которая сама по себѣ не подлежитъ оцѣнкѣ и цѣнится лишь по приносимой ею выгодѣ. Но въ талантѣ, еще болѣе, нежели въ землѣ, данное природою обработывается и получаетъ новую цѣнность отъ культуры. Здѣсь собственною дѣятельностью лица создается несуществовавшій прежде духовный капиталъ. Этотъ капиталъ, самъ по себѣ, даже независимо отъ матеріальныхъ средствъ, которыми онъ располагаетъ, становится источникомъ прибыли. Имя внушаетъ довѣріе, доставляетъ кредитъ, привлекаетъ потребителей. Фирма переходитъ изъ рода въ родъ и продается, какъ товаръ. И хотя для поддержанія ея нужна новая дѣятельность, но все же эта дѣятельность, только восполняетъ первую. Поддерживать домъ вовсе не то, что его основать. Послѣднее требуетъ гораздо болѣе умѣнія, таланта и дѣятельности.

Поприщемъ таланта являются въ особенности новыя предпріятія. Всего чаще колоссальныя богатства составляются тѣми, которые первые устремляются по неизвѣданному еще пути; слѣдующимъ за ними достается уже не болѣе, какъ обыкновенная прибыль. Промышленный талантъ состоитъ именно въ томъ, чтобы разгадать, куда слѣдуетъ идти. Надобно сообразить, что нужно потребителямъ, и какая можетъ получиться прибыль отъ неизвѣстныхъ еще потребностей. Нерѣдко значительныя состоянія составляются просто умѣніемъ отгадать вкусъ публики въ самыхъ пустыхъ вещахъ. Но тутъ есть и оборотная сторона. Многіе, пускаясь въ новыя предпріятія, разоряются въ конецъ. Предпріимчивость безъ таланта легко обращается въ легкомысліе, которое влечетъ за собою свое наказаніе.

Изъ всего этого ясно, что самая существенная часть прибыли предпринимателя составляетъ справедливѣйшее вознагражденіе лица, вознагражденіе, на которое послѣднее имѣетъ неотъемлемое право; а такъ какъ высота этого вознагражденія опредѣляется исключительно успѣхомъ, то есть, умѣніемъ угадать потребности публики, то никогда нельзя сказать, что предприниматель получилъ больше, нежели слѣдовало ему по справедливости. Поэтому, когда соціалисты возстаютъ противъ прибыли предпринимателя, и видятъ въ ней незаконное похищеніе чужой собственности, когда Родбертусъ увѣряетъ, что предприниматель, вмѣстѣ съ капиталистомъ, беретъ себѣ львиную часть того, что по праву принадлежитъ рабочимъ, то въ подобныхъ возгласахъ можно видѣть только декламацію, идущую наперекоръ и существу дѣла и простому здравому смыслу. Предпри-

ниматель получаетъ лишь ту прибыль, которая составляетъ плодъ собственной его промышленной способности. На двухъ сосѣднихъ фабрикахъ рабочіе могутъ работать одинаково хорошо, но если на одной дѣло ведется расчетливо, а на другой нѣтъ, то первая принесетъ прибыль, а другая убытокъ. И это вознагражденіе предпринимателя составляетъ величайшее благо для народнаго хозяйства. Въ немъ заключается главная движущая пружина промышленнаго развитія. Оно побуждаетъ предпринимателей пролагать новые пути; въ виду его создаются, какъ вещественные, такъ и невещественные капиталы, которые, оплодотворяя народный трудъ, составляютъ безпрерывно накопляющіеся источники производительной дѣятельности. Каждая нарождающаяся способность является новымъ производительнымъ центромъ, откуда истекаетъ богатство, разливающееся потомъ на все народонаселеніе. Никто не теряетъ, а напротивъ, всѣ выигрываютъ отъ существованія этихъ вожатаевъ промышленныхъ силъ страны, отъ количества и качества которыхъ окончательно зависитъ весь успѣхъ народнаго производства.

Столь же справедливо входитъ въ составъ прибыли и страховая премія за рискъ. Когда есть шансы на потери отъ чисто внѣшнихъ причинъ, то невозможно довольствоваться обыкновенною прибылью: надобно положить что нибудь на покрытіе возможныхъ убытковъ. На этомъ основано всякое страхованіе. И чѣмъ больше рискъ, тѣмъ выше должна быть премія; иначе никто не сталъ бы влагать свой капиталъ и трудъ въ рискованныя предпріятія. Но если премія расчитывается равно для всѣхъ предпріятій, стоящихъ въ одинакихъ условіяхъ, то пользуются ею не всѣ одинаково, ибо шансы не равно распредѣляются на всѣхъ: одни получаютъ барышъ, а другіе убытокъ. Поэтому, при расчетѣ на средніе шансы, одни предприниматели будутъ все таки стоять ниже, а другіе выше, то есть, одни разорятся отъ чрезмѣрныхъ убытковъ, а другіе получатъ болѣе, нежели среднія выгоды. Таковъ общій законъ вѣроятностей. Расчитываютъ, напримѣръ, что изъ 100 промышленниковъ и торговцевъ, 20 быстро исчезаютъ, 50 или 60 остаются въ одномъ и томъ же положеніи, и только 10 или 15 имѣютъ полный успѣхъ [1]).

Многое тутъ зависитъ и отъ таланта, который изъ рискованныхъ предпріятій умѣетъ извлечь всѣ шансы успѣха. Чѣмъ выше стоитъ

---

[1]) Leroy-Beaulieu: Essai sur la répartition des richesses, стр. 304.

промышленность, тѣмъ сильнѣе выступаетъ именно этотъ последній элементъ. На низшихъ ступеняхъ, рискъ въ значительной степени опредѣляется дѣйствіемъ внѣшнихъ, физическихъ силъ; съ высшимъ же развитіемъ, противъ этихъ вліяній учреждается организованное страхованіе, вслѣдствіе котораго они теряютъ почти всякое значеніе. Таково страхованіе отъ огня, отъ града, отъ морскихъ крушеній. Здѣсь страховая премія точно также уплачивается изъ прибыли, но она входитъ уже въ составъ постоянныхъ издержекъ производства. Получаетъ ее не самъ предприниматель, а постороннее лице, которое обезпечиваетъ его отъ грозящей опасности. Въ замѣнъ того, на высшихъ ступеняхъ промышленнаго развитія является рискъ, зависящій чисто отъ экономическихъ условій и не подлежащій общему опредѣленію. Чѣмъ обширнѣе рынокъ, тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на него различныя экономическія вліянія, и тѣмъ труднѣе ихъ сообразить. Здѣсь именно проявляется сила промышленнаго таланта, который съ помощью расчетливости, дальновидности и предпріимчивости умѣетъ извлечь пользу изъ того, что для другихъ составляетъ разореніе.

Тоже самое относится наконецъ и къ чистымъ случайностямъ, или конъюнктурамъ, которыя въ значительной степени вліяютъ на прибыль предпріятія. Противъ дѣйствія случайностей ополчилась въ новѣйшее время соціалистическая литература. Первый поднялъ этотъ вопросъ Лассаль. Въ своей полемикѣ противъ Шульце-Делича, онъ утверждалъ, что капиталъ образуется вовсе не путемъ сбереженій, а, какъ онъ выражался, счастливыми общественными соотношеніями. Въ доказательство, онъ ссылался на поднятіе цѣны поземельной собственности, а также акцій желѣзныхъ дорогъ, совершенно помимо дѣятельности владѣльцевъ, просто вслѣдствіе возрастанія народонаселенія и усилившагося оборота. Конъюнктура, говорилъ Лассаль, и связанная съ нею спекуляція,—это «сверхъестественное, метафизическое гаданіе будущихъ дѣйствій неизвѣстныхъ обстоятельствъ»—управляютъ всѣмъ нашимъ экономическимъ бытомъ, и тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на отдѣльное лице, чѣмъ тѣснѣе связь его съ цѣлымъ. Поэтому владычество ихъ проявляется въ усиленной степени съ расширеніемъ сношеній и оборота. Здѣсь исчезаетъ уже всякая возможность что либо предугадывать, ибо сумма неизвѣстныхъ обстоятельствъ въ каждое данное время безконечно превышаетъ сумму извѣстныхъ. И чѣмъ основательнѣе и точнѣе оцѣнка

извѣстныхъ обстоятельствъ, на которыхъ разумный спекуляторъ строитъ свой расчетъ, тѣмъ больше вѣроятія, что безконечно превышающая ихъ сумма неизвѣстныхъ обстоятельствъ измѣнитъ этотъ расчетъ. Поэтому, чѣмъ вѣрнѣе расчетъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ противъ себя вѣроятія. Отсюда тотъ весьма часто наблюдаемый фактъ, что въ торговой карьерѣ именно умные спекуляторы терпятъ крушеніе, тогда какъ глупые преуспѣваютъ. По мнѣнію Лассаля, такое господство случая уничтожаетъ свободу и отвѣтственность человѣка. Возстановить ихъ можно только устраненіемъ или ограниченіемъ этой роковой власти, то есть, распредѣленіемъ случайностей на цѣлое общество [1]).

Въ томъ же смыслѣ высказывается и Адольфъ Вагнеръ. Подъ именемъ конъюнктуры, говоритъ онъ, разумѣется совокупность техническихъ, экономическихъ, общественныхъ и юридическихъ условій, дѣйствующихъ па оборотъ и опредѣляющихъ цѣну произведеній. Съ увеличивающимся раздѣленіемъ труда и съ развитіемъ оборота, конъюнктура получаетъ все болѣе и болѣе значенія; она становится однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ экономической жизни. Въ этомъ состоитъ отличительный признакъ современнаго порядка. Отсюда проистекаетъ то, что производитель пріобрѣтаетъ выгоды, которыхъ онъ не заслужилъ, и терпитъ убытки, въ которыхъ онъ не виновенъ. Однако это вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ нельзя бы еще было признать вреднымъ въ экономическомъ отношеніи, еслибы 1) шансы болѣе или менѣе уравнивались, такъ что при убыткѣ съ одной стороны можно было бы расчитывать на барышъ съ другой, и 2) еслибы дѣйствительно можно было расчитывать шансы сколько нибудь точнымъ образомъ посредствомъ наблюденія и труда. Но именно эти условія не исполнимы: шансы безконечно измѣнчивы и не подлежатъ никакому расчету, вслѣдствіе чего спекуляція большею частью носитъ на себѣ характеръ чисто азартной игры. Вредъ, проистекающій отъ такихъ незаслуженныхъ прибылей и потерь, по мнѣнію Вагнера, нельзя отрицать. И если не доказана возможность устранить его совершенно, то слѣдуетъ подумать объ его уменьшеніи, въ особенности посредствомъ податной системы, которая прибыли отъ конъюнктуръ въ справедливомъ размѣрѣ присвоивала бы обществу [2]).

---

[1]) Herr Bastiatr Schulze von Delitzch, стр. 21—23. (Chicago 1872).

[2]) Lehrbuch d. Pol. Oek. Grundleg. §§ 76—80, 305.

Противъ этого воззрѣнія надобно сказать прежде всего, что случайность составляетъ естественное и необходимое условіе человѣческой жизни. Она вытекаетъ изъ взаимнаго отношенія частныхъ силъ и существуетъ вездѣ, гдѣ есть частныя силы. А такъ какъ и физическая природа и человѣческія общества состоятъ изъ частныхъ силъ, то и здѣсь и тамъ случайность входитъ, какъ необходимый элементъ, въ опредѣленіе всѣхъ жизненныхъ отношеній. Въ общемъ ходѣ природы и исторіи, случайности сглаживаются, ибо, каковы бы ни были частныя столкновенія, во всѣхъ ихъ выражаются общіе законы, управляющіе движеніемъ цѣлаго. Но въ предѣлахъ этихъ законовъ остается мѣсто для безконечнаго разнообразія частныхъ отношеній, которыя составляютъ область случайности, и игралищемъ которыхъ является всякая частная сила.

Въ такой средѣ призванъ дѣйствовать человѣкъ. Вліянію случайностей подвержена, какъ частная, такъ и общественная его жизнь; нѣтъ причины, почему бы отъ нихъ изъята была одна экономическая область. Какъ разумное существо, человѣкъ можетъ принимать противъ нихъ мѣры, если онѣ грозятъ ему опасностью; онъ можетъ ограждать себя отъ разрушительныхъ внѣшнихъ вліяній и распредѣлять убыль на многихъ, тамъ гдѣ шансы подлежатъ исчисленію; но совершенно устранить ихъ дѣйствіе онъ не въ силахъ. Если случайное несчастіе можетъ разрушить семейный бытъ и лишить человѣка высшаго предмета его привязанности, если вслѣдствіе случайнаго обстоятельства можетъ быть проиграно или выиграно сраженіе, отъ котораго зависитъ судьба народовъ, если тысячи людей могутъ сдѣлаться жертвами чужой оплошности или неразумія, то въ силу чего можемъ мы требовать, чтобы въ области пріобрѣтенія богатства, имѣющей въ человѣческой жизни лишь второстепенное значеніе, счастіе и несчастіе не играли никакой роли? Не значитъ ли это возставать на міровой законъ, которымъ управляются и природа и судьба людей?

Противъ этого закона можно было бы еще возмущаться, еслибы дѣйствительно имъ уничтожалась человѣческая свобода, какъ утверждаетъ Лассаль. Но на дѣлѣ свобода не только имъ не уничтожается, а напротивъ, только подъ этимъ условіемъ она можетъ проявляться, ибо свобода принадлежитъ человѣку, именно какъ отдѣльному, самостоятельному существу, то есть, какъ частной силѣ. Не будь случайности, человѣкъ составлялъ бы подчиненное звено въ совокупной

системѣ, управляемой общими и необходимыми законами; для свободы не оставалось бы мѣста. Въ области же случайностей, свобода состоитъ въ умѣніи примѣняться къ обстоятельствамъ, пользоваться ими и, по возможности, управлять ими. Справедливо, что сумма неизвѣстныхъ обстоятельствъ всегда безконечно перевѣшиваетъ сумму извѣстныхъ; это ни для кого не новость. Но когда къ этой пошлой истинѣ Лассаль прибавляетъ, что чѣмъ вѣрнѣе и точнѣе расчетъ извѣстныхъ обстоятельствъ, тѣмъ больше вѣроятности неуспѣха, то это уже такой чудовищный парадоксъ, который не осмѣливаются повторять даже послѣдователи знаменитаго соціалиста, хотя они разсуждаютъ такъ, какъ будто бы это была сущая правда. Въ дѣйствительности, человѣкъ, въ той болѣе или менѣе тѣсной сферѣ, въ которой онъ призванъ дѣйствовать, всегда можетъ расчитывать обстоятельства, и отъ этого расчета въ огромномъ большинствѣ случаевъ зависитъ успѣхъ предпріятія. Здѣсь всего болѣе проявляется сила ума и въ особенности степень промышленнаго таланта. Нѣтъ сомнѣнія, что самый опытный торговецъ можетъ ошибиться и понести потери. Но случайности бываютъ въ ту и другую сторону, и среди колебаній, которымъ подвержены предпріятія человѣка въ теченіи всей его жизни, въ его пользу остается одинъ элементъ, которымъ окончательно опредѣляется успѣхъ или неуспѣхъ его промышленной дѣятельности. Этотъ элементъ есть умѣніе. Оно соотвѣтствуетъ шансу банкомета, который окончательно всегда остается въ выигрышѣ, потому что среди противоположныхъ теченій счастія и несчастія есть одинъ ударъ, который принадлежитъ ему.

Поэтому, если въ томъ или другомъ случаѣ пріобрѣтеніе или потеря являются незаслуженными, то взявши совокупность предпріятій человѣка, мы въ значительномъ большинствѣ случаевъ найдемъ, что успѣхъ или неуспѣхъ былъ заслуженъ. Терпѣніемъ, постоянствомъ, умѣніемъ переносить удары судьбы и пользоваться благопріятными обстоятельствами, человѣкъ подвигается впередъ на промышленномъ поприщѣ, также какъ и на всякомъ другомъ. И именно эти превратности всего болѣе изощряютъ и поднимаютъ человѣческія способности, какъ умственныя, такъ и нравственныя. Въ нихъ развиваются предусмотрительность, бережливость, вниманіе къ малѣйшимъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, могущимъ вліять на успѣхъ предпріятія; отсюда и побужденіе знать дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, безъ чего невозможно расчитывать шансы. Посредствомъ страхованія чело-

вѣкъ обезпечиваетъ себя отъ такихъ случайностей, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни предотвратить; но затѣмъ остается громадное количество случайностей, въ большей или меньшей степени подлежащихъ изслѣдованію и расчету. А такъ какъ отъ этихъ случайностей зависитъ судьба человѣка, то онъ напрягаетъ всѣ свои силы для того, чтобы изъ благопріятныхъ обстоятельствъ извлечь наибольшую для себя пользу и по возможности уберечься отъ дурныхъ.

Конечно, бываютъ примѣры незаслуженнаго счастія или несчастія, распространяющагося на цѣлую жизнь. Но именно въ промышленномъ мірѣ эти примѣры рѣже, нежели гдѣ либо. Здѣсь заслуга заключается не въ нравственныхъ качествахъ, которыя получаютъ вознагражденіе совершенно инаго рода, а въ промышленномъ талантѣ, который составляетъ источникъ прибыли. Промышленный же талантъ рѣдко остается безъ матеріальнаго вознагражденія. Трудно даже сказать, когда это бываетъ, ибо самое существованіе таланта обнаруживается успѣхомъ.

Во всякомъ случаѣ, постигающія человѣка незаслуженныя бѣдствія вызываютъ частную помощь, а не общія мѣры. Не въ виду отдѣльныхъ несчастій можно измѣнять цѣлую систему общежитія или строить новую. Въ общемъ же итогѣ, не можетъ быть сомнѣнія, что указанное выше дѣйствіе случайностей именно на частныя промышленныя силы въ высшей степени полезно для народнаго хозяйства. Только этимъ путемъ поднимаются и изощряются промышленныя способности человѣка. Обезпеченный отъ случайностей, онъ теряетъ главное побужденіе къ постоянно напряженному вниманію, къ расчетливости, предусмотрительности, къ соображеніямъ всякаго рода. Еслибы справедливо было положеніе Лассаля, что чѣмъ вѣрнѣе расчетъ, тѣмъ менѣе шансовъ успѣха, то личная выгода всякаго заключалась бы въ томъ, чтобы ни о чемъ не думать и по возможности превратиться въ идіота. Къ тому же должно привести и отнесеніе случайностей на счетъ государства. Человѣкъ сдѣлается подчиненнымъ звеномъ общей системы, а потому непремѣнно будетъ имѣть наклонность погрузиться въ рутину и апатію. Народное хозяйство лишится всей той суммы ума и энергіи, которая обращена была на предотвращеніе дурныхъ шансовъ и на извлеченіе пользы изъ хорошихъ. Оно превратилось бы въ чистый механизмъ, гдѣ дурные шансы разлагались бы на всѣхъ, но именно вслѣдствіе этого встрѣчали бы гораздо менѣе отпора, а потому имѣли бы несравнен-

но бо̀льшую силу, точно также какъ и наоборотъ, благопріятныя условія, разлагаясь на всѣхъ, ни для кого не составляли бы предмета усиленной предпріимчивости.

Еслибы государство вздумало путемъ налоговъ обратить случайности въ свою пользу, оно не въ состояніи было бы даже различить, что̀ произошло отъ случайности и что̀ отъ расчета. Есть, безспорно, случаи, когда обогащеніе падаетъ на человѣка совершенно неожиданно. Но обыкновенно предпріимчивость обращается туда, гдѣ ожидается удача, и если успѣхъ вѣнчаетъ предпріятіе, то кто можетъ сказать, какая тутъ доля принадлежитъ счастію и какая расчету? Такъ напримѣръ, поднятіе цѣнъ на квартиры и на городскія земли обыкновенно выставляется какъ одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ конъюнктуры, обогащающей людей помимо ихъ дѣятельности. Но именно въ этомъ случаѣ, когда городъ ростетъ и ожидается приливъ народонаселенія, предприниматели скупаютъ земли и строятъ дома въ виду будущей прибыли. Нельзя сказать, что ихъ ожиданія всегда сбываются; случается, что цѣлыя компаніи разоряются. Но другіе могутъ получить и прибыль. Скажетъ ли государство, что эта прибыль принадлежитъ ему, такъ какъ цѣны поднялись не вслѣдствіе личной дѣятельности строителей, а въ силу общественныхъ соотношеній? Въ такомъ случаѣ предпріимчивость не будетъ вознаграждена, что̀ равно противорѣчитъ справедливости и общественной пользѣ. А съ другой стороны, государство должно будетъ вознаградить и неудачныя предпріятія, разложивши на всѣхъ убытки отъ плохой спекуляціи, что̀ еще болѣе противорѣчитъ справедливости и общественной пользѣ. На дѣлѣ, государство теперь получаетъ отъ конъюнктуры соотвѣтственную прибыль, ибо соразмѣрно съ возвышеніемъ цѣнъ на предметы обложенія возрастаетъ и налогъ. Если же оно хочетъ имѣть больше, если оно хочетъ присвоивать себѣ всю прибыль отъ конъюнктуры, то раціонально это возможно сдѣлать лишь однимъ способомъ: оно само должно стать хозяиномъ предпріятія. Тогда оно будетъ равно нести и прибыль и убытокъ. Въ этомъ выражается истинное начало, какъ юридическаго, такъ и экономическаго порядка, именно, что случайности падаютъ на хозяина.

Съ юридической, также какъ и съ экономической точки зрѣнія, пока предпріятіе находится въ частныхъ рукахъ, государство не имѣетъ даже никакого права присвоивать себѣ прибыль, проистекающую отъ

случайностей. Положеніе соціалистовъ, что человѣку принадлежитъ въ произведеніи лишь то, что онъ самъ сдѣлалъ, независимо отъ внѣшнихъ вліяній, лишено всякаго основанія. Человѣкъ всегда работаетъ подъ вліяніемъ окружающихъ его условій, отъ которыхъ въ значительной степени зависитъ успѣхъ его предпріятія; но эти вліянія, отражаясь на его произведеніи, не мѣшаютъ ему быть хозяиномъ своего произведенія. Земледѣлецъ пашетъ и сѣетъ; но не онъ низпосылаетъ солнечный свѣтъ и дождь, отъ которыхъ зависитъ урожай. Тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно общественныхъ условій, создаваемыхъ государствомъ или возникающихъ изъ общественныхъ соотношеній. Доходъ земледѣльца зависитъ не только отъ солнца и дождя, но и отъ требованія на его произведенія. Если въ сосѣднемъ государствѣ неурожай или понижены таможенныя пошлины, и вслѣдствіе этого цѣнность его произведеній возвышается, то этотъ избытокъ дохода принадлежитъ ему, и никому другому, ибо вещь его, а не чужая. Цѣна произведеній составляетъ нераздѣльную принадлежность самыхъ произведеній; она выражаетъ собою то, что покупатель готовъ дать за вещь, потому что она ему нужна. Если потребность усилилась, онъ даетъ за нее больше, и этотъ избытокъ составляетъ прибыль хозяина, а не покупателя, и еще менѣе общества.

Противоположный взглядъ ведетъ къ чистой нелѣпости. Если мы скажемъ, что возвысившаяся цѣнность вещи принадлежитъ не ея хозяину, а тому, кто причинилъ возвышеніе, то мы должны будемъ сказать, что этотъ избытокъ принадлежитъ не продавцамъ, а покупателямъ, ибо возвышеніе произошло именно отъ усилившейся потребности покупателей. То есть, мы должны признать, что кто готовъ заплатить за вещь больше, потому что она ему нужна, тотъ имѣетъ право требовать этотъ излишекъ обратно отъ хозяина, что̀ очевидно нелѣпо. Если же ближайшая причина возвышенія цѣнъ, потребность, не рождаетъ права на избытокъ дохода, то еще менѣе это право можетъ возникнуть изъ болѣе отдаленныхъ причинъ, дѣйствующихъ на самыя потребности. Если, при усиленіи спроса на квартиры вслѣдствіе умноженія народонаселенія, квартиранты, своимъ спросомъ поднимающіе цѣны, не имѣютъ права требовать отъ хозяевъ, чтобы они возвратили имъ избытокъ своихъ доходовъ, то еще менѣе имѣетъ подобное право городъ, привлекающій квартирантовъ, или государство, въ которомъ происходятъ эти экономическія

измѣненія. Идя этимъ путемъ, мы на каждомъ шагу будемъ наталкиваться на нелѣпости. Мы должны будемъ сказать напримѣръ, что государство, понижающее у себя таможенныя пошлины, имѣетъ право требовать отъ производителей тѣхъ странъ, откуда оно получаетъ товары, чтобы они отдавали ему проистекающій отъ этой мѣры избытокъ доходовъ. Для нихъ это не болѣе какъ конъюнктура, а чужое государство—авторъ этой конъюнктуры.

И все это безконечное шествіе отъ нелѣпости къ нелѣпости мы должны будемъ совершить для того, чтобы избѣжать самой простой и очевидной истины, именно, что цѣна вещи, будучи платою за уступку вещи, принадлежитъ хозяину и никому другому, а потому и всѣ отражающіяся на цѣнѣ случайности падаютъ на хозяина, а не на постороннихъ. Римскіе юристы выражали это извѣстною поговоркою: «случайности несетъ хозяинъ (casum sentit dominus). Поэтому, еслибы государство присвоивало себѣ право на всѣ конъюнктуры, то оно тѣмъ самымъ объявило бы себя хозяиномъ всѣхъ вещей. Къ этому именно клонится соціализмъ.

———

ГЛАВА X.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ БОГАТСТВА.

Мы видѣли, что при господствѣ промышленной свободы, или, какъ выражаются соціалисты, при оборотѣ, предоставленномъ самому себѣ, доходъ каждаго опредѣляется взаимными отношеніями различныхъ дѣятелей производства, отношеніями, которыя управляются закономъ предложенія и требованія. Таковъ вытекающій изъ экономической свободы способъ распредѣленія богатства. Спрашивается: справедливо ли подобное распредѣленіе?

Соціалисты и соціалъ-политики утверждаютъ, что нѣтъ. По ихъ мнѣнію, богатство должно распредѣляться по достоинству или по заслугамъ каждаго; свободныя же отношенія ведутъ къ тому, что сильные имѣютъ перевѣсъ надъ слабыми: вслѣдствіе этого, имущіе получаютъ значительный доходъ, ничего не дѣлая, тогда какъ неимущіе, трудясь безъ устали въ теченіи всей своей жизни, едва пріобрѣтаютъ насущное пропитаніе.

Эта теорія впервые была развита Сенъ-Симонистами, которые свои требованія выразили въ извѣстной формулѣ: «каждому по способности и каждой способности по ея дѣламъ». Какъ прямое послѣдствіе такого взгляда, Сенъ-Симонисты отвергали наслѣдство и предоставляли государству право распредѣлять орудія производства между способнѣйшими лицами. Этимъ однако далеко не достигалась предположенная цѣль: вмѣсто справедливаго распредѣленія благъ, установлялось искусственное превосходство таланта, которому предоставлялось не только произведенное имъ самимъ, но и произведенное другими. А съ другой стороны, этою системою водворялся безгра-

ничный деспотизмъ государства, которое становилось единственнымъ судьею всѣхъ способностей и распредѣлителемъ всѣхъ матеріальныхъ благъ. Мнимая справедливость сопровождалась полнымъ подавленіемъ свободы.

Защитники равенства не замедлили возстать противъ этого ученія: «Появляется ли на свѣтъ неравенство, мать тираніи, во имя успѣховъ ума или во имя побѣдъ силы, писалъ Луи Бланъ, не все ли это равно? Въ обоихъ случаяхъ любовь исчезаетъ, эгоизмъ торжествуетъ и человѣческое братство попрано ногами». Если принять за правило, что каждый долженъ быть вознагражденъ по способностямъ, то что дѣлать съ увѣчными, престарѣлыми, идіотами? А какъ скоро мы считаемъ себя обязанными помогать послѣднимъ, такъ мы приходимъ уже къ иному началу. Государство, по мнѣнію Луи Блана, должно брать примѣръ съ семейства, гдѣ отецъ распредѣляетъ всѣ блага между своими дѣтьми сообразно съ ихъ нуждами, а не съ ихъ способностями. Поэтому формула Сенъ-Симонистовъ должна быть замѣнена другою: «каждый долженъ производить сообразно съ своими силами и способностями, а потреблять сообразно съ своими нуждами».

Въ этой новой теоріи о справедливости очевидно уже нѣтъ рѣчи. Здѣсь господствующимъ началомъ является любовь. Каждый получаетъ не то, что онъ произвелъ, а то, что произвели другіе—система чисто коммунистическая. Но коммунизмъ, какъ замѣтилъ Прудонъ, ничто иное какъ эксплуатація сильнаго слабымъ. Въ формулѣ Сенъ-Симонистовъ способность являлась исключительно преобладающимъ началомъ; у Луи Блана, напротивъ, она становится въ чисто служебное положеніе, порождая для лица только обязанность усиленно работать для другихъ. Ясно, что на такой системѣ нельзя построить ни промышленности, ни государства.

Самъ Прудонъ, какъ мы уже видѣли, признавалъ справедливость истиннымъ основаніемъ промышленнаго порядка; существо же справедливости, которую онъ отождествлялъ съ общественностью, онъ полагалъ въ равенствѣ, не пропорціональномъ, какъ Сенъ-Симонисты, а ариѳметическомъ. Правда, говоритъ онъ, состоитъ въ признаніи за другимъ равной съ нами личности. Это равенство составляетъ основаніе всякаго общенія. А такъ какъ всѣ люди находятся въ общеніи между собою, то всѣ должны получать одинакое вознагражденіе, подъ условіемъ одинакой работы. Ни способность,

ни собственность не могутъ дать одному какое бы то ни было преимущество передъ другими. Единственнымъ мѣриломъ получаемаго дохода должно служить количество положеннаго въ произведенія труда.

Мы уже разбирали эту теорію съ юридической точки зрѣнія и видѣли всю ея несостоятельность. Экономически она столь же мало выдерживаетъ критику. Промышленное общество можетъ существовать между лицами совершенно неравными, и по имуществу и по способностямъ. Справедливость не только не отвергаетъ принадлежащей имуществу и таланту доли въ произведенныхъ цѣнностяхъ, а напротивъ, требуетъ для нихъ соотвѣтственнаго вознагражденія, согласно съ формулою: каждому свое. По закону правды, распредѣленіе общественныхъ благъ должно совершаться не поголовно, а сообразно съ тѣмъ, что каждый внесъ въ общество. Поэтому производители могутъ требовать участія въ произведеніяхъ не только по количеству, но и по качеству труда, а равно и по количеству своего матеріальнаго вклада. Какъ замѣтилъ уже Аристотель, несправедливо, чтобы тотъ, кто въ товарищество вкладываетъ одну долю изъ ста, получалъ столько же, сколько тотъ, кто вложилъ все остальное [1]). Послѣдовательно проводя свою теорію, Прудонъ долженъ бы былъ отвергать даже лишнюю плату за большее количество труда, ибо, если высшее качество не имѣетъ права на высшее вознагражденіе, то въ силу чего можно требовать высшаго вознагражденія за большее количество? Какъ скоро признается, что товарищи получаютъ равное вознагражденіе только «подъ условіемъ равной работы», такъ участіе ихъ въ полученныхъ произведеніяхъ опредѣляется уже не отвлеченнымъ качествомъ товарищей, или равныхъ членовъ общества, а различнымъ вкладомъ ихъ въ общество. Но въ такомъ случаѣ, если одинъ приноситъ высшій талантъ, а другой только обыкновенный трудъ, если одинъ вкладываетъ капиталъ, а другой ничего, то одинъ можетъ требовать бо̀льшаго вознагражденія, нежели другой, и тогда уже о равенствѣ нѣтъ рѣчи. Этого шага Прудонъ не рѣшился однако сдѣлать, вслѣдствіе чего его теорія разрушается внутреннимъ противорѣчіемъ.

Изъ соціалистическихъ школъ, Фурьеристы ближе всѣхъ подошли къ истинному понятію о справедливомъ распредѣленіи богатства.

---

[1]) Политика, кн. III, гл. 5.

Признавая въ производствѣ участіе трехъ дѣятелей, труда, таланта и капитала, Фурье законъ распредѣленія формулировалъ такъ: «каждому по его капиталу, труду и таланту». Но Фурье ошибался, когда онъ полагалъ, что можно разъ навсегда опредѣлить долю каждаго дѣятеля Въ своей системѣ онъ назначалъ $^5/_{12}$ труду, $^4/_{12}$ капиталу и $^3/_{12}$ таланту. Эти цифры совершенно произвольны. Съ измѣненіемъ экономическихъ условій измѣняется и значеніе различныхъ дѣятелей въ производствѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и участіе ихъ въ произведеніяхъ. Ничего постояннаго и опредѣленнаго тутъ не можетъ быть.

Это признается и новѣйшими соціалистами каѳедры. А какъ скоро это признается, такъ оказывается совершенная невозможность установить какое бы то ни было начало для распредѣленія богатства, исключая свободы. Вслѣдствіе этого, соціалисты каѳедры поставлены въ значительное затрудненіе, когда имъ приходится формулировать то, что они считаютъ требованіями справедливости. Такъ, Адольфъ Вагнеръ постоянно возстаетъ противъ незаслуженнаго дохода; онъ осуждаетъ существующее распредѣленіе, которое по его мнѣнію, противорѣчитъ справедливости, возвышая доходъ капиталиста на счетъ другихъ; онъ прямо даже заявляетъ, что принадлежащій отдѣльнымъ лицамъ капиталъ часто ничто иное какъ доходъ рабочихъ, несправедливо у нихъ отнятый. Но тутъ же онъ сознается, что при подобныхъ сужденіяхъ можно руководствоваться «только неопредѣленнымъ критеріемъ, который въ отдѣльныхъ случаяхъ оставляетъ насъ совершенно на мели». Если капиталисты иногда притѣсняютъ рабочихъ, то случается и наоборотъ, что рабочіе притѣсняютъ капиталистовъ; а такъ какъ доля каждаго въ производствѣ не составляетъ нѣчто опредѣленное и не можетъ быть принципіально выведена, то и здѣсь остается только довольствоваться «необходимымъ мѣриломъ справедливой оцѣнки». При этомъ однако Вагнеръ замѣчаетъ, что въ общемъ итогѣ, руководствуясь воззрѣніями извѣстнаго времени или страны, а также безпристрастнымъ взвѣшиваніемъ заслугъ и интересовъ противоположныхъ сторонъ, наконецъ даже совѣстью отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа, можно найти достаточныя точки опоры для рѣшенія [1]).

При такихъ неопредѣленныхъ основаніяхъ, можно, конечно, вы-

---

[1]) Lehrbuch d. Pol. Oeck. Grundleg. §§ 301—304.

вести все, что угодно; но будетъ ли это имѣть малѣйшее научное значеніе? И когда признается, что доля каждаго дѣятеля не есть нѣчто постоянное и не можетъ быть опредѣлена, то возможно ли рядомъ съ этимъ утверждать, что капиталъ часто ничто иное, какъ доходъ рабочихъ, несправедливо у нихъ отнятый? Говоря о договорѣ, мы уже замѣтили, что Вагнеръ основываетъ свои требованія на томъ самомъ началѣ, которое онъ отвергаетъ, ибо на практикѣ, воззрѣнія времени и справедливая оцѣнка руководствуются средними, установляющимися въ жизни отношеніями, а послѣднія опредѣляются свободою. Безъ этого, всякое практическое мѣрило исчезаетъ, и мы обрѣтаемся въ полномъ туманѣ.

Еще сбивчивѣе Шмоллеръ, который ратуетъ за господство «распредѣляющей правды» въ народномъ хозяйствѣ. Онъ видитъ въ этомъ необходимое требованіе нравственности, при чемъ онъ ссылается даже на Аристотеля. Шмоллеръ формулируетъ это начало такъ, что «доходъ и имущество должны соотвѣтствовать добродѣтелямъ и заслугамъ». Это та самая теорія, замѣчаетъ онъ, «которую уже Аристотель развивалъ въ своей Этикѣ, когда онъ настаивалъ на томъ, что распредѣляющая правда еще важнѣе правды уравнивающей. Всѣ, говоритъ онъ, (то есть, Аристотель), согласны въ томъ, что распредѣленіе наслажденій должно производиться по достоинству лицъ; въ этомъ состоитъ правда; но въ чемъ заключается достоинство, объ этомъ идетъ споръ. Демократы указываютъ на свободу, олигархи на богатство или на благородное происхожденіе, приверженцы аристократіи на добродѣтель. Слѣдовательно, заключаетъ Шмоллеръ, добродѣтель должна господствовать». И этотъ, по увѣренію Шмоллера, выставленный Аристотелемъ и другими мыслителями идеалъ представляется необходимымъ не только съ нравственной, но и съ экономической точки зрѣнія, ибо чѣмъ болѣе человѣкъ имѣетъ увѣренности, что добродѣтель награждается и въ этой жизни, и что трудолюбіе не пропадаетъ даромъ, тѣмъ болѣе онъ напрягаетъ свои силы для дѣятельности. Шмоллеръ соглашается однако, что практическое осуществленіе этого идеала возможно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ (nur ganz ungefähr), и это, по его мнѣнію, составляетъ самое сильное оружіе противъ соціалистовъ. Онъ признаетъ также, что это мѣрило должно прилагаться не къ отдѣльнымъ лицамъ, а къ цѣлымъ семействамъ, и даже не къ отдѣльнымъ семействамъ, а къ цѣлымъ классамъ. Поэтому оно не противорѣчитъ существованію наслѣдственнаго пра-

ва, сохраняющаго имущество постоянно въ одномъ и томъ же классѣ. Началу распредѣляющей правды, съ этой точки зрѣнія, противорѣчитъ лишь такое распредѣленіе имущества, которое, даже и приблизительно, не соотвѣтствуетъ добродѣтелямъ, знаніямъ и заслугамъ различныхъ общественныхъ классовъ [1]).

При такой постановкѣ, вопросъ, конечно, становится довольно невиннымъ. Когда Сенъ-Симонисты провозглашали начало распредѣляющей правды въ экономическомъ порядкѣ, они смѣло и открыто вывели прямо вытекающее изъ него послѣдствіе, именно, отрицаніе наслѣдства. У Шмоллера же всякая послѣдовательность исчезаетъ. Выставляется начало, которое должно владычествовать въ промышленномъ мірѣ, но рядомъ съ этимъ объявляется, что оно къ отдѣльнымъ лицамъ неприложимо и вообще осуществимо лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ такихъ предѣлахъ оно существующему порядку не угрожаетъ, ибо всегда можно съ достаточнымъ правдоподобіемъ утверждать, что доходы взятыхъ въ совокупности классовъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей «въ самыхъ общихъ чертахъ» соотвѣтствуютъ ихъ добродѣтелямъ и заслугамъ. При отсутствіи всякаго мѣрила доказать противное невозможно. Представляется даже совершенно невѣроятнымъ, чтобы цѣлый классъ, не обладающій ни нравственными, ни экономическими качествами, соотвѣтствующими его положенію, могъ на немъ продержаться: онъ быстро придетъ въ упадокъ, просто силою вещей, а не вслѣдствіе приложенія начала правды распредѣляющей. Непонятно только, какое побужденіе къ труду можетъ извлечь отдѣльное лице изъ такого начала, которое къ отдѣльнымъ лицамъ неприложимо. Мысль, что и въ этой жизни добродѣтель и трудолюбіе приблизительно, въ самыхъ общихъ чертахъ, награждаются въ приложеніи къ цѣлымъ классамъ, едва ли кого нибудь можетъ подвинуть къ дѣятельности или утѣшить въ несчастіи.

Непонятно также, какую роль тутъ должна играть добродѣтель. Становясь на нравственную точку зрѣнія въ политической экономіи, Шмоллеръ послѣдовательно дѣлаетъ нравственное начало мѣриломъ распредѣленія богатства. Но именно тутъ оказывается, что это мѣрило совершенно неприложимо. Человѣколюбіе, самоотверженіе, со-

[1]) На стр. 61 Шмоллеръ прибавляетъ впрочемъ: „и отдѣльныхъ лицъ“, хотя на стр. 63 онъ утверждаетъ, что тутъ рѣчь идетъ вовсе не объ отдѣльныхъ лицахъ, а лишь о цѣлыхъ классахъ. См. Ueber einige Grundfragen etc. IV.

ставляютъ источникъ не дохода, а скорѣе расхода. Тотъ, кто продаетъ имѣніе и роздаетъ деньги нищимъ, пріобрѣтаетъ сокровище на небѣ, но никто никогда не утверждалъ, что онъ этимъ самымъ пріобрѣтаетъ сокровище на землѣ. Шмоллеръ ссылается на Аристотеля; но именно Аристотель могъ бы предохранить его отъ подобнаго смѣшенія понятій. Аристотель прямо обличаетъ ложное умозаключеніе тѣхъ, которые, опираясь на какое нибудь превосходство, требуютъ себѣ того, что къ этому превосходству вовсе не относится. Во всякомъ распредѣленіи, говоритъ греческій философъ, надобно принимать въ соображеніе именно то превосходство, которое относится къ дѣлу. Такъ напримѣръ, если кто нибудь лучше другихъ играетъ на флейтѣ, но ниже другихъ красотою и благородствомъ рожденія, то не смотря на то, что красота и благородство рожденія суть высшія качества, нежели игра на флейтѣ, ему все-таки слѣдуетъ предоставить лучшую флейту [1]). Тоже самое прилагается и къ добродѣтели. Изъ того, что одинъ человѣкъ добродѣтельнѣе другаго, вовсе не слѣдуетъ, что онъ долженъ получать болѣе дохода. Начало правды распредѣляющей отнюдь этого не требуетъ.

Вообще, ссылка Шмоллера на Аристотеля весьма неудачна. Надобно полагать, что почтенный профессоръ и соціалъ-политикъ мало знакомъ съ греческимъ философомъ, ибо даже цитаты приведены у него совершенно превратно. Аристотель, какъ мы видѣли, раздѣлялъ правду на два вида: на правду уравнивающую и распредѣляющую. Первая слѣдуетъ ариѳметической пропорціи, когда равное мѣняется на равное, вторая—пропорціи геометрической, когда тѣ или другія блага распредѣляются соразмѣрно съ достоинствомъ лицъ. Именно въ томъ самомъ мѣстѣ Никомаховой Этики, на которое указываетъ Шмоллеръ, Аристотель говоритъ, что во всѣхъ гражданскихъ обязательствахъ, то есть въ области промышленнаго оборота, господствуетъ не распредѣляющая, а уравнивающая правда, при чемъ совершенно все равно, добрый ли человѣкъ взялъ лишнее у злаго, или злой у добраго: судья исправляетъ неправильность, не обращая никакого вниманія на нравственныя качества лицъ. Распредѣляющая же правда прилагается тамъ, гдѣ распредѣляются блага общія всѣмъ въ государствѣ, и тутъ распредѣленіе совершается сообразно съ

[1]) Политика, кн. III, гл. 7.

тѣми качествами, которыя имѣютъ значеніе въ государствѣ [1]). Когда Шмоллеръ, въ приведенной выше цитатѣ, говоритъ, что Аристотель стоитъ за распредѣленіе наслажденій сообразно съ добродѣтелью, то надобно замѣтить, что слово наслажденій есть не болѣе какъ вставка, происшедшая вѣроятно по недоразумѣнію, но во всякомъ случаѣ неумѣстная въ писаніяхъ ученаго [2]). Изъ самой приводимой имъ фразы Шмоллеръ могъ бы видѣть, о чемъ тутъ идетъ рѣчь. Демократія, олигархія и аристократія спорятъ не о распредѣленіи наслажденій, а о распредѣленіи государственной власти, какъ явствуетъ еще болѣе изъ Политики, гдѣ можно видѣть и о какой добродѣтели говоритъ Аристотель. Добродѣтель, на которую ссылаются аристократы, есть добродѣтель гражданина, на основаніи которой можно требовать преимущественнаго участія въ государственной власти, въ силу того, что она болѣе всѣхъ другихъ качествъ имѣетъ значеніе для государственнаго благоустройства. О распредѣленіи же наслажденій тутъ нѣтъ и помину. А потому нѣтъ ни малѣйшаго повода приписывать Аристотелю тотъ нравственно-экономическій идеалъ, который носится въ смутномъ умѣ нынѣшнихъ соціалъ-политиковъ.

Теорія Аристотеля съ юридической стороны совершенно вѣрна. Какъ юридическое начало, въ гражданскомъ оборотѣ господствуетъ правда уравнивающая, а не распредѣляющая. Тутъ идетъ дѣло не о распредѣленіи общаго всѣмъ имущества, а о взаимныхъ отношеніяхъ свободныхъ, слѣдовательно самостоятельныхъ и равныхъ между собою лицъ. Мѣна есть отдача равнаго за равное по оцѣнкѣ сторонъ. Такъ какъ эта оцѣнка существенно опредѣляется потребностью и расчетомъ, а то и другое имѣетъ характеръ субъективный, то рѣшающимъ началомъ является здѣсь воля лицъ. Поэтому сдѣлки, основанныя на обоюдномъ соглашеніи, охраняются правомъ. Если же одна изъ сторонъ, помимо воли другой, присвоиваетъ себѣ лишнее, напримѣръ путемъ обмана, то судья обязанъ исправить. Таковы, съ юридической точки зрѣнія, требованія справедливости, и ни одно общество, признающее свободу своихъ членовъ, не можетъ руководиться иными правилами.

Однако, за этою формальною стороною скрывается другая. Воля

---

[1]) См. Никомахова Этика, кн. V, гл. 2—4.

[2]) У Аристотеля просто стоитъ: ἐν ταῖς διανομαῖς.

юридически признается рѣшающимъ началомъ; но чѣмъ на дѣлѣ руководится эта воля въ своихъ рѣшеніяхъ? Она ищетъ своей выгоды; но возможность достиженія выгоды зависитъ не отъ ея произвола, а отъ общихъ экономическихъ условій среды и управляющихъ ими законовъ. Такимъ образомъ, субъективное начало въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣляется объективными факторами, отъ которыхъ въ суммѣ случаевъ зависитъ пріобрѣтаемая каждымъ польза. Черезъ это, мѣна превращается въ орудіе общаго распредѣленія богатства между различными классами производителей. Какъ же скоро является распредѣленіе, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ о справедливости этого распредѣленія. Но справедливость должна разсматриваться здѣсь не съ юридической, не съ нравственной, а чисто съ экономической точки зрѣнія. Смѣшеніе этихъ различныхъ сферъ ведетъ къ безконечной путаницѣ понятій, отъ которой происходитъ значительная часть соціалистическихъ фантасмагорій.

Что же такое справедливость съ экономической точки зрѣнія? Общее начало справедливости выражается въ извѣстной формулѣ: каждому свое. Если приложить эту формулу къ распредѣленію дохода между различными дѣятелями производства, то справедливымъ мы должны признать такое распредѣленіе, которое даетъ каждому дѣятелю доходъ сообразный съ его значеніемъ въ производствѣ. На этомъ основаніи соціалисты, приписывающіе производительную силу единственно труду, послѣдовательно признаютъ несправедливымъ такое распредѣленіе, которое извѣстную часть дохода предоставляетъ другимъ дѣятелямъ: съ ихъ точки зрѣнія, это—доля, похищенная у рабочихъ. Но мы видѣли, что это воззрѣніе не выдерживаетъ критики. Нѣтъ сомнѣнія, что и другимъ дѣятелямъ нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи въ производствѣ, а потому и имъ должна принадлежать своя доля дохода. Спрашивается: какая эта доля и чѣмъ она опредѣляется?

Цѣль всего производства состоитъ въ удовлетвореніи потребностей. Слѣдовательно, значеніе каждаго дѣятеля въ производствѣ опредѣляется способностью его содѣйствовать достиженію этой цѣли, то есть, способностью его удовлетворять потребностямъ. Эта способность зависитъ, 1) отъ степени самой потребности; 2) отъ количества силъ, могущихъ доставить ей удовлетвореніе. Чѣмъ больше потребность, тѣмъ большее экономическое значеніе имѣетъ то, что

можетъ ее удовлетворить; наоборотъ, чѣмъ больше количество соперничествующихъ силъ, тѣмъ очевидно меньше значеніе каждой изъ нихъ. А такъ какъ оба эти фактора безконечно измѣнчивы, то ясно, что никакой опредѣленной цифры тутъ быть не можетъ; доля каждаго дѣятеля должна повышаться или понижаться соотвѣтствено измѣненію, съ одной стороны, потребностей, съ другой стороны количества тѣхъ силъ, которыя способны дать имъ удовлетвореніе.

Мы приходимъ здѣсь, съ другой точки зрѣнія, къ тому самому закону предложенія и требованія, которымъ управляется весь экономическій порядокъ при господствѣ свободы. Этотъ законъ оказывается чистымъ выраженіемъ распредѣляющей правды въ промышленномъ производствѣ.

Противъ этого возражаютъ, что при такомъ порядкѣ господствуетъ не справедливость, а сила, ибо сильнѣйшіе въ борьбѣ естественно имѣютъ перевѣсъ надъ слабѣйшими, вслѣдствіе чего является возможность несправедливыхъ вымогательствъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Нѣкоторые прямо даже говорятъ, что установленіе заработной платы есть вопросъ силы (eine Machtfrage) между работниками и предпринимателями, вслѣдствіе чего и взаимные ихъ договоры должны разсматриваться, какъ договоры двухъ независимыхъ державъ [1]).

Для рѣшенія этого вопроса надобно спросить: о какой силѣ идетъ тутъ рѣчь? Не о физической конечно, которая сдерживается юридическимъ закономъ, а объ экономической силѣ, то есть, о способности удовлетворять потребностямъ. Но экономическая сила, какъ дѣятель производства, и есть именно то, что даетъ право на соотвѣтствующій доходъ съ производства. Чѣмъ больше сила, тѣмъ больше она производитъ, и тѣмъ больше должна быть ея доля въ произведеніяхъ. А съ другой стороны, чѣмъ меньше количество потребныхъ силъ, тѣмъ больше значеніе каждой. Если капиталистъ получаетъ много, а работникъ мало, то это происходитъ оттого, что капиталистовъ мало, а работниковъ много. Обратное явленіе происходитъ тамъ, гдѣ количественное отношеніе измѣняется. Изъ этого уже можно видѣть, до какой степени невѣрны всѣ эти аналогіи съ воюющими державами и вообще уподобленіе эконо-

[1]) Brentano: die Arbeitergilden der Gegenwart, II, стр. 215—6.

мическихъ отношеній физическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли представить себѣ, чтобы воюющая держава была тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше у нея войска? А между тѣмъ, именно въ такомъ положеніи находятся рабочіе, когда есть избытокъ рукъ. Если они не въ состояніи выдержать борьбу, то это происходитъ оттого, что капитала мало, и требованіе его со стороны рабочихъ рукъ сильнѣе, нежели требованіе рабочихъ рукъ со стороны капитала. Наоборотъ, когда капиталъ умножается и вслѣдствіе того увеличивается требованіе рабочихъ рукъ, съ чѣмъ вмѣстѣ повышается заработная плата и поднимается благосостояніе рабочихъ, то послѣдніе весьма легко могутъ выдерживатъ борьбу, ибо капиталистамъ, при остановкѣ работы, грозитъ неминуемое разореніе. Говорить о вымогательствѣ можно въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда есть мѣрило для сравненія, именно, установившійся въ силу предложенія и требованія размѣръ платы; но самый этотъ размѣръ установляется не путемъ вымогательства, а вслѣдствіе естественнаго отношенія экономическихъ дѣятелей, которымъ опредѣляется экономически справедливое распредѣленіе между ними дохода.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ порядкѣ существующая заработная плата можетъ иногда быть недостаточна для удовлетворенія нуждъ рабочихъ. Тотъ предприниматель, который ее повышаетъ, дѣлаетъ хорошо; но это—вопросъ не экономической справедливости, а человѣколюбія и благотворительности. Предприниматель можетъ значительную часть своихъ доходовъ употребить на улучшеніе быта рабочихъ; онъ воленъ даже роздать имъ все свое имѣніе. Все это чрезвычайно похвально; но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что онъ роздаетъ то, что принадлежитъ ему, а не имъ. Смѣшеніе нравственной точки зрѣнія съ экономическою и тутъ ведетъ къ путаницѣ понятій. Благотворительность смѣшивается съ справедливостью, и то, что можетъ быть только свободнымъ даромъ, выдается за право, которое можно вынуждать даже насиліемъ.

Существенное различіе между справедливостью и благотворительностью выражается въ противоположности формулъ Сенъ-Симонистовъ и Луи Блана: «каждому по способности», и «каждому по потребностямъ». Въ одномъ случаѣ распредѣленіе сообразуется съ производствомъ, въ другомъ случаѣ съ потребленіемъ. Однимъ началомъ опредѣляется то, что человѣкъ имѣетъ право требовать, другимъ то, что онъ воленъ дать. Но очевидно, что онъ въ правѣ

дать лишь то, что принадлежитъ ему, а не другому. Слѣдовательно, надобно прежде всего опредѣлить то, что ему принадлежитъ; принадлежитъ же ему, съ точки зрѣнія экономическаго дохода, то, что онъ пріобрѣтаетъ, какъ участникъ производства. Такимъ образомъ, справедливость предшествуетъ благотворительности. Первая относится къ распредѣленію дохода, вторая къ употребленію распредѣленнаго. При этомъ никому не возбраняется отказаться отъ части своего дохода въ пользу другаго. Но это опять же чисто личное дѣло; принудительная уступка ничто иное какъ конфискація, недопустимая въ правильномъ гражданскомъ, также какъ и въ экономическомъ порядкѣ. Общество, признающее начало свободы, не можетъ держаться въ распредѣленіи богатства инаго начала, кромѣ справедливости. Благотворительность, частная и общественная, наступаетъ потомъ, какъ помощь тѣмъ, которые, по неспособности или вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не могли получить необходимаго.

Отсюда ясно, до какой степени неосновательны нападки соціалистовъ каѳедры на господствующую экономическую теорію, которую постоянно упрекаютъ въ томъ, что она обращаетъ вниманіе исключительно на производство и упускаетъ изъ вида распредѣленіе. Справедливое распредѣленіе есть именно то, которое сообразуется съ производствомъ. Вслѣдствіе этого, господствующее ученіе возстаетъ противъ всѣхъ искусственныхъ мѣръ, привилегій и монополій, которыя, стѣсняя однихъ въ пользу другихъ, даютъ послѣднимъ возможность получать несоотвѣтствующій ихъ значенію въ производствѣ доходъ. Но съ другой стороны, оно съ такимъ же основаніемъ возстаетъ и противъ всѣхъ мѣръ, имѣющихъ въ виду измѣнить распредѣленіе въ виду потребностей и такимъ образомъ замѣнить справедливость благотворительностью. Это и есть то нравственное воззрѣніе въ политической экономіи, которое, смѣшивая различныя сферы и начала, путаетъ всѣ понятія и тѣмъ самымъ вноситъ смуту въ умы.

Если же мы должны признать распредѣленіе дохода, соразмѣрное съ участіемъ въ производствѣ, основнымъ экономическимъ закономъ, то ясно, что равенство имуществъ никогда на можетъ быть плодомъ свободной экономической дѣятельности. Когда соціалисты провозглашаютъ равенство началомъ экономическаго порядка, то они говорятъ не объ экономическихъ дѣятеляхъ, а о какихъ то единицахъ, витающихъ на воздухѣ. Экономическія силы неравны, а потому не-

могутъ быть равны и результаты ихъ дѣятельности, и это неравенство будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше неравенство силъ. Выше было уже замѣчено, что на низшихъ ступеняхъ оно меньше, нежели на высшихъ. Причина та, что экономическія силы менѣе развиты. Первоначально господствуетъ всеобщая бѣдность; только мало по малу накопляется богатство. И это накопленіе идетъ неравномѣрно, вслѣдствіе того что неравномѣрно развиваются самыя силы, его производящія. Вопреки мнѣнію соціалистовъ, богатство производится не физическимъ трудомъ, который является здѣсь только орудіемъ, а главнымъ образомъ приложеніемъ умственныхъ способностей къ промышленному производству. А такъ какъ умственное развитіе составляетъ достояніе немногихъ и только мало по малу распространяется на массу, то и накопленіе богатства, по естественному закону, идетъ тѣмъ же путемъ. Отсюда противоположность богатыхъ и бѣдныхъ, которая остается и на высшихъ ступеняхъ, ибо неравномѣрное распредѣленіе умственныхъ силъ въ обществѣ никогда не можетъ быть изглажено. Какъ бы высоко ни поднялся уровень массы, богатство все таки будетъ сосредоточиваться главнымъ образомъ въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ господствуетъ умственное развитіе. Это не мѣшаетъ отдѣльнымъ лицамъ свободно переходить изъ одной сферы въ другую. Между противоположными крайностями установляется безчисленное множество посредствующихъ ступеней, въ которыхъ выражается все безконечное разнообразіе жизненныхъ силъ и проистекающихъ отсюда имущественныхъ отношеній. По этой лѣствицѣ, въ силу свободы, люди безпрерывно передвигаются вверхъ и внизъ, сообразно съ своею дѣятельностью и съ тѣми условіями, въ которыя они поставлены.

Спрашивается: полезно ли такое неравенство въ экономическомъ отношеніи? Если оно проистекаетъ изъ естественнаго закона, то оно несомнѣнно полезно. Это—тотъ необходимый путь, который ведетъ къ развитію народнаго богатства. Неравенство происходитъ оттого, что высшія силы пріобрѣтаютъ болѣе, нежели низшія; а это составляетъ единственное условіе, при которомъ возможно развитіе высшихъ силъ. Онѣ возбуждаются именно перспективою достиженія высшихъ матеріальныхъ благъ. Вся ихъ энергія напрягается въ этомъ стремленіи, и это идетъ на общую пользу, ибо матеріальное благосостояніе народа зависитъ главнымъ образомъ отъ дѣятельности лицъ, направляющихъ промышленное движеніе, изыскивающихъ новые пути и

обогащающихъ страну тѣмъ самымъ, что они обогащаютъ себя. Не только то, что они сами имѣютъ, способствуетъ поднятію общаго уровня, но еще болѣе то, что они, въ силу экономическихъ законовъ, пріобрѣтаютъ для другихъ. Мы видѣли, что конкурренція имѣетъ своимъ послѣдствіемъ пониженіе цѣны произведеній до предѣла издержекъ производства. Вслѣдствіе этого, весь пріобрѣтенный человѣческою дѣятельностью избытокъ, всѣ сдѣланныя промышленностью завоеванія становятся достояніемъ всѣхъ.

Это благотворное дѣйствіе неравныхъ силъ относится не къ однимъ только промышленнымъ талантамъ, но точно также и къ накопленію капитала. Выше было доказано, что отъ накопленія капитала зависитъ все народное богатство. Первое условіе благосостоянія состоитъ въ томъ, чтобы капиталъ умножался быстрѣе, нежели народонаселеніе. Но именно этому требованію отвѣчаетъ образованіе класса капиталистовъ, для которыхъ накопленіе капитала составляетъ главную цѣль ихъ дѣятельности. И чѣмъ крупнѣе капиталы, тѣмъ лучше достигается цѣль, ибо чѣмъ больше доходы, тѣмъ легче совершается накопленіе. Крупные капиталы производятъ больше, сберегаютъ больше и довольствуются меньшимъ процентомъ. Накопленіе же капитала ведетъ, какъ мы видѣли, къ поднятію заработной платы; слѣдовательно, этимъ самымъ возвышается благосостояніе массы.

Совершенно обратное дѣйствіе имѣло бы то равенство, о которомъ мечтаютъ соціалисты. Вся цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы высшія силы низвести на степень низшихъ. Но этимъ самымъ подрываются главные источники развитія. Силы не возбуждаются, а задерживаются. Для промышленнаго развитія недостаточно существованія отвлеченныхъ способностей; надобно, чтобы эти способности имѣли побужденіе къ дѣятельности, и чтобы онѣ орудовали значительными средствами. При равенствѣ, и то и другое у нихъ отнимается. Слѣдовательно, общество лишается всего того избытка богатства, который производится именно дѣйствіемъ высшихъ его силъ. И этотъ избытокъ не вознаграждается дѣятельностью низшихъ, ибо послѣднія не производятъ больше, оттого что первыя производятъ меньше. Уменьшается только общая производительность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и общее благосостояніе.

Тоже самое прилагается къ накопленію капиталовъ. Уравненіе ведетъ къ тому, что главный источникъ сбереженій сокращается, вслѣд-

ствіе чего умаляется совокупный капиталъ общества, слѣдовательно уменьшается не только производство, но и самая заработная плата и связанное съ нею благосостояніе массы. Этимъ полагается преграда всякому промышленному успѣху. На низшихъ ступеняхъ экономическаго быта, гдѣ скудость капиталовъ восполняется непочатымъ богатствомъ естественныхъ силъ и рѣдкое народонаселеніе возрастаетъ медленно, можно еще встрѣтить болѣе или менѣе равномѣрно распредѣленное благосостояніе. Но какъ скоро экономическое развитіе общества получило болѣе энергическій толчекъ, какъ скоро, вслѣдствіе того, силы природы истощаются, а народонаселеніе ростетъ, такъ быстрое накопленіе капиталовъ становится необходимымъ условіемъ народнаго богатства. Оно служитъ единственнымъ противовѣсіемъ возрастанію народонаселенія. Быстрое же накопленіе капиталовъ является плодомъ неравенства, которое, само будучи произведеніемъ высшаго экономическаго развитія, такимъ образомъ носитъ въ себѣ свое собственное врачеваніе. При такихъ условіяхъ, всякое искусственное уравненіе было бы только насильственнымъ возвращеніемъ къ первобытному безразличію, гдѣ разнообразныя промышленныя силы еще не опредѣлились и не выдѣлились изъ общей массы. Но при измѣнившихся отношеніяхъ, подобная попытка не могла бы достигнуть цѣли. Она не возвратила бы общество въ первобытное состояніе, изъ котораго оно вышло, а произвела бы только всеобщую нищету.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что это увеличивающееся неравенство имѣетъ свои темныя стороны, которыхъ нельзя отрицать. Противники его указываютъ на то, что оно развиваетъ въ людяхъ стремленіе къ матеріальной наживѣ, въ ущербъ нравственнымъ качествамъ. Отсюда тѣ примѣры скандалезныхъ богатствъ, которые развращающимъ образомъ дѣйствуютъ на общество. А такъ какъ это стремленіе имѣетъ цѣлью личное наслажденіе, то съ этимъ сопряжено страшное развитіе роскоши, ведущее къ совершенно непроизводительной тратѣ народнаго богатства. Всему этому, говорятъ, нѣтъ мѣста при большемъ равенствѣ имуществъ, которое, воздерживая прихоти, уменьшаетъ стремленіе къ матеріальнымъ благамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность обратить избытокъ богатства на болѣе полезные для общества предметы.

Въ этихъ возраженіяхъ есть доля истины, но лѣкарство противъ указаннаго зла лежитъ вовсе не тамъ, гдѣ его ищутъ. Что одностороннее стремленіе къ обогащенію можетъ повести къ нравственному

упадку и породить безобразныя явленія по части наживы, это не подлежитъ спору. Преобладаніе матеріальныхъ наклонностей надъ нравственными составляетъ признанную всѣми болѣзнь нашего времени. Но это доказываетъ только необходимость противовѣсія односторроннимъ стремленіямъ, а никакъ не насильственнаго обузданія послѣднихъ. Человѣческая жизнь слагается изъ различныхъ элементовъ; задача состоитъ въ гармоническомъ ихъ соглашеніи. Гдѣ одинъ изъ этихъ элементовъ оскудѣлъ, въ обществѣ неизбѣжно чувствуется разладъ. Нравственный упадокъ въ особенности всегда сопровождается самыми печальными явленіями. Но причины этого упадка кроются не въ порожденномъ экономическою свободою стремленіи къ матеріальнымъ благамъ, а въ ослабленіи тѣхъ началъ, изъ которыхъ истекаютъ нравственныя побужденія человѣка. Эти начала даются религіею, философіею, искусствомъ. Гдѣ всѣ эти идеальныя сферы лишаются внутренней жизни или теряютъ свое вліяніе на общество, тамъ стремленіе къ обогащенію остается единственнымъ интересомъ человѣка. Это менѣе причина, нежели слѣдствіе. А потому и лѣкарство противъ указаннаго зла лежитъ не въ обузданіи матеріальныхъ стремленій, а въ нравственномъ возрожденіи общества пробужденіемъ въ немъ высшихъ интересовъ. Безъ этого тщетны всѣ попытки дѣйствовать на людей. Нравственное же возрожденіе возможно только путемъ свободы. А такъ какъ свобода есть вмѣстѣ съ тѣмъ начало экономическаго развитія, то оба направленія весьма хорошо совмѣщаются, и нѣтъ никакой нужды подавлять одни стремленія во имя другихъ. Человѣкъ можетъ обогащаться промышленною дѣятельностью, не нарушая нравственныхъ требованій, а напротивъ, употребляя избытокъ своего богатства для нравственныхъ цѣлей. Свободѣ, какъ экономической, такъ и нравственной, противорѣчитъ только соціалистическое подчиненіе обѣихъ сферъ государству; подобная система, стѣсняя экономическую свободу во имя нравственнаго начала, тѣмъ самымъ дѣлаетъ нравственность принудительною, въ противорѣчіе съ истиннымъ ея существомъ. Но экономической свободѣ не противорѣчитъ нравственная проповѣдь и дѣйствіе общественнаго мнѣнія, не противорѣчитъ и дѣятельность церкви въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, изъ чего однако не слѣдуетъ, что обѣ сферы должны смѣшиваться. Экономическая наука столь же мало можетъ подчиняться нравственности, какъ и религіи. Жизни и свободѣ предоставляется соглашеніе обоихъ началъ.

Что касается до роскоши, то и она составляетъ совершенно за-

конное явленіе въ области человѣческихъ отношеній. Всякая промышленная дѣятельность основана на стремленіи къ обогащенію. Но человѣкъ не ищетъ обогащенія просто ради накопленія денегъ: такое явленіе представляется уродствомъ. Обогащаясь, человѣкъ хочетъ сдѣлать полезное употребленіе изъ своихъ средствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ работаетъ для себя: онъ хочетъ украсить свою жизнь. Это украшеніе жизни и есть роскошь. Чѣмъ больше богатство, тѣмъ больше и роскошь. Отсюда ясно, что ограниченіе роскоши равносильно отнятію у богатыхъ людей одного изъ главныхъ побужденій къ дальнѣйшей промышленной дѣятельности, а это не можетъ не отразиться пагубнымъ образомъ на народномъ хозяйствѣ, котораго существенный интересъ состоитъ въ томъ, чтобы именно крупные капиталы не переставали быть производительными. Слѣдовательно, роскошь не только не приноситъ ущерба народному хозяйству, а напротивъ, составляетъ въ немъ необходимый элементъ. Безъ нея, промышленное развитіе народа всегда остается на низкой степени.

Нѣтъ сомнѣнія, что есть роскошь чрезмѣрная, безумная, лишенная изящества. Но противъ нея опять-таки существуетъ только одно разумное лѣкарство, именно, развитіе въ обществѣ чувства изящнаго путемъ свободы. Не лишать человѣка средствъ, а направлять его къ тому, чтобы онъ дѣлалъ изъ нихъ хорошее употребленіе, такова единственная политика совмѣстная съ свободою и съ достоинствомъ человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это единственная политика достигающая цѣли. Извѣстный разрядъ богатыхъ людей потому предается нелѣпой роскоши, что таковъ ихъ вкусъ. Инаго они не понимаютъ, а потому иное ихъ не удовлетворяетъ. Для того чтобы они удовлетворялись болѣе изящными наслажденіями, надобно, чтобы вкусъ къ истинно изящному былъ развитъ въ окружающемъ ихъ обществѣ, а этому именно содѣйствуетъ хорошо направленная роскошь. Высшую роскошь составляютъ художественныя произведенія, и только при постоянномъ обхожденіи съ ними развивается утонченное ихъ пониманіе. Нужна изящная обстановка жизни для того, чтобы развивался вкусъ къ изящному. А это дается не легко, особенно въ сложной и обставленной разнообразными условіями жизни новыхъ народовъ. У Грековъ, чувство изящнаго было природнымъ даромъ; простота отношеній античнаго міра и великолѣпная окружавшая ихъ природа способствовали изощренію этого дарованія. У новыхъ на-

родовъ, которые ведутъ болѣе домашнюю жизнь, и у которыхъ отношенія несравненно сложнѣе, изящество достигается съ гораздо бо́льшимъ трудомъ, а между тѣмъ роскошь, распространяясь на множество неизвѣстныхъ древнимъ мелочей, пріобрѣтаетъ гораздо болѣе широкіе размѣры. Дать ей идеальное назначеніе въ украшеніи жизни тѣмъ важнѣе, что именно въ богатыхъ обществахъ чувство изящнаго составляетъ одинъ изъ необходимыхъ нравственныхъ элементовъ общежитія. Оно заставляетъ человѣка съ омерзѣніемъ отворачиваться отъ всего низкаго и грязнаго и обращаться съ любовью къ высокому и благородному. Слѣдовательно, содѣйствуя развитію этого чувства, хорошо направленная роскошь и въ нравственномъ отношеніи играетъ существенную роль въ человѣческой жизни. Обставленный роскошью бытъ, проникнутый изяществомъ, составляетъ высшую красоту человѣческой жизни съ внѣшней ея стороны. Если этотъ идеалъ доступенъ немногимъ, то все же полезно, чтобы онъ существовалъ, какъ образецъ для другихъ, и какъ удовлетвореніе тѣмъ болѣе обезпеченнымъ классамъ, которые призваны къ высшему духовному развитію. Народъ, среди котораго распространено изящество жизни, можетъ этимъ гордиться.

Такимъ образомъ, всѣ нападки на неравенство имуществъ съ точки зрѣнія незаслуженныхъ богатствъ, чрезмѣрной роскоши и проистекающаго отсюда нравственнаго упадка, лишены основанія. Если человѣкъ обогащается неправильно, то противъ этого есть юридическій законъ; если онъ стремится исключительно къ матеріальнымъ благамъ, пренебрегая нравственными требованіями, то противъ этого есть нравственный судъ общества, безъ котораго тщетны всякія принудительныя мѣры. Наконецъ, если онъ безумно расточаетъ свое богатство, то въ этомъ судья онъ одинъ, ибо онъ воленъ дѣлать изъ своего достоянія все, что ему угодно; общество, съ своей стороны, можетъ только лишить его того уваженія, которое должно оказываться единственно разумнымъ силамъ, и которое, при низкомъ общественномъ уровнѣ, слишкомъ часто достается на долю золотому тельцу. Безъ сомнѣнія, желательно, чтобы богатые дѣлали хорошее употребленіе изъ своихъ средствъ; но эта цѣль можетъ быть достигнута только путемъ нравственнаго совершенствованія общества, а не стѣсненіемъ экономической свободы и проистекающаго изъ нея неравенства.

Иное дѣло, еслибы дѣйствительно, какъ увѣряютъ нѣкоторые,

обогащеніе однихъ вело къ обѣднѣнію другихъ, и пріобрѣтаемое богатыми отнималось у бѣдныхъ. Противники экономической свободы утверждаютъ, что она неизбѣжно ведетъ къ развитію двухъ противоположныхъ крайностей богатства и нищеты, съ уничтоженіемъ именно тѣхъ среднихъ состояній, умноженіе которыхъ всего желательнѣе въ правильномъ народномъ хозяйствѣ. Мы видѣли уже эти нареканія въ вопросѣ о конкурренціи и тамъ замѣтили, что они происходятъ отъ невѣрнаго обобщенія нѣкоторыхъ частныхъ явленій. Не смотря на то что этотъ взглядъ весьма настойчиво поддерживается соціалистами и соціалъ-политиками, никто изъ нихъ не могъ привести доказательствъ въ его пользу. Шмоллеръ, близко знакомый съ статистикою, рѣшается высказать эту мысль только въ видѣ сомнѣнія противъ слишкомъ оптимистическаго взгляда на вещи. Отдѣльные факты и наблюденія въ путешествіяхъ и въ обращеніи съ торговымъ міромъ, говоритъ онъ, а также и общій ходъ современной промышленности даютъ болѣе вѣроятности предположенію, что крупныя состоянія ростутъ быстрѣе, нежели общій уровень; можно также думать, что классъ людей, живущихъ поденною платою, многочисленнѣе, нежели нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ [1]). Между тѣмъ, факты далеко не оправдываютъ этихъ сомнѣній. Въ 1880 году вышло сочиненіе Леруа-Болье, въ которомъ, на основаніи тщательно собранныхъ статистическихъ данныхъ, подробно изслѣдуется вопросъ о распредѣленіи богатства: результатъ его изысканій совершенно противоположенъ тѣмъ предположеніямъ, которыя высказываетъ Шмоллеръ. Приведемъ нѣкоторыя цифры [2]).

Прежде всего, насъ поражаетъ сравнительно ничтожное количество крупныхъ состояній даже въ самыхъ богатыхъ странахъ. Въ Англіи, какъ извѣстно, поземельная собственность, въ силу маіоратовъ и субституцій, искусственнымъ образомъ удерживается въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ; поэтому отсюда нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ въ пользу или противъ проистекающаго изъ экономической свободы неравенства: въ англійскомъ землевладѣльческомъ классѣ, неравенство является послѣдствіемъ юридическаго, а не

---

1) Ueber einige Grundfragen etc. стр. 137, 138.

2) См. Essai sur la répartition des richesses et sur la tendance à une moindre inégalité des conditions, par Paul Leroy-Beaulieu. Не указываю страницъ, потому что всѣ приведенныя данныя легко найти въ самой книгѣ.

экономическаго порядка. Что же касается собственно до промышленныхъ состояній, то на основаніи таблицъ обложенія подоходнымъ налогомъ, которыя показываютъ доходы обыкновенно на одну треть ниже дѣйствительности, оказывается, что въ 1877 году было 381972 лица, имѣвшихъ оффиціально доходъ свыше 150 фунтовъ (по настоящему курсу около 1500 р.). Изъ нихъ, 272000 обладали доходомъ не свыше 300 фунтовъ, что соотвѣтствуетъ мелкой промышленности и торговлѣ. Затѣмъ, средняя промышленность, съ доходомъ отъ 300 до 1000 фунтовъ, заключала въ себѣ 88000 человѣкъ. Крупные промышленники, съ доходомъ отъ 1000 до 10 000 фунтовъ, были въ числѣ 21000 человѣкъ. Наконецъ, огромныя состоянія свыше 10000 фунтовъ дохода, находились въ рукахъ не болѣе 1122 лицъ, изъ которыхъ только 86 имѣли доходъ свыше 50000 фунтовъ. Мы видимъ здѣсь постепенную лѣствицу, сообразно съ общимъ закономъ распредѣленія благъ, не только въ имущественномъ, но и въ физическомъ мірѣ.

Во Франціи, подоходный налогъ не существуетъ, а потому нѣтъ такихъ точныхъ указаній. Приходится довольствоваться отдѣльными категоріями лицъ и предметовъ. Относительно поземельной собственности, послѣдняя полная опись обложенныхъ участковъ (cotes foncières) была составлена въ 1858 году. Въ то время, изъ 13,000000 участковъ, 6,686000 были обложены податью не свыше 5 франковъ, что соотвѣтствовало чистому доходу отъ 40 до 80 франковъ, смотря по мѣстностямъ. Изъ остальныхъ $6^1/_2$ милліоновъ, 2 милліона были обложены податью не свыше 10 франковъ, что соотвѣтствовало доходу отъ 40 до 160 франковъ; затѣмъ другіе 2 милліона были обложены податью до 20 франковъ, съ чистаго дохода не свыше 320 франковъ. Наконецъ, изъ остающихся $2^1/_2$ милліоновъ, огромное большинство не превышало 500 франковъ обложенія и 8000 франковъ дохода. Только 37000 участковъ обложены были податью отъ 500 до 1000 франковъ и только 15000 платили болѣе 1000 франковъ. Число участковъ, конечно, болѣе числа собственниковъ, ибо одно лице можетъ владѣть нѣсколькими участками; но въ общемъ итогѣ, по мнѣнію Леруа-Больё, во Франціи нѣтъ болѣе 50 или 60 тысячъ человѣкъ, имѣющихъ поземельную собственность, городскую или сельскую, приносящую свыше 6 или 7 тысячъ франковъ дохода. Можно полагать, что половина всего поземельнаго дохода во Франціи при-

надлежитъ мелкой собственности, имѣющей не болѣе 1000 франковъ дохода, четверть средней, имѣющей отъ 1000 до 3000 франковъ дохода, наконецъ послѣдняя четверть тому, что можно назвать крупною собственностью, приносящею свыше 3000 франковъ дохода.

Вѣрнѣе можно судить о распредѣленіи доходовъ по статистикѣ налога на квартиры въ большихъ городахъ, особенно въ Парижѣ. На основаніи этихъ данныхъ, богатый классъ въ Парижѣ, платящій за квартиры свыше 3000 франковъ оффиціальной оцѣнки или 4000 въ дѣйствительности, что́ приблизительно соотвѣтствуетъ доходу отъ 32000 франковъ, заключаетъ въ себѣ не болѣе 14858 податныхъ лицъ; изъ нихъ, 9985 имѣютъ доходъ отъ 32000 до 64000 франковъ, 3049 отъ 64000 до 130000 франковъ, 1413 отъ 130000 до 266000 франковъ. Вообще, по исчисленіямъ Леруа-Больё, очень богатый классъ, состоящій изъ лицъ, имѣющихъ свыше 133000 франковъ дохода, представляетъ $^{3}/_{1000}$ всего парижскаго народонаселенія, богатый классъ, съ доходомъ отъ 32000 до 133000 франковъ, составляетъ $^{20}/_{1000}$, зажиточный классъ, съ доходомъ отъ 6000 до 32000 франковъ, $^{96}/_{1000}$, средній классъ, съ доходомъ отъ 2400 до 6000 франковъ, $^{197}/_{1000}$; наконецъ, маленькіе доходы, ниже 2400 франковъ, принадлежатъ двумъ третямъ всего народонаселенія.

Такимъ образомъ, какъ и слѣдовало ожидать, количество богатыхъ лицъ уменьшается по мѣрѣ увеличенія состоянія; разрыва на двѣ противоположныя крайности не видать. И при всемъ томъ, количество зажиточныхъ людей такъ ничтожно, что, по исчисленію Леруа-Больё, еслибы государство вздумало конфисковать всѣ доходы свыше 7000 франковъ и распредѣлить ихъ между остальными, то доля послѣднихъ увеличилась бы не болѣе, какъ на 10 или на 12 процентовъ.

Тоже самое прилагается и къ Германіи. Въ Пруссіи, изслѣдованія о подоходномъ налогѣ даютъ возможность опредѣлить и самое движеніе доходовъ. Въ теченіи шести лѣтъ, отъ 1872 до 1878 года, народонаселеніе въ Пруссіи увеличилось на $7^{1}/_{2}$ процентовъ, а доходы на 16 процентовъ. Но въ особенности это улучшеніе постигло мелкіе и средніе доходы. Классъ людей съ скудными доходами (ниже 525 маровъ), увеличился съ 6,242,000 на 6,664,000, то есть, около 7 процентовъ, средній же доходъ человѣка поднялся съ 202

марокъ на 210, то есть, почти на 4%. Разрядъ лицъ съ мелкими доходами, отъ 525 до 2000 марокъ, съ 16,217,000 человѣкъ возвысился до 17,390,767, то есть, тоже приблизительно на 7 %, средній же доходъ въ этомъ разрядѣ поднялся съ 245 марокъ на 254 (около 3,7%). Затѣмъ количество лицъ съ умѣреннымъ доходомъ, отъ 2000 до 6000 марокъ, увеличился уже не на 7, а на 20 процентовъ, а именно съ 1,191,100 до 1,437,000 человѣкъ, средній же доходъ поднялся съ 866 марокъ на 881, то есть, около 1,7%. Еще болѣе увеличился количественно слѣдующій классъ, именуемый среднимъ, и имѣющій отъ 6000 до 20000 марокъ дохода: съ 146000 человѣкъ онъ увеличился до 225000, слѣдовательно, на 50%; но средній доходъ ихъ упалъ съ 2646 марокъ на 2630, уменьшеніе впрочемъ весьма ничтожное и далеко не соотвѣтствующее количественной прибавкѣ лицъ. Количество лицъ съ крупными доходами, отъ 20000 до 100000 марокъ, въ оба періода было несравненно меньше предъидущихъ; въ 1872 г. оно равнялось 22120 человѣкамъ, а въ 1878 г. 27920. Слѣдовательно, оно прибавилось на 20%, но средній доходъ увеличился весьма незначительно: съ 10229 марокъ онъ поднялся до 10365, то есть, на 1,3%. Наконецъ, и высшая категорія лицъ, имѣющихъ болѣе 100000 марокъ дохода, числительно увеличилась, именно съ 1300 до 1800 человѣкъ, но средній ихъ доходъ упалъ съ 62403 марокъ на 56539 марокъ.

Надобно замѣтить, что именно въ этотъ періодъ, вслѣдствіе вызванной удачною войною спекулятивной горячки, основалось много колоссальныхъ состояній; наступившій же затѣмъ биржевой кризисъ разорилъ преимущественно среднихъ людей. Но вообще, этотъ кризисъ менѣе всего отозвался на мелкихъ и умѣренныхъ доходахъ, которые идутъ все возрастая. «Изъ этихъ частныхъ случаевъ, говоритъ Леруа-Больё, съ которыми можно бы было сблизить много другихъ аналогическихъ, можно вывести общее заключеніе, именно, что возвышеніе очень маленькихъ и среднихъ доходовъ въ образованной странѣ идетъ безостановочно, что это—явленіе, продолжающееся безъ перерыва; можетъ быть замедленіе подъемнаго движенія, но нѣтъ никогда полной остановки. Улучшеніе быта, или поднятіе уровня низшихъ и среднихъ классовъ—фактъ постоянный. Промышленные, торговые и финансовые кризисы гораздо болѣе постигаютъ высшія, нежели низшія сферы.... Однимъ крупнымъ дохо-

дамъ, и особенно очень крупнымъ, свойственно, въ видѣ цѣлыхъ разрядовъ, идти понятнымъ ходомъ или стоять на мѣстѣ. Тѣ, которые не знаютъ этихъ истинъ, заключаетъ Леруа-Больё, и тѣ, которые не умѣли вывести ихъ изъ разнообразія современныхъ фактовъ, ничего не понимаютъ въ экономическомъ движеніи современнаго міра».

Надобно притомъ замѣтить, что хотя крупные капиталы легче увеличиваются, нежели мелкіе, но зато они не легко удерживаются въ однѣхъ рукахъ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній. Жизненный опытъ гласитъ, что поддержать крупное состояніе почти также трудно, какъ и основать его. Нужно значительное умѣніе, чтобы получать большой доходъ съ обширныхъ предпріятій. Это умѣніе рѣдко передается изъ рода въ родъ. Если же прибавить къ этому, что крупные капиталы часто дробятся по наслѣдству, и что большой доходъ есть вмѣстѣ и большой соблазнъ, то понятно, что количество крупныхъ состояній вообще весьма невелико. Основанныя на большіе капиталы предпріятія могутъ долго держаться, но обыкновенно они переходятъ въ другія руки. Есть, конечно, обстоятельства, при которыхъ крупные капиталы ростутъ съ необыкновенною быстротою. Когда въ обществѣ открываются новыя поприща для промышленной дѣятельности, требующія громадныхъ затратъ, предпріимчивые люди въ короткое время составляютъ себѣ колоссальныя состоянія, хотя и тутъ нерѣдко тѣ, которые легко обогащаются, легко и разоряются. Въ обыкновенномъ же ходѣ вещей, быстрый ростъ крупныхъ капиталовъ находитъ себѣ постоянное противодѣйствіе въ присущемъ имъ стремленіи къ дробленію.

Съ другой стороны, на встрѣчу этому движенію идетъ постоянное поднятіе уровня массы. Это относится не только къ мелкимъ капиталамъ, но и къ рабочему классу. На этотъ счетъ, въ той же книгѣ Леруа-Болье собрано множество данныхъ, которыя едва ли оставляютъ мѣсто для сомнѣнія.

Въ Англіи, въ теченіи XVIII-го вѣка, зароботная плата увеличилась почти вдвое, между тѣмъ какъ цѣна хлѣба понизилась. Такое же повышеніе произошло и въ XIX-мъ столѣтіи, хотя съ промежутками обратнаго хода. Если сравнить заработную плату съ цѣнностью зерноваго хлѣба, то оказывается, что при Елисаветѣ можно было заработать квартеръ (11 четвериковъ) пшеницы въ 48 дней, въ XVII-мъ вѣкѣ въ 43 дня, въ первой половинѣ XVIII-го въ 32, съ

1815 по 1850 г. въ 19 дней, въ 60-хъ годахъ въ 15, или не болѣе 20, а въ настоящую минуту еще въ меньшее время [1]).

Тоже самое относится и къ Франціи. Въ концѣ XVII-го вѣка нужно было отъ 30 до 32 рабочихъ дней, чтобы заработать гектолитръ зерноваго хлѣба (3,8 четверика), въ 1819 г. достаточно было отъ 16 до 18 дней, нынѣ нужно не болѣе 10 или 11. Сообразно съ этимъ возрастаетъ потребленіе пшеницы: въ 1825 г. потреблялось на человѣка $1^{53}/_{100}$ гектолитра, въ 1835 г. $1^{59}/_{100}$, въ 1852—$1^{85}/_{100}$, въ 1866—$2^{3}/_{100}$, наконецъ въ 1880 г. $2^{27}/_{100}$, то есть, въ теченіи 56 лѣтъ потребленіе возрасло на 50%, между тѣмъ какъ не только не уменьшилось, но увеличилось еще потребленіе мяса. Расчитываютъ, что съ 1820 г. до 1870-го, потребленіе вообще растительныхъ веществъ увеличилось во Франціи на 20% на человѣка, потребленіе животныхъ веществъ на 30%, туземныхъ напитковъ на 80%, а потребленіе разныхъ веществъ утроилось. Въ 1812 году, потребленіе мяса равнялось $17^{16}/_{100}$ килограмма на душу, въ 1862 году $25^{10}/_{100}$ килограмма. И это увеличеніе относится не къ однимъ высшимъ классамъ, а главнымъ образомъ къ низшимъ. Въ Мюлузѣ, гдѣ большинство населенія состоитъ изъ рабочихъ, въ 1857 году потреблялось мяса $55^{20}/_{100}$ килограмма на душу, въ 1877 году $4^{60}/_{100}$. И если цѣнность мяса въ это время возрасла, то еще въ большей степени возрасла заработная плата. Расчитываютъ, что въ 1760 году ежегодный заработокъ семейства земледѣльческихъ рабочихъ равнялся 126 франкамъ, въ 1788 году 161 франку, въ 1813 году 400 франкамъ, въ 1840 году—500; нынѣ же онъ доходитъ до 8 или 900 франковъ; то есть, съ конца XVIII-го вѣка заработная плата повысилась на 400 процентовъ, между тѣмъ какъ доходъ съ поземельной собственности возросъ только на 140 процентовъ. Въ новѣйшее время въ особенности замѣтно это повышеніе. Рабочіе безъ харчей, получавшіе прежде 1 фр. 50 сантим., теперь получаютъ 3 франка въ обыкновенное время, и до 7 фр. во время уборки. Рабочіе съ харчами, получавшіе отъ 1 фр. до 1 фр. 25 с., теперь получаютъ отъ 1 фр. 75 с. до 2 фр., и пища гораздо лучше. Въ

---

[1]) Эти послѣднія цифры заимствованы у Рошера: Grundlagen § 172. Кэрдъ расчитываетъ, что со временъ Елисаветы заработная плата увеличилась въ 6 разъ, а цѣна хлѣба только удвоилась. Чтобы заработать 1 бушель пшеницы теперь нужно вдвое менѣе времени, нежели въ 1770 году. См. Times 25 ноября 1881 (Weekly Edition).

виноделіи, съ 1855 г. заработная плата удвоилась: съ 1 фр. или 1 фр. 25 с. она поднялась до 2 ф. или 2 ф. 50 с. [1]).

Общій уровень заработной платы во Франціи въ послѣдніе 50 лѣтъ поднялся на 80 и даже на 100 процентовъ. Вслѣдствіе этого, постоянно увеличивается благосостояніе рабочаго класса. Объ улучшеніи жилищъ свидѣтельствуетъ постоянное уменьшеніе количества домовъ съ 1, 2 и 3 отверстіями и умноженіе имѣющихъ 4 или 5. Въ Мюлузѣ, съ 1854 до 1877 г., Общество рабочихъ домовъ продало 945 домовъ, болѣе, нежели на 4 милліона франковъ, и всѣ эти дома были куплены рабочими. Около четверти народонаселенія въ нихъ живетъ. Объ удешевленіи всѣхъ предметовъ, производимыхъ на фабрикахъ или привозимыхъ издалека, и говорить нечего. Конкурренція капиталовъ и удешевленіе средствъ перевозки дѣлаютъ ихъ доступными для массы.

Рядомъ съ этимъ уменьшается и количество рабочихъ часовъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, рабочій день простирался до 15, 16 и даже 17 часовъ; нынѣ онъ не превышаетъ 11 и даже 10. Работа женщинъ и дѣтей ограничена закономъ. Вообще, рабочій имѣетъ болѣе досуга, при большихъ средствахъ. Хорошій рабочій всегда можетъ сдѣлать сбереженія. Въ Англіи, въ послѣднія десять лѣтъ, при далеко не благопріятныхъ условіяхъ промышленности, депозиты въ сберегательныхъ кассахъ возросли съ 51 милліона на 76 мил. фунтовъ, то есть, они равняются почти 2 милліардамъ франковъ. Въ Австріи, они доходятъ до $1^1/_2$ милліарда; во Франціи, они равняются 1 милліарду 621 милліонамъ франковъ, но здѣсь, кромѣ того, рабочій классъ имѣетъ привычку на свои сбереженія покупать различные фонды, преимущественно государственные.

Съ этимъ связано, наконецъ, и уменьшеніе пауперизма. Въ Англіи, гдѣ ведется на этотъ счетъ весьма точная статистика, было въ 1849 году 934,419 человѣкъ, получавшихъ пособія, на народонаселеніе въ 17,552000 душъ, а въ 1878 г. получавшихъ пособія было всего 742703 на народонаселеніе въ 24,854000 душъ. Такимъ образомъ, количество бѣдныхъ уменьшилось на 20%, тогда какъ народонаселеніе увеличилось на 30%. Съ 1849-го по 1859 годъ, было 5 бѣдныхъ на 1000 жителей, съ 1869 по 1878 всего 4, а въ

[1]) Эти послѣднія цифры взяты изъ статьи Clavé: La situation agricole de la France; Revue des Deux Mondes 10-го февраля 1880.

послѣдніе четыре года этого десятилѣтія даже не болѣе 3-хъ. Эти цифры ясно доказываютъ, что крайность бѣдности не увеличивается съ развитіемъ общаго богатства, а наоборотъ.

Столь же несомнѣнно и преуспѣяніе среднихъ классовъ. Относительно фермеровъ, выше было уже замѣчено, что и въ Англіи и во Франціи благосостояніе ихъ, а вмѣстѣ и жизненныя требованія значительно возвысились. Они живутъ лучше, тратятъ больше, и все-таки имѣютъ излишекъ, изъ котораго образуются ихъ сбереженія. Что касается до движимыхъ капиталовъ, то постоянно размножающіяся акціонерныя общества доставляютъ самымъ мелкимъ капиталистамъ участіе въ барышахъ обширныхъ предпріятій. Черезъ это мелкимъ капиталамъ дается возможность конкуррировать съ крупными, и если послѣдніе и тутъ остаются средоточіемъ промышленной дѣятельности, то они достигаютъ своей цѣли, только призывая къ себѣ на помощь среднія состоянія, составляющія массу вкладовъ.

Можно было бы думать, что по крайней мѣрѣ количество самостоятельныхъ хозяевъ уменьшается съ развитіемъ крупной промышленности; но и тутъ статистическія цифры опровергаютъ это предположеніе. Во Франціи, въ 1791 году, число лицъ, имѣвшихъ промышленные патенты, равнялось 659812; въ 1822 г. ихъ было 955000, въ 1878 1,631000. Изъ числа патентованныхъ, въ 1872 г. было 1,302000 лицъ, принадлежавшихъ къ мелкой и средней торговлѣ и платившихъ 51,000000 фр. налога, тогда какъ въ спискѣ крупныхъ торговцевъ было не болѣе 16710 лицъ съ 6,000000 фр. налога. По исчисленію Блока, изъ 1000 лицъ, занимающихся земледѣліемъ, 524 работаютъ на себя и 476 на другихъ; въ числѣ послѣднихъ находятся 143 фермера, 56 половниковъ и только 277 поденщиковъ. Въ Англіи, въ 1845 г., было 148000 промышленниковъ и торговцевъ, платившихъ подоходный налогъ; въ 1877 г. ихъ было около 382000. Въ Пруссіи, по промышленной переписи 1875 г. было 1,667104 промышленныхъ предпріятія, (кромѣ сельско - хозяйственныхъ), съ 3,625,918 занятыхъ въ нихъ лицъ. Изъ этого числа, 1,623951 предпріятіе (то есть 97%), съ 2,246959 лицами (62%), принадлежали къ мелкимъ промысламъ, занимающимъ не болѣе 5 лицъ, и только 43513 предпріятій, съ 1,378959 лицами, относились къ разряду болѣе или менѣе крупныхъ.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, возможно ли утверждать, что экономическая свобода ведетъ къ развитію двухъ противоположныхъ

крайностей богатства и бѣдности? Если мы взглянемъ на богатыя страны, которыя ранѣе другихъ ввели у себя экономическую свободу, то насъ поражаетъ, напротивъ, постепенное распространеніе благосостоянія въ массахъ. Въ первую пору развитія крупной фабричной промышленности можно было еще ошибаться на этотъ счетъ. Въ ту эпоху дѣйствительно, съ одной стороны составлялись громадныя состоянія, а съ другой стороны развивался фабричный пролетаріатъ, представлявшій ужасающія явленія. Но теперь можно уже убѣдиться, что накопившееся богатство не осталось въ рукахъ немногихъ, а разлилось повсюду, поднимая въ особенности благостояніе тѣхъ, которые сперва служили ему какъ бы механическими орудіями. На станемъ говорить объ Англіи, гдѣ искусственныя стѣсненія мѣшаютъ свободному передвиженію поземельной собственности. Съ другой стороны, не станемъ указывать и на Соединенные Штаты, гдѣ рабочее населеніе, при полной экономической свободѣ, стоитъ на высотѣ неизвѣстной въ другихъ мѣстахъ. Могутъ возразить, что въ Америкѣ необыкновенно благопріятныя условія противодѣйствуютъ пагубному вліянію свободы: непочатыя еще силы природы, необъятныя тучныя пространства, а рядомъ съ этимъ обиліе капиталовъ и чрезвычайная энергія населенія, все это поднимаетъ заработокъ рабочаго въ большей степени, нежели это возможно въ иной средѣ. Но и въ старой Европѣ есть страна, которая ранѣе другихъ ввела у себя полную экономическую свободу, и которая однако пользуется неслыханнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Эта страна есть Франція. Тутъ не только мы не замѣчаемъ крайностей богатства и бѣдности и проистекающихъ отсюда смутъ, но видимъ напротивъ, что соціальные вопросы, здѣсь впервые возбужденные, теряютъ всякую почву вслѣдствіе того, что уровень массы поднимается самъ собою, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ. Въ особенности же процвѣтаютъ средніе классы, составляющіе главное зерно современной французской демократіи. Тутъ является стремленіе не къ развитію крайностей, а напротивъ, къ постепенному уравненію состояній. Въ цѣломъ обществѣ разлита такая масса матеріальнаго богатства, какъ, можетъ быть, ни въ одной другой европейской странѣ. Особенно этотъ подъемъ обнаружился съ тѣхъ поръ, какъ къ внутренней экономической свободѣ присоединилась внѣшняя. Не всякая страна въ состояніи ее вынести, но нѣтъ сомнѣнія, что при высокомъ матеріальномъ развитіи, возможно широкая свобода со-

ставляетъ идеалъ экономическаго быта. Именно вслѣдствіе этихъ условій, Франція, послѣ войны 1871 года, могла безъ труда выплатить такую громадную контрибуцію, которая представлялась почти сказкою, и затѣмъ въ нѣсколько лѣтъ подняться снова на такую степень матеріальнаго процвѣтанія, которая поражаетъ насъ изумленіемъ.

Современная Франція служитъ самымъ сильнымъ фактическимъ доводомъ противъ соціализма. Она доказываетъ, что для врачеванія бѣдности и для поднятія уровня массы не нужно никакихъ искусственныхъ мѣръ, никакого общественнаго переустройства; достаточно свободы. Если временно свободное отношеніе экономическихъ силъ вызываетъ прискорбныя явленія, если массы какъ будто понижаются подъ давленіемъ гнетущаго ихъ капитала, то въ дальнѣйшемъ движеніи самый этотъ капиталъ сообщаетъ имъ неслыханный подъемъ. Противорѣчія разрѣшаются дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ законовъ, которыми они были вызваны. И разладъ и примиреніе составляютъ послѣдующіе періоды одного и того же историческаго процесса, управляемаго началомъ экономической свободы.

Окончательный результатъ этого процесса состоитъ въ относительномъ уравненіи состояній, не задержаніемъ высшихъ силъ и не возвращеніемъ къ первобытному безразличію, а медленнымъ, хотя и вѣрнымъ поднятіемъ общаго уровня и въ особенности умноженіемъ среднихъ классовъ, составляющихъ посредствующее звено между крайностями. Этимъ водворяется гармоническое отношеніе силъ, а между тѣмъ сохраняется безконечное разнообразіе жизни, составляющее плодъ высшаго развитія; здѣсь каждой дѣятельности открывается самый широкій просторъ, и достигается возможно полное удовлетвореніе всѣхъ потребностей, тогда какъ искусственныя мѣры, подавляющія свободу и ограничивающія собственность, способны произвести только обращеніе промышленности вспять и возвращеніе къ первобытной нищетѣ среди несравненно худшихъ условій.

Этимъ историческимъ процессомъ разрѣшается и рабочій вопросъ, составляющій главную болѣзнь нашего времени. Объ немъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XI.

РАБОЧІЙ ВОПРОСЪ.

Соціализмъ, какъ теорія, существуетъ издревле. Онъ являлся и на Востокѣ, и въ Греціи, и въ средніе вѣка и въ новое время. Съ тѣхъ поръ, какъ люди начали думать объ общественномъ устройствѣ, всегда находились мыслители, представлявшіе себѣ идеалъ совершенства помимо всѣхъ условій человѣческаго существованія. Платонъ въ своемъ государствѣ требовалъ для воиновъ общенія женъ и имуществъ. На зарѣ новаго времени, Томасъ Моръ и Кампанелла, вдохновляясь тѣми же идеалами, изображали блаженное состояніе человѣческаго общества, въ которомъ устранена главная причина раздоровъ и бѣдствій, частная собственность. Нерѣдко эти мечты связывались и съ религіозными воззрѣніями, которыя ихъ послѣдователи пытались даже проводить въ жизнь. Такова была попытка анабаптистовъ. Но все это были преходящія явленія, не имѣвшія существеннаго значенія въ исторіи человѣчества. Только въ новѣйшее время соціализмъ занялъ видное мѣсто, какъ явленіе жизни. Только теперь мечтанія утопистовъ, попавши на воспріимчивую почву, разрослись въ міровую теорію и породили требованія, грозящія сокрушить весь существующій общественный строй.

Причины этого успѣха понятны, если мы взглянемъ на современное состояніе европейскихъ обществъ. Соціализмъ задаетъ себѣ цѣлью поднять благосостояніе массъ; онъ обѣщаетъ имъ невиданныя блага; а только въ наше время народныя массы, получивши свободу, сдѣлались самостоятельною общественною силою. Пока существовало

крѣпостное право и сохранялись привилегіи высшихъ сословій, желанія и требованія низшихъ классовъ не шли далѣе устраненія тяготѣвшаго надъ ними гнета. Мечты о полномъ общественномъ переустройствѣ мало ихъ трогали; ближайшія практическія задачи слишкомъ живо давали себя чувствовать. Но съ конца XVIII-го вѣка, на Западѣ водворилась общая свобода. Прежнія преграды пали, и демократія, достигшая невиданныхъ прежде размѣровъ, завоевывала себѣ все большее и большее мѣсто въ общественной жизни.

На первыхъ порахъ однакоже, положеніе рабочаго класса отъ этого мало улучшилось. Гражданскія и политическія права не даютъ еще матеріальнаго благосостоянія. И вотъ явились мыслители, которые стали говорить, что дѣло вовсе не въ политическихъ правахъ, а въ отношеніяхъ собственности, что юридическое равенство ничего не значитъ безъ равенства имущественнаго, и что только путемъ полнаго экономическаго переворота возможно поднять рабочій классъ на тотъ уровень, который требуется его человѣческимъ достоинствомъ. Понятно, что подобныя теоріи жадно воспринимались голодающею толпою и находили въ ней страстныхъ послѣдователей. На почвѣ демократической свободы соціализмъ сдѣлался грозною силою. Не разъ современныя общества трепетали передъ его появленіемъ. И чѣмъ менѣе въ этихъ утопіяхъ было смысла, чѣмъ рѣзче онѣ противорѣчили человѣческой природѣ и всѣмъ дѣйствительнымъ условіямъ общественной жизни, тѣмъ онѣ казались страшнѣе. Фанатизмъ распаленной ложными ученіями толпы готовъ былъ посягнуть на все, что дорого человѣку и гражданину. Говорили о новомъ нашествіи варваровъ, грозящемъ погубить всѣ плоды современнаго просвѣщенія.

Къ этимъ общимъ политическимъ причинамъ присоединились причины экономическія. Вмѣстѣ съ свободою появилась и крупная промышленность. Основались фабрики, дѣйствующія паровыми машинами, собирающія вокругъ себя массу рабочаго люда. И этотъ переворотъ на первыхъ порахъ сопровождался значительными страданіями и бѣдствіями. Многія мелкія производства рушились, и хозяева ихъ остались безъ куска хлѣба. Лишились пропитанія и рабочіе, которые, подъ сѣнью стараго цеховаго устройства, пользовались привилегированнымъ положеніемъ. Машины стали замѣнять людей; вмѣсто взрослыхъ работниковъ, прошедшихъ черезъ ученіе и тѣмъ пріобрѣтшихъ право на производство своего ремесла, начали употреблять

женщинъ и дѣтей, нерѣдко за самую ничтожную плату. А такъ какъ машины представляли собою значительный капиталъ, доходъ съ котораго зависѣлъ отъ постоянства и продолжительности ихъ дѣйствія, то фабриканты старались по возможности удлиннить время работы. Несчастныхъ дѣтей заставляли работать при машинахъ по 17 и 18 часовъ въ сутки, въ ущербъ ихъ силамъ и здоровью. Подростающее поколѣніе гибло преждевременно; семейная жизнь разрушалась, и самые взрослые работники, прикованные въ теченіи всей своей жизни, безъ малѣйшаго отдыха, къ однообразному занятію, сдѣлавшись какъ бы принадлежностью машины, тупѣли и истощались среди этого новаго, вызваннаго человѣческою изобрѣтательностью порядка, который, казалось, доставлялъ однимъ несмѣтныя богатства лишь съ тѣмъ, чтобы погрузить другихъ въ еще большія бѣдствія.

Вопль отчаянія поднялся изъ среды рабочаго класса, и этотъ вопль отозвался въ сердцахъ всѣхъ друзей человѣчества. И правительства и частныя лица, государственные люди и филантропы принялись за изслѣдованіе положенія рабочихъ. Когда истина раскрылась во всей своей наготѣ, ужасъ и негодованіе распространились въ обществѣ. Не одни мечтатели, но самые просвѣщенные и гуманные люди начали думать, что при такомъ порядкѣ вещей оставаться невозможно, что одна свобода ни къ чему не ведетъ и что необходимо коренное общественное преобразованіе, которое дало бы освобожденнымъ массамъ возможность выйти изъ своего бѣдственнаго состоянія и улучшить свой экономическій бытъ. Въ страданіяхъ рабочаго класса соціализмъ нашелъ самую сильную свою опору.

Послѣдующее время показало однако, что для врачеванія значительной части этихъ золъ не нужно никакого общественнаго переустройства. Нѣкоторыхъ частныхъ мѣръ, которыя могутъ быть приняты и при существующемъ порядкѣ, достаточно было для устраненія вопіющихъ злоупотребленій; общее же развитіе благосостоянія, которое явилось послѣдствіемъ новаго промышленнаго движенія, довершило остальное. Мы видѣли въ предъидущей главѣ, до какой степени, подъ вліяніемъ неслыханнаго прежде умноженія капиталовъ и производительности, при соотвѣтствующемъ удешевленіи средствъ перевозки и предметовъ потребленія, поднялся уровень рабочаго класса въ Западной Европѣ. Рабочій въ настоящее время получаетъ больше, работаетъ меньше и пользуется такими средствами жизни,

какъ никогда прежде. Онъ имѣетъ и значительный досугъ, и средства для образованія, и въ случаѣ постигающаго его несчастія, помощь отъ многочисленныхъ учрежденій, возникшихъ съ этою цѣлью въ новѣйшее время. Онъ имѣетъ и свои сбереженія, которыя ростутъ съ каждымъ годомъ. Въ настоящее время рабочій договаривается уже съ хозяиномъ на равной ногѣ. Голодъ не заставляетъ его соглашаться на всякія условія, и если кому приходится выдерживать, настаивая на своихъ требованіяхъ, то скорѣе хозяинъ разорится, нежели работникъ погибнетъ. А такъ какъ умноженіе капитала и средствъ, доставляемыхъ изобрѣтательностью, идетъ все возрастая, въ гораздо быстрѣйшей прогрессіи, нежели умноженіе народонаселенія, то поднятію уровня рабочаго класса не предвидится границъ. Если рабочій вопросъ заключается въ постепенномъ улучшеніи быта рабочаго населенія и въ устраненіи гнетущихъ его золъ, то можно сказать, что этотъ вопросъ рѣшенъ свободою. Конечно, всѣхъ бѣдствій, постигающихъ человѣка, уничтожить нельзя; условія земной жизни этого не допускаютъ. Мы не можемъ даже сказать, исчезнетъ ли когда нибудь бѣдность со всѣми ея печальными послѣдствіями. Въ настоящее время мы находимся еще въ началѣ свободнаго промышленнаго развитія, а потому слишкомъ смѣло было бы предсказывать его окончательные результаты. Но мы можемъ навѣрное сказать, что человѣчество находится на правильномъ пути, который приведетъ его къ большему и большему благосостоянію.

Сами соціалисты не отрицаютъ этого постепеннаго улучшенія быта рабочаго класса, но они находятъ, что этимъ нельзя довольствоваться. «Что васъ морочатъ мнимыми сравненіями вашего положенія съ положеніемъ рабочихъ въ прежніе вѣка! восклицаетъ Лассаль. Лучше ли вамъ теперь, нежели рабочимъ за 80, за 200, за 300 лѣтъ, какое значеніе имѣетъ этотъ вопросъ для васъ и какое удовлетвореніе можетъ онъ вамъ дать? Всѣ человѣческія страданія и лишенія и всѣ человѣческія удовлетворенія, а потому и всякое человѣческое положеніе, измѣряются только сравненіемъ съ положеніемъ, въ которомъ находятся люди того же времени въ отношеніи къ привычнымъ потребностямъ жизни. Слѣдовательно, положеніе каждаго класса измѣряется только отношеніемъ его къ положенію другихъ классовъ въ тоже самое время. Поэтому, еслибы даже было вполнѣ доказано, что уровень необходимыхъ жизненныхъ потребностей въ различныя времена поднялся, и что неизвѣстныя

прежде удовлетворенія стали привычною потребностью, съ чѣмъ вмѣстѣ появились и неизвѣстныя прежде лишенія и страданія,—все же ваше человѣческое положеніе въ эти различныя времена осталось одно и тоже, а именно таково: вѣчно плясать на низшемъ краю привычной въ данное время жизненной необходимости, то немного поднимаясь надъ нею, то опускаясь ниже ея» [1]).

Эти строки ярко характеризують духъ современнаго соціализма. Тутъ взывается уже не къ разуму, а къ страсти. Когда древніе философы разсуждали о земномъ счастіи, они говорили человѣку: «не смотри на тѣхъ, кому жить лучше тебя, а смотри на тѣхъ, кому хуже, и ты будешь доволенъ своею судьбою». Соціалисты же говорятъ рабочему: «какое тебѣ дѣло, что жизнь идетъ впередъ, что судьба твоя улучшается? Пока есть на свѣтѣ люди, которые богаче тебя, ты долженъ чувствовать себя несчастнымъ». Очевидно, только полное равенство можетъ удовлетворить этому требованію. А такъ какъ возвести массу къ уровню высшихъ классовъ немыслимо, ибо, самъ Лассаль признаетъ, что раздѣливши все имущество богатыхъ между бѣдными, получается самая ничтожная прибавка, то остается понизить богатыхъ къ уровню бѣдныхъ, дабы послѣдніе не чувствовали себя несчастными при сравненіи. Этого и домогается соціализмъ; орудіемъ же ему служитъ возбужденіе въ массахъ чувства зависти, которое становится господствующимъ элементомъ человѣческой жизни. Инаго смысла слова Лассаля не имѣютъ.

Къ зависти присоединяется ненависть. Капиталистъ и предприниматель описываются въ самыхъ черныхъ краскахъ, какъ обманщики, грабители и кровопійцы. Вся книга Карла Маркса, евангеліе нынѣшняго соціализма, посвящена этому изображенію. Никогда еще самая ядовитая злоба не проявлялась съ такою мрачною энергіею. Всякая тѣнь человѣческаго чувства тутъ исчезаетъ. Этимъ можно измѣрить тотъ громадный шагъ, который сдѣлалъ такъ называемый научный соціализмъ послѣ человѣколюбивыхъ мечтателей, наивно провозглашавшихъ всеобщее братство. Мы возвращаемся къ временамъ Бабёфа и Марата. Народнымъ массамъ прямо говорятъ, что бездушные богачи, пользуясь ихъ невѣжествомъ, безчеловѣчно ихъ грабятъ, и что онѣ должны помочь себѣ силою. Лассаль указываетъ имъ на всеобщее право голоса, какъ на средство захватить

[1]) Offenes Antwortschreiben etc. стр. 16—17 (3-е изд.).

государственную власть въ свои руки и этимъ путемъ обратить въ свою пользу всѣ блага земли. Карлъ Марксъ объявляетъ, что времена созрѣли: «часъ капиталистической собственности пробилъ; экспропріаторы сами экспропріируются.... Насиліе, говоритъ онъ, служитъ повивальною бабкою для всякаго стараго общества, чреватаго новымъ; оно само есть экономическое начало» [1]). Мудрено ли, что плодомъ соціалистической проповѣди являются тѣ страшныя злодѣянія, которыя заставляютъ насъ содрогаться при видѣ того безобразія, до какого можетъ низойти человѣческая природа? Таковъ неизбѣжный результатъ этихъ ученій: безсильныя для созиданія, они всю свою энергію проявляютъ въ разрушеніи, и съ этою цѣлью стараются вызвать весь запасъ злобы и ненависти, который таится въ человѣческомъ сердцѣ.

Но для того чтобы фанатизировать людей, недостаточно возбуждать ихъ страсти: нужно еще извратить ихъ понятія. И это совершается съ необыкновенною послѣдовательностью. Исторія, политическая экономія, право, нравственность, политика, все призывается на помощь и все представляется въ превратномъ видѣ, для того чтобы сбить съ толку непривыкшія къ умственной работѣ головы. Работниковъ увѣряютъ, что физическій трудъ составляетъ единственный источникъ цѣнностей, а что поэтому всѣ произведенія принадлежатъ имъ, и никому другому. Если землевладѣлецъ, капиталистъ и предприниматель присвоиваютъ ихъ себѣ, вознаграждая работниковъ единственно заработною платою, то это ничто иное какъ насиліе и обманъ, порождаемые ложнымъ юридическимъ порядкомъ, который всѣ земныя блага предоставляетъ немногимъ тунеядцамъ, въ ущербъ истинымъ производителямъ. Утверждаютъ, что предоставленная себѣ, то есть свободная промышленность есть зло; что по существу дѣла промышленность должна находиться въ рукахъ общества, которое составляетъ единое органическое цѣлое, безусловно подчиняющее себѣ членовъ; вслѣдствіе этого, всѣ орудія производства должны, по праву, принадлежать ему, и если ими владѣютъ частные люди, то послѣдніе являются не болѣе какъ должностными лицами, дѣйствующими отъ имени общества и обязанными давать ему отчетъ въ своемъ управленіи. Утверждаютъ, что свободный договоръ есть призракъ, а наслѣдство несправедливость,

[1]) Das Kapital, стр. 782, 793.

что правда состоитъ не въ воздаяніи каждому того, что ему принадлежитъ, а въ подведеніи всѣхъ къ общему уровню. Утверждаютъ, что провозглашенныя революціею начала свободы и равенства не ограничиваются равноправностью, но требуютъ и равенства матеріальныхъ благъ; а рядомъ съ этимъ признаютъ, что единственный источникъ права лежитъ въ волѣ народной, вслѣдствіе чего рѣшеніе минутнаго большинства можетъ безусловно отмѣнять всякое пріобрѣтенное право. Призывается на помощь даже философія Гегеля и заимствованными изъ нея понятіями доказывается, что собственность, капиталъ, конкурренція, наслѣдство, ничто иное какъ историческія категоріи, которыя должны улетучиться въ высшемъ синтезѣ, состоящемъ въ полномъ поглощеніи лица цѣлымъ. Работнику указываютъ на современное демократическое движеніе, все болѣе и болѣе поднимающее массы; ему говорятъ, что сама исторія поставила его на вершину человѣчества, что онъ владыка современнаго міра, что союзъ рабочихъ есть церковь будущаго, что имъ, въ силу всеобщаго права голоса, принадлежитъ и государство, а такъ какъ государству все должно подчиняться, такъ какъ оно всемогуще, то столь же всемогущъ и владычествующій въ немъ рабочій.

Мудрено ли посредствомъ такого сплетенія софизмовъ, обставленныхъ цѣлымъ аппаратомъ мнимой учености и провозглашаемыхъ съ невозмутимою самоувѣренностью, подѣйствовать на неприготовленные умы? И наука и сама исторія повидимому подтверждаютъ то, что внушаютъ страсти и къ чему влекутъ интересы. Рабочій вопросъ становится величайшимъ вопросомъ дня. Тутъ дѣло идетъ уже не о медленномъ и постепенномъ улучшеніи быта рабочаго класса, а о пересозданіи всего общественнаго порядка на невиданныхъ прежде основаніяхъ: надобно поставить на верху то, что доселѣ стояло въ низу, уравнять всѣ состоянія, уничтожить частную дѣятельность и подчинить всякую личную свободу и всякое частное право всепоглащающему единству государства.

Противодѣйствовать этому направленію можно только распространеніемъ здравыхъ научныхъ понятій, ибо къ чему служатъ внѣшнія принудительныя мѣры, когда умы не въ порядкѣ? Надобно лѣчить зло въ самомъ его источникѣ, а не довольствоваться уничтоженіемъ наружныхъ его признаковъ. Къ сожалѣнію, современная наука не только не стоитъ на высотѣ своего призванія, но въ лицѣ многихъ своихъ представителей сама поддается соціалистической со-

фистикѣ и тѣмъ способствуетъ ея распространенію. Въ Германіи въ особенности, соціалисты каѳедры и соціалъ-политики произвели такую путаницу понятій, которая, парализуя вліяніе истинно научныхъ ученій, дѣйствуетъ совершенно на руку соціалистамъ. Индивидуализмъ, то есть промышленная свобода, признается отжившимъ началомъ, которое должно уступить мѣсто органическому подчиненію частей цѣлому. Вслѣдъ за соціалистами, существующій юридическій строй, составляющій плодъ всей исторіи человѣчества, объявляется временною историческою категоріею, которая не можетъ имѣть притязанія на безусловное значеніе въ жизни. Выставляются мнимыя нравственныя требованія, которыя будто бы должны владычествовать и въ промышленной сферѣ, и тутъ же откровенно, хотя безъ малѣйшихъ доказательствъ, объясняютъ, что нравственность можетъ быть принудительною, и что отъ усмотрѣнія общества зависитъ, какимъ путемъ оно хочетъ достигнуть своей цѣли, принужденіемъ или убѣжденіемъ. При этомъ піонеры будущаго считаютъ совершенно излишнимъ тратить время и трудъ на философскія и историческія изслѣдованія, безъ которыхъ однако истинныя основы общественной жизни, свобода, право, нравственность, государство, не могутъ быть установлены на твердыхъ и разумныхъ началахъ. Метафизика откидывается въ сторону, какъ старый хламъ, или же изъ нея произвольно берутся отрывочныя понятія, которыя должны служить заданной напередъ цѣли. Съ другой стороны, отвергаются съ презрѣніемъ и уроки исторіи, ибо человѣчеству не суждено же вѣчно быть обезьяною: оно можетъ придумать и что нибудь совершенно новое, доселѣ невиданное. Окончательно все сводится къ безконечно разнообразнымъ практическимъ соображеніямъ, которыя могутъ измѣняться, смотря по мѣсту, времени и обстоятельствамъ, а главное смотря по фантазіи соціалъ-политика или слѣдующей за нимъ толпы. Иногда же, вмѣсто философіи и исторіи, на помощь призываются естественныя науки, и тогда уже происходитъ такой хаосъ, который совершенно сбиваетъ съ толку сколько нибудь нетвердые умы. Наконецъ, прямо даже объявляютъ соціализмъ идеаломъ человѣчества, и если при этомъ стараются доказать, что этотъ идеалъ можетъ быть достигнутъ только долговременнымъ историческимъ процессомъ, то подобныя оговорки имѣютъ мало силы противъ соціалистической агитаціи, стремящейся ускорить движеніе. Что можетъ возразить рабочій, когда соціалисты, ссылаясь на ис-

торическіе примѣры, говорятъ ему, что насиліе всегда было повивальною бабкою стараго порядка, чреватаго новымъ?

Такимъ образомъ, современное смутное состояніе умовъ, котораго корень лежитъ главнымъ образомъ въ односторонне понятомъ реализмѣ, лишающемъ человѣка всякихъ твердыхъ жизненныхъ началъ и всякой разумной опоры въ своихъ сужденіяхъ, способствуетъ тому, чтобы поставить рабочій вопросъ на ложную почву и дать ему превратное направленіе. Съ одной стороны является исполненная фанатизма фаланга соціалистовъ, которые, вдыхая ненависть и разжигая страсти, стараются направить массы къ разрушенію всего существующаго, съ другой стороны оказывается полная шаткость умовъ, потерявшихъ свое равновѣсіе и не знающихъ за что ухватиться. При такомъ положеніи, соціализмъ непремѣнно бы осуществился, еслибы онъ былъ осуществимъ. Но дѣло въ томъ, что въ мірѣ существуетъ нѣчто такое, что̀ еще могущественнѣе его, а именно, сила вещей, о которую всегда разбивались и будутъ разбиваться всѣ соціалистическія утопіи, и которая, среди смутъ и шатанія, неминуемо ведетъ человѣчество единственнымъ путемъ, совмѣстнымъ съ человѣческою природою и съ правильнымъ развитіемъ обществъ.

Если есть положеніе, которое одинаково подтверждается и теоріею и жизнью, такъ это то, что высшее развитіе человѣчества возможно только на почвѣ свободы. Въ особенности это справедливо тамъ, гдѣ все зависитъ отъ личной дѣятельности и иниціативы. Въ промышленности, также какъ въ наукѣ и искусствѣ, свобода составляетъ основное начало, изъ котораго все истекаетъ. Безъ сомнѣнія, она нерѣдко приноситъ съ собою разладъ; развитіе не обходится безъ страданій. Но она же излѣчиваетъ тѣ раны, которыя она наноситъ, и только съ ея помощью возможно ихъ врачеваніе. Соціализмъ, подавляющій лице во имя цѣлаго, ведетъ къ всеобщему разоренію; одна свобода, открывающая полный просторъ всѣмъ человѣческимъ силамъ и всему безконечному разнообразію жизни, въ состояніи поднять уровень массъ. Въ этомъ и заключается истинное разрѣшеніе рабочаго вопроса, разрѣшеніе, подготовленное всею предъидущею исторіею, и отъ котораго человѣчество не можетъ отказаться, не отрекшись отъ самого себя, отъ своей природы, отъ своего разума, отъ законовъ своего развитія.

Мы видѣли уже, какимъ путемъ совершается этотъ подъемъ. Надобно, чтобы капиталъ росъ быстрѣе, нежели народонаселеніе. Съ

умноженіемъ капиталовъ, съ одной стороны возрастаетъ заработная плата, а съ другой стороны уменьшается цѣна произведеній. И то и другое служитъ на пользу рабочему классу, котораго благосостояніе черезъ это поднимается. А такъ какъ умноженію капиталовъ нельзя положить предѣла, такъ какъ нѣтъ предѣловъ и изобрѣтательности, сокращающей издержки производства, то невозможно предвидѣть, на чемъ можетъ остановиться матеріальное благосостояніе человѣчества. Всякія гаданія на этотъ счетъ ничто иное какъ праздныя мечты. Ясно одно: это—то, что будущее рабочаго класса въ значительной степени находится въ его собственныхъ рукахъ, и относительно накопленія капиталовъ и относительно правильнаго приращенія народонаселенія. Конечно, главнымъ источникомъ умноженія капиталовъ въ народномъ хозяйствѣ служатъ сбереженія высшихъ классовъ. Но и рабочіе участвуютъ въ этомъ процессѣ, и участвуютъ съ каждымъ годомъ болѣе. Они сами мало по малу становятся капиталистами, и это для нихъ тѣмъ важнѣе, что именно накопляемый ихъ собственными сбереженіями капиталъ служитъ имъ важнѣйшимъ подспорьемъ въ жизни и охраною противъ постигающихъ ихъ несчастій. На это давно уже указываютъ истинные друзья рабочаго класса. «Тотъ, кто говоритъ вамъ, взывалъ къ рабочимъ Франклинъ, что вы можете сдѣлаться богатыми, иначе какъ трудолюбіемъ и бережливостью, того не слушайте: онъ отравитель!» Съ такимъ же поученіемъ обратился въ наше время къ рабочимъ почтенный Шульце-Деличъ, основатель кредитныхъ товариществъ въ Германіи. Соціалисты, напротивъ, всѣми силами ополчаются противъ сбереженій. Они смѣло увѣряютъ, что рабочій не можетъ и даже не долженъ сберегать, что онъ, сберегая, крадетъ у другихъ и превращается въ презрѣннаго мѣщанина. Лассаль съ неистовою бранью опрокинулся на Шульце-Делича за его проповѣдь въ пользу бережливости. Вообще, этотъ походъ соціалистовъ противъ сбереженій составляетъ одну изъ любопытныхъ страницъ современнаго помраченія умовъ. Изъ любви къ низшимъ класамъ отрицается единственное средство улучшить ихъ бытъ.

Въ дѣйствительности, всѣ рабочіе союзы и всѣ учрежденія для рабочихъ основаны на сбереженіяхъ. До чего могутъ простираться послѣднія, доказывается тѣми громадными суммами, которыя лежатъ въ сберегательныхъ кассахъ, или которыя состоятъ въ распоряженіи рабочихъ товариществъ въ Западной Европѣ. Это доказывается,

съ другой стороны, и тѣми значительными суммами, которыя тратятся рабочими на спиртные напитки во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Первыя ихъ поддерживаютъ, вторыя ихъ разоряютъ. Гдѣ нѣтъ привычки къ сбереженіямъ, тамъ народъ вѣчно останется на краю нищеты. Напротивъ, тамъ гдѣ эта привычка распространена, тамъ развитіе рабочаго класса совершается неизбѣжно, неуклонно, правильнымъ путемъ; тамъ не нужно никакихъ общественныхъ переворотовъ. Отсюда ярость соціалистовъ.

Точно также въ рукахъ рабочихъ находится и другое средство противъ бѣдности, именно, воздержаніе отъ несоразмѣрнаго съ средствами размноженія. Экономисты, въ особенности Милль, настоятельно указываютъ на необходимость предусмотрительности при основаніи новыхъ семействъ. И въ этомъ отношеніи можно сказать, что тамъ, гдѣ въ народѣ нѣтъ заботы о будущей судьбѣ дѣтей, гдѣ люди легкомысленно размножаются, полагаясь на волю Божію или на общество, тамъ рабочій классъ никогда не выйдетъ изъ предѣловъ нищеты. Громадное различіе между положеніемъ англійскихъ рабочихъ и ирландскихъ объясняютъ тѣмъ, что первые воспользовались возвышеніемъ заработной платы для увеличенія своего благосостоянія, а вторые для умноженія семействъ. Однако и противъ этой, повидимому, столь очевидной истины слышатся возраженія. Брентано утверждаетъ, что подобная предусмотрительность возможна только въ кругу замкнутаго общества, которое можетъ дѣйствовать на своихъ членовъ, возвышая въ нихъ самоотверженіе въ пользу цѣлаго, но которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, именно въ виду этой цѣли обязано ограждать ихъ отъ внѣшней конкурренціи, такъ чтобы они имѣли возможность предвидѣть будущее состояніе рынка и спросъ на рабочія силы. По его мнѣнію, личное воздержаніе ни къ чему не ведетъ; нужно общее соглашеніе [1]). Но развѣ воздержаніе требуется въ интересахъ цѣлаго? Оно проистекаетъ изъ заботы о судьбѣ дѣтей. Кто производитъ на свѣтъ человѣка, тотъ обязанъ позаботиться о томъ, чтобы ему было хорошо жить. Легкомысліе въ этомъ отношеніи отражается и на самихъ родителяхъ: рабочему, обремененному большимъ семействомъ, труднѣе жить, нежели имѣющему малое количество дѣтей. Конечно, единичные примѣры не имѣютъ значенія для массы; но изъ единичныхъ случаевъ образуются

---

[1]) Die Arbeitergilden der Gegenwart, II стр. 25, 170 и слѣд.

нравы, а именно въ нравахъ главное дѣло. Учрежденія же, съ своей стороны, могутъ способствовать упроченію нравовъ. Съ этой точки зрѣнія, всѣ соціалистическіе проекты должны быть безусловно осуждены. Все, что разрываетъ наслѣдственную связь поколѣній, все, что ведетъ къ тому, чтобы человѣкъ заботу о дѣтяхъ сваливалъ на общество, должно быть признано экономическимъ зломъ. Этимъ подрывается главнѣйшее побужденіе къ предусмотрительности.

Трудолюбіе, бережливость, воздержаніе суть личныя качества, составляющія первый и главный источникъ промышленнаго преуспѣянія. Только при распространеніи ихъ въ массѣ возможно поднятіе ея уровня. Но для того чтобы эти качества принесли свои плоды, необходимо одно условіе—свобода, ибо только при этомъ условіи могутъ проявляться силы каждаго, и открывается просторъ для дѣятельности лица. Несправедливо, что свобода пригодна только для избранныхъ натуръ, а не для массы среднихъ людей, какъ увѣряетъ Брентано. Избранныя натуры, безъ сомнѣнія, достигаютъ при свободѣ высшаго положенія, котораго онѣ безъ того были бы лишены, и это служитъ къ пользѣ, какъ ихъ собственной, такъ и окружающаго ихъ общества. Но ихъ успѣхъ не мѣшаетъ массѣ подниматься къ среднему уровню, а это все, что требуется. Одними усиліями выходящихъ изъ ряда людей не могутъ удовлетворяться потребности всего человѣчества. Въ промышленности, какъ и на всѣхъ другихъ поприщахъ, избранныя натуры являются не болѣе какъ піонерами, указывающими путь. Масса же человѣческихъ потребностей удовлетворяется массою среднихъ силъ, которыя только при свободѣ получаютъ должное вознагражденіе. Каждый находитъ здѣсь свое мѣсто: средній рабочій пользуется увеличеннымъ благосостояніемъ, а способнѣйшія натуры выдвигаются впередъ и вступаютъ въ ряды капиталистовъ и предпринимателей.

Этимъ не ограничивается дѣйствіе свободы. Она не только открываетъ просторъ существующимъ силамъ, но она доставляетъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и средство, съ помощью котораго онѣ могутъ достигать возможно высшихъ результатовъ. Это средство заключается въ свободномъ соединеніи лицъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльный рабочій менѣе въ состояніи отстаивать свои интересы и болѣе подверженъ всякаго рода случайностямъ, нежели въ соединеніи съ другими. Современная практика вполнѣ подтвердила эту старую истину. Отсюда громадное развитіе рабочихъ товариществъ, составляющее ха-

рактеристическую черту нашего времени. Нѣкоторые, какъ напримѣръ Брентано, видятъ въ товариществахъ необходимую поправку свободы. По ихъ мнѣнію, они доставляютъ слабымъ то, что свободное соперничество даетъ сильнымъ. Въ дѣйствительности же, это вовсе не поправка, а высшее проявленіе свободы, и какъ всякое проявленіе свободы, эти союзы имѣютъ свои выгодныя и свои невыгодныя стороны. Которыя изъ нихъ перевѣшиваютъ, это зависитъ отъ свойства соединяющихся лицъ, отъ условій, среди которыхъ они дѣйствуютъ, и наконецъ отъ тѣхъ задачъ, которыя они себѣ поставляютъ.

Безусловно полезны столь распространенныя нынѣ общества взаимной помощи. Въ одной Франціи, въ 1877 году, ихъ было 6078, съ капиталомъ свыше 80 милліоновъ франковъ и съ 945649 товарищами, изъ которыхъ 131176 почетныхъ и 814473 дѣйствительныхъ. Въ 1860 году, обществъ было только 4083, а членовъ 530802. Въ 1869 году, до отторженія Эльзасъ-Лотарингіи, было болѣе обществъ, именно 6139, но съ гораздо меньшимъ капиталомъ, именно въ 55,133000 франковъ [1]). Прогрессъ, какъ видно, громадный, и онъ идетъ все возрастая. 31-го декабря 1879 г. было уже 6525 обществъ, съ капиталомъ въ 92 милліона франковъ [2]). Эти общества составляются, впрочемъ, не изъ однихъ рабочихъ; въ нихъ вносятъ свои вклады лица изъ высшихъ классовъ, которыя состоятъ въ нихъ почетными членами, но не пользуются пособіями. Цѣль этихъ обществъ заключается въ помощи больнымъ, увѣчнымъ, неисцѣлимымъ и выздоравливающимъ, въ застрахованіи жизни, въ выдачѣ пенсій престарѣлымъ, вдовамъ и сиротамъ, наконецъ въ издержкахъ на похороны членовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, эти общества доставляютъ своимъ членамъ также дешевую пищу и квартиры. Связывая не только рабочихъ взаимною помощью, но и высшіе классы съ низшими дѣлами человѣколюбія, они составляютъ одно изъ лучшихъ проявленій духа свободнаго общенія.

Болѣе ограниченную задачу, хотя не менѣе существенное значеніе, имѣютъ общества потребленія, образующіяся среди самихъ рабочихъ. Они покупаютъ предметы потребленія оптомъ и продаютъ ихъ своимъ членамъ въ розницу. Получаемая отъ этого прибыль, по отчи-

---

1) См. Annuaire de l'Economie Politique 1879.
2) См. Temps 20 октября 1881.

сленіи извѣстной части въ резервный фондъ, раздается, въ видѣ дивиденда, членамъ, соразмѣрно съ ихъ потребленіемъ. Не нуждаясь въ выставкѣ товара и въ публикаціяхъ, и имѣя всегда готовыхъ покупщиковъ, эти общества, при хорошемъ веденіи дѣла, могутъ получать значительные барыши. Они распространены особенно въ Англіи, гдѣ число ихъ достигаетъ 2000. Но и въ Германіи въ 1877 году ихъ было болѣе 600. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ знаменитымъ Рочдельскимъ Піонерамъ, которые, начавши въ 1844 году съ капитала въ 28 фунтовъ ст. при 28 членахъ, имѣли въ 1878 году капиталъ въ 292344 фунта, при 10187 членахъ [1]). Дѣла этого общества шли такъ блистательно, что оно могло основать множество различныхъ учрежденій, госпиталь, кабинеты для чтенія, даже фабрики, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Такимъ образомъ, задача ихъ значительно разрослась.

На тѣхъ же началахъ основаны общества закупки матеріаловъ для производства, распространенныя также въ Англіи и въ Германіи. Они имѣютъ въ виду не собственно рабочихъ, а главнымъ образомъ мелкихъ ремесленниковъ, которые, соединяясь, получаютъ возможность выгодно закупать наилучшій матеріалъ и тѣмъ поддерживать свой промыселъ. Но косвенно это отражается и на рабочемъ классѣ, ибо способнѣйшимъ работникамъ дается возможность заводить свои предпріятія и такимъ образомъ повышаться на общественной лѣствицѣ.

Такое же значеніе имѣютъ и товарищества для народнаго кредита, получившія такое громадное развитіе въ Германіи подъ вліяніемъ Шульце-Делича. Въ 1878 году, ихъ было 1841 въ Германской Имперіи и болѣе 1000 въ Австріи. Изъ нихъ, 929 обществъ, представившихъ свои счеты, имѣли собственнаго капитала на 110,700000 марокъ; выданныя же ими ссуды простирались до суммы свыше 1,550,000000 марокъ [2]). Эти цифры показываютъ, на сколько Лассаль былъ правъ, когда онъ утверждалъ, что подобныя товарищества ни къ чему не ведутъ, такъ какъ рабочіе ими не пользуются, а мелкіе производители не въ состояніи соперничать съ крупными. Блистательная пропаганда Лассаля принесла рабочему классу только зло, направивши его на ложную дорогу, между тѣмъ какъ со-

---

[1]) См. Vigano: La fraternité humaine. Appendice (француз. переводъ).

[2]) Тамъ же.

зданія Шульце-Делича, основанныя на здравыхъ экономическихъ началахъ, процвѣтаютъ болѣе и болѣе, содѣйствуя благосостоянію безчисленнаго множества мелкаго люда.

Въ Англіи, всѣ эти учрежденія для рабочихъ примыкаютъ къ такъ называемымъ ремесленнымъ союзамъ (Trades'Unions). Этимъ именемъ обозначаются постоянныя соединенія большаго или меньшаго количества рабочихъ одного ремесла или нѣсколькихъ близкихъ другъ къ другу ремеслъ. Въ этихъ союзахъ нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ Брентано, видятъ всеобщее лѣкарство противъ золъ, порождаемыхъ конкурренціею, и единственное практическое средство разрѣшить рабочій вопросъ. Съ помощью ихъ, говоритъ упомянутый авторъ, рабочій, какъ продавецъ своего товара, становится на ряду со всѣми другими продавцами, тогда какъ въ разобщенномъ состояніи, особенности работы, какъ товара, отдаютъ его въ руки капиталиста. Только въ союзѣ съ другими, путемъ совокупнаго дѣйствія, онъ можетъ сокращать, когда нужно, предложеніе, поддерживать и даже повышать цѣны, выговаривать себѣ выгодныя условія, однимъ словомъ, вступать въ соглашенія съ хозяиномъ, какъ равный съ равнымъ. Та свобода сдѣлокъ, которая для одинокаго рабочаго является не болѣе какъ фикціею, при этомъ условіи становится дѣйствительностью. Ремесленнымъ союзамъ, по мнѣнію Брентано, англійскіе рабочіе обязаны тѣмъ возвышеніемъ общаго уровня, которое выпало имъ на долю въ наше время [1]).

Съ другой стороны, ремесленные союзы подвергались ожесточеннымъ нападкамъ. Многіе утверждали, что цѣль ихъ противорѣчитъ законамъ политической экономіи, ибо они хотятъ искусственно возвышать заработную плату, помимо предложенія и требованія. Самые защитники ремесленныхъ союзовъ признавали, что они стремятся быть диктаторами на промышленномъ рынкѣ. Упрекали ихъ въ особенности въ томъ, что они дѣйствуютъ терроромъ, при чемъ указывали на насилія и преступленія, которыми сопровождались нѣкоторыя руководимыя союзами стачки. Наконецъ, доказывали, что главное ихъ орудіе, забастовки, или повальное прекращеніе работы, приноситъ разореніе, какъ имъ самимъ, такъ и всему народному хозяйству.

Столь противоположные взгляды вызвали фактическія изслѣдованія,

---

[1]) См. Die Arbeitergilden der Gegenwart II. гл. 1 и 2.

и со стороны ученыхъ обществъ, и со стороны парламентскихъ коммиссій. Въ общемъ итогѣ, эти изслѣдованія оказались благопріятными ремесленнымъ союзамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣятельность ихъ въ значительной мѣрѣ способствовала улучшенію быта рабочихъ. То, что съ гораздо бо̀льшимъ трудомъ могло быть достигнуто личными усиліями, то легко достигалось въ союзѣ. Они содѣйствовали устраненію многочисленныхъ злоупотребленій, которымъ нерѣдко подвергаются со стороны хозяевъ рабочіе, взятые въ одиночку; они настаивали на введеніи правилъ, облегчающихъ работу; они возбуждали и поддерживали законодательные вопросы, имѣвшіе цѣлью огражденіе слабыхъ и беззащитныхъ. Ремесленные союзы весьма много способствовали и распространенію въ англійскомъ рабочемъ классѣ не только практическаго смысла, но и нравственнаго чувства. Тѣ насилія, которыми въ прежнія времена сопровождались стачки, становятся болѣе и болѣе рѣдкими. Опытъ многому научилъ рабочихъ; они увидѣли, что неудачныя забастовки приносятъ громадный вредъ имъ самимъ, а потому они стали гораздо осторожнѣе въ этомъ дѣлѣ. Руководители ремесленныхъ союзовъ скорѣе воздерживаютъ ихъ, нежели возбуждаютъ. Но всего замѣчательнѣе то, что англійскіе ремесленные союзы упорно устраняются отъ всякой политической и соціальной пропаганды. Не только религія и политика строго исключаются изъ ихъ преній, но соціализмъ съ его фантастическими планами находитъ въ нихъ весьма мало послѣдователей. Ремесленные союзы держатся чисто практической почвы; они не только не отвергаютъ экономическихъ законовъ, но напротивъ, признаютъ ихъ вполнѣ и хотятъ ими пользоваться. «Всѣ ремесленные союзы желаютъ дѣйствовать на основаніи начала предложенія и требованія, говорилъ одинъ изъ ихъ представителей на съѣздѣ Общества для преуспѣнія общественной науки въ Гласго; но они должны соединяться, чтобы другъ друга поддерживать и регулировать предложеніе, каждый въ своемъ ремеслѣ» [1]). Тоже самое признаютъ и руководители передоваго въ этомъ дѣлѣ Союза Механиковъ: «предложеніе и требованіе, говорятъ они, опредѣляютъ заработную плату; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Поэтому мы и не предполагаемъ установить какое нибудь мѣрило для заработной платы; мы не стоимъ за по-

---

[1]) Trades Societies and Strikes, Report etc. стр. 611 (1860).

стоянную твердую норму; вообще, мы вовсе не хлопочемъ о заработной платѣ, по крайней мѣрѣ не прямо. Наша цѣль состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы регулировать самое предложеніе, отъ котораго зависитъ заработная плата» [1]). Поэтому, въ настоящее время, у ремесленныхъ союзовъ принято за правило требовать возвышенія заработной платы, только когда торговля идетъ впередъ, то есть, когда самое положеніе рынка вызываетъ такое возвышеніе; они хотятъ пользоваться обстоятельствами, а не насиловать ихъ.

Однакоже, въ этомъ стремленіи регулировать предложеніе работы заключается и слабая сторона ремесленныхъ союзовъ. Всѣ старанія ихъ защитниковъ оправдать ихъ въ этомъ отношеніи оказываются тщетными.

Дѣйствіе на предложеніе касается, съ одной стороны, собственныхъ членовъ ремесленныхъ союзовъ, съ другой стороны постороннихъ лицъ.

Относительно собственныхъ членовъ, ремесленные союзы держатся правила, что работа составляетъ общее достояніе всего ремесла, а потому должна распредѣляться поровну между всѣми. Отсюда стремленіе воспретить поштучную работу и не допускать работы сверхъ положеннаго времени, хотя бы и за повышенную плату. «Рабочіе, говорятъ они, должны отказаться отъ денежной выгоды въ пользу совокупнаго своего сословія» [2]). Но это значитъ низводить высшихъ къ уровню низшихъ, полагать всѣхъ на Прокрустово ложе. Способнѣйшимъ и усерднѣйшимъ работникамъ воспрещается опережать своихъ товарищей (to best their mates). Отъ этого неизбѣжно должно страдать самое производство. Извѣстно, что поштучная плата во многихъ случаяхъ составляетъ самый выгодный способъ вознагражденія, какъ для хозяина, такъ и для работника. Отсюда то противодѣйствіе, которое эти требованія встрѣчаютъ среди хозяевъ. Отсюда также стремленіе способнѣйшихъ работниковъ сбросить съ себя эти оковы. Самъ Брентано признаетъ, что лучшіе работники уходятъ изъ союзовъ; въ нихъ остается только масса среднихъ силъ [3]).

Съ другой стороны, къ участію въ нихъ не допускаются и тѣ, которые стоятъ ниже средняго уровня. Чтобы быть членомъ союза, надобно въ теченіи извѣстнаго, положеннаго срока выучиться ре-

[1]) Die Arbeitergilden d. Gegenwart, I, стр. 164.
[2]) Тамъ же, стр. 164—165.
[3]) Тамъ же, II, стр. 52—53.

меслу и сверхъ того, получать установленный наименьшій размѣръ заработной платы. Поэтому въ нихъ вступаютъ только достигшіе полной умѣлости работники; масса неумѣлыхъ остается внѣ ихъ. Но такъ какъ существенная цѣль союзовъ заключается въ ограниченіи предложенія работы, то главное ихъ стремленіе идетъ на то, чтобы устранить конкурренцію неумѣлыхъ и присвоить себѣ исключительно привилегію труда въ своемъ ремеслѣ.

Это обнаружилось уже при самомъ возникновеніи ремесленныхъ союзовъ. Первые союзы образовались въ концѣ прошедшаго столѣтія, съ цѣлью поддержать вышедшій изъ употребленія законъ Елисаветы, которымъ ограничивалось количество учениковъ въ каждомъ ремеслѣ. Между тѣмъ, этотъ законъ, имѣвшій въ виду старое цеховое устройство, былъ совершенно непримѣнимъ къ новому фабричному производству, которое, вслѣдствіе изобрѣтенія машинъ, выдвинулось на первый планъ. А потому рабочіе, которые соединялись для поддержанія обветшавшаго закона, являлись представителями стараго, несостоятельнаго порядка противъ новаго. Они дѣйствовали совершенно въ томъ же духѣ, какъ и цеховые мастера, которые точно также стояли за уставъ Елисаветы и ополчались противъ беззаконныхъ нововведеній фабрикантовъ. Непонятно поэтому, какимъ образомъ Брентано, который съ презрѣніемъ отзывается объ этихъ безсильныхъ попыткахъ старыхъ, привилегированныхъ корпорацій, можетъ находить тѣже самыя требованія ремесленныхъ союзовъ совершенно естественными и законными. Неужели для хозяевъ и рабочихъ нужно имѣть двоякаго рода мѣру и вѣсы?

И это стремленіе ограничить число учениковъ и сдѣлать работу исключительною привилегіею выученныхъ мастеровъ не было только мимолетнымъ явленіемъ переходнаго времени. Оно продолжается и доселѣ, ибо безъ этого нѣтъ возможности регулировать предложеніе, какъ выражаются члены ремесленныхъ союзовъ. «Владѣльцы ли капиталовъ или люди ремесла должны опредѣлять количество учениковъ, вступающихъ въ ремесло? говорилъ въ Глазго приведенный выше представитель ремесленныхъ союзовъ. Онъ полагаетъ, что въ здѣшнемъ городѣ есть три или четыре сотни малярныхъ учениковъ, которые портятъ дѣло, но работаютъ дешевле и дѣлаютъ мастеровъ безцѣнными товаромъ на рынкѣ. Если неумѣлые люди являются на рынокъ, то умѣлые изъ него вытѣсняются, ибо неумѣлые

цѣнятся дешевле, нежели умѣлые» [1]). Тоже самое повторяли представители ремесленныхъ союзовъ передъ парламентскою коммиссiею. «Мы того мнѣнія, что если въ какомъ либо ремеслѣ есть свободное мѣсто, то незанятый взрослый работникъ, принадлежащій къ этому ремеслу, имѣетъ на него право, прежде нежели въ это ремесло вводятся новыя силы. Пока есть въ ремеслѣ незанятые рабочіе, число рабочихъ не должно быть увеличено новыми, или же произойдетъ большее предложеніе, нежели требуется спросомъ. Мы стремимся къ тому, чтобы посредствомъ ограниченія числа учениковъ на нашемъ рынкѣ предупредить перевѣсъ предложенія надъ требованіемъ. Какъ рабочіе, воспитанные для ремесла и посвятившіе извѣстное число лѣтъ его изученію, мы въ нѣкоторомъ отношеніи имѣемъ право на приспособленіе предложенія къ требованію» [2]).

Брентано, приводя эти доводы, находитъ, что весьма трудно противъ нихъ что нибудь сказать. Казалось бы, напротивъ, что сказать можно весьма многое и весьма вѣское. Зачѣмъ нужно употреблять умѣлую и дорогую работу тамъ, гдѣ достаточна неумѣлая и дешевая? На это указано уже въ докладѣ коммиссіи Общества для преуспѣянія Общественной Науки, докладѣ весьма благопріятномъ ремесленнымъ союзамъ и возбудившемъ указанныя выше пренія [3]). Если даже работа исполнена хуже, но потребитель этимъ довольствуется, лишь бы заплатить дешевле, то кому до этого дѣло? Отъ потребителя зависитъ требовать лучшей работы и платить за нее дороже. А съ другой стороны, если будутъ исключены новыя силы, то куда онѣ дѣнутся? Онѣ вступаютъ въ ремесло, потому что находятъ это для себя наиболѣе выгоднымъ. Ограничивая ихъ число, ихъ заставляютъ искать другой, менѣе выгодной работы. Что же если и тамъ число рабочихъ будетъ ограничено?

Очевидно, что мы съ этою системою возвращаемся къ старымъ, привилегированнымъ цехамъ. «Достиженіе цѣли ремесленныхъ союзовъ, говоритъ Брентано, необходимо предполагаетъ ограниченіе конкурренціи» [4]). Но ограниченіе конкурренціи всегда совершается въ ущербъ кому нибудь. Исключающимъ, безъ сомнѣнія, лучше, но исключеннымъ неизбѣжно отъ этого хуже. Вслѣдствіе того, въ сре-

---

1) Trades Societies and Strikes, Report etc. стр. 611.
2) Die Arbeitergilden d. Geg. II, стр. 166.
3) Trades Societies etc. стр. XI.
4) Die Arbeitergilden d. Geg. II, стр. 143.

дѣ самаго рабочаго сословія, какъ признаетъ и Брентано [1]), образуются два класса, ученые и неученые работники, изъ которыхъ первые, смыкая свои ряды, стараются отстоять свое привилегированное право на работу, какъ противъ хозяевъ, такъ и противъ низшихъ рабочихъ. Политика ремесленныхъ союзовъ совершенно тождественна съ политикою всякой замкнутой аристократіи, которая, съ одной стороны, оберегаетъ себя отъ наплыва новыхъ элементовъ, а съ другой стороны, внутри себя ревниво охраняетъ всеобщее равенство, мѣшая выдвигаться впередъ всякому выдающемуся члену. Таковы же были и старинные цехи, которые смыкались, съ одной стороны, противъ городскаго патриціата, съ другой стороны противъ подъема низшихъ классовъ и соперничества постороннихъ элементовъ. Сходство съ цехами, которое Брентано проводитъ только относительно товарищескаго духа, обнаруживается и въ стремленіи ремесленныхъ союзовъ не дозволять людямъ другаго, даже близкаго ремесла, производить однородную съ ними работу. Такъ напримѣръ, каменотесы, каменьщики и штукатуры, не смотря на близость ихъ занятій, не позволяютъ ни другъ другу, ни постороннимъ исполнять то, что, по ихъ мнѣнію, принадлежитъ къ области каждаго отдѣльнаго ремесла, ибо черезъ это можетъ произойти пониженіе заработной платы. При сліяніи въ одно общество различныхъ отраслей механическаго ремесла въ 1851 году, было постановлено, чтобы работники отнюдь не переходили изъ одной отрасли въ другую. Этотъ образцовый ремесленный союзъ прямо высказалъ мысль, что каждый долженъ работать въ той отрасли, въ которой онъ воспитанъ [2]). Такимъ образомъ, полагается начало раздѣленію кастъ.

Къ счастью, господствующее въ современномъ обществѣ начало свободы не допускаетъ осуществленія этихъ стремленій. Ремесленные союзы не могутъ уже выхлопатывать себѣ законодательныхъ привилегій, какъ прежніе цехи; они принуждены дѣйствовать исключительно нравственнымъ давленіемъ. Но тутъ опять мы встрѣчаемся съ одною изъ самыхъ темныхъ сторонъ ремесленныхъ союзовъ. Отношенія ихъ къ лицамъ, не принадлежащимъ къ союзамъ или неповинующимся ихъ предписаніямъ, ни коимъ образомъ не могутъ быть оправданы. Въ настоящее время, съ улучшеніемъ нравовъ,

[1]) Die Arbeitergilden d. Geg. II, стр. 177, 328.
[2]) Тамъ же, I, стр. 170—171, II, стр. 155.

выводятся уже тѣ ужасныя насилія, которыми ознаменовался первый періодъ дѣятельности ремесленныхъ союзовъ, убійства, поджоги, обливаніе сѣрною кислотою, выкалываніе глазъ; но ихъ замѣнила не менѣе дѣйствительная система «мирныхъ притѣсненій», за которыми услѣдить нельзя и которыя дѣлаютъ жизнь невыносимою. Вокругъ фабрики, гдѣ произошла забастовка, ставится кордонъ, и постороннимъ рабочимъ мѣшаютъ къ ней подходить. Съ неповинующимся работникомъ прекращаются всякія сношенія; онъ становится отверженникомъ общества. Иногда у него тайно похищаются орудія. На парламентскомъ слѣдствіи, многіе работники, будучи допрошены на счетъ постигающихъ ихъ притѣсненій, отказались отвѣчать, или объявили, что они только въ томъ случаѣ дадутъ объясненія, если имъ доставятъ средства выселиться изъ отечества. Самое же обыкновенное средство, явно провозглашаемое, состоитъ въ томъ, что члены союзовъ, когда они въ достаточномъ количествѣ, а потому могутъ произвести напоръ, отказываются работать съ не-членами, особенно же съ тѣми, которые принимали работу у осужденныхъ союзами фабрикантовъ. Этотъ способъ дѣйствія, весьма мало согласный съ духомъ братства и даже съ простыми требованіями свободы и общежитія, защитники союзовъ стараются оправдать тѣмъ, что непринадлежность къ союзу показываетъ недостатокъ чувства долга, и что весьма позволительно принимать репрессивныя мѣры противъ тѣхъ, которые становятся на узкую и эгоистическую точку зрѣнія [1]). Съ меньшимъ паѳосомъ, хотя и не съ большею основательностью, сами члены союзовъ объясняютъ свое поведеніе тѣмъ, что они чувствуютъ себя неловко среди толпы рабочихъ, у которыхъ есть недостатокъ общественнаго духа [2]). Вѣрнѣе сказать, это весьма некрасивый способъ отдѣлаться отъ тѣхъ, которые мѣшаютъ, и съ этой стороны нельзя не согласиться съ заявленіемъ фабрикантовъ въ 1852 году, что «правила и способы дѣйствія союзовъ одинаково враждебны, какъ свободной дѣятельности и справедливымъ правамъ ремесленника и рабочихъ классовъ, такъ и честному контролю, который каждый хозяинъ въ правѣ имѣть надъ своимъ заведеніемъ» [3]).

Средство, употребляемое противъ хозяевъ, которые не хотятъ идти

---

1) Die Arbeitergilden d. Geg. II, стр. 57—58.
2) Тамъ же, стр. 56.
3) Trades Societies etc. (1860) стр. 202.

на условія рабочихъ, состоитъ какъ извѣстно, въ забастовкѣ. Много толковали о забастовкахъ; исчисляли тѣ громадныя суммы, которыя теряются для обѣихъ партій и для народнаго хозяйства вслѣдствіе прекращенія работъ. Съ своей стороны, ремесленные союзы указывали на то, что даже небольшое повышеніе заработной платы приноситъ имъ выгоды, далеко перевѣшивающія издержки. Но всѣ эти расчеты, какъ признаетъ и Брентано, совершенно праздны. Часто дѣло идетъ вовсе не о пониженіи или повышеніи платы, а о другихъ условіяхъ. Самое повышеніе платы, если требованіе предъявляется во время успѣшнаго производства, можетъ быть достигнуто и безъ забастовки, ибо спросъ на работу безъ того ростетъ. Въ противномъ случаѣ, забастовка обыкновенно не удается, и тогда всѣ издержки составляютъ чистый убытокъ. А издержки громадны, ибо нужно содержать массы людей, которые сидятъ сложа руки. Когда въ 1852 году механическія фабрики были заперты вслѣдствіе требованій, предъявленныхъ Союзомъ Механиковъ на счетъ отмѣны поштучной платы и сверхурочнаго рабочаго времени, траты общества простирались до 40000 фунтовъ; всѣ его капиталы исчезли, а между тѣмъ, дѣло было проиграно: вслѣдствіе полнаго истощенія средствъ, товарищество принуждено было отказаться отъ своихъ притязаній и согласиться на всѣ условія фабрикантовъ. «Каковъ бы впрочемъ ни былъ результатъ, говоритъ Брентано, остаются ли работники побѣдителями или побѣжденными, остановка работы всегда имѣетъ для нихъ ужасныя послѣдствія» [1]). Въ доказательство можно привести множество примѣровъ. Въ виду этого, одинъ изъ друзей рабочаго класса, Лёдло, на преніяхъ въ Глазго въ 1860 году, высказалъ мнѣніе, что «забастовки и распущенія рабочихъ, или, иными словами, частныя коммерческія войны, суть остатки варварства среди цивилизаціи и позоръ для современнаго общественнаго быта; что допущеніе ихъ оправдывается, только пока нѣтъ уполномоченныхъ судилищъ для рѣшенія коммерческихъ споровъ; что такія судилища должны быть установлены, и что когда это совершится, публика будетъ въ правѣ настаивать на мѣрахъ уголовнаго законодательства противъ забастовокъ и распущенія рабочихъ» [2]).

Такого рода судилища установлены нынѣ въ Англіи подъ именемъ

---

[1]) Die Arbeitergilden etc. II, стр. 255.

[2]) Trades Societies and Strikes (1860) стр. 618.

Третейскихъ и Примирительныхъ палатъ (Boards of Conciliation and Arbitration). Первоначально они возникли частнымъ образомъ. Основателями ихъ были два лица, занимающія почетное мѣсто въ исторіи англійскаго рабочаго класса, Мунделла и Кеттль. Успѣхъ этихъ учрежденій повелъ къ узаконенію ихъ въ 1871 году парламентскимъ актомъ, при чемъ однако самое установленіе палатъ, а равно и подчиненіе имъ спорящихъ сторонъ, были предоставлены добровольному соглашенію лицъ. При господствѣ начала промышленной свободы иначе быть не можетъ, и на практикѣ этого совершенно достаточно, какъ для рѣшенія, такъ и для предупрежденія большей части споровъ. Третейскія палаты разбираютъ не только вопросы о заработной платѣ, но и всѣ другія условія работы, требующія обоюднаго соглашенія. Большее и большее распространеніе ихъ въ Англіи и проистекающее отсюда сближеніе между хозяевами и рабочими, служатъ явнымъ доказательствомъ пользы этихъ учрежденій.

Брентано, который весьма за нихъ стоитъ, видитъ въ нихъ высшее завершеніе организаціи ремесленныхъ союзовъ. Но подобныя учрежденія могутъ существовать и помимо всякихъ рабочихъ союзовъ. Во Франціи, какъ извѣстно, не смотря на то что рабочіе союзы до послѣдняго времени не допускались, давно установлены такъ называемые Совѣты свѣдущихъ людей (Conseils de prud'hommes), составленные на половину изъ хозяевъ и на половину изъ рабочихъ, для рѣшенія возникающихъ между ними споровъ. Конечно, въ Англіи въ настоящее время, при общемъ распространеніи ремесленныхъ союзовъ, весьма удобно примкнуть къ существующей уже организаціи. Но самые ремесленные союзы, какъ признаетъ и Брентано, должны существенно измѣниться съ введеніемъ Третейскихъ палатъ: изъ боеваго учрежденія, говоритъ онъ, они должны сдѣлаться мирнымъ. То есть, они должны перестать быть ремесленными союзами и превратиться въ общества взаимной помощи. И точно, съ установленіемъ Третейскихъ палатъ исчезаетъ различіе между членами союзовъ и другими работниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ и главная цѣль союзовъ—регулированіе предложенія работы. Доказательствомъ служатъ постановленія приведеннаго у Брентано статута Третейской палаты въ одной изъ колыбелей этого учрежденія, въ Вольвергамптонѣ. «Каждый хозяинъ, сказано въ статутѣ, долженъ имѣть право вести свое дѣло, особенно во всемъ что

касается до поштучной платы, до учениковъ, до употребленія машинъ и орудій и другихъ подробностей верховнаго управленія, тѣмъ способомъ, какой онъ считаетъ для себя наиболѣе выгоднымъ, если только это не противорѣчитъ статутамъ и не стѣсняетъ рабочихъ въ ихъ личной свободѣ». А въ другомъ параграфѣ опредѣлено, что «ни хозяинъ, ни рабочіе не должны дѣлать человѣку какихъ либо затрудненій за то, что онъ принадлежитъ или не принадлежитъ къ ремесленному союзу» [1]).

Эти начала совершенно вѣрны, но они опровергаютъ всю политику ремесленныхъ союзовъ. Этимъ упраздняются ихъ главныя задачи и они сами становятся безполезными. А если такъ, то невозможно видѣть въ ремесленныхъ союзахъ единственное средство поднять уровень рабочаго класса. Нельзя даже признать ихъ необходимыми, какъ орудія борьбы на извѣстной ступени развитія. Въ самой Англіи есть отрасли, которыя никогда не образовали изъ себя ремесленныхъ союзовъ, напримѣръ домашняя прислуга, и которыя однако значительно поднялись во всѣхъ отношеніяхъ, просто вслѣдствіе увеличенія спроса. Точно также и во Франціи произошелъ общій подъемъ рабочаго класса безъ всякихъ ремесленныхъ союзовъ. Все, что можно сказать, это то, что при особенностяхъ англійскаго быта, съ чисто практическимъ и склоннымъ къ самодѣятельности характеромъ англійскаго народа, ремесленные союзы принесли существенную пользу. Въ Англіи, въ общемъ итогѣ, выгодныя стороны получили перевѣсъ надъ вредными. Но никакъ нельзя сказать, что тоже самое окажется и съ перенесеніемъ ремесленныхъ союзовъ на другую почву, при менѣе практическомъ и болѣе склонномъ къ увлеченіямъ характерѣ народа. Тутъ соціалистическія стремленія легко могутъ найти себѣ доступъ, и борьба, всегда сопровождаемая страданіями и нищетою, можетъ принять такой острый характеръ, что промышленный порядокъ превратится въ полную анархію. Поэтому, возможность распространенія ремесленныхъ союзовъ на другія страны представляется весьма гадательною. Во всякомъ случаѣ, если они представляютъ для рабочаго класса одно изъ орудій, доставляемыхъ свободою, то никакъ нельзя считать ихъ единственнымъ лѣкарствомъ противъ всѣхъ гнетущихъ его золъ.

Успѣхъ Третейскихъ палатъ, замѣняющихъ борьбу примиреніемъ,

---

[1]) Die Arbeitergilden d. Geg. II, стр. 278—279.

скорѣе заставляетъ думать о другомъ средствѣ, которое нѣкоторые считаютъ также всеобщею панацеею противъ пауперизма, именно, о пріобщеніи рабочихъ къ выгодамъ предпріятія. Эта система принимаетъ различныя формы. Иногда работники становятся акціонерами самаго предпріятія, помѣщая въ него свои сбереженія; иногда же они получаютъ, въ видѣ дивиденда, только извѣстную долю чистой прибыли безъ всякаго участія въ капиталѣ; или наконецъ, все ограничивается преміями, наградами и тому подобными прибавками къ постоянной платѣ. Послѣдняя форма практикуется давно и не составляетъ собственно участія въ предпріятіи; первыя же двѣ въ новѣйшее время стали распространяться въ промышленномъ мірѣ, особенно во Франціи, и сдѣлались предметомъ тщательныхъ изслѣдованій. Бёмертъ собралъ на этотъ счетъ множество фактическихъ данныхъ [1]). Защитники этой системы видятъ въ ней всю будущность рабочаго класса. «Соціальный вопросъ пересталъ быть вопросомъ, восклицалъ по этому поводу въ 1867 году извѣстный статистикъ Энгель; разрѣшеніе его можетъ считаться совершившимся; переведеніе этого разрѣшенія въ практическую жизнь уже началось».

Дѣйствительно, въ пользу этой системы можно сказать весьма многое. Вмѣсто противоположности интересовъ, тутъ установляется ихъ соглашеніе: рабочіе дѣлаются товарищами предпринимателя. Отъ этого несомнѣнно выигрываетъ самое предпріятіе: является большее усердіе, бо́льшая бережливость; отпадаетъ необходимость постояннаго надзора, при которомъ все таки невозможно за всѣмъ услѣдить. Заинтересованные въ дѣлѣ рабочіе сами другъ за другомъ слѣдятъ. При такихъ условіяхъ, предприниматель не только не остается въ накладѣ, но получаетъ еще бо́льшую прибыль, нежели прежде, а рабочіе, съ своей стороны, имѣютъ огромныя выгоды, не только матеріальныя, но и нравственныя. Въ публикованныхъ Бёмертомъ отвѣтахъ рабочихъ людей дома Биллонъ и Исаакъ въ Женевѣ, особенно указываютъ на совершившееся въ нихъ превращеніе со времени введенія этой системы. Рабочій, получающій даже высокую плату, рѣдко дѣлаетъ сбереженія, а большею частью тратитъ свой излишекъ. Здѣсь же онъ принужденъ сберегать, ибо дивидендъ идетъ на составленіе для него капитала, который служитъ ему подспорьемъ въ старости и помощью въ несчастіи. Передъ

1) Die Gewinnbetheiligung von V. Böhmert. 1788.

существенные интересы, такъ что они не могутъ его покинуть, иначе какъ лишившись пріобрѣтенныхъ прежде выгодъ. Очевидно, что положеніе тутъ безвыходное: если не возстановится довѣріе, то предпріятіе сдѣлается поприщемъ постоянной внутренней борьбы, а это, конечно, не можетъ содѣйствовать его успѣху.

Столь же единодушно, какъ устраненіе рабочихъ отъ участія въ контролѣ, признается и невозможность возлагать на нихъ убытки. Между тѣмъ, какъ было замѣчено уже Прудономъ, кто получаетъ барыши, тотъ по справедливости долженъ нести убытки. Это и дѣлаютъ рабочіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они становятся акціонерами предпріятія. Но тогда возникаетъ вопросъ: хорошо ли, чтобы рабочіе свои небольшія сбереженія помѣщали въ сопряженныя съ рискомъ предпріятія, въ которыхъ они могутъ все потерять? Не лучше ли класть ихъ въ сберегательныя кассы, гдѣ помѣщеніе вѣрно и обезпеченіе прочно? А такъ какъ веденіе дѣла все таки зависитъ не отъ нихъ, а отъ умѣнія и оборотливости хозяина, то очевидно, что превращеніе рабочихъ въ пайщиковъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можетъ представлять гарантіи прочнаго успѣха.

Если же, какъ обыкновенно дѣлается, рабочимъ раздается извѣстная доля прибыли безъ участія ихъ въ убыткахъ, то подобное распредѣленіе дохода можетъ имѣть двоякое значеніе: или оно означаетъ, что вознагражденіе работниковъ, то есть заработная плата, дѣлится на двѣ части, на постоянную и подвижную, одну получаемую ими во всякомъ случаѣ, другую соразмѣряющуюся съ выгодами предпріятія, или же дивидендъ составляетъ излишекъ, сверхъ собственно принадлежащаго рабочимъ вознагражденія. Но первая изъ этихъ системъ вовсе не лежитъ въ интересахъ рабочаго класса. Подвижность заработной платы, выгодная для предпринимателей, обременительна для рабочихъ. Въ Англіи, въ нѣкоторыхъ рудникахъ принято за правило повышать или понижать заработную плату, смотря по рыночной цѣнѣ желѣза, и рабочіе жалуются на такой порядокъ. Они предпочитаютъ пользоваться постоянною платою, предоставляя предпринимателямъ весь рискъ, проистекающій отъ колебанія цѣнъ. При такихъ условіяхъ, они правильнѣе могутъ устроить свою жизнь, тогда какъ случайные излишки обыкновенно расточаются. Той же политики держатся ремесленные союзы, и эту цѣль, между прочимъ, имѣли въ виду зачинатели системы Третейскихъ палатъ [1]).

---

[1]) Die Arbeitergilden d. Geg. II, стр. 216—218, 290.

Въ дѣйствительности, на фабрикахъ, гдѣ рабочіе получаютъ извѣстную долю дохода, постоянная заработная плата нисколько не ниже, нежели въ остальныхъ. Изъ этого видно, что раздаваемый дивидендъ не разсматривается, какъ часть заработной платы, а составляетъ излишекъ, даруемый предпринимателемъ. Большею частью онъ даже не выдается рабочимъ на руки, а поступаетъ въ особую кассу, какъ обязательное сбереженіе. Но если такъ, то вся эта система представляетъ не болѣе какъ благотворительное учрежденіе, зависящее исключительно отъ человѣколюбія хозяина. Можно, сколько угодно, настаивать на томъ, что участіе въ выгодахъ должно быть не дѣломъ милости, а постояннымъ установленіемъ; это не измѣняетъ существа дѣла. Разнаго рода благотворительныя учрежденія, кассы и т. п., на которыя частныя лица жертвуютъ свои капиталы, суть тоже постоянныя установленія, но они все таки остаются дѣлами человѣколюбія. Защитники этой системы прямо даже признаютъ, что она должна имѣть въ виду воспитаніе рабочихъ [1]), и что только при этой точкѣ зрѣнія умѣстно устраненіе послѣднихъ отъ всякаго вмѣшательства въ веденіе дѣла. Хозяинъ является тутъ патрономъ, которому вѣрятъ на слово. Онъ по собственному почину удѣляетъ рабочимъ часть своихъ барышей, въ видахъ будущаго ихъ обезпеченія; онъ ежегодно объявляетъ имъ, сколько имъ приходится получить, а имъ остается только пользоваться его благодѣяніями и работать усердно, чтобы заслужить его попеченія, не вмѣшиваясь въ самое веденіе дѣла, и не пытаясь провѣрять его показанія.

Въ этой заботѣ о судьбѣ подчиненныхъ предприниматель находитъ однако и свою выгоду. Этимъ рабочіе поощряются къ труду и установляется полезная для предпріятія нравственная связь между ними и хозяиномъ. Отдавая имъ часть своей прибыли, хозяинъ нерѣдко тѣмъ самымъ увеличиваетъ остальную. Участіе въ барышахъ дѣйствуетъ даже сильнѣе, нежели преміи и награды; но зато оно не вездѣ возможно. Эта система умѣстна лишь тамъ, гдѣ предпріятіе стоитъ твердо, гдѣ нѣтъ большаго риска, и гдѣ существуетъ постоянная связь и полное взаимное довѣріе между хозяиномъ и рабочими. Здѣсь личное довѣріе и личная инціатива играютъ важнѣйшую роль. Но именно потому эта система не можетъ быть

[1]) Böhmert: die Gewinnbetheiligung, I, стр. 206.

учрежденіемъ всеобщимъ. Тамъ же, гдѣ требуемыя условія существуютъ, пріобщеніе рабочихъ къ прибылямъ предпріятія можетъ быть въ высшей степени полезно, какъ воспитательное учрежденіе для рабочаго класса, и какъ средство руководить имъ въ собственномъ его интересѣ. Не надобно только забывать, что тутъ стороны не равны; это не товарищество на равныхъ правахъ: тутъ есть патронъ и кліенты, воспитатель и воспитанники, благодѣтель и получающіе благодѣянія.

Поэтому односторонніе друзья рабочаго класса и не стоятъ за этотъ способъ рѣшенія задачи. Не въ немъ они видятъ будущность рабочаго класса, а въ производительныхъ товариществахъ, составленныхъ исключительно изъ рабочихъ. Подобныя товарищества существуютъ не въ однихъ мечтаніяхъ соціалистовъ. Они могутъ возникнуть и сами собою, на собственныя сбереженія и по собственной иниціативѣ рабочихъ. Для этого не нужно общественнаго переворота; достаточно признаваемой нынѣ свободы. Въ жизни встрѣчаются тому многочисленные примѣры; нѣкоторыя товарищества даже весьма успѣшно ведутъ свои дѣла. Друзья рабочаго класса надѣятся, что съ поднятіемъ его уровня, эти предпріятія примутъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры, пока они наконецъ совершенно вытѣснятъ собою личную предпріимчивость. Противоположность между предпринимателями и рабочими исчезнетъ, вслѣдствіе того что исчезнетъ отдѣльный классъ предпринимателей. Рабочіе сами будутъ хозяевами своихъ фабрикъ, и всѣ, при водвореніи полнаго равенства, соединятся узами общаго братства. Мы имѣемъ тутъ новую всеобщую панацею, окончательно разрѣшающую рабочій вопросъ. Даже Милль пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ заключается будущность человѣческаго рода.

Опытъ рабочихъ товариществъ не оправдываетъ однако этихъ слишкомъ смѣлыхъ ожиданій. Во Франціи, въ 1848 году, государство дало 3 милліона на основаніе рабочихъ товариществъ. Ихъ въ то время возникло до 45, но почти всѣ они рушились вслѣдствіе плохаго веденія дѣла. Впослѣдствіи образовались новыя, уже на собственныя средства, но тѣ изъ нихъ, которыя успѣли удержаться, представляютъ не болѣе какъ замыкающіяся въ тѣсномъ кругу акціонерныя компаніи, нанимающія стороннихъ работниковъ подъ именемъ пособниковъ (auxiliaires). Вмѣсто прославляемаго равенства, тутъ господствуетъ полное неравенство. Вигано, который въ коопераціи видитъ новое откровеніе и даже искупленіе, говоритъ о

нихъ: «въ моихъ посѣщеніяхъ Парижа, когда я собиралъ свѣдѣнія объ этихъ обществахъ, я съ сожалѣніемъ долженъ былъ убѣдиться, что они большею частью съ значительными затрудненіями принимаютъ рабочихъ, которыхъ они употребляютъ, и что они такимъ образомъ запятнаны аристократизмомъ и даже духомъ спекуляціи. Я не стану называть производительныя товарищества, которыя сами будучи составлены изъ 30 или 40 членовъ, употребляютъ нѣсколько сотъ работниковъ, не считающихся товарищами» [1]).

Такой же оборотъ приняли рабочія товарищества и въ Англіи. Руководители ремесленныхъ союзовъ въ прежнее время сильно хлопотали объ основаніи подобныхъ предпріятій. Они думали этимъ способомъ возбудить конкурренцію противъ фабрикантовъ и дать работу остающимся безъ дѣла при забастовкахъ. Но всѣ подобныя попытки или рушились или превратились въ обыкновенныя фабрики.

Въ Англіи есть однако рабочія товарищества, достигшія высокой степени процвѣтанія. Таковы приведенные выше Рочдельскіе Піонеры, которые, начавши съ общества потребленія, впослѣдствіи основали нѣсколько заведеній для производства. Но ихъ примѣръ лучше всего обнаруживаетъ истинное существо этихъ союзовъ. Съ одной стороны, вслѣдствіе продажи акцій, въ обществѣ явились акціонеры не работающіе на фабрикѣ; съ другой стороны, при недостаткѣ рукъ, общество принуждено было нанимать рабочихъ, которые не состояли въ немъ акціонерами. И когда возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли послѣднимъ дать участіе въ прибыляхъ предпріятія? то этотъ вопросъ на общемъ собраніи былъ рѣшенъ отрицательно. Акціонеры оказались истинными акціонерами. Лассаль, повѣствуя объ этомъ событіи, приводитъ его, какъ доказательство, что крупные вопросы не могутъ рѣшаться частными мѣрами или усиліями. «Что выигрываетъ рабочій классъ въ совокупности, восклицаетъ онъ, работникъ какъ таковой, отъ того, что онъ работаетъ для предпринимателя изъ рабочихъ или для предпринимателя изъ мѣщанъ? Ничего! Вы перемѣнили только предпринимателей, въ пользу которыхъ идетъ ваша работа. Но работа и рабочій классъ отъ этого не получили свободы! Что же онъ при этомъ выигрываетъ? Онъ выигрываетъ только развращеніе, порчу, которая теперь охватываетъ его самого и превращаетъ рабочихъ противъ рабочихъ въ выжимающихъ пред-

[1]) La Fraternité humaine, стр. 244 (франц. перев. 1880 г.).

принимателей... Рабочіе съ средствами рабочихъ и съ образомъ мыслей предпринимателей, это—та противная карикатура, въ которую превратились эти рабочіе» [1]).

Напрасна надежда, что этотъ порядокъ вещей можетъ измѣниться съ высшимъ развитіемъ. Въ самомъ существѣ рабочихъ товариществъ есть условія, которыя не позволяютъ имъ сдѣлаться всеобщею формою промышленнаго производства. Товарищества, вообще, какъ уже было указано выше, экономически менѣе выгодны, нежели единоличное управленіе. Тамъ, гдѣ требуется строгій порядокъ, гдѣ все основано на точномъ расчетѣ и на внимательномъ наблюденіи за колебаніями рынка, единство мысли и воли составляетъ важнѣйшее условіе успѣха. Всякое стѣсненіе и всякій контроль являются тутъ препятствіями. Съ другой стороны, и тамъ гдѣ есть рискъ, и гдѣ возможность прибыли зависитъ исключительно отъ предпріимчивости, личное начало точно также не можетъ быть ничѣмъ замѣнено. Акціонерныя общества въ состояніи соперничать съ отдѣльными лицами единственно потому, что они берутъ въ свои руки такія значительныя предпріятія, для которыхъ у отдѣльныхъ лицъ не достаетъ средствъ. Общею формою промышленнаго устройства они ни коимъ образомъ не могутъ сдѣлаться. Рабочія же товарищества не имѣютъ и этой выгоды. Они составляются не изъ капиталистовъ, а изъ рабочихъ, слѣдовательно не обладаютъ значительными средствами. Ограничиваясь, по необходимости, болѣе или менѣе тѣсными предѣлами, и подверженныя всѣмъ невыгодамъ многоличнаго управленія, они рѣдко въ состояніи выдержать соперничество отдѣльныхъ предпринимателей.

Къ этому присоединяется наконецъ и то, что рабочіе принадлежатъ къ наименѣе образованному классу общества. У нихъ не достаетъ ни знанія, ни многосторонности мысли, необходимыхъ для веденія сколько нибудь обширнаго предпріятія. Безъ сомнѣнія, между ними есть люди съ замѣчательными способностями; многіе фабриканты вышли изъ среды рабочихъ. Если товарищество составляется изъ такого рода людей или находится подъ ихъ управленіемъ, то нѣтъ причины, почему бы оно не имѣло успѣха. Но большинство членовъ, отъ котораго окончательно зависитъ рѣшеніе дѣлъ, состоитъ изъ людей, стоящихъ ниже средняго уровня образованныхъ классовъ.

---

[1]) Offenes Antwortschreiben, стр. 27—28 (3-е изд.).

и чѣмъ недовѣрчивѣе они привыкли относиться къ предпринимателямъ, тѣмъ болѣе помѣхъ, какъ показываетъ опытъ, встрѣчаютъ въ нихъ распорядители изъ ихъ собственной среды. По общему свойству человѣческаго рода, дисциплина и единодушіе, господствующія тамъ, гдѣ нужно стоять противъ общаго врага, исчезаютъ и уступаютъ мѣсто розни, какъ скоро приходится вести дѣло самостоятельно. А рознь въ рабочемъ товариществѣ равносильна его разрушенію. Съ своей стороны руководители, если они дѣйствительно способные люди, тяготятся не всегда разумнымъ контролемъ товарищей и обыкновенно стремятся основать свои собственныя предпріятія. Къ этому ведетъ самый характеръ промышленнаго производства. Промышленное предпріятіе есть, по существу своему, частное дѣло, а потому руководитель, если онъ чувствуетъ свои силы, легко можетъ имѣть поползновеніе взять его въ свои руки или основать новое на свои собственныя средства и на свой рискъ. Это нерѣдко и происходитъ въ дѣйствительности; товарищескія предпріятія превращаются въ личныя. Если же образуется союзъ людей дѣйствительно способныхъ, другъ друга знающихъ и другъ другу довѣряющихъ, то они замыкаются въ своемъ ограниченномъ кругу и принимаютъ постороннихъ уже просто по найму. Черезъ это, въ средѣ самихъ рабочихъ товариществъ образуется та противоположность предпринимателей и рабочихъ, которую тщетно стараются искоренить.

Эта противоположность лежитъ въ самомъ существѣ дѣла, и все, что ни придумываютъ для ея устраненія, возстановляетъ ее только въ новомъ видѣ. Основаніе ея заключается въ различныхъ задачахъ физическаго и умственнаго труда. Эти задачи не только требуютъ разныхъ способностей и разныхъ людей, но онѣ неизбѣжно ведутъ къ образованію въ обществѣ двухъ раздѣльныхъ классовъ, соотвѣтствующихъ различнымъ потребностямъ общежитія. Пока человѣчество существуетъ на землѣ, оно обречено на постоянную борьбу съ природою. Не только покореніе природы, но и удержаніе ея въ покорности требуетъ массы физическаго труда. Этотъ трудъ составляетъ жизненное призваніе огромнаго большинства человѣческаго рода. Съ другой стороны, для руководства физическимъ трудомъ необходима значительная доля труда умственнаго. Этотъ трудъ всегда составлялъ и составляетъ задачу меньшинства. Вмѣсто количества, тутъ преобладаетъ качество, вмѣсто экстенсивнаго начала интенсивное. Оба элемента равно необходимы въ человѣческихъ обществахъ; нѣтъ

возможности обойтись ни безъ количества, ни безъ качества, и еще менѣе возможно слить ихъ во едино. Они искони существовали и до конца вѣковъ будутъ существовать въ человѣчествѣ. Какое бы мы ни представляли себѣ идеальное состояніе общежитія, борьба съ природою, посредствомъ физическаго труда, всегда будетъ составлять жизненную задачу огромнаго большинства людей, и эта задача неизбѣжно должна налагать свою печать на все ихъ существованіе. Никакія измышленія, никакіе планы общественнаго переустройства не въ состояніи сдѣлать, чтобы люди, преданные физическому труду, имѣли такое же умственное развитіе, какъ люди, преданные умственному труду. Конечно, могутъ быть исключенія; геніи рождаются въ самыхъ низкихъ сферахъ; но исключенія только подтверждаютъ правило. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что въ нормальномъ порядкѣ, люди, посвящающіе себя умственному труду, должны быть руководителями, а люди, преданные физическому труду, должны быть руководимы. Отсюда различное общественное положеніе этихъ двухъ классовъ. Всякое стараніе извратить этотъ естественный порядокъ ведетъ къ общественнымъ смутамъ. Можно и должно заботиться о благосостояніи рабочаго класса, стремиться къ постепенному поднятію его уровня; но нѣтъ возможности сравнять его съ высшими слоями, ибо у него есть свое особенное человѣческое призваніе, которое даетъ ему соотвѣтствующее этому призванію мѣсто въ человѣческихъ обществахъ.

Чѣмъ же опредѣляется принадлежность лица къ тому или другому классу, а съ тѣмъ вмѣстѣ высшее или низшее его положеніе на общественной лѣствицѣ?

Главнымъ опредѣляющимъ началомъ является здѣсь экономическое положеніе, въ которомъ находится человѣкъ. Умственное развитіе требуетъ приготовленія и досуга; оно можетъ быть удѣломъ только тѣхъ, которые обезпечены матеріально. Обезпеченіе же дается дѣятельностью предшествующихъ поколѣній; полученное отъ нихъ наслѣдіе доставляетъ меньшинству возможность выдѣлиться изъ общей массы и образовать особую сферу, гдѣ господствуютъ духовные интересы. Таковъ естественный законъ человѣческаго развитія, законъ, который, вытекая изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы, ведетъ къ необходимому для общежитія раздѣленію противоположныхъ элементовъ, имѣющихъ каждый свое мѣсто и свое назначеніе въ цѣломъ.

Эта необходимость съ самыхъ раннихъ поръ присуща человѣческимъ обществамъ. Первое условіе для возникновенія государства состоитъ въ образованіи руководящаго зерна. Въ силу этой потребности, на низшихъ ступеняхъ общественнаго быта возвышеніе меньшинства совершается путемъ принужденія. Отсюда происхожденіе рабства; отсюда и привилегіи, которыя даруются высшимъ классамъ для охраненія ихъ положенія. Но съ высшимъ развитіемъ этотъ принудительный порядокъ уступаетъ мѣсто свободѣ, и тогда размѣщеніе совершается само собою, въ силу экономическихъ законовъ. Іерархія, образующаяся свободнымъ движеніемъ промышленныхъ силъ, служитъ предварительнымъ опредѣляющимъ началомъ и для распредѣленія силъ духовныхъ: и тутъ сохраняется общій законъ, въ силу котораго духовная жизнь человѣчества развивается на матеріальныхъ основахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ является и высшее начало, видоизмѣняющее эти отношенія. Какъ свободное существо, человѣкъ не связанъ роковымъ образомъ съ даннымъ порядкомъ; онъ собственною дѣятельностью можетъ передвигаться изъ одного разряда въ другой. На высшихъ ступеняхъ развитія, общественные классы не раздѣляются уже твердою юридическою гранью. Способнѣйшіе люди изъ низшихъ слоевъ безпрепятственно вступаютъ въ ряды высшихъ, и наоборотъ, неспособные изъ высшихъ спускаются въ низшіе. Подъ вліяніемъ экономической свободы происходитъ взаимный обмѣнъ силъ; каждая получаетъ свойственное ей мѣсто, сообразно съ ея природою, съ ея средствами и съ ея отношеніями къ окружающимъ условіямъ. Ни для кого нѣтъ роковаго предопредѣленія, осуждающаго его вѣчно оставаться на той точкѣ, на которую онъ поставленъ своимъ рожденіемъ, но есть безконечно различныя точки отправленія, есть и различныя сферы, между которыми люди могутъ двигаться свободно, переходя изъ одной въ другую, но не иначе какъ соображаясь съ существующимъ жизненнымъ строемъ и съ тѣми законами, которыми онъ управляется. Этимъ только путемъ необходимое разнообразіе жизни примиряется съ столь же необходимымъ въ жизни порядкомъ и съ высшими требованіями свободы.

Задача состоитъ, слѣдовательно, не въ томъ, чтобы уничтожить одинъ элементъ въ пользу другаго или сгладить между ними всякое различіе, а въ томъ, чтобы привести ихъ къ гармоническому соглашенію. Въ чемъ же должно состоять это соглашеніе?

Обсуждая взаимныя отношенія общественныхъ классовъ, Милль говоритъ, что на этотъ счетъ существуютъ двѣ системы: зависимость и самостоятельность. Первая, говоритъ онъ, въ идеальномъ представленіи имѣетъ нѣкоторыя привлекательныя стороны, хотя въ дѣйствительности владычествующіе классы всегда пользовались своимъ положеніемъ для своихъ собственныхъ выгодъ, а не для блага подчиненныхъ. Вторая же есть единственная возможная въ настоящее время. Рабочіе классы въ Европѣ вышли изъ того возраста, когда ихъ можно было водить на помочахъ. Они почувствовали свою самостоятельность, и это чувство укореняется въ нихъ болѣе и болѣе. Возвратиться къ отжившему порядку нѣтъ уже возможности. Въ системѣ самостоятельности лежитъ вся будущность рабочаго класса [1]).

Съ этимъ взглядомъ можно согласиться, если подъ именемъ зависимости разумѣть юридическое подчиненіе, а подъ именемъ самостоятельности свободу. Система зависимости принадлежитъ извѣстному періоду исторической жизни, изъ котораго зрѣющіе народы рано или поздно выходятъ. Торопить этотъ выходъ не всегда желательно; надобно знать, какъ рабочіе классы воспользуются своею самостоятельностью. Но когда государство достигло такой степени зрѣлости, что оно можетъ водворить у себя начало свободы, тогда слѣдуетъ тѣмъ рѣшительнѣе вступить на этотъ путь, что только при системѣ самостоятельности возможно существенное поднятіе уровня рабочаго класса. Никакія государственныя мѣры, никакія попеченія со стороны высшихъ классовъ не въ состояніи этого сдѣлать; главная движущая пружина экономическаго успѣха заключается въ самодѣятельности, а самодѣятельность немыслима безъ самостоятельности. Но самостоятельность не исключаетъ добровольно признаваемаго превосходства, а потому и свободнаго подчиненія высшему руководству. Въ этомъ состоитъ необходимое условіе всякой успѣшной дѣятельности и всякаго разумнаго порядка. Никакое совокупное предпріятіе не можетъ идти безъ внутренней дисциплины, подчиняющей низшія силы высшимъ. Все дѣло въ томъ, чтобы отношенія были свободныя, а не принудительныя. Разумная свобода, которая даетъ человѣку самостоятельность, не состоитъ въ отрицаніи всякаго авторитета и въ

[1]) Основанія Пол. Эк. кн. IV, гл. 7.

требованіи всеобщаго равенства. Гдѣ есть разумъ, тамъ есть сознаніе порядка, а вмѣстѣ и сознаніе своего мѣста, связанное съ уваженіемъ и къ тому, что стоитъ выше, и къ тому, что стоитъ ниже, по закону правды: каждому свое.

Съ этимъ только ограниченіемъ можно говорить о самостоятельности низшихъ классовъ, какъ объ идеалѣ человѣческаго общежитія. Самостоятельность можетъ быть положительная или отрицательная, совмѣстная съ порядкомъ или разрушающая всякій порядокъ, самостоятельность, порождающая борьбу, или самостоятельность, ведущая къ согласію. Которая изъ нихъ преобладаетъ въ обществѣ, это зависитъ уже не отъ экономическихъ условій, а отъ нравственнаго духа, господствующаго въ обоихъ классахъ. Въ этомъ отношеніи, отъ высшихъ классовъ требуется еще болѣе, нежели отъ низшихъ. Нужна значительная нравственная сила, чтобы при господствѣ свободы удержать свое превосходство и заставить низшихъ признать себя руководителями. Если со стороны рабочихъ требуются самоограниченіе, довѣріе и уваженіе, то со стороны предпринимателей необходимо не только сознаніе своего нравственнаго долга, но и живая любовь, побуждающая людей заботиться о нуждахъ окружающихъ и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, ихъ благоденствію.

Очевидно, что тутъ вопросъ выходитъ уже изъ предѣловъ экономической сферы и переходитъ въ область нравственную. Но это не значитъ, что слѣдуетъ экономическую науку преобразовать на основаніи нравственныхъ началъ. Экономическая наука, съ которою согласна и жизненная практика, дала свое рѣшеніе. Это рѣшеніе есть свобода; иного и быть не можетъ. Только путемъ свободы возможно постепенное поднятіе уровня рабочаго класса, составляющее цѣль экономическаго развитія. Свобода же даетъ и всѣ необходимыя для того средства. Изъ предъидущаго ясно, что тутъ общей панацеи нѣтъ и не можетъ быть; но есть множество различныхъ комбинацій, которыя ведутъ къ желанной цѣли. Могутъ учреждаться въ различныхъ видахъ рабочія товарищества и вспомогательныя кассы; при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ существовать даже рабочія товарищества для производства; могутъ вездѣ вводиться примирительныя палаты; наконецъ, рабочіе могутъ быть въ той или другой формѣ пріобщены къ прибылямъ предпріятія. Разнообразіе жизненныхъ условій влечетъ за собою разнообразіе учрежденій; но все это можетъ держаться единственно началомъ свободы. На той

же почвѣ должно совершаться и развитіе нравственнаго духа, оживляющаго эти учрежденія и связывающаго высшихъ и низшихъ въ одно живое и духовное цѣлое. И тутъ свобода является главнымъ двигателемъ, ибо она составляетъ необходимое условіе нравственности. Но развитіе въ обществѣ нравственнаго духа, составляющаго высшую связь всѣхъ его элементовъ, зависитъ уже не отъ экономическихъ условій, а отъ высшихъ, духовныхъ началъ, среди которыхъ главную роль играютъ философія и религія.

Когда въ обществѣ, сверху до низу, распространяются матеріалистическія ученія, не полагающія человѣку иной цѣли, кромѣ возможно бо̀льшаго наслажденія въ жизни, когда отрицается метафизика, составляющая единственное философское основаніе нравственности, когда въ особенности въ массахъ подрываются религіозныя вѣрованія, которыя служатъ для нихъ главнымъ источникомъ нравственной жизни, тогда тщетны всѣ толки о нравственныхъ требованіяхъ и о нравственномъ единеніи людей. Современное состояніе европейскихъ обществъ свидѣтельствуетъ объ этомъ до очевидности. Можно, сколько угодно, провозглашать начало братства; на дѣлѣ, при господствѣ матеріалистическихъ взглядовъ, стремленіе къ наживѣ все таки будетъ господствующею чертою и на верху и въ низу, и все, что препятствуетъ наживѣ, сдѣлается предметомъ самой ожесточенной ненависти. Отсюда то взаимное озлобленіе общественныхъ классовъ, которое мы видимъ въ настоящее время въ Западной Европѣ, особенно въ Германіи, гдѣ извращеніе понятій достигло самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ. Когда руководителями рабочаго класса являются проповѣдники, вдохновляющіеся Лассалемъ и Карломъ Марксомъ, о нравственныхъ началахъ не можетъ быть рѣчи. На устахъ будетъ любовь, а въ сердцахъ будутъ кипѣть зависть и ненависть, и общественные классы, вмѣсто того чтобы соединяться въ дружной дѣятельности на общую пользу, будутъ расходиться болѣе и болѣе.

Помочь этому злу можно только возстановленіемъ въ человѣкѣ идеальныхъ началъ, не только религіозныхъ, но также, и даже еще болѣе, философскихъ, ибо при современномъ умственномъ развитіи человѣчества невозможно надѣяться, что религія, безъ помощи философіи, способна утвердить свое владычество надъ умами. Высшіе классы, отъ которыхъ исходитъ умственное руководство, движутся не темными инстинктами, не влеченіями сердца, а разумно со-

знанными началами. Но для того чтобы философія и религія могли дѣйствовать на практическомъ поприщѣ и принести настоящую пользу, необходимо, чтобы онѣ поняли истинныя условія экономической жизни, то есть, чтобы онѣ твердо стали на почву экономической свободы и признали самостоятельное значеніе вытекающаго изъ нея экономическаго порядка. Если же, вмѣсто того, идеальныя требованія относятся враждебно къ истиннымъ началамъ экономической науки и къ основанному на нихъ экономическому строю, если на свободныя промышленныя отношенія хотятъ наложить руку и передѣлать ихъ во имя нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣній, то вмѣсто желанной гармоніи произойдетъ лишь большій разладъ. Въ этомъ состоитъ результатъ всей дѣятельности соціалистовъ каѳедры, которые пытаются возвести экономическую науку къ высшему синтезу, но не владѣя основаніями этого синтеза, производятъ только сугубую путаницу понятій. Къ тому же клонится и проповѣдь религіозныхъ соціалистовъ, распространяющихся нынѣ, какъ между католиками, такъ и между протестантами. Стремленіе подчинить экономическую область религіознымъ началамъ ведетъ лишь къ колебанію существующихъ основъ общежитія и даетъ совершенно ложное направленіе человѣческой мысли и волѣ. Высшій синтезъ можетъ быть достигнутъ только свободнымъ соглашеніемъ самостоятельныхъ элементовъ, а не насильственнымъ подчиненіемъ одного другому. Истинная задача философіи и религіи состоитъ не въ томъ, чтобы передѣлать экономическія отношенія на новый ладъ, а въ томъ, чтобы развить въ обществѣ тотъ нравственный духъ, который одинъ можетъ дать высшее значеніе экономической свободѣ, сдѣлавъ ее орудіемъ для достиженія духовныхъ цѣлей человѣчества.

Какую же роль играетъ во всемъ этомъ государство? На него соціалисты устремляютъ все свое вниманіе, отъ него ожидаютъ всѣхъ благъ; что же оно можетъ дать?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ слѣдующая книга.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГОСУДАРСТВО.

ГЛАВА I.

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Вопросъ о значеніи государства и объ объемѣ его дѣятельности въ настоящее время выдвинулся на первый планъ. Отъ него ставится въ зависимость рѣшеніе экономическихъ задачъ. Онъ играетъ главную роль въ томъ общемъ синтезѣ общественныхъ наукъ, о которомъ мечтаютъ соціалисты и соціологи. «Я не думаю, говоритъ одинъ изъ соціализирующихъ современныхъ экономистовъ, Лавелэ, что уважаемые авторы классической школы, Смитъ, Рикардо, Милль, ошиблись въ своихъ теоретическихъ выводахъ. По моему мнѣнію, исключая нѣкоторыхъ исправленій въ подробностяхъ, установленныя ими истины остаются достояніемъ науки; но по моему, недостаточно и ошибочно самое понятіе о наукѣ, признанное ими и ихъ послѣдователями. Безъ сомнѣнія, экономистъ долженъ знать такъ называемые естественные законы, управляющіе производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ цѣнностей, то есть, сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, проявляющееся въ этой области человѣческой дѣятельности. Но это не болѣе какъ первый шагъ и, такъ сказать, способъ изученія науки, подобно чтенію въ литературѣ и употребленію микроскопа въ физіологіи. Настоящій же предметъ изслѣдованія— гражданскіе законы и ихъ послѣдствія. Экономія можетъ быть названа «политическою» лишь подъ тѣмъ условіемъ, что она будетъ заниматься государствомъ. Роль государства и общественные распорядки, которые обыкновенно исключались изъ экономическихъ из-

слѣдованій, составляютъ въ нихъ, напротивъ, самое существенное дѣло» [1]).

Какъ же приступить къ этому изслѣдованію? Станемъ ли мы руководствоваться опытомъ? Но въ такомъ случаѣ мы примемъ за норму государство, какъ оно есть, и тогда мы не уйдемъ отъ существующаго порядка, и соціализмъ останется ни при чемъ. Вслѣдствіе этого, соціалисты вовсе и не думаютъ держаться указаній опыта. Критикуя современный экономическій бытъ и требуя полнаго его переустройства, они, напротивъ, совершенно отрѣшаются отъ дѣйствительности. Государству, какъ оно есть, они противополагаютъ государство, какъ оно должно быть; фактъ долженъ быть пересозданъ во имя идеи.

Но откуда же мы возьмемъ идею государства, особенно если мы отреклись отъ метафизики? Примемъ ли мы на вѣру господствующія современныя понятія, какъ послѣдній результатъ человѣческаго развитія? Но мы встрѣчаемъ тутъ столь противоположныя мнѣнія, что извлечь изъ нихъ какую нибудь общепризнанную истину нѣтъ возможности. И гдѣ ручательство, что господствующее нынѣ воззрѣніе завтра не уступитъ мѣсто совершенно иному? На нашихъ глазахъ происходятъ такіе удивительные скачки изъ одной крайности въ другую, что держаться господствующаго мнѣнія весьма опасно: оно какъ разъ ускользнетъ изъ рукъ или превратится въ противоположное. Четверть вѣка тому назадъ, въ воздухѣ носилась реакція противъ государственной опеки; всѣ бредили самостоятельною дѣятельностью общества. Въ 1860 году, извѣстный французскій ученый и публицистъ Лабулэ, издавая свое сочиненіе: Государство и его границы, предсказывалъ, что не пройдетъ десяти лѣтъ, и всѣ будутъ признавать истиною, что государство имѣетъ естественныя границы, которыя оно не должно переступать» [2]). Предсказаніе однако не сбылось, и въ настоящее время многіе расширяютъ дѣятельность государства далеко за предѣлы того, что требовали защитники его въ прежнее время. Гдѣ же уловить идею государства?

Для того чтобы знать, какая именно идея составляетъ плодъ

---

[1]) Les tendances nouvelles de l'économie politique en Angleterre; Revue des Deux Mondes 1-го апрѣля 1881, стр. 646.

[2]) L'Etat et ses limites, p. 6 (5 изд. 1871).

человѣческаго развитія, надобно очевидно прослѣдить развитіе этой идеи въ исторіи. Безъ этого тщетны будутъ всѣ ссылки на современность. Взглянемъ же на исторію, ограничиваясь, разумѣется, самымъ краткимъ очеркомъ. Подробности читатель найдетъ въ сочиненіи, въ которомъ спеціально изслѣдуется этотъ предметъ. Здѣсь мы изложимъ только главные результаты [1]).

Уже древніе оставили намъ философское ученіе о государствѣ. Извѣстно, что древнее государство отличалось отъ новаго тѣмъ, что оно въ несравненно большей степени подчиняло себѣ личность. Древній гражданинъ жилъ для государства. Частная жизнь, обезпеченная рабствомъ, служила ему только средствомъ для исполненія гражданскихъ обязанностей. Этотъ характеръ гражданскаго быта, проистекавшій изъ всего міросозерцанія античнаго міра, въ которомъ личность не получила еще полнаго своего развитія, отразился и на ученіяхъ тѣхъ великихъ мыслителей, которые всего полнѣе выразили собою античное воззрѣніе. У Платона въ особенности, государство вполнѣ уподобляется отдѣльному лицу; идеальное устройтсво политическаго тѣла изображается по аналогіи съ физическимъ организмомъ. Въ немъ являются тѣже главныя составныя части, и тоже отношеніе членовъ къ цѣлому. Члены не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а существуютъ единственно для исполненія своего общественнаго призванія. Вслѣдствіе этого, въ государствѣ Платона, воины, которые и суть настоящіе граждане, не имѣютъ ни личной собственности, ни семейства. У нихъ не должно быть ничего своего, дабы этимъ не отвлекать ихъ отъ служенія отечеству. И жены, и дѣти, и имущество, все должно быть общее.

Однако уже Аристотель замѣтилъ, что такое чрезмѣрное единство противорѣчитъ природѣ вещей. Государство, по существу своему, должно быть менѣе едино, нежели семья, и еще менѣе, нежели отдѣльный человѣкъ. Вслѣдствіе этого, Аристотель, сообразно съ тѣмъ, что представляла дѣйствительность, признавалъ частную собственность и семейную жизнь. Но и Аристотель, какъ истинный Грекъ, видѣлъ въ государствѣ высшую цѣль всего человѣческаго существованія. Государство, говоритъ онъ, не есть только мѣстный союзъ, какъ село; оно образуется не для огражденія людей отъ обидъ и не для взаимной помощи, но все это

[1]) См. мою Исторію Политическихъ Ученій, 4 части.

должно предшествовать, для того чтобы существовало государство. Послѣднее же опредѣляется высшимъ совершенствомъ жизни: государство есть союзъ родовъ и селъ для жизни совершенной и самобытной. И хотя, по порядку физическаго происхожденія, отдѣльное лице предшествуетъ государству, однако по природѣ, или по своей сущности, государство предшествуетъ лицу, ибо природа цѣлаго опредѣляетъ природу частей, а не наоборотъ. Только въ цѣломъ каждая часть получаетъ свое назначеніе. Человѣкъ только въ государствѣ, подъ управленіемъ правды и закона, становится въ истинномъ смыслѣ человѣкомъ. Поэтому человѣкъ, по природѣ своей, есть животное политическое.

Таковы были воззрѣнія глубочайшихъ мыслителей древности. Но уже въ то время личность начала предъявлять свои права, и это повело къ разложенію органическаго взгляда на государство, а вмѣстѣ и къ паденію основаннаго на немъ политическаго быта. Разложеніе началось уже съ Софистовъ, которые отъ общаго перешли къ частному, отъ идеальнаго къ реальному. Проповѣдь ихъ внесла въ греческую жизнь такой разладъ, отъ котораго она никогда не оправилась. Тщетно слѣдовавшіе за ними великіе философы старались въ идеальной формѣ возстановить завѣщанныя преданіемъ начала политическаго быта; жизнь шла своимъ чередомъ, и мысль слѣдовала тому же направленію. Эпикурейцы, въ болѣе систематической формѣ, возобновили индивидуалистическія ученія Софистовъ; съ своей стороны Стоики, исходя отъ нравственнаго начала, распространяли политическое общеніе на все человѣчество и тѣмъ самымъ подрывали еще болѣе основы государственнаго союза. Только внѣшняя власть могла сдержать стремящіеся врозь элементы; но и она наконецъ оказалась безсильною. Политическій бытъ разлагался болѣе и болѣе, а мышленіе отвернулось отъ земли и ушло въ область религіозную. Древній міръ палъ, уступая мѣсто новой исторической жизни.

Таково было развитіе идеи государства въ классической древности. Совершенно обратнымъ порядкомъ идетъ мышленіе новаго времени. Тамъ мысль исходила отъ объекта и затѣмъ перешла къ субъекту; здѣсь, напротивъ, она исходитъ отъ субъекта и затѣмъ переходитъ къ объекту. Тамъ точкою отправленія было государство, какъ объективный организмъ, созданный самою природою вещей; только въ дальнѣйшемъ движеніи поглощенная имъ личность предъявляетъ

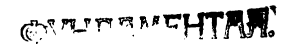
свои права и постепенно разлагаетъ этотъ порядокъ. Здѣсь, наоборотъ, точкою отправленія служатъ субъективныя требованія лица, которыя постепенно ведутъ въ возстановленію необходимаго для удовлетворенія ихъ общественнаго строя и наконецъ къ идеѣ государства, какъ высшаго единства общественной жизни. Такимъ образомъ, конецъ древняго мышленія составляетъ начало новаго, и конецъ новаго представляетъ возвращеніе къ началу древняго. То былъ процессъ разложенія; здѣсь, напротивъ, мы имѣемъ процессъ постепеннаго сложенія расшедшихся врозь элементовъ, но уже въ иной формѣ, нежели прежде, ибо отдѣльные элементы, получивши полное развитіе, пріобрѣли самостоятельность и не могутъ уже быть поглощены цѣлымъ, какъ въ древности. Возвращеніе къ первобытной слитности не мыслимо.

Въ этомъ новомъ процессѣ мысль идетъ сначала чисто отвлеченнымъ путемъ. Отправляясь отъ общихъ свойствъ и потребностей человѣческой природы, она силою логической необходимости выводитъ изъ нихъ одинъ за другимъ всѣ существенные элементы государственнаго порядка, власть, законъ, свободу и цѣль, или идею, связывающую всѣ элементы въ одно органическое цѣлое. Но этотъ умственный процессъ является вмѣстѣ и выраженіемъ жизненнаго хода, ибо то, что умозрительно представляется логическою необходимостью, то самое въ жизни вырабатывается какъ практическая потребность. Государство въ идеѣ и государство въ дѣйствительности составляются изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, и необходимая связь ихъ и здѣсь и тамъ одинакова. Разница заключается лишь въ томъ, что одностороннее развитіе извѣстнаго элемента въ идеѣ можетъ вести къ послѣдствіямъ, несовмѣстнымъ съ требованіями жизни, которая всегда содержитъ въ себѣ совокупность всѣхъ жизненныхъ силъ, а потому оказываетъ противодѣйствіе одностороннему направленію. А съ другой стороны, данная дѣйствительность можетъ заключать въ себѣ условія, дающія преобладаніе одному элементу преимущественно передъ другими, и потому не допускающія полнаго развитія остальныхъ: въ этомъ случаѣ идея можетъ обладать большею полнотою, нежели жизнь. Но такъ какъ у народовъ, въ средѣ которыхъ совершается умственный процессъ, мысль и жизнь находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, то въ общемъ итогѣ теоретическій ходъ и практическій неизбѣжно совпадаютъ. Однако мысль идетъ быстрѣе, нежели жизнь;

поэтому теоретическій ея ходъ представляетъ собою движеніе впередъ; практическія же потребности служатъ ему, съ одной стороны, средствомъ осуществленія, съ другой стороны задержкою и поправкою.

Первая потребность государственнаго порядка состоитъ въ установленіи власти; это—центръ, около котораго собираются всѣ другіе элементы. Государство отличается отъ другихъ союзовъ именно тѣмъ, что ему принадлежитъ верховная власть на землѣ. На практикѣ, эта потребность выразилась въ томъ, что на развалинахъ средневѣковаго порядка, гдѣ господствовали частныя силы, вездѣ въ Европѣ водворилась абсолютная власть, сосредоточенная главнымъ образомъ въ лицѣ монарха, какъ представителя государственнаго единства. Чтобы вывести общество изъ анархіи, нужно было прежде всего сдержать стремящіеся врозь элементы внѣшнею силою, которая не подлежала бы спору. Въ теоріи эта потребность выразилась въ рядѣ ученій, типическимъ представителемъ которыхъ является Гоббесъ. По его системѣ, основное свойство человѣка, вытекающее изъ его природы, есть стремленіе къ самосохраненію. Но такъ какъ это стремленіе одинаково присуще всѣмъ, и каждый въ естественномъ состояніи является единственнымъ судьею того, что ему нужно для самосохраненія, то отсюда неизбѣжно рождаются безпрерывныя столкновенія между людьми; возгорается война всѣхъ противъ всѣхъ. Между тѣмъ, подобное состояніе противорѣчитъ главной цѣли человѣка; при всеобщей войнѣ, самосохраненіе становится невозможнымъ. Слѣдовательно, нужно выйдти изъ анархіи и искать мира. А для водворенія мира необходимо отказаться отъ самоуправства и подчинить свою волю волѣ одного или нѣсколькихъ лицъ, которыхъ рѣшеніе признавалось бы безусловнымъ закономъ. Такое устройство и есть государство, въ которомъ правителю принадлежитъ верховная, абсолютная власть надъ подданными.

Очевидно однако, что установленіемъ внѣшняго мира не ограничиваются потребности общежитія. Можетъ быть миръ, который хуже войны. Если, какъ замѣтилъ Спиноза, подъ именемъ мира разумѣть рабство, варварство и пустыню, то для человѣка нѣтъ ничего ужаснѣе мира. Вслѣдствіе этого, уже въ самой школѣ общежитія, признававшей государство необходимымъ условіемъ самосохраненія, явились мыслители, которые возстали противъ ученія Гоббеса во имя другихъ элементовъ государственной жизни. Съ одной стороны

указывали на то, что необходимая въ государствѣ власть должна руководствоваться не произволомъ, а высшимъ закономъ, охраняющимъ права и благосостояніе всѣхъ; съ другой стороны утверждали, что и въ государственномъ порядкѣ должна проявляться неотъемлемо принадлежащая человѣку свобода. Эти два начала, законъ и свобода, въ дальнѣйшемъ развитіи сдѣлались основаніями двухъ противоположныхъ школъ, нравственной и индивидуалистической, между которыми раздѣляется политическая мысль въ XVIII-мъ столѣтіи.

Нравственная школа господствовала въ Германіи, гдѣ типическимъ ея представителемъ былъ Вольфъ. Въ этой системѣ, источникомъ юридическаго и политическаго порядка является нравственный законъ, который государство призвано осуществить. Отсюда смѣшеніе права съ нравственностью; отсюда система государственной опеки, съ цѣлью утвердить нравственный порядокъ и водворить всеобщее благосостояніе; отсюда наконецъ и стремленіе расширить предѣлы государства, которое по идеѣ должно обнимать собою все человѣчество и только въ силу практическихъ потребностей ограничивается болѣе тѣснымъ пространствомъ. Всѣ эти признаки мы находимъ не только въ теоріи, но и на практикѣ въ политическомъ бытѣ Германской Имперіи въ XVIII вѣкѣ.

Съ другой стороны, индивидуалистическая теорія произвела рядъ системъ, которыя нашли свое практическое приложеніе въ революціяхъ англійской, американской и наконецъ, французской. Всего послѣдовательнѣе и нагляднѣе она выразилась въ ученіи о правахъ человѣка. Отдѣльному лицу, по этому воззрѣнію, приписываются прирожденныя ему въ качествѣ человѣка и неотъемлемо принадлежащія ему права, которыхъ общество не въ правѣ касаться. Государство призвано только охранять ихъ отъ нарушенія. Само оно образуется единственно въ силу соглашенія отдѣльныхъ волъ; основаніемъ его служитъ договоръ, который не только предполагается въ началѣ, но и возобновляется безпрерывно. Изъ договора же проистекаетъ и власть, которая получаетъ всю свою силу отъ воли народной, а потому состоитъ всегда въ зависимости отъ послѣдней.

Такимъ образомъ, государство, въ этомъ воззрѣніи, является не болѣе какъ договорнымъ соединеніемъ лицъ; оно низводится на степень простаго товарищества. А такъ какъ всѣ эти лица сохраняютъ неотъемлемо принадлежащія имъ права, которыхъ никто ихъ

лишить не можетъ, такъ какъ они вслѣдствіе того сами всегда остаются судьями своихъ правъ и обязанностей, то ясно, что подобному союзу всегда грозитъ разрушеніе. Государство, какъ единое, постоянное цѣлое, не можетъ держаться на этихъ основаніяхъ.

Это и понялъ Руссо, который первымъ условіемъ общественнаго договора положилъ отреченіе отъ всѣхъ прирожденныхъ правъ и полученіе ихъ обратно уже изъ рукъ государства. Но такъ какъ и Руссо въ своемъ общественномъ договорѣ все таки хотѣлъ сохранить неприкосновеннымъ верховенство личной свободы, устроивши общество такъ, чтобы каждый, повинуясь цѣлому, повиновался бы только своей собственной волѣ, то въ изобрѣтенномъ имъ политическомъ порядкѣ не могло оказаться ничего, кромѣ внутреннихъ противорѣчій, которыя проявились въ рядѣ совершенно немыслимыхъ положеній. На почвѣ индивидуалистическихъ теорій XVIII-го вѣка необходимое для человѣческаго общежитія примиреніе свободы съ порядкомъ не могло совершиться, ибо законъ все таки ставился въ полную зависимость отъ свободы. Чтобы понять внутреннюю, неразрывную связь этихъ двухъ началъ, надобно было возвыситься къ идеѣ государства, какъ высшаго союза, сочетающаго въ себѣ противоположные элементы. Философское разрѣшеніе этой задачи было дѣломъ нѣмецкаго идеализма.

И тутъ мысль проходитъ черезъ различныя ступени. Нѣмецкій идеализмъ исходитъ отъ субъективнаго начала и затѣмъ ужъ возвышается къ началамъ объективнымъ. Въ школѣ Канта, положившаго основаніе этому направленію, господствуетъ еще въ значительной степени индивидуалистическое воззрѣніе. Государство понимается уже какъ союзъ необходимый; вступленіе въ него составляетъ обязанность для человѣка. Но эта необходимость ограничивается охраненіемъ права. Отсюда распространенное въ школѣ Канта ученіе о юридическомъ государствѣ, котораго единственная задача заключается въ охраненіи права. Все остальное выходитъ изъ предѣловъ его вѣдомства и предоставляется свободной дѣятельности лицъ.

Такое ограниченіе противорѣчитъ однако и явленіямъ исторіи и всестороннему развитію идеи государства. И точно, эта узкая точка зрѣнія была оставлена, какъ скоро идеализмъ, развивая присущія ему начала, перешелъ на объективную почву. Государство было понято какъ организмъ, носящій въ себѣ внутреннюю свою

цѣль—общее благо, въ которомъ заключается не только охраненіе права, но и содѣйствіе всѣмъ другимъ цѣлямъ человѣка. Фихте первый, еще стоя на субъективной точкѣ зрѣнія, назвалъ государство организмомъ. Историческая школа, съ своей стороны, высказала мысль, что право и государство суть органическія произведенія народной жизни. Наконецъ, высшее свое выраженіе это воззрѣніе нашло у Гегеля. Онъ опредѣлилъ государство, какъ полное осуществленіе нравственной идеи, или какъ сознающій себя нравственный духъ, въ которомъ субъективная воля тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ объективною [1]). Расчленяясь на свои моменты, идея образуетъ цѣльный общественный организмъ; носителемъ ея является народный духъ, который осуществляетъ ее въ исторіи. Въ силу этой верховной идеи, въ государствѣ всѣ частныя цѣли подчиняются высшей, общей цѣли—общественному благу; но подчиняясь, онѣ не поглощаются ею. Въ предѣлахъ государства сохраняются другіе союзы, имѣющіе свои самостоятельныя цѣли и свои сферы дѣятельности. Таковы семейство и гражданское общество. Самостоятельнымъ союзомъ является и церковь, въ которой воплощаеся нравственно-религіозное начало. Въ особенности важно опредѣленіе гражданскаго общества, которое Гегель рѣзко отличалъ отъ государства. Въ первомъ онъ видѣлъ союзъ, основанный на взаимнодѣйствіи частныхъ цѣлей, исходящихъ изъ отдѣльныхъ лицъ, въ послѣднемъ осуществленіе общественной цѣли. И хотя частное должно подчиняться общему, однако, говоритъ Гегель, «конкретная свобода состоитъ въ томъ, что личная индивидуальность и ея частные интересы должны получить полное свое развитіе и признаніе своего права въ системѣ семейства и гражданскаго общества», что́ не мѣшаетъ имъ видѣть въ государствѣ выраженіе ихъ собственнаго духа и дѣйствовать для него по собственному побужденію. Въ этомъ признаніи самостоятельности субъективнаго момента Гегель видѣлъ главное отличіе новаго государства отъ древняго [2]). Такимъ образомъ, возращаясь къ идеальнымъ опредѣленіямъ греческихъ мыслителей, и понимая, вмѣстѣ съ ними, государство какъ высшее осуществле-

---

[1]) Замѣтимъ, что Гегель слово *нравственный* понимаетъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, нежели обыкновенно. Онъ нравственность (Sittlichkeit) отличаетъ отъ субъективной морали, разумѣя подъ первою объективныя нравственныя опредѣленія, осуществляющіяся въ союзахъ людей.

[2]) Phil. d. Rechts, § 260.

ніе нравственнаго духа, Гегель вполнѣ сознавалъ необходимость сохранить за личностью ея права и тѣмъ упрочить результаты, добытые всѣмъ предшествующимъ ходомъ всемірной исторіи.

Но если идеализмъ, въ полнотѣ своихъ опредѣленій, оставляетъ должное мѣсто и значеніе каждому изъ общественныхъ элементовъ, то при одностороннемъ пониманіи, онъ несомнѣнно ведетъ къ поглощенію лица обществомъ. Нужно было сдѣлать еще одинъ шагъ, стать на исключительную точку зрѣнія общей идеи, отрѣшиться вполнѣ отъ дѣйствительности, понять исторію, какъ рядъ преходящихъ моментовъ, не оставляющихъ никакого положительнаго результата, и все улетучивалось въ идеальномъ представленіи конечной цѣли, которой все личное и частное должно быть принесено въ жертву. Этотъ шагъ сдѣлали Гегельянцы, вступившіе на почву соціализма. Таковы Лассаль и Карлъ Марксъ. Тутъ уже государство становится всеобъемлющимъ и всеподавляющимъ. Лассаль съ презрѣніемъ отзывается о господствующемъ среди мѣщанства понятіи о государствѣ, противополагая ему то понятіе, которое должно сдѣлаться достояніемъ рабочаго класса. Мѣщанство, говоритъ онъ, не имѣетъ иной нравственной идеи, кромѣ облегченія каждому лицу безпрепятственнаго употребленія его силъ. Сообразно съ этимъ, оно цѣль государства полагаетъ единственно въ охраненіи свободы и собственности, понятіе, говоритъ Лассаль, приличное только ночному сторожу, котораго вся задача состоитъ въ огражденіи отъ воровъ и разбойниковъ. Государство дѣйствительно могло бы этимъ ограничиться, еслибы всѣ были равно сильны, равно умны, равно образованны и равно богаты; но такъ какъ этого нѣтъ, то нравственная идея мѣщанства ведетъ неизбѣжно къ тому, что сильнѣйшіе, умнѣйшіе, образованнѣшіе и богатѣйшіе выжимаютъ соки изъ слабѣйшихъ. Напротивъ, рабочій классъ, вслѣдствіе самаго своего безпомощнаго положенія, понимаетъ недостаточность мѣщанской идеи и видитъ необходимость восполнить личную дѣятельность солидарностью интересовъ, общностью и взаимностью развитія. Въ этомъ онъ и полагаетъ истинную задачу государства. Послѣднее представляетъ собою единеніе лицъ въ такомъ нравственномъ цѣломъ, которое въ милліоны разъ увеличиваетъ ихъ силы. Поэтому и цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы соединеніемъ силъ дать лицамъ возможность достигнуть такихъ цѣлей, которыхъ они никогда бы не могли достигнуть собственными средствами. Государство должно воспитать человѣка къ сво-

бодѣ, возвести его на высшую степень образованія, сдѣлать истинно человѣческую культуру дѣйствительностью. Лассаль обѣщаетъ работникамъ, что послѣдовательное проведеніе этого взгляда произведетъ такой подъемъ духа и дастъ человѣчеству такую сумму счастія, образованія, благосостоянія и свободы, въ сравненіи съ которою все, что доселѣ существовало въ исторіи, представляется не болѣе какъ блѣдною тѣнью [1]). Сообразно съ этимъ, онъ утверждаетъ, что столь любимое мѣщанами понятіе о гражданскомъ обществѣ есть не болѣе какъ преходящая историческая категорія [2]). Все окончательно должно улетучиться въ государствѣ, передъ которымъ безсильны всякія личныя и частныя права. Личное право получаетъ свое бытіе единственно отъ общаго духа и держится только послѣднимъ; какъ же скоро общій духъ, представляемый государствомъ, требуетъ его отмѣны, такъ оно должно исчезнуть, не оставивъ по себѣ и слѣда, и не предъявляя притязанія ни на какое вознагражденіе [3]).

Съ такими же требованіями и ожиданіями обращаются къ государству и французскіе соціалисты. Оно должно взять въ свои руки всѣ орудія производства, и установленіемъ справедливаго распредѣленія земныхъ благъ, уравнять и осчастливить весь человѣческій родъ. Одинъ Прудонъ, доводя утопію до крайнихъ предѣловъ, воображалъ, что всѣ общественныя отношенія могутъ быть приведены къ точности математическихъ формулъ, съ усвоеніемъ которыхъ общественнымъ сознаніемъ, правительства сдѣлаются излишними. При такомъ порядкѣ, научный соціализмъ долженъ заступить мѣсто власти человѣка надъ человѣкомъ. Однако и Прудонъ, объявляя себя анархистомъ, замѣнялъ только государство обществомъ, которое въ его системѣ является собственникомъ не только всѣхъ орудій производства и всѣхъ издѣлій, какъ произведеній совокупнаго труда, но даже и всякой способности, ибо и талантъ, по его теоріи, получаетъ свое бытіе единственно отъ общества. Какъ скоро человѣкъ явился на свѣтъ, такъ онъ себѣ уже не принадлежитъ; онъ играетъ роль матеріи въ рукахъ мастера. Вслѣдствіе этого и произведенія труда не принадлежатъ ра-

---

[1]) Arbeiterprogramm стр. 35—38 (1872 Chicago).
[2]) System d. erw. Rechte, I, стр. 281, прим.
[3]) Тамъ же, § 7.

бочему; только что они созданы, общество требуетъ ихъ себѣ. Рабочему не принадлежитъ и цѣна ихъ, ибо онъ состоитъ въ отношеніи къ обществу въ положеніи неоплатнаго должника [1]).

Очевидно, что въ этой теоріи государство уничтожается лишь за тѣмъ, чтобы возстановиться въ исполинскихъ размѣрахъ подъ другимъ именемъ. То, что называется анархіею, въ сущности ничто иное какъ самый колоссальный деспотизмъ. Трудно встрѣтить бòльшую несообразность.

Весь соціализмъ, какъ система, представляетъ собою только доведенный до нелѣпой крайности идеализмъ. Таково его мѣсто и значеніе въ общемъ движеніи человѣческой мысли. Всѣ частныя силы и цѣли исчезаютъ здѣсь въ идеальномъ представленіи цѣлаго, безусловно владычествующаго надъ частями. Здравый смыслъ, исторія и дѣйствительность приносятся въ жертву утопіи. Но самая эта крайность и обнаруживающіяся въ ней безконечныя внутреннія противорѣчія должны были произвести реакцію, и притомъ въ двоякомъ смыслѣ: реакцію дѣйствительности противъ мечтаній, и реакцію свободы противъ всепоглощающаго деспотизма государства. И точно, движеніе произошло именно въ этомъ направленіи: раціонализмъ замѣняется реализмомъ, идеѣ государства противополагается идея общества.

Этотъ новый періодъ въ развитіи мысли, которая, въ противоположность предъидущему ходу, идетъ не отъ закона къ явленіямъ, а отъ явленій къ закону, не принесъ съ собою однако новыхъ началъ, ни въ наукѣ, ни въ жизни. Начало личности, которое многими противополагалось, какъ единственно реальное, метафизической идеѣ государства, было уже вполнѣ извѣдано и исчерпано философіею XVIII-го вѣка. Понятіе объ обществѣ точно также было всесторонне изслѣдовано въ различныхъ школахъ нѣмецкаго идеализма, у Краузе, у Гербарта, у Гегеля. Наконецъ, начало народности, играющее такую видную роль въ современной исторіи, было, какъ извѣстно, впервые сознано и развито опять же нѣмецкимъ идеализмомъ. Современные реалисты-практики исполняютъ на дѣлѣ только то, что было предначертано ихъ метафизическими предшественниками. Оказалось, что раціонализмъ въ своихъ логическихъ выводахъ выражалъ необходимость, лежащую въ самой природѣ вещей.

---

[1]) Qu'est ce que la propriété, ch. III, § 8, ch. V; Seconde Partie §§ 2, 3.

Реализмъ, развиваясь, въ свою очередь становится на различныя точки зрѣнія; онъ переходитъ одинъ за другимъ всѣ элементы государства; но всѣ эти шаги представляютъ только возвращеніе къ тѣмъ или другимъ взглядамъ, уже извѣстнымъ прежде. И это происходитъ не отъ недостатка въ изслѣдованіяхъ, а отъ самаго существа дѣла. Иначе и быть не можетъ, ибо раціонализмъ раскрываетъ намъ то, что лежитъ въ разумной природѣ человѣка, а это и составляетъ источникъ всѣхъ жизненныхъ явленій; слѣдовательно, изучая исторію и дѣйствительность, мы не найдемъ ничего другаго.

Значеніе и заслуга реализма состоятъ не въ изысканіи новыхъ началъ, а въ изслѣдованіи ихъ приложенія. И тутъ однако онъ въ основныхъ чертахъ повторяетъ только то, что уже было добыто его предшественниками. Если были раціоналистическія школы, которыя воображали, что достаточно провозгласить начала, чтобы провести ихъ въ жизнь и создать новый порядокъ вещей, то болѣе зрѣлый и всесторонній раціонализмъ въ себѣ самомъ нашелъ лѣкарство противъ столь поверхностнаго взгляда. Идея развитія была со всѣхъ сторонъ разработана метафизикою; опираясь на нее, историческая школа, равно какъ и философская, вполнѣ выяснили значеніе мѣста и времени для жизненныхъ явленій. Новому реализму оставалось только слѣдовать по тому же пути. И онъ сдѣлалъ это съ полною добросовѣстностью. Въ настоящее время, для всякаго, кто имѣетъ какое нибудь понятіе о наукѣ и практикѣ, стало очевиднымъ, что общія начала не прилагаются къ жизни безъ подготовки, что осуществленіе ихъ требуетъ мѣстныхъ и временныхъ условій, которыя являются плодомъ народной жизни, а не создаются произвольно. Реалистическою школою эти условія были изслѣдованы съ такою полнотою, какъ никогда прежде. Собрано громадное количество матеріала; изученъ до мельчайшихъ подробностей политическій и общественный бытъ цѣлыхъ странъ, которыя представляются типическими въ томъ или другомъ отношеніи. Реалистическая наука можетъ справедливо гордиться такими произведеніями, какъ сочиненіе Токвиля объ Америкѣ и книга Гнейста объ Англіи.

Но сильный въ изслѣдованіи частностей, реализмъ, по самому своему характеру, слабъ въ обработкѣ общихъ началъ, и чѣмъ болѣе онъ отрекается отъ метафизики, тѣмъ онъ является слабѣе. Такова судьба всякаго односторонняго направленія. А между тѣмъ,

именно въ общественныхъ наукахъ всего важнѣе общія начала, ибо они даютъ смыслъ явленіямъ и руководятъ дѣятельностью человѣка. Тутъ нельзя успокоиться на томъ, что такъ дѣлается въ мірѣ; надобно знать, дѣйствительно ли такъ дѣлается, какъ слѣдуетъ? Реалисты не могутъ избѣгнуть этого вопроса; но при плохой разработкѣ общихъ началъ, нѣтъ ничего легче, какъ дать на него неправильный отвѣтъ. И чѣмъ болѣе накопляется частностей, тѣмъ труднѣе ихъ осилить и сдѣлать изъ нихъ вѣрный выводъ, тѣмъ скорѣе можно дать неподобающее значеніе тому или другому явленію. Можно частное принять за общее, временное за вѣчное, и наоборотъ. Впасть въ ошибку тѣмъ легче, что приходится взвѣшивать выгоды и невыгоды различныхъ учрежденій, не имѣя никакого твердаго мѣрила и никакихъ признанныхъ всѣми вѣсовъ. Поэтому, на реалистической почвѣ столь же, если не болѣе, возможны одностороннія ученія, какъ и на метафизической. Окончательно, приходится принимать субъективное мѣрило за отсутствіемъ объективнаго, то есть, руководствоваться личнымъ вкусомъ, а вкусы, какъ извѣстно, разнообразны до безконечности. Однако и здѣсь сила вещей беретъ свое. И тутъ главныя односторонности взглядовъ опредѣляются присущею самимъ вещамъ противоположностью началъ. Вслѣдствіе этого, мы находимъ здѣсь туже самую противоположность, которая является и на раціоналистической почвѣ, ибо, какъ сказано, существенные элементы и здѣсь и тамъ одинаковы: съ одной стороны развивается индивидуалистическая теорія, съ другой стороны теорія нравственная.

Индивидуалистическая теорія представляетъ возвращеніе къ точкѣ зрѣнія XVIII-го вѣка; но она становится уже на практическую почву. Вмѣсто теоретическихъ разглагольствованій о свободѣ и о правахъ человѣка, указываются неисчислимыя выгоды самодѣятельности. Выставляется и типическій образецъ основаннаго на ней общественнаго быта — Соединенные Штаты. Эту именно точку зрѣнія во многихъ своихъ сочиненіяхъ развивалъ, между прочимъ, Лабулэ. Все въ этой системѣ предоставляется свободнымъ усиліямъ общества, какъ совокупности частныхъ лицъ; за государствомъ остается только охраненіе порядка. Это—то воззрѣніе, которое Лассаль называлъ понятіями ночнаго сторожа, и противъ котораго онъ возражалъ, что оно было бы приложимо единственно въ томъ случаѣ, еслибы всѣ были одинаково сильны, умны, образованны и

богаты. Можно прибавить, что оно было бы вѣрно, еслибы у всей этой массы лицъ, соединенныхъ въ общество, не было никакихъ совокупныхъ интересовъ, требующихъ общаго управленія. Противникамъ этого взгляда не трудно было исторически и фактически доказать всю пользу, проистекающую отъ дѣятельности государства. Въ такой исключительности это воззрѣніе оказывается вполнѣ несостоятельнымъ. Самодѣятельность безспорно составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ всякаго образованнаго общежитія; но для нея остается весьма значительный просторъ и безъ умаленія дѣятельности государства.

Въ совершенно противоположную крайность впадаетъ нравственная теорія. Если въ индивидуализмѣ преувеличивается начало свободы, то здѣсь, напротивъ, оно чрезмѣрно умаляется. Нравственная теорія, господствующая нынѣ въ Германіи, является возвращеніемъ, на положительной почвѣ, къ теоріи Вольфа. Поэтому она страдаетъ тѣми же коренными недостатками. И въ ней происходитъ смѣшеніе нравственности, не только съ правомъ, но и съ экономическими началами, и вслѣдствіе того извращеніе тѣхъ и другихъ. Право перестаетъ быть выраженіемъ свободы; оно становится орудіемъ для осуществленія, путемъ принужденія, всѣхъ общественныхъ цѣлей, которымъ, во имя нравственнаго начала, вполнѣ подчиняются личныя. Это не болѣе какъ внѣшняя механика, въ которой нуждается нравственность, чтобы осуществиться въ мірѣ и найти истинный путь къ добру. Право и нравственность представляются, съ этой точки зрѣнія, какъ двѣ формы одного и того же опредѣленія личной воли, одно дѣйствующее извнутри, другое извнѣ. Вслѣдствіе этого, съ частнымъ правомъ произвольно связывается понятіе о нравственной обязанности, и частное право возводится на степень публичнаго. Точно также и экономическая дѣятельность перестаетъ быть проявленіемъ личной энергіи; она становится исполненіемъ нравственнаго долга: предприниматель и работникъ превращаются въ должностныхъ лицъ, на которыхъ возлагается извѣстное общественное служеніе. При такомъ воззрѣніи, опека государства принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры. По выраженію Іеринга, одного изъ главныхъ представителей этого направленія, «прогрессъ въ развитіи права и государства состоитъ въ постоянномъ возвышеніи требованій, которыя оба предъявляютъ лицу. Общество становится все прихотливѣе и взыскательнѣе, ибо каждая удовлетворенная потребность носитъ

въ себѣ зачатокъ новой» [1]). Самое государство является здѣсь только орудіемъ въ рукахъ новаго Левіаѳана, Общества, которое представляется столь же безпредѣльнымъ, сколько неопредѣленнымъ. Оно образуетъ цѣльное органическое, или даже сверхорганическое тѣло, которое простирается на всю землю и заключаетъ въ себѣ всѣ человѣческія цѣли. На возгласъ лица: «міръ существуетъ для меня», оно отвѣчаетъ: «ты существуешь для міра! У тебя нѣтъ ничего для тебя одного; вездѣ общество является твоимъ партнеромъ, который требуетъ участія во всемъ, что ты имѣешь, въ тебѣ самомъ, въ твоей рабочей силѣ, въ твоемъ тѣлѣ, въ твоихъ дѣтяхъ, въ твоемъ имуществѣ» [2]). Общество, черезъ посредство государства, направляетъ самостоятельныя движенія всѣхъ своихъ членовъ и производитъ изъ нихъ общее движеніе, сообразное съ сохраненіемъ цѣлаго и частей, обращая на пользу цѣлаго все безконечное разнообразіе случайностей. Оно распредѣляетъ каждому права и обязанности, смотря по его призванію и назначенію въ общемъ организмѣ; оно устрояетъ каждый органъ и каждое занятіе по его внутренней цѣлесообразности въ жизни цѣлаго. Личный элементъ долженъ быть воспитанъ для общей задачи, соединенъ съ другими элементами въ одну совокупную силу и слитъ съ ними въ единое мышленіе, чувство и волю. Однимъ словомъ, отдѣльное лице становится тутъ органомъ миѳическаго тѣла; свобода состоитъ единственно въ исполненіи общественнаго назначенія. По теоріи Шеффле, реальною наименьшею единицею является даже вовсе не лице, а учрежденіе, составленное изъ лицъ и имуществъ; лице же получается только путемъ анализа и отвлеченія. Это не болѣе какъ элементъ общественной ткани [3]).

Столь чудовищные выводы очевидно совпадаютъ съ требованіями соціалистовъ. Нравственный реализмъ подаетъ руку самому крайнему идеализму. Въ этомъ выражается глубочайшее внутреннее его противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, эта школа хочетъ держаться на реальной почвѣ, а между тѣмъ, исходною точкою служитъ для нея начало вовсе не реальное, а идеальное, и во имя этого начала она

---

[1]) Der Zweck im Recht, стр. 501; ср. стр. 304—305, 434—5; Schäffle: Bau und Leben d. soc. Körp. I, стр. 594, 628.

[2]) Der Zweck im Recht, стр. 73, 521.

[3]) Bau und Leben d. soc. Körp. I, стр. 276—7, 638—9, 817; IV, стр. 219, 361 и мн. др.

хочетъ передѣлать весь дѣйствительный міръ. Отсюда двойственное направленіе у представителей этой школы: съ одной стороны, они хотятъ нравственность, а съ нею и право, превратить, вопреки существу ихъ, въ чисто реальныя начала; съ другой стороны, стараясь уловить нравственность, которая есть обращенное къ дѣйствительности метафизическое требованіе, они принуждены возвышаться въ покинутый ими идеальный міръ и тамъ тщетно искать какой нибудь твердой опоры для своихъ представленій. Особенно ярко это противорѣчіе выразилось у Шеффле. Онъ признаетъ, что «живая этика, сила нравственности и права, имѣетъ свою послѣднюю опору въ неизгладимой отличительной чертѣ нашего человѣческаго существа. Безъ дѣйствія идеалистическихъ мотивовъ исторія культуры не могла бы сообщить нравственное направленіе нашему эмпирически человѣческому общественному быту». Нравственность и право, говоритъ онъ далѣе, «развиваются изъ своего зародыша, изъ апріорныхъ элементовъ человѣческаго духа». Но рядомъ съ этимъ онъ утверждаетъ, что «хотя факты этики развиваются подъ могучимъ вліяніемъ идеальнаго и религіознаго стремленія нашей духовной природы, однакоже, по своему содержанію, они принадлежатъ къ эмпирическому развитію нашей общественной природы. Матеріальныя начала этики имѣютъ эмпирическій характеръ». И эта послѣдняя точка зрѣнія приводитъ его наконецъ къ тому, что онъ прямо отвергаетъ всякія, по его выраженію, трансцендентальныя подтасовки: «Мы отрекаемся, говоритъ онъ, отъ всякаго мистическаго объясненія права и нравственности и основываемъ оба начала на духовной и физической силѣ, точнѣе, на стремленіи къ самосохраненію историческихъ носителей физическаго и духовнаго превосходства» [1]). Выше мы видѣли у Іеринга выводъ права изъ силы и всѣ проистекающія отсюда несообразности и колебанія; здѣсь же самая нравственность выводится изъ силы, притомъ не только умственной, но и физической. Трудно найти примѣръ болѣе уродливаго извращенія понятій.

Очевидно, что эти двѣ противоположныя школы, развивающіяся на почвѣ реализма, представляютъ собою два противоположные элемента человѣческаго общежитія; ясно и то, что для правильнаго пониманія общественныхъ отношеній требуется ихъ сочетаніе. Въ дѣйствитель-

---

[1]) Bau und Leben d. soc. Körp. I, стр. 583, 599, II стр. 66.

ности это сочетаніе всегда существуетъ; всесторонне изучая явленія, мы найдемъ въ нихъ все то разнообразіе отношеній, которое вытекаетъ изъ взаимнодѣйствія обоихъ элементовъ. Но уже самое это разнообразіе указываетъ на необходимость высшаго мѣрила. Мы не можемъ довольствоваться дѣйствительностью; мы должны обсудить самую закономѣрность дѣйствительности, а для этого необходимо отъ явленій возвыситься къ началамъ. Сочетаніе противоположностей съ точки зрѣнія чисто практической не въ состояніи привести ни къ чему, кромѣ эклектическаго сопоставленія разнородныхъ системъ на основаніи личнаго вкуса; ибо, какъ уже было замѣчено выше, тамъ, гдѣ нѣтъ общаго мѣрила, отъ личнаго вкуса зависитъ, которому изъ безчисленнаго множества частныхъ соображеній мы отдадимъ предпочтеніе. Для того чтобы отъ субъективныхъ взглядовъ возвыситься къ объективнымъ, отъ случайнаго и внѣшняго сочетанія элементовъ къ систематическому пониманію внутренней ихъ связи, нужно установить твердыя начала, которыя могли бы служить намъ руководствомъ при обсужденіи явленій. А для этого, въ свою очередь, необходимо отрѣшиться отъ чисто реалистической точки зрѣнія и вступить въ область метафизики. Ибо тѣ начала, на которыхъ строится человѣческое общежитіе, свобода, право, нравственность, суть начала метафизическія, имѣющія свой корень въ метафизической природѣ человѣка, раскрываемой намъ самосознаніемъ. Только тамъ мы найдемъ и причину явленій и мѣрило для ихъ оцѣнки.

Предшествующее развитіе философской мысли даетъ намъ уже всѣ данныя для рѣшенія этой задачи; а подвинутое реализмомъ изученіе явленій исторіи и жизни служитъ имъ провѣркою и подтвержденіемъ. Мы имѣемъ тутъ два пути, восполняющіе другъ друга, и оба равно необходимые. Ибо только тѣ начала имѣютъ въ себѣ внутреннюю силу, которыя способны осуществиться въ дѣйствительномъ мірѣ: идеалы не падаютъ съ неба, а служатъ высшимъ выраженіемъ того, что̀ готовится жизнью. А съ другой стороны, въ безконечномъ разнообразіи дѣйствительности, гдѣ въ безпрерывно измѣняющихся сочетаніяхъ перемѣшиваются добро и зло, только тѣ явленія заслуживаютъ одобренія и подражанія, которыя соотвѣтствуютъ признаннымъ разумомъ началамъ общественнаго порядка. Только въ этихъ началахъ человѣкъ можетъ обрѣсти руководство и для своей дальнѣйшей дѣятельности, ибо они одни

указываютъ ему не только то, что есть, но и то, что должно быть. Такимъ образомъ, сочетаніе умозрѣнія и опыта, восполняющихъ другъ друга, одно въ состояніи дать человѣку твердыя основанія, какъ для теоретическаго пониманія явленій, такъ и для практической дѣятельности, и только въ этомъ сочетаніи можно обрѣсти тотъ высшій синтезъ всѣхъ общественныхъ наукъ, къ которому стремится современная мысль.

На этой почвѣ насъ занимаетъ прежде всего вопросъ о значеніи государства и объ его отношеніи къ обществу. Что же такое государство? Каковы его природа и свойства?

Мы видѣли, что къ обществу вообще и къ экономическому обществу въ особенности понятіе объ организмѣ неприложимо. Посмотримъ, приложимо ли оно къ государству, и если приложимо, то въ какомъ смыслѣ? Идеалистическая философія выработала это понятіе, противопоставивъ его индивидуалистическому взгляду, который видитъ въ государствѣ одно внѣшнее соединеніе лицъ, сохраняющихъ каждое свою самостоятельность и связанныхъ единственно договоромъ. Оправдывается ли это воззрѣніе фактами?

Организмомъ въ собственномъ смыслѣ мы называемъ единое тѣло, котораго части служатъ органами цѣлаго, или орудіями для его жизненныхъ отправленій. Слѣдовательно, понятіе объ организмѣ приложимо единственно къ такому предмету, который представляется какъ единое тѣло, имѣющее внутреннюю жизнь, или какъ живая особь. Таково ли государство?

Государство есть постоянный союзъ лицъ, дѣйствующихъ какъ одно цѣлое. Это—фактъ. Всѣ государства въ мірѣ носятъ на себѣ этотъ признакъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что государство составляетъ единое общественное тѣло. Но этотъ терминъ употребляется здѣсь только въ переносномъ значеніи. Тѣломъ въ собственномъ смыслѣ называется вещь, которой части имѣютъ постоянную физическую связь. Такой связи нѣтъ между особями, образующими государство. Каждая изъ нихъ живетъ и движится отдѣльно отъ другихъ. Тутъ связь не физическая, а духовная. Поэтому государство можетъ быть названо тѣломъ только въ переносномъ смыслѣ, не какъ физическое, а какъ духовное тѣло. Въ чемъ же состоитъ эта связь?

Она не дается единствомъ физическаго происхожденія. Послѣднее, безспорно, рождаетъ общность народнаго духа, которая составляетъ

важнѣйшую опору государственнаго порядка; но само оно не образуетъ политической связи. Люди, принадлежащіе къ одной народности, могутъ быть членами разныхъ государствъ, и наоборотъ, одно и тоже государство можетъ заключать въ себѣ разныя народности. Эти два начала не совпадаютъ.

Постоянная связь не дается и единствомъ интересовъ, хотя послѣднее составляетъ также необходимое условіе для установленія прочнаго государственнаго союза. Единство интересовъ существуетъ и между различными государствами, находящимися въ постоянныхъ торговыхъ отношеніяхъ или имѣющими общихъ враговъ. Для установленія политической связи нужно, чтобы къ единству интересовъ прибавилось нѣчто иное.

Недостаточно и единства мыслей и вѣрованій. На этомъ началѣ можетъ основаться не конкретный, а отвлеченный человѣческій союзъ, представляющій постоянную связь мыслей и чувствъ, а не дѣйствій. Такова по существу своему церковь; это — союзъ вѣрующихъ, соединенныхъ общимъ отношеніемъ къ Божеству. Однако и церковь не ограничивается такого рода отвлеченнымъ единствомъ; въ конкретныхъ своихъ проявленіяхъ она къ единству вѣры присоединяетъ единство управленія, то есть, къ общенію мыслей присовокупляется союзъ воль.

Послѣднее и составляетъ истинное основаніе всякаго прочнаго общественнаго соединенія. Общественная связь состоитъ въ томъ, что люди соединяютъ свои воли для совокупнаго дѣйствія. Изъ такого соединенія образуется единое цѣлое, когда въ немъ устанавливается единая постоянная воля, которая считается волею всего союза, и которой подчиняются воли отдѣльныхъ членовъ. Подобный союзъ можно въ переносномъ смыслѣ назвать духовнымъ или нравственнымъ тѣломъ, принимая слово нравственный въ смыслѣ всего, что относится къ волѣ, а таково именно государство.

Отсюда ясно, что понятіе объ организмѣ приложимо единственно къ такому союзу, въ которомъ существуетъ единство воль, ибо только подобный союзъ образуетъ то, что можно назвать общественнымъ тѣломъ. Но при этомъ всякое уподобленіе физическому организму, а тѣмъ болѣе всякія построенія на основаніи аналогій, совершенно неумѣстны. Физическая связь, соединяющая части матеріальной особи, тутъ не существуетъ, а есть связь совершенно инаго рода,

связь нравственная, изъ которой вытекаютъ своего рода отношенія, не имѣющія ни малѣйшаго подобія въ матеріальномъ мірѣ.

Сущность этихъ отношеній состоитъ въ томъ, что соединяются свободныя лица, изъ которыхъ каждое, съ одной стороны, является само себѣ цѣлью и абсолютнымъ центромъ своихъ дѣйствій, а съ другой стороны признаетъ надъ собою господство высшаго закона, связывающаго его волю съ волею другихъ. Оба эти начала, свобода съ вытекающимъ изъ нея правомъ, и господствующій надъ нею нравственный законъ, въ основаніи своемъ суть начала метафизическія, а такъ какъ ими опредѣляются всѣ общественныя отношенія, то очевидно, что мы вращаемся здѣсь въ чисто метафизической области, совершенно выходящей изъ предѣловъ физическихъ явленій. А потому, чѣмъ болѣе мы отрекаемся отъ метафизики, тѣмъ менѣе мы поймемъ общественныя отношенія. Отсюда всѣ несообразности современной соціологіи.

Метафизическими началами опредѣляется и общественное единство. То цѣлое, котораго свободныя лица являются членами, не есть нѣчто видимое и осязаемое, какъ физическое тѣло; единство тутъ чисто мыслимое. А между тѣмъ, мы этому мыслимому существу присвоиваемъ права и обязанности, мы признаемъ его лицемъ, мы приписываемъ ему волю, и хотя въ дѣйствительности эта воля можетъ выразиться только въ волѣ единичныхъ особей, однако мы волю этихъ особей признаемъ волею цѣлаго, и только на этомъ основаніи мы ей подчиняемся, ибо воля другаго единичнаго существа для насъ нисколько не обязательна. Отсюда ученіе о такъ называемыхъ юридическихъ или нравственныхъ лицахъ, которыя можно назвать юридическими фикціями, но фикціями, вытекающими изъ самой природы вещей. Для послѣдователей реализма они остаются совершенно непонятными, а между тѣмъ, они созданы и поддерживаются жизненною необходимостью.

Въ самомъ дѣлѣ, все это безконечно сложное метафизическое построеніе, все это признаніе невидимыхъ и неосязаемыхъ, реально несуществующихъ, а чисто воображаемыхъ лицъ, не есть одно пустое мечтаніе. Это—міровой фактъ. Человѣчество этимъ искони жило, живетъ и всегда будетъ жить, ибо эти начала составляютъ неизгладимую потребность его сверхчувственной природы. Даже въ нашъ реалистическій вѣкъ эта потребность проявляется съ неотразимою силою. Господствующее нынѣ начало народности ничто иное какъ

стремленіе превратить общую, неопредѣленную духовную стихію въ единое, хотя и мыслимое лице, представляющее собою всю послѣдовательную цѣпь смѣняющихся поколѣній. Этому метафизическому лицу, подъ именемъ отечества, человѣкъ всегда приносилъ и готовъ приносить въ жертву всѣ свои блага, даже самую свою жизнь. Съ этого міроваго факта современные соціологи взяли и свое понятіе объ общественномъ организмѣ; но стараясь метафизическій фактъ низвести на степень физическаго явленія, они извращаютъ его существо, и на мѣсто идеальной дѣйствительности ставятъ только уродливыя созданія собственнаго воображенія.

Чѣмъ же опредѣляется въ человѣческихъ обществахъ отношеніе членовъ къ идеальному цѣлому? Тѣмъ началомъ, которое связываетъ лица и составляетъ основаніе ихъ соединенія, а именно, тою цѣлью, которая имѣется въ виду. Люди соединяютъ свои воли для совокупнаго дѣйствія, а всякое дѣйствіе предполагаетъ извѣстную цѣль; во имя общей цѣли свобода подчиняется закону. Эти цѣли могутъ быть разнообразны; онѣ бываютъ частныя и общія, временныя и постоянныя. Отсюда безконечное разнообразіе союзовъ. Временная цѣль образуетъ случайныя и преходящія соединенія; постоянная цѣль создаетъ прочные союзы. Если цѣль идетъ на нѣсколько поколѣній, то установляется юридическое лице, которое сохраняется неизмѣннымъ при непрерывной смѣнѣ входящихъ въ составъ его физическихъ лицъ. Черезъ это оно получаетъ объективное, независимое отъ ихъ воли значеніе. И чѣмъ необходимѣе цѣль, чѣмъ она шире и чѣмъ глубже она лежитъ въ потребностяхъ человѣческой природы, тѣмъ болѣе объективный характеръ получаютъ основанные на ней союзы. Вновь появляющіяся на свѣтъ лица рождаются уже ихъ членами и пребываютъ въ нихъ въ теченіи всей своей жизни. Тутъ образуются связи, которыя, не уничтожая свободы человѣка, охватываютъ однако всѣ стороны его существованія. Подобные союзы перестаютъ уже быть созданіями субъективной воли; они становятся объективными явленіями всемірнаго духа, къ которымъ лице примыкаетъ и въ которыхъ оно находитъ исполненіе своего человѣческаго назначенія.

Изъ всѣхъ этихъ цѣлей высшая — цѣль государственная; поэтому государство является верховнымъ союзомъ на землѣ. Всѣ другія цѣли — частныя и ограниченныя. Цѣль семейнаго союза состоитъ въ счастіи преходящихъ существъ, съ смертью которыхъ союзъ

разрушается и замѣняется новымъ. Цѣли гражданскихъ союзовъ всѣ имѣютъ характеръ частный или мѣстный. Цѣль союза церковнаго, по своему нравственному значенію, высшая, какая существуетъ для человѣка; но она точно также имѣетъ характеръ односторонній и отвлеченный: она ограничивается нравственно-религіозною областью и не простирается на то безчисленное сплетеніе отношеній, которое образуетъ свѣтское общество и управляется началами права. Одна государственная цѣль совокупляетъ въ себѣ всѣ общественные интересы. Въ ней неразрывно связываются оба противоположныя начала общежитія, нравственность и право. Черезъ это однако нравственность въ собственномъ смыслѣ не дѣлается принудительною, ибо личная нравственность остается внѣ сферы государственной дѣятельности. Но осуществляя общее благо, которое есть нравственное начало, государство тѣмъ самымъ даетъ нравственности объективный характеръ; оно вноситъ ее въ область юридическую. Для частнаго лица, нравственная дѣятельность составляетъ явленіе его свободы; для государства и его органовъ, осуществленіе общаго блага составляетъ не только нравственную, но и юридическую обязанность.

Это понятіе о государствѣ, какъ о верховномъ союзѣ, соединяющемъ въ себѣ всѣ общественныя цѣли, было развито идеалистическою философіею, и оно вполнѣ соотвѣтствуетъ явленіямъ жизни. Всѣ государства въ мірѣ всегда такъ понимали свою задачу и дѣйствовали въ этомъ смыслѣ. Стремленіе же ограничить дѣятельность государства тою или другою областью всегда было плодомъ односторонняго развитія мысли, которое шло наперекоръ дѣйствительности и устранялось болѣе полнымъ пониманіемъ предмета.

Это не значитъ однако, что цѣль государства должна поглощать въ себѣ остальныя. Напротивъ, всѣ частныя цѣли остаются каждая въ своей сферѣ, ибо только черезъ это сохраняются и свобода человѣка и самостоятельность отдѣльныхъ союзовъ. Государство же беретъ на себя исполненіе той совокупной цѣли, которая осуществляется совокупными силами. Государство есть союзъ, воздвигающійся надъ другими, а не поглощающій ихъ въ себѣ. Но для того чтобы сохранялась гармонія въ цѣломъ, необходимо, чтобы частныя цѣли подчинялись общей. Поэтому государство должно властвовать надъ другими союзами. Въ этомъ именно состоитъ его

отличительный признакъ. Государство есть союзъ, облеченный верховною властью.

По идеѣ, эта власть принадлежитъ цѣлому надъ частями. Именно поэтому она и есть верховная. Но такъ какъ цѣлое есть лице мыслимое, а не реальное, то оно нуждается въ органѣ, выражающемъ его волю. Это—опять одно изъ тѣхъ метафизическихъ представленій, которыя необходимо вытекаютъ изъ самаго существа предмета.

Устройство этого органа можетъ быть различно. Власть можетъ сосредоточиваться въ одномъ лицѣ или присвоиваться многимъ; она можетъ даже образовать цѣлую систему учрежденій, призываемыхъ къ совокупному рѣшенію. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Но каково бы ни было ея устройство, верховная власть одна не въ состояніи осуществлять государственную цѣль. Она, въ свою очередь, нуждается въ органахъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое назначеніе, сообразно съ расчлененіемъ самой государственной идеи, или той совокупной цѣли, которую требуется осуществить. Отсюда возникаетъ система органовъ, или организмъ учрежденій, замѣщаемыхъ лицами, которыя являются служителями государства, призванными исполнять верховную его волю. Вслѣдствіе этого, государство можетъ быть названо организмомъ, при чемъ однако не надобно забывать, что это организмъ не физическій, а нравственный, основанный на единеніи воль. Идея тутъ иная, нежели въ физическомъ организмѣ, а потому и расчлененіе иное. Всякія аналогіи тутъ опять неумѣстны.

Этимъ органическимъ строеніемъ не исчерпывается однако существо государства. Кромѣ органическаго элемента, есть въ немъ и элементъ неорганическій. Государство не представляетъ собою только систему учрежденій; это—союзъ свободныхъ лицъ, а свобода, по существу своему, есть начало неорганическое. Свободное лице не можетъ быть только органомъ цѣлаго, единицею, занимающею указанное ей мѣсто и исполняющею указанное ей назначеніе. Оно—само себѣ цѣль и абсолютное начало своихъ дѣйствій. Таковымъ оно остается и въ государствѣ. Повинуясь верховной его власти, оно сохраняетъ въ значительной степени право дѣйствовать по собственному усмотрѣнію и по собственной иниціативѣ. Если это право ему не предоставлено, то свобода исчезаетъ. Поэтому, во всякомъ государствѣ, не смотря на органическій его характеръ, всегда существуетъ

область, гдѣ частное преобладаетъ надъ общимъ, и чѣмъ шире свобода, тѣмъ обширнѣе эта область. Это относится не только къ сферамъ, принадлежащимъ къ другимъ союзамъ, но и къ чисто политическимъ отношеніямъ. Вліяніе общественнаго мнѣнія, газеты, политическія собранія, партіи, все это—явленія неорганической стороны политическаго порядка. Жизнь государства состоитъ во взаимнодѣйствіи обоихъ элементовъ, при чемъ однако органическое начало всегда должно оставаться преобладающимъ, ибо оно составляетъ истинное существо политическаго союза. Свобода на столько можетъ получить въ немъ простора, на сколько она способна сочетаться съ органическимъ началомъ. Только въ революціонныя времена неорганическій элементъ беретъ перевѣсъ; но именно поэтому подобный порядокъ не можетъ быть продолжителенъ. Революціи являются лишь переходными моментами въ государственной жизни и скоро уступаютъ мѣсто нормальному ходу, который состоитъ въ правильномъ развитіи законнаго порядка. Государство, какъ организмъ, держится преобладаніемъ органическаго строя надъ бродячими стихіями, а такъ какъ этотъ организмъ осуществляетъ въ себѣ высшія цѣли человѣка, то прочность органическаго строенія составляетъ самый существенный интересъ гражданъ.

Таковы основныя черты политическаго союза. Совершенно иной характеръ имѣетъ гражданское общество. Для того чтобы опредѣлить его значеніе, мы должны прежде всего разсмотрѣть: что называется обществомъ въ отличіе отъ государства? Этотъ вопросъ имѣетъ существенную важность именно въ настоящее время, гдѣ подъ именемъ общества воздвигаются всякаго рода туманныя представленія, посредствомъ которыхъ стараются уничтожить самостоятельное значеніе лица. Точное установленіе понятій тутъ вдвойнѣ необходимо.

Обществомъ въ обширномъ смыслѣ называется всякое постоянное, и даже временное человѣческое соединеніе, въ какой бы формѣ оно ни происходило. Въ этомъ смыслѣ государство будетъ извѣстнаго рода обществомъ. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о человѣческомъ обществѣ, какъ о явленіи, обнимающемъ все человѣчество. Но это не болѣе, какъ самое отвлеченное родовое названіе, въ которомъ не заключается ничего, кромѣ обозначенія извѣстной связи между людьми. Между тѣмъ, именно это отвлеченное понятіе принимается нѣкоторыми современными писателями за реальное тѣло, даже за организмъ, ко-

торому приписываются извѣстныя требованія и права надъ отдѣльными лицами.

Это воззрѣніе возникло впервые на почвѣ идеализма. Въ этой области, при нѣкоторой неясности мыслей, легко было смѣшать отвлеченное понятіе съ дѣйствительнымъ предметомъ. Именно это и произошло въ школѣ Краузе, у котораго смутныя представленія объ организмѣ и органическихъ отношеніяхъ слишкомъ часто замѣняли точность опредѣленій. Одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей этой школы, Аренсъ, видитъ въ обществѣ внѣшній организмъ человѣчества, который въ свою очередь развивается въ двойномъ рядѣ организмовъ: съ одной стороны въ личныхъ союзахъ, идущихъ въ восходящемъ порядкѣ отъ единичнаго лица къ цѣлому человѣчеству, съ другой стороны въ частныхъ организмахъ, осуществляющихъ въ себѣ различныя человѣческія цѣли. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и государство, задача котораго состоитъ въ осуществленіи права. Такимъ образомъ, государство является какъ будто отдѣльнымъ, частнымъ союзомъ среди другихъ, и такимъ именно оно признается Аренсомъ. Но такъ какъ подъ именемъ права въ этой школѣ разумѣется совокупность всѣхъ зависящихъ отъ человѣка условій для осуществленія человѣческихъ цѣлей, то съ этой стороны государство становится верховнымъ распорядителемъ всѣхъ общественныхъ сферъ. Оно не только доставляетъ имъ всѣ нужныя средства для исполненія ихъ назначенія, но оно сохраняетъ между ними должный порядокъ, удерживая каждый отдѣльный организмъ на принадлежащемъ ему мѣстѣ и установляя между ними органическія отношенія. Вслѣдствіе этого, Аренсъ прямо говоритъ, что «конечная цѣль государства столь же всеобъемлюща и всемірна, какъ и самое человѣческое назначеніе» [1]).

Это идеалистическое воззрѣніе, которое грѣшитъ, съ одной стороны, смутнымъ представленіемъ объ организмѣ, съ другой стороны невѣрнымъ опредѣленіемъ права, а вслѣдствіе того и государства, было усвоено реалистами нравственной школы. Но у послѣднихъ отвлеченное понятіе объ обществѣ превратилось уже въ общественное тѣло, развивающее изъ себя свои элементы и органы, на подобіе физическаго организма. Мы видѣли тѣ безобразныя пред-

---

1) См. Die organische Staatslehre.

ставленія, къ которымъ эти аналогіи привели Шеффле. Государство является здѣсь центральнымъ аппаратомъ, органомъ воли и силы, аналогическимъ съ центральною частью двигательной нервной системы. Только неполному еще развитію совокупнаго тѣла человѣческаго рода приписывается то, что эти центральные органы являются пока разсѣянными и самостоятельными, въ видѣ отдѣльныхъ государствъ: съ дальнѣйшимъ совершенствованіемъ, всѣ эти разбросанныя части должны совокупиться во едино, и тогда, безъ сомнѣнія, установится одинъ общій центральный органъ для всего человѣчества [1]).

Можно спросить: гдѣ же мы обрѣтаемъ совокупное органическое тѣло, если всѣ части доселѣ находятся въ разбродѣ? Никто никогда не видалъ, чтобы руки и ноги, или части нервной системы и мускульной, возникали отдѣльно и затѣмъ соединялись въ общій организмъ. Самъ Шеффле, говоря о развитіи человѣчества, уподобляетъ его не росту отдѣльнаго организма, а развитію цѣлаго животнаго царства, надъ которымъ, въ дальнѣйшемъ движеніи, воздвигается новое царство личностей. Но развѣ животное царство составляетъ единый организмъ? Почему же царство личностей вдругъ превратилось въ единое общественное тѣло? Напрасно Шеффле ссылается на то, что въ человѣкѣ заложены такія способности, въ силу которыхъ «раздробленное и преходящее единство органической жизни можетъ переходить и дѣйствительно переходитъ въ новаго рода общеніе жизни, обнимающее всю землю и не прекращающееся въ теченіи всей земной исторіи» [2]). Въ дѣйствительности мы не видимъ такого всеобъемлющаго общенія, которое бы изъ всего человѣческаго рода образовало единое общественное тѣло. Можно спорить о томъ, считать ли это представленіе идеаломъ будущаго или нѣтъ, но нельзя говорить о немъ, какъ о чемъ то существующемъ, и строить на этой гипотезѣ цѣлое фантастическое зданіе. И это выдается за реализмъ!

Того же направленія держится и Іерингъ. Онъ опредѣляетъ общество, какъ «дѣйствительную организацію жизни для и черезъ другихъ, и—въ силу того, что единичное лице только черезъ другихъ есть лучшее, что́ оно есть,—вмѣстѣ съ тѣмъ какъ необходимую форму жизни для себя; поэтому, оно въ дѣйствительности составляетъ форму

---

1) Bau und Leben d. soc. Körpers, I, стр. 639, 671, 842 и мн. др.

2) Тамъ же, стр. 28.

человѣческой жизни вообще. Человѣческая и общественная жизнь равнозначительны». Отсюда Iерингъ выводитъ, что «понятіе объ обществѣ только отчасти совпадаетъ съ понятіемъ о государствѣ», именно «на столько, на сколько общественная цѣль для своего осуществленія нуждается въ принужденіи. А въ этомъ она нуждается лишь въ незначительной степени.... Государство съ своимъ правомъ вмѣшивается только здѣсь и тамъ, насколько это неизбѣжно, чтобы предохранить отъ нарушенія тотъ порядокъ, который эти цѣли сами себѣ создали».... «Но и географически, продолжаетъ Iерингъ, области общества и государства не совпадаютъ; послѣднее кончается предѣлами своей территоріи, первое распространяется на всю землю. Ибо положеніе: «каждый существуетъ для другихъ» имѣетъ силу для всего человѣчества, и направленіе общественнаго движенія неудержимо идетъ къ тому, чтобы осуществить его географически все въ большихъ размѣрахъ». Однако же это самое стремленіе ведетъ и къ расширенію государства. Общество, говоритъ Iерингъ, должно имѣть гарантіи, что каждый на своемъ мѣстѣ будетъ исполнять то требованіе, на которомъ зиждется все бытіе общественнаго союза, требованіе, выражающееся въ формулѣ: «ты существуешь для меня»! Эти гарантіи оно находитъ въ принужденіи. Поэтому, «собственно говоря, государство и общество должны бы другъ друга покрывать, и какъ послѣднее распространяетъ свои руки на всю землю, такъ и государство, еслибы оно захотѣло быть тѣмъ, что оно есть по своей идеѣ, должно бы обнимать весь міръ». Къ этому на дѣлѣ и стремится государство, которое идетъ все расширяясь; «будущность человѣческаго рода состоитъ въ постоянно возрастающемъ сближеніи между государствомъ и обществомъ, до тѣхъ поръ пока, рука объ руку съ обществомъ, государство распространится на всю землю». Вмѣстѣ съ тѣмъ, государство должно поглотить въ себѣ и всѣ цѣли общества. «Если, говоритъ Iерингъ, можно сдѣлать заключеніе отъ прошедшаго къ будущему, то въ концѣ вещей оно восприметъ въ себя совокупное общество». И оба вмѣстѣ, въ этомъ процессѣ, постоянно возвышаютъ свои требованія въ отношеніи къ лицу; общество становится все прихотливѣе и требовательнѣе, пока наконецъ лице въ отчаяніи восклицаетъ: «довольно притѣсненія! я устало быть вьючнымъ скотомъ общества! Между мною и имъ должна существовать граница, за которою оно не въ правѣ вмѣшиваться въ мои отношенія, область свободы, которая исключительно должна

принадлежать мнѣ, и которую общество обязано уважать». Но общество, опираясь на реалистическую науку, отвѣчаетъ, что такой области нѣтъ, и что напрасно ее искать [1]).

Мы видимъ здѣсь, какимъ образомъ нравственное правило, что каждый существуетъ для другихъ, правило, обращающееся въ человѣческой совѣсти, и осуществляемое посредствомъ человѣческой свободы, въ рукахъ реалистической науки превращается въ собирательное существо, которое предъявляетъ лицу свои требованія и эти требованія проводитъ путемъ принужденія, до тѣхъ поръ пока наконецъ, охватывая человѣка со всѣхъ сторонъ и не оставляя ему ни единой точки, гдѣ бы онъ могъ свободно вздохнуть, оно душитъ его въ своихъ объятіяхъ. Подобное общество было бы чѣмъ то ужасающимъ для свободнаго существа, еслибы оно не было чистымъ миѳомъ. Это и было замѣчено Іерингу Даномъ.

Самъ родоначальникъ, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ родоначальниковъ органической теоріи, Аренсъ, въ позднѣйшее время увидѣлъ несостоятельность того понятія объ обществѣ, которое онъ полагалъ въ основаніе своей системы. Онъ старался замѣнить его болѣе конкретнымъ представленіемъ. «Понятіе объ обществѣ, говоритъ онъ, есть нѣчто туманное, отвлеченное и чисто формальное, которое должно получить свое содержаніе лишь отъ живаго цѣлаго. Это высшее живое цѣлое есть народъ въ единствѣ своей естественно-духовной совокупной личности... Государствомъ не исчерпывается весь жизненный порядокъ народа. Этотъ порядокъ образуетъ единый въ себѣ и расчленяющійся совокупный организмъ, въ которомъ, подобно тому что происходитъ и въ физическомъ организмѣ человѣка, существуетъ столько особыхъ организмовъ съ центральными органами, сколько есть существенно различныхъ отправленій для главныхъ жизненныхъ цѣлей. Всѣ эти организмы захватываютъ другъ друга; государство же между ними является какъ юридическій порядокъ силы и власти, который, посредствомъ единства и общности права, даетъ совокупной народной жизни внѣшнимъ образомъ познаваемое, единое и замкнутое въ себѣ совокупное устройство» [2]).

Какъ видно, ложный взглядъ Аренса на право и государство остался прежній. Но понятіе объ обществѣ измѣнилось значительно къ лучшему.

---

[1]) Der Zweck im Recht, стр. 95—97, 99, 305, 307—309, 501, 522, 536—37.

[2]) Naturrecht, II, стр. 323—324.

Здѣсь мы имѣемъ уже осязательный предметъ для мысли и изслѣдованія; изъ туманныхъ отвлеченностей мы спускаемся въ область дѣйствительности. Народъ не есть отвлеченное понятіе; это—живая единица, существующая и дѣйствующая въ исторіи. Но тутъ возникаетъ вопросъ: что такое народъ въ отличіе отъ государства? И можно ли дѣйствительно признавать его цѣльнымъ организмомъ?

Слово народъ, какъ извѣстно, имѣетъ двоякое значеніе, этнографическое и политическое. Народомъ въ этнографическомъ смыслѣ называется совокупность людей, имѣющихъ общее происхожденіе и говорящихъ однимъ языкомъ. Здѣсь связью единицъ является общая духовная стихія, не имѣющая никакой внѣшней организаціи; но поэтому самому, подобная единица не можетъ быть названа ни организмомъ, ни тѣломъ. Какъ уже было замѣчено выше, одна и таже народность можетъ входить въ разныя государства, и наоборотъ, въ одномъ государствѣ могутъ быть разныя народности. Для того чтобы народъ въ этнографическомъ смыслѣ образовалъ то, что можетъ называться единымъ тѣломъ, или общественнымъ организмомъ, надобно, чтобы онъ сдѣлался народомъ въ политическомъ смыслѣ, то есть, чтобы онъ устроился въ государство. Но здѣсь организація состоитъ именно въ образованіи государства; слѣдовательно, она не существуетъ помимо его. Поэтому нельзя говорить о народѣ, какъ организмѣ, котораго государство есть часть, а можно говорить о государствѣ, какъ организмѣ, въ которомъ проявляется извѣстная народность. Государство есть именно народъ, какъ единое цѣлое.

Справедливо однако, что въ этомъ цѣломъ, кромѣ государственнаго устройства, есть и другіе элементы, и здѣсь то мы должны искать истиннаго понятія объ обществѣ въ отличіе отъ государства. Самъ Аренсъ, кромѣ общества въ обширномъ смыслѣ, заключающаго въ себѣ всѣ отправленія народной жизни, признаетъ и общество въ тѣсномъ смыслѣ, которое оно опредѣляетъ, какъ договорное соединеніе лицъ для достиженія совокупной цѣли совокупными усиліями [1]). Общественнымъ правомъ онъ называетъ нормы, опредѣляющія дѣятельность этихъ мелкихъ единицъ. Однако Аренсъ не развилъ этой точки зрѣнія; становясь на нее, онъ усвоилъ себѣ только то, что съ гораздо большею полнотою было выработано

[1]) Naturrecht, II, стр. 256.

Робертомъ Молемъ, который понятіе объ обществѣ, какъ совокупности частныхъ союзовъ, противопоставилъ, съ одной стороны отдѣльнымъ лицамъ, съ другой стороны государству, какъ единому цѣлому.

Моль различаетъ въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, составляющемъ самостоятельный союзъ, три различныя сферы или состоянія: 1) многообразіе отдѣльныхъ личностей и ихъ взаимныя отношенія; 2) организованное ихъ единство, связывающее отдѣльныя воли въ совокупную волю, вооруженную совокупною силою и преслѣдующую совокупныя цѣли: это и есть государство; 3) стоящіе между обоими постоянные, самородные частные союзы, (naturwüchsige Genossenschaften), центромъ которыхъ служитъ извѣстный интересъ. Эти союзы могутъ быть организованные и неорганизованные; во всякомъ случаѣ, какъ самородныя созданія, группирующіяся около отдѣльнаго интереса, они существенно отличаются, какъ отъ единичнаго лица, которое всегда остается само себѣ центромъ, такъ и отъ государства, представляющаго единство цѣлаго. Совокупность ихъ Моль называетъ обществомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Сюда онъ причисляетъ сословія, общины, расы, общественные классы, возникающіе изъ отношеній труда и собственности, религіозныя общества и т. д [1]).

Противъ этого взгляда послѣдовали однако весьма существенныя возраженія. Они хорошо изложены у Трейчке [2]). Прежде всего, не видать, что̀ есть общаго во всѣхъ этихъ союзахъ? То, что каждый изъ нихъ представляетъ собою извѣстный интересъ, не можетъ служить связующимъ признакомъ, ибо интересы могутъ относиться къ совершенно разнороднымъ сферамъ, напримѣръ интересы религіозные и экономическіе. Не можетъ служить общимъ признакомъ и тождественность устройства, ибо одни изъ нихъ организованы, а другіе нѣтъ. Наконецъ, если эти союзы существенно отличаются отъ государства, то не видать, гдѣ граница ихъ въ отношеніи къ частной жизни. Выставленныя Молемъ отличительныя черты, какъ то, постоянство, значительность, распространеніе, какъ чисто количественныя опредѣленія, недостаточны для отдѣленія этихъ союзовъ отъ частныхъ товариществъ и соединеній, которыя управляются

[1]) Geschichte und Literatur des Staatswissenschaften, I, стр. 88 и слѣд.

[2]) H. v. Treitschke: Die Gesellschaftswissenschaft. Ein kritischer Versuch, 1859. Подобныя же возраженія высказалъ Блунчли въ Kritisch. Ueberschau.

началами частнаго права. Въ особенности неорганизованныя совокупленія лицъ ничѣмъ не отличаются отъ частныхъ отношеній. Отсюда Трейчке выводитъ, что подъ именемъ общества надобно разумѣть не одни постоянные союзы, но и всю совокупность частныхъ отношеній. Въ противоположность государству, которое представляетъ собою единство народной жизни, обществомъ будетъ называться совокупность «разнообразныхъ частныхъ стремленій частей народа, та сѣть всякаго рода зависимостей, которая возникаетъ изъ оборота» (стр. 81). Въ государствѣ господствуетъ начало общее, въ обществѣ—частное. Отсюда и раздѣленіе права на публичное и частное. Конечно, граница между ними подвижная: во всякое время могутъ встрѣтиться посредствующіе члены, о причисленіи которыхъ къ публичному или къ частному праву можно спорить. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ даже носить смѣшанный характеръ; но изъ этого не образуется самостоятельная юридическая область, управляемая своеобразными нормами. Существующее и признанное всѣми раздѣленіе достаточно.

Почти къ тѣмъ же результатамъ приходитъ и Лоренцъ Штейнъ въ своихъ изслѣдованіяхъ объ обществѣ. Онъ точно также исходитъ отъ противоположности между отдѣльнымъ лицемъ и единствомъ лицъ. Оба элемента являются какъ постоянные, непреложные факторы общественной жизни, состоящіе другъ къ другу въ необходимыхъ отношеніяхъ, которыя истекаютъ изъ самой ихъ природы. Лице представляетъ самостоятельную единицу, но для достиженія своихъ цѣлей оно нуждается въ соединеніи съ другими. Соединеніе отдѣльныхъ лицъ съ отдѣльными лицами въ области матеріальной образуетъ народное хозяйство, въ области духовной—общество. Вслѣдствіе органическаго характера, какъ лица, такъ и окружающей его внѣшней природы, общество является организмомъ, въ которомъ каждое лице, по своей природѣ, остается само себѣ цѣлью и старается свои отношенія къ другимъ обратить на собственную пользу. Это начало, въ силу котораго каждый членъ общества все относитъ къ себѣ, называется личнымъ интересомъ; оно проникаетъ всѣ общественныя отношенія. Общество исходитъ отъ лица и возвращается къ лицу; высшее развитіе лица и удовлетвореніе его интересовъ составляетъ здѣсь верховную цѣль. Между тѣмъ, интересы лицъ другъ другу противоположны. Отсюда возникаетъ борьба, которая неизбѣжно ведетъ къ распаденію общества. А такъ какъ

подобный исходъ противорѣчитъ собственнымъ задачамъ человѣка, то изъ этого рождается необходимость новаго, высшаго начала, которое бы сдерживало противоположные интересы и имѣло въ виду благо не частей, а цѣлаго. Такое начало является въ государствѣ. Въ немъ осуществляется новый организмъ, возвышающійся надъ разнородными стремленіями общества, а потому независимый отъ послѣднихъ и имѣющій начало въ самомъ себѣ. Такого рода организмъ называется личностью. Поэтому можно опредѣлить государство, какъ единство людей, ставшее самостоятельною и самодѣятельною личностью. Эти два организма, общественный и государственный неразрывно связаны другъ съ другомъ; взаимнымъ ихъ отношеніемъ опредѣляется все историческое движеніе народовъ [1]).

Въ этомъ ученіи Штейна мы видимъ дальнѣйшую разработку началъ, положенныхъ уже Гегелемъ, который, какъ извѣстно, изображалъ развитіе общественныхъ союзовъ въ трехъ ступеняхъ. Первую составляетъ семейство, союзъ естественный, гдѣ общее начало и личное находятся еще въ состояніи первобытной слитности. Вторую образуетъ гражданское общество, гдѣ лице, выдѣлившись изъ семейства, становится самостоятельнымъ центромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вступаетъ въ частныя отношенія къ другимъ таковымъ же лицамъ. Здѣсь развивается система частныхъ потребностей, которая опредѣляется правомъ и завершается возникновеніемъ частныхъ союзовъ, или корпорацій. Наконецъ, третью ступень составляетъ государство, какъ высшій организмъ, осуществляющій идею общественнаго единства [2]). Гегель шелъ чисто умозрительнымъ путемъ, развивая логически опредѣленія идеи; но здѣсь, какъ и вездѣ, правильное логическое построеніе совпадаетъ съ дѣйствительностью. Изучая фактическія явленія и распредѣляя ихъ по внутреннимъ признакамъ, мы приходимъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, какъ и умозрительная философія.

Гегель не назвалъ однако гражданскаго общества организмомъ, подобно Штейну; онъ это названіе присвоилъ исключительно государству, и въ этомъ онъ былъ правъ. Если гражданское общество представляетъ нѣкоторыя явленія, указывающія на распредѣленіе различныхъ общественныхъ отправленій между различными груп-

---

[1]) Die Gesellschaftslehre, стр. 26 и слѣд. (1856).
[2]) Philosophie des Rechts, Dritter Theil.

пами людей, каковы, например, сословія, то все же нельзя назвать организмомъ такое устройство, гдѣ части преобладаютъ надъ цѣлымъ, и гдѣ отдѣльное лицо, съ его частными правами и интересами, составляетъ основное начало. Въ гражданскомъ обществѣ неорганическій элементъ преобладаетъ надъ органическимъ, тогда какъ въ государствѣ, какъ мы видѣли, происходитъ обратное явленіе.

Точно также Гегель былъ правъ, когда онъ въ гражданское общество ввелъ систему экономическихъ отношеній, управляемыхъ юридическими нормами. Штейнъ отдѣляетъ экономическій порядокъ отъ общества, принимая послѣднее только какъ извѣстное устройство порядка нравственнаго; но онъ тутъ же признаетъ, что въ обществѣ порядокъ духовной жизни установляется подъ вліяніемъ собственности и ея распредѣленія, и самъ онъ далѣе опредѣляетъ общество, какъ порядокъ, возникающій изъ взаимнодѣйствія матеріальнаго и чисто духовнаго порядка. Содержаніе понятія объ обществѣ, говоритъ онъ, получается только тогда, когда мы изслѣдуемъ взаимное отношеніе обоихъ его факторовъ [1]).

Въ противоположную односторонность впадаютъ тѣ, которые понятіе объ обществѣ ограничиваютъ исключительно экономическимъ производствомъ, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, Эшеръ [2]). Экономическій интересъ составляетъ, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ въ гражданскихъ отношеніяхъ; но имъ не исчерпывается ихъ содержаніе. Лице имѣетъ и другіе интересы, которые оно осуществляетъ частнымъ образомъ, подъ охраною права, и все это входитъ въ область того, чтó, въ противоположность государству, можно назвать обществомъ.

Если мы, держась опытнаго пути, отправимся отъ различенія явленій по ихъ существеннымъ признакамъ, то всего вѣрнѣе опредѣлить общество, вмѣстѣ съ Трейчке, какъ совокупность частныхъ отношеній, возникающихъ изъ свободной дѣятельности лицъ. Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ различить политическое общество и гражданское, ибо и въ политическомъ союзѣ, какъ мы видѣли, есть частныя отношенія, возникающія изъ свободной дѣятельности лицъ. Съ этой точки зрѣнія, мы политическимъ обществомъ въ тѣсномъ смыслѣ назовемъ то, что мы выше назвали неорганическимъ эле-

---

1) Die Gesellschaftslehre, стр. 38, 205.

2) Handbuch der praktichen Politik, I, стр. 191.

ментомъ государства, то есть, свободную дѣятельность лицъ на политическомъ поприщѣ. Гражданскимъ же обществомъ мы назовемъ совокупность отношеній, принадлежащихъ къ частной сферѣ и опредѣляемыхъ частнымъ правомъ. Это и есть область противоположная государству, вслѣдствіе чего послѣднему слѣдуетъ противополагать не общество вообще, а именно гражданское общество. Эта противоположность лежитъ въ самой природѣ вещей. Философски, она полагается логически необходимою противоположностью частнаго и общаго, членовъ и цѣлаго, свободнаго единичнаго лица и общаго духа; юридически, она выражается въ признанной всѣми міровой противоположности частнаго права и публичнаго, наконецъ фактически, въ противоположеніи частной жизни общественной. Каждый изъ этихъ двухъ противоположныхъ, но равно необходимыхъ элементовъ человѣческаго сожительства образуетъ свой особый міръ человѣческихъ отношеній: люди, съ одной стороны, относятся другъ къ другу, какъ отдѣльныя лица къ отдѣльнымъ же лицамъ, съ другой стороны, состоя членами общихъ духовныхъ союзовъ, они относятся къ послѣднимъ, какъ члены къ цѣлому. И эти двоякаго рода отношенія всегда должны существовать рядомъ, не уничтожая другъ друга. Безъ первыхъ исчезаетъ самостоятельность, слѣдовательно и свобода лица; безъ послѣднихъ исчезаетъ единство. Мы видимъ здѣсь приложеніе того, что уже было указано выше, когда мы говорили о свободѣ.

Но такъ какъ эти двѣ области находятся въ постоянномъ взаимнодѣйствіи, то между ними неизбѣжно образуются посредствующія формаціи. Съ одной стороны, изъ среды гражданскаго общества возникаютъ частные союзы, имѣющіе постоянный, а потому болѣе или менѣе публичный характеръ, съ другой стороны государство, подпадая подъ вліяніе этихъ союзовъ, или превращая ихъ въ свои органы, даетъ имъ политическое значеніе. Отсюда двойственный характеръ этихъ союзовъ, вслѣдствіе котораго Моль хотѣлъ дать имъ особое мѣсто въ области юридическихъ наукъ. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, сословія, которыя отличаются другъ отъ друга и гражданскими и политическими правами, вслѣдствіе чего ихъ относятъ то къ частному, то къ публичному праву. Характеръ ихъ не всегда одинаковъ. Есть эпохи, когда сословія имѣютъ преобладающее политическое значеніе, и другія, когда они нисходятъ на степень простыхъ гражданскихъ состояній, подлежащихъ общему праву. Точно также и мѣстные

союзы, общины, въ теченіи исторической жизни измѣняютъ свою юридическую природу. Онѣ могутъ быть патріархальныя, когда въ обществѣ господствуетъ родовой бытъ, договорныя, когда отношенія зиждутся на частномъ правѣ, наконецъ государственныя, когда онѣ становятся членами и органами высшаго политическаго союза. Всѣ эти измѣненія проистекаютъ оттого, что исторически измѣняются самыя отношенія гражданскаго общества къ государству. Первое можетъ либо подчиняться послѣднему до того, что оно теряетъ свою самостоятельность, либо наоборотъ, оно можетъ поглощать въ себѣ государство, или же наконецъ, оба союза могутъ стоять рядомъ, такъ что гражданское общество подчиняется государству, но сохраняетъ при этомъ свою относительную самостоятельность. Объ этомъ мы подробнѣе поговоримъ ниже.

Изъ всѣхъ этихъ свободно возникающихъ частныхъ союзовъ есть однако одинъ, который имѣетъ совершенно особенный характеръ, именно, церковь. Аренсъ, Моль и Штейнъ не выдѣляютъ ея изъ ряда другихъ общественныхъ союзовъ; но уже Трейчке замѣтилъ, что если нельзя смѣшать ее съ государствомъ и отнести ее къ области политическаго права, то съ другой стороны, «серіозныя сомнѣнія на счетъ умѣстности отнесенія ея къ частному праву возбуждаются и первоначальнымъ соединеніемъ права и религіи у всѣхъ народовъ, и тою ролью, которую церковь играла и до сихъ поръ играетъ, какъ политическая сила, и наконецъ тою особенностью, которая отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ союзовъ, обращенныхъ на духовные интересы, ея способностью двигать и управлять массами и даже цѣлыми народами» (стр. 56). Въ особенности явленіе римско-католической церкви, существующей въ теченіи тысячелѣтій, какъ единое, цѣльное тѣло, распространяющееся на всю землю, и заключающее въ себѣ многія государства, приводитъ Трейчке къ убѣжденію, что въ настоящее время публичное право христіанскихъ народовъ распадается на двѣ параллельныхъ отрасли, на государственное и на церковное право.

Надобно къ этому прибавить, что публичность въ обоихъ случаяхъ совершенно различнаго рода. Государство обнимаетъ всѣ стороны человѣческой жизни, церковь только одну; государство есть союзъ принудительный, церковь—союзъ свободный. Съ этой стороны, церковь имѣетъ признаки общіе съ гражданскимъ обществомъ; она стоитъ съ нимъ на одной почвѣ, и также какъ послѣднее, она во

внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ подчиняется государству. Но съ другой стороны, она является прямо противоположною гражданскому обществу. Тамъ господствуетъ интересъ частный, тутъ интересъ всеобщій; тамъ лица относятся другъ къ другу, какъ самостоятельныя единицы къ самостоятельнымъ единицамъ; здѣсь всѣ они связываются въ единое духовное тѣло общимъ отношеніемъ къ Божеству. По идеѣ, церковь есть установленіе всемірное; только въ силу человѣческаго несовершенства, она распадается на отдѣльные союзы и въ низшей своей формѣ является даже какъ частное товарищество. Мы имѣемъ здѣсь указанную философіею противоположность частнаго и отвлеченно общаго началъ, и оба эти начала, какъ сами по себѣ, въ силу внутренней своей ограниченности, такъ и вслѣдствіе противорѣчій, возникающихъ изъ отношенія ихъ другъ къ другу, ведутъ къ необходимости высшаго, связующаго ихъ единства. Это высшее единство представляется государствомъ, которое, соединяя въ себѣ нравственное начало, осуществляемое церковью, съ юридическимъ началомъ, которымъ управляется гражданское общество, подчиняетъ оба противоположные союза единой общественной цѣли и тѣмъ установляетъ гармонію въ человѣческой жизни.

Если мы къ этимъ тремъ союзамъ прибавимъ четвертый, семейство, которое составляетъ первоначальную, естественную основу человѣческихъ обществъ, и, которое, хотя въ качествѣ частнаго союза входитъ въ составъ гражданскаго общества, но вслѣдствіе своего нравственно-органическаго характера, сохраняетъ самостоятельное значеніе, то мы получимъ слѣдующее общее построеніе человѣческаго общежитія: 1) низшую ступень составляетъ союзъ естественный, семейство, которое въ первоначальномъ единствѣ содержитъ всѣ человѣческія цѣли и обнимаетъ всю человѣческую жизнь. 2) Среднюю ступень образуютъ два противоположные союза, отвлеченно-общій и частный, церковь и гражданское общество, одна стремящаяся обнять весь міръ, и выйдти даже за предѣлы земнаго бытія, другое стремящееся, напротивъ, къ раздробленію на мелкія единицы. 3) Послѣднюю и высшую ступень составляетъ опять единый союзъ, государство, которое призвано объединить всю человѣческую жизнь, а потому заключаетъ въ себѣ всѣ человѣческія цѣли, но такъ, что оно не поглощаетъ въ себѣ другіе союзы, а оставляетъ имъ надлежащій просторъ, каждому въ его сферѣ, подчиняя ихъ только высшему общественному единству.

Этимъ значеніемъ государства и положеніемъ его среди другихъ союзовъ опредѣляются, какъ его задачи, такъ и границы его дѣятельности. Этотъ вопросъ мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

ЦѢЛЬ И ГРАНИЦЫ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что современная политическая мысль распадается на два главныхъ направленія, индивидуалистическое и нравственное, изъ которыхъ первое старается по возможности стѣснить дѣятельность государства, а второе расширяетъ его безмѣрно. Разсмотримъ оба воззрѣнія.

Индивидуалистическая теорія не нова. Еще Локкъ выводилъ государство изъ потребности охраненія собственности и отрицалъ у него право выходить за предѣлы предоставленной ему съ этою цѣлью власти. Физіократы, съ экономической точки зрѣнія, провозглашали начало правительственнаго невмѣшательства (laissez faire, laissez passer), и Адамъ Смитъ, въ своемъ безсмертномъ твореніи, проводилъ тотъ же взглядъ, который остался лозунгомъ классическихъ экономистовъ до нашего времени. Изъ публицистовъ XVIII-го вѣка, Томасъ Пэнъ, указывая на Соединенные Штаты, утверждалъ, что общество само въ состояніи дѣлать почти все, что обыкновенно возлагается на правительство. Послѣднее, по его мнѣнію, большею частью не только не помогаетъ обществу, а напротивъ, мѣшаетъ ему развиваться. Въ дѣйствительности, оно нужно только для весьма немногихъ случаевъ, когда общественная самодѣятельность оказывается недостаточною [1]). Мы видѣли, что и въ школѣ Канта, эта индивидуалистическая точка зрѣнія привела къ ученію о юридическомъ государствѣ (Rechtsstaat), котораго единственною цѣлью полагается охраненіе права. Никто съ большею

---

[1]) Les droits de l'homme, 2-ème part. ch. I.

полнотою и послѣдовательностью не высказалъ этого взгляда, какъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, въ юношеской брошюрѣ, которая осталась неизданною при его жизни и появилась въ свѣтъ только въ 1851 году [1]). Бѣглый обзоръ доводовъ знаменитаго писателя всего лучше познакомитъ насъ съ идеалистическими основаніями индивидуализма.

Высшая цѣль человѣка, по мнѣнію Гумбольдта, состоитъ въ полномъ и гармоническомъ развитіи его силъ. Первое условіе для этого есть свобода, а затѣмъ неразрывно связанное съ свободою разнообразіе положеній, вслѣдствіе котораго каждый самобытно усвоиваетъ себѣ окружающее его многообразіе жизни. Здѣсь только можетъ развиваться въ человѣкѣ та оригинальность, которая дѣлаетъ его самостоятельнымъ лицемъ, особеннымъ выраженіемъ духовнаго человѣческаго естества. На этомъ зиждется его величіе. А потому «высшимъ идеаломъ человѣческаго сожительства представляется такой порядокъ, въ которомъ каждый развивается единственно изъ себя и для себя». Истинный разумъ, говоритъ Гумбольдтъ, не можетъ желать человѣку инаго состоянія, кромѣ такого, гдѣ не только каждый пользуется самою неограниченною свободою развиваться изъ себя, въ своей особенности, но гдѣ и физическая природа получаетъ отъ человѣческихъ рукъ именно тотъ образъ, который налагаетъ на нее каждая единичная особь, самостоятельно и произвольно, по мѣрѣ своихъ потребностей и своихъ наклонностей, ограничиваясь только предѣлами своей силы и своего права. Отъ этого основнаго правила разумъ можетъ отступать лишь на столько, на сколько это необходимо для его собственнаго охраненія. Оно должно лежать въ основаніи всякой здравой политики.

Государство, въ своей дѣятельности, можетъ преслѣдовать двоякую цѣль: отрицательную и положительную. Первая состоитъ въ устраненіи зла, или въ установленіи безопасности, вторая въ содѣйствіи благосостоянію гражданъ. Но только первая соотвѣтствуетъ изложеннымъ выше началамъ; вторая же, заключающая въ себѣ всѣ мѣры относительно народонаселенія, продовольствія, промышленности, общественнаго призрѣнія и т. д., вмѣсто ожидаемой пользы, приноситъ только вредъ.

---

[1]) Ideen zu einem Versuch, die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen. Болѣе подробное изложеніе ученія Гумбольдта можно найти въ моей *Исторіи Политическихъ Ученій*, ч. 3.

Въ доказательство, Гумбольдтъ указываетъ на тѣ послѣдствія, которыя влечетъ за собою правительственная регламентація. На всѣ отрасли жизни налагается печать однообразія, слѣдовательно устраняется главное условіе развитія — многосторонность стремленій. Люди отучаются отъ самодѣятельности и привыкаютъ во всемъ полагаться на правительство, а это неизбѣжно влечетъ за собою ослабленіе энергіи и упадокъ народныхъ силъ. Всякая дѣятельность, вслѣдствіе этого, превращается въ механическую рутину, ибо она совершается не по свободному влеченію, а по внѣшнему принужденію. Въ особенности полагается преграда развитію индивидуальности, то есть, именно тому, что̀ составляетъ высшую цѣль человѣческаго развитія. А съ другой стороны, этимъ безмѣрно осложняется государственное управленіе; оно превращается въ бюрократическій механизмъ, при чемъ правительство, которое, по самому своему положенію, не въ состояніи соображать всѣ частные случаи, а можетъ дѣйствовать не иначе какъ общими мѣрами, безпрерывно и неизбѣжно впадаетъ въ грубыя ошибки. Въ результатѣ оказывается извращеніе истиннаго отношенія вещей: здѣсь имѣются въ виду не люди, призванные дѣйствовать, а единственно плоды дѣятельности. Все направлено на наслажденіе; люди же являются не самостоятельными и самодѣятельными единицами, а орудіями для достиженія цѣли. Но именно при такой постановкѣ дѣла, цѣль не достигается, ибо наслажденіе испытывается людьми, и если, вмѣсто того, чтобы ощущать удовольствіе въ самодѣятельности, они получаютъ его извнѣ, то оно тѣмъ самымъ умаляется. Во имя счастія, человѣкъ лишается высшаго возможнаго для него счастія, которое состоитъ въ сознаніи высшаго напряженія силъ.

Изъ всего этого Гумбольдтъ выводитъ, что государство должно отказаться отъ всякаго попеченія о благосостояніи гражданъ. Единственною его цѣлью должно быть охраненіе безопасности, то есть, обезпеченность законной свободы. Однако и въ этомъ случаѣ оно не должно расширять свою дѣятельность черезъ мѣру. Тутъ необходимо разобрать, какія средства государство въ правѣ употреблять для достиженія этой цѣли.

Въ видахъ охраненія безопасности, государство можетъ 1) довольствоваться пресѣченіемъ преступленій: это—законное его право, и тутъ дѣятельность его ограничивается необходимымъ. 2) Оно можетъ

стремиться къ предупрежденію зла и принимать для этого всѣ нужныя мѣры. 3) Наконецъ, оно можетъ дѣйствовать на самый характеръ гражданъ, стараясь дать ему направленіе, соотвѣтствующее цѣли; это дѣлается посредствомъ воспитанія, религіи и попеченія о нравахъ. Но послѣдняго рода мѣры всего стѣснительнѣе для свободы гражданъ, а потому онѣ должны быть безусловно отвергнуты. Общественное воспитаніе, еще болѣе, нежели забота о благосостояніи, налагаетъ на характеры однообразную печать и мѣшаетъ многостороннему развитію человѣка. Притомъ, какъ средство для достиженія безопасности, оно несоразмѣрно съ цѣлью. Точно также вредно дѣйствуетъ и вмѣшательство власти въ религіозную сферу. Полная духовная свобода одна способна развить въ народѣ ту силу духа, безъ которой нѣтъ высшаго совершенствованія. Наконецъ, и нравы исправляются только свободою; принужденіе же превращаетъ народъ въ толпу рабовъ, получающихъ прокормленіе отъ господина.

Что касается до предупрежденія зла, то здѣсь надобно различать запрещеніе опасныхъ дѣйствій и предупрежденіе преступленій. Относительно перваго, законъ долженъ взвѣшивать, съ одной стороны, величину грозящаго вреда, а съ другой стороны зло, проистекающее изъ стѣсненія свободы. Такъ какъ эти начала измѣнчивы, то общаго правила тутъ нельзя установить: надобно держаться средняго пути. Предупрежденіе же преступленій, касаясь не дѣйствій, а воли, должно быть совершенно отвергнуто. Всѣ мѣры правительства, имѣющія въ виду дѣйствовать на волю преступника, могутъ принести только вредъ.

Установляя эту теорію, какъ норму для дѣятельности государства, Гумбольдтъ дѣлаетъ изъ нея одно только исключеніе, именно, для малолѣтнихъ и умалишенныхъ, которые не въ состояніи сами собою управлять, а потому нуждаются въ чужой опекѣ. Здѣсь государство должно вступаться, въ видахъ предупрежденія злоупотребленій.

Таково ученіе Гумбольдта. Точка отправленія, очевидно, тутъ чисто индивидуалистическая. Все остальное послѣдовательно выводится изъ основнаго начала. Но въ этомъ именно заключается односторонность теоріи. Несправедливо, что высшая цѣль человѣка—развиваться изъ себя и для себя. Напротивъ, высшее, разумное начало въ человѣкѣ проявляется въ дѣятельности на пользу другихъ, въ служеніи общимъ цѣлямъ, и только въ этой дѣятельности и въ этомъ

служеніи развиваются высшія его способности. Обособляясь и преслѣдуя эгоистическія цѣли, человѣкъ всегда остается на низшей ступени; только въ соединеніи съ другими онъ становится въ истинномъ смыслѣ человѣкомъ. Это соединеніе можетъ совершаться въ видѣ свободныхъ товариществъ, что допускаетъ и Гумбольдтъ; но не эти случайные союзы поднимаютъ человѣка на настоящую высоту его призванія. Онъ долженъ чувствовать себя членомъ прочнаго, органическаго союза, воплощающаго въ себѣ тѣ высшія цѣли, которымъ онъ служитъ, а такимъ именно является государство. Въ немъ осуществляется идея отечества, для котораго лучшіе люди во всѣ времена жили и умирали. На политическомъ поприщѣ проявлялись высшіе дары, какими природа наградила человѣка. Но для того чтобы государство могло быть для гражданина высшею цѣлью его дѣятельности и стремленій, оно не должно ограничиваться ролью полицейскаго служителя. За полицію никто добровольно не отдастъ своей жизни; она не въ состояніи вызвать въ людяхъ любовь и самоотверженіе. Чтобы воодушевить гражданъ, нужно иное начало: надобно, чтобы они въ государствѣ видѣли воплощеніе тѣхъ высшихъ идей, которымъ человѣкъ призванъ служить; надобно, чтобы они находили въ немъ поприще, на которомъ могли бы проявляться ихъ высшія способности.

Съ другой стороны, если для людей, богато одаренныхъ природою и имѣющихъ всѣ средства для проявленія своихъ способностей, государство представляетъ высшее поприще, какъ для внутренняго развитія, такъ и для внѣшней дѣятельности, то еще необходимѣе оно для тѣхъ, которые относительно средствъ и способностей стоятъ ниже средняго уровня. Разнообразіе положеній, о которомъ говоритъ Гумбольдтъ, ведетъ къ тому, что многіе не въ состояніи идти на ряду съ другими; имъ надобно помочь. Безъ сомнѣнія, это дѣлается и частными усиліями, но они не всегда достаточны. Въ особенности, когда дѣло идетъ о благосостояніи массъ, бываютъ необходимы общія мѣры, а ихъ можетъ принять только государство.

Наконецъ, и для средняго уровня людей, государство, съ его широкою дѣятельностью, съ его заботою о благосостояніи всѣхъ, во многихъ отношеніяхъ представляется необходимымъ. Не говоря объ идеѣ отечества, которая имѣетъ одинакое значеніе для всѣхъ, для малыхъ и для великихъ, но и съ чисто практической точки зрѣнія, восполненіе частной дѣятельности государственною нерѣдко является

насущною потребностью гражданъ. При раздѣленіи занятій, каждый имѣетъ свою отрасль, въ которой онъ свѣдущъ; въ остальномъ онъ принужденъ полагаться на другихъ. А такъ какъ онъ самъ не въ состояніи все провѣрять, то во многихъ случаяхъ весьма полезно имѣть гарантіи, что онъ не будетъ обманутъ или не подвергнется опасности. Такія гарантіи можетъ дать одно государство. Изъ этой потребности проистекаютъ постановленія на счетъ мѣръ и вѣсовъ, на счетъ медиковъ, аптекъ, заразительныхъ болѣзней, опасныхъ построекъ и т. д.

Къ этой отрицательной дѣятельности присоединяется и положительная. Общежитіе состоитъ въ соединеніи силъ; есть вещи, которыя требуютъ совокупной дѣятельности всѣхъ, или многихъ. По мнѣнію Гумбольдта, все это слѣдуетъ предоставить свободнымъ товариществамъ, которыя могутъ простираться даже на цѣлый народъ. Подобное товарищество, очевидно, будетъ имѣть цѣль не случайную, а постоянную; но постоянное товарищество, обнимающее цѣлый народъ, и есть государство. Не за чѣмъ искать другаго, когда оно существуетъ въ дѣйствительности.

Нѣтъ сомнѣнія, что излишняя регламентація со стороны государства и вмѣшательство его во всѣ дѣла могутъ дѣйствовать вредно. Гумбольдтъ правъ, когда онъ говоритъ, что этимъ подрывается самодѣятельность, и тѣмъ самымъ умаляются матеріальныя и нравственныя силы народа, который привыкаетъ во всемъ обращаться къ правительству, вмѣсто того чтобы полагаться на самого себя. Но это доказываетъ только необходимость, рядомъ съ дѣятельностью государства, предоставить возможно широкій просторъ и личной свободѣ. Цѣль общественной жизни состоитъ въ гармоническомъ соглашеніи обоихъ элементовъ, а не въ пожертвованіи однимъ въ пользу другаго.

Къ этому привела самая практика. Вслѣдствіе того, многіе изъ писателей, вышедшихъ изъ школы Канта, какъ то, Фрисъ, Кругъ, Роттекъ, признавая охраненіе права существенною цѣлью государства, рядомъ съ этимъ допускали, въ виду практическихъ потребностей, и другія, постороннія цѣли. Точно также въ позднѣйшее время Моль, не смотря на то что точка отправленія его чисто индивидуалистическая, прямо отвергаетъ ограниченіе цѣлей государства охраненіемъ права. Опредѣляя существо юридическаго государства новаго времени, (названіе, которое онъ впрочемъ самъ признаетъ весьма не-

точнымъ), Моль говоритъ, что здѣсь человѣкъ, въ противоположность всякимъ теократическимъ взглядамъ, становится на точку зрѣнія трезваго благоразумія. Исходное начало составляетъ единичное лице съ его цѣлями и интересами. Затѣмъ, тамъ гдѣ личныя силы оказываются недостаточными, образуются частные союзы, совокупность которыхъ называется обществомъ. «Личное обособленіе, говоритъ Моль, остается правиломъ; общественный же кругъ является восполненіемъ по необходимости. И точно тоже, продолжаетъ онъ, имѣетъ мѣсто ступенью выше относительно государства. Только недостаточность общественныхъ союзовъ и потребность порядка и охраненія права между ними ведетъ къ всеобъемлющему и единому въ себѣ государству. И здѣсь правиломъ остается самодѣятельность лицъ и затѣмъ, во второй степени, общественныхъ круговъ; но то и другое восполняется и приводится въ порядокъ единою мыслью и совокупною волею государства». Вслѣдствіе этого, оставаясь въ значительной мѣрѣ на индивидуалистической точкѣ зрѣнія, Моль приписываетъ государству не одно охраненіе права, а содѣйствіе всѣмъ человѣческимъ цѣлямъ [1]).

Практическія потребности новѣйшаго времени неудержимо влекутъ государство по этому пути. Если, съ одной стороны, является реакція противъ излишней регламентаціи, противъ болѣзненной страсти всѣмъ управлять, то съ другой стороны, тамъ гдѣ дѣятельность государства ограничивалась слишкомъ тѣсными предѣлами, практика настойчиво требуетъ ея расширенія. Разительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Англія. Здѣсь нелюбовь къ вмѣшательству государства возведена была въ догматъ; все должно было дѣлаться собственными усиліями общества. А между тѣмъ, въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, подъ вліяніемъ настоятельной практической необходимости, государство постоянно расширяло свое вѣдомство. Не только по всѣмъ отраслямъ управленія издавались новые законы, которыми установлялся контроль государства надъ частною дѣятельностью, но создавались и новыя учрежденія, которыя должны были служить органами правительственной власти. Оказалось, что жизнь не все сама разрѣшаетъ, что нужно иногда и дѣйствіе сверху [2]).

---

[1]) Encyclopädie der Sraatswissenschaften (1859), § 44 ср. §§ 11, 12.

[2]) Я указывалъ на это уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ статьѣ

Исключительные сторонники индивидуализма, какъ Лабулэ, постоянно ссылаются на Соединенные Штаты. Но этотъ примѣръ можетъ служить лишь весьма недостаточнымъ подтвержденіемъ ихъ теоріи. Въ Соединенныхъ Штатахъ, безспорно, личная самодѣятельность достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ нигдѣ въ Европѣ, и даетъ въ матеріальномъ отношеніи изумительные результаты. Но во первыхъ, нельзя упускать изъ виду, что Америка представляетъ для этого исключительно благопріятныя условія. Громадныя пространства и непочатыя еще несмѣтныя богатства страны доставляютъ здѣсь личной самодѣятельности такое поприще и такой просторъ, какихъ нѣтъ въ старыхъ государствахъ Европы. Человѣкъ, которому плохо живется въ одномъ мѣстѣ, легко можетъ уйти въ другое, гдѣ онъ всегда найдетъ и занятіе, и средства жизни, и даже возможность возвышаться на общественной лѣстницѣ. Къ этому присоединяется, во вторыхъ, характеръ народа, одареннаго необыкновенною энергіею и предпріимчивостью. Государству нѣтъ никакой нужды брать на себя то, что уже удовлетворительно исполняется частными усиліями. Поэтому, чѣмъ предпріимчивѣе народъ, тѣмъ болѣе оно можетъ ограничивать свою дѣятельность. Но нельзя возвести это въ общее правило: при иномъ характерѣ народа будетъ иное отношеніе. И за всѣмъ тѣмъ, эта изумительная самодѣятельность Американцевъ имѣетъ свою оборотную сторону. Она составляетъ одностороннюю черту характера, которая развивается въ ущербъ другимъ человѣческимъ свойствамъ. Отсюда происходитъ преобладаніе матеріальныхъ стремленій надъ духовными, на которое жалуются и въ Европѣ, но которое въ еще гораздо сильнѣйшей степени проявляется въ Америкѣ. А этимъ неизбѣжно устанавливается довольно низкій умственный и нравственный уровень въ обществѣ. Отсюда проистекаетъ преобладаніе частныхъ интересовъ надъ общественными въ самой политической жизни. Политика, какъ и все остальное, становится предметомъ частной предпріимчивости. Главная цѣль политическихъ дѣятелей заключается въ пріобрѣтеніи выгодныхъ мѣстъ. Развиваются подкупы и взятки, составляющіе язву управленія. При такихъ условіяхъ, только возможно большее ограниченіе дѣятельности государства охраняетъ гражданъ отъ невыносимыхъ

Промышленность и государство въ Англіи. См. Очерки Англіи и Франціи.

притѣсненій. Еслибы американскіе чиновники имѣли право распоряжаться такъ, какъ дѣлается въ Европѣ, то жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ сдѣлалась бы нестерпимою. И все таки, даже въ Сѣверной Америкѣ государство не ограничивается охраненіемъ права. Уединенное положеніе страны, которой нечего опасаться сосѣдей, дозволяетъ ему довольствоваться наименьшею тратою силъ, что̀ опять способствуетъ развитію личной самодѣятельности; но всякій разъ какъ этого требуетъ дѣйствительный или предполагаемый общественный интересъ, государство въ Соединенныхъ Штатахъ смѣло вступается въ область частной предпріимчивости. Доказательствомъ служитъ система охранительныхъ тарифовъ, которые имѣютъ въ виду покровительство отечественной промышленности, и притомъ къ выгодѣ Сѣвера и въ ущербъ Югу. Послѣдняя война показала также, къ чему ведетъ противоположеніе частныхъ интересовъ государственнымъ. Тамъ, гдѣ единая государственная власть, каково бы впрочемъ ни было ея устройство, не возвышается надъ всѣми, какъ абсолютное начало, которому всѣ обязаны повиноваться, тамъ важнѣйшіе внутренніе вопросы рѣшаются не мирнымъ гражданскимъ путемъ, а силою оружія.

И такъ, Сѣверная Америка не можетъ служить ни нормою, ни доказательствомъ въ пользу индивидуалистической теоріи. Она доказываетъ только, что государственную дѣятельность нельзя подвести подъ извѣстныя, всюду приложимыя рамки. При однихъ условіяхъ, вѣдомство государства будетъ шире, при другихъ оно можетъ быть тѣснѣе. Гдѣ есть значительныя естественныя богатства и обиліе капиталовъ, гдѣ народонаселеніе дѣятельно и энергично, гдѣ государство не опасается могучихъ сосѣдей, тамъ дѣятельность его можетъ ограничиваться наименьшими размѣрами, при чемъ однако оно всегда остается представителемъ совокупныхъ интересовъ народа, а не одной только какой нибудь стороны общественной жизни; а потому оно всегда въ правѣ вступаться, тамъ гдѣ это требуется общимъ благомъ.

Все выше сказанное не позволяетъ намъ согласиться съ тѣми изъ новѣйшихъ публицистовъ, которые, уже не во имя идеальныхъ началъ, а стоя на почвѣ дѣйствительности, возвращаются къ односторонне индивидуалистической точкѣ зрѣнія и требуютъ возможно бо̀льшаго ограниченія государственной дѣятельности. Сюда принадлежитъ Лабулэ въ указанномъ выше сочиненіи. Онъ допускаетъ необ-

ходимость сильной власти, признавая въ государствѣ высшаго представителя народности и правды; но чтобы дѣйствовать благотворно, говоритъ онъ, государство должно быть введено въ свои естественныя границы. Когда оно ихъ преступаетъ, оно становится тиранiею; оно является зловреднымъ, разорительнымъ и слабымъ. Въ чемъ же состоятъ эти границы? Онѣ полагаются личными правами гражданъ, имѣющими предметомъ личную совѣсть, мысль и дѣятельность. Это тѣ права, которыя освящены Объявленiемъ правъ Французской революцiи [1]). Сюда Лабулэ причисляетъ не только свободу совѣсти, свободу промышленности и гарантiи свободы лица, но и свободу печати, свободу товариществъ въ самомъ широкомъ размѣрѣ, свободу преподаванiя на всѣхъ ступеняхъ, наконецъ даже свободу муниципальную [2]). И этимъ правамъ онъ придаетъ безусловное значенiе. Онъ возстаетъ противъ теорiи, соразмѣряющей права государства съ общественною необходимостью, и признающей расширенiе свободы по мѣрѣ развитiя. Съ этой точки зрѣнiя, говоритъ онъ, можно всегда отказать народу въ свободѣ, подъ предлогомъ, что онъ недостаточно зрѣлъ. Надобно, напротивъ, сказать, что государство въ правѣ касаться личной свободы лишь на столько, на сколько она нарушаетъ свободу другихъ. Здѣсь только можно обрѣсти незыблемую основу, на которой можно построить общественное зданiе [3]).

Очевидно, что эти границы слишкомъ тѣсны. Съ одной стороны, свобода печати и свобода товариществъ, касаясь политической области, безспорно входятъ въ кругъ вѣдомства государства. Едва ли можно отрицать и то, что свобода преподаванiя и свобода муниципальная, затрогивая самые существенные государственные интересы, не могутъ быть вполнѣ предоставлены частной самодѣятельности. Муниципальная свобода вовсе даже не принадлежитъ къ области личныхъ правъ. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнiя, что мѣстныя и временныя условiя требуютъ различнаго вмѣшательства государства въ сферу частной дѣятельности. Безусловнаго правила тутъ установить нельзя, и государство всегда остается судьею этой границы. Становиться на иную точку зрѣ-

¹) L'Etat et ses limites, стр. 96 (1870).
²) Тамъ же, стр. 82—95.
³) Тамъ же, стр. 80, 81.

тія значитъ намѣренно не вѣдать измѣняющихся потребностей исторіи и жизни; послѣдовательно мы придемъ къ отрицанію самаго развитія. По мнѣнію Лабулэ, развитіе состоитъ въ томъ, что параллельно усиливаются и самодѣятельность лицъ и дѣятельность государства въ принадлежащей ему сферѣ, какъ будто это—двѣ независимыя области, не имѣющія между собою ничего общаго. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, при постоянномъ взаимнодѣйствіи обоихъ элементовъ, историческое развитіе общества, какъ единаго цѣлаго, поперемѣнно ведетъ къ преобладанію то одного, то другаго. Въ своей односторонности, Лабулэ возвращается къ давно осужденнымъ теоріямъ XVIII-го вѣка. Этимъ онъ думаетъ достигнуть ясности мысли. И точно, односторонняя мысль можетъ быть очень ясна, но единственно вслѣдствіе того, что она, по своей ограниченности, перестаетъ быть вѣрною.

Замѣчательнѣе сочиненіе другаго писателя того же направленія, именно, венгерскаго публициста Этвеша, на котораго ссылается и Лабулэ. Его взгляды заслуживаютъ вниманія, какъ характеризующіе движеніе мысли въ современную эпоху. Этвешъ прямо становится на точку зрѣнія нашего времени и признаетъ, что существенная его задача заключается въ разрѣшеніи противоположности между государствомъ и обществомъ. Соціалисты искали рѣшенія этой задачи въ полномъ подчиненіи лица цѣлому; но подобная система, уничтожая свободу, а вмѣстѣ и возможность прогресса, идетъ наперекоръ самымъ первымъ потребностямъ человѣка; она неосуществима на дѣлѣ. Поэтому надобно искать другаго исхода, а именно: противоположность между государствомъ и обществомъ можетъ быть уничтожена, если государство будетъ устроено на тѣхъ же самыхъ началахъ, которыя служатъ основаніемъ современнаго общества [1]. Какія же это начала?

Исходною точкою для опредѣленія ихъ Этвешъ принимаетъ два положенія, по его мнѣнію несомнѣнныя: во первыхъ, что человѣкъ никогда не смотритъ на государство, какъ на цѣль, а всегда видитъ въ немъ только средство для достиженія своихъ личныхъ цѣлей; во вторыхъ, что никто для достиженія своихъ цѣлей не употребляетъ средствъ болѣе отдаленныхъ, пока онъ ближайшихъ не призналъ недостаточ-

[1]) Der Einfluss der herrschenden Ideen des 19 Iahrhunderts auf den Staat, von Baron Ioseph Eötvös, II, кн. 2 гл. X. (1854).

ными. Первое положеніе вытекаетъ изъ того, что каждый, по своей природѣ, сознательно или безсознательно, стремится къ личному своему счастію, а въ остальномъ видитъ только средство для достиженія этой цѣли. Къ числу этихъ средствъ принадлежитъ и государство, котораго цѣль слѣдуетъ искать не въ идеѣ, а въ реальномъ началѣ, именно, въ потребностяхъ лица. Въ дѣйствительности такъ всегда и бываетъ, доказательствомъ чему служитъ то, что властвующіе въ государствѣ всегда обращали его въ орудіе для своихъ личныхъ интересовъ. Второе же положеніе ведетъ къ тому, что государство должно разсматриваться только какъ восполненіе того, что̀ не можетъ быть сдѣлано инымъ путемъ. Этого нельзя сказать о тѣхъ цѣляхъ, которыя обыкновенно ему приписываются, какъ то: осуществленіе нравственнаго закона, забота о благосостояніи, взаимная помощь. Все это можетъ быть достигнуто и другими союзами. Государству же принадлежитъ единственно то, что̀ достижимо не иначе какъ черезъ его посредство, и что́ притомъ составляетъ цѣль для всѣхъ и каждаго изъ его членовъ. Такова безопасность (Sicherheit), подъ которою, однако слѣдуетъ разумѣть не одно только огражденіе лицъ и имущества отъ внѣшняго насилія, но охраненіе всѣхъ благъ, принадлежащихъ лицу, духовныхъ, также какъ матеріальныхъ. Такимъ образомъ, забота государства распространяется на всѣ человѣческія блага, но она заключается не въ томъ, чтобы доставлять ихъ гражданамъ, а въ томъ, чтобы обезпечить имъ пріобрѣтенное собственными усиліями. А такъ какъ пріобрѣтеніе собственными силами возможно только подъ условіемъ свободы, то главная цѣль государства состоитъ въ охраненіи личной свободы гражданъ. Это и есть владычествующая идея современности. Осуществленіе этой идеи зависитъ не отъ того или другаго образа правленія; ибо, какое бы участіе въ правленіи ни предоставлялось лицу, это участіе во всякомъ случаѣ ничтожно, и лице остается безусловно подчиненнымъ государственной власти. Поэтому, единственная прочная гарантія личной свободы состоитъ въ томъ, чтобы кругъ дѣятельности государственной власти былъ по возможности ограниченъ. Этвешъ прямо даже полагаетъ осуществленіе личной свободы въ государствѣ цѣлью новой цивилизаціи, въ отличіе отъ древней, которая, наоборотъ, подчиняла лице государству [1]).

---

[1]) Der Einfluss der herrschenden Ideen etc. II, кн. 2; Schluss, стр. 544—546.

Если мы взглянемъ на основанія этого воззрѣнія, то мы увидимъ въ немъ тѣже самыя одностороннія начала, которыя господствовали въ XVIII-мъ вѣкѣ: признаніе лица исходною точкою и цѣлью всего общественнаго развитія и низведеніе всего остальнаго на степень средства. Но отъ перенесенія на реалистическую почву эти начала не сдѣлались болѣе вѣрными. Несправедливо, что человѣкъ, по своей природѣ, имѣетъ въ виду только собственное счастіе, а во всемъ остальномъ, въ томъ числѣ и въ государствѣ, видитъ только средства для достиженія этой цѣли. Пожертвованіе жизнью за отечество есть фактъ, который прямо противорѣчитъ такому взгляду. Этвешъ признаетъ, что счастіе человѣка состоитъ не въ однихъ матеріальныхъ, но и въ духовныхъ благахъ; а къ числу этихъ благъ принадлежитъ величіе и благоденствіе отечества, которое дорого каждому истинному гражданину, не въ личныхъ только видахъ, а какъ объективная цѣль, которой онъ готовъ приносить въ жертву все, что ему наиболѣе цѣнно, даже самую жизнь. А такъ какъ въ государствѣ воплощается идея отечества, то очевидно, что оно составляетъ для человѣка не только средство, но и цѣль. Факты показываютъ притомъ, что отечество для человѣка дороже, нежели тѣ мелкіе гражданскіе союзы, къ которымъ онъ примыкаетъ, какъ то, сословія и общины. А потому государство никакъ не можетъ разсматриваться лишь какъ восполненіе послѣднихъ. Ясно также, что нѣтъ никакого основанія приписывать ему единственно такія цѣли, которыя могутъ быть достигнуты исключительно имъ, а никакимъ другимъ союзомъ. Самъ Этвешъ приписываетъ государству заботу обо всѣхъ интересахъ человѣка; но онъ эту заботу ограничиваетъ единственно ихъ охраненіемъ или обезпеченіемъ. Но что такое обезпеченіе? Съ этимъ началомъ можно идти весьма далеко. Извѣстно, что Фихте, отправляясь отъ обезпеченія цѣлей человѣка, послѣдовательно пришелъ къ чисто соціалистическому государству. Когда подъ именемъ безопасности разумѣется огражденіе лицъ и имуществъ отъ насилія, то это понятно; но какимъ образомъ обезпечиваются человѣку духовныя блага? Къ этой категоріи, по признанію самого Этвеша, принадлежатъ религія, обычаи предковъ, воспоминанія столѣтій, крѣпкая національность (II стр. 105). Само государство принадлежитъ къ этимъ благамъ, а потому возможно большее ограниченіе его дѣятельности никакъ не можетъ быть выведено изъ подобнаго начала. Еще менѣе можно все это свести къ охраненію личной свободы. Для

этого надобно было бы доказать, что личная свобода составляетъ единственный источникъ всѣхъ человѣческихъ благъ; но самъ Этвешъ признаетъ, что свобода получаетъ настоящее свое развитіе только въ обществѣ, а потому обезпечивается усовершенствованіемъ общественнаго состоянія и прежде всего государства (стр. 182). Справедливо, что человѣкъ все лично ему принадлежащее долженъ пріобрѣтать самъ, а не получать изъ рукъ государства; но есть и такія блага, которыя онъ не можетъ самъ себѣ доставить, и которыя, по самому своему свойству, требуютъ совокупныхъ усилій, а потому и вмѣшательства государства. Дѣло въ томъ, что человѣческое общежитіе создается изъ двухъ противоположныхъ началъ, личнаго и общаго. Отсюда и противоположность между обществомъ и государствомъ. Задача, какъ науки, такъ и практики, состоитъ не въ томъ, чтобы уничтожить одно въ пользу другаго, а въ томъ, чтобы привести ихъ къ гармоническому соглашенію, указавши каждому принадлежащее ему мѣсто и восполняя одно другимъ. Устроеніе же государства на началахъ, господствующихъ въ обществѣ, столь же противорѣчитъ истинному его существу и ведетъ къ такимъ же одностороннимъ выводамъ, какъ и обратное устроеніе общества на началахъ, господствующихъ въ государствѣ.

Первая односторонность однако менѣе опасна, нежели вторая. Чрезмѣрное ограниченіе дѣятельности государства, чего едва ли слѣдуетъ ожидать на практикѣ, можетъ имѣть нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія; но все же тутъ сохраняется коренное начало всякой дѣятельности и всякаго развитія—свобода. Напротивъ, распространеніе на общество началъ, господствующихъ въ государствѣ, и вслѣдствіе того, чрезмѣрное расширеніе дѣятельности послѣдняго, прямо ведетъ къ подавленію свободы, а потому къ уничтоженію самаго источника жизни и развитія. Таковъ именно характеръ соціализма. Мы видѣли уже ту идею государства, которую Лассаль считалъ достояніемъ рабочаго класса. Въ противоположность индивидуалистической теоріи, здѣсь гражданское общество, какъ преходящій моментъ, улетучивается въ государствѣ. Послѣднее является представителемъ солидарности интересовъ, общности и взаимности развитія, началъ, которыя должны замѣнить недостаточную по своей природѣ личную дѣятельность. Государство, въ борьбѣ человѣка съ природою, должно вести его къ высшему развитію и къ свободѣ. Въ одиночествѣ человѣкъ безпомощенъ; только соединяясь съ другими, онъ можетъ побѣдить

бѣдность, невѣжество, безсиліе, бѣдствія всякаго рода, однимъ словомъ, все, что дѣлаетъ человѣка несвободнымъ, и это соединеніе людей осуществляется именно въ государствѣ, котораго цѣль состоитъ поэтому не въ томъ, чтобы защищать свободу и собственность отдѣльнаго лица, а въ томъ, чтобы поставить лице въ такое положеніе, гдѣ бы оно могло достигнуть высшаго развитія. Государство призвано воспитать человѣческій родъ къ свободѣ; въ этомъ состоитъ нравственное его существо, его истинная и высшая задача [1]).

Какъ видно, Лассаль, развивая эту теорію, также ставилъ себя цѣлью свободу. Но подъ этимъ словомъ онъ понималъ вовсе не то, что разумѣется подъ нимъ обыкновенно. Свободою онъ называлъ не истекающее изъ воли начало личной самодѣятельности, а избавленіе человѣка отъ гнета внѣшнихъ условій. Ясно однако, что послѣднее можетъ быть удѣломъ и рабовъ. И точно, люди, которые сами по себѣ ничего не значатъ, и которые все пріобрѣтаютъ только въ государствѣ и черезъ посредство государства, находятся въ положеніи рабовъ. Они подлежатъ вѣчной опекѣ. Нужды нѣтъ, что по теоріи лице норабощается не частному человѣку, какъ въ гражданскомъ рабствѣ, а цѣлому обществу, котораго каждый самъ состоитъ членомъ: мы знаемъ, что общество, какъ цѣлое, есть не болѣе какъ идея, и что въ дѣйствительности общественная власть всегда предоставляется извѣстнымъ лицамъ. Самое демократическое устройство ведетъ лишь къ тому, что властвуетъ большинство, которое, при всепоглощающей силѣ государства, безпрепятственно можетъ поработить себѣ меньшинство и вымогать изъ него все, что ему угодно. Въ этомъ и заключается вся сущность соціализма. Лассаль даже весьма откровенно въ этомъ признается. Не только отъ государства требуется, чтобы оно всю свою мысль и дѣятельность обратило на улучшеніе положенія низшаго класса, но работникамъ прямо объявляется, что государство есть ихъ союзъ, что оно принадлежитъ имъ, а не высшимъ классамъ, ибо они составляютъ 96 процентовъ всего народонаселенія [2]). Они прямо призываются къ тому, чтобы посредствомъ всеобщей подачи голосовъ взять власть въ свои руки, и орудуя ею, обратить государственныя средства въ свою пользу. Государственныя же средства, по соціалистической теоріи, обнимаютъ собою все, что нынѣ

---

[1]) Arbeiterprogramm, стр. 36—37. (1872).
[2]) Тамъже, стр. 21; Offenes Antwortschreiben, стр. 25 (3 Aufl. 1872).

составляетъ достояніе частныхъ лицъ. У послѣднихъ не остается ничего своего. У нихъ отнимается собственность, ибо орудія производства должны перейти въ руки государства. У нихъ отнимается свобода, ибо всякая частная дѣятельность для нихъ заперта: они волею или неволею принуждены дѣлаться чиновниками государства, вполнѣ зависимыми отъ своего начальства и безъ всякой возможности выбора. Если владычествующая партія можетъ утѣшать себя тѣмъ, что держа власть въ своихъ рукахъ, она извлекаетъ изъ нея пользу, то меньшинство, которое лишено и этой выгоды, находится уже въ состояніи полнаго порабощенія. Частное рабство, въ сравненіи съ такимъ положеніемъ, можетъ представляться завиднымъ состояніемъ. Въ послѣднемъ есть, по крайней мѣрѣ, личныя нравственныя связи, которыя смягчаютъ жесткость юридическаго отношенія и дѣлаютъ подъ часъ положеніе раба даже привольнымъ. Соціалистическое же устройство душитъ человѣка со всѣхъ сторонъ, запирая ему всякій исходъ.

Таковъ неизбѣжный результатъ поглощенія личности государствомъ, поглощенія, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ соціалистическихъ теорій. Тѣ, которые, въ избѣжаніе этого исхода, замѣняютъ государство обществомъ, какъ Шеффле, или даже проповѣдуютъ анархію, какъ Прудонъ, сами не понимаютъ, что говорятъ. Соціалистическій порядокъ, въ отличіе отъ экономическаго, состоитъ въ замѣнѣ личной собственности общею и частнаго производства общественнымъ. Для этого требуется извѣстная организація, которая притомъ должна быть единою, ибо при раздѣленіи труда различныя отрасли должны дѣйствовать согласно, и каждая изъ нихъ служитъ органомъ общества, какъ цѣльнаго организма; организованное же общественное единство и есть государство. Поэтому, какъ скоро мы личную дѣятельность и личный интересъ хотимъ замѣнить общественными началами, такъ мы неизбѣжно приходимъ къ всемогуществу государства, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ отрицанію человѣческой свободы.

Къ тому же результату приходятъ и тѣ соціалъ-политики, которые, не выставляя точно формулированной соціалистической программы, ограничиваются неопредѣленнымъ расширеніемъ дѣятельности государства, или общества, во имя все возрастающихъ нравственныхъ требованій. Таковъ, какъ мы видѣли, Іерингъ. Тутъ, вмѣсто болѣе или менѣе ясной цѣли, представляется полный туманъ, который заслоняетъ отъ насъ картину будущаго. Но и здѣсь пора-

бщеніе лица государству, сознательно или безсознательно, является конечною цѣлью, къ которой направлена вся теорія. Къ этому ведетъ требованіе, чтобы съ частными правами соединялись нравственныя обязанности, которыя по волѣ общества могутъ получить принудительный характеръ. Еще болѣе къ этому ведетъ возведеніе частнаго права на степень общественнаго и пониманіе частной дѣятельности, какъ общественной должности, начала, распространенныя во всей этой школѣ. Отрицаніе частнаго права, какъ таковаго, есть уничтоженіе именно той сферы, которая предоставляется свободѣ лица; смѣшеніе же нравственности съ правомъ есть пораженіе свободы въ самомъ завѣтномъ ея тайникѣ, въ области совѣсти, откуда истекаетъ весь внутренній міръ человѣка. Такимъ образомъ, лице и во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ и во внутреннихъ своихъ помыслахъ обращается въ орудіе общества. Мы видѣли, какъ у Іеринга измученный и изнемогающій подъ бременемъ царь земли восклицаетъ наконецъ, что онъ усталъ быть вьючнымъ скотомъ общества, и требуетъ себѣ хотя малѣйшей области, гдѣ бы онъ могъ быть свободенъ, и какъ хозяинъ этого вьючнаго скота, налагая на него все бо̀льшую и бо̀льшую ношу, безжалостно отвѣчаетъ ему, что такихъ границъ нѣтъ, и что никто ихъ не укажетъ. Всего любопытнѣе то, что все это совершается для блага того самаго лица, которое издыхаетъ подъ бременемъ, и притомъ во имя нравственности, которой неотъемлемое условіе есть свобода, и которая безъ свободы исчезаетъ или извращается въ противоположное. Безконечное внутреннее противорѣчіе, лежащее въ основаніи всего этого воззрѣнія, обнаруживается здѣсь вполнѣ.

Напрасно думаютъ избѣжать этихъ послѣдствій, прибѣгнувъ къ началу пользы и требуя, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ взвѣшивались противоположные доводы и на этомъ основаніи рѣшалось, что̀ полезнѣе: взять ли извѣстное дѣло въ руки государства или предоставить его частнымъ лицамъ [1]? Мы видѣли уже, что взвѣшивать доводы можно только имѣя какое нибудь общее мѣрило; если же мѣрила нѣтъ, то мы теряемся среди хаоса разнородныхъ соображеній, и все окончательно сводится къ личному вкусу. При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего легче, какъ по влеченію сердца предъявлять требованія, прямо ведущія къ уничтоженію свободы,

---

[1]) См. напр. Ад. Вагнеръ: Grundlegung, стр. 251.

какъ дѣлаютъ соціалъ-политики, которые возлагаютъ на государство осуществленіе нравственныхъ началъ въ экономической области. Какая польза въ томъ, что существующія условія жизни представляютъ, по признанію самихъ защитниковъ этой теоріи, неодолимыя препятствія практическому приложенію ихъ идеала, и что вслѣдствіе этого, осуществленіе его отдаляется въ неопредѣленное будущее? Важно то, что этотъ идеалъ имѣется въ виду, и что мы, по теоріи, должны идти къ нему, а не къ чему нибудь другому. Разъ мы двинулись по этому пути, требованія общества и государства, какъ говоритъ намъ Іерингъ, будутъ все возрастать, и лице неизбѣжно превратится наконецъ въ вьючнаго скота, издыхающаго подъ бременемъ. Раньше или позднѣе совершится съ нимъ этотъ процессъ, это зависитъ единственно отъ благоусмотрѣнія государства, которое одно имѣетъ здѣсь рѣшающій голосъ, ибо, по ученію соціалъ-политиковъ, также какъ и соціалистовъ, государство есть все и можетъ вступаться во все. Это высказывается ими съ полною откровенностью: «какъ скоро государство, говоритъ Брентано, есть дѣйствительно устроеніе народа, а правительство — естественный центръ народной жизни, то не можетъ быть рѣчи о вмѣшательствѣ государства, когда государство исполняетъ народную волю. Ибо ни о какомъ человѣкѣ, дѣйствующемъ сообразно съ своею волею, нельзя сказать, что онъ, не имѣя на то права, вступается въ свои собственныя дѣла. Терминъ государственное вмѣшательство предполагаетъ поэтому такое состояніе государства, какимъ оно не должно быть, государство, которое есть нѣчто другое, нежели устроеніе народа, правительство, которое не составляетъ естественнаго средоточія народной жизни, оба нѣчто народу чуждое» [1]).

Когда такія чудовищныя положенія высказываются писателемъ, даже непричастнымъ соціализму, то они служатъ обличеніемъ того направленія, къ которому онъ примыкаетъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, Руссо утверждалъ, что законъ, исходящій изъ общей воли, не можетъ быть несправедливъ, ибо никто не можетъ быть несправедливъ относительно самого себя. Но и Руссо видѣлъ необходимость гарантій для лица. Поэтому онъ законными считалъ лишь тѣ постановленія общества, въ которыхъ лично участвуютъ всѣ; онъ не допускалъ рѣ-

1) Die Arbeitergilden d. Geg. I. стр. 127.

шеній по частнымъ вопросамъ и требовалъ. чтобы законъ совершенно одинаково касался всѣхъ; онъ ограничивалъ верховную власть предѣлами общихъ соглашеній; онъ исключалъ изъ государства партіи, и при всемъ томъ, онъ признавалъ, что народъ весьма часто можетъ ошибаться, а потому заявлялъ о необходимости премудраго законодателя. На дѣлѣ, тѣ границы, которыя Руссо полагалъ своей общей волѣ, неосуществимы; онѣ не имѣютъ ни теоретическаго, ни практическаго значенія; но онѣ свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, что знаменитый писатель понималъ послѣдствія своего требованія и старался ихъ избѣгнуть. Онъ не останавливался на томъ, что общая воля всегда права, потому что она рѣшаетъ только собственное свое дѣло; онъ видѣлъ, что народъ состоитъ изъ разныхъ частей, и что одной части можетъ приходиться весьма плохо отъ дѣйствій другой. Государство точно есть устроеніе народа; но государство выходитъ изъ предѣловъ своего вѣдомства, когда оно, вмѣсто того, чтобы ограничиваться рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ, вступается въ частныя. Въ государствѣ народъ является какъ единое цѣлое, которому принадлежитъ верховная власть; оно въ общественной жизни верховный распорядитель; но оно не одно существуетъ на землѣ. Въ предѣлахъ единства есть мѣсто для отдѣльныхъ лицъ и для частныхъ союзовъ; и тѣ и другіе требуютъ свободы и самостоятельности, и эта свобода и самостоятельность должны быть уважаемы. Нарушеніе этого правила есть деспотизмъ, то есть, выступленіе власти изъ законныхъ своихъ границъ. Конечно, формально, верховная власть, будучи верховною, можетъ все себѣ позволить; на нее нѣтъ апелляціи. Тѣмъ не менѣе, въ посягательствѣ на частное право можно видѣть только злоупотребленіе власти. Какъ бы ни колебалась практика, теоретически мы имѣемъ возможность положить границу государственной дѣятельности. Но эта граница лежитъ не въ неопредѣленномъ началѣ пользы, а въ законныхъ правахъ заключающихся въ государствѣ лицъ и союзовъ. Здѣсь только мы находимъ мѣрило, на основаніи котораго мы можемъ рѣшить занимающую насъ задачу.

Права отдѣльныхъ лицъ принадлежатъ имъ, какъ членамъ тѣхъ или другихъ союзовъ, семейнаго, гражданскаго, церковнаго. Поэтому вопросъ сводится къ самостоятельности послѣднихъ. Въ исторіи, этотъ вопросъ проходилъ черезъ различныя фазы; мы коснемся

этого впослѣдствіи. Здѣсь же мы ограничимся существующими отношеніями; посмотримъ, на сколько они соотвѣтствуютъ теоретическимъ требованіямъ.

Первоначальный, естественный союзъ есть семейство. Въ немъ, какъ въ источникѣ всего человѣческаго общежитія, заключаются уже всѣ элементы послѣдняго. Съ одной стороны, оно является союзомъ юридическимъ и, какъ таковой, входитъ въ составъ гражданскаго общества; съ другой стороны, оно содержитъ въ себѣ нравственный элементъ и въ этомъ отношеніи находится подъ вліяніемъ церкви. На низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія, семейство играетъ и политическую роль. Впослѣдствіи, это значеніе его отпадаетъ, и оно становится исключительно частнымъ союзомъ; но нравственный его характеръ даетъ ему особое мѣсто въ ряду гражданскихъ отношеній. Если вступленіе въ бракъ совершается по волѣ лицъ, то всѣ дальнѣйшія условія семейной жизни и взаимныя права и обязанности членовъ семьи не зависятъ уже отъ ихъ личной воли. Отношенія мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ опредѣляются не договоромъ, а общимъ закономъ. Этотъ законъ, при разрушеніи отдѣльныхъ семействъ, сохраняетъ общій типъ нравственно-органическаго союза, вытекающаго изъ самой природы человѣка и равно необходимаго для физическаго и для нравственнаго его существованія. Но именно потому, этотъ законъ установляется не преходящею волею членовъ семьи, а получается отъ другихъ, высшихъ союзовъ, имѣющихъ болѣе постоянный характеръ, отъ церкви или отъ государства.

Нравственный характеръ семейства ведетъ къ подчиненію его церкви. Это мы и видимъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ въ большей или меньшей степени господствуютъ теократическія начала. Но такъ какъ семейство есть вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскій союзъ, а гражданскія отношенія, въ обществахъ съ свѣтскимъ характеромъ, не подлежатъ вѣдѣнію церкви, то рано или поздно семейные законы переходятъ въ вѣдомство государства. Послѣднее однако не поступаетъ здѣсь произвольно. Задача его состоитъ въ томъ, чтобы согласить нравственный типъ семейства, выработанный нравственно-религіознымъ сознаніемъ общества, съ требованіями личной свободы, вытекающими изъ гражданскаго порядка. Поэтому, какое бы свѣтское направленіе ни приняло семейное законодательство, государство не можетъ не соображаться съ воззрѣніями церкви; иначе оно по-

сягнетъ на совѣсть гражданъ, на что оно не имѣетъ права. Типъ семейства, который лежитъ въ основаніи всѣхъ европейскихъ законодательствъ, есть все таки типъ христіанскій. Отсюда, безъ сомнѣнія, могутъ произойти столкновенія между государствомъ и церковью, но эти столкновенія неизбѣжны при существованіи разнородныхъ союзовъ. Этимъ ограждается свобода человѣка; разрѣшеніе же ихъ принадлежитъ не праву, а политикѣ, ибо здѣсь необходимо принять во вниманіе существующія условія жизни и нравственное состояніе общества.

Установляя нормы, которыми опредѣляются права и обязанности членовъ семьи, государство вмѣстѣ съ тѣмъ защищаетъ проистекающія изъ нихъ права отъ нарушенія. Когда нарушаются права взрослаго, защита дается по требованію обиженнаго, судомъ. Но въ семьѣ есть и малолѣтніе, относительно которыхъ могутъ быть злоупотребленія родительской власти, и которыя сами себя защищать не въ состояніи. Тутъ требуется восполненіе этого недостатка. Государство, установляющее нормы, беретъ на себя и защиту. Но вступаясь во внутреннія отношенія семьи, оно неизбѣжно приходитъ въ столкновеніе съ семейнымъ началомъ. Родительская власть составляетъ необходимую принадлежность семейнаго союза, а по своему нравственному характеру, она въ значительной степени руководствуется усмотрѣніемъ. Поэтому, злоупотребленіями могутъ считаться только самые крайніе случаи, и только въ этихъ случаяхъ можетъ быть допущено вмѣшательство государства. Иначе это будетъ посягательство на семейное начало, что ведетъ къ разрушенію нравственной связи, которою держится союзъ.

Въ бо̀льшихъ размѣрахъ требуется защита малолѣтнихъ тамъ, гдѣ родительская власть исчезла и замѣняется опекою. Опекунъ, которому ввѣрены интересы малолѣтняго, можетъ обратить ихъ въ свою собственную пользу; поэтому здѣсь необходимъ контроль. Онъ можетъ быть ввѣренъ тѣмъ мелкимъ союзамъ, къ которымъ принадлежатъ лица, сословіямъ или общинамъ; но высшую инстанцію и тутъ составляетъ государство, которое является верховнымъ хранителемъ установленныхъ имъ нормъ.

Таковы правомѣрныя отношенія государства къ семейству. Они ограничиваются установленіемъ нормъ и защитою правъ. Всякое дальнѣйшее вмѣшательство государства въ семейную жизнь есть

деспотизмъ. Основное правило то, что семейный бытъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ.

Тоже самое относится и къ столь тѣсно связанному съ семейнымъ началомъ наслѣдственному праву. Послѣднее касается не однихъ только членовъ собственно такъ называемой семьи, но и всего родства, которое ничто иное какъ расширенная семья. И то и другое вмѣстѣ образуетъ созданный самою природою кровный союзъ, основанный на естественной связи людей. И тутъ государству принадлежитъ установленіе нормъ и защита вытекающихъ изъ нихъ правъ. Но и тутъ, установляя нормы, государство должно руководствоваться началами, лежащими въ самомъ союзѣ. Какъ уже было указано выше, оно призвано примирить свободу завѣщанія съ правами наслѣдниковъ. При этомъ оно не можетъ не имѣть въ виду и политическія соображенія, ибо отъ гражданскаго порядка зависитъ политическій бытъ. Но эти стороннія соображенія могутъ только придать большій вѣсъ правамъ той или другой стороны, но никогда не могутъ ихъ замѣнить. Государство, которое изъ политическихъ видовъ присвоило бы себѣ частное наслѣдство, явилось бы грабителемъ. Даже при разрѣшеніи обоюдныхъ притязаній частныхъ лицъ, первенствующее значеніе принадлежитъ не политическимъ цѣлямъ, а вырабатывающимся въ самой семейной жизни началамъ, которыя выражаются въ семейныхъ нравахъ. Законодательство, которое пошло бы имъ наперекоръ, опять же посягнуло бы на самыя завѣтныя чувства гражданъ и рисковало бы даже остаться вовсе безъ приложенія. Такова была судьба, постигшая законъ Петра Великаго о маіоратахъ.

И такъ, въ отношеніи къ кровному союзу, границы государственной дѣятельности опредѣляются свойствами этого союза, который создается не государствомъ, а самою природою. Если государству принадлежитъ опредѣленіе вытекающихъ изъ него гражданскихъ отношеній, то развитіе высшей, нравственной его стороны, отъ которой зависятъ и гражданскія права, принадлежитъ главнымъ образомъ церкви. Вопросъ о границахъ дѣятельности государства приводитъ насъ такимъ образомъ къ вопросу объ отношеніяхъ государства къ церкви.

Тутъ являются начала совершенно инаго рода, нежели тѣ, которыми опредѣляются отношенія государства къ кровному союзу. Церковь есть тоже союзъ самостоятельный. Религіозное начало, на которомъ она зиждется, не подлежитъ вѣдѣнію государства. Отно-

шенія человѣка къ Богу составляютъ дѣло внутреннее; они опредѣляются совѣстью, и всякое посягательство на нихъ со стороны государственной власти есть деспотизмъ. И тутъ основное правило состоитъ въ томъ, что права совѣсти должны оставаться неприкосновенными. Но эти отношенія не ограничиваются однимъ личнымъ поклоненіемъ. Изъ нихъ образуется постоянный, преемственный союзъ, связывающій милліоны людей, въ теченіи многихъ вѣковъ, въ одно нравственное цѣлое. Устройство этого цѣлаго и отношенія его членовъ, въ существѣ своемъ, опредѣляются лежащимъ въ основаніи ихъ религіознымъ началомъ, а потому точно также не подлежатъ вѣдѣнію государства. Послѣднее не призвано установлять здѣсь нормы, какъ въ семейномъ правѣ; церковь сама себѣ даетъ законъ. Но такъ какъ этотъ законъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ государства и касается его гражданъ, то государство, какъ верховный устроитель общественнаго порядка, не можетъ оставить его безъ вниманія. Оно одно можетъ дать ему юридическую силу и оно же властно отвергнуть то, что несовмѣстно съ основами гражданскаго строя. Отсюда право государства не терпѣть внутри себя сектъ и ученій, дѣйствующихъ разрушительно на общественный бытъ. Въ какихъ размѣрахъ должно прилагаться это право, это вопросъ, который зависитъ отъ усмотрѣнія. Иныя государства допускаютъ въ себѣ бо̀льшую свободу, другія меньшую; во всякомъ случаѣ, государственная власть является здѣсь верховнымъ судьею. Отсюда, опять же, могутъ произойти столкновенія; но гдѣ есть самостоятельные союзы, тамъ столкновенія неизбѣжны. И тутъ вопросъ рѣшается не правомъ, а политикою. Задача состоитъ въ томъ, чтобы согласить неотъемлемо принадлежащія человѣку права совѣсти съ неотъемлемо принадлежащею государству охраною общественнаго порядка. Государство дѣйствуетъ здѣсь не положительно, а отрицательно; оно оставляетъ неприкосновенными внутренніе помыслы, но воспрещаетъ общественное проявленіе ученій, разрушающихъ существующія основы общежитія.

Этою отрицательною дѣятельностью не ограничиваются однако отношенія государства къ церкви. Религія составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ интересовъ народа, а потому она не можетъ оставаться чуждою государству, какъ верховному блюстителю всѣхъ общественныхъ интересовъ. Государство нуждается въ церкви и для себя самого. Политическій порядокъ есть въ значительной

степени порядокъ нравственный, ибо таковымъ является осуществляемое въ немъ начало общаго блага; государство держится не одними юридическими установленіями, но и нравственнымъ духомъ гражданъ. Между тѣмъ, главный источникъ нравственности, личная совѣсть, не подлежитъ его вѣдѣнію, а напротивъ, находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ церкви. Всемірный опытъ, также какъ и здравая философія, удостовѣряютъ насъ, что религія и нравственность находятся въ самой тѣсной связи. И та и другая имѣетъ одинъ источникъ—совѣсть. Религія, связывая человѣка съ Богомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняетъ его нравственному закону и побуждаетъ его къ подвигамъ добра, и наоборотъ, нравственность, приводя человѣка къ сознанію высшаго, господствующаго надъ нимъ закона, заставляетъ его обращаться къ абсолютному источнику этого закона—къ Божеству. Поэтому церковь является союзомъ не только религіознымъ, но и нравственнымъ; отсюда и могучее ея дѣйствіе на человѣческія сердца. Въ особенности эта связь важна для массы, которая въ непосредственномъ своемъ чувствѣ не раздѣляетъ обоихъ началъ и не можетъ искать опоры въ отвлеченныхъ философскихъ понятіяхъ. Она важна и для образованныхъ классовъ, ибо полнота нравственной жизни дается только совокупностью ея элементовъ, восполняющихъ другъ друга. Понятно поэтому, что для государства, не имѣющаго возможности вліять на совѣсть, въ высшей степени важно имѣть содѣйствіе церкви. Отсюда двоякое положительное отношеніе государства къ церкви: съ одной стороны, оно оказываетъ ей содѣйствіе, какъ существенному интересу народа, съ другой стороны, оно получаетъ отъ нея содѣйствіе, пользуясь нравственнымъ ея вліяніемъ на вѣрующихъ.

Этимъ двоякимъ отношеніемъ опредѣляется и положеніе церкви въ государствѣ. Содѣйствіе государства обнаруживается прежде всего въ опредѣленіи юридической стороны церковнаго союза. Для достиженія своихъ цѣлей, церковь нуждается въ матеріальныхъ средствахъ. Какъ владѣлецъ имущества, она можетъ являться юридическимъ лицемъ. А такъ какъ опредѣленіе имущественныхъ отношеній, и въ особенности возведеніе союзовъ или учрежденій на степень юридическихъ лицъ, зависитъ отъ государства, то съ этой стороны права церкви установляются государствомъ. Оно, по своему усмотрѣнію, оставляетъ церковь на степени простаго товарищества

или признаетъ ее юридическимъ лицемъ; оно же опредѣляетъ границы и способы пріобрѣтенія имуществъ.

Еще болѣе отъ него зависитъ политическое положеніе церкви, которая можетъ быть либо единственною допущенною въ государствѣ, либо господствующею, либо признанною наравнѣ съ другими, либо признанною, хотя и съ меньшими правами, либо наконецъ просто терпимою. Церковь можетъ также получать отъ государства различныя льготы и пособія. Во всемъ этомъ государство руководствуется тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ церковь для гражданскаго и политическаго строя; опредѣленіе же степени этого значенія зависитъ исключительно отъ государства, которое такимъ образомъ является верховнымъ судьею въ рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ. Единственную границу его власти составляетъ внутреннее устроеніе церкви, котораго государство не имѣетъ права касаться самовольно. Смѣшеніе этихъ двухъ сторонъ, внутренняго церковнаго устройства и внѣшняго положенія церкви въ государствѣ, было причиною того противодѣйствія, которое встрѣтило Гражданское устройство духовенства во времена Французской революціи, и которое привело наконецъ къ отмѣнѣ этого закона. Съ другой стороны, предоставленіе церкви извѣстнаго политическаго положенія неизбѣжно открываетъ въ ней просторъ вліянію государства. Это выражается особенно въ способѣ назначенія членовъ духовенства. Получая пособія отъ государства, и дѣлаясь нѣкоторымъ образомъ должностными лицами, они тѣмъ самымъ становятся отъ него въ зависимость. Но такъ какъ церковь есть самостоятельный союзъ, то подобное вмѣшательство въ ея внутреннее управленіе не можетъ происходить иначе, какъ съ ея согласія. Разумѣется, чѣмъ политически слабѣе церковь, чѣмъ болѣе она нуждается въ покровительствѣ государственной власти, тѣмъ легче получить это согласіе. Фактически возможно даже полное подчиненіе церкви государству. Напротивъ, чѣмъ устройство церкви самостоятельнѣе, тѣмъ болѣе она относится къ государству, какъ равный къ равному. Въ послѣднемъ случаѣ, опредѣленіе взаимныхъ отношеній совершается въ видѣ формальныхъ договоровъ, или конкордатовъ. Таково именно положеніе католицизма. Характеръ церкви, какъ независимаго отъ государства союза, проявляется въ немъ вполнѣ. Конечно, государство, пользуясь своею властью, можетъ преступить эти предѣлы; но такое вторженіе въ

чужую область есть не право, а злоупотребленіе права, и когда церковь оказываетъ сопротивленіе, то она не можетъ не встрѣтить одобренія со стороны безпристрастной науки.

Наконецъ, и въ своихъ отношеніяхъ къ гражданскому обществу государственная дѣятельность находитъ себѣ предѣлы въ началахъ, вытекающихъ изъ самаго существа этого союза. Мы видѣли уже, что гражданское общество должно разсматриваться, какъ союзъ самостоятельный, образующійся изъ частныхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ. Основное правило здѣсь то, что частная жизнь и частныя отношенія должны оставаться неприкосновенными. Вторженіе государства въ эту область опять же есть не болѣе какъ деспотизмъ. Если началомъ самостоятельности церкви охраняется внутренняя свобода человѣка, то началомъ самостоятельности гражданскаго общества охраняется свобода внѣшняя. Гдѣ эта самостоятельность не признается, тамъ свобода обращается въ призракъ. Но такъ какъ частныя отношенія ведутъ къ безпрерывнымъ столкновеніямъ между людьми, то необходимо установленіе общихъ нормъ, которыми должны опредѣляться взаимныя права и обязанности лицъ. Эти нормы могутъ установляться живущимъ въ обществѣ обычаемъ; но рано или поздно эта неопредѣленная форма уступаетъ мѣсто исходящему отъ власти закону, а такъ какъ въ гражданскомъ обществѣ нѣтъ единой возвышающейся надъ всѣми власти, а именно подобная власть существуетъ въ государствѣ, то послѣднему принадлежитъ установленіе гражданскихъ нормъ.

Однако и тутъ государство поступаетъ не произвольно. Оно должно руководствоваться началами, составляющими самое существо гражданскаго общества. Эти начала, какъ мы уже видѣли, суть личность и вытекающія изъ нея права, то есть, свобода и собственность. Государство, которое установляетъ гражданскій законъ на иныхъ основаніяхъ, поступаетъ деспотически. Въ дѣйствительности, именно на этихъ началахъ строились законодательства всѣхъ образованныхъ народовъ, не только новыхъ, но и древнихъ. Вся римская юриспруденція представляла собою логическое ихъ развитіе. Отсюда ея классическое значеніе для гражданскаго права всѣхъ новыхъ народовъ. Мы учимся у Римлянъ правовѣдѣнію, также какъ у Грековъ художеству.

Но установляя гражданскій законъ, государство даетъ только общую форму, въ которую могутъ вмѣщаться права и обязан-

ности лицъ. Самое же пріобрѣтеніе правъ, равно какъ и ихъ прекращеніе, совершается свободною дѣятельностью единичныхъ особей. Одна свобода составляетъ для человѣка прирожденное право, ибо она одна прямо вытекаетъ изъ природы человѣка; все остальное есть пріобрѣтенное, но пріобрѣтенное свободою, а не силою государственной власти. Такимъ образомъ, государство установляетъ право собственности; но оно никому собственности не даетъ. Пріобрѣтеніе и отчужденіе вещей является дѣйствіемъ самихъ лицъ, на основаніи особыхъ юридическихъ актовъ, совершаемыхъ по ихъ волѣ, въ предѣлахъ положенной нормы. Точно также государство установляетъ права по обязательствамъ; но этими нормами никто ни къ чему не обязывается. Для этого нужны особыя, добровольно заключаемыя сдѣлки, которыя и служатъ основаніемъ обязательствъ. Общая воля, воплощающаяся въ государствѣ, ставитъ общія рамки, необходимыя для предупрежденія столкновеній; частная же воля лицъ наполняетъ эти рамки живымъ содержаніемъ, и это содержаніе составляетъ дѣйствительность права.

Этому содержанію государство даетъ защиту. Всякое законное проявленіе воли, на основаніи установленныхъ нормъ, охраняется государствомъ. Но пока нарушеніе касается только пріобрѣтеннаго лицемъ права, защита дается единственно по требованію лица, которому предоставляется доказать нарушеніе. Въ этомъ состоитъ судопроизводство гражданское. Когда же отрицается не только право лица, но и самая норма, тогда защита принимаетъ иной характеръ. Тутъ является посягательство уже на права государства, и тогда послѣднее беретъ на себя начинаніе и веденіе защиты. Въ этомъ состоитъ судопроизводство уголовное. Въ видѣ исключенія, государство беретъ на себя и гражданскую защиту въ тѣхъ случаяхъ, когда частное лице само себя защищать не въ состояніи. Мы видѣли это въ семейномъ правѣ относительно малолѣтнихъ. Тоже самое относится къ сумасшедшимъ. Ниже мы увидимъ и нѣкоторыя другія приложенія этого начала.

Что касается до частныхъ союзовъ, возникающихъ на почвѣ гражданскаго общества, то они могутъ быть либо простыя товарищества, либо юридическія лица, либо постоянные союзы съ государственнымъ значеніемъ; наконецъ, они могутъ имѣть и смѣшанный характеръ. Къ первымъ прилагаются общіе законы о гражданскихъ товариществахъ; чѣмъ болѣе они имѣютъ частное зна-

ченіе, тѣмъ менѣе умѣстно вмѣшательство государства. Вторыя, напротивъ, получаютъ бытіе свое единственно отъ государства, ибо юридическое лице, становясь независимымъ отъ воли членовъ, не можетъ получать свое бытіе отъ послѣдней. Но государство даетъ здѣсь только высшее юридическое освященіе частной инициативѣ. Частнымъ лицамъ принадлежитъ и указаніе цѣли и доставленіе средствъ. Наконецъ, союзы съ политическимъ значеніемъ организуются и получаютъ свои права отъ государства, ибо они въ большей или меньшей степени состоятъ его органами. Государство не входитъ съ ними въ соглашенія, какъ съ церковью, ибо оно составляетъ для нихъ высшее единство. На сколько они имѣютъ общественный, а не частный характеръ, на столько они являются его членами, а потому оно господствуетъ надъ ними, какъ цѣлое надъ частями.

Таковы отношенія государства къ другимъ союзамъ. Вездѣ оно является верховнымъ распорядителемъ, но не съ тѣмъ, чтобы подчинить всѣ частные союзы своимъ цѣлямъ, а съ тѣмъ, чтобы дать имъ охрану и защиту на основаніи началъ, присущихъ собственной ихъ природѣ и вырабатываемыхъ собственною ихъ жизнью. Еслибы этимъ ограничивалась дѣятельность государства, то были бы правы тѣ, которые единственною его цѣлью признаютъ охраненіе юридическаго порядка. Но кромѣ этой доставляемой имъ защиты, государство имѣетъ и собственную свою область, исключительно ему принадлежащую. Такова область общихъ интересовъ, которые существенно отличаются отъ частныхъ, хотя находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ послѣдними. Есть интересы чисто личные, которые удовлетворяются самостоятельною дѣятельностью каждаго. Есть и такіе, которые требуютъ частнаго соединенія силъ; они составляютъ предметъ дѣятельности частныхъ товариществъ и союзовъ. Наконецъ, есть и такіе, которые касаются всѣхъ, и которые, по этому самому, удовлетворяются совокупною дѣятельностью общества. Послѣдніе естественно состоятъ въ вѣдомствѣ государства. Сюда принадлежитъ, прежде всего, безопасность, которая необходимо требуетъ общихъ мѣръ. Сюда же относится попеченіе о благосостояніи, какъ матеріальномъ, такъ и духовномъ. Наконецъ, сюда же относится все, что касается народа, какъ единаго цѣлаго, его историческаго призванія и его положенія среди другихъ.

На счетъ послѣдняго пункта разногласія нѣтъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что международныя отношенія должны вѣдаться

государствомъ, а не частными лицами. Точно также нѣтъ сомнѣнія и относительно безопасности. Всѣ признаютъ ее законною цѣлью государственной дѣятельности. Разногласіе существуетъ только на счетъ попеченія о благосостояніи гражданъ, матеріальномъ и духовномъ. Тутъ только являются противоположные взгляды: одни хотятъ слишкомъ малаго, другіе требуютъ слишкомъ многаго.

Слишкомъ малымъ ограничиваютъ дѣятельность государства тѣ, которые совершенно исключаютъ этотъ предметъ изъ области его вѣдѣнія. Самая жизнь показываетъ несостоятельность этого взгляда, ибо есть предметы, которые по существу своему, требуютъ общихъ и притомъ принудительныхъ мѣръ. Такова, напримѣръ, монетная система. Она составляетъ потребность торговаго оборота, а между тѣмъ, очевидно, нѣтъ возможности предоставить ее частнымъ лицамъ. Таковы же пути сообщенія, которые находятся въ пользованіи всѣхъ, а потому неизбѣжно должны состоять или въ вѣдѣніи или подъ контролемъ общества, какъ цѣлаго. Все, что составляетъ совокупный интересъ гражданъ, должно вѣдаться совокупнымъ обществомъ, а совокупное общество и есть государство.

Съ другой стороны, слишкомъ многаго требуютъ тѣ, которые попеченіе о благосостояніи распространяютъ на всѣ частные интересы, такъ что частная сфера поглощается общественною или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ подчиняется ей. Таковы стремленія соціалистовъ.

Истинное отношеніе состоитъ въ томъ, что частная дѣятельность должна оставаться вполнѣ самостоятельною. Государство только содѣйствуетъ ей и восполняетъ ее по мѣрѣ возможности, тамъ гдѣ она оказывается недостаточною. Это признаютъ и соціалисты каѳедры, когда они, не совсѣмъ послѣдовательно, становятся на почву здравой теоріи и жизненнаго опыта [1]).

Отсюда слѣдуетъ, прежде всего, что государство не обязано доставлять гражданамъ средства существованія. Это — дѣло частное. Каждый отыскиваетъ себѣ работу и добываетъ себѣ пропитаніе самъ. Когда, въ силу несчастнаго стеченія обстоятельствъ, человѣкъ не въ состояніи пропитаться, онъ взываетъ къ помощи ближнихъ. Тогда наступаетъ призваніе благотворительности, сначала частной, а за недостаткомъ послѣдней, общественной. Государство, въ видахъ человѣколюбія, не можетъ не придти на помощь страждущимъ граж-

[1]) См. Ад. Вагнеръ: Grundlegung, § 168.

данамъ. Но благотворительность не становится для нихъ правомъ; она дѣйствуетъ по мѣрѣ силъ и возможности. Государственная благотворительность въ особенности никогда не должна забывать, что она свои средства получаетъ не добровольно, а принудительно, и что употребленіе ихъ на пользу отдѣльныхъ лицъ можетъ быть оправдано только крайними обстоятельствами, когда нужда вопіющая, а частныя средства оказываются недостаточными. Расширеніе ея за эти предѣлы было бы узаконеніемъ правила, что частныя лица могутъ жить на счетъ общества, то есть, принудительно на счетъ своихъ согражданъ, а подобное правило совмѣстно только съ соціализмомъ.

Всякое превращеніе благотворительности въ право непремѣнно влечетъ за собою это послѣдствіе; оно возможно только при замѣнѣ частной промышленности общественною, и окончательно только при полномъ порабощеніи лица. Къ этому именно ведетъ провозглашенное въ 1848 году право на трудъ, или то обезпеченіе каждому лицу средствъ существованія, на которомъ Фихте строилъ свое Замкнутое торговое государство. Въ самомъ дѣлѣ, для того чтобы государство могло доставлять работу всѣмъ нуждающимся въ ней, надобно, чтобы оно держало всю промышленность въ своихъ рукахъ; необходимо, чтобы оно управляло и сбытомъ, ибо окончательно всякая работа оплачивается потребителемъ. Обязаться доставлять всѣмъ работу государство можетъ только на счетъ потребителей, заставляя послѣднихъ покупать произведенія по назначенной имъ цѣнѣ, или, что тоже самое, платить подати, которыми оплачивается трудъ. Но очевидно, что потребители могутъ на это согласиться единственно подъ условіемъ, что государство обяжется, съ своей стороны, удовлетворять всѣмъ ихъ потребностямъ. Принять же на себя подобное обязательство государство, въ свою очередь, можетъ лишь подъ условіемъ, что трудъ сдѣлается принудительнымъ. Чтобы доставлять всѣмъ работу и удовлетворять всѣмъ потребностямъ, государство должно сдѣлаться полновластнымъ распорядителемъ личности и имущества гражданъ. Къ этому именно результату пришелъ Фихте въ своемъ Замкнутомъ торговомъ государствѣ. Все это было съ необыкновенною послѣдовательностью выведено изъ принятаго имъ начала. И точно, какъ скоро я требую отъ другаго, чтобы онъ обезпечилъ мнѣ средства жизни, такъ я долженъ предоставить ему распоряженіе моимъ лицемъ и моею дѣятельностью.

То, что при поверхностномъ взглядѣ представлялось правомъ, на дѣлѣ оказывается порабощеніемъ.

Но если государство не обязано доставлять гражданамъ работу, то еще менѣе оно обязано кого либо надѣлять землею или давать кому либо орудія производства. Довольно распространенное у насъ мнѣніе, будто государство должно заботиться о томъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ клочекъ земли, составляетъ не болѣе какъ остатокъ крѣпостнаго права. Землею надѣляютъ рабовъ; свободный человѣкъ пріобрѣтаетъ ее самъ. Пока крестьяне были крѣпостные, ихъ надѣляли землею помѣщики и государство. При освобожденіи, справедливость требовала, чтобы сословіе, которое посвящаетъ себя обработкѣ земли, а между тѣмъ, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, было лишено возможности ее пріобрѣтать, не было пущено по міру съ голыми руками. Тутъ надѣлъ былъ необходимъ; но это былъ послѣдній. Съ полученіемъ свободы, наступаетъ для каждаго пора самому заботиться о себѣ и о своемъ потомствѣ. Государство столь же мало обязано давать крестьянамъ землю, какъ оно обязано давать ремесленникамъ и фабрикантамъ орудія производства. Все это чисто соціалистическія требованія, несовмѣстныя съ существованіемъ свободы и правильнаго гражданскаго порядка.

Это не мѣшаетъ государству, когда у него есть лишнія земли, продавать или раздавать ихъ нуждающемуся въ нихъ населенію. Подобная сдѣлка можетъ быть выгодна для обѣихъ сторонъ. Такого рода содѣйствіе благосостоянію крестьянскаго населенія прямо указано находящимися въ рукахъ государства средствами и зависитъ отъ ихъ размѣра. Мы къ этому возвратимся ниже; теперь же взглянемъ на общій характеръ тѣхъ мѣръ, которыми государство можетъ способствовать благосостоянію гражданъ.

Вообще, содѣйствіе государства частнымъ интересамъ можетъ состоять либо въ опредѣленіи условій для частной дѣятельности, либо въ собственной дѣятельности государства. Первое имѣетъ цѣлью устраненіе вреда, могущаго произойти для однихъ отъ необдуманныхъ или неосторожныхъ дѣйствій другихъ. Государство не вмѣшивается въ частную дѣятельность и не распоряжается ею, но оно полагаетъ нѣкоторыя общія ограниченія и условія, которыя равно относятся ко всѣмъ.

Подобныя мѣры могутъ быть, какъ отрицательныя, такъ и по-

ложительныя. Первыя состоятъ въ воспрещеніяхъ всякаго рода. Сюда относится множество полицейскихъ мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ безопасности, порядка и здоровья. Вторыя состоятъ въ предписаніяхъ разнаго рода. И то и другое бываетъ равно необходимо для достиженія одной и той же цѣли. Такъ напримѣръ, въ видахъ безопасности, воспрещается скорая ѣзда на улицахъ и предписывается ѣздить ночью съ фонарями. Въ видахъ чистоты и здоровья, воспрещается сваливать нечистоты на площадяхъ и предписывается вывозить ихъ въ указанныя мѣста.

Государство можетъ положить и особенныя условія для занятій, требующихъ спеціальнаго приготовленія, напримѣръ для медиковъ, аптекарей, учителей, адвокатовъ. Отъ нихъ требуется экзаменъ, какъ доказательство знанія. Причина та, что нуждающіеся въ ихъ услугахъ, не будучи спеціалистами, не въ состояніи судить о степени ихъ способности, а между тѣмъ, дѣятельность лицъ, не обладающихъ надлежащею подготовкою, можетъ имѣть весьма пагубныя послѣдствія для тѣхъ, которые имъ ввѣряются. Государство въ этомъ случаѣ даетъ удостовѣреніе, которое служитъ ручательствомъ и устраняетъ неспособныхъ.

Во всѣхъ этого рода мѣрахъ, касающихся частныхъ лицъ, государство можетъ держаться двоякаго рода политики: оно можетъ дѣйствовать либо предупрежденіемъ, либо пресѣченіемъ. Которая изъ этихъ двухъ системъ заслуживаетъ предпочтенія? Либералы единогласно стоятъ за систему пресѣченія; соціалисты каѳедры, напротивъ, утверждаютъ, что начало предупрежденія должно преобладать въ развитомъ государствѣ. «Удачное предупрежденіе, говоритъ Ад. Вагнеръ, съ точки зрѣнія права есть высшее; съ точки зрѣнія пользы и практическаго интереса, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народнаго хозяйства, оно точно также есть важнѣйшее. Поэтому, должно стремиться къ тому, чтобъ сдѣлать предупрежденіе возможно правильнымъ и достаточнымъ, съ тѣмъ чтобы пресѣченіе стало не нужнымъ. Чѣмъ выше стоятъ народное хозяйство и культура, чѣмъ болѣе расширяется въ особенности раздѣленіе труда, народнаго и международнаго, чѣмъ сложнѣе становятся отношенія и формы оборота, тѣмъ необходимѣе дѣлается предупрежденіе, ибо наступившее уже нарушеніе права дѣйствуетъ вреднѣе» [1]).

---

[1]) Lehrbuch d. Pol. Oek. Grundleg. стр. 276.

Это воззрѣніе совершенно упускаетъ изъ виду потребности свободы. Слѣдуетъ сказать наоборотъ, что именно съ точки зрѣнія права, предупрежденіе несомнѣнно составляетъ низшую форму, ибо оно болѣе стѣсняетъ свободу, которая должна быть правиломъ, а не исключеніемъ. Всеобщая система предупрежденія, о которой мечтаетъ Вагнеръ, была бы равносильна поставленію всего общества подъ самую невыносимую полицейскую опеку. Но съ другой стороны, столь же несомнѣнно, что точка зрѣнія пользы заставляетъ иногда отступать отъ этого начала. Тамъ, гдѣ зло неотвратимо и неисправимо, пресѣченіе пришло бы слишкомъ поздно. Такъ напримѣръ, когда строится частный пароходъ, предназначенный для перевозки за море тысячей людей, и отъ плохаго его устройства могутъ погибнуть экипажъ и пассажиры, то правительство въ правѣ требовать, чтобы онъ былъ пущенъ въ море не иначе какъ съ правительственнаго разрѣшенія, по предварительномъ осмотрѣ техниками. Сама практика привела къ этому англійское законодательство. Но еслибы правительство вздумало тоже самое правило прилагать ко всѣмъ каретамъ, выѣзжающимъ на улицу, то это было бы самое притѣснительное и совершенно даже невыполнимое распоряженіе. Конечно, тутъ всегда есть область, предоставленная усмотрѣнію; тамъ, гдѣ прилагается начало пользы, нельзя постановить твердыхъ границъ. Но основнымъ началомъ во всякомъ образованномъ государствѣ должно быть то, что предупрежденіе составляетъ не правило, а исключеніе; иначе исчезнетъ свобода. Поэтому, никакъ нельзя согласиться съ Вагнеромъ, что высшее развитіе общества требуетъ все большаго и большаго расширенія системы предупрежденія. Если высшее развитіе осложняетъ отношенія, то оно доставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ бо́льшія средства отвращать зло частными усиліями. Въ публикѣ распространяются разнообразныя свѣдѣнія и вырабатываются извѣстные нравы и привычки, которые замѣняютъ государственную опеку. Послѣдняя нужнѣе для общества мало образованнаго, нежели для образованнаго, также какъ частная опека нужна для малолѣтнихъ, а не для взрослыхъ.

Въ обѣихъ системахъ, какъ предупрежденія, такъ и пресѣченія, государству принадлежитъ надзоръ за исполненіемъ установленныхъ имъ правилъ. Этотъ надзоръ ввѣряется или общимъ правительственнымъ мѣстамъ, или особымъ, назначеннымъ къ тому органамъ. Во всякомъ случаѣ, кромѣ постановленій, ограничивающихъ частную

дѣятельность, тутъ является и собственная дѣятельность органовъ государства. Но здѣсь эта дѣятельность ограничивается наблюденіемъ, преслѣдованіемъ, разрѣшеніями. Гораздо болѣе широкіе размѣры принимаетъ она тамъ, гдѣ самое исполненіе принадлежитъ государству. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ принимаются мѣры общія и отчасти принудительныя, напримѣръ при заразительныхъ болѣзняхъ, или когда дается помощь изъ государственныхъ средствъ, напримѣръ въ случаѣ голода. Наконецъ, есть и такіе предметы, которые, по существу своему, находятся въ вѣдѣніи государства. Сюда принадлежитъ все, что состоитъ въ общемъ пользованіи или требуетъ общей системы, въ особенности же то, что по природѣ своей образуютъ извѣстнаго рода монополію. Таковы пути сообщенія, почты, телеграфы, монетная система, таможни, карантины, пожарная полиція, водопроводы, благотворительныя учрежденія и т. д., а въ другой области, публичные музеи и учебныя заведенія. Частью эти предметы находятся въ управленіи центральныхъ властей, частью въ вѣдѣніи мѣстныхъ. Во всякомъ случаѣ, тутъ общественная власть замѣняетъ частную предпріимчивость. Спрашивается: въ какой мѣрѣ это должно совершаться?

Этотъ вопросъ относится собственно не къ праву, а къ политикѣ. Право государства завѣдывать предметами, которые составляютъ общую потребность и находятся въ пользованіи всѣхъ, не подлежитъ сомнѣнію. Но оно можетъ найти болѣе выгоднымъ предоставить ихъ, подъ своимъ надзоромъ, частной предпріимчивости; это— дѣло усмотрѣнія. Въ этомъ отношеніи надобно сказать, что государство, вообще, не должно брать на себя то, что можетъ также хорошо быть исполнено частными силами. Если общественная потребность удовлетворяется сама собою, безъ отягощенія публики, то нѣтъ нужды употреблять общественныя средства. Государство никогда не должно забывать, что оно можетъ поддерживать свои учрежденія единственно на счетъ гражданъ, съ помощью принудительныхъ сборовъ. Прибѣгать къ этому слѣдуетъ только въ случаѣ необходимости. Кромѣ того, полезно, чтобы самодѣятельности гражданъ было предоставлено возможно болѣе обширное поприще. Чѣмъ болѣе народъ привыкаетъ удовлетворять общимъ потребностямъ частными средствами, тѣмъ болѣе развиваются его силы, тѣмъ выше поднимается его благосостояніе и тѣмъ болѣе само государство находитъ средствъ и орудій для исполненія соб-

ственно ему принадлежащихъ задачъ. Наконецъ, надобно принять въ соображеніе и то, что государство, дѣйствуя по необходимости общими мѣрами, во многихъ случаяхъ не въ состояніи такъ приноровиться къ потребностямъ публики, какъ частныя лица, которыхъ вся выгода состоитъ въ правильномъ удовлетвореніи этихъ потребностей. Въ особенности это относится къ тѣмъ отраслямъ, гдѣ возможна конкурренція. Послѣдняя, какъ уже было указано выше, сама собою, въ большинствѣ случаевъ, ведетъ къ наилучшему и наиболѣе дешевому удовлетворенію потребителей. Поэтому, чѣмъ шире конкурренція, тѣмъ скорѣе извѣстная отрасль можетъ быть предоставлена частной предпріимчивости.

Мало того: даже тамъ, гдѣ предметъ, по своему свойству, составляетъ монополію, правительство можетъ найти болѣе выгоднымъ отдать его въ частныя руки. Такъ, города отдаютъ частнымъ компаніямъ устройство водопроводовъ и газоваго освѣщенія; государство отдаетъ въ частныя руки желѣзныя дороги. Почему это дѣлается? Потому что эти предпріятія соединены съ промышленною дѣятельностью, а всякая общественная власть, по своей природѣ, плохой промышленникъ. Но такъ какъ предпріятіе предназначено для удовлетворенія общественныхъ потребностей, то отдавая его въ частныя руки, общественная власть должна смотрѣть за тѣмъ, чтобы потребность дѣйствительно была удовлетворена, и чтобы частныя лица не воспользовались предоставленною имъ монополіею для полученія неправильныхъ выгодъ въ ущербъ публикѣ. Поэтому, общественной власти принадлежитъ здѣсь не только опредѣленіе условій, но и постоянный контроль. Иначе предпріятіе можетъ обратиться въ орудіе вымогательства со стороны владѣющихъ имъ лицъ.

На практикѣ, необходимость государственнаго контроля въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ въ настоящее время выяснилась вполнѣ. Нерѣдко даже она выставляется, какъ доказательство противъ частной предпріимчивости. Если этотъ доводъ обращается противъ тѣхъ, которые хотятъ ограничить дѣятельность государства охраненіемъ права, то безъ сомнѣнія онъ имѣетъ полную силу. Но если имъ думаютъ оправдать стремленіе расширить государственную дѣятельность въ ущербъ частной предпріимчивости, то онъ бьетъ мимо. Желѣзнодорожное дѣло служитъ доказательствомъ не въ пользу, а противъ государства, какъ промышленнаго дѣятеля. По существу своему, оно должно находиться въ рукахъ государ-

ства: оно составляетъ монополію; желѣзныя дороги состоятъ въ общемъ пользованіи и могутъ строиться только съ помощью принудительнаго отчужденія земель. Государство даетъ концессію, обыкновенно на извѣстное число лѣтъ, въ видѣ временнаго владѣнія, послѣ чего дорога возвращается ему, какъ настоящему собственнику. Съ другой стороны, частная предпріимчивость находится здѣсь въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Она можетъ дѣйствовать только черезъ посредство обширныхъ акціонерныхъ обществъ, которыхъ недостатки слишкомъ извѣстны. Конкурренція здѣсь устранена, а съ нею вмѣстѣ устраняется сильнѣйшее побужденіе къ хозяйственному веденію дѣла и къ соблюденію интересовъ публики. Наконецъ, все дѣло движется въ разъ навсегда установленныхъ рамкахъ и подъ постояннымъ контролемъ власти, а нерѣдко и при непосредственномъ ея вмѣшательствѣ. И не смотря на все это, частныя компаніи, въ общемъ итогѣ, все таки ведутъ свои дѣла лучше, нежели государство, когда оно беретъ предпріятіе въ свои руки. Такъ напримѣръ, въ Бельгіи, расходы на казенныхъ дорогахъ составляютъ 67% общей прибыли, на частныхъ только 56%; въ Германіи, они составляютъ на первыхъ 63%, на вторыхъ 53, въ Австро-Венгріи на первыхъ 69, на вторыхъ 63, въ Швейцаріи на первыхъ 70, на вторыхъ 60. Въ докладѣ, представленномъ Бельгійскимъ палатамъ, это явленіе объясняется тѣмъ, что казенныя дороги управляются и контролируются административнымъ путемъ, а не коммерческимъ, а это неизбѣжно ведетъ къ столкновеніямъ и къ потерѣ денегъ [1]).

Изъ этого не слѣдуетъ однако, что государство непремѣнно должно отдавать желѣзныя дороги въ частныя руки. Иногда оно принуждено бываетъ оставлять ихъ въ своемъ управленіи. Многое зависитъ отъ состоятельности частныхъ компаній. Могутъ быть условія, при которыхъ послѣднимъ даже выгодно вести дѣло какъ можно хуже, съ тѣмъ чтобы получить побольше казенныхъ пособій. Мы это видимъ на своихъ глазахъ. Но въ нормальномъ порядкѣ, отдача желѣзныхъ дорогъ въ руки частныхъ компаній, подъ строгимъ контролемъ государства, все таки должно быть правиломъ, а собственное веденіе дѣла исключеніемъ.

Обратное отношеніе представляется тамъ, гдѣ дѣло не имѣетъ

---

[1]) Эти цифры заимствованы у П. Леруа-Больё; см. Journal des Débats 3 Іюня 1880.

коммерческаго характера. Какъ скоро промышленная выгода отходитъ на заднiй планъ, и главнымъ началомъ является общественный интересъ, такъ естественно отдать дѣло въ руки высшаго представителя этого интереса — государства. Но здѣсь возникаетъ вопросъ инаго рода, именно: на сколько государство можетъ допустить конкурренцiю частныхъ лицъ съ учрежденiями, находящимися въ его вѣдѣнiи?

Поводы къ устраненiю частной конкурренцiи могутъ быть разные. Есть предметы, гдѣ она устраняется по самому существу дѣла. Такова, напримѣръ, монетная система. Государство должно имѣть исключительное право чеканки; это составляетъ необходимое условiе правильнаго оборота.

Въ другихъ случаяхъ, по существу дѣла могла бы быть допущена конкурренцiя, но государство устраняетъ ее по финансовымъ соображенiямъ. Взявши на себя удовлетворенiе извѣстной общественной потребности, оно естественно желаетъ, чтобы дѣло по возможности окупалось, а не падало бременемъ на плательщиковъ податей. Между тѣмъ, еслибы оно допустило частную конкурренцiю, то отъ него ушли бы именно выгоднѣйшiя части дѣла, а невыгодныя остались бы у него на рукахъ. При своей многосложной администрацiи и неизбѣжныхъ, сопровождающихъ ее формальностяхъ, государство не въ состоянiи конкуррировать съ частными лицами, иначе какъ отказавшись отъ всякаго барыша; но тогда бремя падетъ на плательщиковъ. Поэтому, безъ стѣсненiя частной предприимчивости иногда нельзя обойтись. Все, что можно сказать, это то, что слѣдуетъ избѣгать этой крайности вездѣ, гдѣ это можно сдѣлать безъ ущерба общественнымъ интересамъ. Слишкомъ стѣснительныя мѣры во всякомъ случаѣ неумѣстны.

Наконецъ, частная конкурренцiя можетъ быть устранена и по соображенiямъ нематерiальнаго свойства. Этотъ вопросъ имѣетъ существенную важность для народнаго просвѣщенiя. Должно ли и въ какой мѣрѣ должно государство допускать существованiе частныхъ учебныхъ заведенiй рядомъ съ своими?

Нѣкоторые хотятъ отнять у государства всякое право вмѣшиваться въ учебное дѣло, утверждая, что эта потребность вполнѣ можетъ быть удовлетворена частными усилiями. Вильгельмъ Гумбольдтъ, за которымъ слѣдуетъ Лабулэ, упрекаетъ общественное воспитанiе въ томъ, что оно налагаетъ на молодое поколѣнiе печать

однообразія и втѣсняетъ человѣка въ узкія гражданскія рамки, чѣмъ самымъ искажается высшая цѣль развитія. Но если правильное воспитаніе юношества составляетъ общественную потребность, если эта потребность удовлетворяется главнымъ образомъ заведеніями, открытыми для всѣхъ, если наконецъ народное просвѣщеніе должно составлять общую систему, то нѣтъ сомнѣнія, что оно должно находиться въ рукахъ государства. Это тѣмъ необходимѣе, что самое существованіе политическаго тѣла зависитъ отъ общаго духа гражданъ, а этотъ духъ всего болѣе создается и поддерживается общественнымъ воспитаніемъ. Цѣль послѣдняго состоитъ не въ одномъ развитіи духовнаго многообразія, а еще болѣе въ сведеніи многообразія къ единству, необходимому для общественной жизни.

Нельзя однако не согласиться съ тѣмъ, что при подобной системѣ на учащееся юношество можетъ быть наложена печать казеннаго формализма. Въ общественныхъ заведеніяхъ, особенно низшихъ и среднихъ, гдѣ по самому возрасту воспитанниковъ допускается менѣе свободы, это даже въ нѣкоторой степени неизбѣжно. Поэтому, весьма полезно рядомъ съ казенными заведеніями допускать и частныя, облеченныя равными правами. Этого требуетъ и самый интересъ воспитанниковъ, ибо въ частныхъ заведеніяхъ возможна болѣе внимательная заботливость о каждомъ отдѣльномъ лицѣ, нежели въ общественныхъ заведеніяхъ, гдѣ неизбѣжно господствуютъ общіе пріемы и однообразныя отношенія.

Вопросъ становится затруднительнѣе, когда дѣло идетъ о заведеніяхъ высшаго разряда. Высшія школы и университеты не могутъ учреждаться и содержаться средствами отдѣльныхъ лицъ. Обыкновенно съ этою цѣлью составляются постоянныя общества; главную же роль играетъ тутъ церковь. Частнымъ лицамъ, при хорошемъ устройствѣ государственныхъ школъ и при надлежащей свободѣ преподаванія, нѣтъ никакого интереса конкуррировать съ послѣдними; для церкви же въ высшей степени важно имѣть вліяніе на воспитаніе юношества, особенно тамъ, гдѣ свѣтское преподаваніе идетъ въ разрѣзъ съ церковными стремленіями. Извѣстно, что по этому поводу во Франціи, въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, шла постоянная борьба между католическимъ духовенствомъ и Университетомъ. Духовенство и его сторонники, ссылаясь на свободу преподаванія, требовали для себя права учреждать осо-

быя школы, рядомъ съ государственными. Въ 1850 году, это стремленіе осуществилось относительно среднихъ школъ, въ 1873 году относительно высшихъ. Въ Бельгіи уже прежде основаны были два свободныхъ университета, католическій и либеральный.

Противники этой системы указываютъ на то, что при такомъ устройствѣ, высшее преподаваніе получаетъ крайне одностороннее направленіе; граждане воспитываются въ исключительномъ духѣ партій, въ ущербъ общественному единенію. Этому доводу невозможно отказать въ значительной вѣскости. Воспитаніе въ духѣ партій нельзя признать желательнымъ. Нормальный порядокъ состоитъ въ томъ, что образованное юношество стекается въ высшія учебныя заведенія и получаетъ въ нихъ воспитаніе однородное, что не исключаетъ различія направленій въ средѣ преподавателей и учащихся. Дѣло государства—предоставить преподаванію достаточно широкую свободу, для того чтобы различные взгляды, совмѣстные съ общественнымъ порядкомъ, находили въ немъ своихъ представителей. Изъ борьбы мнѣній вытекаетъ крѣпкій общій духъ, который юноши выносятъ съ собою изъ школы и переносятъ въ жизнь. Но съ другой стороны, нельзя не признать, что когда раздвоеніе существуетъ въ жизни, трудно помѣшать ему проявиться и въ школѣ. Свободное государство не можетъ отказать церкви въ правѣ дѣйствовать путемъ свободы на воспитаніе. При такихъ условіяхъ, допущеніе конкуррирующихъ школъ составляетъ зло неизбѣжное, которое имѣетъ однако и свою хорошую сторону, ибо конкурренція заставляетъ самое государство заботиться о поднятіи своихъ школъ, которыя при монополіи легко могутъ погрузиться въ рутину. И тутъ надобно сказать, что это—вопросъ не права, а политики. Право государства не только учреждать высшія учебныя заведенія, но и не допускать конкурренціи въ видахъ общественной пользы, едва ли можетъ быть оспорено. Но не всегда полезно пользоваться своимъ правомъ. Въ свободномъ обществѣ, исключеніе свободы можетъ быть оправдано лишь въ крайнихъ случаяхъ.

На основаніи всего сказаннаго, мы можемъ наконецъ рѣшить вопросъ, поставленный въ предъидущей книгѣ: каково нормальное отношеніе государства къ промышленности вообще и къ интересамъ рабочаго класса въ особенности?

Извѣстно, что въ прежнія времена, регламентація промышленности доходила въ европейскихъ государствахъ до крайнихъ размѣ-

ровъ. Такой способъ дѣйствія оправдывался тѣмъ, что при цеховомъ устройствѣ промышленность составляла привилегію. Раздавая или поддерживая привилегіи, государство естественно должно было заботиться о томъ, чтобы потребности публики удовлетворялись, какъ слѣдуетъ; иначе эта система обратилась бы въ орудіе вымогательства. Кромѣ того, въ правительственной регламентаціи видѣли и способъ воспитанія промышленности. Такова была точка зрѣнія меркантильной системы. Но съ водвореніемъ промышленной свободы, все это миновало. Теперь государство не вмѣшивается уже въ производство. Тѣмъ не менѣе, оно сохраняетъ возможность сильнѣйшимъ образомъ дѣйствовать на промышленность, тѣми средствами, которыя находятся у него въ рукахъ и которыхъ нельзя у него оспоривать. Эти средства суть пути сообщенія и международныя сношенія.

Мы видѣли уже, что пути сообщенія, по существу своему, должны состоять въ управленіи или подъ ближайшимъ контролемъ государства. Между тѣмъ, отъ нихъ въ значительной степени зависитъ промышленное развитіе страны. Производство обусловливается сбытомъ. Проведеніе желѣзной дороги поднимаетъ производительность тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя она проходитъ; направленіемъ ея опредѣляется движеніе торговли, отъ высоты тарифовъ зависитъ возможность конкурренціи. Все это находится въ рукахъ государства, которое, въ виду поднятія промышленности въ будущемъ, нерѣдко налагаетъ на себя даже весьма значительныя жертвы въ настоящемъ. Таково значеніе гарантій, которыя даются желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ. И тутъ однако государство не можетъ поступать произвольно, подъ опасеніемъ напрасной потери силъ и средствъ. Оно должно слѣдить за естественнымъ развитіемъ промышленныхъ силъ. Его задача — содѣйствовать и предусматривать. Если же оно хочетъ дать искусственное направленіе промышленности и торговлѣ, оно, вмѣсто пользы, принесетъ странѣ только вредъ. Тѣ мѣстности или отрасли, которымъ слѣдовало содѣйствовать, заглохнутъ, а вызванныя къ искусственной жизни не будутъ процвѣтать. Можно проводить сколько угодно желѣзныхъ дорогъ и по какимъ угодно мѣстностямъ, онѣ не будутъ приносить дохода и лягутъ тяжелымъ бременемъ на финансы. За примѣрами ходить не далеко.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о международныхъ сношеніяхъ. И

здѣсь государство имѣетъ въ рукахъ могущественный рычагъ для дѣйствія на промышленныя силы. Повышеніемъ или пониженіемъ таможенныхъ пошлинъ оно можетъ устранить иностранное соперничество или допустить его въ какихъ угодно размѣрахъ; посредствомъ торговыхъ договоровъ и пріобрѣтеніемъ колоній оно можетъ открыть туземной промышленности новые пути. Право его оказать покровительство послѣдней едва ли можетъ быть оспорено. Если ограниченіе внутренняго соперничества представляется несправедливымъ, какъ относительно потребителя, котораго заставляютъ покупать дороже, такъ и относительно устраняемаго производителя, которому мѣшаютъ заниматься тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, если тутъ подобное ограниченіе не можетъ оправдываться даже и общественною пользою, ибо государству все равно, тотъ или другой изъ его гражданъ получаетъ выгоду, то часть, по крайней мѣрѣ, этихъ возраженій падаетъ, когда дѣло идетъ объ иностранномъ соперничествѣ. Государство обязано соблюдать выгоды только своихъ, а не чужеземныхъ производителей и потребителей. Здѣсь точка зрѣнія національныхъ интересовъ вполнѣ приложима, и у государства нельзя отнять право ею руководствоваться. Вопросъ состоитъ лишь въ томъ: на сколько она въ дѣйствительности можетъ оказаться полезною?

Извѣстно, что начало свободы торговли до сихъ поръ одно изъ самыхъ спорныхъ въ экономической наукѣ. Предѣлы настоящаго труда не позволяютъ намъ обсуждать его подробно. Но говоря о дѣятельности государства въ промышленной области, мы не можемъ не сказать о немъ нѣсколько словъ.

Защитники свободы торговли несомнѣнно правы, когда они утверждаютъ, что покровительственныя пошлины падаютъ тяжелымъ налогомъ на потребителя, который составляетъ все таки цѣль всякой промышленной дѣятельности. Потребитель принужденъ покупать по дорогой цѣнѣ нерѣдко даже худшія туземныя произведенія, тогда какъ онъ могъ бы купить дешево лучшія иностранныя. Отъ этого, безъ сомнѣнія, выигрываетъ туземный производитель, въ пользу котораго установляется извѣстная монополія, но онъ выигрываетъ на счетъ другаго, и притомъ нерѣдко далеко не соразмѣрно съ потерею. Если напримѣръ, я могу купить иностранное издѣліе за 5 рублей, а для того чтобы туземный производитель могъ получить 1 рубль барыша, я принужденъ платить 10, то очевидно, что прибыль будетъ равняться рублю, и потеря пяти. Все это математически вѣрно, а потому

всякое ограниченіе свободы торговли, дающее однимъ возможность пріобрѣтать на счетъ другихъ, должно разсматриваться, какъ юридическое и экономическое зло.

Съ другой стороны, столь же несомнѣнно, что всякая вновь зарождающаяся или недостигшая еще надлежащаго развитія промышленность нуждается въ покровительствѣ. Иначе она не въ состояніи выдержать соперничество и должна погибнуть. А такъ какъ развитіе промышленныхъ силъ составляетъ существенный интересъ страны, и этотъ интересъ отражается на благосостояніи всей массы народа, то въ этихъ видахъ позволительно принести нѣкоторыя жертвы. Но именно тутъ, гдѣ жертвы состоятъ въ налогахъ, взимаемыхъ съ однихъ въ пользу другихъ, надобно быть весьма осторожнымъ. Искусственно развиваемая отрасль, для которой нѣтъ надлежащихъ мѣстныхъ условій, составляетъ чистую потерю для всѣхъ, слѣдовательно ведетъ къ общему обѣдненію. Точно также и покровительство отрасли, способной стоять на собственныхъ ногахъ, не только составляетъ несправедливое отягощеніе потребителей, но даетъ искусственное направленіе промышленнымъ силамъ, которыя естественно стремятся туда, гдѣ имъ представляется болѣе выгоды. Вообще, слѣдуетъ сказать, что свобода торговли составляетъ идеалъ промышленнаго быта, и чѣмъ выше стоитъ производство, тѣмъ болѣе оно должно приближаться къ этому идеалу. Отъ усмотрѣнія правительства зависитъ опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, на сколько существующія условія дозволяютъ идти въ этомъ направленіи.

Кромѣ указанныхъ средствъ, въ рукахъ государства есть и другія орудія, которыя могутъ имѣть значительное вліяніе на промышленное развитіе страны. Такова монетная система. Отъ правильности ея зависитъ вѣрность и устойчивость торговыхъ оборотовъ. Но здѣсь вся задача правительства заключается въ установленіи правильной системы. Всякое отъ нея уклоненіе есть зло, которое вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на промышленность, и которое можетъ быть оправдано только силою обстоятельствъ. Тамъ, гдѣ это уклоненіе совершилось, главная забота правительства должна состоять въ томъ, чтобы возвратиться, по возможности, къ нормальному пути. Это относится въ особенности къ замѣняющимъ монету бумажнымъ деньгамъ, которыя доставляютъ государству весьма легкое средство поддержать свои финансы, но зато падаютъ вдвойнѣ тя-

желымъ бременемъ на промышленность и на торговлю. Мы возвратимся къ этому подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

Не станемъ говорить объ обезпеченности собственности и о юридической вѣрности сдѣлокъ. Все это начала, которыя имѣютъ значеніе сами по себѣ и которыя только косвенно вліяютъ на промышленность. Во всякомъ случаѣ, существенная ихъ важность для народнаго хозяйства не подлежитъ сомнѣнію.

Что касается до рабочаго вопроса, то въ этомъ отношеніи въ настоящее время всего болѣе взываютъ къ помощи государства, но именно здѣсь оно всего менѣе можетъ удовлетворить желаніямъ, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они формулируются. Выше было доказано, что положеніе рабочаго класса зависитъ главнымъ образомъ отъ отношенія капитала къ народонаселенію. Между тѣмъ, ни увеличеніе капитала, ни приростъ народонаселенія не находятся въ рукахъ государства. Надъ экономическими законами оно не властно. По существу своему, оно не призвано быть всеобщимъ опекуномъ и благодѣтелемъ. Мы видѣли, что не его дѣло доставлять людямъ работу и надѣлять гражданъ собственностью. Въ свободномъ обществѣ, благосостояніе каждаго класса зависитъ отъ собственной его дѣятельности. Государство можетъ только оказать содѣйствіе и помощь въ предѣлахъ принадлежащаго ему вѣдомства. Такимъ образомъ, разрѣшить рабочій вопросъ оно не въ силахъ: оно можетъ только частными мѣрами способствовать его разрѣшенію, и въ этомъ отношеніи, хотя дѣятельность его по необходимости ограничена, однако она не маловажна.

Прежде всего, здѣсь представляется вопросъ объ отношеніи рабочихъ къ хозяевамъ. Общимъ правиломъ должно быть, что государство въ частныя сдѣлки не вмѣшивается. Это — область гражданскихъ, а не государственныхъ отношеній. Частная дѣятельность опредѣляется частными соглашеніями. Однако есть лица, которыя сами за себя стоять не могутъ. Таковы малолѣтніе. Мы видѣли, что и въ семейной жизни государство является ихъ защитникомъ и опекуномъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и здѣсь. Отсюда законы, ограничивающіе работу дѣтей на фабрикахъ относительно возраста, числа рабочихъ часовъ и рода работъ. Со стороны государства нерѣдко учреждается и особое наблюденіе за исполненіемъ установленныхъ правилъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти законы оказали значительное благодѣяніе человѣчеству.

Къ тому же разряду новѣйшія законодательства относятъ и женщинъ. И имъ оказывается особая защита ограниченіемъ числа рабочихъ часовъ и воспрещеніемъ работъ особенно трудныхъ, напримѣръ въ рудникахъ. Хотя женщина, какъ взрослая, можетъ располагать собою, однако, во вниманіе къ слабости пола, законодательства не сочли возможнымъ приравнять ее къ мужчинамъ. И въ семейной области и въ политической, она пользуется меньшими правами, а потому ей слѣдуетъ оказать бо́льшую защиту. Нельзя не сказать однако, что въ этомъ проявляется своего рода опека, которая идетъ наперекоръ современнымъ требованіямъ равноправности женщинъ.

Въ совершенно иное отношеніе государство становится къ взрослымъ мужчинамъ. Здѣсь оно обыкновенно беретъ на себя только ту защиту, которая дается общими юридическими нормами. Въ предѣлахъ же установленныхъ нормъ, каждый долженъ самъ стоять за свои интересы. Положеніе мужчины можетъ быть весьма тяжелое; онъ нерѣдко бываетъ принужденъ согласиться на невыгодныя для него условія. Но государство не поставлено надъ нимъ опекуномъ и не призвано заботиться о его судьбѣ. Свобода имѣетъ свою оборотную сторону, съ которою надобно мириться.

Нѣкоторыя законодательства сочли однако возможнымъ и тутъ положить извѣстныя ограниченія. Во Франціи, въ 1848 году, подъ вліяніемъ соціалистическихъ требованій, работа на фабрикахъ и для взрослыхъ мужчинъ была ограничена 12 часами. Въ позднѣйшее время, Швейцарія послѣдовала тому же примѣру: высшимъ предѣломъ работы на фабрикахъ положено было 11 часовъ.

Этихъ постановленій нельзя одобрить. Въ пользу ихъ говорятъ, что ограниченіе числа рабочихъ часовъ по необходимости должно быть общею мѣрою. Частныя сдѣлки тутъ безсильны, ибо, при конкурренціи производителей, одни не могутъ отставать отъ другихъ. Но дѣло въ томъ, что законодательная норма, для того чтобы обнять всѣ случаи и не стѣснить жизни, должна ограничиться установленіемъ наивысшаго предѣла, а наивысшій предѣлъ всегда служитъ только для исключительныхъ случаевъ. Поэтому, на практикѣ, законный размѣръ рабочихъ часовъ лишенъ всякаго значенія. Такъ напримѣръ, во Франціи число рабочихъ часовъ въ дѣйствительности не идетъ выше 10 или $10^1/_2$, такъ что законъ, въ

сущности, оказывается безвреднымъ, потому только, что онъ безполезенъ.

Вслѣдствіе этого, англійское законодательство, которое относительно работы дѣтей и женщинъ шло впереди всѣхъ, благоразумно воздержалось отъ установленія какихъ бы то ни было ограниченій для работы взрослыхъ мужчинъ. Единственное, что оно сочло возможнымъ сдѣлать, это — воспретить тѣ способы исполненія обязательствъ, которые могутъ вести къ обману. Сюда относится обычай платить рабочимъ предметами потребленія, покупаемыми у хозяина (truck system), или расчитывать ихъ въ содержимыхъ хозяиномъ кабакахъ. Давая защиту юридическимъ сдѣлкамъ, государство въ правѣ требовать, чтобы сдѣлки были честны, а потому оно можетъ устранить тѣ способы дѣйствія, которые ведутъ къ нарушенію этого начала.

Англійское законодательство, равно какъ и французское, пришло, какъ мы видѣли, и къ установленію третейскихъ судовъ для разбора пререканій между хозяевами и работниками. Здѣсь государство поступаетъ совершенно сообразно съ своимъ назначеніемъ. Содѣйствовать примири[illegible]ьному рѣшенію дѣлъ установленіемъ законныхъ правилъ и придачею юридической силы приговорамъ, такова истинная задача государства.

Этимъ не ограничивается его дѣятельность. Оно можетъ принимать общія и принудительныя мѣры, тамъ гдѣ дѣло идетъ не о частныхъ сдѣлкахъ, а объ общихъ условіяхъ, среди которыхъ совершается производство. Таковы мѣры относительно безопасности и здоровья. Мы видѣли, что онѣ принадлежатъ къ предметамъ законнаго вѣдомства государства. Оно можетъ дѣйствовать и запрещеніями, и предписаніями, и надзоромъ. Съ этой стороны, законодательной дѣятельности открывается обширное поле, и то, что сдѣлано до сихъ поръ, послужило къ значительному улучшенію судьбы рабочаго класса.

Въ связи съ этимъ находится и вопросъ объ отвѣтственности хозяевъ за происшедшія въ ихъ заведеніяхъ несчастія, вопросъ, который опять же можетъ быть рѣшенъ только государствомъ. Это— дѣло законодательства и суда.

Въ какой степени можетъ и должно государство содѣйствовать учрежденіямъ, имѣющимъ въ виду доставлять пособія рабочему классу? И тутъ оно не можетъ оставаться равнодушнымъ. Всякая

мѣра, клонящаяся къ улучшенію быта рабочихъ, безъ ущерба здравымъ экономическимъ и политическимъ началамъ, должна встрѣтить въ немъ содѣйствіе. Здѣсь интересъ государства усиливается еще тѣмъ, что въ случаѣ крайности помощь все таки падетъ на него. Но необходимо разобрать, что̀ можетъ и должно дѣлать государство и что̀ должно быть предоставлено свободѣ и частной иниціативѣ?

Есть учрежденія, которыя, по самому ихъ свойству, полезно сосредоточить въ рукахъ государства. Таковы сберегательныя кассы. Здѣсь не имѣется въ виду барышъ, слѣдовательно нельзя полагаться на частную предпріимчивость. Съ другой стороны, тутъ требуется полная обезпеченность вкладовъ, что̀ опять въ частномъ предпріятіи не легко достижимо. Вслѣдствіе этого, государство обыкновенно беретъ ихъ въ свои руки, какъ учрежденія общественной пользы, и жертвуетъ даже болѣе или менѣе значительныя суммы на управленіе.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, государствомъ учреждены и мелкія ссудныя кассы. Таковы во Франціи такъ называемые Monts de Piété. Цѣль ихъ—давать по умѣреннымъ процентамъ ссуды подъ залогъ движимостей, съ тѣмъ чтобы противодѣйствовать ростовщичеству. Но ихъ операціи по необходимости ограничены довольно тѣсными предѣлами. Кредитъ, основанный на довѣріи къ лицу, выходитъ изъ нормальной области дѣйствія правительственныхъ учрежденій, которыя, по существу своему, руководствуются общими началами и не могутъ входить въ соображеніе личныхъ обстоятельствъ. Этого рода ссуды, имѣющія гораздо болѣе обширное значеніе, нежели первыя, должны поэтому быть предоставлены частнымъ банкамъ, каковые существуютъ въ Шотландіи, или частнымъ товариществамъ, на подобіе тѣхъ, которыя основаны въ Германіи Шульце-Деличемъ. И тутъ государству позволительно сдѣлать нѣкоторыя затраты, когда нужно взять иниціативу общеполезнаго дѣла или дать ему толчекъ. Такъ напримѣръ, въ 1848 году, французское правительство ассигновало 3 милліона франковъ для выдачи ссудъ возникавшимъ тогда рабочимъ товариществамъ. Но именно неудача этихъ предпріятій показываетъ, что государство только съ крайнею осторожностью должно тратить общественныя деньги на помощь, всегда сопряженную съ рискомъ, особенно когда она дается лицамъ мало имущимъ. Кредитъ, вообще, служитъ посредникомъ между желающими помѣстить свои

капиталы и желающими ихъ получить. И тутъ и тамъ, все дѣло держится коммерческимъ расчетомъ и личнымъ довѣріемъ. Государство же получаетъ свои средства съ плательщиковъ податей, путемъ принужденія; коммерческій расчетъ ему чуждъ, и въ разсмотрѣніе личной состоятельности каждаго оно входить не можетъ. Поэтому, всѣ подобнаго рода операціи, въ нормальномъ порядкѣ, должны оставаться принадлежностью частной предпріимчивости. Какъ средство подвинуть рабочій вопросъ, такая система ссудъ, еслибы она приняла сколько нибудь обширные размѣры, тѣмъ менѣе умѣстна, что этимъ установилась бы въ пользу рабочихъ привилегія, которая окончательно пала бы на плательщиковъ податей. Рабочимъ не возбраняется конкуррировать въ предпріятіяхъ съ капиталистами, но для пріобрѣтенія капиталовъ они не должны обращаться къ государству и дѣлать податныя лица своею дойною коровою. Это было бы обратное отношеніе противъ господствовавшаго во времена крѣпостнаго права, когда низшіе классы служили средствомъ для обогащенія высшихъ. И то и другое равно противорѣчитъ справедливости.

Всѣ эти возраженія не прилагаются къ вспомогательнымъ кассамъ, которыя составляются взносами самихъ работниковъ, иногда при участіи хозяевъ и постороннихъ лицъ. Но здѣсь весьма важно сохранить начало личной иниціативы, которое, съ одной стороны, развиваетъ предусмотрительность, а съ другой стороны ведетъ къ установленію нравственной связи между различными общественными классами. Замѣна этихъ началъ государственною опекою вовсе не желательна. Государство и тутъ можетъ восполнять недостающее, но оно никакъ не должно становиться на мѣсто общественной самодѣятельности. На практикѣ, всѣ подобнаго рода учрежденія до сихъ поръ завѣдываются частными лицами, либо въ формѣ рабочихъ союзовъ, какъ въ Англіи, либо обществами взаимной помощи, либо, наконецъ, въ видѣ учрежденій, состоящихъ при фабрикахъ и заводахъ. Но въ послѣднее время германское правительство заявило намѣреніе вступить на иной путь. Оно предложило парламенту законъ объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ несчастій. По этому проекту, все управленіе этимъ учрежденіемъ должно сосредоточиться въ рукахъ государства, которое даетъ отъ себя и треть страховой платы; остальныя же двѣ трети взимаются съ хозяевъ. Видимая цѣль предложенія состояла въ томъ, чтобы отвлечь рабо-

чихъ отъ соціализма, показавши имъ, что государство заботится объ ихъ судьбѣ. Въ этомъ смыслѣ предполагается даже принять цѣлый рядъ мѣръ, которыхъ означенный законъ долженъ быть только началомъ. Парламентъ не утвердилъ представленнаго ему проекта; онъ не согласился принять треть страховой суммы на счетъ государства и требовалъ, чтобы она уплачивалась самими рабочими. Но правительство не отказалось отъ своихъ плановъ. На послѣднихъ выборахъ, этотъ вопросъ былъ главнымъ центромъ, около котораго вращалась борьба партій. Побѣда, какъ извѣстно, осталась пока на сторонѣ оппозиціи.

Нельзя не сказать, что германское правительство вступаетъ здѣсь на весьма опасный путь. Желаніе отвлечь массы отъ соціализма, безъ сомнѣнія, весьма законно; но эта цѣль можетъ быть достигнута только распространеніемъ здравыхъ понятій объ экономическихъ началахъ и объ отношеніяхъ государства къ обществу. Когда же правительство, съ одной стороны, поддерживаетъ соціалистовъ каѳедры, а съ другой стороны внушаетъ работникамъ, что они всего должны ожидать отъ государства, то черезъ это зло только усугубляется. Государственный соціализмъ не есть средство бороться съ соціализмомъ революціоннымъ. Послѣдній настаиваетъ именно на томъ, что государство призвано удовлетворять всѣмъ нуждамъ; онъ толкуетъ рабочимъ, что взявши власть въ свои руки посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, они могутъ обратить всѣ общественныя средства на свою пользу. Современная политика германскаго правительства, которое одною рукою даруетъ всеобщее право голоса, а другою обращаетъ государственныя деньги на помощь рабочему классу, составляетъ первый шагъ къ осуществленію соціалистической программы. Всего удивительнѣе то, что это направленіе поддерживается охранительною партіею. Когда консерваторы, изъ ненависти къ либераламъ, протягиваютъ руку соціалистамъ, то общественному строю грозитъ опасность въ самыхъ его основахъ.

Общимъ правиломъ должно быть, что государственныя средства могутъ идти на помощь частнымъ лицамъ только въ крайнихъ случаяхъ, и ограничиваясь возможно тѣсными размѣрами. На этомъ началѣ должна быть основана общественная благотворительность, имѣющая въ виду доставленіе пособій рабочему классу. Всякое отступленіе отъ него порождаетъ громадное зло. Въ этомъ отношеніи,

поучительнымъ примѣромъ служатъ законы о бѣдныхъ въ Англіи до реформы 1834 года, которая наконецъ устроила помощь такъ, что она перестала быть приманкою для праздности или способомъ переводить деньги плательщиковъ въ руки фабрикантовъ. Расширеніе государственной дѣятельности въ этой области всего менѣе умѣстно, ибо государство не въ состояніи изслѣдовать личныя обстоятельства каждаго, что́ именно требуется при благотворительности. Поэтому и здѣсь частная дѣятельность должна быть основнымъ правиломъ; за недостаткомъ же частной благотворительности, это дѣло всего удобнѣе возложить на мелкіе общественные союзы, гдѣ люди ближе знаютъ другъ друга и лучше могутъ вникать въ частныя обстоятельства, именно, на общины и приходы.

Иногда однакоже бываетъ необходимо прибѣгнуть и къ государственной помощи. Когда бѣдствіе значительно и распространяется на обширныя пространства, тогда средства мелкихъ союзовъ становятся недостаточными: нужно принимать общія мѣры и черпать изъ государственной казны. Это и дѣлается въ случаѣ голода. Тоже самое происходитъ, когда вслѣдствіе чрезмѣрнаго умноженія народонаселенія, рабочіе не могутъ найти на мѣстахъ достаточныхъ средствъ пропитанія. Въ такомъ случаѣ остается одинъ исходъ—эмиграція. А такъ какъ нищенствующее населеніе не имѣетъ возможности выселяться на собственныя средства, то приходится опять же прибѣгать къ помощи государства. На этомъ основаніи, англійское правительство въ 1847 году дало значительныя суммы на выселеніе Ирландцевъ. Но и тутъ надобно сказать, что подобное пособіе должно быть не правиломъ, а исключеніемъ. Только значительный размѣръ бѣдствія оправдываетъ такое употребленіе государственныхъ денегъ. Въ обыкновенное же время, выселеніе должно совершаться на собственное иждивеніе переселенцевъ. Иначе это будетъ обращеніе общественныхъ средствъ на частныя нужды.

Есть однако государственныя средства, которыя, по самому своему свойству, могутъ служить пособіемъ нуждающемуся рабочему населенію, именно тѣ, которые не получаются съ гражданъ путемъ принужденія, а состоятъ въ рукахъ государства, иногда даже безъ всякой пользы. Если у государства есть обширныя пустопорожнія земли, требующія обработки, то всего полезнѣе раздавать ихъ на льготныхъ условіяхъ новымъ поселенцамъ и въ этихъ видахъ направить туда избытокъ рукъ изъ слишкомъ густо населенныхъ

мѣстностей. Цѣлью должно быть не надѣленіе каждаго крестьянина землею: какъ уже было сказано выше, это—фантастическое представленіе, унаслѣдованное отъ крѣпостнаго права и неприложимое къ свободному обществу. Истинная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы дать исходъ избытку силъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и тѣмъ поднять благосостояніе, какъ выселяющихся, которые пріобрѣтаютъ новое поле для своего труда, такъ и остающихся, которые, съ уменьшеніемъ рабочихъ рукъ, получаютъ возможность повысить заработную плату или снимать земли на болѣе льготныхъ условіяхъ. Государство, имѣющее въ рукахъ такое орудіе, обезпечено противъ пролетаріата. Отсюда важность пріобрѣтенія колоній, которыя открываютъ новыя поприща для свободныхъ силъ. Даже завоеваніе пустынныхъ земель имѣетъ въ этомъ отношеніи существенное значеніе: онѣ составляютъ запасъ для будущаго.

Въ этихъ предѣлахъ, разрѣшеніе рабочаго вопроса становится въ нѣкоторую зависимость отъ дѣятельности государства. Послѣднее не замѣняетъ частной предпріимчивости; оно не властно надъ законами, управляющими экономическимъ развитіемъ обществъ; оно можетъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ подать руку помощи и установить тѣ общія условія промышленнаго быта, которыя создаются совокупными средствами союза. Въ этомъ отношеніи, вліяніе государства ограничено. Но своею внѣшнею дѣятельностью оно можетъ открывать новыя поприща избытку внутреннихъ силъ и тѣмъ самымъ уравновѣшивать ихъ распредѣленіе и умѣрять крайности богатства и бѣдности. Въ этомъ состоитъ существенная его задача, задача, которую оно можетъ исполнить, не вторгаясь въ промышленную область, не посягая на частную предпріимчивость, не нарушая экономическихъ законовъ, наконецъ не обирая однихъ въ пользу другихъ. Государство не въ состояніи сдѣлать все; но оно можетъ сдѣлать многое, способствуя свободному движенію силъ, отъ котораго окончательно зависитъ благосостояніе человѣческихъ обществъ и рѣшеніе возникающихъ въ этой области вопросовъ.

ГЛАВА III.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ СРЕДСТВА.

Въ предъидущей главѣ мы не разъ упоминали о томъ, что государственныя средства суть средства плательщиковъ. Потребности государства удовлетворяются сборами съ частныхъ лицъ. Этимъ путемъ частная собственность, по волѣ государства, превращается въ общественную. Спрашивается: на какихъ началахъ это совершается и какія тутъ есть гарантіи для гражданъ? Этотъ вопросъ имѣетъ существенную важность, ибо, какъ бы ни прочна была собственность, если государство, посредствомъ податей, можетъ брать все, что ему угодно, то все частное достояніе лицъ легко можетъ перейти въ его руки, и пріобрѣтенное одними можетъ быть обращено на пользу другихъ.

Мы коснемся государственныхъ средствъ только со стороны имущественной, которая одна имѣетъ значеніе для права собственности. Личныя повинности, какъ политическія, такъ и хозяйственныя, остаются внѣ предѣловъ нашего изслѣдованія. И такъ, разсмотримъ, какими матеріальными средствами обладаетъ государство для удовлетворенія своихъ нуждъ?

Какъ союзъ самостоятельный, образующій юридическое лице, государство имѣетъ свои собственныя имущества. Нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ источникъ дохода и такимъ образомъ служатъ средствами для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Это, такъ сказать, частно-хозяйственный способъ полученія дохода, которымъ государство пользуется наровнѣ съ частными лицами. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ имущества недвижимыя, земли, рудники, лѣса. Нѣкоторыя государства имѣютъ и свои фабрики, но послѣднія содержатся не въ финансовыхъ видахъ. Мы видѣли, что

по своей природѣ, государство не промышленникъ; практика подтверждаетъ это неопровержимымъ образомъ. Казенныя фабрики обыкновенно служатъ либо для удовлетворенія спеціальныхъ нуждъ, напримѣръ пороховые заводы, либо для производства образцовыхъ издѣлій, напримѣръ въ иныхъ мѣстахъ фарфоровые заводы. О монополіяхъ будетъ рѣчь ниже.

Что касается до означенныхъ трехъ разрядовъ недвижимыхъ имуществъ, то каждый изъ нихъ имѣетъ свой характеръ, отъ котораго зависитъ способность его быть самостоятельнымъ источникомъ государственнаго дохода.

Земли, по общему признанію, могутъ служить государству не для собственной обработки, а единственно для раздачи въ наймы. Неспособность къ промышленному производству устраняетъ собственное хозяйство. Государство можетъ быть только землевладѣльцемъ, получающимъ извѣстную ренту. Но вопросъ заключается въ томъ: выгодно ли ему сохранять земли въ своихъ рукахъ, и не полезнѣе ли продавать ихъ частнымъ лицамъ, которыя могутъ извлечь изъ нихъ бо̀льшую прибыль?

До послѣдняго времени, этотъ вопросъ большею частью разрѣшался теоріею въ смыслѣ отчужденія. Даже экономисты, вовсе не раздѣляющіе крайнихъ взглядовъ либеральной школы и вполнѣ сознающіе высокое значеніе государства, склоняются къ этому исходу. Въ финансовомъ отношеніи, поземельная рента представляетъ меньшій процентъ съ капитала, нежели тотъ, который государство платитъ по своимъ долгамъ; слѣдовательно, выгодно продать земли и уплатить долги. Въ экономическомъ же отношеніи, государству, какъ землевладѣльцу, недостаетъ личнаго интереса, недостаетъ и хозяйственности; землевладѣніе въ его рукахъ не ведетъ къ образованію новыхъ капиталовъ. «Поэтому, говоритъ Лоренцъ Штейнъ, политическая экономія должна требовать то, что допускаютъ финансы, именно, чтобы государственныя земли переходили изъ государственнаго владѣнія въ частное. Для сельско-хозяйственныхъ имуществъ это можно въ настоящее время считать общепризнаннымъ началомъ». Въ этихъ видахъ, управленіе государственными имуществами должно быть устроено такъ, чтобы оно «приготовляло переходъ сельско-хозяйственныхъ земель въ частную собственность»[1].

[1]) Lehrbuch der Finanzwissenschaft, стр. 198 (3-е изд. 1875).

Въ новѣйшее время, противъ этого взгляда произошла реакція, главнымъ образомъ съ соціалъ-политической точки зрѣнія. Мы разсматривали выше вопросъ о національзаціи поземельной собственности, то есть, о переводѣ ея всецѣло въ руки государства. Тѣ изъ соціалистовъ каѳедры, которые не идутъ такъ далеко, считаютъ однако полезнымъ сохраненіе земель въ рукахъ государства, въ видахъ ограниченія размѣровъ частной собственности [1]).

Мы видѣли уже, что эта соціалистическая или полусоціалистическая точка зрѣнія не можетъ быть признана правильною. Частная собственность составляетъ основаніе всего гражданскаго порядка, а потому не должна быть ни ограничена, ни еще менѣе устранена; напротивъ, она должна получить полное развитіе. Поэтому, можно признать, что переходъ государственныхъ земель въ частную собственность составляетъ идеальную цѣль государственнаго хозяйства. Но иной вопросъ: когда выгодно и полезно совершить такое отчужденіе? Въ этомъ отношеніи и финансовыя и экономическія соображенія требуютъ большой осторожности; иначе общественная польза легко можетъ быть принесена въ жертву частнымъ интересамъ.

Въ финансовомъ отношеніи, нѣтъ сомнѣнія, что доходъ съ государственныхъ земель обыкновенно меньше, нежели тотъ процентъ, который государство платитъ за свои долги. Но съ другой стороны, отчуждая земли, государство лишается того возвышенія поземельной ренты, которое происходитъ вслѣдствіе умноженія капиталовъ и народонаселенія. Правда, государство, въ видѣ подати, продолжаетъ получать часть этой возвышенной ренты, на что указываетъ Штейнъ; но часть не есть цѣлое. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому: когда можно ожидать, что прекратится естественное возвышеніе ренты? Можно полагать, что этотъ моментъ наступаетъ тогда, когда иностранный хлѣбъ въ состояніи соперничать на внутреннихъ рынкахъ съ туземнымъ. При такомъ условіи, конкурренція можетъ поддерживаться только усиленіемъ производительности земли и переходомъ къ интенсивному хозяйству, а для этого требуется положеніе въ землю капитала. Но послѣднее не есть уже дѣло государства; тутъ нуженъ прежде всего хозяйственный расчетъ. Поэтому, какъ скоро земледѣліе переходитъ отъ экстенсивнаго хозяйства къ интенсивному, такъ переходъ государственныхъ имуществъ въ частныя

---

[1]) См. Ad. Wagner: Grundlegung § 349; Finanzwissenschaft. I, § 126.

руки становится хозяйственною потребностью. Къ этому присоединяется и то соображеніе, что съ умноженіемъ капиталовъ и съ усовершенствованіемъ средствъ сообщенія, цѣна иностраннаго хлѣба можетъ еще понизиться, съ чѣмъ вмѣстѣ должна понизиться и поземельная рента. Слѣдовательно, государство, вмѣсто увеличенія доходовъ, можетъ ожидать ихъ пониженія. При такихъ обстоятельствахъ, сохраненіе земель въ рукахъ государства становится безусловно невыгоднымъ.

Противъ этого можно возразить, что государственныя земли составляютъ достояніе не одного, а многихъ поколѣній; не слѣдуетъ ли поэтому беречь ихъ для будущаго, съ тѣмъ чтобы постепенно распредѣлять ихъ между нуждающимися въ землѣ? Но мы видѣли уже, что обращеніе земель, требующихъ капитала и интенсивной обработки, въ пособіе нуждающимся, представляетъ самый невыгодный способъ благотворительности. Оно вредно и для народнаго хозяйства, въ которомъ черезъ это задерживается направленіе капиталовъ къ земледѣлію. Наконецъ, оно несправедливо въ отношеніи къ существующему поколѣнію, которое ограничивается въ своей дѣятельности и лишается возможности прилагать свой капиталъ и трудъ наиболѣе производительнымъ способомъ, чѣмъ самымъ, съ другой стороны, уменьшается и достояніе будущихъ поколѣній. Такимъ образомъ, и съ экономической точки зрѣнія слѣдуетъ сказать, что съ наступленіемъ интенсивной культуры, настаетъ пора перехода государственныхъ земель въ частныя руки.

Все это относится однако единственно къ землямъ обработаннымъ. Въ иномъ видѣ представляется вопросъ относительно пустопорожнихъ земель, раздаваемыхъ подъ новыя поселенія. Здѣсь вопросъ собственно не финансовый, а экономическій, ибо въ настоящемъ эти земли не приносятъ дохода, а въ будущемъ доходъ зависитъ отъ общаго экономическаго подъема, который можетъ быть только слѣдствіемъ привлеченія на мѣсто трудолюбиваго и промышленнаго населенія. Эта именно цѣль имѣется въ виду при раздачѣ пустопорожнихъ земель. Тутъ спрашивается: что выгоднѣе, раздавать ихъ въ срочное владѣніе, въ потомственное, или наконецъ въ полную собственность? Выгоднѣе очевидно то, что наиболѣе содѣйствуетъ достиженію цѣли, то есть, развитію промышленныхъ силъ. Нѣтъ сомнѣнія, что полная собственность болѣе этому содѣйствуетъ, нежели временное владѣніе, а потому она должна получить предпочтеніе.

Потомственная же аренда, которую въ послѣднее время стали проповѣдывать нѣкоторые соціалисты каѳедры [1]), есть не болѣе какъ собственность, лишенная свободы, а потому не удовлетворяющая ни юридическимъ, ни хозяйственнымъ требованіямъ. Это — возвращеніе къ средневѣковому порядку.

Раздавая пустопорожнія земли, государство должно однако имѣть въ виду и будущее. Этого требуютъ равно экономическія и финансовыя соображенія. Съ одной стороны, полезно сохранить запасъ для новыхъ поселенцевъ; съ другой стороны, здѣсь именно государство можетъ ожидать возвышенія поземельной ренты, слѣдовательно приращенія доходовъ. Неразборчивая же раздача земель, особенно лицамъ, которыя не поселяются на мѣстѣ и не обработываютъ ихъ сами, приноситъ одинакій вредъ и государству и народному хозяйству. Безъ сомнѣнія, правительство въ правѣ находящіяся въ рукахъ его земли обращать въ награду людямъ, оказавшимъ услуги отечеству, но когда подобная раздача возводится въ систему, то ее нельзя назвать иначе, какъ расхищеніемъ государственной казны.

И такъ, мы въ обоихъ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ приходимъ къ одинакимъ результатамъ, именно, что казенныя земли должны переходить въ частныя руки, но не иначе какъ постепенно, по мѣрѣ нужды, улучшая время и сохраняя, по возможности, запасъ для будущаго, тамъ гдѣ есть надежда на возвышеніе цѣнъ. Таковы требованія здравой экономической и финансовой политики.

Еще менѣе, нежели землями, государство способно управлять рудниками. Здѣсь промышленный характеръ становится уже на первый планъ; требуется приложеніе значительнаго капитала, хозяйственное веденіе дѣла, коммерческій расчетъ. А такъ какъ эти качества всего менѣе можно найти въ казенномъ управленіи, то казенные рудники обыкновенно не въ состояніи соперничать съ частными. Вмѣсто прибыли, они приносятъ убытокъ. При такихъ условіяхъ, отчужденіе ихъ становится требованіемъ не только экономическимъ, но и финансовымъ. Это признаютъ даже соціалисты каѳедры, которые вообще стоятъ за расширеніе государственной дѣятельности въ ущербъ частной. «Бòльшая дѣятельность и бережливость, лучшее коммерческое веденіе дѣла, говоритъ Адольфъ Вагнеръ, суть специфическія преиму-

---

[1]) Ad. Wagner: Finanzwissenschaft, I, стр. 412 и слѣд. (1877).

щества частныхъ предпріятій, особенно важныя теперь, когда вслѣдствіе совершенно измѣнившейся системы путей сообщенія, конкурренція на всемірномъ рынкѣ становится рѣшающимъ факторомъ для рудниковъ и заводовъ. Неизбѣжная тяжеловѣсность казеннаго производства, веденіе дѣла чиновниками, изъ которыхъ именно самые дѣльные, при настоящемъ возвышенномъ уровнѣ техническаго образованія, имѣютъ часто особенную наклонность дѣлать рискованные опыты съ казенными деньгами, къ чему горное производство представляетъ столько искушеній, огромное значеніе коммерческой стороны дѣла и многое другое говоритъ въ итогѣ за систему отчужденія государственныхъ рудниковъ» [1]).

Однако и тутъ слѣдуетъ поступать съ большою осторожностью. Минеральныя богатства страны составляютъ для нея одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ благосостоянія и дохода; легкомысленное ихъ расхищеніе не можетъ не считаться величайшимъ экономическимъ зломъ. Осторожность здѣсь тѣмъ нужнѣе, что разъ нанесенное зло неисправимо, ибо минеральныя богатства не возстановляются, и разработка ихъ становится все затруднительнѣе. Лучше сохранять ихъ до поры до времени, нежели истощать ихъ съ убыткомъ для себя. Сохраненіе же ихъ всего надежнѣе въ рукахъ государства. Главныя условія частной промышленности заключаются въ обиліи капиталовъ, въ распространеніи техническаго образованія и въ высоко развитомъ промышленномъ духѣ. Гдѣ этихъ условій нѣтъ, передача рудниковъ въ частныя руки нерѣдко поведетъ лишь къ безплодной тратѣ денегъ, къ легкой наживѣ нѣкоторыхъ и къ разоренію многихъ. Даже казенное управленіе лучше частной предпріимчивости, не обладающей достаточными средствами и умѣніемъ.

Нельзя одобрить и отчужденіе рудниковъ иностраннымъ компаніямъ. Это значитъ дѣлать минеральныя богатства страны источникомъ дохода для иностранцевъ, предоставляя будущей туземной промышленности болѣе бѣдные и съ большимъ трудомъ добываемые остатки. Иностраннымъ компаніямъ можно передавать желѣзныя дороги, которыя, по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, возвращаются въ томъ же видѣ государству. Но истощенныя минеральныя богатства не возвращаются, и если они не превращены въ туземные капиталы, то они потеряны для народнаго хозяйства. Передача же ихъ въ срочное владѣніе ведетъ

[1]) Ad. Wagner: Finanzwissenschaft, I, стр. 485 (1877).

лишь къ тому, что временный обладатель старается извлечь изъ нихъ возможно бо́льшую выгоду въ ущербъ будущему. Конечно, тутъ безусловнаго правила положить нельзя. Гдѣ дѣло идетъ о пользѣ, всегда могутъ встрѣтиться частныя соображенія, склоняющія вѣсы въ противоположную сторону. Могутъ быть условія, при которыхъ выгодно отдать рудникъ иностранной компаніи; но во всякомъ случаѣ, это должно быть не правиломъ, а исключеніемъ.

Совершенно иной характеръ, нежели рудники, имѣютъ лѣса. Можно сказать, что это единственное хозяйственное дѣло, гдѣ казенное управленіе совершенно умѣстно. Причина та, что здѣсь дѣло идетъ не столько о полученіи промышленнаго дохода, сколько о сохраненіи лѣсныхъ богатствъ страны, къ чему государство гораздо способнѣе, нежели частныя лица. Послѣднія всегда увлекаются временною выгодою и готовы даже жертвовать будущимъ въ виду настоящаго. Отсюда столь часто встрѣчающееся истребленіе лѣсовъ, которое дѣйствуетъ вредно на общее хозяйство, ибо оно уменьшаетъ обиліе водъ и измѣняетъ самыя климатическія условія страны. Отсюда стремленіе европейскихъ государствъ установить правила даже для частныхъ лѣсовъ: предписывается веденіе правильныхъ порубокъ и воспрещается самовольное ихъ уничтоженіе. Нѣтъ сомнѣнія однако, что подобная система составляетъ вторженіе въ область частнаго хозяйства, вторженіе, которое можетъ быть оправдано исключительнымъ характеромъ отрасли, но которое, во всякомъ случаѣ, является стѣсненіемъ частной свободы, а потому экономическимъ зломъ. Если есть средство избавить себя отъ необходимости подобной мѣры, то государство должно къ нему прибѣгнуть, а это средство заключается именно въ сохраненіи за государствомъ количества лѣсовъ достаточнаго для удовлетворенія народно-хозяйственной потребности. При такомъ условіи, стѣсненіе частной промышленности становится излишнимъ. Для государства же веденіе лѣснаго хозяйства не можетъ быть убыточно, ибо тутъ не требуется ни предпріимчивости, ни особенной расчетливости; нужна только однообразно и правильно дѣйствующая система, къ чему казенное управленіе весьма способно. Не требуется даже приложеніе значительныхъ капиталовъ; доходъ съ лѣснаго хозяйства легко можетъ покрывать издержки. Въ силу этихъ соображеній, желательно не только сохраненіе значительной части лѣсовъ въ рукахъ государства, но и по возможности расширеніе казеннаго владѣнія.

Таковы главныя средства, которыя государство почерпаетъ изъ собственныхъ имуществъ. Но такъ какъ они совершенно недостаточны для удовлетворенія общественныхъ потребностей, то казна, волею или неволею, принуждена прибѣгать къ сборамъ съ частныхъ лицъ. Эти сборы могутъ получаться двоякимъ путемъ: или въ видѣ вознагражденія за дѣйствія, совершаемыя въ пользу отдѣльныхъ лицъ (Gebühren), или въ видѣ налоговъ, взимаемыхъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Первая форма представляетъ нѣчто среднее между частно-хозяйственнымъ и истинно государственнымъ способомъ полученія доходовъ. Вторая же составляетъ принадлежность государства, какъ верховнаго союза; въ ней выражается власть его надъ гражданами.

Къ первому разряду относятся всякаго рода сборы и таксы, взимаемые при разныхъ дѣйствіяхъ суда и администраціи. Здѣсь имѣется въ виду, чтобы издержки управленія хотя отчасти возмѣщались тѣми, которые непосредственно пользуются услугами правительственныхъ лицъ и учрежденій. Легкость взиманія этихъ сборовъ дѣлаетъ ихъ удобнымъ средствомъ для полученія денегъ; но такъ какъ они одинаково взыскиваются со всѣхъ, то размѣръ ихъ долженъ быть весьма незначителенъ. Иначе они падали бы невыносимымъ бременемъ на бѣдныхъ. Такъ напримѣръ, значительныя судебныя издержки дѣлаютъ судъ недоступнымъ для низшаго класса, чѣмъ очевидно нарушается справедливость. Вслѣдствіе этого, вся эта система составляетъ весьма ничтожную отрасль государственныхъ доходовъ.

Къ той же категоріи слѣдуетъ отнести и разныя пошлины, взимаемыя при совершеніи частныхъ актовъ, какъ то, гербовый сборъ, пошлины съ отчуждаемыхъ недвижимыхъ имуществъ и наконецъ съ наслѣдства. Нѣкоторые финансисты отдѣляютъ большую часть этихъ сборовъ отъ предъидущаго разряда и причисляютъ ихъ къ податямъ. Признакомъ различія считаютъ соразмѣрность взимаемыхъ пошлинъ съ переходящимъ изъ рукъ въ руки имуществомъ. Въ этомъ видѣ пошлина является налогомъ на оборотъ [1]). Нельзя отрицать однако, что этотъ видъ пошлинъ имѣетъ существенную связь съ предъидущими. Оборотъ, съ котораго онѣ взимаются, есть оборотъ не экономическій, а юридическій, и тотъ же характеръ носитъ облагаемое здѣсь пріобрѣтеніе (Erwerb): тутъ передается извѣстное

[1]) См. Stein: Finanzwissenschaft стр. 519 и слѣд. (1875).

право, которое облагается сборомъ въ пользу государства, потому что оно требуетъ защиты, слѣдовательно издержекъ. Въ дѣйствительности эта защита можетъ и не потребоваться: пока право не нарушено, государство не вступается. Тѣмъ не менѣе, послѣднее всегда должно быть на готовѣ; учрежденія должны существовать, слѣдовательно и содержаться. Всякій юридическій документъ представляетъ собою не только право на вещь, но и право на защиту, и чѣмъ болѣе сдѣлокъ, тѣмъ шире и сложнѣе должна быть организація послѣдней. Поэтому государство имѣетъ право требовать, чтобы всякій, пріобрѣтающій право на защиту, удѣлялъ что нибудь на содержаніе необходимыхъ для нея учрежденій. А такъ какъ чѣмъ больше защищаемое имущество, тѣмъ больше интересъ въ защитѣ, то здѣсь является возможность соразмѣрить пошлину съ цѣнностью предмета. Отсюда пропорціональность, которая приближаетъ эти пошлины къ системѣ податей.

Не смотря однако на это внѣшнее сходство съ податями, пошлины съ гражданскихъ актовъ сохраняютъ свой чисто юридическій характеръ, и въ этомъ состоитъ существенный ихъ недостатокъ. Онѣ падаютъ не на доходъ, а на капиталъ, слѣдовательно въ экономическомъ отношеніи вредны. Мы увидимъ далѣе, что экономически могутъ быть оправданы только подати, падающія на доходъ, ибо онѣ однѣ не уменьшаютъ народнаго богатства и не затрудняютъ необходимаго для экономической жизни оборота. Мало того: даже и въ юридическомъ отношеніи, пошлины, поражающія имущество при его переходѣ изъ рукъ въ руки, могутъ сдѣлаться опасными для частнаго достоянія. Если онѣ достигаютъ значительныхъ размѣровъ, онѣ могутъ обратиться въ средство переводить частное имущество въ руки государства. На это именно указываютъ соціалисты и тѣ соціалъ-политики, которые мечтаютъ объ ограниченіи частной собственности. Главнымъ орудіемъ для достиженія этой цѣли должны служить пошлины на наслѣдство. Облагая въ значительныхъ размѣрахъ прямое наслѣдство и въ еще большихъ размѣрахъ наслѣдство боковыхъ родственниковъ, наконецъ совершенно устраняя дальнія степени, государство можетъ мало по малу присвоить себѣ бо́льшую часть недвижимыхъ имуществъ. Мы уже говорили объ этихъ планахъ и видѣли, что они составляютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ систему организованнаго государственнаго грабежа. Государство беретъ себѣ то, что ему не принадлежитъ. Оно защиту права обращаетъ

въ конфискацію права. Безъ сомнѣнія, оно можетъ, не нарушая справедливости, взимать извѣстную пошлину съ наслѣдства, но не болѣе какъ со всякой другой юридической сдѣлки, требующей защиты. Высшій ея размѣръ, для боковыхъ линій, можетъ равняться годовому доходу, ибо боковой родственникъ, получающій имущество, которое дотолѣ ему не принадлежало, легко въ состояніи удѣлить годовой доходъ государству. Въ прямой же линіи, пошлина должна быть по необходимости меньше, ибо иначе наслѣдникъ можетъ остаться безъ средствъ или принужденъ будетъ отдать государству часть своего капитала.

Вообще, здравая финансовая политика требуетъ не увеличенія, а возможнаго уменьшенія пошлинъ съ юридическихъ актовъ. Существующія въ европейскихъ государствахъ пошлины не достигаютъ размѣровъ конфискаціи, но онѣ поражаютъ капиталъ и затрудняютъ оборотъ. Поэтому, лучшіе финансисты требуютъ отмѣны по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ тяжесть слишкомъ чувствительно падаетъ на отдѣльныя лица. Если государство, для защиты правъ, принуждено содержать сложную и дорого стоющую организацію, то лучше взимать для этого постоянную подать, нежели пользоваться случайными сдѣлками и переходами имущества, для полученія сборовъ, которые и безъ того не могутъ покрыть всѣхъ расходовъ казны. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти доходы составляютъ для государства не болѣе какъ подспорье.

Выше въ финансовомъ отношеніи стоятъ тѣ таксы, которыя взимаются за удовлетвореніе экономическихъ потребностей общества; но и онѣ имѣютъ ограниченное значеніе. Сюда принадлежатъ сборы почтовые, телеграфные, шоссейные, доходы съ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь могутъ быть три случая: или эти сборы не покрываютъ издержекъ, или они равняются послѣднимъ, или наконецъ, они ихъ превышаютъ. Въ первомъ случаѣ, недостатокъ покрывается налогами; это—жертва, которая приносится для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Второй случай выражаетъ собою порядокъ, который можно назвать нормальнымъ: экономическая потребность должна сама себя окупать, и тутъ, еще болѣе, нежели при частной конкурренціи, издержками производства должна опредѣляться цѣна произведеній, ибо государство имѣетъ въ виду удовлетвореніе общественной потребности, а не полученіе выгоды. Вслѣдствіе этого, избытокъ дохода, который является въ третьемъ случаѣ, принимаетъ

характеръ налога на извѣстнаго рода потребленіе. Здѣсь рождается вопросъ: составляетъ ли означенное потребленіе удобный предметъ для обложенія и не падаетъ ли сборъ неравномѣрно на жителей? Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только сравненіемъ со всею остальною системою налоговъ. Такса, превышающая издержки, можетъ быть оправдана лишь тогда, когда она не стѣсняетъ производства и не падаетъ на классы, и безъ того обремененные податями. Иначе она должна быть понижена.

Это приводитъ насъ къ главному источнику государственныхъ доходовъ, къ податямъ. Онѣ составляютъ важнѣйшую отрасль финансоваго управленія, не только въ финансовомъ, но и въ экономическомъ и юридическомъ отношеніи, ибо здѣсь государство приходитъ въ ближайшее столкновеніе съ частнымъ хозяйствомъ и съ собственностью гражданъ.

Общія теоретическія основанія податной системы весьма просты. Государство есть союзъ, имѣющій цѣлью удовлетвореніе общихъ потребностей. Общія потребности очевидно должны удовлетворяться на общія средства. А такъ какъ собственныхъ средствъ государства для этого недостаточно, то удовлетвореніе должно совершаться посредствомъ сборовъ съ гражданъ. Эти сборы, по самому своему свойству, имѣютъ характеръ принудительный. Каждый членъ общества обязанъ участвовать въ общихъ расходахъ и не можетъ отъ этого уклоняться. Но по этому самому, онъ имѣетъ право требовать, чтобы сборы шли на удовлетвореніе общихъ потребностей, а ни на что другое. Только этимъ можетъ быть оправдано отнятіе частной собственности.

На какихъ же основаніяхъ распредѣляются налоги между гражданами?

Налогъ есть принудительное имущественное отношеніе гражданъ къ государству; принудительныя же отношенія гражданъ, какъ между собою, такъ и къ государству, составляютъ область права. Основное начало права есть правда; слѣдовательно, правда должна быть опредѣляющимъ началомъ въ системѣ налоговъ. А такъ какъ равенство составляетъ коренной признакъ правды, то высшее требованіе правды въ этой области заключается въ томъ, чтобы налоги равномѣрно разлагались на всѣхъ.

Какое же равенство имѣется здѣсь въ виду? Мы видѣли, что правда раздѣляется на два вида: на правду уравнивающую и прав-

ду распредѣляющую. Первая управляется началомъ равенства ариѳметическаго, вторая—началомъ равенства пропорціональнаго. Которое изъ двухъ должно служить основаніемъ системы податей?

Отъ ариѳметическаго равенства отправляются тѣ, которые въ подати видятъ плату за оказанныя государствомъ услуги. Здѣсь берется въ расчетъ то самое начало, которое господствуетъ въ гражданскомъ оборотѣ, именно, воздаяніе равнаго за равное, за большее больше, за меньшее меньше. Въ приложеніи къ имуществу, и это начало ведетъ къ пропорціональности податей, ибо за защиту бо̀льшаго имущества взимается бо̀льшая плата. Но защита имущества не составляетъ единственной задачи государства: оно защищаетъ и лица; оно удовлетворяетъ и другимъ общимъ потребностямъ, къ которымъ понятіе о взаимности услугъ неприложимо. Вообще, это понятіе умѣстно только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о взаимныхъ отношеніяхъ, независимыхъ и равныхъ другъ другу лицъ; между тѣмъ, государство относится къ гражданамъ не какъ равное къ равному, а какъ цѣлое къ членамъ. Отношенія же цѣлаго къ членамъ управляются началомъ правды распредѣляющей; слѣдовательно, геометрическая пропорція составляетъ коренное правило при распредѣленіи налоговъ. А такъ какъ налогъ есть отношеніе имущественное, ибо имъ опредѣляется отношеніе частныхъ имуществъ къ общимъ потребностямъ, то приложеніе къ нему начала правды распредѣляющей ведетъ къ требованію, чтобы каждый платилъ подати соразмѣрно съ своимъ имуществомъ. Это и есть начало пропорціональности налоговъ, которое и въ наукѣ и въ практикѣ признается идеальнымъ выраженіемъ справедливости.

Съ какимъ же имуществомъ должны соразмѣряться налоги? Налогъ есть ежегодно возобновляемый сборъ; онъ составляетъ постоянный доходъ государства. Слѣдовательно, онъ долженъ падать на ту долю частнаго имущества, которая возобновляется ежегодно, то есть, на доходъ. Государственный доходъ извлекается изъ частнаго. Отсюда общее правило, что налоги не должны падать на капиталъ. Подобный налогъ юридически представляется несправедливымъ, а экономически вреднымъ: онъ несправедливъ, ибо онъ падаетъ исключительно на владѣющихъ матеріальнымъ капиталомъ, обходя доходъ, получаемый съ капитала духовнаго; онъ вреденъ, ибо онъ поражаетъ производительность въ самомъ ея источникѣ и тѣмъ умаляетъ промышленныя силы страны. По извѣстно-

му сравненію Монтескьё, это—способъ дѣйствія дикихъ народовъ, которые рубятъ дерево, чтобы сорвать плодъ.

Таковы простыя и ясныя начала податной системы, начала, признанныя наукою и съ которыми, по возможности, соображаются законодательства. Видѣть въ нихъ нѣчто коммунистическое, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, Ад. Вагнеръ [1]), значитъ играть словами. На пропорціональности основаны и акціонерныя компаніи, которыхъ однако никто не считаетъ явленіями коммунизма. Тѣ начала, которыя проповѣдуютъ соціалисты, имѣютъ совершенно иной характеръ. По ихъ теоріи, средства на удовлетвореніе государственныхъ потребностей должны получаться не съ частныхъ лицъ, а изъ общаго дохода. Такъ какъ все производство должно сосредоточиваться въ рукахъ государства, то послѣднее имѣетъ полную возможность взять себѣ предварительно то, что ему нужно, и затѣмъ остальное распредѣлить между гражданами, соразмѣрно съ ихъ работою. Такимъ образомъ, доходъ каждаго уменьшается въ совершенно одинакой степени, и безъ всякихъ издержекъ и хлопотъ достигается полная пропорціональность [2]).

Въ этой системѣ, не общее хозяйство образуется изъ частныхъ, а наоборотъ, частныя составляютъ только остатокъ общаго. Вмѣсто того чтобы государственныя потребности удовлетворять взносами частныхъ лицъ, здѣсь частныя лица удовлетворяются тѣмъ, что̀ имъ даетъ государство. Пропорціональность достигается, но единственно уничтоженіемъ свободы и самостоятельной дѣятельности гражданъ. Въ такомъ видѣ, задача, безъ сомнѣнія, значительно упрощается: уравнять матеріально рабовъ не мудрено; трудно уравнять свободныхъ людей. Тутъ не требуется и особенныхъ издержекъ для взиманія податей, но опять же единственно потому, что тутъ нѣтъ никакихъ податей. Зато государство беретъ на себя всѣ издержки производства, а такъ какъ въ рукахъ казны эти издержки всегда громадны и будутъ тѣмъ больше, чѣмъ обширнѣе производство, то можно полагать, что за вычетомъ потребнаго для общества, частнымъ лицамъ не останется почти ничего. Гражданамъ не приходится платить податей, потому что они уже заранѣе кругомъ обобраны.

---

1) Grundleg. стр. 238.

2) Schäffle: Bau und Leben d. soc. Körp. IV, стр. 224—229.

Развивая эту систему, Шеффле ссылается на то, что и въ настоящее время государство не довольствуется прямыми податями, взимаемыми съ частныхъ доходовъ, а прибѣгаетъ къ косвеннымъ налогамъ, которые захватываютъ имущество на пути къ потребленію; то есть, по выраженію Шеффле, оно, также какъ и въ соціалистической теоріи, «черпаетъ большими ведрами изъ соціальнаго потока благъ» (aus dem socialem Güterstrom), прежде нежели эти блага распредѣлились между частными лицами; только оно дѣлаетъ это съ бо̀льшими издержками и съ нарушеніемъ справедливости. Почему же однако это дѣлается съ бо̀льшими издержками и почему тутъ не можетъ быть соблюдена полная пропорціональность, какъ въ соціалистической системѣ? Именно потому что косвенные налоги, также какъ и прямые, берутся не изъ общаго потока, а съ имущества частныхъ лицъ. Гдѣ бы казна ни захватила это имущество, въ производствѣ, въ оборотѣ или въ потребленіи, оно все таки есть имущество частное, ибо оно произведено частною дѣятельностью и находится въ частныхъ рукахъ; а потому и тутъ нѣтъ того коммунистическаго характера, который Шеффле приписываетъ косвеннымъ налогамъ. Соціальный же потокъ благъ, изъ котораго государство черпаетъ полными ведрами, ничто иное какъ метафора, а съ метафоръ налоги не взимаются.

Если чисто соціалистическая точка зрѣнія ведетъ къ уничтоженію налоговъ вслѣдствіе уничтоженія самыхъ частныхъ хозяйствъ, съ которыхъ они берутся, то соціалъ-политическая точка зрѣнія преслѣдуетъ иныя цѣли. Она признаетъ самостоятельность частныхъ хозяйствъ и истекающую отсюда систему податей; но она требуетъ, чтобы государство, распредѣляя подати, не ограничивалось финансовою задачею, то есть, удовлетвореніемъ общественныхъ потребностей посредствомъ возможно справедливаго распредѣленія тяжестей, а имѣло бы въ виду соціальныя цѣли, именно, уравненіе имуществъ [1]).

Можно сказать, что эта послѣдняя точка зрѣнія въ нѣкоторомъ отношеніи даже хуже предъидущей. Та, по крайней мѣрѣ, полагаетъ себѣ идеальною цѣлью справедливость, хотя она осуществляетъ ее совершенно превратнымъ образомъ; здѣсь же сознательно

[1]) Ad. Wagner: Grundlegung, §§ 99, 100.

полагается цѣлью несправедливость. Государство должно пользоваться своею властью, для того чтобы отнимать у однихъ и давать другимъ. Нельзя не признать, что тутъ есть фальшь въ самомъ принципѣ. Въ исторіи мы видимъ классы, обремененные податями, и другіе, отъ нихъ изъятые. Это происходитъ главнымъ образомъ оттого, что государство придаетъ послѣднимъ иное значеніе, нежели податныхъ силъ. Такъ, по средневѣковому воззрѣнію, дворянство давало государству свою службу, духовенство свои молитвы, третье сословіе — свои деньги. Но высшее государственное развитіе ведетъ къ уничтоженію этихъ различій, и вслѣдствіе того, къ распредѣленію общественныхъ тяжестей равномѣрно на всѣхъ. Это — процессъ медленный, въ которомъ государство идетъ соображаясь съ практическою возможностью. Нерѣдко, при полномъ юридическомъ равенствѣ, главное бремя податей все таки остается на массѣ, потому что она въ своей совокупности представляетъ несравненно бо́льшую податную силу, нежели ничтожное меньшинство зажиточныхъ классовъ. Но высшею цѣлью все таки остается справедливость, то есть, пропорціональное равенство. Требовать же, чтобы государство воспользовалось податною системою для уравненія состояній, значитъ дѣлать его безусловнымъ распорядителемъ частной собственности и частной жизни, чѣмъ оно въ благоустроенномъ обществѣ никогда не должно быть. Это—извращеніе нравственнаго существа государства, обращеніе правомѣрной и благодѣтельной власти въ насиліе и беззаконіе.

Поэтому нельзя признать правильнымъ и прогрессивный налогъ, за который стояли и отчасти доселѣ стоятъ нѣкоторые даже значительные экономисты. Въ пользу его говорятъ, что богатому легче нести тяжести, нежели бѣдному. Лишеніе извѣстной доли дохода для послѣдняго чувствительнѣе, нежели для перваго, ибо онъ принужденъ бываетъ сокращать даже необходимые расходы, тогда какъ богатый теряетъ только излишекъ. Но тяжесть податей не можетъ соразмѣряться съ субъективнымъ чувствомъ, которое не подлежитъ оцѣнкѣ. Для человѣка, стоящаго на извѣстномъ уровнѣ жизни, лишеніе извѣстной доли дохода можетъ быть даже чувствительнѣе, нежели для болѣе бѣднаго, не имѣющаго тѣхъ же потребностей. Если основаніемъ для распредѣленія налоговъ должна служить справедливость, то тяжесть ихъ не можетъ соразмѣряться ни съ чѣмъ инымъ, кромѣ имущества. Иначе мы впадемъ въ область чистаго произво-

ла, ибо нѣтъ причины, почему бы прогрессія остановилась на извѣстномъ предѣлѣ, почему бы она не была больше или меньше. При такой системѣ, отъ воли государства зависитъ отнять у зажиточныхъ классовъ все, что ему угодно. По выраженію Милля, это—«обложеніе пристрастное, которое равнялось бы смягченной формѣ грабежа» [1]).

Нельзя согласиться и съ доводомъ Штейна, который, бывши долго противникомъ прогрессивнаго налога, окончательно склонился въ его пользу, хотя въ ограниченномъ размѣрѣ. Причину высшаго обложенія крупныхъ капиталовъ онъ полагаетъ въ томъ, что большій капиталъ, давая большій избытокъ надъ потребностями, имѣетъ и бо̀льшую силу для образованія новыхъ капиталовъ. Эту-то высшую силу слѣдуетъ облагать соразмѣрно съ ея производительностью [2]).

Эта теорія имѣетъ какъ будто нѣкоторую заманчивость, а между тѣмъ, она страдаетъ весьма существенными недостатками. Если сила капитала означаетъ его производительность, то послѣдняя выражается именно въ доходѣ; а потому, когда капиталъ облагается соразмѣрно съ приносимымъ имъ доходомъ, то онъ облагается сообразно съ своею силою. Это и есть пропорціональный налогъ. Но если мы подъ силою капитала будемъ разумѣть не способность его приносить доходъ, а способность давать излишекъ за удовлетвореніемъ потребностей, то мы не только потеряемъ всякое мѣрило, но мы будемъ облагать то, что менѣе всего подлежитъ обложенію. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу чего отъ дохода остается излишекъ, который обращается въ новый капиталъ? Единственно въ силу сбереженія. Капиталъ не самъ собою рождаетъ новый капиталъ; это происходитъ не иначе, какъ черезъ посредство человѣческой бережливости. Облагать же бережливость и несправедливо и не хозяйственно. Сколько человѣку нужно на удовлетвореніе его потребностей и сколько онъ въ состояніи сберечь, объ этомъ никто судить не можетъ: это—дѣло чисто личное. А потому государство не имѣетъ ни малѣйшей возможности установить здѣсь какое бы то ни было мѣрило: всякое будетъ чистымъ произволомъ. Но облагать бережливость, и притомъ совершенно произвольнымъ путемъ, въ высшей степени вред-

---

[1]) Основ. Пол. Эк. гл. II, § 3.

[2]) Finanzwissenschaft, стр. 325—6 (1875), I, стр. 421 изд. 1878 г.; ср. Volkswirthschaftslehre, стр. 418—9 (1878).

но для народнаго хозяйства. Существеннѣйшій интересъ, какъ общества, такъ и государства, состоитъ, напротивъ, въ томъ, чтобы бережливость по возможности поощрялась; ей слѣдуетъ дать полный просторъ. Чѣмъ быстрѣе ростутъ въ странѣ капиталы, тѣмъ выше общее благосостояніе. Сберегаемый излишекъ заплатилъ уже государству свою дань, удѣливши ему соразмѣрную часть общей суммы дохода; остальное должно находиться въ полномъ распоряженіи лица. Черезъ это, накопляемый капиталъ дѣлается источникомъ новаго дохода, какъ для самого владѣльца, такъ и для государства, которое съ этого новаго дохода будетъ взимать новую подать. Облагая въ высшемъ размѣрѣ этотъ излишекъ, государство тѣмъ самымъ умаляетъ приростъ капиталовъ и подрываетъ источникъ собственныхъ своихъ будущихъ доходовъ. Это опять способъ дѣйствія дикихъ народовъ, которые рубятъ дерево, чтобы сорвать плодъ.

Рядомъ съ усиленнымъ обложеніемъ крупныхъ доходовъ, соціальная точка зрѣнія требуетъ и освобожденія мелкихъ. Еще Бентамъ предлагалъ изъять отъ податей наименьшій размѣръ дохода, необходимый для существованія, и туже сумму вычитывать и изъ всѣхъ высшихъ доходовъ, признавая ее свободною отъ подати. Милль поддерживаетъ это предложеніе, считая несправедливымъ облагать въ одинакой мѣрѣ необходимое и излишекъ. За тоже начало стоитъ и Штейнъ, который существеннымъ требованіемъ свободы признаетъ возможность возвышаться по общественной лѣствицѣ и видитъ противорѣчіе этому требованію въ податной системѣ, облагающей необходимое и тѣмъ лишающей человѣка возможности пріобрѣтать излишекъ. Это освобожденіе наименьшаго размѣра средствъ существованія онъ называетъ «соціальнымъ изъятіемъ отъ податей» (die sociale Steuerfreiheit) [1].

Этотъ послѣдній доводъ нельзя признать основательнымъ. Возможность для рабочихъ классовъ возвышаться по общественной лѣствицѣ должна вытекать изъ всего экономическаго быта, а не изъ дарованной имъ привилегіи. Главнымъ опредѣляющимъ началомъ является здѣсь не податная система, а отношеніе капитала къ народонаселенію, отъ чего зависитъ высота заработной платы.

---

[1]) См. Милль: Основ. Полит. Эк. кн. V, гл. II, § 3; Штейнъ: Finanzwissenschaft, стр. 321 и слѣд. (1875).

Изъятіе пролетаріевъ отъ податей можетъ даже идти наперекоръ цѣли, способствуя ихъ умноженію. Вообще, вліяніе государства въ этомъ дѣлѣ должно быть болѣе отрицательное, нежели положительное. Первая и главная его задача состоитъ въ томъ, чтобы относительно всѣхъ соблюдать справедливость, открывая равное поприще для всѣхъ и не обременяя однихъ въ ущербъ другимъ. Какъ же скоро мы становимся на точку зрѣнія справедливости, такъ нѣтъ сомнѣнія, что богатые и бѣдные равно должны нести общественныя тяжести, каждый соразмѣрно съ своими средствами, ибо всѣ равно суть граждане государства. Привилегированнаго изъятія отъ податей не должно быть ни для кого, ибо оно составляетъ изъятіе отъ гражданскихъ обязанностей. Какъ всѣ одинаково призываются къ защитѣ отечества, такъ всѣ одинаково должны помогать ему своими средствами. Въ этомъ состоитъ достоинство гражданина, котораго не долженъ быть лишенъ и пролетарій.

Съ другой стороны однако, нельзя не согласиться, что уплата податей можетъ быть чрезвычайно обременительна для человѣка, едва имѣющаго насущный хлѣбъ. Если во имя справедливости всѣ должны быть обложены равномѣрно, то человѣколюбіе можетъ требовать изъятія. Но тутъ уже мы становимся не на точку зрѣнія государственныхъ финансовъ, а на точку зрѣнія благотворительности. Благотворительность же касается не цѣлыхъ классовъ, а отдѣльныхъ лицъ. Во имя человѣколюбія можно, конечно, допустить изъятіе отъ налоговъ для тѣхъ лицъ, которыхъ крайняя бѣдность будетъ доказана. Здѣсь вопросъ переносится на практическую почву. Онъ рѣшается участіемъ мѣстныхъ органовъ въ распредѣленіи податей.

При существованіи косвенныхъ налоговъ, падающихъ преимущественно на низшіе классы, вопросъ объ изъятіи наименьшаго необходимаго дохода отъ прямыхъ податей можетъ представляться и требованіемъ справедливости. Тутъ уже дѣло идетъ не о привилегіи, а объ уравненіи. Въ дѣйствительности, косвенные налоги весьма часто имѣютъ именно этотъ характеръ; въ такомъ случаѣ, справедливо снять съ низшихъ классовъ соотвѣтствующее бремя прямыхъ податей. Такая замѣна прямыхъ налоговъ косвенными въ обложеніи низшихъ классовъ представляетъ, какъ мы увидимъ далѣе, весьма существенныя выгоды. Къ этому рано или поздно склоняется финансовая система, соображающая идеальныя требованія справедливости съ дѣйствительными средствами плательщиковъ.

Мы приходимъ здѣсь къ вопросу объ отношеніи теоретическихъ началъ финансоваго управленія къ практическому ихъ приложенію. Въ теоріи все кажется просто и ясно: надобно взимать налоги пропорціонально доходу каждаго; таково высшее требованіе правды. Но какъ скоро мы хотимъ осуществить это начало въ дѣйствительномъ мірѣ, такъ передъ нами возникаютъ безчисленныя затрудненія. Если мы взглянемъ на то, что происходитъ въ жизни, мы увидимъ, что разстояніе между теоріею и практикою весьма значительно. Теорія отправляется отъ чистыхъ началъ справедливости, практика же беретъ деньги тамъ, гдѣ ихъ можно найти. Между этими двумя направленіями происходитъ взаимодѣйствіе, котораго исторія чрезвычайно поучительна. Случалось, что практика, откинувъ въ сторону всякія понятія о соразмѣрности податей, старалась взвалить все бремя на тѣ классы, которые менѣе всего были въ состояніи за себя стоять. Но черезъ это государство уничтожало главные источники своихъ доходовъ, а такъ какъ съ неимущихъ ничего не возьмешь, то съ возрастаніемъ расходовъ, оно все таки принуждено было искать денегъ тамъ, гдѣ они обрѣтались, то есть, приблизиться къ требованіямъ справедливости. Съ другой стороны, случалось и то, что государство, совершенно покинувъ практическую почву, задавалось чисто идеальными требованіями. Такое явленіе было въ первую Французскую революцію. Но тутъ настоятельная нужда заставляла его снова возвратиться на землю и принять въ соображеніе жизненныя условія. Изъ этого двоякаго теченія возникла въ европейскихъ государствахъ система податей, которая, далеко не представляя осуществленіе идеала, приближается къ нему однако на столько, на сколько позволяютъ существующія практическія данныя и мѣстныя особенности каждой страны.

Главная трудность для установленія пропорціональнаго налога заключается въ невозможности опредѣлить доходъ каждаго. Есть доходы, которые подлежатъ приблизительно вѣрной оцѣнкѣ, но другіе совершенно ей не поддаются. Если правительство захочетъ само опредѣлить всѣ доходы, то обложеніе будетъ и стѣснительно, и произвольно и неравномѣрно. Свободное движеніе жизни, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, ускользаетъ отъ правительственнаго контроля. Вслѣдствіе этого, законодательства, установляющія общую подать съ дохода, принуждены довольствоваться собственнымъ показаніемъ лицъ. Но тутъ является другаго рода препятствіе. Такъ какъ провѣрить

собственныя показанія въ большинствѣ случаевъ весьма затруднительно, то въ результатѣ честные граждане облагаются въ большей мѣрѣ противъ безчестныхъ. Терпимою эта неравномѣрность становится только тогда, когда подать поглощаетъ собою лишь весьма небольшую часть дохода: тогда нѣтъ слишкомъ большихъ побужденій къ утайкѣ. Къ этому и приходятъ современныя законодательства. Но въ такомъ случаѣ, подоходный налогъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ потребностямъ государства. По общему признанію, онъ можетъ только восполнять, а не замѣнять другіе налоги. Слѣдовательно, надобно искать инаго пути.

Этотъ путь состоитъ въ раздѣленіи податей по источникамъ дохода. Надобно взять каждую отрасль отдѣльно, и по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, стараться опредѣлить ея доходность. Разумѣется, тутъ можно принять въ расчетъ только среднюю доходность производства. Но именно это опредѣленіе средней доходности по внѣшнимъ признакамъ представляетъ громадныя затрудненія. Отсюда рождается сложная система податей, которая старается обнять всѣ источники дохода, но можетъ сдѣлать это лишь весьма неравномѣрно, ибо они неодинаково поддаются опредѣленію. Теоретическое требованіе остается идеаломъ для законодателя, но практика приближается къ нему только издалека. Она должна принять въ соображеніе и возможность справедливой оцѣнки, и бо́льшую или меньшую стѣснительность взиманія, и необходимыя при этомъ издержки, и наконецъ, экономическія требованія общества. Подать должна быть не только справедлива, но и возможно менѣе стѣснительна для промышленности и для частной жизни. Иначе она можетъ обратиться въ невыносимый полицейскій гнетъ и парализовать все промышленное развитіе страны. Здѣсь область, гдѣ вторженіе государства въ частную жизнь и въ частную дѣятельность грозитъ серіозною опасностью свободѣ гражданъ.

Изъ различныхъ источниковъ дохода, всего болѣе, повидимому, поддается правильной оцѣнкѣ земля. Она представляетъ объектъ видимый и неизмѣнный; производство здѣсь однообразное и явное. Однако и тутъ опредѣленіе настоящаго дохода сопряжено съ значительными затрудненіями. Точное опредѣленіе совершается посредствомъ кадастра, операціи сложной и трудной, требующей громадныхъ издержекъ и возможной только при весьма искусномъ личномъ составѣ. Во Франціи, кадастрація земель продолжалась болѣе сорока

лѣтъ, поглотила 150 милліоновъ франковъ и все таки не привела къ удовлетворительнымъ результатамъ. Оказалось, что сдѣланныя въ началѣ оцѣнки были весьма неточны. Кромѣ того, съ теченіемъ времени, въ доходности земель произошли значительныя перемѣны, вслѣдствіе которыхъ кадастральныя цифры перестали соотвѣтствовать дѣйствительности. Требовался пересмотръ; но тутъ представилось новое затрудненіе. Поземельный налогъ менѣе всѣхъ допускаетъ измѣненіе цифръ. Онъ поглощаетъ извѣстную часть дохода; доходомъ же опредѣляется самая цѣнность земли, которая представляетъ соотвѣтствующій доходу капиталъ. Вслѣдствіе этого, налогъ ложится на землю, какъ постоянная гипотека, на столько уменьшающая цѣнность и доходность участка; при переходѣ имѣній изъ рукъ въ руки, уплачивается цѣнность, соотвѣтствующая доходу за вычетомъ подати. Если подать низка, покупщикъ платитъ больше; если она высока, онъ платитъ меньше. При такихъ условіяхъ, всякое измѣненіе подати несправедливо измѣняетъ положеніе владѣльца: возвышеніе налога отнимаетъ у него часть капитала, пониженіе составляетъ для него чистый подарокъ. Точно также и при раздѣлахъ, когда выдѣляемая сумма остается долгомъ на имѣніи, всякое возвышеніе подати несправедливо поражаетъ остающагося владѣльца, ибо она падаетъ на него цѣликомъ, тогда какъ въ сущности онъ владѣетъ только частью цѣнности имѣнія. Къ этому надобно прибавить, что земледѣліе требуетъ долгосрочнаго кредита, а чтобы пользоваться имъ, надобно расчитывать на постоянство дохода, слѣдовательно и на постоянство податей. По всѣмъ этимъ причинамъ, нѣкоторые весьма значительные экономисты, напримѣръ Ипполитъ Пасси, безусловно противятся всякому измѣненію поземельнаго налога, какъ бы онъ ни былъ неравномѣренъ. Они утверждаютъ, что эта неравномѣрность сдѣлалась уже достояніемъ жизни, и что всякое ея измѣненіе будетъ нарушеніемъ приспособившихся къ ней интересовъ.

Законодательства, какъ французское, такъ и прусское, стараются разрѣшить вопросъ тѣмъ, что поземельный налогъ обращается въ подать, взимаемую путемъ распредѣленія. Общая сумма налога остается неизмѣнною; приблизительно неизмѣннымъ остается и распредѣленіе ея по областямъ; внутри же областей, распредѣленіе по округамъ, общинамъ и наконецъ по отдѣльнымъ лицамъ предоставляется мѣстнымъ коммиссіямъ, которыя принимаютъ за основа-

ніе кадастральныя данныя, но соображаются и съ измѣняющимися обстоятельствами. Такимъ образомъ, колебанія происходятъ лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ, черезъ что уменьшается ихъ вредное дѣйствіе. Но настоящее уравненіе черезъ это все таки не достигается, и вопросъ о пересмотрѣ кадастра остается открытымъ. Во Франціи онъ возбужденъ, но въ виду значительныхъ представляющихся при этомъ затрудненій, къ нему доселѣ не рѣшаются приступить.

Теоретически, конечно, невозможно стоять за безусловную неизмѣнность налога. Это значило бы признать разъ установившуюся случайность за норму и лишить государство законно принадлежащаго ему источника дохода. Но въ виду того, что интересы приспособляются къ существующему порядку, нельзя не признать, что тутъ слѣдуетъ поступать съ крайнею осторожностью и постепенностью. Иначе, вмѣсто желанной равномѣрпости, получится несправедливое отягощеніе однихъ и облегченіе другихъ.

Гораздо меньше затрудненій представляетъ подать съ строеній, тѣсно связанная съ поземельнымъ налогомъ. Она имѣетъ въ виду обложеніе дохода, получаемаго съ домовъ. Поэтому она должна сообразоваться съ наемною платою, за вычетомъ издержекъ и погашенія. Но такъ какъ дома отдаются въ наймы и составляютъ предметъ дохода главнымъ образомъ въ городахъ, то это подать по существу своему городская. Въ селахъ же, за исключеніемъ пригородныхъ дачъ, она естественно должна соединяться съ поземельнымъ налогомъ.

Подать съ жилищъ можетъ однако имѣть и другое значеніе. Даже когда законодатель прямо имѣетъ въ виду обложить доходъ домовладѣльца, она легко можетъ быть перенесена на нанимателя, посредствомъ возвышенія наемной платы. Противъ этого законы безсильны. Но иногда законодатель прямо имѣетъ виду обложить не хозяина, а нанимателя. Въ такомъ случаѣ, налогъ перестаетъ быть податью съ недвижимаго имущества; онъ становится налогомъ на движимость. И тутъ онъ падаетъ на доходъ; а такъ какъ этотъ доходъ можетъ проистекать либо отъ промышленнаго капитала, либо отъ личной дѣятельности владѣльца, то и налогъ на наемное помѣщеніе принимаетъ двоякій характеръ: налогъ на промышленныя помѣщенія составляетъ существенный элементъ общаго промышленнаго налога; налогъ же на жилыя помѣщенія составляетъ форму личнаго налога на хозяина.

Через это мы отъ недвижимой собственности переходимъ къ другимъ источникамъ дохода.

Промышленнымъ налогомъ облагается доходъ съ промышленнаго капитала. Если по внѣшнимъ признакамъ не легко опредѣлить доходность земли, то здѣсь эта трудность несравненно больше. Одинъ стоячій капиталъ подлежитъ оцѣнкѣ; оборотный же капиталъ ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія. Поэтому, чѣмъ больше въ предпріятіи преобладаетъ послѣдній, тѣмъ менѣе оно подлежитъ правильному обложенію. Торговые обороты и кредитныя операціи, которыя приносятъ иногда громадные доходы, можно сказать, менѣе всего участвуютъ въ удовлетвореніи государственныхъ потребностей. Самый доходъ съ стоячаго капитала до такой степени зависитъ отъ состоянія рынка и отъ болѣе или менѣе хозяйственнаго веденія дѣла, что постоянной нормы тутъ установить невозможно, а потому государство принуждено довольствоваться весьма слабымъ обложеніемъ. Сравнительно съ земледѣліемъ, промышленность несетъ мало тяжестей.

Главная форма, въ которой совершается обложеніе, есть патентъ. Установляются многочисленные разряды, отчасти по мѣстностямъ, отчасти по объему производства, и по нимъ распредѣляются различныя предпріятія. Мѣстные разряды имѣютъ значеніе преимущественно для ремеслъ, которыя пользуются мѣстнымъ сбытомъ и которыхъ доходность зависитъ поэтому отъ густоты населенія. Для фабрикъ и заводовъ, сбывающихъ свои произведенія на дальнихъ рынкахъ, мѣстное положеніе не имѣетъ значенія. Тутъ принимаются въ расчетъ обширность помѣщенія, количество машинъ и орудій, число рабочихъ. Во Франціи, гдѣ это законодательство получило наибольшее развитіе, къ постоянной цифрѣ поразряднаго налога прибавляется измѣняющаяся такса, соразмѣрная съ наемною цѣнностью помѣщенія. Изъ всего этого образуется весьма сложная система, которой затруднительность въ примѣненіи видна изъ того, что пререканія по патентному сбору количествомъ дѣлъ превышаютъ вдвое пререканія по всѣмъ остальнымъ прямымъ податямъ, а если принять въ расчетъ сумму тѣхъ и другихъ, то превышеніе оказывается въ 14 разъ. И при всемъ томъ, равномѣрность все таки не достигается, и значительнѣйшая часть промышленныхъ доходовъ почти совершенно ускользаетъ отъ обложенія.

Совершенно не подлежатъ патентному сбору тѣ доходы съ капиталовъ, которые получаются съ долговыхъ обязательствъ, частныхъ

или государственныхъ. Спрашивается: не слѣдуетъ ли обложить ихъ особымъ налогомъ?

Что касается до частныхъ ссудъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ, онѣ дѣлаются для промышленныхъ цѣлей, все равно, происходитъ ли это путемъ личныхъ сдѣлокъ и черезъ посредство банковъ. Ссужаемый капиталъ помѣщается въ промышленное предпріятіе и облагается вмѣстѣ съ послѣднимъ. Поэтому, особый налогъ на ссуды равнялся бы двойному обложенію. Уплачивать его приходилось бы все таки заемщику, ибо неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подобнаго налога было бы возвышеніе процента. А такъ какъ, съ другой стороны, этому налогу не подлежали бы промышленники, работающіе съ своимъ собственнымъ капиталомъ, то очевидно, что тутъ водворилась бы неравномѣрность самаго худшаго свойства. Бремя пало бы единственно на нуждающихся, и кредитъ сдѣлался бы дороже.

Несправедливость двойнаго обложенія не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ промышленный налогъ взимается съ дохода за вычетомъ долговъ. Если въ акціонерномъ предпріятіи облагается дивидендъ, то нѣтъ причины не облагать и облигаціи, ибо дивидендъ получается за вычетомъ процентовъ по облигаціямъ. Но такъ какъ акціонерныя предпріятія черезъ это были бы поставлены въ иныя условія, нежели другія, то обыкновенно этотъ способъ обложенія къ нимъ не примѣняется. Доходъ съ акцій облагается только общимъ подоходнымъ налогомъ.

Наконецъ, вовсе не входитъ въ составъ промышленныхъ предпріятій капиталъ, ссужаемый государству. Но тутъ возникаетъ вопросъ: на сколько государство имѣетъ право облагать налогомъ своихъ собственныхъ кредиторовъ? Нѣтъ сомнѣнія, что особаго налога на доходъ съ государственныхъ кредитныхъ бумагъ не можетъ быть. Государство обязалось платить извѣстный процентъ по заключаемымъ имъ займамъ; облагать этотъ доходъ налогомъ значитъ произвольно уменьшать процентъ, то есть, отказываться отъ исполненія своихъ обязательствъ. Но съ другой стороны, если всѣ доходы одинаково облагаются общимъ налогомъ, то несправедливо дѣлать исключеніе для государственныхъ кредиторовъ. Черезъ это они были бы поставлены въ болѣе выгодное положеніе, нежели прежде, ибо кредитъ, даваемый государству, соразмѣряется съ тою прибылью, которую можно получить въ другихъ отрасляхъ производства. Если послѣднія облагаются новымъ налогомъ, то нѣтъ причины дѣ-

лать изъятіе для перваго. Надобно только замѣтить, что подобное обложеніе можетъ невыгодно отразиться на будущемъ кредитѣ государства. При заключеніи новыхъ займовъ, кредиторы будутъ принимать во вниманіе не только существующее обложеніе, но и возможность повышенія налога. Въ особенности это невыгодно для государствъ, которыя заключаютъ займы иностранные.

Въ общемъ итогѣ очевидно, что по самому свойству капитала, обложеніе его всегда незначительно. Государство не можетъ существенно увеличить промышленные налоги, иначе какъ въ ущербъ и самому себѣ и экономическому развитію общества. И чѣмъ выше налогъ, тѣмъ скорѣе большинство капиталовъ ускользнетъ отъ обложенія. Подать будетъ падать крайне неравномѣрно; промышленность будетъ стѣснена и получитъ неправильный ходъ; кредитъ вздорожаетъ, капитализація сократится, а между тѣмъ государство, съ огромными издержками, все таки получитъ лишь весьма небольшой доходъ. Вслѣдствіе этого, легкость обложенія составляетъ здѣсь коренное начало финансоваго управленія.

Совершенно иной характеръ имѣютъ подати на трудъ. Тутъ можно опасаться лишь одного, именно, чтобы онѣ не были слишкомъ тяжелы. Таковыми дѣйствительно онѣ обыкновенно бываютъ въ странахъ, гдѣ при недостаткѣ капиталовъ и при обиліи земли, трудъ составляетъ главный источникъ дохода.

Правомѣрность обложенія труда не подлежитъ сомнѣнію. Мы видѣли уже, что всѣ граждане должны нести свою долю тяжестей, слѣдовательно и трудящіеся. И чѣмъ большее участіе въ производствѣ падаетъ на долю труда въ сравненіи съ землею и капиталомъ, тѣмъ эта тяжесть должна быть больше. Поэтому, въ бѣдныхъ странахъ, главное бремя податей неизбѣжно лежитъ на рабочемъ классѣ. Это бремя можетъ быть чрезвычайно велико; тутъ главный вопросъ состоитъ въ томъ: какимъ образомъ можно сдѣлать его возможно болѣе равномѣрнымъ?

Самую обыкновенную форму обложенія труда составляетъ поголовная подать. Основаніе ея заключается въ томъ, что физическія силы людей приблизительно равны, а потому и получаемый съ нихъ доходъ облагается одинаково. Сама практика приводитъ къ этому законодательства, которыя значительную часть податнаго бремени возлагаютъ на физическій трудъ. Въ этомъ отношеніи, исторія русской податной системы весьма поучительна. Въ древности, у насъ суще-

ствовала посошная подать. При подвижности населенія, иная система была неприложима, ибо земля составляетъ постоянный, видимый податной объектъ, а бродячія рабочія силы уловить было невозможно. Но съ другой стороны, земля получала хозяйственное значеніе единственно вслѣдствіе приложенія къ ней рабочихъ рукъ. Громадныя пустынныя пространства не приносили никакого дохода. Отсюда необходимость облагать только обработанныя земли. Но такъ какъ при безпрерывныхъ переходахъ населенія, количество обработанныхъ земель постоянно мѣнялось, то изъ этого не могло выработаться никакой правильной системы. Вслѣдствіе того, съ развитіемъ государственныхъ потребностей, пришлось искать инаго исхода и перенести податное бремя на настоящій предметъ обложенія, то есть, на рабочія руки. И точно, Московское государство, съ одной стороны, прикрѣпляетъ рабочихъ къ мѣстамъ, съ другой стороны замѣняетъ постепенно поземельную подать иными формами, падающими на лица. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было введеніе подворной подати. Дворъ былъ центромъ обработаннаго пространства земли, а потому, казалось, могъ служить единицею обложенія. Но при переходахъ или побѣгахъ крестьянъ, самые дворы нерѣдко оставались пусты. Притомъ же, для избѣжанія налога, въ однихъ дворахъ сосредоточивалось много рабочихъ рукъ, а другіе покидались. Поэтому законодательство, силою вещей, окончательно принуждено было сдѣлать податнымъ объектомъ то, что приносило настоящій доходъ, то есть, рабочую силу. При Петрѣ введена была подушная подать, при чемъ однако душа была принята только за единицу обложенія, самое же распредѣленіе было предоставлено обществамъ. Такимъ образомъ, земля обратилась въ придатокъ къ рабочей силѣ; а такъ какъ души, или тягла, облагались одинаково, то каждая единица надѣлялась равнымъ съ другими количествомъ земли.

Все это однако могло быть болѣе или менѣе разумно, только пока земли было много, и она не имѣла самостоятельной цѣны. Съ увеличеніемъ же народонаселенія и съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ свободныхъ земель, распредѣленіе податей единственно на основаніи рабочей силы должно было сдѣлаться весьма неравномѣрнымъ. Въ одномъ мѣстѣ земли было мало, въ другомъ много; въ одномъ мѣстѣ она почти безъ труда давала обильную жатву, въ другомъ и при значительномъ трудѣ получался скудный урожай.

Вслѣдствіе этого, физическій трудъ пересталъ быть настоящимъ мѣриломъ дохода.

Къ неравномѣрности, при измѣнившихся условіяхъ, присоединяется и стѣснительность подати. Поголовная, или подушная подать умѣстна тамъ, гдѣ податныя лица прикрѣплены къ мѣсту жительства, ибо тутъ ихъ легко найти. Но какъ скоро въ обществѣ водворяется свобода, такъ взиманіе личной подати значительно затрудняется. Надобно слѣдить за лицами во всѣхъ ихъ передвиженіяхъ, а это возможно только при весьма стѣснительной системѣ, ограничивающей свободу движенія гражданъ и подвергающей ихъ обременительнымъ формальностямъ.

Тѣмъ не менѣе, сразу отмѣнить личную подать не представляется ни справедливымъ, ни полезнымъ для государства. Пока земля, въ сравненіи съ народонаселеніемъ, находится въ изобиліи, а капиталы, напротивъ, скудны, трудъ занимаетъ въ производительности такое мѣсто, что снять съ него податное бремя и перенести его на землю и промыслы нѣтъ возможности. Только при относительно высокомъ промышленномъ развитіи и при умноженіи капиталовъ, можно обойтись безъ прямыхъ налоговъ на рабочую силу, ограничиваясь одними косвенными податями. Трудъ и въ послѣднемъ случаѣ продолжаетъ подлежать налогу, ибо совершенное его изъятіе было бы несправедливостью, но онъ облагается инымъ путемъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Самыя прямыя подати на трудъ не совершенно исчезаютъ даже при высшемъ экономическомъ развитіи; но онѣ ограничиваются наименьшимъ размѣромъ. Такъ напримѣръ, во Франціи, еще со времени Революціи, установлена личная подать (contribution personnelle), равняющаяся цѣнѣ трехдневной работы съ каждаго лица. Этимъ утверждается коренное начало, что каждый гражданинъ долженъ, не только косвенно, но и прямо, участвовать своими средствами въ удовлетвореніи общественныхъ нуждъ.

Существенный недостатокъ всякой поголовной подати состоитъ въ томъ, что она всѣ лица облагаетъ одинаково, а потому можетъ постигнуть только низшую форму труда, физическую работу. Между тѣмъ, высшій трудъ даетъ и высшій доходъ, и этотъ доходъ долженъ, по справедливости, былъ обложенъ. Но по какимъ признакамъ возможно это сдѣлать? Въ самомъ лицѣ нѣтъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить о большей и меньшей доходности

его работы. Чтобы придти въ этомъ отношеніи хотя бы къ отдаленно вѣрной оцѣнкѣ, существуетъ только одно средство: надобно принять въ соображеніе то, что человѣкъ на себя расходуетъ. Это и стараются дѣлать законодательства. Французскій законъ съ личною податью соединяетъ такъ называемую подать съ движимости (contribution mobilière), которая соразмѣряется съ наемною платою за лично занимаемую владѣльцемъ квартиру. Въ Пруссіи, въ 1820 году, въ замѣнъ отмѣненныхъ личныхъ податей, введена была классная подать (Klassensteuer), распредѣляющая податныя лица по классамъ, сообразно съ оцѣнкою ихъ хозяйственныхъ расходовъ.

Французская система имѣетъ ту выгоду, что она основывается на простомъ и ясномъ признакѣ, не требующемъ стѣснительнаго вмѣшательства въ частное хозяйство. Но какъ французская, такъ и прусская системы имѣютъ ту невыгоду, что люди семейные, которыхъ расходы увеличиваются несоразмѣрно съ доходами, обременены болѣе другихъ. Кромѣ того, обѣ системы поражаютъ не одинъ доходъ съ труда, а также и всякіе другіе, уже обложенные податью. Очевидно, что землевладѣлецъ, капиталистъ, фабрикантъ, ремесленникъ, производятъ свои расходы точно также какъ художникъ, врачъ или адвокатъ, хотя первые уже уплатили государству часть своихъ доходовъ, а вторые нѣтъ. Вслѣдствіе этого, классная подать, падающая на потребленіе, является какъ бы видомъ общаго подоходнаго налога. Такъ она и была понята въ Пруссіи, когда въ 1857 году тамъ введенъ былъ подоходный налогъ. Классная подать, соразмѣряющаяся съ потребленіемъ, оставлена была для доходовъ ниже 1000 талеровъ; доходы же, превышающіе 1000 талеровъ, подчинены подоходному налогу.

Мы видѣли уже, что послѣдній, во всесторонне развитой финансовой системѣ, можетъ разсматриваться лишь какъ восполненіе другихъ. Только тамъ, гдѣ прямые налоги почти не существуютъ, какъ въ Англіи, онъ замѣняетъ ихъ всѣ. Здѣсь это ничто иное какъ грубый способъ оцѣнки, первоначально введенный въ видѣ временной мѣры, вслѣдствіе финансовыхъ нуждъ государства, но къ которому общество болѣе или менѣе привыкло. Тамъ же, гдѣ существуютъ прямыя подати, исчисляемыя на основаніи болѣе или менѣе точнаго измѣренія предполагаемаго дохода, этотъ налогъ получаетъ иное значеніе. По опредѣленію Штейна, онъ долженъ взиматься съ

разницы между исчисляемымъ и дѣйствительнымъ доходомъ [1]). Эта разница происходитъ главнымъ образомъ отъ личнаго элемента, отъ котораго окончательно зависитъ большая или меньшая доходность предпріятія. Это та часть, которую мы выше назвали прибылью предпринимателя. Но такъ какъ эта часть не можетъ быть опредѣлена на основаніи внѣшнихъ признаковъ, то здѣсь приходится прибѣгать къ собственному показанію податнаго лица. Въ этомъ заключается отличительная черта подоходнаго налога. Съ другой стороны однако, нѣтъ возможности ограничиться одними собственными показаніями облагаемыхъ; черезъ это открылся бы слишкомъ большой просторъ безчестности, которая прямо извлекала бы отсюда свои выгоды. Поэтому необходима провѣрка. Но эта провѣрка должна совершаться съ крайнею осторожностью и съ большимъ тактомъ; иначе она можетъ обратиться въ орудіе притѣсненій и сдѣлаться невыносимымъ вторженіемъ въ частную жизнь. Нѣтъ подати, которая нуждалась бы въ болѣе утонченномъ вниманіи къ разнообразію жизненныхъ обстоятельствъ, какъ именно эта. По выраженію Штейна, она «требуетъ высокаго политическаго развитія гражданъ, она требуетъ и чиновничества, равно одареннаго высокимъ образованіемъ и безупречною честностью; въ этомъ смыслѣ, говоритъ Штейнъ, подоходный налогъ составляетъ идеалъ податной системы» [2]).

Нѣтъ однакоже необходимости облагать этотъ источникъ дохода отдѣльно отъ прочихъ. Прибыль предпринимателя не составляетъ отдѣльной отрасли производства; обыкновенно она входитъ, какъ составная часть, въ другія отрасли. Поэтому и подоходный налогъ можетъ не составлять особой подати, а входить въ составъ другихъ податей. Это дѣлается или въ видѣ мѣстной раскладки общей податной суммы по средствамъ плательщиковъ, или въ видѣ особаго прибавленія къ исчисляемой правительствомъ подати, или, наконецъ, какъ особая форма обложенія, въ которую входитъ собственное показаніе лица. Если же устанавливается отдѣльный налогъ на всѣ отрасли дохода, то справедливость требуетъ, чтобы изъ дѣйствительнаго дохода, опредѣленнаго на основаніи собственнаго показанія лица, вычитывался доходъ, облагаемый въ прямыхъ податяхъ, иначе будетъ двойное обложеніе. Такъ и дѣлается въ Австріи. Уста-

---

1) Finanzwissenschaft, стр. 648 и слѣд. (1875).
2) Тамъ же, стр. 653.

новленный тамъ въ 1849 году подоходный налогъ падаетъ на землевладѣльцевъ въ видѣ извѣстной процентной прибавки къ поземельному налогу; при исчисленіи же платы съ промышленныхъ предпріятій вычитывается патентный сборъ, и только излишекъ является въ видѣ подоходнаго налога. Полностью облагаются только не подлежащіе прямымъ податямъ доходы съ личной дѣятельности и ренты съ капиталовъ. Въ Пруссіи, такихъ исключеній не дѣлается, вслѣдствіе чего поземельный доходъ облагается вдвойнѣ. На это въ настоящее время ссылается прусское правительство, какъ на доказательство въ пользу повышенія пошлинъ, покровительствующихъ земледѣлію. Но какой смыслъ въ томъ, чтобы одинъ и тотъ же предметъ облагать вдвойнѣ, и затѣмъ, для уравненія, давать ему особыя привилегіи въ видѣ покровительственныхъ пошлинъ?

Во всякомъ случаѣ, какъ уже было замѣчено, подоходный налогъ, вслѣдствіе низкаго обложенія, можетъ дать государству лишь сравнительно небольшой доходъ, и чѣмъ бѣднѣе страна, чѣмъ меньше въ ней капиталовъ, тѣмъ этотъ доходъ будетъ меньше. Въ Англіи, гдѣ онъ замѣняетъ почти всѣ прямые налоги, онъ давалъ въ 1879 году 9.250,000 фунтовъ на слишкомъ 83 милліона фунтовъ государственнаго дохода. Размѣръ обложенія здѣсь не болѣе $1^1/_5$% съ дохода. Въ Австріи, въ 1878 году, этотъ налогъ давалъ 20 милліоновъ гульденовъ на слишкомъ 325 милліоновъ гульденовъ дохода, въ Пруссіи 30 милліоновъ марокъ на 713 милліоновъ марокъ дохода. А такъ какъ и другія прямыя подати, въ особенности падающія на промышленный капиталъ и на личный трудъ, облагаютъ дѣйствительный доходъ лишь въ весьма небольшой пропорціи, то оказывается, что вся сумма прямыхъ податей далеко не соотвѣтствуетъ тому, что государство могло бы получать при равномѣрномъ обложеніи всѣхъ источниковъ дохода. Поэтому, при однихъ прямыхъ податяхъ, государство не въ состояніи справиться съ своею задачею; онѣ не доставляютъ ему достаточныхъ средствъ для удовлетворенія его потребностей. Опять, слѣдовательно, нужно искать иныхъ путей.

Кромѣ дохода, предметомъ обложенія можетъ быть расходъ. Онъ производится изъ дохода, слѣдовательно указываетъ на средства плательщика. Мы видѣли уже, что въ податяхъ, падающихъ на лице, государство имѣетъ это въ виду. Но всякая попытка прямаго обложенія расхода даетъ лишь весьма небольшіе результаты.

Уловить расходъ въ частномъ хозяйствѣ нѣтъ никакой возможности, а всякое усиленіе фискальной дѣятельности въ этомъ смыслѣ ведетъ къ такому невыносимому вмѣшательству въ частную жизнь, что государство должно отъ этого безусловно отказаться. Есть нѣкоторые предметы потребленія, которыхъ прямое обложеніе относительно легко. Таковы выставляющіеся на показъ предметы роскоши: лошади, экипажи, прислуга. Именно вслѣдствіе этого, законодательства не разъ пытались облагать ихъ податями. Но только въ очень богатыхъ странахъ эти налоги даютъ суммы, хотя сколько нибудь окупающія хлопоты и издержки. Въ Англіи они сохранились до сихъ поръ. Во Франціи же, гдѣ они были установлены во времена Революціи, они, по своей бездоходности, были отмѣнены уже при Наполеонѣ I-мъ, въ 1806 году. Въ Пруссіи, этотъ налогъ былъ введенъ въ 1810 году, послѣ Іенскаго погрома, когда государство принуждено было напрягать всѣ свои средства для своего возрожденія; но онъ приносилъ такъ мало, что причиненныя имъ стѣсненія вовсе не окупались, а потому онъ былъ отмѣненъ въ 1814 году, еще до окончанія войны съ Наполеономъ, какъ скоро обстоятельства приняли благопріятный оборотъ.

Чтобы обложить надлежащимъ образомъ потребленіе, надобно застигнуть его прежде, нежели предметы перешли въ руки потребителей. Такова цѣль косвенныхъ налоговъ, которые взимаются съ предметовъ потребленія при производствѣ, провозѣ или продажѣ. Косвенными они называются потому, что они, по своему назначенію, должны падать на потребленіе, но уплачиваются производителемъ или продавцемъ, которые вознаграждаютъ себя въ цѣнѣ произведеній.

Косвенные налоги во всѣхъ государствахъ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дохода. Они служатъ необходимымъ восполненіемъ прямыхъ податей, и только съ ихъ помощью государство въ состояніи удовлетворять своимъ потребностямъ. Въ первую Французскую революцію, Учредительное Собраніе, во имя теоретическихъ началъ, отмѣнило ихъ; но Наполеонъ, который держался практики, принужденъ былъ ихъ возстановить. Въ самомъ дѣлѣ, выгоды ихъ громадны, какъ для казны, такъ и для плательщиковъ. Не смотря на значительныя издержки, взиманіе ихъ не представляетъ особеннаго труда и даетъ весьма крупныя суммы. Плательщикамъ же эта система доставляетъ то преимущество, что

они не связаны срочною уплатою. Исключая предметы первой необходимости, которые всегда нужны, потребитель воленъ распоряжаться своими издержками. Онъ покупаетъ, когда ему удобно; онъ можетъ даже сокращать свои расходы. Входя въ цѣну произведеній, подать становится незамѣтною.

Есть однако и оборотная сторона, которая заставила многихъ, даже значительныхъ экономистовъ выступить противниками косвенныхъ податей. Еслибы налогъ могъ распространяться на всѣ предметы потребленія, соразмѣрно съ ихъ цѣнностью, то онъ падалъ бы равномѣрно на всѣхъ потребителей. Но именно этого невозможно достигнуть. Обложеніе всѣхъ предметовъ совершенно немыслимо; надобно довольствоваться тѣми, которые находятся въ наибольшемъ употребленіи. Но такъ какъ потребленіе послѣднихъ не увеличивается соразмѣрно съ доходомъ, и налогъ фактически не можетъ соразмѣряться съ цѣною произведеній, но нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, изъ этихъ податей падаютъ тяжелѣе на низшіе классы, нежели на высшіе. Соціалисты воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы провозгласить незаконность всѣхъ косвенныхъ податей. Лассаль объявилъ, что онѣ составляютъ злокозненное изобрѣтеніе достигшаго власти мѣщанства, которое этимъ путемъ сваливаетъ все податное бремя на рабочіе классы [1]). Внимательное разсмотрѣніе предмета убѣждаетъ насъ однако, что при надлежащемъ устройствѣ косвенныхъ податей, большая часть этихъ возраженій падаетъ; возгласы же соціалистовъ, по обыкновенію, оказываются пустою декламаціею.

Главныя формы косвенныхъ налоговъ суть таможенныя пошлины и акцизъ. Иногда они принимаютъ и форму казенной монополіи, въ какомъ случаѣ они перестаютъ уже быть чистымъ налогомъ, а составляютъ нѣчто среднее между податью и собственнымъ производствомъ.

Таможенныя пошлины могутъ взиматься со всѣхъ предметовъ, привозимыхъ изъ за границы, при чемъ государство можетъ соразмѣрять налогъ съ качествомъ и цѣною произведеній. Тутъ, слѣдовательно, понятіе о неравномѣрности налога вовсе не прилагается. Государство можетъ даже совершенно освободить отъ пошлинъ предметы первой необходимости, потребляемые низшими классами, и

[1]) См. брошюру: Die indirecte Steuer und die Lage des arbeitenden Klassen.

обложить главнымъ образомъ предметы роскоши. Но здѣсь являются соображенія совершенно инаго рода, которыми опредѣляется таможенная политика.

Относительно предметовъ, которые не производятся внутри государства, надобно принять въ расчетъ, что возвышеніе цѣны ведетъ къ сокращенію потребленія; слѣдовательно, при высокой пошлинѣ, казна получитъ менѣе, нежели при низкой. Отъ этого, конечно, не выиграетъ ни государство, ни потребитель; оба, напротивъ, будутъ въ чистомъ убыткѣ. Отсюда ясно, что высота таможенной пошлины въ этомъ случаѣ не произвольна; она должна соразмѣряться съ потребленіемъ. Съ чисто финансовой точки зрѣнія, пошлина должна быть понижена на столько, чтобы она не мѣшала потребленію; въ этомъ заключается вмѣстѣ съ тѣмъ и выгода потребителя.

Что касается до предметовъ, которые производятся внутри страны, то здѣсь надобно постоянно имѣть въ виду, что всякая таможенная пошлина возвышаетъ цѣну внутреннихъ произведеній; слѣдовательно, тутъ является двойственный налогъ, одинъ въ пользу казны, другой въ пользу туземнаго производителя. Но если налогъ въ пользу государства составляетъ требованіе справедливости, то никакъ нельзя сказать того же о налогѣ въ пользу частнаго производителя. Подобный налогъ можетъ оправдываться экономическими соображеніями, о чемъ было уже сказано выше; но цѣлью все таки должно быть возможное пониженіе пошлины. Къ этому ведетъ и сама покровительственная система, если она дѣйствуетъ правильно; ибо, по мѣрѣ того какъ цѣль ея достигается и туземная промышленность развивается на столько, что она можетъ соперничать съ иностранною, ввозъ иностранныхъ издѣлій сокращается, а при такихъ условіяхъ, пониженіе пошлины становится необходимостью; иначе казна не получитъ дохода, и потребитель будетъ только напрасно обложенъ въ пользу производителя.

Въ предъидущіе вѣка, таможни существовали и внутри государствъ. Но онѣ до такой степени стѣсняли промышленность, что отмѣна ихъ можетъ считаться одною изъ важнѣйшихъ мѣръ, содѣйствовавшихъ экономическому развитію новыхъ обществъ. Въ настоящее время, внутреннія таможни сохраняются въ нѣкоторыхъ государствахъ только вокругъ болѣе или менѣе значительныхъ городовъ для взиманія городскихъ пошлинъ съ ввозимыхъ предметовъ

потребленія. Во Франціи, этотъ налогъ носитъ названіе octroi. Хотя онъ падаетъ на предметы первой необходимости, но такъ какъ жительство въ большихъ городахъ не обязательно, и поселяются въ нихъ только тѣ, которымъ это выгодно или пріятно, то и этотъ налогъ нельзя признать неравномѣрнымъ. Происходящее отъ него вздорожаніе предметовъ потребленія падаетъ главнымъ образомъ на зажиточные классы, которые принуждаются болѣе дорогою цѣною оплачивать необходимую для нихъ прислугу и работу. Въ экономическомъ же отношеніи, эта пошлина имѣетъ ту выгоду, что она противодѣйствуетъ чрезмѣрному привлеченію народонаселенія къ большимъ городамъ. Слѣдовательно, и эта форма косвеннаго налога не можетъ быть осуждена.

Остается акцизъ, отъ котораго не можетъ уйти ни одинъ потребитель. О равномѣрномъ обложеніи потребленія тутъ не можетъ быть рѣчи, ибо огромное большинство предметовъ потребленія ему не подлежитъ. Акцизъ, по необходимости, долженъ ограничиться немногими статьями, и притомъ такими, которыхъ потребленіе весьма распространено. Иначе доходъ не окупитъ издержекъ и не вознаградитъ за стѣсненія. Но здѣсь надобно различать, на какіе предметы надаетъ акцизъ: на предметы необходимости или на такіе, которые могутъ считаться излишкомъ?

Акцизъ, падающій на предметы необходимости, бесспорно составляетъ весьма тяжелое бремя для низшихъ классовъ, тѣмъ болѣе, что онъ падаетъ неравномѣрно. Потребленіе этихъ предметовъ не возрастаетъ соразмѣрно съ доходомъ. Здѣсь вполнѣ примѣнимы возраженія экономистовъ. Поэтому надобно придти къ заключенію, что подобные налоги или вовсе должны быть отмѣнены или должны взиматься въ весьма небольшихъ размѣрахъ. Наиболѣе легкій изъ нихъ есть налогъ на соль. Людьми она потребляется въ небольшомъ количествѣ, а потому оплачивается безъ затрудненія; употребленіе же ея для скотоводства составляетъ самый удобный способъ взиманія налога съ этой отрасли промышленности. Конечно, и соляной налогъ, если онъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ, можетъ сдѣлаться тяжелымъ бременемъ для народа. Таковымъ онъ былъ въ старой Франціи, гдѣ онъ къ тому же сопровождался неслыханными фискальными притѣсненіями. Учредительное Собраніе отмѣнило его вмѣстѣ съ другими косвенными налогами; но Наполеонъ его возстановилъ, и самыя демократическія правленія не

пытались его уничтожить. Для государства онъ составляетъ весьма важное подспорье. Въ особенности тамъ, гдѣ финансы находятся не въ цвѣтущемъ состояніи, отмѣна этого налога не можетъ не считаться ошибкою.

Если предметы необходимости должны облагаться акцизомъ въ возможно меньшихъ размѣрахъ, то нельзя сказать того же о предметахъ, составляющихъ излишекъ. Здѣсь возраженія, предъявляемыя противъ косвенныхъ налоговъ, теряютъ большую часть своего значенія. Главные изъ этихъ предметовъ суть сахаръ, табакъ и вино.

Что сахаръ долженъ быть отнесенъ къ предметамъ роскоши, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Ссылаться на то, что онъ входитъ въ обычное потребленіе рабочаго класса, какъ дѣлаетъ Лассаль, значитъ утверждать, что уровень жизни рабочаго класса такъ высокъ, что онъ включаетъ въ себѣ и предметы роскоши. Во всякомъ случаѣ, еслибы налогъ сдѣлался тяжелъ, то весьма легко сократить потребленіе безъ всякаго ущерба для какихъ бы то ни было существенныхъ потребностей жизни. Съ другой стороны, столь же несомнѣнно, что потребленіе этого предмета возростаетъ по мѣрѣ дохода. Конечно, точныхъ статистическихъ цифръ привести невозможно; но достаточно сравнить потребленіе сахара въ богатыхъ домахъ и въ бѣдныхъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Слѣдовательно, это предметъ во всѣхъ отношеніяхъ удобный для акциза. И тутъ здравая финансовая политика должна соображаться съ интересомъ потребителей. Цѣль казны состоитъ въ томъ, чтобъ получить какъ можно болѣе дохода; но эта цѣль достигается не чрезмѣрнымъ повышеніемъ налога, которое ведетъ къ сокращенію потребленія, а такою цифрою, которая, не стѣсняя плательщиковъ, оставляетъ достаточный просторъ для развитія потребленія.

Еще въ большей степени всѣ эти соображенія примѣняются къ табаку. Тутъ уже нѣтъ ничего, кромѣ чистой прихоти. А такъ какъ эта прихоть весьма распространена, то нѣтъ предмета, который представлялъ бы лучшій источникъ дохода для государства. Поэтому правительства обращаютъ на него особенное вниманіе. Но здѣсь является трудность двоякаго рода: съ одной стороны, не легко соразмѣрить налогъ съ цѣнностью произведенія, что̀ необходимо для равномѣрнаго обложенія; съ другой стороны, при высокой пошлинѣ, развивается контрабанда, за которою мудрено услѣдить. Избѣжать

этихъ затрудненій можно только системою монополіи. Казна беретъ продажу табака въ исключительное свое вѣдѣніе. Въ виду финансовыхъ цѣлей, дѣлается въ этомъ случаѣ изъятіе изъ начала свободной промышленности. Государство присвоиваетъ себѣ извѣстную отрасль, съ тѣмъ чтобы облегчить тяжесть, падающую на остальныя. Безъ сомнѣнія, производство въ этой отрасли черезъ это значительно стѣсняется; частныя лица, воздѣлывающія табакъ могутъ продавать его только въ казну, а потому все производство должно состоять подъ его надзоромъ. Но это—жертва, которую промышленность приноситъ государству, и которая до нѣкоторой степени искупается для производителей возможностью правильнаго сбыта, а вслѣдствіе того и болѣе постояннымъ доходомъ. Во всякомъ случаѣ, казенная монополія является только въ видѣ изъятія изъ общаго порядка; а такъ какъ эта система всего удобнѣе прилагается къ табаку, который не составляетъ предмета необходимости, и котораго продажа не требуетъ особеннаго коммерческаго расчета, то многіе значительные финансисты, не только практики, но и теоретики, высказываются за эту мѣру [1]).

Наконецъ и вино, а въ особенности спиртные напитки, только въ весьма небольшихъ размѣрахъ могутъ считаться жизненною необходимостью. Болѣе значительное ихъ потребленіе составляетъ излишекъ, нерѣдко даже и порокъ. Хотя государство, вообще, не призвано искоренять пороки, да и не въ состояніи этого сдѣлать, но когда собственная его финансовая выгода совпадаетъ съ ограниченіемъ порочной наклонности, то этимъ преимуществомъ нельзя пренебрегать. Вредною эта система можетъ сдѣлаться лишь въ томъ случаѣ, когда правительство, вмѣсто того чтобы ограничивать порочную наклонность, старается ее развивать, въ видахъ финансовой прибыли. Но это дѣло уже не теоріи, а приложенія. Теорія говоритъ только, что крѣпкіе напитки составляютъ одинъ изъ лучшихъ предметовъ обложенія, наиболѣе выгодный для казны и наименѣе стѣснительный для гражданъ, которые поражаются въ своемъ излишкѣ и притомъ добровольно.

Можно спросить: не падаетъ ли этотъ налогъ неравномѣрно на гражданъ? Спиртные напитки, которые, особенно въ странахъ,

---

[1]) См. Stein: Finanzwissenschaft стр. 611; Paul Leroy-Beaulieu: Traité de la Science des Finances L. I, ch. 14.

не производящихъ винограднаго вина, составляютъ главный источникъ казеннаго дохода, потребляются преимущественно низшими классами; налогъ же на вина высшаго качества весьма трудно соразмѣрить съ ихъ цѣнностью. Нѣтъ сомнѣнія однако, что при обложеніи напитковъ, высшіе классы несутъ свою весьма значительную долю налога, особенно тамъ, гдѣ потребляются главнымъ образомъ иностранныя вина, которыя оплачиваются таможенною пошлиною. Когда Лассаль ссылается на то, что таможенныя пошлины, напримѣръ съ шампанскаго, составляютъ весьма ничтожную сумму общаго налога, онъ упускаетъ изъ виду численное отношеніе различныхъ классовъ народонаселенія. Если изъ 17 милліоновъ жителей Пруссіи въ 1863 году, только 11,400 человѣкъ имѣли болѣе 2000 талеровъ дохода, то мудрено ли, что налогъ на шампанское давалъ ничтожный доходъ, а налогъ на водку весьма значительный? И тутъ государство не вольно взимать ту сумму, какую ему угодно. Возвышая пошлину, оно сокращаетъ потребленіе, и тѣмъ дѣлаетъ подрывъ самому себѣ, съ отягощеніемъ потребителей. Въ косвенныхъ налогахъ въ концѣ концовъ распоряжается не государство, а потребитель. Если получаются большія суммы съ продажи спиртныхъ напитковъ, то это происходитъ единственно оттого, что низшіе классы много пьютъ; а такъ какъ никто ихъ къ этому не принуждаетъ, то несправедливаго тутъ нѣтъ ничего. Значительность суммы служитъ только признакомъ, что у рабочаго класса есть значительные излишки.

Изъ всего этого ясно, что косвенные налоги, падающіе на предметы услажденія, не могутъ считаться обременительными для низшихъ классовъ. Напротивъ, они составляютъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ государственныхъ доходовъ и всего болѣе облегчаютъ тяжесть податей. Прямыя подати скорѣе даже могутъ сдѣлаться обременительными для гражданъ, ибо онѣ способствуютъ возвышенію цѣнъ на предметы первой необходимости. Такъ, высота поземельной подати отражается на цѣнѣ земледѣльческихъ произведеній. Промышленный налогъ принимается въ расчетъ фабрикантомъ, какъ издержка производства, которая должна оплачиваться прибылью. Вслѣдствіе этого Лассаль, ополчаясь противъ косвенныхъ налоговъ, причислялъ къ нимъ и всѣ прямыя подати, утверждая, что окончательно онѣ все таки падаютъ на рабочіе классы. Исключеніе онъ

дѣлалъ только для подоходнаго налога, который, по его мнѣнію, одинъ несется тѣми самыми лицами, которыя имъ обложены [1]). Какъ будто подать съ дохода землевладѣльца, взимаемая на основаніи предварительнаго исчисленія, непремѣнно должна возмѣщаться въ цѣнѣ произведеній, а таже подать, взимаемая на основаніи собственнаго показанія владѣльца, не можетъ имѣть этого дѣйствія! Подобные доводы сами себя опровергаютъ.

Вѣрно здѣсь то, что прямые налоги, точно также какъ и косвенные, могутъ возмѣщаться возвышенною цѣною произведеній, и вслѣдствіе того оплачиваться не тѣми лицами, съ которыхъ они взимаются, а окончательно потребителями. Въ этомъ состоитъ перемѣщеніе податей, вопросъ, надъ которымъ нерѣдко задумывались и экономисты и финансисты. Государство, по общему признанію, должно заботиться о справедливомъ распредѣленіи тяжестей; но какая есть возможность справедливаго распредѣленія, когда то лице, которое облагается податью, имѣетъ возможность свалить ее на другаго, возвысивъ цѣну пускаемаго въ оборотъ предмета? Многіе, въ виду этого, старались выяснить, при какихъ именно условіяхъ возможно перемѣщеніе и какія подати окончательно падаютъ на самихъ плательщиковъ. Другіе экономисты, напротивъ, утверждаютъ, что всякая подать составляетъ часть издержекъ производства, ибо она принимается въ расчетъ производителемъ, точно также какъ процентъ съ капитала и заработная плата; а потому она непремѣнно входитъ въ цѣну произведеній и окончательно оплачивается покупателемъ. При такомъ взглядѣ, весь вопросъ о перемѣщеніи податей становится празднымъ; онъ замѣняется вопросомъ о производствѣ податей. Каждый производитель, по этой теоріи, долженъ въ цѣнѣ своего произведенія воспроизвести всѣ издержки производства, въ томъ числѣ и подати; если онъ не въ состояніи это сдѣлать, то онъ продаетъ въ убытокъ, и подать не окупается. Въ этомъ состоитъ начало и конецъ всей податной политики [2]).

Справедливо ли однако, что всякая подать въ концѣ концовъ непремѣнно оплачивается потребителемъ? Въ дѣйствительности, это далеко не всегда бываетъ. Если поземельный налогъ, какъ признается и защитниками этой теоріи, ложится на землю въ видѣ

---

[1]) Die indirecte Steuer etc. стр. 7, 8 (1872).
[2]) Stein: Finanzwissenschaft, стр. 380—384 (1875).

гипотечнаго долга, которымъ на столько уменьшается капитальная цѣнность имѣнія, то очевидно, что онъ не возмѣщается въ цѣнѣ произведеній: иначе онъ не имѣлъ бы никакого вліянія на цѣнность земли. Вѣрно то, что всякій, платящій подати съ своего производства, старается вознаградить себя въ цѣнѣ произведеній; но это не всегда удается. Надобно знать, готовы ли потребители платить высшую цѣну за тоже количество произведеній. Обыкновенно повышеніе цѣны ведетъ къ сокращенію потребленія. Въ такомъ случаѣ, часть податнаго бремени непремѣнно падаетъ на производителей. Чтобы повысить цѣну, надобно уменьшить предложеніе, то есть, сократить производство, а на это требуется время. Чѣмъ больше стоячій капиталъ, тѣмъ труднѣе это сдѣлать. Надобно притомъ, чтобъ существовали другія, болѣе выгодныя отрасли, въ которыя капиталы могли бы переходить. Однако, если подать тяжела, то въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, это непремѣнно совершится, ибо капиталы всегда стремятся туда, гдѣ получается болѣе дохода. Тогда дѣйствительно цѣнность произведеній возвысится, и подать падетъ на потребителей.

Такимъ образомъ, вопросъ о перемѣщеніи податей сводится къ вопросу о перемѣщеніи промышленныхъ силъ. Каковы бы ни были подати, промышленность всегда къ нимъ окончательно приспособляется. Какъ вода, вытѣсняемая плывущимъ по ней судномъ, она по своей природѣ стремится къ извѣстному уровню. Въ земледѣльческой промышленности, это дѣлается отчасти черезъ сокращеніе производства, отчасти черезъ то, что съ доходомъ соразмѣряется самая цѣнность земли. Въ другихъ отрасляхъ, это совершается перемѣщеніемъ капиталовъ. Подать является здѣсь, какъ лишняя издержка, или какъ отягчающее условіе, съ которымъ соображается распредѣленіе промышленныхъ силъ. И этимъ самымъ достигается справедливость, ибо, не смотря на неравное бремя податей, доходы окончательно уравновѣшиваются. Чего государство, съ своимъ грубымъ и однообразно дѣйствующимъ механизмомъ, не въ состояніи достигнуть, то дѣлается свободнымъ передвиженіемъ безконечно разнообразныхъ и всюду проникающихъ промышленныхъ силъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ личнаго интереса. Финансовая система находитъ здѣсь необходимую поправку, безъ которой даже приблизительное осуществленіе требованій справедливости осталось бы не болѣе какъ мечтою.

Приспособленіе промышленности къ податной системѣ требуетъ однакоже времени. Перемѣщеніе силъ совершается не вдругъ; равновѣсіе установляется постепенно. Когда же оно установилось, то всякій новый налогъ, нарушая его, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаетъ и справедливость. Тутъ требуется новое перемѣщеніе силъ, и пока оно не совершилось, одни черезъ мѣру отягчены противъ другихъ. Иногда подать, съ формальной стороны, представляется неоспоримымъ требованіемъ уравнительнаго обложенія, а въ приложеніи она имѣетъ совершенно обратное дѣйствіе. Что можетъ, напримѣръ, казаться справедливѣе, какъ обложить податью земли, дотолѣ отъ нея изъятыя? Но на дѣлѣ промышленность приспособилась уже къ этому изъятію; соображаясь съ нимъ, покупатели дороже платили за привилегированныя земли и въ результатѣ получаютъ съ своего капитала совершенно одинакій доходъ съ другими. Слѣдовательно, обложеніе ихъ налогомъ, лишивши ихъ части обычнаго дохода, будетъ равносильно отнятію у нихъ части капитала. Очевидно, что вмѣсто справедливаго уравненія, тутъ происходитъ несправедливое отягченіе. На этомъ основаніи, когда въ Пруссіи, въ 1851 году, поземельная подать была распространена на привилегированныя земли, то владѣльцы получили отъ государства вознагражденіе.

Отсюда проистекаетъ и часто повторяемое правило, что всякая старая подать хороша, а всякая новая дурна, правило, которое можно принять однако не иначе, какъ съ ограниченіями. Справедливо, что промышленность приспособляется ко всякой податной системѣ; но если податная система дурна, то и промышленность получаетъ ложное направленіе, а это не можетъ не дѣйствовать вредно, какъ на экономическій бытъ, такъ и на финансовое положеніе страны. Всякая подать составляетъ лишнее неблагопріятное условіе для той отрасли, на которой она лежитъ; она дѣйствуетъ, какъ препятствіе, и чѣмъ она тяжелѣе, тѣмъ болѣе задерживается правильное развитіе. Поэтому, существенная задача государства состоитъ въ установленіи возможно уравнительной и легко переносимой системы податей. Но стремясь къ этой цѣли, оно должно дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Оно никогда не должно забывать, что оно имѣетъ дѣло съ свободными силами, которыя слѣдуютъ собственнымъ своимъ законамъ и въ значительной степени ускользаютъ отъ его вліянія. Установляя новую подать или повышая старую, государство не можетъ даже знать, на кого окончательно

падетъ бремя, ибо перемѣщеніе податей зависитъ отъ экономическихъ отношеній, которыя не только не поддаются регулированію, но не могутъ даже быть предусмотрѣны. Во всякомъ случаѣ, новая подать является зломъ, ибо она нарушаетъ установившееся экономическое равновѣсіе, а черезъ это она неизбѣжно ведетъ къ несправедливому обложенію и къ потерѣ силъ и капиталовъ. Только время исправляетъ эти недостатки. При такихъ условіяхъ, коренным правиломъ финансовой политики должно быть, съ своей стороны, приспособленіе къ экономическому развитію общества. Гдѣ есть взаимнодѣйствіе двухъ самостоятельныхъ элементовъ, тамъ необходимо должно быть обоюдное приспособленіе. Въ приложеніи къ финансамъ, это требованіе заключается въ томъ, что возвышеніе податей должно слѣдовать за развитіемъ благосостоянія. Гдѣ увеличиваются доходы, могутъ увеличиваться и подати. Въ этомъ отношеніи, косвенные налоги имѣютъ огромное преимущество передъ прямыми. Они безъ всякаго повышенія цифры платежа, ростутъ сами собою вслѣдствіе увеличивающагося потребленія. Правительству не нужно изслѣдовать состояніе плательщиковъ; оно обнаруживается само собою въ возрастаніи доходовъ казны. Поэтому, возрастающая доходность косвенныхъ налоговъ служитъ самымъ вѣрнымъ мѣриломъ благосостоянія общества.

Означенное правило финансовой политики прилагается и къ обложенію различныхъ общественныхъ классовъ. На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, гдѣ капиталъ почти не существуетъ, а земля имѣетъ значеніе только вслѣдствіе приложенія къ ней рабочихъ рукъ, главное податное бремя естественно падаетъ на трудъ, который служитъ здѣсь важнѣйшимъ дѣятелемъ производства. А такъ какъ при отсутствіи капитала добровольное привлеченіе труда къ производству немыслимо, то на этихъ ступеняхъ установляется рабство. Свободный трудъ является только съ умноженіемъ капитала; вмѣсто насилія, трудъ привлекается платою. Однако и здѣсь, пока капиталъ еще незначителенъ, и въ народномъ хозяйствѣ количественное начало преобладаетъ надъ качественнымъ, главное податное бремя все таки остается на рабочихъ классахъ. На это именно, какъ мы видѣли, указываетъ Лассаль, который приписываетъ этотъ порядокъ эгоизму мѣщанства, желающаго свалить податное бремя на другихъ. Но имъ же самимъ приведенныя цифры обнаруживаютъ истинную причину этого яв-

ленія. Тамъ, гдѣ рабочіе составляютъ 96% всего народонаселенія, а люди, имѣющіе доходъ свыше 2000 талеровъ, не достигаютъ и 0,07%, тамъ податное бремя, падающее на зажиточные классы, естественно должно составлять самую ничтожную долю государственныхъ доходовъ, и еслибы государство, не смотря на то, захотѣло увеличить это бремя, облегчивъ низшіе классы, оно достигло бы результатовъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, которые оно имѣло въ виду.

Облегченіе низшихъ классовъ безспорно составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ финансовой политики. Но когда снимается тяжесть, надобно знать, на что пойдетъ образующійся черезъ это излишекъ? Если на возвышеніе бытоваго уровня рабочаго класса, то цѣль достигнута. Но возвышеніе бытоваго уровня составляетъ плодъ медленнаго развитія нравовъ. У классовъ, не имѣющихъ привычки къ сбереженіямъ, внезапно пріобрѣтенный избытокъ обыкновенно идетъ либо на излишества, либо, что ещё хуже, на умноженіе народонаселенія. Въ такомъ случаѣ получится обратное дѣйствіе противъ того, которое предполагалось. Черезъ нѣкоторое время количество рабочихъ рукъ увеличится, заработная плата понизится, и положеніе будетъ хуже, нежели прежде. Выше мы видѣли, что главное условіе для развитія благосостоянія заключается въ томъ, чтобы капиталъ возрасталъ быстрѣе, нежели народонаселеніе. Въ этомъ отношеніи, податное бремя, лежащее на низшихъ классахъ, служитъ для нихъ сдержкою размноженія, а для высшихъ побужденіемъ къ капитализаціи. Если эта сдержка будетъ снята, то народонаселеніе умножится. А между тѣмъ, возрастаніе капитала не только не получитъ соразмѣрнаго ускоренія, а напротивъ замедлится. Ибо снятое съ низшихъ классовъ бремя падетъ на высшіе, то есть, именно на тѣ, которые, по признанію самихъ соціалистовъ, имѣютъ привычку капитализировать [1]). Напрасно ожидать, что это поведетъ къ сокращенію проистекающихъ отъ излишка ненужныхъ расходовъ. И у зажиточныхъ классовъ есть свой бытовой уровень, который установляется нравами, и который понижается лишь тогда, когда пресѣкается самый источникъ доходовъ. Въ общемъ итогѣ, расходы высшихъ классовъ сократятся только тогда, когда не будетъ бо-

---

[1]) „Denn gerade die besseren Stände haben die Gewohnheit des jährlichen Zurücklegens und Ansammelns eines Theils ihrer Revenüen»: Die indirecte Steuer etc. стр. 53 (1872).

лѣе излишка, то есть, когда прекратится умноженіе капитала. Между тѣмъ, не только прекращеніе, но даже всякое замедленіе въ приращеніи капитала составляетъ бѣдствіе для страны. Если умноженію народонаселенія данъ будетъ толчекъ, а умноженію капитала положено будетъ препятствіе, то въ концѣ концовъ окажется всеобщее разореніе. Это и есть единственный плодъ ложно понятаго человѣколюбія, или стремленія къ отвлеченной справедливости, не соображающагося съ дѣйствительными условіями жизни.

Здравая финансовая политика и тутъ должна слѣдовать за ходомъ экономическаго развитія. Облегченіе низшихъ классовъ можетъ быть только результатомъ умноженія капиталовъ. Чѣмъ меньше народный капиталъ, тѣмъ медленнѣе онъ ростетъ, ибо тѣмъ менѣе остается избытка. Напротивъ, чѣмъ онъ значительнѣе, тѣмъ быстрѣе его ростъ, и тѣмъ болѣе онъ можетъ принять на себя общественныхъ тяжестей. Когда же, вслѣдствіе приращенія капитала, въ государственныхъ доходахъ оказывается избытокъ, тогда является возможность облегчить бремя низшихъ классовъ, отмѣнивъ всѣ тѣ подати, которыя поражаютъ необходимое, и оставивъ лишь тѣ, которыя падаютъ на излишекъ. Этимъ достигается справедливость, и вмѣстѣ съ тѣмъ установляется такая финансовая система, которая, при разнообразіи обложенія, легко падаетъ на всѣ общественные классы. Полная соразмѣрность обложенія, съ чисто финансовой точки зрѣнія, и тутъ не достигается, ибо никакая финансовая система, при существующихъ у государства средствахъ, не въ состояніи ея достигнуть; но промышленность и потребленіе, не стѣсненныя въ своихъ дѣйствіяхъ, приспособляются къ неизбѣжнымъ неравенствамъ закона и производятъ то равномѣрное распредѣленіе общественныхъ тяжестей, которое составляетъ идеальную цѣль всякой правильной финансовой политики.

Съ обложеніемъ высшихъ классовъ связанъ и политическій вопросъ. Налогомъ отнимается у частныхъ лицъ извѣстная доля ихъ собственности. Если это дѣлается помимо ихъ воли, то частная собственность, составляющая неотъемлемое достояніе лицъ, находится въ полномъ распоряженіи государственной власти. Такой порядокъ противорѣчитъ правомѣрнымъ отношеніямъ между государствомъ и гражданскимъ обществомъ. Идеально правомѣрный порядокъ установляется лишь тамъ, гдѣ обѣ заинтересованныя стороны участвуютъ въ рѣшеніи. Если, съ одной стороны, частная собственность

составляетъ неотъемлемое право гражданъ, и если, съ другой стороны, оказывается необходимымъ удѣлить часть ея на государственныя нужды, то плательщики должны призываться къ обсужденію этихъ нуждъ, и подати должны взиматься не иначе какъ съ ихъ согласія. Таково чисто теоретическое требованіе, которое выражается въ извѣстномъ англійскомъ изреченіи, что представительство должно соотвѣтствовать обложенію.

Однакоже, это требованіе является не болѣе какъ выраженіемъ отвлеченной теоріи, или идеальнаго порядка. Даже въ Англіи оно не прилагается вполнѣ. Въ дѣйствительности, оно встрѣчается съ другимъ, столь же существеннымъ требованіемъ, которое значительно его видоизмѣняетъ. А именно, для того чтобы рѣшить, что̀ нужно для государства, необходимо основательно понимать государственныя потребности, а это невозможно безъ болѣе или менѣе широкаго теоретическаго и практическаго образованія. Низшіе классы, которые несутъ значительную часть податнаго бремени, не обладаютъ этимъ качествомъ; поэтому, только на весьма высокой степени политическаго развитія является возможность распространить на нихъ право голоса. Пока они къ этому не приготовлены самою политическою жизнью, представительство по необходимости ограничивается высшими классами. Вслѣдствіе этого, отношеніе представительства къ обложенію на практикѣ получаетъ иное значеніе: установленіе или поддержаніе представительнаго порядка становится въ зависимость отъ обложенія высшихъ классовъ.

Тамъ, гдѣ подати болѣе или менѣе равномѣрно разлагаются на всѣхъ, гдѣ нѣтъ различія податныхъ и неподатныхъ сословій, тамъ высшіе классы, подчиняясь налогу, естественно стремятся къ тому, чтобы ихъ призывали къ совѣту при обложеніи. При такомъ порядкѣ, для взиманія податей обыкновенно требуется согласіе плательщиковъ. Изъ этого правила вытекла вся конституціонная жизнь Англіи. Наоборотъ, гдѣ высшіе классы, вслѣдствіе историческихъ и политическихъ условій, лишены представительнаго права, тамъ они, въ силу означеннаго начала, освобождаются и отъ платежа податей. Тутъ является различіе между податными сословіями и неподатными. Все бремя податей ложится на низшіе классы, и граница обложенія опредѣляется единственно невозможностью брать съ нихъ болѣе, нежели они могутъ дать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь открывается обширное поле всякаго рода притѣсненіямъ и злоупотребленіямъ. Безза-

стѣнчивое правительство можетъ довести народъ до нищеты. Старый порядокъ во Франціи служитъ тому живымъ примѣромъ. Но это бѣдственное положеніе народа проистекаетъ не столько отъ преимуществъ, дарованныхъ высшимъ классамъ, сколько отъ беззащитности низшихъ. При данныхъ началахъ политическаго быта, уравненіе было бы только распространеніемъ одинакаго деспотизма на всѣхъ. Привилегіи служатъ здѣсь убѣжищемъ свободы. Онѣ должны пасть только тогда, когда развитіе политической жизни дозволяетъ введеніе представительнаго порядка. Только при этомъ условіи равенство, сочетаясь съ свободою, не является выраженіемъ общаго безправія.

Мы приходимъ къ коренному вопросу о значеніи свободы въ государствѣ; но прежде, нежели мы имъ займемся, мы должны бросить взглядъ на государственный кредитъ, который находится въ тѣсной связи со всею финансовою системою и оказываетъ значительное вліяніе на развитіе промышленности. На немъ всего яснѣе отражается отношеніе государства къ промышленнымъ силамъ страны.

Кредитъ нуженъ государству въ двоякомъ отношеніи: для расплатъ и для расходовъ. Для расплатъ онъ требуется тамъ, гдѣ текущіе расходы предшествуютъ доходамъ, и нужно только выиграть срокъ. Это дѣлается посредствомъ временныхъ займовъ. Отсюда проистекаетъ текущій долгъ, котораго форма есть краткосрочный вексель.

Совершенно иное значеніе имѣютъ займы, которые дѣлаются для расходовъ чрезвычайныхъ. Этого роды затраты производятся не только для настоящаго, но и въ виду будущаго, а потому уплата ихъ распредѣляется на многія лѣта. Наличнымъ плательщикамъ было бы слишкомъ тяжело нести на себѣ все это бремя. А такъ какъ государство запасныхъ капиталовъ не держитъ, ибо это было бы совершенно непроизводительнымъ сбереженіемъ, то оно принуждено бываетъ опять же прибѣгать къ займамъ. Оно ищетъ капиталовъ тамъ, гдѣ они обрѣтаются, то есть, у частныхъ лицъ, обязываясь платить только проценты, и погашая долгъ постепенно, по мѣрѣ возможности. Отсюда проистекаетъ долгъ утвержденный, который во всѣхъ европейскихъ государствахъ достигаетъ громадныхъ суммъ.

При такой системѣ, на текущіе доходы падаетъ только уплата процентовъ и погашенія. Но эта уплата все таки должна производиться путемъ налоговъ, ибо у государства нѣтъ инаго источника для покрытія своихъ расходовъ. Если проценты по займамъ уплачиваются посредствомъ новыхъ займовъ, то государство идетъ

къ разоренію. Отсюда ясно, что всякій заемъ оправдывается только тогда, когда финансовая система дозволяетъ возвышеніе податей, или когда естественное ихъ приращеніе даетъ избытокъ, изъ котораго могутъ уплачиваться проценты.

Конечно, это правило не безусловно. Есть обстоятельства, когда государство вынуждено приносить всевозможныя жертвы, предоставляя будущему выпутываться изъ денежныхъ затрудненій. Когда дѣло идетъ о защитѣ отечества, правильность финансовой системы становится задачею второстепенною. Точно также, когда рѣшаются міровые вопросы, отъ которыхъ зависитъ судьба человѣчества, или когда въ международномъ обществѣ происходитъ перемѣщеніе политическихъ силъ, которое отражается на маломъ и на великомъ, государство, играющее историческую роль, не можетъ оставаться безучастнымъ. Франція вытерпѣла страшное нашествіе, потеряла двѣ области и заплатила пять милліардовъ контрибуціи за то, что дозволила невыгодное для нея измѣненіе политическаго равновѣсія. Но внѣ этихъ случаевъ крайней нужды, требующихъ напряженія всѣхъ наличныхъ средствъ, всякій чрезвычайный расходъ долженъ сопровождаться соотвѣтствующимъ возвышеніемъ податей. Иначе онъ ведетъ къ разоренію. Предпріятіе, которое не въ состояніи уплачивать своихъ процентовъ изъ текущихъ доходовъ, даетъ не прибыль, а убытокъ. Точно также и война, которая затѣвается для поддержанія или для расширенія внѣшняго вліянія, если она не оплачивается приростомъ податей, обыкновенно ведетъ къ умаленію этого вліянія. Даже временная удача не приноситъ пользы. Фактически, вліяніе всегда соразмѣряется съ средствами; если средства умаляются, то умаляется и вліяніе. Можно сказать, что только то вліяніе прочно, которое опирается на прочную финансовую систему.

Едва ли нужно распространяться о томъ, какъ часто правительства грѣшатъ противъ этихъ началъ. Вмѣсто возвышенія податей для уплаты долговъ, они дѣлаютъ все новые долги. Но такъ какъ явные займы не всегда возможны, ибо капиталы или вовсе не идутъ на вызовъ или идутъ на весьма невыгодныхъ условіяхъ, то прибѣгаютъ къ другому средству: и капиталъ и проценты надаютъ на текущій долгъ, который находится въ полномъ распоряженіи правительства. Временно затрудненіе такимъ способомъ устраняется, но зато производится разстройство не только всей финансовой системы, но и всего экономическаго быта страны.

Текущій долгъ, какъ сказано, уплачивается векселями. Они могутъ быть срочные или на предъявителя, процентные или безпроцентные. Изъ этихъ различныхъ видовъ, безпроцентные векселя на предъявителя имѣютъ совершенно иной характеръ, нежели другіе. Всѣ векселя, въ большей или меньшей степени, могутъ замѣнять собою денежное обращеніе; но это свойство принадлежитъ по преимуществу безпроцентнымъ векселямъ на предъявителя. Въ этомъ именно заключается существенное ихъ значеніе, ибо вексель, представляющій не денежный знакъ, а ссуду, всегда приноситъ проценты. Обращеніе безпроцентныхъ векселей основано единственно на томъ, что за нихъ всегда можно получить металлическія деньги, а между тѣмъ они для обращенія удобнѣе звонкой монеты.

Подобные векселя могутъ выпускаться и частными банками. Защитники неограниченной свободы кредита утверждаютъ даже, что это составляетъ такую же совершенно законную банковую операцію, какъ и всѣ другія, а потому они требуютъ, чтобы выпускъ безпроцентныхъ билетовъ на предъявителя былъ предоставленъ частной предпріимчивости. Но противъ этого справедливо возражаютъ, что всѣ обыкновенныя банковыя операціи основаны на взаимномъ довѣріи банковаго учрежденія и тѣхъ лицъ, которыя даютъ или получаютъ отъ него ссуды; билеты же, обращающіеся въ публикѣ въ качествѣ монеты, имѣютъ совершенно иной характеръ: публика не знаетъ ни банковъ, ни ихъ дѣлъ, и весьма часто можетъ потерпѣть отъ легкомысленнаго выпуска, какъ это доказывается многочисленными примѣрами. Безпроцентные билеты на предъявителя, по существу своему, составляютъ не ссуды, а часть монетной системы; а такъ какъ монетная система находится въ рукахъ государства, то и выпускъ этого рода билетовъ долженъ составлять монополію государства. Послѣднее одно въ состояніи сдѣлать ихъ настоящею замѣною звонкой монеты. Сообщая имъ законную цѣнность, принимая ихъ въ уплату податей, наконецъ обезпечивая ихъ всѣмъ своимъ достояніемъ, оно возводитъ ихъ на степень настоящихъ денежныхъ знаковъ. Вмѣсто металлическихъ денегъ являются бумажныя, болѣе дешевыя и удобныя.

Понятно, что черезъ это государству открывается новый, самостоятельный источникъ дохода. Въ случаѣ недостатка денегъ, ему не нужно прибѣгать къ обременительнымъ займамъ: стоитъ напечатать бумажекъ и пустить ихъ въ обращеніе. Этимъ и пользуются нерѣдко правительства, чтобы выйдти изъ денежныхъ затрудненій.

Но самая легкость этого средства дѣлаетъ его крайне опаснымъ. Нѣтъ болѣе вѣрнаго способа придти къ финансовому и экономическому разстройству.

Количество денежныхъ знаковъ, требующихся въ обращеніи, зависитъ отъ количества оборотовъ. При металлическомъ обращеніи, если рынокъ переполненъ, монета дешевѣетъ и уходитъ въ другія страны, гдѣ она болѣе требуется. Бумажныя же деньги въ другія государства уходить не могутъ, ибо онѣ не имѣютъ тамъ хода, или по крайней мѣрѣ онѣ уходятъ въ весьма ограниченномъ количествѣ, на сколько онѣ нужны для расплатъ съ выпускающимъ ихъ государствомъ. Поэтому, если рынокъ переполненъ, то онѣ предъявляются къ обмѣну на звонкую монету, и тогда послѣдняя отсылается за границу, въ размѣрѣ необходимомъ для возстановленія равновѣсія между требованіемъ и обращеніемъ.

Отсюда ясно, что первое и необходимое условіе правильнаго выпуска бумажныхъ денегъ состоитъ въ возможности постоянно обмѣнивать ихъ на звонкую монету. А для этого надобно всегда имѣть въ запасѣ извѣстное количество металлическихъ знаковъ, которое должно соразмѣряться съ потребностями рынка. Это именно и дѣлаютъ банкиры при выпускѣ векселей: безпрерывно получая и выдавая ссуды, они соображаютъ свои выдачи и свои денежные запасы съ ходомъ промышленности. Тоже самое должно имѣть мѣсто и при выпускѣ безпроцентныхъ билетовъ на предъявителя. Если, съ одной стороны, эти билеты носятъ на себѣ характеръ денегъ, то съ другой стороны, они все таки не перестаютъ быть векселями, и въ этомъ отношеніи они тѣсно связаны съ рыночнымъ обращеніемъ и составляютъ предметъ банкирскихъ операцій. Количество ихъ должно постоянно приспособляться къ потребностямъ оборота, то увеличиваясь, то уменьшаясь, что̀ производится посредствомъ выдачи ссудъ и обратнаго ихъ полученія. Такимъ образомъ государство, выпускающее бумажныя деньги, должно само сдѣлаться банкиромъ.

Между тѣмъ, государство, по своей природѣ, вовсе не призвано быть банкиромъ. Въ этомъ дѣлѣ болѣе всего требуется коммерческій расчетъ, который совершенно ему чуждъ. Тутъ необходимо также личное довѣріе и знаніе частныхъ отношеній, которыя могутъ быть только достояніемъ коммерческихъ людей, а никакъ не чиновничества, имѣющаго другія свойства и иное призваніе. Такимъ образомъ,

если монетная сторона бумажныхъ денегъ ведетъ къ тому, что онѣ становятся монополіею въ рукахъ государства, то коммерческая ихъ сторона, напротивъ, дѣлаетъ государство неспособнымъ къ правильному веденію этого дѣла.

Мало того: самая цѣль, которую государство имѣетъ въ виду при выпускѣ бумажныхъ денегъ, противорѣчитъ требованіямъ правильнаго денежнаго обращенія. Государство выпускаетъ кредитные билеты не съ тѣмъ, чтобы удовлетворить потребностямъ оборота, а съ тѣмъ чтобы облегчить себѣ расплату при производствѣ своихъ расходовъ. Но тутъ-то именно кроется крайне опасная сторона этого дѣла. Когда банкиръ выпускаетъ безпроцентныя бумаги, онъ дѣлаетъ это не иначе, какъ подъ учетъ вѣрныхъ векселей; слѣдовательно, онъ получаетъ въ другой формѣ то, что онъ выдаетъ. И если онъ, при этомъ, имѣетъ еще достаточный металлическій запасъ, который образуется путемъ вкладовъ, то обезпеченіе здѣсь двойное. Государство же выпускаетъ бумажныя деньги не въ замѣнъ того, что оно получаетъ, а для уплаты расходовъ. Тутъ ничего не остается для обезпеченія выдаваемаго векселя; а такъ какъ государственные расходы все ростутъ, и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ достигаютъ громадныхъ размѣровъ, то государство вынуждено бываетъ наконецъ прекратить обмѣнъ своихъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Бумажныя деньги получаютъ принудительное обращеніе. Къ этому, рано или поздно, приходятъ всѣ правительства, прибѣгающія къ этому средству.

Если эта мѣра служитъ только временною передышкою, если она является способомъ перенести внезапно нагрянувшій кризисъ, то она производитъ лишь нѣкоторое экономическое замѣшательство, не оставляя по себѣ дурныхъ слѣдовъ. Но весьма часто, при бумажно-денежномъ обращеніи, прекращеніе обмѣна на звонкую монету становится хроническимъ недугомъ, и тогда все народное хозяйство, пораженное въ своемъ регуляторѣ, получаетъ неправильное развитіе. Прекращеніе обмѣна означаетъ, что звонкой монеты стало слишкомъ мало въ сравненіи съ количествомъ выпущенныхъ бумажныхъ денегъ. Поэтому цѣна послѣднихъ падаетъ, а такъ какъ по закону онѣ ходятъ наравнѣ съ металлическими, то платить ими выгоднѣе, нежели металломъ. Вслѣдствіе этого, звонкая монета уходитъ изъ обращенія, и водворяется чисто бумажно-денежное хозяйство. Низкая же цѣна бумажныхъ денегъ естественно ведетъ къ вздорожанію

всѣхъ покупаемыхъ на нихъ предметовъ. А съ другой стороны, уменьшаются доходы государства, ибо подати уплачиваются потерявшими цѣну бумажками. Вслѣдствіе этого, правительство принуждено прибѣгать къ новымъ выпускамъ, что̀ вызывается и потребностями оборота, ибо при уменьшенной цѣнѣ знаковъ, требуется ихъ большее количество. Но эти новые выпуски ведутъ къ дальнѣйшему паденію курса. Крайнимъ предѣломъ этого движенія является полное банкротство, какое пережила Франція во времена Революціи, когда за тысячу франковъ ассигнаціями нельзя было купить пары сапогъ.

Этотъ крайній предѣлъ разоренія, конечно, наступаетъ рѣдко. Но если нѣтъ полнаго разоренія, то всегда есть соразмѣрное съ паденіемъ курса общее обѣднѣніе. Всякій, у кого въ рукахъ находятся денежные капиталы, лишается части своего достоянія. Это касается не только владѣльцевъ государственныхъ облигацій, но и всѣхъ частныхъ кредиторовъ, имѣющихъ суммы въ банкахъ или у частныхъ лицъ. Должники, напротивъ, выигрываютъ, ибо они могутъ заплатить дешевыми деньгами тѣ суммы, которыя они получили по настоящей цѣнѣ. Пониженіе курса дѣйствуетъ какъ переводъ имущества изъ рукъ настоящихъ собственниковъ въ руки заемщиковъ. А такъ какъ капиталъ составляетъ плодъ труда и сбереженій, и правильный его приростъ является существеннѣйшею потребностью народнаго хозяйства, то понятно, что этою системою экономическое развитіе народа поражается въ самомъ своемъ корнѣ. Кто трудился и сберегалъ, кто накопилъ себѣ капиталъ для будущаго, тотъ внезапно, вслѣдствіе финансовыхъ операцій казны, лишается, можетъ быть, половины своего достоянія. Если же государство, пришедши къ болѣе правильному взгляду на денежное обращеніе, хочетъ возстановить упавшій курсъ, то происходитъ обратное явленіе: выигрываютъ кредиторы, а теряютъ должники, которые принуждены заплатить вдвое противъ того, что они получили. Колебаніе мѣрила, которымъ измѣряются всѣ сдѣлки, вноситъ полный хаосъ во всѣ юридическія и экономическія отношенія.

Этимъ поражается и торговля, для которой правильная монетная система составляетъ насущную потребность. Вся торговля зиждется на расчетѣ, а гдѣ нѣтъ прочнаго мѣрила, нѣтъ и вѣрнаго расчета. Мѣсто правильной торговли заступаютъ рискъ и спекуляція. Иностранцы отъ этого выигрываютъ, ибо вслѣдствіе упадка цѣны

денегъ, всѣ туземныя произведенія продаются дешевле, а иностранныя покупаются дороже; но соотвѣтственно этому теряютъ туземные производители и потребители. А такъ какъ правильное развитіе торговли и возможно выгодный сбытъ составляютъ первое условіе экономическаго развитія, то и въ этомъ отношеніи система бумажно-денежнаго обращенія дѣйствуетъ пагубнымъ образомъ на народное хозяйство.

Понятно поэтому, что всѣ государства, которыя имѣютъ въ виду сохраненіе твердой финансовой системы, отказываются отъ такого обоюдо-остраго оружія. «Это было бы самымъ опаснымъ подаркомъ, говорилъ по этому поводу французскій министръ финансовъ Фульдъ въ 1849 году, и вы не найдете благоразумнаго человѣка, который захотѣлъ бы его принять. Какъ! вы дали бы намъ власть фабриковать монету: но тутъ-то мы бы и стали печатать ассигнаціи! И какъ скоро мы были бы вооружены этою машиною, вы каждый день приставляли бы намъ пистолетъ къ горлу, чтобы употребить ее для той или другой потребности, и тогда никто не захотѣлъ бы брать вашу бумагу... Вы сказали: «государство даетъ другимъ право дѣлать то, чего оно не хочетъ дѣлать само». Конечно, мы не хотимъ дѣлать это сами, и я не думаю, чтобы нашелся благоразумный государственный человѣкъ, который захотѣлъ бы взять на себя управленіе финансами съ тою страшною властью, которую вы хотите ему дать... Еслибы мы согласились, уступая всѣмъ побужденіямъ, исходящимъ отъ единаго собранія, оставаться обладателями того роковаго орудія, которое вы намъ предлагаете, мы скоро разрушили бы кредитъ государства».

Невозможно утверждать, какъ иногда дѣлаютъ у насъ, что правительство, пользующееся полнымъ довѣріемъ народа, можетъ въ этомъ отношеніи позволить себѣ болѣе, нежели другое. Чѣмъ больше довѣрія, тѣмъ опаснѣе каждый шагъ, ибо всего легче идти по наклонной плоскости, гдѣ нѣтъ никакихъ препятствій. Довѣріе не замѣняетъ математики, а здѣсь именно нужна математика. Оборотъ требуетъ прочнаго мѣрила цѣнностей, а такимъ мѣриломъ можетъ быть единственно товаръ, имѣющій цѣнность самъ по себѣ, а не бумага, произвольно размножаемая типографскимъ станкомъ. Послѣдняя можетъ замѣнить денежные знаки лишь въ той мѣрѣ, въ какой обезпечено постоянное превращеніе ея въ звонкую монету. Какъ же скоро это условіе нарушено, и бумаги выпущено болѣе, нежели требуется

законами денежнаго обращенія, то никакая сила не помѣшаетъ уходу звонкой монеты и упадку цѣнности бумагъ. Капиталистъ, оказавшій довѣріе своему правительству, все таки потеряетъ значительную часть своего состоянія, между тѣмъ какъ скептикъ, который довѣрія не оказалъ и помѣстилъ свои сбереженія въ иностранныхъ металлическихъ фондахъ, не только сохранилъ свое состояніе, но даже его сравнительно увеличилъ. Какъ уже было замѣчено выше, тутъ всего яснѣе обнаруживается, что экономическіе законы независимы отъ воли государственной власти.

Но если государство, въ видахъ прочности финансовой и денежной системы, должно отказаться отъ выпуска бумагъ, замѣняющихъ деньги, и если, съ другой стороны, подобный выпускъ не можетъ быть предоставленъ частной конкурренціи, которая, въ свою очередь, можетъ вести къ разоренію, то кому же должна быть ввѣрена эта операція? Замѣна части звонкой монеты кредитными знаками представляетъ существенную экономическую выгоду, которой государство не можетъ себя лишить; какимъ же образомъ осуществить это требованіе безъ ущерба для государства и для общества? Современныя европейскія государства разрѣшаютъ эту задачу тѣмъ, что выпускъ безпроцентныхъ билетовъ на предъявителя разрѣшается привилегированному банку, находящемуся подъ контролемъ правительства. Этимъ способомъ коммерческая сторона дѣла, состоящая въ кредитной операціи, связывается съ административною стороною, заключающеюся въ требованіи единства и прочности монетной системы. Банкъ выпускаетъ кредитные знаки только при учетѣ, слѣдовательно соображаясь съ требованіями рынка и обезпечивая себя вѣрными бумагами. Еслибы онъ захотѣлъ расширить свои выпуски болѣе, нежели слѣдуетъ, то контроль государства можетъ положить этому предѣлъ. И наоборотъ, еслибы государство захотѣло воспользоваться банковыми операціями для своихъ собственныхъ цѣлей, то въ независимомъ положеніи банка оно встрѣтитъ отпоръ. Значительность банковаго капитала, дарованная ему привилегія и самое свойство его дѣйствій служатъ ручательствомъ за основательность его операцій, а съ другой стороны, обоюдная сдержка, проистекающая изъ совмѣстнаго существованія правительственной дѣятельности и частнаго предпріятія, составляетъ возможно надежную гарантію противъ увлеченій.

Противъ этого говорятъ, что даруя банку такую привилегію,

государство обращаетъ въ частную пользу то, что должно принадлежать обществу, какъ цѣлому. Черезъ это, не только частные интересы получаютъ перевѣсъ надъ общественнымъ, но создается привилегированная денежная аристократія, которая становится регуляторомъ денежнаго обращенія, и вслѣдствіе того, владыкою промышленнаго міра.

Что дарованная банку привилегія составляетъ значительную выгоду для акціонеровъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Исключительное право выпускать безпроцентныя бумаги становится источникомъ прибыли, которая принадлежала бы государству, еслибы послѣднее сохранило это право въ своихъ рукахъ. Но дѣло въ томъ, что государство не можетъ получить эту прибыль иначе какъ съ величайшею опасностью для кредита и для торговли; предоставленіе же ея банку сторицею окупается тѣми выгодами, которыя привилегированный банкъ доставляетъ и обществу и государству. Этимъ не только дается твердое основаніе монетной системѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивается и удешевляется торговый кредитъ. Имѣя въ своей привилегіи особый источникъ барышей, банкъ можетъ держать свой учетъ ниже, нежели при иныхъ условіяхъ, а это отражается на всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Кромѣ того, становясь общимъ регуляторомъ денежнаго обращенія, онъ можетъ воздерживать легкомысленныя увлеченія частнаго кредита. Наконецъ, онъ приходитъ на помощь частнымъ банкамъ, когда послѣдніе колеблются или нуждаются въ поддержкѣ. Съ другой стороны, привилегированный банкъ оказываетъ значительныя услуги и государству. Послѣднее не только возлагаетъ на него попеченіе о правильности денежнаго оборота, но оно можетъ сдѣлать его своимъ кассиромъ, какъ это водится, напримѣръ, въ Англіи. Банкъ выгодно учитываетъ текущій долгъ правительства, а въ трудныя времена приходитъ ему на помощь своими ссудами. Государство можетъ даже, въ замѣнъ дарованной банку привилегіи, выговорить себѣ тѣ или другія выгоды, напримѣръ извѣстное количество безпроцентныхъ ссудъ, какъ предлагаетъ Милль, или извѣстную долю чистой прибыли, какъ это дѣлается въ Пруссіи. Гдѣ все дѣло основано на взаимномъ соглашеніи, тамъ всегда возможно соблюсти обоюдную пользу.

Что касается до созданія денежной аристократіи, то подобная аристократія составляетъ необходимое произведеніе и условіе всякаго высоко стоящаго промышленнаго быта. Мы видѣли уже, что все

развитіе промышленности зависитъ отъ накопленія капиталовъ; съ накопленіемъ же капиталовъ и съ расширеніемъ предпріятій, необходимо рождается денежная аристократія, которая становится во главѣ промышленнаго міра. Это дѣлается само собою, даже безъ всякихъ привилегированныхъ банковъ. Домъ Ротшильда не пользуется никакими привилегіями, а между тѣмъ, это—сила, съ которою должны считаться европейскія державы. Когда же эта аристократія, вступая въ союзъ съ правительствомъ, становится посредникомъ между нимъ и промышленнымъ обществомъ, то это именно та роль, которая принадлежитъ ей по самому ея существу. Этимъ государству и обществу оказывается услуга, а не наносится вредъ. Поэтому, въ самыхъ демократическихъ странахъ, люди, понимающіе дѣло, не только не возстаютъ противъ подобной привилегіи, а напротивъ, дорожатъ ею, какъ самымъ вѣрнымъ оплотомъ общественнаго благосостоянія. «Я думаю безъ сомнѣнія, что мы демократія, говорилъ въ 1848 году Леонъ Фоше, но я не хотѣлъ бы, чтобы эта демократія оставалась въ состояніи пыли. Я желаю, чтобы въ странѣ возникали могущественныя товарищества, и чтобы эти товарищества становились средствомъ группировать разсѣянныя силы; я желаю, чтобы передъ правительствомъ было, когда нужно, нѣчто такое, что̀ сопротивляется и что̀ держится крѣпче, нежели отдѣльныя лица. Я думаю, что въ демократіи есть нѣчто болѣе опасное, нежели самыя могущественныя товарищества, это—зависть, которая отвергаетъ всякое возвышенное положеніе, въ порядкѣ политическомъ, въ порядкѣ промышленномъ, въ организаціи кредита».

Замѣтимъ однако, что если прочная денежная аристократія составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ экономическаго быта и во многихъ случаяхъ является наиболѣе надежнымъ посредникомъ между государствомъ и обществомъ, то этимъ элементомъ можно пользоваться только тамъ, гдѣ онъ существуетъ. Денежная аристократія, какъ и всякая другая, не создается произвольно, а вырабатывается жизнью. Созданныя государствомъ аристократіи представляютъ мимолетныя явленія, на которыхъ ничего нельзя основать, и которыя исчезаютъ при первомъ дуновеніи вѣтра. Прочно только то, что стоитъ на своихъ собственныхъ ногахъ. Для возникновенія подобной аристократіи недостаточно даже одного денежнаго богатства: нужны прочные коммерческіе нравы, широкое образованіе, ясное сознаніе государственныхъ и общественныхъ по-

требностей. Гдѣ этихъ условій нѣтъ, тамъ и учрежденіе привилегированнаго банка будетъ только дутымъ предпріятіемъ, которое послужитъ къ обогащенію нѣкоторыхъ и къ ущербу всѣхъ. Если же въ странѣ недостаетъ денежныхъ капиталовъ даже для обыкновенныхъ промышленныхъ предпріятій, если не только казна съ своими займами, но и частныя лица принуждены обращаться къ иностраннымъ капиталистамъ и отъ нихъ заимствовать нужные фонды, то о привилегированномъ банкѣ еще менѣе можетъ быть рѣчи. Это значило бы прямо отдать себя въ руки иностранныхъ капиталистовъ, чего независимое государство, разумѣется, потерпѣть не можетъ.

При такихъ условіяхъ, государству остается только взять бумажно-денежное обращеніе въ свои руки, не смотря на всѣ сопряженныя съ этимъ дѣломъ опасности и неудобства. Оно принуждено дѣйствовать такимъ образомъ, уступая необходимости. Въ отношеніи къ младенческой промышленности, оно играетъ роль опекуна и должно брать на себя то, что оно, въ сущности, не въ состояніи исполнить надлежащимъ образомъ. Въ такомъ положеніи, государство неизбѣжно наталкивается на бумажно-денежное хозяйство со всѣми его пагубными послѣдствіями. И чѣмъ обширнѣе его власть, чѣмъ менѣе развиты его силы, тѣмъ искушеніе больше, и тѣмъ труднѣе ему противостоять. Единственное, что̀ остается гражданамъ, это —надѣяться на благоразуміе правительства, на его бережливость и на усвоеніе имъ здравыхъ экономическихъ началъ.

Но если практика заставляетъ иногда отступать отъ требованій теоріи, то никогда не слѣдуетъ забывать, что подобное отступленіе вызывается несостоятельностью практики, а не теоріи. Сосредоточеніе кредита въ рукахъ государства служитъ признакомъ младенческаго состоянія промышленнаго быта; оно составляетъ принадлежность низшихъ ступеней экономическаго развитія. На высшихъ же ступеняхъ, когда промышленность становится самостоятельною силою, она вступаетъ и въ принадлежащія ей права: тогда государство слагаетъ съ себя неподобающее ему бремя. Совершенно отказаться отъ него оно не можетъ, ибо вопросъ здѣсь не только коммерческій, но и административный. Но по этому самому, этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ ни исключительною дѣятельностью государства, ни свободою частной предпріимчивости, а единственно взаимнодѣйствіемъ и взаимнымъ ограниченіемъ обоихъ элементовъ, государственнаго и общественнаго.

ГЛАВА IV.

СВОБОДА ВЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Мы видѣли, что цѣль государства ограниченная: оно вращается въ области общихъ интересовъ и не должно вторгаться въ частную жизнь. Отдѣльные союзы, въ которые слагается человѣческое общежитіе, должны сохранять свою самостоятельность. Между тѣмъ, государство владычествуетъ и надъ частною жизнью и надъ отдѣльными союзами. Что же ручается за то, что оно не переступитъ своихъ предѣловъ и не явится распорядителемъ въ непринадлежащей ему области?

Опасность въ этомъ отношеніи увеличивается тѣмъ, что и въ собственной сферѣ государство нуждается въ средствахъ, и эти средства оно получаетъ сборами съ частныхъ лицъ. А такъ какъ исключительно отъ его воли зависитъ опредѣленіе общественныхъ нуждъ и количества потребныхъ на нихъ средствъ, то оно является полнымъ владыкою собственности. Государство можетъ брать у частныхъ лицъ все, что оно считаетъ нужнымъ, и употреблять деньги по своему усмотрѣнію. Гдѣ же гарантія права собственности?

Этой гарантіи нельзя искать въ правахъ частныхъ лицъ и союзовъ. Хотя теоретически вѣдомство государства ограничивается этими правами, но формально, отдѣльныя лица и союзы подчинены ему безусловно. Ученіе о неотчуждаемыхъ и ненарушимыхъ правахъ человѣка, которыя государство должно только охранять, но которыхъ оно не смѣетъ касаться, есть ученіе анархическое. Необходимымъ его слѣдствіемъ является постановленіе французской конституціи 1793 года, что какъ скоро права народа нарушены, такъ возстаніе составляетъ,

не только для всего народа, но и для каждой части народа, священнѣйшее изъ правъ и необходимѣйшую изъ обязанностей. При такомъ порядкѣ, каждый дѣлается судьею своихъ собственныхъ правъ и обязанностей, начало, при которомъ общежитіе не мыслимо. Въ здравой теоріи, также какъ и въ практикѣ, свобода тогда только становится правомъ, когда она признается закономъ, а установленіе закона принадлежитъ государству. Поэтому, отъ государства зависитъ опредѣленіе правъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и входящихъ въ него союзовъ. По своей природѣ, оно является верховнымъ союзомъ на землѣ.

Необходимость такого верховнаго союза вытекаетъ изъ самаго существа человѣческаго общежитія. Для того чтобы въ обществѣ было единство, чтобы оно не раздиралось противоборствующими другъ другу стремленіями, требуется установленіе единой, владычествующей воли, которой всѣ безусловно должны подчиняться. На нее не можетъ быть апелляціи, ибо въ такомъ случаѣ явилась бы новая, высшая воля, которой приговоръ былъ бы все таки окончательнымъ. Эта воля должна быть едина, какъ едино самое общество. Всѣ заключающіяся въ немъ частныя лица и союзы обязаны ей повиноваться, ибо частное должно подчиняться общему. Иначе общество распадется врозь.

Но гдѣ же при такомъ порядкѣ гарантія свободы? А гарантія нужна, ибо безъ нея свобода перестаетъ быть правомъ. Свободою по милости хозяина могутъ пользоваться и рабы; полноправныя лица должны быть ограждены закономъ. Въ частныхъ правахъ эта гарантія заключаться не можетъ, ибо они подчиняются праву общему; слѣдовательно, обезпеченіе можетъ лежать только въ самомъ общемъ правѣ, именно, въ такомъ устройствѣ, которое давало бы заинтересованнымъ лицамъ извѣстное вліяніе на рѣшеніе общихъ дѣлъ.

Подобная гарантія не представляетъ собою нѣчто искусственное; напротивъ, она вытекаетъ изъ самой природы государственнаго союза. Государство не есть только система правительственныхъ учрежденій; это — живое единство народа. Народъ же, по крайней мѣрѣ на высшихъ ступеняхъ развитія, состоитъ изъ свободныхъ лицъ, а какъ скоро является союзъ свободныхъ лицъ, такъ отсюда вытекаетъ участіе каждаго изъ нихъ въ общихъ рѣшеніяхъ. Личная свобода состоитъ въ правѣ человѣка распоряжаться собою и своими дѣйствіями; свобода въ союзѣ съ другими, или свобода обществен-

ная, выражается въ правѣ, совокупно съ другими, участвовать въ рѣшеніи общихъ дѣлъ. Никакое отдѣльное лице, если оно не признается представителемъ всѣхъ, не можетъ имѣть притязанія рѣшать, по своему усмотрѣнію, то, что касается другихъ; но каждый свободный членъ общества въ правѣ участвовать въ рѣшеніяхъ, которыя касаются и его. Въ частныхъ товариществахъ это признается безусловно; точно также и въ соединеніяхъ людей, имѣющихъ характеръ постоянныхъ союзовъ, каково государство, это требованіе логически вытекаетъ изъ начала свободы, какъ необходимое его слѣдствіе. Свобода политическая является завершеніемъ и восполненіемъ свободы личной.

Политическая свобода имѣетъ однако совершенно иной характеръ, нежели свобода личная. Послѣдняя даетъ право распоряжаться собою; первая даетъ право распоряжаться другими. Въ совокупномъ рѣшеніи, меньшинство обязано подчиняться большинству. Голосъ призванныхъ къ совѣту имѣетъ вліяніе на судьбу всѣхъ. Очевидно, что тутъ являются отношенія совершенно инаго рода, нежели въ области личныхъ правъ. Отдѣльное лице можетъ распоряжаться собою, какъ ему угодно; если оно ведетъ порочную жизнь, если оно разоряется, то послѣдствія его поведенія падаютъ на него одного: другимъ до этого нѣтъ дѣла. Но отъ несправедливаго или необдуманнаго рѣшенія общаго дѣла страдаютъ и тѣ, которые не принимали въ немъ участія, даже и тѣ, которые ему противились. И чѣмъ выше союзъ, тѣмъ больше опасность, ибо тѣмъ сложнѣе дѣла и тѣмъ затруднительнѣе ихъ рѣшеніе. Особенно въ союзѣ, имѣющемъ всеобщій и принудительный характеръ, каково государство, рѣшеніе общихъ дѣлъ можетъ имѣть роковое значеніе для всѣхъ членовъ. Въ частномъ товариществѣ, меньшинство точно также обязано подчиняться большинству, и необдуманное рѣшеніе можетъ имѣть послѣдствіемъ разореніе многихъ. Но здѣсь каждый воленъ вступать или не вступать въ товарищество. Кто недоволенъ рѣшеніемъ собранія акціонеровъ, тотъ можетъ продать свои акціи и не ввѣрять обществу своихъ капиталовъ. Тутъ все основано на частномъ соглашеніи, и каждый получаетъ голосъ соразмѣрно съ своимъ вкладомъ. Въ государствѣ же отношенія совершенно иныя: это—не добровольно составляемое товарищество; въ немъ люди рождаются и умираютъ. Государство служитъ связью многихъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Самые интересы его имѣютъ безконечно высшее значе-

ніе, нежели тѣ, которые связываютъ частныя товарищества. Какъ верховный союзъ на землѣ, оно является носителемъ всѣхъ высшихъ началъ человѣческой жизни, историческихъ преданій, права, нравственности, матеріальнаго и духовнаго благосостоянія массъ, всемірно историческаго призванія живущаго въ немъ народа. Государство не есть случайное созданіе субъективной воли; оно представляетъ собою объективный организмъ, который воплощаетъ въ себѣ міровыя идеи, развивающіяся въ исторіи человѣчества. Понятно, что для обсужденія всѣхъ возникающихъ отсюда вопросовъ недостаточно быть свободнымъ членомъ союза: надобно понимать сущность этихъ вопросовъ, для того чтобы быть въ состояніи ихъ обсуждать. Иначе всѣ высшіе интересы человѣчества подвергаются опасности.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что для участія въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, кромѣ свободы, требуется и с п о с о б н о с т ь. Если свобода составляетъ источникъ политическаго права, то способность является необходимымъ его условіемъ. А такъ какъ способность къ обсужденію государственныхъ вопросовъ не прирождена человѣку, такъ какъ для этого необходимы и образованіе и знакомство съ государственными дѣлами, качества, которыя не находятся у всѣхъ и всего менѣе распространены въ массѣ, то очевидно, что не можетъ быть рѣчи о всеобщемъ правѣ голоса, какъ неотъемлемомъ политическомъ правѣ гражданъ. Призваніе способныхъ къ участію въ рѣшеніяхъ государственной власти является вопросомъ историческаго развитія. Оно опредѣляется степенью умственнаго и политическаго образованія народа. Чѣмъ скуднѣе это образованіе, чѣмъ болѣе оно сосредоточивается въ небольшомъ кружкѣ лицъ, тѣмъ труднѣе призвать даже послѣднихъ къ участію въ рѣшеніи общихъ дѣлъ, ибо черезъ это общій интересъ легко можетъ обратиться въ орудіе частныхъ видовъ. Именно вслѣдствіе этого, массы охотнѣе ввѣряютъ свою судьбу одному лицу, высоко стоящему надъ всѣми, нежели немногимъ. Въ этомъ заключается значеніе самодержавной монархіи. Политическая свобода представляетъ идеалъ государственнаго развитія, но она не можетъ считаться постоянною его принадлежностью.

Поэтому не можетъ быть рѣчи и о замѣнѣ личной свободы политическою. Мы видѣли, что Руссо требовалъ, чтобы члены общества передали послѣднему всѣ свои права, съ тѣмъ чтобы получить ихъ обратно въ видѣ участія въ совокупныхъ рѣшеніяхъ. Это значитъ отречься отъ основанія, для того чтобы получить частное и услов-

ное слѣдствіе. Свобода составляетъ принадлежность лица; поэтому, истинная свобода есть свобода личная: она вытекаетъ изъ природы человѣка, какъ разумно-нравственнаго существа, и даетъ ему право распоряжаться собою, независимо отъ чужой воли. Политическая же свобода рождаетъ не отношенія независимости, а отношенія власти и подчиненія, при чемъ доля власти ничтожная, а подчиненіе всецѣлое. Какою замѣною утраты независимости можетъ служить человѣку пріобрѣтеніе десяти-или двадцати-милліонной доли власти, соединенной съ обязанностью безусловно повиноваться тому, что рѣшатъ другіе? Политическая свобода можетъ быть не замѣною, а лишь гарантіею и восполненіемъ свободы личной. Свобода, которой корень лежитъ въ самоопредѣляющейся волѣ отдѣльнаго лица, переносится здѣсь въ новую область, гдѣ человѣкъ перестаетъ быть независимымъ лицемъ, а становится частицею цѣлаго. И тутъ онъ сохраняетъ свою свободу, ибо онъ не перестаетъ быть человѣкомъ, но эта свобода по необходимости стѣсняется и ограничивается этими новыми отношеніями.

Изъ этого опять же очевидно слѣдуетъ, что свобода гражданская, по существу моему, должна быть шире свободы политической. А потому нельзя не признать проявляющагося у соціалистовъ и полусоціалистовъ стремленія стѣснить гражданскую свободу и расширить свободу политическую извращеніемъ истинныхъ началъ общественной жизни. Требовать, чтобы промышленность подчинялась государству, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремиться къ тому, чтобы политическое право распространялось на всѣхъ и общія дѣла рѣшались соборомъ, значитъ идти наперекоръ самымъ явнымъ указаніямъ здраваго смысла. Съ точки зрѣнія политической науки, это должно быть признано абсурдомъ. Можно проповѣдывать расширеніе государственной дѣятельности въ области частныхъ интересовъ, но тогда не надобно говорить о свободѣ, слѣдовательно и о расширеніи вытекающаго изъ свободы политическаго права. Какъ же скоро мы требуемъ расширенія права, такъ мы прежде всего должны позаботиться объ огражденіи настоящаго его источника, свободы, а для этого необходимо ограничить дѣятельность государства чисто политическою областью. Одна система исключаетъ другую. Въ приложеніи къ жизни, эти противорѣчащія требованія ведутъ къ безпредѣльному деспотизму толпы, то есть, къ худшему политическому устройству, какое только способенъ изобрѣсти человѣческій умъ. Въ дѣй-

ствительности, такое устройство, о какомъ мечтаютъ соціалисты, никогда не существовало. Вездѣ, гдѣ прочно установлялась широкая политическая свобода, она водворялась на основаніи еще болѣе широкой свободы гражданской. Таковъ законъ въ особенности для новыхъ народовъ. Примѣромъ могутъ служить Соединенные Штаты.

Личное право не исчезаетъ однако и въ области государственной. Человѣкъ, какъ свободное существо, никогда не можетъ быть только членомъ цѣлаго; онъ всегда остается вмѣстѣ и самостоятельнымъ лицемъ. На политической почвѣ, это начало проявляется въ двоякомъ видѣ: какъ гарантія права гражданскаго, и какъ выраженіе того, что мы выше назвали неорганическимъ элементомъ государственной жизни.

Къ первому разряду относятся всѣ тѣ постановленія, которыми обезпечивается неприкосновенность личности и собственности. Эта неприкосновенность, разумѣется, не можетъ быть безусловною. И личная свобода и собственность подвергаются стѣсненіямъ и ограниченіямъ во имя государственныхъ требованій. Но важно то, чтобы это совершалось по закону, а не по произволу, чтобы стѣсненіе происходило въ силу дѣйствительныхъ потребностей, а не по прихоти власти. Для этого и нужны гарантіи.

Главная состоитъ въ томъ, что личность и собственность ставятся подъ защиту независимаго суда, и гражданинъ получаетъ право требовать этой защиты. Таковъ смыслъ знаменитѣйшаго въ этомъ родѣ постановленія, англійскаго habeas corpus. Въ Англіи, какъ и вездѣ, полиція не можетъ быть лишена права арестовать людей по подозрѣнію; иначе она не могла бы исполнять своихъ обязанностей. Но арестованный имѣетъ право обратиться къ судьѣ, который, посредствомъ предписанія habeas corpus, требуетъ, чтобы заключенный былъ ему предъявленъ для разсмотрѣнія причинъ ареста.

Защита, даруемая судомъ, имѣетъ то значеніе, что судъ въ своихъ дѣйствіяхъ обязанъ руководиться закономъ, тогда какъ администрація руководствуется усмотрѣніемъ. Послѣдней, по самой ея задачѣ, всегда необходимо присуща извѣстная доля произвола: она имѣетъ въ виду не охраненіе права, а достиженіе практическихъ цѣлей. Но и судъ тогда только въ состояніи служить дѣйствительною гарантіею для лица, когда онъ является вполнѣ независимымъ, какъ отъ правительственной власти, такъ и отъ владычествующей партіи. Отсюда высокое значеніе несмѣняемости судей. Нарушеніе этого начала

составляетъ первый шагъ къ деспотизму, а установленіе его служитъ признакомъ появленія въ обществѣ свободы. Это начало можетъ существовать даже при отсутствіи настоящей политической свободы. Самоограниченіе самодержавной власти равно благодѣтельно и для нея самой и для подданныхъ. Оно служитъ доказательствомъ, что правительство имѣетъ въ виду не собственную только прихоть, а истинную пользу страны.

Что же ручается однако за то, что власть не будетъ дѣйствовать помимо суда? Есть случаи, когда это бываетъ даже необходимо. Именно потому что судъ обязанъ держаться строгихъ началъ закона, онъ не можетъ отвѣчать всѣмъ измѣнчивымъ потребностямъ жизни. Какъ скоро въ обществѣ являются смуты, такъ рождается необходимость бо́льшаго стѣсненія свободы, нежели то, которое допускается въ нормальномъ порядкѣ. Власть, при такихъ обстоятельствахъ, должна не только пресѣкать, но и предупреждать преступленія, а это можно дѣлать только дѣйствуя по усмотрѣнію. Тутъ временно устраняются гарантіи, которыя даются судебною защитою, и администрація вступаетъ въ свои права. Это признается во всѣхъ государствахъ въ мірѣ, каково бы ни было ихъ политическое устройство. Въ настоящее время въ Ирландіи пріостановлены гарантіи личныхъ правъ, а въ Германіи, въ силу даннаго парламентомъ полномочія, административнымъ путемъ высылаются соціалисты. Ненормальное состояніе общества всегда вызываетъ чрезвычайныя мѣры. Протестовать противъ этого и требовать, чтобы правительство держалось строго законнаго пути, когда въ обществѣ господствуетъ смута, значитъ не понимать первыхъ условій общественнаго порядка. Но тамъ, гдѣ есть представительныя собранія, правительство принимаетъ эти мѣры не иначе, какъ съ ихъ согласія и съ отвѣтственностью за ихъ приложеніе. Политическая свобода даетъ личному праву новую, высшую гарантію, которой нѣтъ при иномъ устройствѣ. Безъ нея есть больше опасности, что административная власть, которая по необходимости должна часто руководствоваться указаніями низшихъ органовъ, можетъ злоупотреблять своими полномочіями. Тутъ можно совѣтовать только большую осторожность, которая всего нужнѣе именно тамъ, гдѣ злоупотребленій можетъ быть больше.

Точно также политическая свобода даетъ высшую гарантію и собственности, особенно относительно обложенія гражданъ податями.

Объ этомъ мы уже говорили выше, а потому не станемъ возвращаться къ этому вопросу. Замѣтимъ только, что эта гарантія, для того чтобы она могла служить дѣйствительною охраною интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ, требуетъ весьма сложнаго политическаго устройства. Съ одной стороны, тамъ гдѣ высшіе классы, въ силу принадлежащей имъ способности, одни призываются къ рѣшенію государственныхъ дѣлъ, легко можетъ случиться, что податное бремя, при господствѣ частныхъ интересовъ, падетъ преимущественно на низшее народонаселеніе. Наоборотъ, при всеобщемъ правѣ голоса, которое придаетъ рѣшающее значеніе демократической массѣ, высшіе классы лишаются гарантіи. Тутъ податное бремя можетъ быть взвалено главнымъ образомъ на послѣднихъ, посредствомъ прогрессивнаго налога или инымъ путемъ. Вопросъ разрѣшается тѣмъ, что между противоположными элементами долженъ быть высшій судья. Таковъ монархъ, котораго всегдашнее призваніе состоитъ въ сохраненіи равновѣсія и справедливости между различными частями государственнаго организма.

И такъ, гарантіи личныхъ правъ возможны и безъ политической свободы, но послѣдняя даетъ имъ высшее обезпеченіе. Политическія права составляютъ завершеніе всего юридическаго зданія.

Совершенно иное значеніе имѣютъ тѣ личныя права, которыя являются выраженіемъ неорганическаго элемента государственной жизни. Таковы свобода печати, свобода собраній и товариществъ, наконецъ право прошенія. Тутъ дѣло идетъ уже не объ обезпеченіи гражданской свободы, а о дѣятельности въ политическоой области. Пользуясь этими правами, граждане получаютъ возможность вліять на рѣшеніе государственныхъ вопросовъ, но не посредствомъ обсужденія ихъ въ организованныхъ учрежденіяхъ, а путемъ свободнаго выраженія мыслей. Они дѣйствуютъ тутъ не какъ члены цѣлаго, въ органической связи съ другими, а какъ отдѣльныя лица, самостоятельно выступающія на политическомъ поприщѣ. Но именно вслѣдствіе своего политическаго характера, всѣ эти права могутъ получить сколько нибудь широкое развитіе единственно на почвѣ политической свободы; только при ней они пріобрѣтаютъ настоящее свое значеніе. Это значеніе заключается въ томъ, что въ неорганической дѣятельности вырабатываются элементы, которые должны занять свое мѣсто въ организованныхъ учрежденіяхъ. Для того чтобы граждане, призванные къ выборамъ, сознательно исполняли свои

обязанности, необходимо, чтобы они были къ тому приготовлены, а приготовленіе совершается путемъ свободнаго обмѣна мыслей. Но если организованныхъ учрежденій нѣтъ, то неорганизованная дѣятельность производитъ лишь броженіе, которому нѣтъ исхода. Свобода, которой не дано правильнаго теченія, становится революціонною. И наоборотъ, только при свободныхъ учрежденіяхъ, гласное обсужденіе практическихъ государственныхъ вопросовъ можетъ совершаться съ нѣкоторою основательностью, ибо тутъ только самая государственная жизнь течетъ гласно, и всѣ элементы сужденія находятся на лице. Гдѣ этого нѣтъ, неорганическая дѣятельность превращается въ праздную болтовню, которая скорѣе можетъ сбить общество съ толку, нежели приготовить его къ здравому обсужденію общественныхъ дѣлъ.

Все это вполнѣ прилагается къ свободѣ печати. Многіе воображаютъ, что она возможна всегда и вездѣ, и что она всегда и вездѣ дѣйствуетъ благотворно. Это значитъ держаться чисто отвлеченныхъ началъ и не принимать во вниманіе условій дѣйствительной жизни. Такого рода общія положенія менѣе всего примѣнимы къ политическому быту, который необходимо соображается съ состояніемъ среды и съ измѣняющимися обстоятельствами.

Свобода мысли и слова, безъ сомнѣнія, составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній человѣчества. Безъ нея нѣтъ настоящаго умственнаго развитія, и тѣ правительства, которыя ее подавляютъ, дѣйствуютъ во вредъ духовной жизни народа и подрываютъ собственную свою силу, ибо они лишаютъ себя образованныхъ орудій. Но истинная свобода мысли, приносящая плодъ, проявляется въ зрѣлыхъ и обдуманныхъ произведеніяхъ, требующихъ знаній и труда. Такой характеръ имѣютъ главнымъ образомъ книги. Только ими подвигается умственное развитіе человѣчества. Совершенно иной характеръ носитъ на себѣ журналъ. Это не столько выраженіе зрѣлой мысли, сколько орудіе борьбы. Журналъ день за днемъ слѣдитъ за текущими событіями, стараясь угодить публикѣ, произнося свои сужденія на лету. И эта дѣятельность имѣетъ свою полезную сторону, тамъ гдѣ люди, обладающіе основательнымъ политическимъ образованіемъ и знакомые съ практическимъ дѣломъ, становятся руководителями общества и приготовляютъ его къ рѣшенію подлежащихъ его сужденію вопросовъ. Но непремѣнное для этого условіе заключается въ томъ, чтобы политическое образованіе было распространено въ обще-

ствѣ, и чтобы государственныя дѣла были ему знакомы. А то и другое возможно единственно при политической свободѣ. Здѣсь поэтому журнализмъ имѣетъ настоящую свою почву, и здѣсь онъ необходимъ, ибо иначе нельзя дѣйствовать на общественное мнѣніе, хотя и тутъ онъ всегда имѣетъ свои весьма непривлекательныя стороны. Изъ массы журналовъ, появляющихся въ свободныхъ странахъ, немногіе пріобрѣтаютъ дѣйствительный вѣсъ и значеніе. Большинство же составляютъ летучія предпріятія, которыя стараются поддержать себя тѣмъ, что̀ приходится по вкусу неразборчивой публикѣ, скандалами, задоромъ, потачкою страстямъ. Только широко разлитое политическое образованіе и окрѣпшіе политическіе нравы въ состояніи исправить проистекающее отсюда зло. Чѣмъ ниже, напротивъ, умственное состояніе общества и чѣмъ моложе въ немъ политическая жизнь, тѣмъ это зло опаснѣе и тѣмъ труднѣе приложить къ нему лѣкарство. Нужны прочныя органическія учрежденія, для того чтобы рядомъ съ ними могло быть допущено широкое развитіе элемента неорганическаго.

Безусловные друзья журнализма любятъ ссылаться на то, что истина всегда торжествуетъ; но истина нерѣдко торжествуетъ только послѣ кровавыхъ испытаній, которыя показываютъ народу, что онъ сбился съ настоящаго пути. Способность убѣждаться не жизненнымъ опытомъ, а отвлеченными доводами, составляетъ плодъ высшаго умственнаго образованія; для этого требуется не только ширина взгляда, способнаго охватить различныя стороны вопроса, но также искренняя любовь къ истинѣ, составляющая достояніе немногихъ. Масса же публики убѣждается тѣмъ, что̀ ей по плечу и что̀ говоритъ ея минутному настроенію. Когда же извѣстные доводы повторяются ей ежедневно, настойчиво и страстно, съ недобросовѣстнымъ умолчаніемъ обо всемъ, что имъ противорѣчитъ, то увлечь ее на ложный путь весьма немудрено. Нѣтъ болѣе сильнаго орудія разрушенія, какъ журнализмъ среди неустановившагося общества.

Но если и при политической свободѣ журнализмъ имѣетъ свои опасныя стороны, то эти стороны выступаютъ еще ярче тамъ, гдѣ нѣтъ органическихъ учрежденій, которыя вводятъ свободу въ правильную колею. Здѣсь уже свобода печати превращается въ хаотическое броженіе мыслей, лишенныхъ всякой твердой опоры. Тутъ нѣтъ ни политическихъ нравовъ, ни политическаго образованія, способныхъ

служить противовѣсіемъ этой безконечной безурядицѣ. Тѣ немногіе люди, которые среди мало образованнаго общества приготовлены къ обсужденію политическихъ вопросовъ, и которые могли бы быть руководителями общественнаго мнѣнія, предпочитаютъ всякое другое поприще, гдѣ дѣятельность не ограничивается пустыми словами, а представляетъ собою настоящее дѣло. При такихъ условіяхъ, журналистика, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, попадаетъ въ руки людей, не имѣющихъ ни практическихъ знаній, ни теоретическаго образованія, и для которыхъ ежедневная болтовня составляетъ выгодное ремесло. Изъ этого ремесла они стараются извлечь наибольшую пользу, давая публикѣ пищу весьма невысокаго качества, но приходящуюся по ея вкусу и приправленную пряностями, возбуждающими неприхотливый аппетитъ. Этимъ самымъ публика болѣе и болѣе пріучается къ пошлости и отвыкаетъ отъ болѣе возвышенныхъ требованій. Легкое чтеніе журналовъ замѣняетъ всякую другую умственную пищу, требующую нѣкотораго труда и размышленія. Если при политической свободѣ журнализмъ въ мало образованномъ обществѣ можетъ обратиться въ орудіе разрушенія, то безъ политической свободы онъ становится орудіемъ умственнаго разврата.

Какъ же помочь этому злу, тамъ гдѣ оно уже вкоренилось и вошло въ общественные нравы? Правительства прибѣгаютъ иногда къ системѣ предостереженій, за которыми слѣдуетъ закрытіе журналовъ. Но практика показываетъ, что съ этимъ оружіемъ обращаться не легко. Мысль принимаетъ тончайшіе извороты и ускользаетъ отъ преслѣдованія. Если при самодержавномъ правленіи невозможно отказаться отъ этого средства, то и полагаться на него слишкомъ нельзя. Истинное лѣкарство лежитъ опять же единственно въ свободныхъ учрежденіяхъ. Только развитіе органической стороны государственной жизни можетъ дать правильное движеніе неорганическимъ ея элементамъ. Политическая свобода одна въ состояніи распространить въ обществѣ политическое образованіе и утвердить въ немъ политическіе нравы, способные противостоять ежедневному натиску неорганическихъ началъ. Въ свободныхъ учрежденіяхъ общество обрѣтаетъ центръ, откуда исходитъ политическая жизнь. Вмѣсто того чтобы довольствоваться пустою болтовнею журналовъ, оно призывается къ настоящему дѣлу. Руководителями его являются уже не самозванные и неприготовленные писатели, потакающіе страстямъ и расточающіе лесть,

а государственные люди, обсуждающіе вопросы совокупно съ народными представителями. Журналы отходятъ на задній планъ; они перестаютъ быть просто частными предпріятіями, а становятся органами партій, во главѣ которыхъ стоятъ лица, облеченныя довѣріемъ общества. Однимъ словомъ, органическій ростъ замѣняетъ неорганическое броженіе. Свобода вводится въ правильную колею, гдѣ мысли дается исходъ, а волѣ направленіе.

Еще болѣе всѣ эти соображенія примѣняются къ свободѣ собраній и товариществъ. Живое слово дѣйствуетъ еще сильнѣе, нежели печатное, а потому опасность для государственнаго порядка тутъ еще больше. Даже при свободныхъ учрежденіяхъ, эти права обыкновенно сдерживаются въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Нужны крѣпкіе политическіе нравы, чтобы допустить подобныя проявленія неорганическихъ силъ. Особенно свобода политическихъ товариществъ представляетъ для государства такія опасности, которыя рѣдко дѣлаютъ ихъ терпимыми. Революціонные клубы служатъ тому явнымъ доказательствомъ. Здѣсь неорганическій элементъ самъ организуется и вступаетъ въ борьбу съ элементомъ органическимъ. Является новое, самозванное государство въ государствѣ, и первое, если не всегда побѣждаетъ, то всегда производитъ въ обществѣ смуты и потрясенія. Поэтому, даже при самой широкой политической свободѣ, здѣсь требуются значительныя ограниченія.

Такимъ образомъ, въ области государственныхъ отношеній, личное право получаетъ настоящее свое развитіе только при правѣ политическомъ. Неорганическій элементъ служитъ здѣсь не болѣе какъ придаткомъ элемента органическаго. Онъ приготовляетъ общество къ тому, что̀ оно призвано исполнить путемъ политическаго права. Коренное же значеніе свободы въ государствѣ заключается въ призваніи гражданъ къ участію въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ.

Это участіе имѣетъ свои степени. Низшую ступень составляетъ участіе въ мѣстномъ управленіи, высшую—участіе въ дѣлахъ государственныхъ. Послѣднее называется политическою свободою въ собственномъ смыслѣ. Первое же можетъ существовать при всякомъ правленіи; величайшій деспотизмъ соединяется иногда съ значительною автономіею общинъ. Чѣмъ мельче единицы, чѣмъ менѣе въ нихъ самостоятельной силы и государственнаго значенія, тѣмъ легче предоставить имъ завѣдываніе ихъ внутренними дѣлами. Но какъ скоро эти единицы становятся крупнѣе, какъ скоро онѣ дѣлаются

мѣстными центрами независимыхъ силъ, такъ онѣ не могутъ уже быть безразличными для государственной власти, и тутъ рождается вопросъ объ отношеніи мѣстнаго самоуправленія къ центральному правительству.

Этотъ вопросъ, особенно въ послѣднее тридцатилѣтіе, подвергся тщательной разработкѣ. Въ мѣстномъ самоуправленіи многіе видѣли главную опору политической свободы. Отсутствію его во Франціи приписывали крушеніе представительныхъ учрежденій при второй Имперіи. Наоборотъ, на Англію указывали, какъ на страну, гдѣ все парламентское правленіе вытекло изъ мѣстныхъ правъ. Гнейстъ присоединилъ къ этому ученіе о необходимости безвозмезднаго отправленія мѣстныхъ должностей высшими классами; по его мнѣнію, только этимъ путемъ послѣдніе могутъ пріобрѣсти достаточно силы, чтобы противостоять напору бюрократіи и взять въ свои руки парламентское правленіе. Въ исполненіи общественныхъ обязанностей онъ видитъ единственное твердое основаніе политическихъ правъ.

Въ этихъ воззрѣніяхъ есть доля истины; но по обыкновенію, начало, на которое впервые обращено вниманіе, значительно преувеличивается. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстное самоуправленіе составляетъ существенную опору политической свободы. Въ немъ образуются мѣстныя вліянія, которыя даютъ силу въ политическихъ выборахъ и служатъ преградою давленію власти. Тамъ, гдѣ мѣстное управленіе вполнѣ находится въ рукахъ правительства, послѣднее пріобрѣтаетъ возможность направлять политическіе выборы согласно съ своими видами, вслѣдствіе чего самостоятельность представительнаго собранія исчезаетъ. Мы видѣли тому примѣръ во Франціи во времена второй Имперіи. Несомнѣнно также, что мѣстное самоуправленіе служитъ весьма хорошею приготовительною школою для политической свободы. Въ немъ граждане привыкаютъ къ совмѣстному обсужденію и веденію общихъ дѣлъ; образуются политическіе нравы; выдѣлываются люди. Но ни той, ни другой выгодѣ не слѣдуетъ придавать чрезмѣрнаго значенія; во всякомъ случаѣ, отъ этого далеко до признанія мѣстнаго самоуправленія главнымъ источникомъ политической свободы.

На практикѣ, представительныя учрежденія могутъ существовать и безъ всякаго мѣстнаго самоуправленія. Это доказала таже Франція въ самую блестящую эпоху своей парламентской жизни. Во времена Реставраціи, мѣстные жители не имѣли никакихъ выборныхъ правъ, а при Людовикѣ-Филиппѣ весьма не обширныя. Цен-

трализація была всепоглощающимъ началомъ французской администраціи; а между тѣмъ, правительство все таки не могло направлять выборы по своему усмотрѣнію. Послѣднія палаты временъ Реставраціи доказали это неопровержимымъ образомъ. Зажиточные классы, которые въ то время исключительно пользовались политическими правами, всегда сохраняютъ извѣстную независимость и не легко поддаются давленію власти, идущей наперекоръ ихъ политическимъ стремленіямъ. Если же при такомъ порядкѣ произошли двѣ революціи, то виною тому было не отсутствіе самоуправленія: пала не свобода, лишенная корней, пали правительства, которыя не находили поддержки въ обществѣ. Впослѣдствіи рушилась и свобода, но опять же по причинамъ чисто политическимъ: французское общество, испуганное соціализмомъ, бросилось въ объятія диктатуры и принесло ей въ жертву всѣ свои права.

Франція доказала также, что политическіе нравы и государственные люди могутъ вырабатываться помимо мѣстныхъ учрежденій. Послѣднія, безспорно, составляютъ хорошую школу для представительнаго порядка; но нельзя признать эту школу безусловно необходимою.

Съ другой стороны, несправедливо, что вся политическая свобода Англіи вытекла изъ мѣстнаго самоуправленія. Исторія доказываетъ, что она явилась результатомъ борьбы аристократіи съ королемъ. Краеугольнымъ камнемъ представительнаго порядка была Великая Хартія, вырванная баронами у Іоанна Безземельнаго. Конечно, бароны имѣли и мѣстную силу; но таковую же, даже въ гораздо большихъ размѣрахъ, имѣла аристократія на всемъ европейскомъ материкѣ, а между тѣмъ, изъ этого никакой политической свободы не выработалось. Разница заключалась именно въ томъ, что англійская аристократія домогалась не мѣстной автономіи, а политическихъ правъ, съ помощью которыхъ она сохранила и мѣстную автономію; въ другихъ же странахъ, она главнымъ образомъ дорожила своею мѣстною властью, вслѣдствіе чего она потеряла сперва политическое право, а затѣмъ и все остальное.

Изъ этого видно, что если мѣстное самоуправленіе служитъ нѣкоторою поддержкою политическаго права, то еще въ гораздо большей степени политическое право служитъ опорою мѣстнаго самоуправленія. Которое изъ этихъ двухъ началъ является преобладающимъ, это зависитъ отъ характера всего государственнаго строя.

Преобладаніе мѣстной автономіи было господствующимъ началомъ въ средніе вѣка: въ то время общество дробилось на безчисленные мѣстные центры съ самостоятельною жизнью. Преобладаніе центральнаго элемента составляетъ, напротивъ, отличительную черту государственной жизни новаго времени. Здѣсь, поэтому, мѣстное самоуправленіе отходитъ на второй планъ, иногда даже въ слишкомъ значительной степени. И чѣмъ упорнѣе, въ историческомъ движеніи, мѣстная жизнь сопротивлялась требованіямъ центра, тѣмъ безпощаднѣе она была подавлена. Отсюда развитіе централизаціи на европейскомъ материкѣ. Въ Англіи, напротивъ, мѣстные центры никогда не стремились къ обособленію; съ самаго начала королевская власть имѣла первенствующее значеніе, и вопросъ шелъ не объ отношеніи центра къ областямъ, а объ отношеніи центральной власти къ центральному представительству. Именно потому, политическая свобода пустила здѣсь прочные корни.

Въ настоящее время, при громадномъ развитіи государственной дѣятельности, не можетъ уже быть рѣчи о томъ, чтобы основать политическую свободу на мѣстныхъ правахъ. Задача заключается лишь въ соглашеніи обоихъ элементовъ, и въ этомъ отношеніи, мѣстный элементъ долженъ сообразоваться съ центральнымъ, а не центральный съ мѣстнымъ. Послѣдній можетъ получить на столько развитія, на сколько это можетъ быть допущено характеромъ и значеніемъ центральной государственной власти.

Наибольшій просторъ можетъ быть предоставленъ мѣстному самоуправленію въ федеративной республикѣ. Здѣсь государственная дѣятельность доводится до наименьшихъ размѣровъ; все идетъ съ низу и по возможности предоставляется личной инищіативѣ. Тутъ самое государство является не болѣе какъ союзомъ отдѣльныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ, и въ центрѣ и на мѣстахъ господствуетъ одинъ и тотъ же элементъ, проникнутый однимъ и тѣмъ же духомъ. Однако и тутъ неизбѣжно является противоположность направленій. И въ федеративной республикѣ общее государственное начало имѣетъ существенное значеніе, а съ развитіемъ общественной жизни это значеніе возрастаетъ. Поэтому здѣсь рано или поздно возгорается борьба между двумя противоположными теченіями, центральнымъ и мѣстнымъ. На этомъ вращалась вся политика партій въ Соединенныхъ Штатахъ съ самой первой поры ихъ существованія. Исторія привела наконецъ къ побѣдѣ центра, однакоже безъ уни-

чтоженія мѣстной самостоятельности, которая, при такомъ устройствѣ, всегда остается однимъ изъ коренныхъ началъ политической жизни. Тоже самое явленіе повторилось и въ Швейцаріи.

Широкое развитіе мѣстное самоуправленіе можетъ получить и при господствѣ аристократіи. Связующимъ элементомъ государства служитъ здѣсь владычествующее сословіе, которое, смыкаясь въ центрѣ, имѣетъ преобладающее вліяніе и на мѣстахъ. И тутъ опять мѣстная автономія возможна, потому что и здѣсь и тамъ господствуетъ одинъ и тотъ же элементъ; вмѣсто противоположности направленій, является взаимная поддержка. Можно сказать, что аристократія есть, по преимуществу, сословіе, опирающееся на мѣстное вліяніе. Главную его матеріальную опору составляетъ крупное землевладѣніе, которое дѣлаетъ его средоточіемъ областной жизни. Иногда этотъ мѣстный характеръ получаетъ перевѣсъ надъ государственными стремленіями, и тогда онъ ведетъ къ разложенію государства. Отсюда историческая борьба королей съ аристократіею, борьба, которая въ значительной степени оправдывается противогосударственными стремленіями послѣдней. Если же аристократія, вмѣсто того чтобы стремиться къ обособленію, сохраняетъ политическій духъ и пользуется своимъ мѣстнымъ значеніемъ, только какъ опорою для своей государственной дѣятельности, то она можетъ сдѣлаться преобладающею и въ центрѣ и на мѣстахъ, и тогда широкая мѣстная автономія служитъ ей самымъ крѣпкимъ оплотомъ, какъ противъ вторженія бюрократическихъ началъ, такъ и противъ натиска демократіи. Но для этого необходимо, чтобы мѣстное управленіе носило аристократическій характеръ. Здѣсь приложимо то начало, которое Гнейстъ считаетъ нормою для всякаго мѣстнаго самоуправленія, именно, безвозмездное отправленіе общественныхъ должностей высшимъ классомъ. Съ одной стороны, этимъ самымъ устраняются низшіе слои, не обладающіе достаточными средствами для того, чтобы посвящать себя общественной дѣятельности безъ вознагражденія, а съ другой стороны, добросовѣстнымъ исполненіемъ общественныхъ обязанностей аристократія пріобрѣтаетъ себѣ право на преобладающее общественное положеніе. Въ свободномъ государствѣ она не можетъ держаться ничѣмъ другимъ.

Типомъ подобнаго устройства является Англія, и заслуга Гнейста состоитъ въ томъ, что онъ вполнѣ это разъяснилъ. Но именно въ этой типической формѣ обнаруживается свойство этой организаціи.

Выборное начало, которымъ обыкновенно характеризуется самоуправленіе, здѣсь совершенно устранено, или является элементомъ, разлагающимъ установленный вѣками порядокъ. Главный центръ мѣстнаго управленія въ англійскихъ графствахъ составляютъ мировые судьи, которые опредѣляются правительствомъ, по представленію назначаемаго пожизненно лорда-лейтенанта. Мировые судьи, безвозмездно отправляющіе свою должность, завѣдываютъ и мѣстными податями, и администраціею, и судомъ. А такъ какъ ихъ можетъ быть неопредѣленное количество, то въ этомъ учрежденіи соединяется цвѣтъ мѣстной аристократіи, которая такимъ образомъ держитъ все областное управленіе въ своихъ рукахъ. Понятно однако, что подобный порядокъ возможенъ только подъ двумя условіями: во первыхъ, чтобы дѣятельность государственной власти ограничивалась наименьшими размѣрами, и во вторыхъ, чтобы центральное правительство было устроено такъ, чтобы назначенія всегда дѣлались въ духѣ преобладающаго класса. Послѣднее достигается тѣмъ, что въ центрѣ владычествуетъ тотъ самый элементъ, который господствуетъ и на мѣстахъ. И тутъ слѣдовательно, ключъ лежитъ въ политической свободѣ; безъ нея, все это зданіе обратилось бы въ орудіе центральной власти. Но политическая свобода должна имѣть здѣсь аристократическій характеръ; съ ослабленіемъ же аристократическаго элемента, весь этотъ порядокъ неизбѣжно измѣняется. Это мы и видимъ въ Англіи. Стремленіе новѣйшаго законодательства состоитъ въ томъ, чтобы управленіе мировыхъ судей замѣнить выборнымъ началомъ. А съ другой стороны, съ усиленіемъ государственныхъ потребностей, развивается дѣятельность центральнаго правительства, которое мало по малу подчиняетъ областныя власти своему контролю. Прежняя широкая мѣстная автономія оставляла въ запущеніи многія существенныя стороны управленія, вслѣдствіе чего потребовалось болѣе энергическое дѣйствіе сверху. Такимъ образомъ, областное управленіе въ Англіи постепенно приближается къ тому типу, который господствуетъ на европейскомъ материкѣ, именно, къ сочетанію выборнаго начала съ правительственнымъ, хотя еще въ значительной степени сохраняются старыя аристократическія учрежденія. Пока аристократія сильна, эти учрежденія продолжаютъ быть необходимымъ звеномъ мѣстной жизни.

Въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ сохранились также слѣды аристократическаго самоуправленія; но при отсутствіи политической

свободы, они приняли иной характеръ. Въ Пруссіи, ландраты первоначально были выборные отъ дворянства для завѣдыванія мѣстными дѣлами; но правительство воспользовалось ими для своихъ цѣлей, вслѣдствіе чего они превратились въ коронныхъ чиновниковъ, однако съ мѣстнымъ значеніемъ, ибо кандидаты на эту должность представляются землевладѣльцами или окружными собраніями, и при небольшомъ жалованіи, должность считается болѣе почетною, нежели доходною. Черезъ это, ландратамъ обезпечивается нѣкоторая независимость и сохраняется связь ихъ съ мѣстною жизнью. Это учрежденіе оказало государству существенныя услуги.

Еще болѣе независимый характеръ имѣютъ наши предводители дворянства. И на нихъ правительство возлагаетъ многія служебныя обязанности. Можно сказать, что въ настоящее время на предводителяхъ дворянства лежитъ главнымъ образомъ управленіе уѣздовъ. Но это должность чисто выборная и вполнѣ безвозмездная. Аристократическое ея значеніе сохранилось неприкосновеннымъ. Съ этимъ неизбѣжно соединены нѣкоторыя неудобства, ибо отъ безвозмездной и почетной службы нельзя требовать того же, что̀ требуется отъ службы коронной. Тѣмъ не менѣе, подобными остатками историческаго права слѣдуетъ дорожить. Пока есть сословіе, выставляющее изъ среди себя людей, готовыхъ безкорыстно нести общественную службу, его услугами надобно пользоваться. Тутъ есть элементъ независимости и мѣстнаго вліянія, который даетъ мѣстному самоуправленію особенный вѣсъ, и который нельзя замѣнить ничѣмъ другимъ. Въ особенности тамъ, гдѣ выборныя учрежденія еще недостаточно окрѣпли, эти историческіе элементы играютъ весьма важную роль. Они связываютъ прошедшее съ будущимъ.

Но если этого рода должности, носящія аристократическій характеръ, важны, и какъ выраженіе историческихъ началъ, и какъ форма, въ которой проявляется участіе аристократическаго элемента въ самоуправленіи, то не въ нихъ все таки лежитъ главный центръ мѣстныхъ учрежденій новаго времени. Эти учрежденія, какъ въ республикахъ, такъ и въ монархіяхъ, слагаются изъ двухъ началъ: выборнаго и правительственнаго. Отъ правильнаго ихъ сочетанія зависитъ въ значительной степени достоинство управленія.

Это сочетаніе можетъ быть двоякаго рода: или управленіе остается нераздѣльнымъ въ рукахъ государства, и учреждаются только выборные совѣты при назначаемыхъ правительствомъ администрато-

рахъ, или же дѣла раздѣляются между правительственными и выборными органами, такъ что послѣднимъ предоставляется особый кругъ дѣйствія. Въ первомъ случаѣ, все исполненіе сосредоточивается въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ; выборные же получаютъ совѣщательный или рѣшающій голосъ по дѣламъ, касающимся мѣстности, при чемъ иногда права ихъ ограничиваются изданіемъ общихъ постановленій, исходящихъ отъ временно созываемыхъ собраній, какъ было въ прежнее время во Франціи, иногда же имъ предоставляется и участіе въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ, въ какомъ случаѣ при мѣстномъ правителѣ учреждается постоянный выборный совѣтъ, какъ установлено нынѣ во Франціи по примѣру Бельгіи. При второй системѣ, то есть, при раздѣльности вѣдомствъ, выборные представители, завѣдывая мѣстными дѣлами, сами выбираютъ изъ себя исполнительные органы; но кругъ ихъ дѣйствія неизбѣжно тѣснѣе, ибо все, что составляетъ правительственный интересъ, отъ нихъ отходитъ. Таковы наши земскія учрежденія.

Которая изъ этихъ двухъ системъ заслуживаетъ предпочтеніе? Первая обезпечиваетъ большее единство управленія, вторая даетъ болѣе самостоятельности мѣстнымъ элементамъ, съуживая однако ихъ кругъ дѣйствія. Перевѣсъ той или другой точки зрѣнія зависитъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій, но главнымъ образомъ отъ развитія политической свободы. Въ странахъ, гдѣ установилось облеченное широкими правами народное представительство, изъ котораго исходитъ самая правительственная власть, нѣтъ необходимости разъединять мѣстное управленіе. Здѣсь правительственный элементъ и выборный не являются противоположными другъ другу, ибо оба истекаютъ изъ одного начала. При зависимости бюрократіи отъ центральнаго представительства, существенный интересъ ея состоитъ въ томъ, чтобы жить въ согласіи съ представительствомъ мѣстнымъ. А съ другой стороны, при полной независимости мѣстныхъ учрежденій, они легко могутъ сдѣлаться средоточіемъ враждебной правительству оппозиціи. Поэтому здѣсь французско-бельгійская система совершенно умѣстна. Напротивъ, тамъ гдѣ нѣтъ политической свободы, совмѣстное завѣдываніе дѣлами чиновничествомъ и земствомъ неизбѣжно должно повести къ преобладанію перваго и къ умаленію послѣдняго. Чтобы дать выборному началу нѣкоторую самостоятельность, необходимо отвести ему особый кругъ дѣйствія. Но этотъ кругъ не можетъ идти далѣе мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ.

Расширеніе вѣдомства будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ не усиленіе, а опять же умаленіе мѣстнаго самоуправленія, ибо этимъ необходимо вызывается вмѣшательство правительственной власти, слѣдовательно подчиненіе выборнаго начала бюрократическому. Тѣ, которые, при такихъ условіяхъ, мечтаютъ о возможно большемъ расширеніи мѣстнаго самоуправленія, упускаютъ изъ виду самыя существенныя потребности государственной жизни. Правительство не можетъ отказаться отъ завѣдыванія дѣлами, которыя принадлежатъ ему но самой природѣ государства; оно не можетъ предоставить свою власть мѣстнымъ учрежденіямъ. Правительство, безсильное на мѣстахъ, будетъ безсильно и въ центрѣ. И еслибы нашелся государственный человѣкъ, который рѣшился бы на такую уступку, то за этимъ, какъ и за всякою ложною мѣрою, неминуемо должна послѣдовать реакція. Въ концѣ концовъ, выборные убѣдятся, что захотѣвши бо́льшаго, они лишились меньшаго.

Когда въ обществѣ, обладающемъ уже достаточною долею мѣстнаго самоуправленія, является стремленіе къ расширенію свободы, то это стремленіе должно искать себѣ исхода не въ мѣстномъ самоуправленіи, которое, при развитіи государственной жизни, необходимо ограничивается болѣе или менѣе тѣсными предѣлами, а единственно въ политическомъ правѣ. Послѣднее составляетъ верховную цѣль для всѣхъ друзей свободы, понимающихъ потребности государства; но тутъ возникаетъ вопросъ инаго рода: надобно знать, достаточно ли общество къ этому приготовлено и не поведетъ ли подобный переворотъ къ ослабленію власти, а вслѣдствіе того къ анархическому состоянію, которое, въ свою очередь, неминуемо должно вызвать сильнѣйшую реакцію?

Когда дѣло идетъ о признаніи свободы личной, для гражданъ не требуется особеннаго приготовленія. Каждый взрослый человѣкъ въ правѣ располагать собою, какъ ему угодно, и если онъ причиняетъ себѣ зло, то другимъ до этого нѣтъ дѣла. Однако и при водвореніи гражданской свободы необходимо переходное положеніе, для того чтобы не порвать установившихся отношеній и постепенно перевести одинъ экономическій порядокъ въ другой. Политическая же свобода требуетъ гораздо бо́льшаго. Мы видѣли, что тутъ нужна способность, а способность не пріобрѣтается по желанію; она вырабатывается жизнью. И чѣмъ выше государственный строй, чѣмъ сложнѣе отношенія, тѣмъ самая способность должна быть больше. По-

этому свобода, пригодная для низшихъ ступеней развитія, оказывается непригодною для высшихъ. Вслѣдствіе этого мы замѣчаемъ, что въ историческомъ своемъ движеніи, политическая свобода не идетъ равномѣрно упрочиваясь. За періодами процвѣтанія слѣдуютъ періоды упадка. Иногда, въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, политическая свобода исчезаетъ, пока жизнь не подготовитъ новой, высшей ея формы. Бѣглый взглядъ на исторію покажетъ намъ причины этихъ явленій.

Политическая свобода была и въ древности, и въ средніе вѣка, и въ новое время. Мы находимъ ее даже у первобытныхъ народовъ. Участіе гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ свойственно человѣческому общежитію, и когда эти дѣла весьма не сложны, то ничто не мѣшаетъ каждому подавать свой голосъ при ихъ рѣшеніи. Но вопросъ состоитъ въ томъ, до какой степени возможно согласовать это право съ потребностями высшаго государственнаго порядка, и тутъ мы видимъ, что для приготовленія къ этому человѣческихъ обществъ требуется долгій историческій процессъ. Развитіе государственной жизни начинается на Востокѣ; но Востокъ политической свободы не зналъ и доселѣ не знаетъ. Она появляется только у классическихъ народовъ, какъ результатъ всей предшествующей исторіи человѣчества. И здѣсь еще она заключается въ весьма тѣсныхъ границахъ. Это—свобода городовая; она основана на непосредственномъ участіи каждаго въ общихъ дѣлахъ. А такъ какъ въ государственномъ строѣ для этого требуется высшая способность, то гражданинъ является лицемъ, спеціально посвящающимъ себя этимъ занятіямъ. Онъ всецѣло живетъ для государства; удовлетвореніе же частныхъ потребностей возлагается на рабовъ. Политическая свобода въ древнихъ республикахъ вся покоилась на рабствѣ. Но самый этотъ узкій ея характеръ дѣлалъ ее пригодною только для извѣстной ступени развитія. Она могла процвѣтать, пока государственная жизнь вращалась въ тѣсномъ городскомъ кругу, и самые интересы, при простотѣ отношеній, были несложны. Какъ же скоро неудержимое теченіе исторіи вывело классическія государства на болѣе широкое поприще, какъ скоро осложнились и интересы и отношенія, такъ политическая свобода древняго міра оказалась неспособною къ исполненію своей задачи. Римскіе граждане могли управлять Римомъ, но они не въ состояніи были управлять цѣлымъ завоеваннымъ ими міромъ. При измѣнившихся условіяхъ, полити-

ческая свобода не могла удержаться; она по необходимости пала и уступила мѣсто единовластію.

Снова она возникла въ средніе вѣка, но опять при иныхъ условіяхъ. Средневѣковая жизнь гораздо ближе подходила къ тому, что̀ могли дать люди при весьма невысокой степени образованія. Государство разложилось, и на мѣсто его установился порядокъ, основанный на взаимныхъ отношеніяхъ частныхъ силъ. Политическое право возникло здѣсь не изъ государственныхъ требованій, а изъ частнаго права. Но по этому самому, это было право сильнѣйшаго. Оно носило преимущественно аристократическій характеръ, ибо военная аристократія завоевала себѣ высшее положеніе въ обществѣ. Мало по малу, рядомъ съ нею, хотя и на второмъ планѣ, становятся города, которые силою оружія умѣли отстоять свою независимость. А такъ какъ и землевладѣльцы и города были разсѣяны по всей землѣ, то для совокупныхъ рѣшеній необходимо было представительство. Но представительное начало было здѣсь не болѣе какъ сдѣлкою между частными элементами. Каждый считалъ себя верховнымъ владыкою у себя дома; подчиненіе общему центру, королю, основывалось не на государственныхъ требованіяхъ, а на частныхъ отношеніяхъ и привилегіяхъ. Вся средневѣковая жизнь состояла такимъ образомъ въ безконечныхъ частныхъ сдѣлкахъ и соглашеніяхъ. Вслѣдствіе этого Монтескьё, который въ необходимости сдѣлокъ между независимыми элементами видѣлъ существо конституціоннаго правленія, утверждалъ, что эта система была изобрѣтена въ лѣсахъ Германіи. Основанный Германцами средневѣковой бытъ дѣйствительно представлялъ тому зачатки, но зачатки свойственные не государственному, а противогосударственному порядку. Система частныхъ сдѣлокъ, безъ высшей владычествующей надъ всѣми власти, могла повести лишь къ всеобщей анархіи; и точно, такова картина, которую представляютъ намъ средніе вѣка. Но именно поэтому, подобный порядокъ не могъ быть проченъ. Политическая свобода, основанная на частномъ правѣ, въ свою очередь пала и уступила мѣсто новому единовластію.

Потребность усиленія монархическаго начала была вызвана государственными стремленіями новаго времени. Возрождающееся государство вело борьбу противъ анархическихъ средневѣковыхъ силъ и наконецъ подчинило ихъ себѣ. Очевидно, что это подчиненіе могло совершиться только въ ущербъ политической свободѣ. Вслѣдствіе

этого, первый періодъ въ исторіи новаго времени характеризуется развитіемъ абсолютизма.

Этотъ періодъ для различныхъ европейскихъ народовъ былъ болѣе или менѣе продолжителенъ, смотря по тому, на сколько общественные элементы были подготовлены къ государственной жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ политической свободѣ. Ранѣе всего онъ прекратился и наиболѣе поверхностные слѣды онъ оставилъ тамъ, гдѣ уже въ средніе вѣка, вслѣдствіе дружнаго дѣйствія сословій, успѣло сложиться прочное центральное представительство. Такъ было въ Англіи. Мы видѣли уже, что здѣсь аристократія была наиболѣе проникнута государственнымъ духомъ и менѣе всего дорожила своими частными правами. Она не отдѣлялась отъ народа, не стремилась къ мѣстной власти, а вкупѣ съ городами отстаивала общія права противъ королевской власти. Поэтому здѣсь, даже во времена самаго сильнаго развитія единодержавія, при Тюдорахъ, представительныя учрежденія не исчезали совершенно. И когда наконецъ установившійся государственный порядокъ дозволилъ снова возвратиться къ завѣщаннымъ вѣками началамъ политической свободы, аристократія, въ союзѣ съ городами, сломила стремившуюся къ абсолютизму королевскую власть и водворила то парламентское правленіе, которое понынѣ господствуетъ въ Англіи. Но именно вслѣдствіе этого ранняго развитія политической свободы и связи ея съ средневѣковыми учрежденіями, государственная жизнь Англіи всего болѣе сохранила слѣдовъ средневѣковаго порядка. Свобода водворилась въ ущербъ равенству; перевѣсъ аристократическаго начала повелъ къ обездоленію низшихъ классовъ, и только громадное богатство, пріобрѣтенное всемірнымъ владычествомъ на моряхъ, могло служить противовѣсіемъ этому злу.

Совершенно иной былъ ходъ политическаго развитія во Франціи. Здѣсь въ аристократіи преобладали противогосударственныя стремленія; усиливающаяся королевская власть вела противъ нея борьбу въ союзѣ съ горожанами. Борьба кончилась полною побѣдою королей. Основанная на средневѣковыхъ привилегіяхъ политическая свобода рушилась окончательно, и когда она возникла снова, то уже на совершенно иной почвѣ и изъ иной среды. Представителями ея явились прежніе союзники королей, средніе классы, которые, во имя общихъ началъ свободы и равенства, требовали для народа политическихъ правъ. За средними классами послѣдовали и низшіе, вооруженные тѣмъ же

началомъ общаго права. Это и привело окончательно къ водворенію республики.

Наконецъ въ Германіи, преобладаніе средневѣковой аристократіи повело къ полному безсилію центральной власти, вслѣдствіе чего Имперія превратилась въ союзъ разнородныхъ владѣній. Но здѣсь сами мѣстные владѣльцы, восторжествовавшіе надъ центромъ, сдѣлались представителями новаго государственнаго начала. Вслѣдствіе этого и тутъ водворился абсолютизмъ, однако съ сохраненіемъ историческихъ правъ, на сколько они были совмѣстны съ новымъ порядкомъ. Отсюда двоякое теченіе жизни, которымъ опредѣляется новѣйшее развитіе политической свободы въ Германіи. Съ одной стороны, также какъ во Франціи, являются новыя требованія политической свободы, исходящія изъ среднихъ классовъ; въ 1848 году эти стремленія получили наконецъ верхъ и повели къ повсемѣстному установленію конституціоннаго порядка на почвѣ общей гражданской свободы. Съ другой стороны, представители историческаго права оказываютъ противодѣйствіе этому движенію, и если они не въ состояніи его остановить, то они въ значительной степени могутъ его ослабить. Отсюда происходитъ шаткость политической свободы въ Германіи [1]).

Таковъ всемірно-историческій ходъ развитія свободы. Изъ него не трудно усмотрѣть тотъ законъ, которымъ управляется это движеніе. Государство имѣетъ свои требованія, и политическая свобода можетъ быть допущена въ немъ на столько, на сколько она въ состояніи имъ удовлетворить. Первое требованіе заключается въ единствѣ управленія, безъ котораго общество распадается. Именно эту задачу призвана исполнить господствующая въ государствѣ верховная власть. Наибольшимъ единствомъ она несомнѣнно обладаетъ, когда она сосредоточивается въ одномъ лицѣ. Отсюда всемірное значеніе монархическаго начала для государственной жизни. Политическая же свобода можетъ замѣнить его лишь въ той мѣрѣ, въ какой она способна создать изъ себя требуемое государствомъ единство управленія. Иначе власть, раздѣляясь, слабѣетъ, и въ обществѣ водворяется анархія.

Въ нѣкоторой степени политическая свобода всегда приноситъ съ собою внутреннее раздѣленіе. Власть въ свободныхъ государствахъ распредѣляется между различными органами, и это служитъ важнѣйшею

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе исторіи представительныхъ учрежденій см. въ моемъ сочиненіи: О народномъ представительствѣ.

гарантіею свободы, ибо взаимное ограниченіе властей воздерживаетъ произволъ. Съ политическою свободою неразлучно связана и борьба партій, ибо здѣсь неизбѣжно обнаруживается различіе взглядовъ на государственное управленіе, и отъ побѣды того или другаго направленія зависитъ самый ходъ государственныхъ дѣлъ. Но эта борьба можетъ быть плодотворна или пагубна, смотря по тому, какой характеръ она на себѣ носитъ. Она плодотворна, если она выражаетъ собою только неизбѣжное разномысліе, при стремленіи совокупными силами достигнуть общей государственной цѣли. Напротивъ, она становится источникомъ неисцѣлимаго разлада, какъ скоро она доходитъ до размѣровъ крайняго ожесточенія, и въ особенности если она касается не подробностей управленія, а самыхъ основъ государственнаго или общественнаго строя. Именно въ свойствахъ этой борьбы проявляется политическая способность общества, отъ которой зависитъ и возможность политической свободы. Для того чтобы необходимое въ государственной жизни единство управленія не разрушилось пріобщеніемъ къ нему свободныхъ элементовъ, надобно, чтобы въ самыхъ этихъ элементахъ единство преобладало надъ различіями. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ водвореніе политической свободы немыслимо. Изъ этого можно вывести общій законъ, что чѣмъ меньше единства въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть. Этимъ закономъ управляется все государственное развитіе древнихъ и новыхъ народовъ.

Отсюда ясно, почему въ большихъ государствахъ водвореніе политической свободы встрѣчаетъ болѣе препятствій, нежели въ малыхъ. Чѣмъ обширнѣе пространство, чѣмъ разсѣяннѣе народонаселеніе, чѣмъ разнообразнѣе мѣстныя условія и общественные элементы, тѣмъ труднѣе установленіе внутренней ихъ связи. Недостатокъ внутренняго единства долженъ замѣняться единствомъ внѣшнимъ. Вслѣдствіе этого, Монтескьё утверждалъ, что большимъ государствамъ свойственно деспотическое правленіе.

Ясно также, почему политическая свобода скорѣе водворяется тамъ, гдѣ государство состоитъ изъ одной народности, нежели тамъ, гдѣ ихъ нѣсколько. Господство одной народности надъ другими легче совмѣщается съ самодержавіемъ, нежели съ представительнымъ порядкомъ, который призываетъ къ политической дѣятельности подчиненные элементы. Конечно, если господствующая народность имѣетъ значительный перевѣсъ и количествомъ и образованіемъ, то она

справится съ своею задачею. Но тамъ, гдѣ свободныя учрежденія еще юны, и политическая жизнь еще не окрѣпла, сплоченное и враждебное государству меньшинство можетъ причинить неисчислимый вредъ.

Наконецъ, тѣмъ же закономъ объясняется и отношеніе къ политической свободѣ различныхъ общественныхъ классовъ. Послѣдній вопросъ—самый существенный изъ всѣхъ. Давно повторяютъ, что политическая свобода не виситъ на воздухѣ, что она должна имѣть корни въ народной жизни. Это сдѣлалось даже общимъ мѣстомъ. Но почва, на которой произростаютъ эти корни, не составляетъ однородной массы; она раздѣляется на слои, и каждый изъ этихъ слоевъ даетъ имъ особое питаніе. Наслоеніе же зависитъ отъ распредѣленія собственности, которое, въ свою очередь, опредѣляется движеніемъ промышленныхъ силъ. Мы приходимъ здѣсь къ вопросу о вліяніи промышленнаго быта на государство и объ отношеніи гражданской свободы и ея послѣдствій къ свободѣ политической.

Всякое общество, вслѣдствіе естественнаго движенія промышленныхъ силъ и происходящаго отсюда неравенства, раздѣляется на возвышающіеся другъ надъ другомъ слои, все равно, смыкаются ли эти слои въ опредѣленно организованныя сословія, или остаются они въ видѣ общественныхъ классовъ, съ неопредѣленными и подвижными границами. Таковъ общій законъ человѣческой жизни, законъ, котораго дѣйствіе можетъ прекратиться только при совершенно немыслимомъ всеобщемъ уничтоженіи свободы. Пока на землѣ существуетъ свободная промышленная дѣятельность и порождаемая ею собственность, до тѣхъ поръ будутъ и различные общественные классы, каждый съ своимъ особеннымъ характеромъ, проистекающимъ изъ его положенія. Не только количество, но и виды собственности вліяютъ на этотъ характеръ. Изъ различныхъ дѣятелей производства, землевладѣніе имѣетъ значеніе по преимуществу аристократическое, капиталъ и умственный трудъ свойственны среднимъ классамъ, наконецъ, физическая работа составляетъ принадлежность демократической массы. Какъ же скоро существуютъ въ обществѣ различные классы съ опредѣленными свойствами, такъ необходимо принять ихъ въ расчетъ и удѣлить имъ сообразное съ этими свойствами мѣсто въ государственномъ организмѣ. Только поверхностная теорія дѣлаетъ свои вычисленія съ отвлеченными единицами. Истинная наука, равно какъ и здравая практика, отправляются

отъ конкретныхъ явленій; тамъ, гдѣ есть различіе элементовъ, они признаютъ различіе и въ ихъ дѣйствіи, а равно и въ той роли, которая удѣляется имъ въ общемъ движеніи. Сама жизнь ведетъ къ этому неудержимо. Исторія руководствуется не отвлеченнымъ схематизмомъ: дѣятелями въ ней являются различные классы съ ихъ особенностями, изъ которыхъ рождается различное ихъ отношеніе, какъ другъ къ другу, такъ и къ политической свободѣ.

Изъ этихъ классовъ, наиболѣе государственное значеніе имѣетъ аристократія. Это—сословіе по преимуществу политическое, и таковымъ оно было во всѣ времена исторіи. Аристократія способна имѣть въ себѣ и наиболѣе внутренняго единства. Состоя изъ относительно небольшаго количества лицъ, связанныхъ общими интересами, а нерѣдко и общею организаціею, она представляетъ такую среду, которая при всегда господствующемъ въ ней охранительномъ духѣ, является самою твердою опорою государственнаго порядка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она составляетъ независимую силу, сдерживающую произволъ административныхъ властей. Аристократія, проникнутая истинно политическимъ духомъ, не отдѣляющаяся отъ другихъ сословій, а напротивъ подающая имъ руку, становится вождемъ народа въ пріобрѣтеніи политическихъ правъ. Такую роль она играла въ Англіи, и именно при такомъ условіи политическая свобода всего легче можетъ водвориться въ обществѣ.

Но аристократія имѣетъ и свою оборотную сторону. Привилегированное ея положеніе нерѣдко ведетъ къ тому, что она свои частные интересы предпочитаетъ общественному. И чѣмъ она могущественнѣе, чѣмъ менѣе она встрѣчаетъ передъ собою преградъ, тѣмъ эта опасность больше. Вмѣсто соединенія съ другими классами во имя общихъ интересовъ, является сословная рознь, вмѣсто внутренняго единства, взаимное соперничество и вражда. При такомъ направленіи, аристократія перестаетъ быть опорою государственнаго порядка; она становится враждебнымъ ему элементомъ. Таковою именно въ значительной степени была средневѣковая аристократія: она дорожила не столько общимъ правомъ, сколько своими частными привилегіями; отсюда борьба королей съ вельможами. Тамъ, гдѣ побѣда осталась за послѣдними, государство или разложилось или пало. Польша служитъ тому живымъ примѣромъ. Тамъ же, гдѣ государственныя требованія взяли верхъ, аристократія покорилась своей участи, отказалась отъ политическихъ правъ, но зато она съ

тѣмъ большимъ упорствомъ стояла за неприкосновенность своихъ сословныхъ преимуществъ. Между тѣмъ, именно эти преимущества, раздѣляя сословія и возбуждая вражду низшихъ, служатъ главнымъ препятствіемъ дружной ихъ дѣятельности, а потому и развитію политической свободы. Какъ скоро аристократія промѣняла политическія права на привилегіи, такъ она перестаетъ уже быть вождемъ народа на пути политическаго развитія. Эта роль выпадаетъ на долю среднихъ классовъ.

Черезъ это однако не уничтожается значеніе аристократическаго начала въ политической жизни. Аристократія можетъ потерять свое первенствующее положеніе; она можетъ даже перестать быть отдѣльнымъ сословіемъ; она все таки не перестаетъ быть однимъ изъ существенныхъ составныхъ элементовъ государства и общества. Матеріальною ея основою служитъ крупная поземельная собственность, которая обладающему ею классу даетъ особенный характеръ и особое назначеніе въ общественномъ строѣ. Въ немъ развивается тотъ охранительный духъ, который, въ соединеніи съ высшимъ образованіемъ и съ независимостью положенія, составляетъ отличительную черту аристократическаго образа мыслей. Тутъ является, съ одной стороны, сознаніе высшихъ законовъ жизни, уваженіе къ историческимъ началамъ, преданность престолу и религіи, съ другой стороны чувство собственнаго достоинства, высоко развитыя понятія о чести, привычка къ возвышенному положенію, ширина и изящество жизни при отсутствіи всякихъ мелочныхъ расчетовъ; однимъ словомъ, тутъ возникаетъ цѣлый нравственный міръ, съ своимъ типическимъ характеромъ, котораго ничто не можетъ замѣнить. Нѣтъ сомнѣнія, что не всегда и не вездѣ эти высокія свойства составляютъ принадлежность крупнаго землевладѣнія. Для этого, кромѣ обладанія имуществомъ, требуется нравственная и умственная работа, которую не всякая аристократія на себя беретъ. Но вѣрно то, что именно въ этой средѣ и при такихъ условіяхъ развиваются эти качества, которыя дѣлаютъ аристократическій элементъ необходимою принадлежностью всякаго просвѣщеннаго общественнаго быта. Еслибы осуществилась мечта соціалистовъ и соціалъ-политиковъ на счетъ національизаціи земли, то государство, а съ нимъ вмѣстѣ и политическая свобода, лишились бы въ крупномъ землевладѣніи одной изъ важнѣйшихъ своихъ опоръ. Ниже это еще яснѣе окажется въ приложеніи.

Но если землевладѣніе составляетъ матеріальную основу аристократіи, то историческая роль поземельной собственности въ промышленномъ развитіи человѣческихъ обществъ сама собою ведетъ къ тому, что этотъ элементъ, сначала первенствующій, впослѣдствіи отодвигается на второй планъ и уступаетъ первенство и иниціативу политическаго движенія все болѣе и болѣе развивающимся среднимъ классамъ. Землевладѣніе только на низшихъ ступеняхъ экономическаго быта составляетъ господствующій элементъ народнаго хозяйства. Высшее развитіе, какъ мы видѣли, основано на умноженіи капитала, а капиталъ находится въ рукахъ среднихъ классовъ. Послѣдніе, поэтому, естественнымъ ходомъ жизни выдвигаются впередъ, и рано или поздно непремѣнно приходятъ къ требованію политическихъ правъ. Промышленная свобода, накопляющееся богатство и развитіе образованія неминуемо къ этому ведутъ. По своему положенію, связывающему низшіе классы съ высшими, по вызываемой въ нихъ промышленною жизнью самодѣятельности, по тѣмъ теоретическимъ требованіямъ, которыя рождаются въ нихъ вслѣдствіе умственнаго труда, средніе классы являются главною опорою конституціоннаго порядка новаго времени. Отъ нихъ исходило конституціонное движеніе, охватившее Европу съ конца прошедшаго столѣтія. Даже въ Англіи, въ силу неотразимаго хода вещей, аристократическій элементъ сталъ отходить на задній планъ, и главными дѣятелями на политическомъ поприщѣ являются средніе классы. Въ настоящее время это яснѣе, нежели когда либо.

Нѣтъ сомнѣнія однако, что средніе классы, въ общемъ итогѣ, обладаютъ меньшимъ политическимъ смысломъ, нежели аристократія. Послѣдняя есть сословіе, по существу своему, государственное, первые же составляютъ состояніе преимущественно промышленное. Между тѣмъ, самый характеръ промышленной дѣятельности, исходящей изъ личной инициативы и требующей полной свободы, дѣлаетъ ихъ менѣе способными понимать истинныя потребности государства, какъ высшаго органическаго союза. Средніе классы слишкомъ склонны предаваться одностороннему и отрицательному либерализму, вести оппозицію, вмѣсто того чтобы поддерживать власть. Какъ же скоро промышленный порядокъ подвергается малѣйшей опасности, такъ они охотно готовы отдать всѣ свои права въ руки неограниченнаго правительства, лишь бы оно доставило имъ возможность спокойно заниматься своими частными дѣлами. Съ другой стороны, отвлеченный

умственный трудъ нерѣдко порождаетъ чисто теоретическое направленіе, которое вредно, а иногда разрушительно дѣйствуетъ на практику. Наконецъ, самая неопредѣленность границъ, отдѣляющихъ средніе классы отъ высшихъ и низшихъ, дѣлаетъ то, что они менѣе всѣхъ обладаютъ внутреннимъ единствомъ. Средніе классы несравненно разсыпчатѣе и подвижнѣе, нежели аристократія, и даже нежели демократія. Для того чтобы побѣдить всѣ эти недостатки и сдѣлать средніе классы способными быть носителями государственныхъ началъ, нужно не только широко разлитое образованіе, но необходима и практическая школа, которая сдѣлала бы государственныя требованія доступными массѣ среднихъ людей. Съ этой стороны, весьма важны отношенія, въ которыхъ средніе классы находятся къ другимъ, какъ высшимъ, такъ и низшимъ.

Самое выгодное условіе то, когда средніе классы проходятъ свою практическую школу подъ руководствомъ аристократіи. Тогда они постепенно проникаются тѣмъ государственнымъ смысломъ, которымъ обладаетъ послѣдняя, и когда они наконецъ, оттѣсняя ее, выдвигаются на первый планъ, то они уже вполнѣ въ состояніи занять ея мѣсто въ общемъ политическомъ движеніи. Таково именно было развитіе политической свободы въ Англіи. И это долговременное шествіе рука объ руку, скрѣпляя союзъ обоихъ классовъ, служитъ самою надежною опорою представительныхъ учрежденій. Вмѣсто взаимной вражды сословій, которая составляетъ главную помѣху политической свободѣ, тутъ укореняется привычка входить въ сдѣлки, дѣлать другъ другу уступки и такимъ образомъ сохранять внутреннее единство, необходимое для государственнаго управленія.

Можно сказать, что вездѣ, гдѣ высшіе и средніе классы, которые составляютъ мыслящую часть общества, призываются къ совокупной дѣятельности, ихъ согласіе служитъ важнѣйшимъ условіемъ успѣха. Счастливъ тотъ народъ, въ которомъ аристократія и горожане подаютъ другъ другу руку для общаго дѣла! Но не всегда это согласіе возможно. Гдѣ исторически выработалась рѣзкая противоположность взглядовъ, понятій, стремленій и чувствъ, тамъ напрасно мечтать о союзѣ. Отсюда безсиліе всѣхъ попытокъ такъ называемаго слiянiя (fusion) во Франціи. Дѣло состоитъ здѣсь не въ примиреніи династій, что не имѣетъ существеннаго значенія, а въ примиреніи стоящихъ за этими династіями высшихъ и среднихъ классовъ, что

несравненно важнѣе. Послѣ крушенія, постигшаго Іюльскую монархію, вожди прежняго большинства поняли необходимость искать опоры въ другихъ общественныхъ классахъ. Наиболѣе охранительные изъ нихъ затѣяли съ этою цѣлью сближеніе съ приверженцами старой законной монархіи. Но предшествующая исторія провела слишкомъ глубокую черту между этими двумя направленіями, и не смотря на внѣшнее примиреніе августѣйшихъ особъ, вся эта попытка ограничилась лишь безплодными интригами небольшаго кружка людей. Огромное большинство среднихъ классовъ обратилось въ иную сторону.

Тамъ, гдѣ исторія положила между высшими и средними классами такую грань, что всякій союзъ оказывается невозможнымъ, послѣднимъ остается либо держаться собственною силою, либо искать опоры въ демократіи. Но исключительное владычество среднихъ классовъ столь же мало способно упрочить свободныя учрежденія, какъ и господство всякаго другаго общественнаго элемента, который захотѣлъ бы обойтись безъ союза съ другими. И тутъ повторяется общій законъ, что политическая свобода можетъ поддерживаться только дружнымъ дѣйствіемъ различныхъ общественныхъ силъ. Пренебреженіе къ этой истинѣ именно и повело къ паденію Іюльской монархіи. Казалось, трудно было найти большее соединеніе талантовъ, какъ то, которое въ то время выставили изъ себя средніе классы, достигшіе политическаго преобладанія во Франціи. А между тѣмъ, все это зданіе рухнуло разомъ. Оказалось, что оно висѣло на воздухѣ. Замкнувшись въ себѣ, средніе классы лишились почвы. И этотъ исходъ неизбѣжно постигнетъ ихъ всякій разъ, какъ они захотятъ дѣйствовать особнякомъ.

Что касается до опоры демократической массы, то невозможно отрицать, что она представляетъ значительныя опасности. Низшіе классы, вообще, менѣе другихъ дорожатъ политическими правами. Занятые болѣе матеріальными, нежели умственными интересами, они довольно равнодушны къ политической свободѣ, и охотно сдаютъ ее въ руки власти, обезпечивающей ихъ матеріальный бытъ. Единоличному управленію они часто болѣе довѣряютъ, нежели высшимъ и среднимъ классамъ, съ которыми разъединяетъ ихъ противоположность богатства и бѣдности. Когда же демократическая масса выступаетъ на сцену съ своими собственными требованіями и интересами, то она является элементомъ разрушительнымъ. Первая

Французская революція представила тому примѣръ. Только долговременный жизненный опытъ и широкое распространеніе въ народѣ пріобрѣтеннаго вѣками умственнаго и матеріальнаго богатства способны ввести демократію въ условія правильной государственной жизни и сдѣлать ее опорою политической свободы. Болѣе всѣхъ она нуждается въ школѣ, а потому, когда средніе классы, сами еще не искушенные въ политической жизни, принуждены искать въ ней поддержки, то государству грозитъ постоянная смѣна революцій и диктатуры. Такова именно была судьба Франціи съ конца прошедшаго столѣтія. Нуженъ былъ почти вѣковой процессъ, чтобы образумить демагоговъ и скрѣпить союзъ демократіи съ средними классами на почвѣ общей политической свободы. Отсюда произошла нынѣшняя мѣщанская республика. Можно предвидѣть, что она продержится на столько, на сколько будетъ проченъ этотъ союзъ. Какъ же скоро демократія, забывши предшествующій опытъ, захочетъ выступить на сцену съ своими исключительными требованіями и стремленіями, такъ политическая свобода снова рушится, и Францію могутъ постигнуть кровавые перевороты, превосходящіе все, что человѣчество видѣло до сихъ поръ. Демократія, какъ и всѣ другіе общественные элементы, подлежитъ общему закону: въ своей исключительности она безсильна, и только въ соединеніи съ другими классами она способна создать прочный государственный порядокъ.

Въ результатѣ мы видимъ, что общественная рознь подрываетъ политическую свободу, и только согласная дѣятельность различныхъ общественныхъ классовъ способна ее поддержать. Что же нужно для установленія этого согласія?

Первое условіе заключается въ водвореніи общей гражданской свободы, или равноправности. Мы указали на то, что сословныя привилегіи, разъединяя общественные классы, составляютъ существенное препятствіе развитію политической свободы. Тоже слѣдуетъ сказать и о крѣпостной зависимости. При средневѣковомъ порядкѣ, могущественная аристократія, опирающаяся на свою кліентелу, могла стоять во главѣ общества; въ новомъ государственномъ строѣ это немыслимо. Какъ скоро приходится вступать въ сдѣлки съ другими сословіями и дѣйствовать совокупными силами во имя свободы, такъ необходимо стать на почву общаго права. Умаленіе, и еще болѣе угнетеніе другихъ классовъ возбуждаютъ вражду;

притѣсненные обращаются къ центру и тамъ ищутъ защиты противъ удручающаго ихъ гнета и неравенства. Въ своей борьбѣ съ аристократіею, абсолютные монархи всегда находили самую сильную поддержку въ среднихъ и низшихъ классахъ. Наоборотъ, англійская аристократія обязана своимъ политическимъ положеніемъ именно тому, что она никогда не замыкалась въ себѣ, не присвоивала себѣ исключительныхъ правъ, не уклонялась отъ равнаго съ другими сословіями несенія общественныхъ тяжестей, и еще въ средніе вѣка дала свободу своимъ крѣпостнымъ. Старшіе сыновья перовъ наслѣдуютъ ихъ званіе, но младшіе совершенно приравниваются къ остальнымъ гражданамъ и сливаются съ массою.

Въ государствахъ съ сословнымъ устройствомъ, водвореніе равноправности знаменуетъ переходъ отъ одной общественной формаціи къ другой. Вмѣсто разъединенныхъ элементовъ, связанныхъ общимъ подчиненіемъ стоящей надъ ними власти, установляется сліяніе ихъ на почвѣ общей гражданской свободы. Необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка рано или поздно является свобода политическая. Для высшаго сословія въ особенности, она одна можетъ замѣнить отмѣненныя привилегіи. Мы видѣли уже, что высшіе классы, которые въ большей или меньшей степени всегда носятъ на себѣ государственный характеръ, непремѣнно стремятся или къ привилегіямъ или къ политическимъ правамъ. Гдѣ нѣтъ ни того, ни другаго, тамъ властвуетъ чистый деспотизмъ, явленіе рѣдкое въ исторіи и обыкновенно переходное. Въ правильномъ государственномъ порядкѣ, съ отмѣною привилегій наступаетъ пора развитія политическихъ правъ, но уже не для одного высшаго сословія, которое потеряло свою замкнутость и сливается съ другими, а для всѣхъ классовъ, обладающихъ достаточною политическою способностью. Общегражданская свобода рождаетъ въ дальнѣйшемъ историческомъ движеніи свободу политическую.

Въ этомъ выражается опять тѣсная связь между государствомъ и гражданскимъ обществомъ. Каждый гражданскій строй имѣетъ соотвѣтствующій ему строй политическій. Сохранить туже самую политическую власть при совершенно измѣнившемся гражданскомъ порядкѣ нѣтъ возможности.

Не вдругъ однако политическая перемѣна слѣдуетъ за преобразованіемъ гражданскимъ. Всякій новый бытъ долженъ упрочиться, для того чтобы принести свои плоды. Общегражданская свобода

требуетъ цѣлой системы учрежденій и гарантій, съ которыми общество должно свыкнуться. Неизбѣжно разыгрывающіяся при всякомъ общественномъ переломѣ страсти должны улечься; измѣнившіяся отношенія должны войти въ нормальную колею. Въ такую пору, въ высшей степени важно имѣть нераздѣльную и неподлежащую колебаніямъ власть, которая, стоя выше всякихъ частныхъ интересовъ и партій, даетъ взволнованному обществу возможность успокоиться подъ ея сѣнью. При такихъ условіяхъ, требованіе политической свободы не можетъ быть признано разумнымъ и своевременнымъ. Исторія показываетъ, что народы, которые вмѣстѣ съ гражданскими преобразованіями, приступали и къ измѣненію политическаго строя, производили только всеобщій хаосъ. Разнузданныя страсти разыгрывались на просторѣ, и государственный порядокъ подвергался полному крушенію. Такова была судьба Франціи во времена Революціи.

Избѣгнуть подобной катастрофы можно только свойственною всѣмъ человѣческимъ дѣламъ постепенностью хода. Послѣ водворенія общей гражданской свободы, естественною ступенью къ новой политической жизни должно быть соединеніе различныхъ общественныхъ классовъ въ общихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь они знакомятся другъ съ другомъ и привыкаютъ дѣйствовать вмѣстѣ. Здѣсь выдѣлываются люди, образуются мѣстныя вліянія, вырабатываются общіе интересы; здѣсь практическія потребности жизни возводятся въ общественное сознаніе. Это—необходимая ступень къ политическому праву, но ступень, которая не можетъ замѣнить послѣдняго. Долговременное и исключительное погруженіе въ мѣстные интересы даетъ и людямъ и самому дѣлу мелочной характеръ. Пока учрежденія еще юны и требуютъ усиленнаго раченія для приведенія ихъ въ дѣйствіе, они въ состояніи воодушевить общество и дать ему толчекъ. Но какъ скоро дѣло вошло въ обычную колею, такъ неизбѣжно наступаетъ пора, когда внѣдряется рутина и начинаютъ господствовать личныя пререканія и дрязги. Чѣмъ ниже общественный уровень, тѣмъ съ большею ясностью выступаютъ эти явленія. Вывести общество изъ этой душной атмосферы могутъ только политическія права. Они самымъ мѣстнымъ учрежденіямъ сообщаютъ новую жизнь и новое значеніе. Мѣстные интересы связываются съ общими и черезъ это получаютъ несравненно бо́льшую ширину. Люди ищутъ мѣстнаго вліянія для поли-

тической дѣятельности; установляется живое взаимнодѣйствіе между центромъ и окружностью. Однимъ словомъ, въ общество вселяется новый духъ, который поднимаетъ его на новую высоту.

По какимъ же признакамъ можно судить, что настала пора сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ?

Такъ какъ способность составляетъ необходимое условіе политическаго права, то надобно прежде всего знать, въ какой мѣрѣ она проявляется въ веденіи мѣстныхъ дѣлъ. Если выборныя учрежденія идутъ успѣшно, и во главѣ ихъ стоятъ люди даровитые, честные и образованные, то можно сказать, что общество созрѣло для политической свободы. Если же, наоборотъ, самоуправленіе движется хромая, если недостаетъ людей и на мѣстахъ, то трудно ожидать успѣха отъ призванія ихъ къ высшей дѣятельности. Государство ничего не выиграетъ, а мѣстныя учрежденія проиграютъ вслѣдствіе отвлеченія къ центру и безъ того уже слабыхъ силъ.

Эти признаки имѣютъ однако лишь относительное значеніе. Чтобы придти къ правильному выводу, надобно сравнить выборныя учрежденія съ правительственными и посмотрѣть, лучше ли ведутся дѣла чисто бюрократическимъ путемъ. Если въ центрѣ оказывается еще большее оскудѣніе, нежели на мѣстахъ, то государству можетъ быть весьма полезно привлеченіе свѣжихъ элементовъ, ближе стоящихъ къ дѣйствительной жизни, нежели столичное чиновничество. Этою выгодою, съ которою связана и потребность политическаго воспитанія общества, можетъ уравновѣшиваться недостатокъ мѣстныхъ силъ. Все, что слѣдуетъ въ этомъ случаѣ сказать, это—то, что при невысокомъ уровнѣ мѣстнаго управленія, политическое право не можетъ быть дано обществу въ широкихъ размѣрахъ. Тутъ необходимо весьма тщательное соблюденіе постепенности.

Важнѣе вопросъ: въ какой мѣрѣ мѣстные дѣятели проникнуты охранительнымъ духомъ и готовы поддерживать государственную власть? Если во всякую пору единство дѣйствія между органами власти и представителями общества составляетъ существенное условіе правильнаго развитія свободныхъ учрежденій, то тѣмъ болѣе это условіе необходимо тамъ, гдѣ эти учрежденія только что водворяются. Правительство, призывающее общество къ содѣйствію, должно быть увѣрено, что оно найдетъ въ немъ помощь, а не оппозицію; иначе въ государствѣ водворится еще большій разладъ, и новыя учрежденія не только не упрочатся, но неизбѣжно наступитъ силь-

нѣйшая реакція. Власть, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, разгонитъ не успѣвшее еще окрѣпнуть представительство, и на мѣсто свободы водворится чистый деспотизмъ. Къ этому именно ведетъ отрицательный либерализмъ: онъ способенъ разрушить, но онъ не въ силахъ ничего создать. Прочный представительный порядокъ создается и утверждается лишь охранительными элементами, которые одни въ состояніи установить требуемое единство власти и представительства. Поэтому, распространеніе въ обществѣ отрицательнаго либерализма служитъ сильнѣйшею помѣхою политической свободѣ, и та печать, которая дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ, оказываетъ плохую услугу защищаемому ею дѣлу.

По той же причинѣ, съ введеніемъ свободныхъ учрежденій несовмѣстны сколько нибудь широкія преобразованія въ гражданской и административной области. Мы видѣли уже, что тамъ, гдѣ общественныя отношенія измѣняются, власть должна оставаться непоколебимою; наоборотъ, гдѣ власть измѣняется, все остальное должно оставаться неприкосновеннымъ. Для того чтобы дружнымъ дѣйствіемъ правительства и общества совершить какое нибудь преобразованіе, надобно, чтобы оба элемента предварительно спѣлись, чтобы между ними установились прочныя отношенія, чтобы они привыкли къ согласному движенію. При введеніи представительнаго порядка, именно на это должны быть устремлены все вниманіе и всѣ усилія государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей. Все остальное должно быть отложено до болѣе благопріятнаго времени, когда центръ прочно усядется на своихъ новыхъ основахъ и въ состояніи будетъ правильно дѣйствовать на окружность.

Многое зависитъ и отъ самой правительственной власти. До сихъ поръ мы говорили о необходимости внутренняго единства общественныхъ элементовъ; но когда рѣчь идетъ о согласномъ дѣйствіи власти и представительства, то задача является обоюдною. Если призываемые къ политическому праву общественные элементы должны поддерживать власть, то и власть, съ своей стороны, должна относиться къ обществу съ довѣріемъ, а не враждебно. Отъ этого въ значительной степени зависитъ успѣхъ свободныхъ учрежденій. Тамъ, гдѣ правительство смотритъ на политическую свободу чисто отрицательно, гдѣ оно видитъ въ ней не поддержку, а единственно ограниченіе своей воли, тамъ очевидно новый порядокъ можетъ водвориться лишь революціоннымъ путемъ, а это имѣетъ неисчи-

слимыя послѣдствія для всего политическаго развитія народа. Тогда наступаетъ тотъ внутренній разладъ, который влечетъ за собою постоянныя смѣны переворотовъ и реакцій, до тѣхъ поръ пока общество снова не обрѣтетъ своего потеряннаго равновѣсія. Такой ходъ былъ почти неизбѣженъ въ ту пору, когда политическая свобода появилась на свѣтъ какъ новое начало, долженствующее разрушить весь старый порядокъ и создать новый міръ. Но пріобрѣтенный человѣчествомъ опытъ учитъ смотрѣть на дѣло иначе. Если, слѣдуя указаніямъ исторіи и логики, мы будемъ видѣть въ политической свободѣ не вредное или разрушительное начало, а естественный и необходимый плодъ народнаго развитія, тогда нѣтъ необходимости дожидаться, чтобы она стала силою, съ которою надобно считаться, или, пожалуй, необузданною стихіею, которой приходится дѣлать уступки. При такомъ взглядѣ на вещи, власть сама можетъ воспитывать народъ къ политической свободѣ, также какъ она воспитываетъ его къ гражданскому порядку, и чѣмъ правительство сильнѣе, тѣмъ легче это сдѣлать. Вопросъ сводится лишь къ тому: достаточно ли зрѣло общество, для того чтобы вступить въ этотъ высшій фазисъ своей государственной жизни?

Этотъ вопросъ рѣшаетъ сама власть, когда она провозглашаетъ начало общей гражданской свободы и сообразно съ этимъ переустроиваетъ весь общественный бытъ. Этимъ самымъ порвана связь съ прошедшимъ, и указана дорога въ будущее. И если разумная политика требуетъ, чтобы новый бытъ упрочился, прежде нежели приняться за дальнѣйшую работу, то каждый истекшій годъ и каждый сдѣланный въ этомъ направленіи шагъ приближаетъ народъ къ свободнымъ учрежденіямъ.

Само правительство, если оно понимаетъ свое положеніе, начинаетъ чувствовать въ этомъ потребность. Свободнымъ обществомъ невозможно управлять также, какъ крѣпостнымъ. Тутъ являются независимые элементы, съ которыми надобно умѣть справляться. Руководство сверху все таки необходимо, и чѣмъ радикальнѣе измѣнились прежнія отношенія, тѣмъ оно нужнѣе. Общество безъ руководства бродитъ наобумъ, а естественный его руководитель есть правительство. Но руководить свободнымъ обществомъ можно только состоя съ нимъ въ живомъ общеніи, а это возможно единственно при свободныхъ учрежденіяхъ. Чисто бюрократическое отношеніе къ обществу ведетъ лишь къ формальнымъ заявленіямъ преданности и

покорности, въ которыхъ одинаково отсутствуютъ и мысль и чувство. Только стоя лицемъ къ лицу съ представителями общества и совокупно съ ними обсуждая государственныя дѣла, правительство можетъ дать имъ направленіе и получить отъ нихъ поддержку. Власть, которая не захочетъ употреблять этого орудія, неизбѣжно упуститъ общественное руководство изъ своихъ рукъ. Оно достанется тѣмъ самозваннымъ писателямъ, которые, обладая бойкимъ перомъ и не пренебрегая никакими средствами, путемъ ежедневнаго повторенія однихъ и тѣхъ же поверхностныхъ сужденій, съумѣютъ овладѣть несозрѣвшимъ еще сознаніемъ публики. Тогда правительство, потерявши старыя орудія и не создавши новыхъ, будетъ тщетно искать магическаго слова, могущаго угомонить вызванныя имъ подземныя силы.

Только въ свободныхъ учрежденіяхъ могутъ вырабатываться и люди, способные управлять свободнымъ народомъ. Здѣсь только политическіе дѣятели научаются обращаться съ независимыми силами и устремлять должное вниманіе на совокупность общественныхъ интересовъ; здѣсь, въ постоянной борьбѣ мнѣній, изощряются всѣ высшія способности человѣка. Бюрократія можетъ дать свѣдущихъ людей и хорошія орудія власти; но въ этой узкой средѣ, гдѣ неизбѣжно господствуютъ формализмъ и рутина, рѣдко развивается истинно государственный смыслъ. Образованные же бюрократы, одаренные болѣе широкимъ взглядомъ, сами обыкновенно бываютъ друзьями свободныхъ учрежденій. Вслѣдствіе этого, въ средѣ своихъ собственныхъ слугъ самодержавное правительство нерѣдко находитъ затаенныхъ враговъ. Что касается до аристократіи, то на почвѣ гражданской свободы она можетъ держаться лишь съ помощью политическихъ правъ. Къ нимъ поэтому неизбѣжно будетъ стремиться всякая аристократія, понимающая свое государственное положеніе. Власть, отмѣнившая привилегіи и не замѣнившая ихъ правами, встрѣтитъ въ ней не поддержку, а противодѣйствіе. Новыя силы и новыя орудія, необходимыя для обновленнаго государственнаго строя, правительство можетъ найти лишь въ глубинѣ общества; а для этого необходимо не только ихъ вызвать, но и воспитать ихъ, ибо государственные люди не создаются по мановенію волшебнаго жезла: имъ нужна среда, въ которой они вырабатываются, а такою средою въ свободномъ обществѣ могутъ быть только свободныя учрежденія.

Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что политическая свобода, поднимая

общественный духъ и разливая въ массѣ сознаніе государственныхъ интересовъ, придаетъ обществу новыя силы и возводитъ народную жизнь на высшую ступень развитія. Власть, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, можетъ дать только то, что въ состояніи дать власть; но она не можетъ дать то, что даетъ свобода. А потому государство, которое хочетъ идти въ уровень съ другими, умѣвшими сочетать оба начала, волею или неволею должно вступить на тотъ же путь. Иначе оно останется побѣжденнымъ въ неравной борьбѣ. Правительство, которое заботится объ истинныхъ интересахъ государства, не можетъ упускать этого изъ виду. Безъ сомнѣнія, пріобщеніе свободы къ власти не всегда полезно для государства. Если между обоими элементами существуетъ разладъ, то вмѣсто возрастающей силы, произойдетъ обратное дѣйствіе. Но задача политической жизни состоитъ именно въ томъ, чтобы эти элементы дѣйствовали согласно, и эта задача, какъ показываетъ опытъ, вовсе не можетъ считаться неразрѣшимою: она зависитъ главнымъ образомъ отъ доброй воли сторонъ, отъ взаимнаго уваженія и отъ взаимныхъ уступокъ.

Во всякомъ случаѣ, къ этой цѣли слѣдуетъ стремиться, ибо она составляетъ высшій цвѣтъ политической жизни и высшій плодъ общественнаго развитія. Политическая свобода не можетъ считаться непремѣннымъ требованіемъ всякаго разумнаго общественнаго быта; она не всегда и не вездѣ примѣнима. Участіе общества въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ возможно лишь подъ условіемъ способности и внутренняго единства, которыя не вездѣ обрѣтаются. Но высшее развитіе общества само собою устраняетъ препятствія и восполняетъ недостатки. Особенно въ наше время, этотъ ходъ необыкновенно ускоряется матеріальными условіями жизни. При желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ, пространства исчезаютъ; люди, прежде разъединенные, сходятся и узнаютъ другъ друга; въ обществѣ установляется живой обмѣнъ мыслей; богатство ростетъ и разливается въ массахъ; образованіе становится болѣе и болѣе доступнымъ всѣмъ; государственные и общественные вопросы обсуждаются на всѣхъ перекресткахъ. Необходимымъ условіемъ и вмѣстѣ естественнымъ плодомъ такого порядка вещей является бо̀льшее и бо̀льшее развитіе свободы, вѣнецъ которой образуетъ свобода политическая. Если на практикѣ требованіе политической свободы не всегда можетъ быть оправдано, то нельзя не признать, что она

составляетъ идеалъ, который непремѣнно ставитъ себѣ всякое развивающееся общество.

Въ какой же формѣ слѣдуетъ представить себѣ этотъ идеалъ? Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ И СОЦІАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ.

Политическій идеалъ есть представленіе о наилучшемъ государственномъ устройствѣ при существующихъ условіяхъ человѣческой жизни.

Такого рода идеалы существуютъ всегда. Они не только витаютъ въ головѣ теоретиковъ, но они составляютъ ближайшую или отдаленную цѣль государственнаго развитія каждой эпохи и каждаго народа. Безъ идеаловъ нѣтъ человѣческаго развитія, нѣтъ движенія впередъ, ибо, когда преслѣдуются даже чисто практическія цѣли, все таки надобно знать, къ чему онѣ ведутъ и къ какому идеальному быту онѣ насъ приближаютъ. Какъ разумное существо, человѣкъ непремѣнно ставитъ себѣ эти вопросы и всегда по своему на нихъ отвѣчаетъ.

Въ чемъ же состоитъ политическій идеалъ, который можетъ поставить себѣ образованный человѣкъ въ наше время?

Разбирая этотъ вопросъ, надобно прежде всего спросить: имѣетъ ли каждый народъ свой особый идеалъ, или есть идеалы общіе всему образованному человѣчеству?

Извѣстно, что теократическая школа, съ де-Местромъ во главѣ, утверждала, будто каждый народъ имѣетъ свой особый, ему именно свойственный политическій строй, котораго зачатки вложены въ него Провидѣніемъ, и который онъ призванъ развивать въ теченіи всей своей исторіи. Въ доказательство ссылались на англійскую конституцію, первоначальные элементы которой можно найти уже во времена переселенія народовъ. На этотъ примѣръ опирались,

чтобы доказать всю тщету заимствованныхъ и сочиненныхъ конституцій, которыя являются, какъ готовая рамка, въ головѣ мыслителя или законодателя, и затѣмъ прилагаются къ вовсе неприготовленной къ нимъ жизни. Если это ученіе вѣрно, то у каждаго народа есть и свой политическій идеалъ, ибо отрѣшиться отъ себя, выйдти изъ своей природы онъ не можетъ. Ему остается только осуществлять то, что вложено въ него съ самаго начала, и что представляется ему высшимъ совершенствомъ человѣческой жизни.

Исторія, однако, обнаруживаетъ несостоятельность этихъ воззрѣній. У весьма немногихъ народовъ можно въ самомъ началѣ ихъ существованія найти зачатки того политическаго быта, который они установляютъ у себя въ свою зрѣлую пору, а гдѣ есть эти зачатки, они до такой степени отличаются отъ позднѣйшаго развитія, что они почти неузнаваемы. Огромное большинство развивающихся народовъ проходитъ черезъ различныя гражданскія состоянія, которымъ соотвѣтствуютъ различные образы правленія. Это мы видимъ и въ древности и въ новое время. Такъ, Римъ, въ теченіи своей исторіи прошелъ черезъ монархію, аристократію, демократію и имперію. А между тѣмъ, Римляне были одинъ изъ тѣхъ народовъ, которые крѣпче всего держались преданій, и которые съ наибольшею осторожностью измѣняли свой гражданскій и политическій строй. Изъ новыхъ же народовъ, если мы возьмемъ Французовъ, которые играли столь видную роль въ исторіи человѣчества, то мы увидимъ, что средневѣковая, аристократическая, раздробленная на мелкія единицы Франція вовсе не похожа на монархію временъ Людовика XIV, и послѣдняя столь же мало похожа на современную демократію, хотя всѣ эти три формы политическаго быта составляютъ принадлежность одного и того же народа, который во всѣхъ этихъ фазахъ своего существованія проявляется съ своимъ особеннымъ духомъ и съ своимъ національнымъ характеромъ.

Столь же существенныя различія можно найти и у другихъ народовъ. Всѣ эти перемѣны опредѣляются главнымъ образомъ историческимъ развитіемъ свободы; а такъ какъ каждому народу не удѣленъ съ самаго начала извѣстный размѣръ свободы, отъ котораго онъ не можетъ отступить, такъ какъ свобода расширяется и съуживается сообразно съ духовнымъ ростомъ народа и съ развивающимися въ немъ потребностями, то очевидно, что народъ не можетъ быть связанъ какимъ бы то ни было образомъ правленія. Политическій

быть, свойственный младенческому состоянію, столь же мало приходится зрѣлому возрасту, какъ одежда мальчика приходится взрослому. И если исторически развившіяся учрежденія, игравшія первенствующую роль въ исторіи народа, всегда имѣютъ право на глубокое уваженіе, если существованіе ихъ составляетъ для народа драгоцѣнный кладъ, отъ котораго онъ не можетъ отрекаться, не отрекаясь отъ части самого себя, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что эти учрежденія не могутъ видоизмѣняться и приспособляться къ новымъ жизненнымъ потребностямъ. Напротивъ, въ этой эластичности заключается главное ихъ достоинство. Руководить обществомъ можетъ только правительство, которое умѣетъ примѣняться къ измѣняющимся условіямъ жизни. Еслибы власть осталась неизмѣнною, когда все вокругъ нея измѣнилось, то она тѣмъ самымъ показала бы себя неспособною идти вслѣдъ за развитіемъ общества и была бы окончательно унесена неудержимымъ потокомъ событій. Такова была старая монархія во Франціи.

Духъ народный шире, нежели всѣ гражданскія и политическія формы. Таковымъ онъ оказывается въ своемъ внутреннемъ развитіи, и еще болѣе таковымъ онъ является въ своей всемірно-исторической роли. Историческіе народы суть носители тѣхъ идей, которыя въ преемственномъ порядкѣ управляютъ судьбами человѣчества. Каждая изъ этихъ идей, въ свой чередъ, находитъ въ нихъ свое отраженіе, и всякій разъ требуетъ новыхъ жизненныхъ формъ. Невозможно утверждать, какъ дѣлала нѣкогда нѣмецкая философія, что каждый народъ, выступающій на историческое поприще, представляетъ собою только одинъ извѣстный моментъ въ развитіи человѣчества. Факты доказываютъ несостоятельность этого взгляда. Если онъ до нѣкоторой степени приложимъ къ древности, то онъ совершенно опровергается исторіею новаго времени. Христіанскіе народы не одинъ за другимъ, а совокупными силами разрѣшаютъ общія задачи человѣчества, и когда новый народъ вступаетъ въ ихъ семью и становится историческимъ дѣятелемъ, онъ необходимо пріобщается къ общимъ воззрѣніямъ и къ идеаламъ, господствующимъ въ современномъ человѣчествѣ, что̀ не мѣшаетъ ему прилагать эти идеалы къ жизни сообразно съ своимъ характеромъ и съ своими мѣстными условіями. Если же онъ свой собственный, выработанный имъ идеалъ вноситъ въ общую жизнь человѣчества, то это можетъ быть лишь такой идеалъ, на которомъ не лежитъ чисто народная печать, а

который имѣетъ общее значеніе для всѣхъ. Народъ, который замкнулся бы въ своихъ собственныхъ понятіяхъ и бытовыхъ условіяхъ, не придавая имъ общаго значенія и не видоизмѣняя ихъ подъ вліяніемъ общей жизни, тѣмъ самымъ пересталъ бы быть историческимъ народомъ. Онъ задохнулся бы въ своей душной атмосферѣ, и вмѣсто развитія, онъ погрузился бы въ застой. Таковы именно племена Востока.

Въ дѣйствительности, всѣ европейскіе народы, не исключая и русскаго, прошли, какъ уже было указано выше, черезъ три послѣдовательныя ступени общественнаго развитія: черезъ періодъ средневѣковыхъ вольностей и частныхъ правъ, черезъ періодъ подчиненнаго самодержавію сословнаго быта, наконецъ, черезъ періодъ общегражданской свободы, которая и есть господствующее въ настоящее время начало. У каждаго народа сочетаніе общественныхъ элементовъ, подъ вліяніемъ владычествующихъ въ данное время идей, принимало своеобразный характеръ; но у всѣхъ въ основаніи проглядываютъ общія черты. Русская исторія представляетъ въ этомъ отношеніи наибольшія мѣстныя особенности; однако и тутъ, при сколько нибудь внимательномъ изученіи, невозможно не видѣть аналогическаго хода. Средневѣковыя вольности служилыхъ людей и городовъ, сословный бытъ, подчиненный самодержавной власти, наконецъ столь недавно насажденная у насъ общегражданская свобода, таковы три начала, которыя послѣдовательно управляютъ движеніемъ русской исторіи. Какъ же скоро общегражданская свобода становится основаніемъ всего общественнаго быта, такъ неизбѣжно идеаломъ государственнаго устройства является свобода политическая. Жизненныя условія и состояніе общества могутъ не допускать осуществленія ея въ данную минуту, но идеаломъ она все таки остается, ибо насажденное въ жизненную почву начало должно дать свои плоды. На практикѣ, свобода можетъ требовать значительныхъ ограниченій, но возведенная въ идеалъ, она представляется во всей своей полнотѣ, а эта полнота заключаетъ въ себѣ и свободу политическую, которая является, какъ необходимый вѣнецъ всего зданія.

Понятно однако, что этотъ идеалъ не одинаково доступенъ высшимъ классамъ и низшимъ. Для идеальнаго представленія общественнаго быта недостаточно одних инстинктовъ; нужно разумное сознаніе. Притомъ, инстинкты руководятся потребностями, а потребность политической свободы не одинакова для различныхъ клас-

совъ общества. Мы видѣли, что политическая свобода требуетъ государственной способности, а эта способность, даже у народовъ, стоящихъ на высокой степени образованія, долго ограничивается одними высшими классами; низшіе пріобрѣтаютъ ее только медленно и постепенно. Вслѣдствіе этого, послѣдніе довольствуются общегражданскою свободою, когда первые стремятся уже къ свободѣ политической. Между общественнымъ сознаніемъ тѣхъ и другихъ происходитъ разрывъ, но разрывъ неизбѣжный, ибо онъ вытекаетъ изъ самаго историческаго развитія народной жизни. Сѣтовать на это безразсудно; укорять же высшіе классы за то, что они отторглись отъ народа и заимствовали чужеземные идеалы, значитъ обвинять ихъ въ томъ, что въ нихъ развивается высшее сознаніе, въ силу котораго они являются носителями общечеловѣческихъ началъ, измѣняющихъ условія народнаго быта. Въ этомъ именно состоитъ настоящее ихъ призваніе и возложенное на нихъ духовное служеніе обществу.

Конечно, когда дѣло идетъ о приложеніи, нельзя не принять во вниманіе требованій, стремленій и инстинктовъ народныхъ массъ. Онѣ составляютъ существеннѣйшій элементъ государственнаго строя, и все, что идетъ имъ наперекоръ, не можетъ имѣть надежды на прочный успѣхъ. Водворяясь въ обществѣ, политическая свобода должна тщательно избѣгать всего, что можетъ оскорбить народное чувство. Всего менѣе позволительно пренебреженіе къ тому, что дорого для массъ. Презрѣніе къ своему и погоня за чужимъ служатъ признакомъ легкомыслія. Всякій, кто изучалъ условія политическаго быта, знаетъ, что самое изящное чужеземное растеніе не пересаживается по произволу въ новую среду: для него нужно приготовить почву; гдѣ ея нѣтъ, растеніе быстро погибнетъ. Но иное дѣло приложеніе, иное — идеалъ. Вполнѣ сознавая всю трудность водворенія политической свободы, образованные классы все таки не могутъ не видѣть въ ней высшей цѣли народнаго развитія, и если они отъ этого идеала отрекаются и довольствуются идеаломъ простонародья, то они отказываются именно отъ того, что ставитъ ихъ выше массъ и что составляетъ истинное ихъ значеніе въ государствѣ: они отказываются отъ умственнаго развитія и отъ высшихъ духовныхъ потребностей человѣчества. Государство живетъ не одними дѣлами рабочихъ рукъ и не одними инстинктами массъ; ему столь же, если не болѣе необходимъ тотъ духовный элементъ, который развивается въ средѣ образованныхъ классовъ, а этотъ элементъ имѣетъ свои идеальныя

требованія, безъ которыхъ онъ всегда остается на низшей ступени развитія. Къ числу этихъ требованій принадлежитъ идеальное представленіе свободы, котораго нельзя отнять у образованныхъ людей, иначе какъ низведя ихъ на степень простонародья. Служа всѣмъ сердцемъ своему отечеству и вполнѣ понимая его особенности и насущныя его потребности, истинный гражданинъ никогда не откидываетъ отъ себя того высшаго сознанія общечеловѣческихъ началъ, которое одно дѣлаетъ образованнаго человѣка вполнѣ человѣкомъ, и котораго присутствіе въ обществѣ даетъ высшую цѣну самой народной жизни.

И такъ, вглядываясь въ исторію, мы должны признать, что все предшествующее развитіе европейскихъ народовъ дѣлаетъ государственное устройство, вмѣщающее въ себѣ политическую свободу, идеаломъ для современнаго человѣка. Но можетъ быть, это идеалъ только временный, соотвѣтствующій извѣстному періоду историческаго развитія? Можетъ быть, будущее готовитъ намъ новыя государственныя формы, изъ которыхъ политическая свобода будетъ исключена? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно обратиться уже не къ исторіи, а къ теоріи государственнаго права. Возможно ли теоретически допустить, чтобы государственное устройство, вмѣщающее въ себѣ политическую свободу, взятое отвлеченно, стояло ниже государственнаго устройства, исключающаго это начало?

Многіе у насъ представляютъ себѣ политическій идеалъ въ такой формѣ, что государствомъ управляетъ единая, нераздѣльная, неограниченная власть, всѣмъ распоряжающаяся по своему усмотрѣнію; общество же ограничивается нравственнымъ вліяніемъ, съ которымъ правительство, имѣющее въ виду благо народа, всегда должно соображаться. Черезъ это избѣгаются всѣ вредныя послѣдствія, проистекающія отъ раздѣленія власти, устраняются борьба и владычество партій, интриги, взаимное недовѣріе, слабость правительства, однимъ словомъ все то, что составляетъ оборотную сторону свободныхъ учрежденій въ конституціонныхъ государствахъ; а между тѣмъ, значеніе общественнаго мнѣнія сохраняется во всей своей силѣ. Ссылаются на то, что самое неограниченное правительство не можетъ нарушить коренныхъ убѣжденій народа, не встрѣтивъ сопротивленія и не подвергая опасности собственное свое существованіе. Съ высшимъ развитіемъ, это вліяніе народной мысли должно сдѣлаться прочнѣе и распространиться на всѣ общественные

интересы. При этомъ считаютъ возможнымъ допустить самую широкую свободу мнѣній, которымъ дается право безпрепятственно выражаться въ печати и инымъ путемъ, лишь бы власть всегда сохраняла за собою право окончательнаго рѣшенія по всѣмъ вопросамъ.

Это воззрѣніе грѣшитъ тѣмъ, что въ немъ и существо государства и взаимное отношеніе его элементовъ понимаются крайне поверхностно. Государство не есть чисто нравственный союзъ, какъ церковь; это союзъ по существу своему юридическій, а потому всѣ установляющіяся въ немъ отношенія тогда только получаютъ силу и прочность, когда они облекаются въ юридическія формы. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ государствѣ нравственный элементъ всегда сохраняетъ существенное свое значеніе; кто пренебрегаетъ имъ, тотъ рискуетъ возбудить всеобщее неудовольствіе. Но постояннымъ дѣятелемъ въ государственной жизни этотъ элементъ становится только тогда, когда онъ соединяется съ элементомъ юридическимъ. Общество, которое ограничивается однимъ нравственнымъ вліяніемъ, отказывается отъ участія въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ.

Противъ этого нельзя ссылаться на то, что власть, посягающая на основы народной жизни, непремѣнно встрѣтитъ сопротивленіе. Конечно, еслибы какое либо правительство вздумало уничтожить народную религію, или повально рубить головы по своей прихоти, то граждане, доведенные до отчаянія, пожалуй, схватились бы даже за оружіе, чтобы положить конецъ невыносимому порядку вещей. Но изъ того, что безумствующая власть можетъ довести подданныхъ до отчаянія, нельзя сдѣлать никакого вывода относительно правильнаго государственнаго порядка и ежедневнаго дѣйствія государственныхъ учрежденій. Въ минуты опасности, народъ готовъ подняться, какъ одинъ человѣкъ; но въ обыкновенномъ теченіи жизни, если общество не имѣетъ своихъ постоянныхъ и законныхъ органовъ, оно остается безсильнымъ.

Нельзя ожидать, чтобы при высшемъ развитіи было иначе. Высшее развитіе ведетъ къ тому, что политическіе вопросы болѣе и болѣе становятся доступны всѣмъ; они обсуждаются во всѣхъ слояхъ общества и изъ этого образуется то, что называютъ общественнымъ мнѣніемъ. Но какъ скоро общественное мнѣніе пріобрѣтаетъ извѣстную силу, такъ оно необходимо требуетъ себѣ исхода. Политическая мысль не то, что философское ученіе, которое ограничивается проповѣдью

убѣжденіемъ. Политическая мысль имѣетъ значеніе существенно практическое; она стремится дѣйствовать на волю. Поэтому, какъ скоро въ обществѣ является политическая мысль, такъ неизбѣжно рождается и стремленіе участвовать въ рѣшеніи дѣлъ. Воображать, что въ какомъ бы то ни было обществѣ мысль и воля могутъ распредѣляться между различными органами, что мысль можетъ принадлежать народу, а воля правительству, значитъ представлять себѣ народный духъ въ какомъ то немыслимомъ раздвоеніи. И въ отдѣльномъ лицѣ и въ цѣломъ обществѣ, мысль и воля тѣсно связаны и постоянно находятся во взаимнодѣйствіи. Въ этомъ состоитъ нормальный порядокъ человѣческой жизни; всякое между ними раздѣленіе есть признакъ слабости и внутренняго разлада. Распредѣлять въ государствѣ мысль и волю по различнымъ органамъ, все равно что разрѣзать народную душу на двѣ половины и сдѣлать изъ государства нравственнаго урода.

Въ приложеніи, это можетъ повести лишь къ извращенію, какъ мысли, такъ и воли. Общественная мысль, не находящая правильнаго исхода въ организованныхъ учрежденіяхъ, превращается въ хаотическое броженіе, среди котораго истинными ея выразителями считаются тѣ, которые кричатъ громче другихъ. Результатомъ является владычество неорганическаго элемента государственной жизни надъ органическимъ. Тамъ, гдѣ есть организованныя учрежденія, которыя вводятъ общественную мысль въ правильную колею, самый неорганическій элементъ получаетъ свое мѣсто и значеніе въ цѣломъ. Здѣсь же онъ долженъ замѣнить собою все, а потому становится на неподобающую ему высоту. А такъ какъ при такомъ порядкѣ у представителей общественнаго мнѣнія нѣтъ настоящаго дѣла, и отвѣтственности они не несутъ никакой, вслѣдствіе чего имъ не нужно ни сдержанности, ни дисциплины, такъ какъ все ограничивается случайнымъ выраженіемъ личныхъ мнѣній, то понятно, что изъ такого общественнаго быта ничего не можетъ выйдти, кромѣ полнѣйшаго хаоса. Съ своей стороны, правительство, принужденное соображаться съ этими бродячими стихіями, и не находя въ нихъ точки опоры, будетъ также бродить на обумъ, представляя непривлекательное зрѣлище государственныхъ людей, выплясывающихъ либеральную или консервативную пляску передъ самыми популярными или бойкими журналистами. Когда подумаешь, что серіозные люди могутъ, не шутя, признавать высшимъ поли-

тическимъ идеаломъ неограниченную власть, смягченную необузданною журналистикою, то въ этомъ можно видѣть только признакъ совершенно младенческаго состоянія политической мысли.

Столь же мало можетъ служить замѣною политическаго права какое бы то ни было расширеніе мѣстнаго самоуправленія. Если мѣстныя учрежденія должны получить политическій характеръ, то это поведетъ къ раздробленію государства. Даже въ свободныхъ странахъ имъ запрещается выражать мнѣнія по политическимъ дѣламъ, ибо это искажаетъ истинное ихъ значеніе и вноситъ политическую агитацію туда, гдѣ ея не должно быть. Всякій политическій интересъ есть общій всему государству, а потому, какъ скоро допускается его обсужденіе общественными органами, такъ слѣдуетъ требовать, чтобы это обсужденіе происходило въ центрѣ. Если же мѣстное самоуправленіе, въ нормальномъ порядкѣ, должно ограничиваться административною областью, то именно при самодержавномъ правленіи всего менѣе можно допустить значительное его расширеніе. Мы уже видѣли, что это можно сдѣлать только на счетъ правительственной власти, а въ самодержавіи требуется прежде всего сильная правительственная власть, которая составляетъ существенную принадлежность этого образа правленія. Невозможно лишать его мѣстныхъ орудій, не исказивши самаго его характера. Поддерживать неограниченную силу власти въ центрѣ и ослаблять ее на мѣстахъ, значитъ задаваться двумя противорѣчащими другъ другу цѣлями. Это все равно, что еслибы мы въ животномъ организмѣ стали безмѣрно развивать голову и сокращать руки и ноги. Власть нужна за тѣмъ, чтобы дѣйствовать, а не за тѣмъ чтобы бездѣйствовать.

Вообще, всѣ эти старанія замѣнить міровое развитіе мысли и опытъ вѣковъ чѣмъ нибудь новымъ и небывалымъ, ничто иное какъ праздныя фантазіи. Можно въ своемъ кабинетѣ сочинять какіе угодно проекты, будто бы принаровленные къ народному духу; дѣйствительная жизнь, равно какъ и здравая теорія, не придадутъ этимъ измышленіямъ ни малѣйшей цѣны. И теорія и опытъ равно говорятъ, что если для извѣстнаго общества требуется самодержавная власть, то нечего толковать о широкомъ развитіи свободы. Самодержавная власть, которая дала бы значительный просторъ свободѣ, не вводя ее въ организованныя учрежденія, тѣми самыми вызвала бы въ обществѣ полнѣйшій хаосъ, подорвала бы собственныя свои основы

и въ концѣ концовъ, для того чтобы дать правильный исходъ возбужденному ею волненію, принуждена была бы даровать народу политическія права. Оставаться при такомъ порядкѣ нѣтъ возможности.

Теорія и опытъ говорятъ намъ также, что если народу нужно самодержавіе, то рядомъ съ этимъ необходимъ общественный бытъ, основанный на сословныхъ привилегіяхъ. Мы видѣли уже, что послѣднія служатъ единственною возможною замѣною политическаго права. Только историческія привилегіи крѣпкаго и связаннаго внутри себя аристократическаго сословія могутъ, при неограниченномъ правленіи, сдерживать произволъ бюрократіи и доставлять нѣкоторое огражденіе свободѣ. А съ другой стороны, онѣ же служатъ поддержкою власти, которая въ привилегированномъ сословіи всегда видитъ первую опору престола и самаго вѣрнаго защитника государственныхъ интересовъ противъ всякихъ бродячихъ стихій, легко находящихъ доступъ въ чиновничью среду. Изъ исторіи мы знаемъ, что прочное самодержавіе никогда иначе и не существовало, какъ при сословномъ порядкѣ. Неограниченная же власть, при общемъ гражданскомъ равенствѣ, есть демократическій цезаризмъ, правленіе, которое исторически вызывалось иногда временными потребностями общества, расшатаннаго внутренними переворотами, но которое никогда никакого прочнаго порядка вещей создать не могло. Всемогущая власть на верху и подъ нею безразличная и безправная масса, это—такой общественный бытъ, при которомъ немыслимы ни твердый порядокъ, ни правильное развитіе учрежденій, ни какія бы то ни было гарантіи свободы. Всего болѣе здѣсь приносятся въ жертву интересы высшихъ, образованныхъ классовъ, то есть, именно тѣхъ, которые даютъ государству и мысль, и волю и орудія. Они раздавлены между деспотизмомъ сверху и демократіею снизу. Когда демократическій цезаризмъ появлялся на политическомъ поприщѣ, онъ всегда былъ орудіемъ массъ противъ высшихъ классовъ. Но такъ какъ подобное орудіе можетъ быть только временною потребностью, то онъ исчезалъ при болѣе спокойномъ состояніи общества, если не падалъ отъ собственной неустойчивости.

Вслѣдствіе этого, диктаторы, мечтавшіе объ основаніи прочныхъ династій, всегда старались окружить себя аристократическими элементами. Величайшій представитель демократическаго цезаризма но-

ваго времени, Наполеонъ I-й, доказывая необходимость аристократіи, говорилъ, что для управленія государствомъ нужно имѣть двоякую точку опоры, также какъ кораблю необходимы парусъ и кормило; если же правительство имѣетъ только одну, то оно или опрокидывается или несется по волѣ волнъ. Но аристократіи нельзя создать по произволу; ее создаетъ исторія. Если же предшествующая исторія народа привела къ такому общественному строю, въ которомъ существуютъ только двѣ силы, всемогущая власть и народная масса, то изъ подобнаго порядка вещей надобно какъ можно скорѣе искать исхода, ибо онъ не только не обезпечиваетъ будущаго, но не даетъ даже возможности разумнымъ образомъ жить въ настоящемъ. Единственный же изъ него исходъ заключается въ политической свободѣ. Равенство, неумѣстное при самодержавіи, при свободѣ получаетъ настоящее свое значеніе.

И такъ, съ какой бы стороны мы ни разсматривали вопросъ, всегда идеаломъ представляется намъ такое государственное устройство, которое вмѣщаетъ въ себѣ политическую свободу. Спрашивается: какую же роль должно играть въ государствѣ это начало? Должно ли оно служить основаніемъ всего политическаго быта или должно оно входить въ него, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ, сочетаясь съ другими коренными началами государственной жизни? Въ первомъ случаѣ идеаломъ будетъ демократическая республика, во второмъ ограниченная монархія. Который же изъ этихъ двухъ образовъ правленія въ теоріи заслуживаетъ предпочтеніе?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что если говорить объ идеалѣ, то нельзя признать инаго, кромѣ демократической республики. Здѣсь только вполнѣ осуществляются начала свободы и равенства, которыя представляются плодомъ высшаго политическаго развитія; здѣсь всѣ граждане, какъ члены государства, участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ и интересы всѣхъ равно защищены; здѣсь самая власть не имѣетъ инаго источника, кромѣ народной воли, а потому никогда не можетъ служить преградою требованіямъ послѣдней; общее благо никогда не подчиняется частному. Если установленію демократической республики мѣшаетъ политическая неспособность массъ, то эта неспособность исчезаетъ съ успѣхами просвѣщенія. Мы должны ожидать, что съ совершенствованіемъ человѣчества достатокъ и образованіе все болѣе и болѣе будутъ распространяться въ массахъ; а потому, чѣмъ выше будетъ

общій уровень, тѣмъ болѣе народная воля будетъ разумна и справедлива, слѣдовательно, тѣмъ менѣе она будетъ нуждаться въ какихъ либо сдержкахъ и преградахъ. Съ этой точки зрѣнія, демократическая республика представляется окончательною формою, къ которой, рано или поздно, должны придти всѣ развивающіеся народы.

Въ этомъ взглядѣ есть извѣстная доля истины, но еще большая доля односторонности. Нѣтъ сомнѣнія, что съ совершенствованіемъ жизни и съ распространеніемъ достатка и образованія, политическая способность массъ должна увеличиваться. При такихъ условіяхъ, демократическая республика, немыслимая прежде въ большомъ государствѣ, становится приложимою. Она можетъ даже играть значительную историческую роль; ею могутъ воодушевляться благородныя души, для которыхъ свобода и равенство представляются высшими началами политической жизни. Но возвести ее въ идеалъ все таки нельзя иначе, какъ упустивши изъ виду самыя существенныя стороны человѣческаго общежитія.

Человѣческія общества составляются не изъ отвлеченныхъ единицъ, равныхъ между собою. Эти единицы имѣютъ различное содержаніе и различные интересы, которые соединяютъ ихъ въ отдѣльныя группы и даютъ имъ различное значеніе въ общемъ государственномъ организмѣ. Какое бы мы ни представили себѣ высокое развитіе человѣчества, непремѣнное его условіе заключается въ свободѣ; а свобода, какъ мы видѣли, неизбѣжно ведетъ къ неравенству, какъ имущества, такъ и образованія. Отсюда различіе классовъ и противоположность интересовъ. Мы видѣли и назначеніе различныхъ классовъ въ общей жизни человѣчества. Есть классы, посвящающіе себя физическому труду, и классы, преданные труду умственному, одни представляющіе количественный, другіе качественный элементъ человѣческихъ обществъ, оба равно необходимые и восполняющіе другъ друга. Если же эти два элемента существуютъ въ обществѣ и не могутъ быть уничтожены, то имъ необходимо предоставить различное положеніе въ политическомъ строѣ. Уравнять ихъ, подвести ихъ подъ одну мѣрку, взявши за основаніе количество народонаселенія, значитъ пожертвовать качествомъ количеству. Это и дѣлаетъ демократическая республика: она всѣмъ даетъ одинакія права, причемъ меньшинство безусловно подчиняется большинству. Черезъ это, начало способности, составляющее первое требованіе государственнаго порядка, устраняется совершен-

но, и низшіе классы становятся владыками высшихъ. Каково бы ни было практическое приложеніе этихъ началъ, нельзя не признать, что такое устройство, по самой своей идеѣ, составляетъ извращеніе истиннаго отношенія государственныхъ элементовъ. Въ государствѣ, какъ и во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ, высшее должно владычествовать надъ низшимъ, а не наоборотъ: таково необходимое условіе правильнаго и успѣшнаго развитія человѣческихъ обществъ.

Противъ этого нельзя возразить, что въ представительномъ устройствѣ низшимъ классамъ предоставляется не рѣшать самимъ дѣла, а только выбирать людей, на что они гораздо болѣе способны, нежели на первое. Въ дѣйствительности, они выбираютъ людей не по ихъ внутреннимъ качествамъ, а сообразно съ тѣми мнѣніями, которыхъ держатся избираемые; слѣдовательно, избиратели должны быть судьями мнѣній, а въ демократіи всегда перевѣсъ будетъ имѣть то мнѣніе, которое нисходитъ до пониманія толпы или говоритъ ея страстямъ. Если въ великія минуты народной жизни пробуждающіеся инстинкты массъ иногда вѣрнѣе указываютъ путь, нежели одностороннія увлеченія высшихъ классовъ, то объ обыкновенномъ теченіи государственныхъ дѣлъ этого никакъ нельзя сказать. Тутъ требуется не инстинктъ, а разумное изслѣдованіе и обсужденіе вопросовъ, а именно къ этому масса совершенно неспособна.

Нельзя ссылаться и на то, что высшіе классы, для того чтобы сохранить свой вѣсъ и свое положеніе, должны дѣйствовать путемъ убѣжденія. Способность убѣждаться разумными доводами составляетъ рѣдкій даръ природы, требующій высокаго развитія ума и характера. Обыкновенно же люди убѣждаются тѣмъ, чѣмъ они хотятъ убѣдиться, то есть тѣмъ, что льститъ ихъ наклонностямъ или ихъ интересамъ. Путь убѣжденія во всякомъ свободномъ общественномъ порядкѣ играетъ нѣкоторую роль въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ, но не онъ рѣшаетъ дѣло. Существенное значеніе имѣетъ тутъ не возможность убѣждать, а право произносить окончательный приговоръ. Поэтому, все политическое устройство сводится къ вопросу: кому присвоивается верховная власть, которой принадлежитъ окончательное рѣшеніе? А такъ какъ въ демократіи власть, по самому принципу, принадлежитъ наименѣе образованной части общества, то ни при какомъ общественномъ развитіи этотъ образъ правленія не можетъ считаться политическимъ идеаломъ.

Это не мѣшаетъ демократіи занимать видное мѣсто въ ряду политическихъ учрежденій. Въ историческомъ развитіи человѣческихъ обществъ, и особенно въ практическомъ приложеніи, важную роль играютъ не одни идеальные порядки, но также, и даже еще болѣе, одностороннія начала, которыя приходятся къ данному времени и мѣсту. Есть народы, которые, какъ бы по самой своей природѣ, предназначены къ демократическому устройству. Мы указывали уже на Соединенные Штаты. Гдѣ исторія не выработала аристократическаго элемента, а средніе классы сливаются съ массою, гдѣ довольство и образованіе распространены во всѣхъ слояхъ, а съ другой стороны государство ограничивается весьма тѣсными предѣлами и все, по возможности, предоставляется личной самодѣятельности, тамъ демократія составляетъ единственный возможный образъ правленія. Однако и тутъ владычество наименѣе образованной части населенія отзывается въ одностороннемъ развитіи всего общественнаго быта. Вслѣдствіе этого, высшіе классы большею частью удаляются отъ политическаго поприща, и на мѣсто ихъ выступаетъ особенный классъ беззастѣнчивыхъ афферистовъ, которыхъ вся задача состоитъ въ томъ, чтобы обработывать толпу. Уровень политической мысли, и еще болѣе политической нравственности, значительно понижается. Вообще, демократія представляетъ собою, по преимуществу, господство посредственности, положеніе, которое съ такимъ блескомъ было доказано Токвилемъ. Конечно, при энергическомъ и предпріимчивомъ характерѣ народа, такого рода общественный бытъ можетъ имѣть свои хорошія стороны; но онъ никакъ не можетъ быть предметомъ удивленія и подражанія.

Есть и такіе народы, которыхъ не собственная ихъ природа, а исторія неотразимымъ ходомъ привела къ демократіи. Такова Франція. Когда аристократическій элементъ, привязанный къ отжившему порядку, оказывается неспособнымъ вступить на новую почву; когда и средніе классы, въ свою очередь, пытавшись основать государственный строй на исключительномъ своемъ господствѣ, обнаружили свою несостоятельность; когда наконецъ и демократическая диктатура пала подъ бременемъ собственныхъ ошибокъ, тогда народу не остается ничего болѣе, какъ взять правленіе въ свои руки. Всѣ другіе элементы износились; сохранилась неприкосновенною одна масса, которой естественно достается власть. Эта необходимость была понята тѣмъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, который не во имя убѣж-

деній, а во имя практической потребности, сдѣлался основателемъ нынѣшней республики во Франціи. Но провозглашая торжество демократіи, онъ хорошо понималъ и тѣ единственныя условія, при которыхъ она возможна. «Республика будетъ охранительною или ея вовсе не будетъ», сказалъ онъ, завѣщая слѣдующимъ за нимъ поколѣніямъ плоды своей многолѣтней опытности.

И точно, республика возможна лишь тамъ, гдѣ демократія обладаетъ высокою степенью сдержанности и самоограниченія. И тутъ повторяется общій законъ, что политическая свобода держится только при внутреннемъ единствѣ общества. Въ демократіи это внутреннее единство требуется даже въ большей мѣрѣ, нежели гдѣ либо, ибо политическая свобода составляетъ здѣсь начало и конецъ всего государственнаго строя. Поэтому республика возможна лишь тамъ, гдѣ низшіе классы, которые являются въ ней владычествующими, не отдѣляются отъ другихъ, не выступаютъ съ своими особенными интересами, а дѣйствуютъ за одно съ высшими. Республика должна быть достаточно широка, чтобы меньшинству предоставленъ былъ въ ней полный просторъ. А это возможно только на почвѣ свободы. Мало того: республиканское государство, также какъ и всѣ другія, не можетъ обойтись безъ способности; способность же принадлежитъ не количеству, а качеству. А такъ какъ юридически качество подчиняется здѣсь количеству, то послѣднее должно добровольно признать надъ собою чужое руководство; иначе государство опять таки не можетъ держаться. Руководство со стороны аристократическаго элемента здѣсь не мыслимо: аристократія слишкомъ противоположна демократіи, и преобладаніе ея повело бы къ совершенно иному государственному строю, нежели республика. Но предводительство среднихъ классовъ весьма возможно. Послѣдніе ближе стоятъ къ демократіи; они совершенно сливаются съ нею низшими своими слоями, а потому являются естественными ея вожатаями. Демократія, которая признаетъ надъ собою это руководство, имѣетъ въ себѣ залогъ прочности. Свобода для высшихъ классовъ и предводительство среднихъ, таковы необходимыя условія всякой демократіи, способной къ государственной жизни. Это и есть та либеральная и мѣщанская республика, которая водворилась во Франціи подъ предсѣдательствомъ Тьера, и которая одна имѣетъ въ себѣ условія существованія. Всякое отступленіе отъ этихъ началъ, всякое посягательство на свободу, всякое уничтоженіе сдержекъ,

умаляетъ эти условія, а потому ведетъ къ паденію республики. Власти, достигшія неоспоримаго преобладанія, обыкновенно воображаютъ, что онѣ усиливаютъ себя тѣмъ, что уничтожаютъ передъ собою всякія преграды; но именно этимъ онѣ себя подрываютъ.

Еслибы, вмѣсто либеральной и мѣщанской республики, провозглашена была республика демократическая, а тѣмъ паче соціальная, то это было бы сигналомъ паденія. Демократическая республика означаетъ, что низшіе классы хотятъ выступить на сцену сами по себѣ, съ своими особенными интересами; соціальная республика означаетъ, что они хотятъ употребить принадлежащую имъ государственную власть для того, чтобы обратить богатство высшихъ классовъ въ свою пользу. Результатомъ подобной политики можетъ быть только внутреннее раздѣленіе общества. И высшіе и средніе классы неизбѣжно сдѣлаются врагами такого порядка вещей, который грозитъ самымъ существеннымъ ихъ интересамъ; они будутъ противодѣйствовать ему всѣми силами. И чѣмъ болѣе въ обществѣ разлиты богатство и образованіе, тѣмъ болѣе сторонниковъ будутъ имѣть враги республики. Но какъ скоро на одной сторонѣ является духовный элементъ, а на другой только матеріальная сила, то исходъ не можетъ быть сомнителенъ. Побѣда количества надъ качествомъ можетъ повести лишь къ временнымъ судорогамъ; прочнаго порядка изъ этого выйдти не можетъ. Сила вещей возьметъ свое, и неумолимый историческій законъ возстановитъ тѣ правильныя отношенія общественныхъ элементовъ, которыя никогда не должны были нарушаться; но онъ возстановитъ ихъ въ ущербъ нарушителямъ, которые, показавши свою неспособность пользоваться властью, должны будутъ потерять свое преобладаніе.

Трудно однако ожидать, чтобы въ государствѣ, гдѣ власть имѣетъ такую силу, какъ во Франціи, самообладаніе массъ могло долго держаться, и не явилось бы въ нихъ поползновеніе извлечь изъ нея всевозможныя выгоды. Суровые уроки исторіи заставили французскую демократію быть сдержанною; но нѣтъ большаго искушенія, какъ обладаніе неограниченною властью. Нужны крѣпкія преданія и высокое нравственное развитіе, чтобы противостоять этому соблазну; ни тѣмъ, ни другимъ современныя массы не отличаются. Немудрено, что униженная демократія сдерживаетъ свои порывы; надобно знать, что съ нею станется, если она сдѣлается торжествующею во внѣ, также, какъ она сдѣлалась господствую-

щею внутри. Свойства парижскаго населенія немного обѣщаютъ для будущаго. Появленіе демократіи на политическомъ поприщѣ безспорно имѣетъ глубокое историческое значеніе: демократія можетъ оказать значительныя услуги человѣчеству, разрушая отжившіе порядки, поддерживая человѣческія права, поднимая низшіе классы; но противоестественный порядокъ вещей, подчиняющій высшее низшему, непремѣнно возьметъ свое и проявится въ общественныхъ потрясеніяхъ, которыя поведутъ къ возстановленію нормальнаго политическаго быта.

Можно думать, что современное преобладаніе демократическихъ стремленій въ европейскихъ обществахъ вообще составляетъ временное историческое явленіе. Оно обозначаетъ постепенное поднятіе низшихъ классовъ, прежде обдѣленныхъ; въ этомъ состоитъ законное его значеніе въ исторіи. Но человѣческое развитіе обыкновенно идетъ отъ одной крайности къ другой. Развиваясь, одностороннее начало доходитъ наконецъ до той точки, когда оно изъ отрицаемаго дѣлается отрицающимъ. То, что было въ низу, оказывается на верху. А такъ какъ это положеніе еще болѣе неестественно, нежели первое, то вскорѣ обнаруживается его несостоятельность, и тогда начинается обратный ходъ, который вводитъ наконецъ данное начало въ надлежащую колею. Можно предвидѣть, что именно это и будетъ съ демократіею. Въ настоящее время, она многимъ представляется идеаломъ; исторія низведетъ ее съ этого подножія и поставитъ ее на то мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву: изъ идеала она сдѣлается однимъ изъ существенныхъ, хотя не первенствующихъ элементовъ политическаго порядка.

Въ нормальномъ государственномъ устройствѣ, количество не можетъ властвовать надъ качествомъ. Послѣднее должно имѣть свое собственное мѣсто и значеніе въ цѣломъ. Голоса, по извѣстному выраженію, должны не только считаться, но и взвѣшиваться. Какъ же это устроить?

Исторія представляетъ примѣры республикъ, въ которыхъ аристократическій элементъ и демократическій имѣли каждый свои особые органы и соединялись въ общихъ учрежденіяхъ. Самымъ знаменитымъ и типическимъ образцомъ подобнаго устройства былъ Римъ. Но исторія же показываетъ, что тамъ, гдѣ рядомъ существуютъ два элемента, безъ всякаго посредствующаго между ними звена, неизбѣжно происходитъ между ними постоянная борьба. Эта борьба не мѣшала Риму крѣпнуть, развиваться и наконецъ поко-

рить вселенную. Но мы знаемъ, при какихъ политическихъ условіяхъ это могло совершиться. Во главѣ правленія долго стояла могущественная аристократія, привязанная къ законному порядку и одаренная необыкновеннымъ политическимъ смысломъ. Демократія только медленно и постепенно пріобрѣтала себѣ права, и въ этой школѣ сама проникалась политическимъ духомъ. И не смотря на то, какъ скоро главный центръ государственной жизни отъ аристократіи перешелъ къ демократіи, дѣло приняло совершенно иной оборотъ. Возбужденъ былъ аграрный вопросъ; вмѣсто закономѣрнаго хода явились революціонныя движенія, и республика пала среди кровавыхъ распрей.

Тамъ, гдѣ два противоположныхъ элемента должны дѣйствовать согласно, необходимъ между ними третій, посредствующій, который бы разрѣшалъ споры и смягчалъ столкновенія. Посредникомъ между противоположными элементами, на которые раздѣляется общество, можетъ быть только стоящая надъ ними единая государственная власть, которая, имѣя въ виду общую цѣль, взвѣшиваетъ противоборствующіе интересы, сдерживаетъ неумѣренныя стремленія и даетъ каждому подобающее ему мѣсто въ общемъ организмѣ. Но для того чтобы играть эту роль, власть должна быть независима отъ общественныхъ стихій. Каждая изъ послѣднихъ стремится къ преобладанію и хочетъ обратить государственную дѣятельность на свою пользу; сдержать эти стремленія и ввести ихъ въ должныя границы можетъ только власть, стоящая надъ ними. А такъ какъ эта власть, по существу своему, должна быть едина, то она воплощается въ лицѣ монарха, царствующаго по собственному праву, а не по выбору той или другой части общества, чтó повело бы только къ большему владычеству одного класса надъ другимъ.

Отсюда всемірное значеніе монархическаго начала въ государственномъ бытѣ. Общество, по своей природѣ, раздѣляется на противоположные элементы; свобода, какъ мы видѣли, не уменьшаетъ а увеличиваетъ разнообразіе жизни. Монархъ же представляетъ непоколебимый центръ, охраняющій интересы не той или другой только части, а всего государства, которое въ немъ сознаетъ себя, какъ единое тѣло. Власть составляетъ первое и основное начало государственнаго устройства; къ ней примыкаютъ уже всѣ остальныя. Поэтому монархія въ исторіи была зачинательницею всего государственнаго развитія. Въ теченіи многихъ вѣковъ

она господствовала одна, и только мало по малу къ ней пріобщались другіе элементы, по мѣрѣ того какъ они, въ свою очередь, оказывались способными поддерживать необходимое въ государствѣ единство. Когда же эти элементы изъ подчиненныхъ становились владычествующими, и вступая дуугъ съ другомъ въ борьбу, доводили государство до полнаго разстройства, то монархія воздвигалась опять, какъ спасительница погибающаго общества, и снова занимала первенствующее мѣсто въ государственномъ организмѣ.

Таково политическое значеніе монархіи. Отсюда то глубокое уваженіе, которое питали и питаютъ къ ней народы. Они видятъ въ монархѣ представителя высшаго порядка и единой общественной цѣли, безпристрастнаго судью, возвышающагося надъ частными интересами; онъ является для нихъ высшимъ символомъ отечества. Отсюда и тотъ религіозный характеръ, который получаетъ царская власть въ глазахъ церкви и общества, которыя въ живомъ своемъ чувствѣ связываютъ всѣ высшія начала жизни съ верховнымъ источникомъ всякой жизни. Отсюда наконецъ уваженіе къ монархическому началу всѣхъ тѣхъ мыслителей, которые глубже понимаютъ задачи государства. Только легкомысліе можетъ относиться къ нему съ пренебреженіемъ.

Власть составляетъ однакоже только первую, но не единственную потребность государства. Сильная власть всегда необходима; полезно, чтобы она имѣла свой особый органъ, не подверженный колебаніямъ; но высшее общественное развитіе требуетъ, чтобы она удѣляла возлѣ себя мѣсто и свободѣ. Вслѣдствіе этого, къ монархическому началу присоединяется элементъ народный, выражающійся въ представительствѣ. И тутъ невозможно допустить совмѣстное существованіе двухъ противоположныхъ силъ, безъ всякой между ними связи. Нужно посредствующее звено; гдѣ же его найти? Оно дается самимъ общественнымъ бытомъ, который, какъ мы видѣли, раздѣляется на противоположные элементы, аристократическій и демократическій. Если монархъ является посредникомъ между аристократіею и демократіею, то съ своей стороны, аристократія является посредникомъ между монархомъ и демократіею. Отсюда образъ правленія, смѣшанный изъ трехъ. Въ немъ монархъ представляетъ преимущественно начало власти, аристократія—начало закона и порядка, демократія—начало свободы. Если идеаломъ государственнаго быта должно считаться такое устройство, въ которомъ всѣ полити-

ческіе и общественные элементы призываются къ совокупной дѣятельности для общей цѣли, то онъ осуществляется именно въ этой формѣ. Нельзя выбросить ни одного изъ нихъ, безъ того чтобы не оказался гдѣ нибудь недостатокъ, и все устройство не приняло бы односторонняго характера.

Это идеальное значеніе смѣшаннаго правленія было понято уже въ древности. Платонъ въ своихъ Законахъ говоритъ, что наилучшимъ въ приложеніи къ настоящей человѣческой жизни правленіемъ должно считаться смѣшанное изъ монархическаго и демократическаго. Полибій и Цицеронъ, какъ уже и прежде нихъ нѣкоторые Пиѳагорейцы, прямо выставляли политическимъ идеаломъ смѣшеніе трехъ чистыхъ формъ, указывая на то, что здѣсь избѣгаются недостатки присущіе каждой, и отдѣльные элементы, воздерживая другъ друга, совокупными силами достигаютъ общей цѣли. Но только въ новое время это ученіе получило полное свое развитіе и практическое приложеніе въ государственной жизни. Только у новыхъ народовъ монархическое начало выработалось въ высшемъ своемъ значеніи, не какъ замѣна свободы, а какъ совмѣстное съ свободою. Здѣсь только выработалось и представительство, которое заступило мѣсто господствовавшаго у древнихъ непосредственнаго участія народа въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Теоретическое развитіе этого ученія принадлежитъ Французамъ, прежде всего Монтескьё; практическій же образецъ смѣшаннаго правленія въ полномъ своемъ видѣ представила Англія, гдѣ изъ взаимнодѣйствія различныхъ общественныхъ элементовъ само собою вытекло то политическое устройство, которое всего болѣе соотвѣтствуетъ теоретическому идеалу. Отсюда то удивленіе, которое съ половины прошедшаго столѣтія возбуждала англійская конституція на европейскомъ материкѣ. Это удивленіе нерѣдко вело къ легкомысленному подражанію и къ перенесенію англійскихъ учрежденій на совершенно неприготовленную къ нимъ почву, гдѣ будучи лишены корней, они не могли держаться; но оно имѣетъ свое основаніе въ идеальныхъ требованіяхъ политической жизни.

Существо этого образа правленія состоитъ въ томъ, что здѣсь верховная власть ввѣряется королю и парламенту, состоящему изъ двухъ палатъ, верхней и нижней.

Король является наслѣдственнымъ главою государства. Въ немъ соединяются всѣ отрасли власти. Онъ утверждаетъ законы, которые

безъ его согласія не имѣютъ силы. Онъ назначаетъ и смѣняетъ министровъ. Онъ же назначаетъ судей, и отъ его имени отправляется правосудіе. Король есть лице безотвѣтственное; отвѣтственность же за всѣ дѣйствія управленія принимаютъ на себя министры, которые поэтому должны скрѣплять своею подписью всякій правительственный актъ.

Въ рукахъ министерства находится правительственная власть. Палатамъ же предоставляется законодательная дѣятельность, разсмотрѣніе бюджета и контроль надъ управленіемъ. Изъ нихъ, верхняя палата представляетъ собою аристократическое начало. Всего болѣе она носитъ на себѣ этотъ характеръ, когда она состоитъ изъ наслѣдственныхъ членовъ, какъ въ Англіи, что даетъ ей, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе независимое политическое положеніе. Но наслѣдственная аристократія создается исторіею; тамъ, гдѣ она потеряла свой вѣсъ и свое значеніе, ее нельзя ни искусственно возстановить, ни еще менѣе создать. Тогда остается составить верхнюю палату изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ королемъ, какъ было во Франціи во времена Іюльской монархіи, или сдѣлать ее выборною, какъ въ Бельгіи, хотя выборное начало, по существу своему, болѣе свойственно демократіи. Наконецъ, верхняя палата можетъ имѣть и смѣшанный характеръ, какъ въ Пруссіи. Во всякомъ случаѣ, здѣсь важно присутствіе двоякаго элемента: высшихъ государственныхъ сановниковъ и крупнаго землевладѣнія. Первые приносятъ сюда тотъ высшій политическій разумъ, который дается опытомъ въ государственныхъ дѣлахъ; второе же составляетъ то общественное начало, которое, по преимуществу, носитъ на себѣ аристократическій характеръ. И здѣсь опять оказывается существенная важность крупной поземельной собственности для государственной жизни. Она одна въ состояніи дать обладающему ею классу то прочное и независимое положеніе, которое, въ соединеніи съ образованіемъ и съ охранительнымъ духомъ, составляетъ самую надежную преграду, какъ произволу власти, такъ и увлеченіямъ толпы. Тамъ, гдѣ крупная поземельная собственность лишена политическаго значенія, государству трудно сохранить въ себѣ равновѣсіе. Еслибы когда либо всѣ земли сдѣлались достояніемъ казны, то о конституціонной монархіи не могло бы уже быть рѣчи. Тутъ оставался бы только выборъ между самодержавіемъ, лишеннымъ самой существенной нравственной задержки и опоры, и демократіею, въ рукахъ которой находилось бы громадное государ-

ственное достоянie съ всеподавляющимъ влiянiемъ на весь промышленный бытъ. И то и другое политически немыслимо.

Нижняя палата представляетъ собою демократическое начало. Однако и тутъ не должна владычествовать толпа, но главное мѣсто должно принадлежать среднимъ классамъ. Послѣднie не могутъ имѣть своихъ представителей въ верхней палатѣ, ибо въ такомъ случаѣ демократiя, оставленная безъ руководителей, будетъ источникомъ смутъ и разлада. Мы видѣли уже, что только подъ руководствомъ среднихъ классовъ она способна быть правильнымъ органомъ политической жизни. Это вѣрно особенно въ приложенiи къ такому порядку, гдѣ требуется согласное дѣйствie различныхъ общественныхъ элементовъ. Поэтому нельзя признать нормальнымъ устройство выборовъ въ нижнюю палату на чисто демократическомъ началѣ всеобщей подачи голосовъ. Здѣсь среднie классы лишаются своей самостоятельности и поглощаются массою. Правительство, которое, изъ ненависти къ обыкновенно господствующему въ этихъ классахъ либерализму, хочетъ опереться на толпу и вводитъ всеобщее право голоса, готовитъ государству неисчислимыя затрудненiя въ будущемъ. Мы говоримъ о Германiи.

Гораздо болѣе согласно съ истинною цѣлью государства, хотя также не можетъ быть признано безусловно нормальнымъ, совершенно обратное устройство, то есть, исключенie чистой демократiи изъ политическаго представительства и призванie къ нему однихъ среднихъ классовъ на основанiи болѣе или менѣе высокаго ценза. Такъ какъ политическое право требуетъ способности, а способность менѣе всего распространена въ массѣ, то очевидно нельзя вручить этого права низшимъ классамъ, пока они не получили надлежащаго развитiя. При зачинающихся свободныхъ учрежденiяхъ, основанный на цензѣ порядокъ можно считать вполнѣ умѣстнымъ. Но тутъ необходимо имѣть въ виду, что цензъ долженъ понижаться по мѣрѣ распространенiя политической жизни въ народѣ. Иначе представительство не достигнетъ настоящей цѣли. Вмѣсто того чтобы собрать всѣ политическiя силы страны въ организованныя учрежденiя, гдѣ онѣ воспитываются и привыкаютъ къ совокупной дѣятельности, часть ихъ оставляется внѣ всякой организацiи и черезъ это становится источникомъ броженiя. Если эта часть велика, то все зданie можетъ опрокинуться, какъ и случилось во Францiи съ Iюльскою монархiею. Пониженie ценза можетъ дойти наконецъ

до того, что вся масса гражданъ будетъ пріобщена къ политическому праву; но въ такомъ случаѣ необходимо раздѣленіе ихъ на разряды, по состоянію или по количеству платимыхъ податей, съ предоставленіемъ каждому разряду особаго участія въ выборахъ, какъ дѣлается въ Пруссіи. Только этимъ способомъ средніе классы могутъ сохранить свое значеніе и не будутъ поглощены массою.

Таково устройство властей въ конституціонной монархіи. Какъ же онѣ дѣйствуютъ? Какъ скоро власть распредѣляется между различными, независимыми другъ отъ друга органами, такъ является возможность столкновеній; а между тѣмъ, государственное управленіе требуетъ единства. Какъ же разрѣшается эта задача?

Управленіе, какъ сказано, находится въ рукахъ назначаемыхъ королемъ министровъ; слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому: какимъ образомъ установить согласіе между министерствомъ и палатами?

Если противодѣйствіе государственнымъ цѣлямъ исходитъ изъ верхней палаты, то король имѣетъ въ рукахъ самое дѣйствительное средство сломить сопротивленіе. Онъ можетъ назначить такое количество новыхъ членовъ, которое измѣнитъ большинство. Правительство, вооруженное такимъ правомъ, всегда имѣетъ возможность, даже и не прибѣгая къ нему, склонить верхнюю палату на необходимыя уступки. А бо̀льшаго не требуется, ибо верхняя палата имѣетъ скорѣе значеніе сдержки, нежели органа, облеченнаго иниціативою.

Совершенно иное положеніе нижней палаты. И тутъ король имѣетъ въ рукахъ средство побороть ея противодѣйствіе: онъ можетъ распустить палату и произвести новые выборы. А такъ какъ это право ничѣмъ не ограничено, то всякая новая палата, въ которой правительство встрѣчаетъ сопротивленіе, можетъ подвергнуться той же участи. Ясно однако, что управленіе не можетъ идти, если избиратели постоянно будутъ посылать въ палату враждебное правительству большинство. Какъ же быть въ такомъ случаѣ? Вѣковая практика политической жизни привела Англичанъ къ единственному средству разрѣшить эту задачу: оно состоитъ въ призваніи къ управленію вождей большинства. Кто требуетъ извѣстнаго направленія политики, тотъ долженъ нести за нее отвѣтственность. Оставить же министерство передъ враждебнымъ ему большинствомъ, въ которомъ оно встрѣчаетъ не опору, а противодѣйствіе, это—такой

порядокъ вещей, съ которымъ можно временно помириться, какъ съ печальною необходимостью, но который, продолжаясь, неизбѣжно вноситъ разладъ не только въ управленіе, но и въ цѣлый государственный строй. Съ другой стороны, составить министерство изъ такъ называемыхъ дѣловыхъ людей, чуждыхъ всякой партіи, значитъ обречь управленіе на безсиліе. Если правительство, какъ и требуется конституціоннымъ порядкомъ, должно опираться на общество, то единственное средство установить прочное согласіе состоитъ въ возложеніи власти и отвѣтственности на вождей большинства. Это и есть то, что называется парламентскимъ правленіемъ, которое существуетъ вездѣ, гдѣ политическая свобода пустила глубокіе и прочные корни.

Но если таковъ результатъ, къ которому одинаково пришли и теорія и практика, то обѣ убѣждаютъ насъ, что этотъ порядокъ не вездѣ приложимъ. Парламентское правленіе возможно лишь тамъ, гдѣ образовались крѣпкія и проникнутыя государственнымъ духомъ партіи, способныя стать во главѣ управленія. Еслибы правительство должно было падать въ руки каждаго случайно составляющагося большинства, то оно сдѣлалось бы игралищемъ страстей и предметомъ личныхъ интригъ и соискательствъ, а это быстро привело бы государство къ полному разстройству. Въ организаціи обладающихъ государственнымъ смысломъ партій проявляется главнымъ образомъ политическая способность общества. Гдѣ онѣ слишкомъ шатки и слабы, или гдѣ онѣ основаны не на твердыхъ политическихъ началахъ, а на личныхъ отношеніяхъ, тамъ общество до парламентскаго правленія не доросло. Владычество парламентскаго большинства составляетъ вѣнецъ политической жизни свободнаго народа, а никакъ не шаблонъ, одинаково прилагающійся всюду.

Изъ этого не слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ прочно установившихся партій, вовсе не можетъ быть парламентской жизни. Только при парламентскомъ устройствѣ партіи могутъ пріобрѣсти надлежащую организацію и дисциплину, ибо здѣсь только является настоящая политическая дѣятельность и отвѣтственность. Парламентъ нуженъ еще болѣе для политическаго воспитанія народа, нежели для государственнаго управленія. Но тамъ, гдѣ общественное сознаніе стоитъ еще на низкой ступени, гдѣ различныя политическія направленія не установились, тамъ и права парламента не могутъ быть широки. При такихъ условіяхъ, правительственная власть, зависящая отъ короля, неизбѣжно будетъ имѣть преобладающее значеніе.

Нельзя не признать однако, что и при высоко развитомъ политическомъ бытѣ, господство партій имѣетъ свои невыгоды. Политика черезъ это получаетъ одностороннее направленіе; заводится систематическая оппозиція, которая всѣ свои усилія направляетъ къ тому, чтобы дѣйствія правительства представить въ невыгодномъ, а нерѣдко даже въ ложномъ свѣтѣ; внутренняя борьба принимаетъ острый характеръ; духъ партіи слишкомъ часто заслоняетъ собою справедливость и патріотизмъ. Но все это составляетъ неизбѣжное послѣдствіе свободы, съ которою всегда неразлучна борьба съ своимъ ожесточеніемъ и съ своими крайностями. Кто хочетъ не принадлежать ни къ какой партіи, тотъ долженъ отказаться отъ борьбы. Стоять внѣ партій можетъ только человѣкъ, который не принимаетъ участія въ дѣйствіи, а обсуждаетъ его со стороны, какъ безпристрастный наблюдатель. Да и тотъ неизбѣжно становится на ту или другую сторону, если у него является сколько нибудь послѣдовательный взглядъ на предметъ. Политическія партіи въ зрѣломъ обществѣ обозначаютъ различныя направленія политической мысли; господство той или другой опредѣляется отношеніемъ общественнаго сознанія къ современнымъ задачамъ государственной жизни. Правительство, которое захотѣло бы стоять выше партій, должно было бы отказаться отъ всякаго послѣдовательнаго взгляда на свое дѣло; ему пришлось бы бродить ощупью или руководствоваться грубымъ эмпиризмомъ. Оно принуждено было бы довольствоваться и самыми посредственными орудіями; устраняя людей съ убѣжденіями, оно должно было бы ограничиваться тѣми, которые, за отсутствіемъ мысли и характера, безразлично относятся ко всякому дѣлу. Нейтральность обыкновенно служитъ признакомъ безцвѣтности и бездарности. Проповѣдывать ее, какъ высшій плодъ политической мудрости, значитъ обрекать государство на господство пошлости.

Это сдѣлается еще яснѣе, если мы взглянемъ на существо тѣхъ партій, на которыя обыкновенно раздѣляется общественное мнѣніе. Въ каждомъ обществѣ политическія партіи имѣютъ, безъ сомнѣнія, свои особенности и свои оттѣнки, проистекающіе изъ мѣстныхъ условій. Однакоже вездѣ есть нѣкоторыя общія черты, которыя вытекаютъ изъ самой природы развивающагося общества. Каждое общество имѣетъ свой установленный строй жизни, которымъ оно держится, и вездѣ, вслѣдствіе движенія человѣческихъ дѣлъ, въ

этомъ строѣ оказывается потребность перемѣнъ. Эта потребность не всѣми чувствуется одинако. Тѣ, которыхъ направленіе и интересы тѣсно связаны съ господствующимъ порядкомъ, стараются по возможности сохранить его неприкосновеннымъ. Другіе, напротивъ, болѣе обращаютъ вниманіе на недостатки существующаго и придаютъ преимущественное значеніе нововведеніямъ. Отсюда двѣ главныя партіи, на которыя естественно раздѣляется всякое общество: партія охранительная и партія прогрессивная. Послѣдняя обыкновенно именуетъ себя либеральною, ибо свобода составляетъ главное орудіе прогресса. Когда стремленіе къ преобразованіямъ превращается въ требованіе кореннаго измѣненія всего общественнаго строя, тогда прогрессивное направленіе становится радикальнымъ. А съ другой стороны, когда охраненіе принимаетъ видъ возвращенія къ отжившему порядку, тогда охранительная партія становится реакціонною.

Таковы четыре главныя направленія, на которыя обыкновенно разбивается общественная мысль. Они въ большей или меньшей степени существуютъ вездѣ, ибо они вытекаютъ изъ самыхъ условій общежитія. Изъ этихъ партій, двѣ среднія, охранительная и прогрессивная, принадлежатъ къ нормальному теченію политической жизни; крайнія же выступаютъ на сцену главнымъ образомъ во времена смутъ и переворотовъ. Нормальный порядокъ состоитъ въ томъ, что общественный строй измѣняется постепенно. Всякое слишкомъ быстрое движеніе неизбѣжно влечетъ за собою попятный ходъ: таковъ законъ человѣческаго развитія. Глубокія преобразованія, для которыхъ время приспѣло, всего легче совершаются неограниченною властью, стоящею выше общественныхъ страстей и способною воздержать ожесточеніе борьбы. Какъ же скоро общество берется за за нихъ само, такъ неизбѣжны колебанія изъ одной крайности въ другую. Въ такія эпохи радикальная партія, въ обыкновенное время удаленная отъ дѣлъ, становится иногда во главѣ правленія и проводитъ свои идеалы; но это означаетъ только, что вскорѣ затѣмъ наступитъ реакція. Исторія не представляетъ примѣра господства радикаловъ, за которымъ не послѣдовало бы обратное движеніе. Нерѣдко реакція вызывается даже просто появленіемъ радикализма на политическомъ поприщѣ. Охраняя свои основы отъ его посягательствъ, общество готово поступиться даже законно пріобрѣтенными правами. Существенная задача реакціонной партіи состоитъ въ томъ, чтобы возстановить преждевременно разрушенное и

возвратить въ правильную колею выбитое изъ нея общество. Это можетъ сдѣлать только сильная власть, вслѣдствіе чего реакціонная партія всегда опирается на власть. Но когда эта задача совершена, реакція теряетъ свой смыслъ. Тогда наступаетъ пора для господства среднихъ направленій.

Охранительная партія, главный стражъ законнаго порядка, необходима во всякомъ обществѣ, прочно сидящемъ на своихъ основахъ. Гдѣ эта партія слаба, тамъ общественный бытъ подвергается безпрерывнымъ колебаніямъ и можетъ рушиться со дня на день. Государственная жизнь вся основана на человѣческой волѣ, а потому, гдѣ нѣтъ воли, твердо направленной на охраненіе существующаго строя, тамъ этотъ строй разваливается самъ собою, отъ недостатка поддержки. Въ особенности это необходимо для учрежденій новыхъ, не успѣвшихъ еще пустить глубокіе корни. Юная свобода всего болѣе нуждается въ охранительныхъ началахъ. Если въ исторіи либералы нерѣдко водворяли свободныя учрежденія, то упрочивали ихъ всегда консерваторы. И сама либеральная партія, достигшая торжества, если она обладаетъ политическою мудростью, всегда выдвигаетъ изъ себя консервативный элементъ, который охраняетъ пріобрѣтенное, какъ отъ посягновеній реакціи, такъ и отъ нетерпѣливыхъ порывовъ толпы. Таковы были знаменитые вожди виговъ въ XVIII-мъ вѣкѣ; таковъ былъ во Франціи Казимиръ Перье. Съ другой стороны, охранительная партія, стоящая на высотѣ своего политическаго призванія, не должна оставаться глуха къ новымъ потребностямъ жизни. Она должна обладать достаточною шириною и эластичностью политической мысли, для того чтобы понять, когда приспѣло время для новаго движенія впередъ. Слишкомъ упорное охраненіе существующаго порядка можетъ ускорить его паденіе, что и случилось во Франціи съ Іюльскою монархіею. Англійская охранительная партія, напротивъ, представляетъ въ этомъ отношеніи образецъ политической мудрости. Она не только всегда дѣлала своевременныя уступки, но и сама брала на себя починъ преобразованій. Она провела въ 1829 году билль объ эманципаціи католиковъ и новѣйшую реформу избирательной системы. Въ свободномъ государствѣ, только та охранительная партія способна стоять во главѣ управленія, которая сама проникнута либеральнымъ духомъ и понимаетъ потребность прогресса.

Этому сочетанію охранительныхъ началъ съ либеральными Анг-

лія обязана своей аристократіи, которая, оберегая существующій общественный строй, всегда умѣла слѣдовать за потребностями времени. Мы уже замѣтили, что въ крупномъ землевладѣніи охранительная партія всегда находитъ главную свою опору. Поземельная собственность, по самой своей природѣ, развиваетъ въ людяхъ охранительный духъ. Она связываетъ ихъ интересы съ вѣчными основами общежитія, она пріучаетъ ихъ къ прочному порядку жизни и подчиняетъ ихъ дѣйствію однообразныхъ законовъ природы. Но мелкая собственность лишена обыкновенно тѣхъ высшихъ духовныхъ силъ, которыя требуются для политическаго руководства. Она слишкомъ упорно держится старины, а иногда способна увлечься и въ другую сторону. Крупная же поземельная собственность составляетъ главный духовный и матеріальный центръ истинно охранительной партіи. И здѣсь мы опять приходимъ къ тому заключенію, что требуемое соціалистами уничтоженіе личной поземельной собственности лишило бы государство одной изъ самыхъ существенныхъ политическихъ силъ и важнѣйшей охраны порядка. Сосредоточеніе поземельной собственности въ рукахъ государства предало бы его на жертву всѣмъ потрясеніямъ.

Совершенно иной характеръ имѣетъ партія прогрессивная, или либеральная. Главную ея опору составляютъ промышленныя состоянія. Во всѣ времена свобода исходила изъ городовъ. Основанная на капиталѣ промышленность развиваетъ въ человѣкѣ ту предпріимчивость и ту самодѣятельность, главное условіе которыхъ заключается въ свободѣ. Эти начала переносятся и на политическую область, гдѣ поэтому промышленныя состоянія и связанныя съ ними либеральныя профессіи являются главными двигателями прогресса. Но то, что даетъ имъ силу, составляетъ вмѣстѣ и ихъ слабость. Въ государственной жизни требуются иныя свойства, нежели на промышленномъ поприщѣ. Тутъ необходимы ширина взгляда, твердость характера, привязанность къ порядку, умѣніе соображать интересы цѣлаго, однимъ словомъ, нужны охранительныя свойства, которыми либеральная партія не всегда обладаетъ. Промышленныя состоянія скорѣе склонны къ оппозиціи, нежели къ поддержанію власти, развѣ когда подвергаются опасности ихъ матеріальные интересы. Дорожа свободою, они обыкновенно готовы все распускать и не понимаютъ потребности общественныхъ сдержекъ. Сливаясь, съ одной стороны, съ демократическою массою, а съ другой про-

никая и въ аристократическіе слои, они имѣютъ мало внутренней связи, а потому гораздо менѣе аристократіи способны къ необходимой въ политическихъ партіяхъ дисциплинѣ. Между тѣмъ, для того чтобы играть политическую роль, и еще болѣе для того чтобы управлять государствомъ, необходимо высшее сознаніе государственныхъ потребностей. Если охранительная партія должна быть проникнута либеральнымъ духомъ, то еще болѣе либеральная партія должна быть проникнута охранительнымъ духомъ. Только при этомъ условіи она способна стоять во главѣ управленія. И чѣмъ моложе свободныя учрежденія, тѣмъ эта потребность сильнѣе, ибо тѣмъ болѣе политическій строй подверженъ колебаніямъ, и тѣмъ болѣе здѣсь нужно сдержанности и осторожности. Либеральная партія, вѣчно волнующаяся, все критикующая, не умѣющая ни оказать поддержку власти, ни умѣрить свои притязанія, совершенно неспособна установить въ обществѣ порядокъ, основанный на свободѣ. Напротивъ, она является главною ему помѣхою, ибо отъ преобладанія ея ничего нельзя ожидать, кромѣ разлада.

И въ этомъ отношеніи, либеральная партія въ Англіи можетъ служить образцомъ. Какъ уже было указано выше, главная причина ея политической зрѣлости заключается въ томъ, что она прошла свою политическую школу подъ руководствомъ аристократіи, которая воспитала въ ней истинно политическій духъ. Этой школы ничто не можетъ замѣнить, и менѣе всего журнализмъ. Тамъ, гдѣ либеральная партія воспитывается къ политической жизни подъ руководствомъ журнализма, въ ней развиваются именно всѣ тѣ свойства, которыя дѣлаютъ ее неспособною къ государственной дѣятельности. Верхоглядство, раздражительность, нетерпимость, доведенный до уродливой крайности духъ партіи, полное отсутствіе справедливости къ противникамъ, намѣренное искаженіе мыслей и фактовъ, однимъ словомъ, все, что характеризуетъ ежедневную журнальную полемику, особенно въ странахъ, гдѣ мало развита политическая жизнь, все это, какъ ядъ, всасывается читающею публикою и убиваетъ въ ней тѣ здоровыя качества ума и сердца, которыя одни дѣлаютъ человѣка способнымъ къ плодотворной политической дѣятельности. Кто воображаетъ себѣ, что общество можетъ приготовиться къ политической жизни и пріобрѣсти свободу подъ руководствомъ журнализма, тотъ имѣетъ весьма поверхностное понятіе о политическихъ дѣлахъ. Въ войскѣ нужны застрѣльщики и партизаны,

но не подъ ихъ предводительствомъ ведутся кампаніи и выигрываются сраженія. Свободныя учрежденія необходимы именно за тѣмъ, чтобы эти разнузданныя привычки замѣнить настоящею политическою школою.

Изъ всего этого ясно, что для юной свободы не можетъ быть ничего вреднѣе, какъ распространеніе въ обществѣ демократическаго чувства зависти и непріязни къ высшимъ сословіямъ, чувства, которое столь часто раздувается беззастѣнчивымъ журнализмомъ. Общій законъ, что политическая свобода возможна только при внутреннемъ единствѣ общества, всего болѣе приложимъ къ такому общественному состоянію, въ которомъ свобода только что насаждается, а потому требуетъ особеннаго ухода. Все, что разъединяетъ общественные классы, дѣйствуетъ на нее гибельно. И чѣмъ менѣе общество политически зрѣло, тѣмъ болѣе оно нуждается въ руководствѣ, и тѣмъ важнѣйшую роль играютъ въ немъ высшіе классы, въ особенности аристократія. Только дружнымъ дѣйствіемъ различныхъ общественныхъ элементовъ, подъ руководствомъ высшихъ, свобода можетъ утвердиться въ государствѣ и получить въ немъ правильное развитіе.

Но еще опаснѣйшимъ врагомъ политической свободы, нежели демократическая непріязнь низшихъ къ высшимъ, являются соціальныя стремленія. Соціальные идеалы совершенно противоположны идеаламъ политическимъ. Послѣдніе имѣютъ въ виду завершить основанное на самой природѣ человѣка зданіе свободы; первые же уничтожаютъ свободу въ самомъ ея корнѣ. Въ этомъ фантастическомъ представленіи, личное начало совершенно устраняется; человѣкъ становится подчиненнымъ звеномъ въ общемъ механизмѣ, чиновникомъ, несущимъ государственную службу и вѣчно прикованнымъ къ своимъ обязанностямъ. Выхода для него нѣтъ; о самоопредѣленіи, о собственныхъ планахъ, о самостоятельномъ устройствѣ своей жизни не можетъ быть рѣчи. Гражданское общество, какъ самостоятельный союзъ, исчезаетъ; государство поглощаетъ его всецѣло, проникая всюду, властвуя надъ всѣмъ. При такомъ порядкѣ, всякій разумный образъ правленія становится невозможнымъ. Аристократическое начало уничтожено, установляется всеобщее равенство; слѣдовательно, устраняется и то сочетаніе различныхъ общественныхъ элементовъ, которое лежитъ въ основаніи смѣшаннаго правленія. Съ другой стороны, немыслимо и соединеніе монархическаго начала съ демократическимъ, ибо монархія передъ безразличною, однородною массою, безъ всякаго посредствующаго

звена, есть политическое созданіе, которое не въ состояніи продержаться даже на короткое время. Вслѣдствіе этого, соціалисты самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываются противъ всякаго смѣшаннаго правленія. «Изъ двухъ вещей одна! восклицаетъ Лассаль: или чистый абсолютизмъ или всеобщая подача голосовъ! Объ этихъ двухъ вещахъ можно, при различіи воззрѣній, спорить; но то, что лежитъ между ними, во всякомъ случаѣ невозможно, непослѣдовательно и нелогично» [1]).

Не за тѣмъ однакоже соціалисты хотятъ установить всеобщее равенство, и формальное и матеріальное, чтобы сдѣлать гражданъ слѣпыми орудіями единоличной воли. Идеалъ ихъ составляетъ чистая демократія. Но именно при соціалистическомъ порядкѣ, чистая демократія была бы самымъ ужаснымъ деспотизмомъ, какой только можетъ представить себѣ человѣческое воображеніе; это деспотизмъ толпы, безгранично властвующей не только въ области общественныхъ отношеній, но и надъ всею частною жизнью человѣка, надъ всѣми его потребностями, средствами и дѣятельностью. Выше было доказано, что демократія терпима только при самой широкой свободѣ и при возможно большемъ ограниченіи государственной дѣятельности; здѣсь же происходитъ совершенно обратное: всякая свобода уничтожается, а дѣятельность государства расширяется безмѣрно. Всеобщее рабство соединяется съ полновластіемъ толпы. Исторія никогда не представляла ничего подходящаго къ столь безобразному устройству. Несравненно сноснѣе деспотизмъ одного человѣка, ибо онъ всегда отдаленнѣе и мягче. Но возможно ли представить себѣ человѣка, въ рукахъ котораго сосредоточивались бы не только всѣ силы государства, но и всѣ существующія въ обществѣ матеріальныя средства и руководство всею частною дѣятельностью гражданъ? Такимъ руководителемъ могло бы быть только Божество; ввѣренная же слабому человѣку, подобная власть обратится въ орудіе самаго нестерпимаго гнета. А такъ какъ одному лицу подобное полновластіе очевидно не по силамъ, то здѣсь неизбѣжно образуется привилегированное сословіе мандариновъ, въ рукахъ которыхъ будетъ находиться дѣйствительное управленіе, и которые будутъ неограниченно распоряжаться лицемъ и имуществомъ всѣхъ и каждаго.

Но стоитъ ли говорить о несообразностяхъ основаннаго на соціализмѣ

[1]) Die indirecte Steuer etc. стр. 110 (1872. Chicago).

политическаго быта, когда весь соціализмъ ничто иное какъ чистая несообразность? Мы вращаемся здѣсь въ области утопій. Соціализмъ опасенъ не съ этой стороны, ибо утопіи никогда не найдутъ приложенія: онъ опасенъ тѣмъ, что устремляя мысли людей на фантастическія цѣли, онъ извращаетъ ихъ понятія и возбуждаетъ въ нихъ несбыточныя надежды. Для правильнаго развитія, не только государственнаго строя, но и всей общественной жизни, въ высшей степени важно, чтобы былъ порядокъ въ умахъ, чтобы люди смотрѣли на вещи, какъ онѣ есть, и искали бы только возможнаго. Въ особенности это важно для политической свободы, которая, какъ мы видѣли, требуетъ прежде всего внутренняго согласія общества. Это согласіе можетъ установиться только на почвѣ теоретической возможности и практической осуществимости. Если же въ призванныхъ къ политической жизни гражданахъ господствуетъ полнѣйшій хаосъ понятій, если они на задачи государства смотрятъ съ совершенно превратной точки зрѣнія, если они гоняются за неосуществимымъ и видятъ умноженіе богатства тамъ, гдѣ есть только источникъ бѣдности, если вмѣсто расширенія свободы, они готовы отдать ее на жертву общественному деспотизму, то выгоды отъ призванія общества къ политической дѣятельности не будетъ никакой, и въ результатѣ окажется только разочарованіе всѣхъ здравомыслящихъ людей и полное разстройство государственнаго организма.

И этотъ умственный разладъ не составляетъ еще главнаго зла, проистекающаго отъ соціальныхъ стремленій. Къ хаосу умственному присоединяется хаосъ нравственный. Соціализмъ не довольствуется идиллическимъ изображеніемъ будущаго блаженства человѣческаго рода; онъ хочетъ провести свои идеалы въ жизнь, а такъ какъ этому противится весь существующій общественный строй, то вся его дѣятельность направляется къ устраненію этого препятствія, то есть, къ разрушенію установленнаго порядка. Тутъ онъ не ограничивается уже научною проповѣдью; онъ прямо взываетъ къ страстямъ, и къ страстямъ самаго низкаго свойства. Онъ старается возбудить зависть и ненависть низшихъ классовъ противъ высшихъ, указывая бѣднымъ на богатыхъ, какъ на главную преграду ихъ благосостоянію. Отсюда тѣ чудовищныя явленія, которыя у насъ на глазахъ; отсюда тѣ проповѣди всеобщаго убійства, при которыхъ невольно спрашиваешь себя: какимъ образомъ подобныя мысли и чувства могли когда нибудь запасть въ человѣческую душу, не

только что появиться на свѣтъ Божій? Отсюда тѣ страшныя злодѣянія, которыя наполняютъ скорбью сердца народовъ. Изступленный фанатизмъ соединяется съ полнѣйшимъ безуміемъ. Тутъ исчезаютъ уже всякіе слѣды умственнаго и нравственнаго развитія; человѣкъ превращается въ дикаго звѣря, жаждущаго крови и истребляющаго все, что попадается ему подъ руку.

Возможно ли думать о политической свободѣ, когда подобныя явленія становятся въ обществѣ обычнымъ дѣломъ? Политическая свобода требуетъ внутренняго единства общественныхъ элементовъ, а тутъ водворяется полный разладъ; она требуетъ дружнаго дѣйствія общественныхъ классовъ, а тутъ поселяется между ними ненависть; она требуетъ законнаго порядка и на улицѣ и въ умахъ, а тутъ полный безпорядокъ мыслей переходитъ въ безпорядокъ на площади. Пока соціализмъ составляетъ общественное явленіе, съ которымъ надобно бороться, о гарантіяхъ свободы не можетъ быть рѣчи; только когда онъ сдѣлается безвреднымъ, можетъ возстановиться правильное теченіе жизни. Внутренняя борьба, какъ уже было замѣчено, составляетъ необходимую принадлежность свободы, но борьба на общей почвѣ и во имя общей цѣли; когда же борьба идетъ о самыхъ основахъ общежитія, то свобода исчезаетъ. Тутъ приходится уже браться за оружіе и защищать общество отъ разрушенія. А такъ какъ военныя дѣйствія требуютъ сосредоточенной власти, то при такихъ условіяхъ естественно водворяется деспотизмъ.

Этимъ объясняется то явленіе, что какъ скоро соціализмъ выступаетъ на политическое поприще, испуганное общество кидается въ объятія диктатуры. Это мы видѣли во Франціи въ 1848 году. Тутъ дѣйствуетъ не одинъ близорукій страхъ, хотя есть за что бояться, когда все, что дорого человѣку, можетъ подвергнуться гибели. Истинная причина та, что диктатура всегда вызывается общественною опасностью. У самаго практическаго и наименѣе боязливаго народа въ мірѣ, у Римлянъ, это было возведено даже на степень необходимаго общественнаго учрежденія: какъ скоро являлась опасность, провозглашалась диктатура. Но величайшая опасность та, которая грозитъ разрушеніемъ всему общественному строю; а именно это сулитъ соціализмъ. Поэтому, всякое усиленіе соціалистическаго движенія всегда непремѣнно будетъ вызывать диктатуру. Общество зрѣлое, окрѣпшее умственно и политически, можетъ еще вынести борьбу мыслей; но какъ скоро борьба переходитъ въ дѣло,

такъ является необходимость практическихъ мѣръ, изъ которыхъ наименьшая состоитъ въ прекращеніи гарантій свободы.

Что касается до обществъ, политически не созрѣвшихъ, то для нихъ опасность отъ соціализма, очевидно, еще больше. И тутъ надобно повторить неоднократно замѣченное выше, что чѣмъ моложе свобода, чѣмъ новѣе учрежденія, тѣмъ болѣе они требуютъ защиты и тѣмъ менѣе они могутъ выносить внутренней борьбы. Въ несозрѣвшихъ еще обществахъ, все что вноситъ въ нихъ смуту, что колеблетъ умы, что сѣетъ раздоръ между общественными классами, вмѣстѣ съ тѣмъ подрываетъ и свободныя учрежденія. Юная свобода не имѣетъ бо́льшаго врага, какъ соціализмъ. А потому тѣ, которые легкомысленно ему потакаютъ, несутъ на себѣ тяжелую отвѣтственность передъ отечествомъ и передъ свободою. Они отодвигаютъ общество назадъ, воображая, что они подвигаютъ его впередъ. Когда въ общество вселилось это зло, первая потребность состоитъ въ томъ, чтобы вести съ нимъ неустанную войну, и мыслью и дѣломъ; къ этому должны быть направлены всѣ общественныя силы. О мирномъ развитіи, о законномъ порядкѣ, о расширеніи свободы можетъ быть рѣчь только тогда, когда противогражданскіе элементы окончательно побѣждены, и въ умахъ водворилось успокоеніе.

Такимъ образомъ, между политическими идеалами и соціальными происходитъ борьба, которая особенно ярко выступаетъ въ наше время. Результатомъ ея не можетъ быть побѣда соціальнаго идеала, который противорѣчитъ и логикѣ, и природѣ человѣка и на дѣлѣ не осуществимъ, но она легко можетъ повести къ паденію идеала политическаго. Однако, это паденіе можетъ быть только временное. Неудержимый ходъ исторіи возьметъ свое. Во всѣ времена бывали эпохи внутренняго разлада, которыя какъ бы отодвигали человѣческія общества назадъ. Но въ своемъ закономѣрномъ движеніи, человѣчество одолѣваетъ эти внутреннія препятствія и постепенно осуществляетъ то, что искони лежитъ въ его природѣ, и что составляетъ цѣль его развитія. Мы видѣли уже, что это искони присущее ему начало есть свобода; поэтому и цѣлью развитія не могутъ быть соціальныя утопіи, уничтожающія ее въ самомъ корнѣ.

Что таковъ именно ходъ исторіи, что она ведетъ къ осуществленію политическихъ, а не соціальныхъ идеаловъ, это мы постараемся доказать въ слѣдующей главѣ, которою завершается наше изслѣдованіе.

ГЛАВА VI.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ.

Ученіе объ историческомъ развитіи человѣчества съ прошедшаго столѣтія сдѣлалось достояніемъ науки. Въ прежнее время, если были попытки окинуть взоромъ весь преемственный ходъ всемірной исторіи, то общій законъ этого движенія не былъ раскрытъ. Нѣкоторые, какъ Боссюэтъ, указывали на пути Провидѣнія, руководящаго человѣчество на его историческомъ поприщѣ; но такъ какъ пути Провидѣнія остаются для насъ тайною, то этимъ началомъ ничего не выясняется. Другіе, стараясь отыскать въ исторіи внутренніе законы, останавливались на повторяющемся круговоротѣ жизненныхъ формъ. Таково было воззрѣніе знаменитаго Вико, который первый пытался построить всемірную исторію на разумныхъ началахъ. Сравнивая новую исторію съ древнею, онъ и здѣсь и тамъ видѣлъ повтореніе одного закона, движущаго народы по извѣстнымъ ступенямъ и смыкающаго конецъ съ исходною точкою. Но и въ этой теоріи отсутствуетъ начало совершенствованія, составляющее самую сущность историческаго процесса. Оно было внесено въ исторію писателями XVIII-го вѣка, исполненными надеждъ на будущее и вѣры въ человѣчество. Передъ ними впервые открылась перспектива безконечнаго развитія.

Это ученіе одновременно водворилось во Франціи и въ Германіи, не смотря на противоположность направленій философской мысли въ этихъ двухъ странахъ. Французская сенсуалистическая школа указывала преимущественно на успѣхи разума. Въ человѣчествѣ, также какъ и въ отдѣльномъ лицѣ, она признавала постепенное изощреніе разумныхъ способностей, и вслѣдствіе того совершенство-

ваніе мышленія, начиная съ простѣйшихъ ощущеній и кончая сложнѣйшими научными задачами. Но въ отдѣльномъ человѣкѣ изощренію есть предѣлъ, полагаемый самою жизнью, тогда какъ въ человѣческомъ родѣ развитіе можетъ простираться въ неопредѣленную даль. Совершенствованіе же разума влечетъ за собою, съ одной стороны, развитіе нравственнаго сознанія, съ другой стороны бо́льшее и бо́льшее покореніе природы, слѣдовательно и распространеніе благосостоянія, съ которымъ сопряжено наконецъ и развитіе политическое. Съ теченіемъ времени и съ успѣхами цивилизаціи, на всѣ народы должны распространиться права человѣка; всѣ должны сдѣлаться причастны свободѣ и равенству. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: Картина успѣховъ человѣческаго разума (Tableau des progrès de l'esprit humain), которое было высшимъ выраженіемъ этого взгляда, Кондорсе́ утверждалъ, что при нынѣшнемъ состояніи человѣчества, невозможно уже торжество старыхъ враговъ разума, предразсудковъ и тираніи, а потому человѣчеству предстоитъ все бо́льшее и бо́льшее совершенствованіе, которому нельзя назначить предѣла.

Глубже взглянула на этотъ вопросъ нѣмецкая школа, которая, въ лицѣ Гердера, положила истинное основаніе философіи исторіи. Вмѣсто внѣшняго совершенствованія, проистекающаго отъ изощренія умственныхъ способностей, историческій процессъ былъ понятъ какъ развитіе внутреннее, или какъ углубленіе въ себя. Человѣчество, по этому ученію, составляетъ одно цѣлое, которое постепенно совершенствуется съ самаго начала своего существованія. Задача исторіи —развить то, что составляетъ сущность природы человѣка, человѣчность (Humanität), то есть, свободу, разумъ и правду. Человѣкъ долженъ стать въ полномъ смыслѣ человѣкомъ. Это и есть осуществленіе отпечатлѣннаго на немъ образа Божьяго. Высшимъ выраженіемъ человѣчности является религія, связывающая человѣка съ Божествомъ, и преимущественно высшая изъ всѣхъ религій, христіанская. Она носитъ въ себѣ тотъ идеалъ человѣчности, который человѣкъ призванъ осуществить. Однако полное достиженіе этой цѣли невозможно на землѣ; человѣкъ можетъ только постепенно къ ней приближаться. Но земная жизнь служитъ приготовленіемъ къ новой жизни, гдѣ человѣкъ явится уже въ своемъ истинно человѣческомъ видѣ, какъ подобіе Божества.

И это воззрѣніе, не смотря на высоту мысли и на широкое поставленіе задачи, страдаетъ односторонностью. Внутреннее развитіе

понимается чисто съ нравственной стороны, а потому оно прилагается только къ совершенствованію отдѣльнаго лица, и цѣль полагается ему за гробомъ. Между тѣмъ, если человѣчество развивается какъ одно цѣлое, то движущею пружиною и цѣлью развитія должна быть не природа единичнаго существа, а природа духа, какъ общей субстанціи, проявляющейся въ совокупности единичныхъ существъ. Этотъ общій духъ выражается въ системѣ объективныхъ опредѣленій, осуществленіе которыхъ на землѣ составляетъ задачу исторіи. Отдѣльныя же лица собственною дѣятельностью установляютъ эти опредѣленія и такимъ образомъ являются орудіями этого процесса. Такъ именно было понято историческое развитіе нѣмецкою идеалистическою школою, которая завершаетъ собою все предшествующее развитіе философіи исторіи.

Начало этой теоріи положилъ Кантъ. Въ своей Идеѣ всеобщей исторіи съ всеміряо-гражданскою цѣлью (Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht), онъ исходитъ отъ того положенія, что каково бы ни было понятіе о свободѣ, явленія свободы, какъ и всѣ другія явленія, подлежатъ общимъ законамъ. И отдѣльныя лица и цѣлые народы преслѣдуютъ свои частныя цѣли, но они безсознательно служатъ общимъ цѣлямъ природы, которыя достигаются въ преемственномъ движеніи поколѣній. Основной законъ природы, вытекающій изъ понятія о внутренней цѣли, состоитъ въ томъ, что способности каждаго существа назначены къ тому, чтобы когда нибудь достигнуть полнаго развитія. Безъ этого они не имѣли бы смысла. Между тѣмъ, способности человѣка могутъ достигнуть полнаго развитія не въ отдѣльныхъ лицахъ, а лишь въ цѣломъ родѣ. Эта задача и должна быть цѣлью преемственной дѣятельности поколѣній. Одаривши человѣка разумомъ и неразлучною съ нимъ свободною волею, природа тѣмъ самымъ указала ему, что онъ самъ долженъ сознать и исполнить свою задачу, создавши изъ себя все то, чѣмъ онъ возвышается надъ механическимъ порядкомъ жизни. Средствомъ для достиженія этой цѣли служитъ противоборство стремленій, которое, изощряя силы и способности человѣка, является главною движущею пружиною развитія. Конечная же цѣль, къ которой ведетъ это противоборство, состоитъ въ установленіи вполнѣ правомѣрнаго гражданскаго порядка, основаннаго на взаимномъ ограниченіи свободы. Только при такомъ порядкѣ возможно и осуществленіе вѣч-

наго мира посредствомъ общаго союза государствъ. Это и есть идеалъ, къ которому стремится человѣчество, и къ которому оно, рано или поздно, неизбѣжно должно придти.

Эти мысли Канта, въ которыхъ исходную точку составляетъ еще субъективное начало, получили дальнѣйшую разработку въ различныхъ отрасляхъ идеалистической школы. Вопросъ объ историческомъ развитіи былъ изслѣдованъ со всѣхъ сторонъ.

У послѣдователей Шеллинга, согласно съ общимъ направленіемъ натуръ-философіи, преобладало понятіе о развитіи органическомъ. Такъ, Баадеръ противополагалъ эволюцію революціи; въ первой онъ видѣлъ органическое развитіе положительныхъ началъ жизни, въ послѣдней—отрицательное направленіе, вызванное задержкою правильнаго движенія. Задача политики состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствуя эволюціи, уничтожить революцію. Идея органическаго развитія была усвоена и историческою школою, которая, прилагая его къ правовѣдѣнію, разсматривала право, какъ органическое проявленіе народной жизни.

Съ другой стороны, уже въ философіи Шеллинга выработалось понятіе о діалектическомъ развитіи, идущемъ отъ первоначальнаго единства къ раздвоенію, и отъ раздвоенія обратно къ единству. Въ теократической школѣ, составляющей нравственную отрасль идеализма, это понятіе было связано съ религіознымъ началомъ. По ученію послѣдователей этого направленія, человѣкъ первоначально находился въ полномъ единеніи съ Богомъ; затѣмъ произошло отпаденіе, послѣ чего, дѣйствіемъ Духа Божьяго, снова постепенно возстановляется въ немъ утраченный образъ Божества. На этомъ воззрѣніи была построена философія исторіи Шлегеля.

Иначе взглянула на этотъ вопросъ либеральная школа. Она сравнивала развитіе человѣчества съ различными возрастами лица. Въ младенчествѣ, человѣкъ еще не отрывается отъ матеріи; въ немъ господствуютъ чувственныя наклонности, для обузданія которыхъ необходимо установленіе деспотической власти. Въ юности, напротивъ, преобладаютъ идеальныя стремленія, съ чѣмъ связано и воспринятіе высшихъ началъ безотчетнымъ внутреннимъ чувствомъ. Это—пора вѣры, вслѣдствіе чего здѣсь господствуетъ теократія. Наконецъ, въ зрѣломъ возрастѣ развивается разумъ, и установляется основанный на разумныхъ началахъ свободный гражданскій порядокъ.

Въ системѣ Гегеля, всѣ эти различныя отрасли идеализма нашли

высшее свое средоточіе, и понятіе объ историческомъ развитіи человѣчества достигло самаго полнаго своего философскаго выраженія. По ученію Гегеля, всемірная исторія представляетъ собою изображеніе міроваго духа, который въ этомъ процессѣ вырабатываетъ высшее самосознаніе. Существо духа, въ отличіе отъ матеріи, заключается въ томъ, что онъ самъ себѣ служитъ началомъ и самъ изъ себя развиваетъ свое содержаніе. Въ этомъ состоитъ его свобода, которая постепенно осуществляется во всемірной исторіи. Въ себѣ самомъ, по своей природѣ, духъ свободенъ съ самаго начала своего существованія; но на низшихъ ступеняхъ, онъ погруженъ еще въ матерію и не сознаетъ своей природы. Чтобы достигнуть самосознанія, онъ долженъ оторваться отъ этого первоначальнаго опредѣленія и самъ себя сдѣлать тѣмъ, что онъ есть уже въ себѣ самомъ. Онъ долженъ свободною дѣятельностью перевести въ жизнь свою внутреннюю природу. Въ этомъ состоитъ историческое развитіе. Средствомъ для осуществленія этой цѣли служитъ свободная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Каждое изъ нихъ самопроизвольно полагаетъ себя цѣли и стремится къ ихъ достиженію, но безсознательно оно служитъ высшей цѣли духа, и тѣ люди, которые лучше другихъ понимаютъ эту задачу, становятся главными историческими дѣятелями; это—герои исторіи. Такимъ образомъ, субъективная свобода является средствомъ, или орудіемъ историческаго движенія; цѣль же этого движенія состоитъ въ осуществленіи объективныхъ опредѣленій свободы, которыхъ высшимъ выраженіемъ является государство. Однако и субъективная свобода, будучи принадлежностью человѣка, какъ разумнаго существа, никогда не можетъ быть низведена на степень простаго средства; она всегда остается сама себѣ цѣлью. Поэтому, высшее историческое значеніе имѣютъ только тѣ объективныя опредѣленія свободы, которыя даютъ должное мѣсто субъективному элементу. Задача исторіи состоитъ въ сочетаніи обоихъ началъ. Осуществленіе этой задачи совершается не въ видѣ простаго органическаго роста, какъ въ матеріальной природѣ; развитіе духа представляетъ упорную борьбу съ самимъ собою: онъ долженъ оторваться отъ первоначальныхъ своихъ естественныхъ опредѣленій и завоевать себѣ то, что лежитъ въ его внутренней природѣ. Въ этомъ процессѣ онъ проходитъ черезъ различныя ступени, изъ которыхъ каждая выражаетъ собою извѣстный результатъ, или извѣстное выработанное

духомъ сознаніе свободы. Затѣмъ этотъ результатъ, въ свою очередь, оказывается неполнымъ и недостаточнымъ, а потому уступаетъ мѣсто новому, высшему. Говоря философскимъ языкомъ, данный историческій моментъ снимается и переходитъ въ высшій. Но черезъ это онъ не уничтожается; сниманіе, какъ дѣятельность мысли, есть вмѣстѣ сохраненіе и очищеніе. Историческое движеніе не есть отрицаніе прошедшаго, а возведеніе его на высшую ступень. Содержаніе духа вѣчно, а потому прошедшее является вмѣстѣ и настоящимъ. «Жизнь современнаго духа, говоритъ Гегель, представляетъ круговращеніе ступеней, которыя съ одной стороны стоятъ еще рядомъ, и только съ другой стороны являются прошедшими. Тѣ моменты, которые, повидимому, духъ оставилъ уже позади себя, онъ содержитъ и въ настоящей своей глубинѣ» [1]).

Таковы были результаты, къ которымъ пришелъ идеализмъ въ своемъ развитіи. Можно сказать, что человѣческая мысль никогда не производила ничего глубокомысленнѣе этого воззрѣнія, въ которомъ охранительныя начала и прогрессивныя, субъективная свобода и объективный порядокъ жизни, сочетаются въ высшемъ философскомъ синтезѣ. Фактическое изученіе исторіи болѣе и болѣе подтверждаетъ этотъ взглядъ, и только современное отчужденіе отъ философіи, которое понизило въ умахъ самую способность пониманія, заставило изслѣдователей обратиться къ инымъ началамъ. Тѣ соціалисты, которые вышли изъ школы Гегеля, и которые одни въ настоящее время могутъ имѣть притязаніе на нѣкоторое философское значеніе, и не думаютъ отвергать этихъ результатовъ, но они стараются приспособить ихъ къ своимъ цѣлямъ, исказивши основныя мысли великаго философа и превративши историческій процессъ въ чистое отрицаніе.

Это ясно обнаруживается у Лассаля. Знаменитый агитаторъ объявляетъ философію Гегеля «квитессенціею всякой научности». Его основныя начала и его метода, говоритъ онъ, должны остаться достояніемъ науки. Но онъ упрекаетъ Гегеля въ непослѣдовательномъ проведеніи своихъ началъ. Вмѣсто того чтобы признать выработанныя исторіею формы преходящими моментами развитія, Гегель понялъ ихъ какъ моменты логическіе, то есть, необходимые и вѣчно присущіе духу. Вслѣдствіе этого, онъ въ свою философію

---

[1]) См. Philosophie der Geschichte, Einleitung.

права ввелъ категоріи собственности, договора, семейства, гражданскаго общества и т. д., какъ будто онѣ составляютъ необходимыя требованія разума, между тѣмъ какъ все это не болѣе какъ историческія категоріи, которыя должны исчезнуть съ высшимъ развитіемъ [1]). Лассаль хотѣлъ даже написать философію исторіи въ этомъ смыслѣ, но онъ не успѣлъ этого сдѣлать, и вѣроятно никогда бы и не сдѣлалъ. На дѣлѣ, онъ довольствовался голословнымъ объявленіемъ собственности, договора, гражданскаго общества и т. д. историческими категоріями. Только наслѣдству онъ посвятилъ болѣе обстоятельное изслѣдованіе, но именно здѣсь требуемое доказательство имъ не представлено.

Смыслъ того упрека, который Лассаль дѣлаетъ Гегелю, весьма понятенъ, но понятна и вся его односторонность. Историческое развитіе, какъ и всякое движеніе, заключаетъ въ себѣ двоякое начало: положительное и отрицательное. Положительную сторону составляютъ тѣ элементы, которые лежатъ въ природѣ духа, и которые подлежатъ развитію. Отрицательное же начало является источникомъ движенія; оно переводитъ положительные элементы изъ одного состоянія въ другое, возводя ихъ на высшую и высшую ступень, до тѣхъ поръ пока не будетъ достигнута полнота опредѣленій. У Гегеля, оба эти начала сочетаются неразрывно, а такъ какъ отрицаніе есть дѣйствіе разума, то историческое развитіе является вмѣстѣ и развитіемъ логическимъ. Но именно вслѣдствіе этого, историческія категоріи необходимо суть вмѣстѣ и категоріи логическія. Онѣ выражаютъ собою различныя стороны самой развивающейся сущности, которая постепенно излагаетъ свои опредѣленія, восполняя одно другимъ и возводя ихъ въ конечной цѣли, состоящей въ гармоніи цѣлаго. Какъ же скоро эти опредѣленія понимаются только какъ историческія категоріи, такъ развитіе положительнаго содержанія исчезаетъ, и остается одно отрицательное начало, которое одну за другою разбиваетъ всѣ жизненныя формы и все улетучиваетъ въ неопредѣленномъ будущемъ. Такое пониманіе исторіи, какъ чисто отрицательнаго процесса, конечно, не могло придти въ голову, не только такому глубокому мыслителю, какъ Гегель, но даже и никакому философу, задающему себѣ цѣлью пониманіе, а не отрицаніе явленій. Упрекая Гегеля въ непослѣдо-

[1]) См. System der erworbenen Rechte, Vorrede.

вательномъ проведеніи своихъ собственныхъ началъ, Лассаль забываетъ коренное положеніе Гегеля, состоящее въ томъ, что высшее отрицаніе есть отрицаніе отрицанія, то есть, возстановленіе въ высшей формѣ перваго положенія. На этомъ основанъ весь историческій процессъ. Путемъ отрицанія одно опредѣленіе переводится въ другое; но одностороннее отрицаніе, въ свою очередь, отрицается, вслѣдствіе чего, на высшей ступени, первоначальное опредѣленіе снова появляется въ иной формѣ, и этотъ процессъ продолжается, пока не будетъ достигнута полнота опредѣленій.

Только при такомъ положительномъ взглядѣ на предметъ, исторія получаетъ смыслъ, и начала, управляющія человѣческою жизнью, находятъ въ ней настоящую свою почву. Одностороннее же отрицаніе ведетъ къ искаженію явленій, къ шаткости понятій, а вслѣдствіе того къ колебанію всѣхъ основъ общежитія. Послѣдовательно проводя этотъ взглядъ, приходится, вмѣстѣ съ Дюрингомъ, раздѣлить всю исторію человѣчества на два періода: на прошедшее, которое должно быть уничтожено, и на будущее, которое должно когда нибудь осуществиться. Но такъ какъ каждое поколѣніе, въ свою очередь, повторяетъ тотъ же пріемъ, то создаваемое однимъ является на свѣтъ лишь за тѣмъ, чтобы разрушиться другимъ. Всякая общая связь и всякая преемственность развитія исчезаютъ; слѣдующія другъ за другомъ поколѣнія перестаютъ быть звеньями общей исторической цѣпи. Каждое является оторваннымъ отъ своего прошлаго; начиная исключительно съ себя, оно создаетъ жизненныя формы, которыя также бренны и преходящи, какъ оно само. Исторія перестаетъ быть изображеніемъ единаго духа; она представляетъ не болѣе какъ случайную послѣдовательность исчезающихъ мгновеній. Положительное содержаніе улетучилось; осталось одно безсмысленное и безцѣльное отрицаніе.

Понятно, что соціалисты могутъ держаться этого взгляда. Вращаясь въ области утопій, они должны относиться отрицательно ко всей дѣйствительной человѣческой жизни и ко всему, что выработано человѣчествомъ. Изъ историческаго процесса они выхватываютъ одно отрицательное начало и имъ, въ своемъ безуміи, думаютъ опровергнуть все существующее. Но если это понятно у соціалистовъ, то что сказать о тѣхъ современныхъ ученыхъ, которые, не познакомившись даже съ системою Гегеля, и не потрудившись, съ своей стороны, положить какое бы то ни было фило-

софское или историческое основаніе своему воззрѣнію, безъ всякаго смысла заимствуютъ у Лассаля выраженіе историческая категорія и имъ пересыпаютъ свои экономическія и юридическія разсужденія? Не есть ли это верхъ научнаго легкомыслія? И когда подобный пріемъ употребляется людьми, занимающими видное мѣсто въ ученой литературѣ, то не обозначаетъ ли онъ прискорбный упадокъ современной науки?

Послѣдовательно проведенное, отрицаніе должно привести къ чистому нулю. Но такая послѣдовательность уничтожила бы самую теорію, обнаруживши ея несостоятельность. Поэтому, защитники отрицательнаго начала въ исторіи употребляютъ его только какъ діалектическое орудіе противъ всего существующаго; къ будущему оно не должно прилагаться. Въ будущемъ историческія категоріи должны исчезнуть, уступая мѣсто осуществленію того идеала, во имя котораго отрицается все прошлое. Но идеалъ, который является не завершеніемъ, а отрицаніемъ всего предъидущаго хода, самъ необходимо носитъ на себѣ отрицательный характеръ. И точно, соціалисты берутъ одну только сторону человѣческой природы и во имя ея отрицаютъ все остальное, какъ преходящее. Берется общее и отрицается все особенное, то есть, именно то, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Вслѣдствіе этого должны исчезнуть собственность, договоръ, наслѣдство, гражданское общество, однимъ словомъ все, что истекаетъ изъ дѣятельности единичнаго лица. Категорія особеннаго, какъ произведеніе средневѣковаго порядка, по мнѣнію Лассаля, должна быть искоренена. Понятно, что черезъ это самое должна исчезнуть личность, а съ нею вмѣстѣ и свобода. На развалинахъ созданнаго человѣкомъ историческаго міра воздвигается одна категорія, которую Лассаль почему то не считаетъ чисто историческою, хотя она стоитъ совершенно на ряду съ другими и къ ней могли бы прилагаться тѣже начала. Эта категорія есть государство. У Гегеля государство является высшимъ изъ человѣческихъ союзовъ, завершеніемъ общественнаго зданія. У Лассаля же государство предназначено поглотить все остальное; кровля должна уничтожить зданіе. Отъ государства требуется, чтобы оно сосредоточило въ своихъ рукахъ все находящееся нынѣ въ частномъ владѣніи; все частное должно сдѣлаться общимъ.

Въ этомъ выводѣ мы опять видимъ прямое противорѣчіе основнымъ положеніямъ Гегеля, которыя признаются Лассалемъ за исходную

точку, и которыя подтверждаются не только строго научнымъ анализомъ, но даже простымъ здравымъ смысломъ. По ученію Гегеля, истинно общее есть то, которое совмѣщаетъ въ себѣ частное; общее же, отрицающее все частное, само ничто иное какъ одностороннее, слѣдовательно частное опредѣленіе, которое, какъ таковое, въ свою очередь отрицается. Государство, какъ оно было понято Гегелемъ, есть то государство, которое развивается въ исторіи и существуетъ въ дѣйствительности; государство же, въ томъ видѣ, какъ оно понимается Лассалемъ, ничто иное какъ отвлеченіе, лишенное и теоретическаго основанія и жизненной почвы, а потому не заключающее въ себѣ ни малѣйшихъ условій существованія.

Это отвлеченное понятіе о государствѣ, отрицающемъ всѣ частныя категоріи, Лассаль связываетъ съ наступающимъ владычествомъ низшихъ классовъ. Онъ изображаетъ исторію, какъ послѣдовательную смѣну господствующихъ классовъ, смѣну, проистекающую отъ развитія экономическаго быта. Въ средніе вѣка, главнымъ дѣятелемъ производства была поземельная собственность. Вслѣдствіе этого, вершину общественнаго зданія занимала поземельная аристократія, которая, въ силу присущаго всѣмъ владычествующимъ классамъ стремленія, присвоивала себѣ всѣ преимущества, а тяжести возлагала на другихъ. Но съ XVI-го вѣка ростетъ капиталъ, и эта новая промышленная сила производитъ наконецъ государственный переворотъ, вслѣдствіе котораго власть переходитъ въ руки среднихъ классовъ. Съ Французскою революціею водворяется господство мѣщанства, которое, въ свою очередь, присвоиваетъ политическія права исключительно себѣ, а всѣ тяжести, посредствомъ косвенныхъ налоговъ, сваливаетъ на низшіе классы. Наконецъ, съ Февральскою революціею наступаетъ новая, современная эра, которая знаменуется владычествомъ демократіи. Но послѣдняя, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, не исключаетъ уже никого изъ своей среды. Рабочій классъ заключаетъ въ себѣ всѣхъ, ибо всѣ суть работники на общую пользу. Поэтому интересы его не противорѣчатъ требованіямъ нравственности и общаго блага, какъ интересы высшихъ классовъ; онъ не грязнетъ въ эгоизмѣ и не принужденъ заглушать въ себѣ голосъ разума и совѣсти. Рабочій является истиннымъ представителемъ общаго дѣла человѣчества. У него вырабатывается и совершенно иное понятіе о государствѣ, нежели у мѣщанства. Послѣднее видитъ въ государствѣ только ночнаго сторо-

жа, ограждающаго личность и собственность; рабочіе же, по самому своему безпомощному положенію, сознаютъ недостатокъ единичныхъ силъ, а потому обращаются къ государству съ высшими требованіями. Въ ихъ глазахъ, оно представляетъ солидарность всѣхъ интересовъ, общность и взаимность развитія; оно должно избавить человѣка отъ гнета бѣдности, невѣжества и нужды; оно должно воспитать его къ свободѣ. Государство есть союзъ лицъ, образующихъ одно нравственное цѣлое, союзъ, который въ милліоны разъ умножаетъ ихъ силу. Осуществленіе этой идеи и есть задача настоящей эпохи; въ этомъ состоитъ высокое призваніе рабочаго класса, который пріобрѣлъ для этого и надлежащее орудіе—всеобщее право голоса [1]).

Несостоятельность этого историческаго взгляда очевидна для всякаго, кто знакомъ съ дѣйствительнымъ ходомъ исторіи. Справедливо, что въ средніе вѣка господствовала поземельная аристократія; но и тогда уже въ городахъ не только возрастало могущество среднихъ классовъ, но отчасти водворялась и чистая демократія. Затѣмъ, съ наступленіемъ новаго времени, и аристократія и города равно подчинились верховной государственной власти, которая потому именно возвысилась надъ всѣми, что она представляла не интересы одного какого либо сословія, а всѣхъ въ совокупности. Даже тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, аристократія сохранила свое политическое могущество, она могла стоять во главѣ государства лишь потому, что она не присвоивала себѣ исключительныхъ податныхъ привилегій и не сваливала всѣ тяжести на другихъ, а подчинялась общему праву. Точно также и средніе классы, которые возрастали подъ сѣнью монархической власти, являлись представителями интересовъ всего народа. Третье сословіе во Франціи заключало въ себѣ не однихъ горожанъ, но и всѣ низшіе классы. Такимъ оно и выступило во времена Французской революціи, которая въ Правахъ человѣка и гражданина провозгласила не сословное начало, а общее право. Выставлять Французскую революцію чисто мѣщанскимъ переворотомъ, который перенесъ только политическую власть отъ одного сословія къ другому, значитъ идти наперекоръ исторической очевидности. Послѣдующее сосредоточеніе политическаго права въ рукахъ средняго класса было реакціею противъ революціонныхъ на-

---

1) См. der Arbeiterprogramm.

чалъ и сдѣлкою съ законною монархіею. Мало того: еще прежде Французской революціи, въ Сѣверной Америкѣ водворилась чистая демократія на началахъ всеобщаго права. Для пріобщенія низшихъ классовъ къ политической жизни не нужно было дожидаться 24-го Февраля 1848 года; оно совершилось уже въ XVIII-мъ вѣкѣ, и притомъ съ гораздо большею прочностью, нежели въ Европѣ. Но Соединенные Штаты Лассаль какъ будто намѣренно обходитъ, потому что сѣверо-американская демократія, единственная, на которую можно, въ сущности, ссылаться, ибо она одна имѣетъ столѣтнее существованіе, вовсе не подходитъ подъ его идеалъ. Въ Америкѣ, демократія нисколько не раздѣляетъ взглядовъ Лассаля на государство, а напротивъ, держится именно тѣхъ понятій, которыя Лассаль называетъ мѣщанскими, тогда какъ въ Европѣ государственная дѣятельность расширялась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ среднихъ классовъ. Послѣднее совершалось однакоже далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ требуетъ Лассаль; ибо средніе классы никогда не дѣлали государство орудіемъ для обращенія чужаго достоянія въ свою пользу, къ чему именно Лассаль побуждаетъ низшіе классы, не смотря на лицемѣрныя увѣренія, что ихъ интересы сливаются съ интересами всѣхъ. Государство есть **вашъ** союзъ, говоритъ онъ рабочимъ, ибо вы составляете 96½ процентовъ всего населенія; поэтому вы въ правѣ пользоваться имъ для своихъ выгодъ. Мѣщанство можетъ довольствоваться защитою, ибо оно стоитъ на своихъ ногахъ; но рабочіе, которые ничего не имѣютъ, должны всего ожидать отъ государства, и чтобы получить желаемое, они должны воспользоваться принадлежащимъ имъ правомъ голоса, которое обезпечиваетъ за ними большинство.

Оказывается, слѣдовательно, что рабочіе, составляющіе господствующій элементъ современной эпохи, имѣютъ и права и политическую власть, но лишены матеріальныхъ средствъ и находятся въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что одно государство въ состояніи подать имъ руку помощи. Откуда же такое противорѣчіе? По теоріи Лассаля, обладаніе властью составляетъ плодъ предшествующаго экономическаго развитія. И точно, когда средніе классы выступили на смѣну аристократіи, то на ихъ сторонѣ былъ перевѣсъ и богатства и образованія. Но въ силу чего водворилось господство низшихъ классовъ? Экономическіе ли успѣхи общества привели къ тому, что рабочія руки сдѣлались господствующею

промышленною силою? Пріобрѣли ли рабочіе, въ свою очередь, политическое первенство богатствомъ и образованіемъ? Ничуть не бывало: соціалисты твердятъ постоянно, что свобода ихъ мнимая, что они порабощены капиталомъ и находятся въ болѣе бѣдственномъ состояніи, нежели когда либо. Но если такъ, то откуда же у нихъ политическая сила? Какимъ образомъ фактически порабощенные могутъ юридически имѣть въ рукахъ своихъ верховную власть?

Дѣло въ томъ, что все это порабощеніе мнимое. Здѣсь обнаруживается коренная фальшь, заключающаяся въ этихъ возгласахъ. Низшіе классы выступили на политическое поприще и пріобрѣли власть вовсе не вслѣдствіе какихъ либо экономическихъ перемѣнъ, и не потому что они пріобрѣтеннымъ ими матеріальнымъ и духовнымъ достояніемъ стоятъ выше другихъ и являются первенствующимъ элементомъ въ государствѣ, а единственно въ силу провозглашеннаго средними классами начала общей свободы, равной для всѣхъ. Это начало изъ области промышленной и гражданской было наконецъ перенесено въ область политическую, и тогда демократія естественно сдѣлалась преобладающею въ государствѣ. Но поэтому самому, она возможна единственно подъ условіемъ свободы. Всякая власть держится тѣмъ началомъ, которое даетъ ей бытіе. Свобода, рождающая общее право, ограждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ высшіе классы отъ посягательства со стороны низшихъ. Въ этомъ состоитъ вся сила сѣверо-американской демократіи. Напротивъ, еслибы низшіе классы, слѣдуя внушеніямъ соціалистовъ, вздумали отрицать то начало, во имя котораго они призваны къ политическому праву, еслибы они захотѣли воспользоваться властью для своихъ частныхъ цѣлей, то дѣло немедленно приняло бы иной оборотъ. Тутъ въ острыхъ явленіяхъ обнаружилось бы противорѣчіе между обладаніемъ верховною властью и фактически низшимъ положеніемъ облеченнаго ею класса. Въ результатѣ, не фактическое положеніе было бы поднято къ уровню права, что̀ немыслимо, и что̀ при малѣйшей попыткѣ, повело бы къ разрушенію общества, а наоборотъ, право низошло бы на уровень фактическаго положенія, что̀ одно согласно съ устройствомъ человѣческихъ обществъ и съ законами человѣческаго развитія. Естественный перевѣсъ богатства и образованія непремѣнно возьметъ свое, и тогда окажется еще разъ, что появленіе на сцену соціализма служитъ знакомъ паденія демократіи. Таковъ единственный исходъ, къ которому можетъ привести мнимое историческое преобладаніе низшихъ классовъ.

Въ дѣйствительности, низшіе классы только до тѣхъ поръ способны сохранить за собою политическое право, пока они добровольно подчиняются руководству высшихъ; въ противномъ случаѣ, все это зданіе должно рухнуть.

Такимъ образомъ, историческіе взгляды соціалистовъ-метафизиковъ со всѣхъ сторонъ оказываются несостоятельными. Ихъ историческія начала представляютъ извращеніе метафизики, изъ которой они извлечены, а въ приложеніи, они являются искаженіемъ исторіи и посягательствомъ на здравыя основанія политики. На сколько истинно философскія воззрѣнія на исторію, выработанныя идеалистическою школою, глубоки и плодотворны, на столько одностороннее развитіе ихъ соціалистами ведетъ къ превратному пониманію вещей. Вмѣсто положительнаго развитія, является отрицаніе всего прошлаго, а вмѣстѣ и всего существующаго порядка вещей; вмѣсто завершенія общественнаго зданія государствомъ, получается извращенный идеалъ государства, поглощающаго всѣ частные элементы, слѣдовательно отрицающаго и свободу, и собственность, и наслѣдство, и гражданское общество, однимъ словомъ, весь тотъ общественный бытъ, который служитъ ему основаніемъ, и безъ котораго оно останется на воздухѣ. Противорѣчіе господствуетъ тутъ съ начала до конца.

Посмотримъ теперь, что скажетъ намъ реализмъ.

Отвергнувъ метафизику, реализмъ не отвергъ однако раскрытаго метафизикою закона историческаго развитія. Факты слишкомъ громко подтверждаютъ въ этомъ случаѣ результаты умозрительной философіи. Но отнявши у этого начала метафизическое его основаніе, реализмъ тѣмъ самымъ лишилъ его внутренняго смысла. Вслѣдствіе этого, послѣдователи чистаго опыта, когда они пытаются объяснить проистекающія изъ этого начала историческія явленія, принуждены прибѣгать къ самымъ невѣроятнымъ натяжкамъ или запутываются въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ.

Провозглашеніе историческаго развитія, какъ верховнаго закона, управляющаго всѣмъ движеніемъ человѣческихъ обществъ, мы находимъ уже у перваго представителя современнаго реализма, у Огюста Конта. «Понятіе, которое наиболѣе отличаетъ собственную соціологію отъ простой біологіи, говоритъ онъ, есть основная идея безостановочнаго прогресса, или лучше, постепеннаго развитія человѣчества» [1]). Это развитіе состоитъ въ томъ, что высшія спо-

[1]) Cours de Philosophie Positive, IV, стр. 364 (48-ième Leçon).

собности человѣка, «сначала сравнительно дремлющія, мало по малу принимаютъ, вслѣдствіе болѣе и болѣе широкаго и правильнаго упражненія, все болѣе и болѣе полный полетъ, въ общихъ границахъ, положенныхъ основнымъ организмомъ человѣка». Огюстъ Контъ предпочитаетъ слово развитіе, означающее простое дѣйствіе основныхъ способностей, вѣчно присущихъ человѣку и составляющихъ совокупность его природы, слову совершенствованіе, которое слишкомъ неопредѣленно и подлежитъ ложнымъ толкованіямъ, хотя онъ признаетъ, что развитіе влечетъ за собою улучшеніе, какъ самыхъ способностей, такъ и проистекающаго изъ нихъ быта, слѣдовательно совершенствованіе человѣка (IV, стр. 378—387).

Какъ же объясняется этотъ законъ? Не смотря на то, что по теоріи Конта мы внутренней природы вещей не знаемъ, и можемъ изслѣдовать только управляющіе ими законы, то есть, постоянную послѣдовательность и сходство явленій (I, стр. 4—5; VI, стр. 702—7), однако, при опредѣленіи развитія, онъ считаетъ нужнымъ отправиться отъ природы человѣка. Всякій законъ общественной послѣдовательности, говоритъ онъ, даже указанный со всевозможнымъ авторитетомъ историческою методою, можетъ быть окончательно принятъ только тогда, когда онъ раціонально связанъ, прямо или косвенно, съ положительною теоріею человѣческой природы (IV, стр. 466). Сущность этой природы опредѣляется тѣмъ свойствомъ, которое отличаетъ человѣка отъ животныхъ, то есть, разумомъ. Вслѣдствіе этого, Контъ преобладающимъ началомъ историческаго развитія признаетъ развитіе разума. Исторія общества есть главнымъ образомъ исторія человѣческаго разума (IV, стр. 647—9).

Все это, хотя не совсѣмъ послѣдовательно, но совершенно вѣрно. Но вотъ въ чемъ состоитъ затрудненіе: именно эта высшая способность, которая должна владычествовать надъ всѣми другими, первоначально находится въ состояніи оцѣпенѣнія. Она выступаетъ съ достаточною силою только на высокой ступени общественнаго развитія, для которой, говоритъ Контъ, она очевидно предназначена (стр. 624). Мало того: по природѣ, не только влеченія имѣютъ «энергическое преобладаніе» надъ умственными способностями, но послѣднія, говоритъ Контъ, «естественно наименѣе энергичны изъ всѣхъ, и дѣятельность ихъ, чуть она продолжается одинакимъ образомъ въ извѣстныхъ размѣрахъ, производитъ у большинства людей настоящую усталость, скоро становящуюся невыносимою». И тѣмъ не менѣе,

замѣчаетъ Контъ, именно отъ упорной дѣятельности этихъ способностей зависятъ всѣ измѣненія человѣческаго существованія, «такъ, что, вслѣдствіе печальнаго совпаденія (par une déplorable coïncidence), человѣкъ всего болѣе нуждается въ той дѣятельности, къ которой онъ наименѣе способенъ» (стр. 543—4).

Такое же противорѣчіе обнаруживается и въ практическихъ свойствахъ человѣка. «Въ совокупности нашего нравственнаго организма, говоритъ Контъ, наименѣе возвышенные и наиболѣе спеціально эгоистическіе инстинкты имѣютъ несомнѣнный перевѣсъ надъ болѣе благородными наклонностями, прямо относящимися къ общежитію». А между тѣмъ, хотя, «наши общежительныя влеченія, и постоянствомъ и энергіею, къ несчастью, гораздо ниже влеченій личныхъ», общее счастіе зависитъ именно отъ удовлетворенія первыхъ (стр. 550—1).

Вслѣдствіе этого, по признанію Конта, человѣческое развитіе только отчасти можетъ называться естественнымъ; отчасти же оно носитъ на себѣ характеръ искусственный. Оно «естественно тѣмъ, что оно стремится дать большее и большее преобладаніе существеннымъ свойствамъ человѣчества въ сравненіи съ животною природою, установивши владычество способностей, очевидно предназначенныхъ управлять всѣми другими; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно является въ высшей степени искусственнымъ, ибо оно состоитъ въ томъ, чтобы дать, посредствомъ надлежащаго упражненія нашихъ способностей, тѣмъ большее преобладаніе каждой изъ нихъ, чѣмъ она первоначально менѣе энергична» (стр. 630—1). Отсюда вѣчная и необходимая борьба между человѣческою и животною природою, борьба, которою наполняется исторія.

Такимъ образомъ, по теоріи Конта, развитіе состоитъ въ томъ, чтобы поставить на верхъ то, что находится внизу, дать силу тому, что слабо, и наоборотъ, оттѣснить внизъ то, что стояло на верху, ослабить то, что было сильно. Если таково проявленіе природы развивающагося существа, то нельзя не сказать, что это проявленіе есть вмѣстѣ полное ея извращеніе. И къ довершенію трудности, эту искусственную операцію должна произвести сама эта природа надъ собою. Въ то время какъ въ ней преобладаютъ однѣ наклонности, она должна дать перевѣсъ другимъ. Какимъ же образомъ это возможно?

При объясненіи этого явленія, недостаточно ссылаться на не-

обходимое изощреніе способностей вслѣдствіе упражненія: умственныя способности, говоритъ намъ Контъ, по природѣ лишены энергіи и употребленіе ихъ человѣку непріятно. Состояніе дикихъ фактически доказываетъ, что онѣ могутъ вѣчно оставаться неподвижными. Для того чтобы изощреніе было плодотворно, надобно, чтобы оно было направлено разумною волею къ разумной цѣли, но это составляетъ уже плодъ развитія: это именно то, чего недостаетъ, и что требуется получить.

Недостаточно ссылаться и на основной инстинктъ, который влечетъ человѣка къ безпрерывному улучшенію своего состоянія, инстинктъ, изъ котораго Контъ мимоходомъ выводитъ все человѣческое развитіе (стр. 364). Улучшеніе состоянія представляется всегда въ видѣ удовлетворенія наклонностей; если же преобладаютъ наклонности неразумныя, то подавленіе ихъ и развитіе другихъ способностей, находящихся въ состояніи оцѣпенѣнія, никакъ не можетъ представляться человѣку желанною цѣлью.

Что подобныя объясненія не затрогиваютъ существа дѣла, видно уже изъ того, что развитіе существуетъ и тамъ, гдѣ нѣтъ ни изощренія способностей, ни стремленія къ улучшенію своего состоянія. Развивается и животный организмъ, а такъ какъ самъ Контъ признаетъ человѣческое развитіе высшею ступенью развитія органическаго, то очевидно, что для установленія основнаго понятія о развитіи необходимо принять въ соображеніе оба элемента. Надобно объяснить, какимъ образомъ низшее состояніе можетъ переходить въ высшее, и какимъ образомъ природа даннаго существа, излагая собственныя свои опредѣленія, можетъ въ концѣ явиться совершенно иною, нежели въ началѣ. Реализмъ не въ состояніи разрѣшить этой задачи. Онъ можетъ только описать процессъ или указать частныя причины, ровно ничего не объясняющія.

Истинное объясненіе заключается въ метафизическомъ понятіи о силѣ, дѣйствующей по внутренней цѣли. Это—то, что въ метафизикѣ называется идеею, а въ дѣйствительномъ мірѣ, въ единичномъ существѣ—душою, а въ высшемъ своемъ проявленіи, то есть, въ собраніи разумныхъ существъ, внутренно связанныхъ между собою,—духомъ. Идея, какъ внутренняя природа вещи, долженствующая осуществиться, а потому составляющая цѣль развитія, является сначала въ смутномъ состояніи, гдѣ всѣ опредѣленія содержатся только въ возможности; затѣмъ она сама, пользуясь внѣшними условіями, излагаетъ

свои опредѣленія, до тѣхъ поръ пока не будетъ достигнута та полнота, соединенная съ высшимъ единствомъ, которая представляетъ совершенство данной природы. Въ силу этихъ началъ, истинная природа развивающагося существа раскрывается только въ концѣ, а отнюдь не въ исходной точкѣ, которая обозначаетъ лишь первую границу движенія. Въ органическомъ существѣ, простая клѣточка заключаетъ уже въ себѣ, въ скрытомъ видѣ, весь послѣдующій организмъ; но для физическаго глаза это скрытое содержаніе недоступно, и никакой опытъ ничего тутъ не можетъ обнаружить. Все это раскрывается только послѣдующимъ развитіемъ. Живущая въ клѣточкѣ душа, то есть сила, дѣйствующая по внутренней цѣли, сама, пользуясь окружающею ее средою, создаетъ для себя органическое тѣло, и это развитіе продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто полное изображеніе скрывавшагося въ клѣточкѣ типа. Духовное развитіе отличается отъ органическаго тѣмъ, что здѣсь тотъ же самый процессъ совершается черезъ посредство сознанія и свободы. Поэтому, движущая исторіею идея, которая на низшихъ ступеняхъ является только въ видѣ смутнаго инстинкта, по мѣрѣ развитія сознается человѣкомъ и становится свободно избираемою цѣлью его дѣятельности. Первоначально духъ погруженъ еще въ природу и находится подъ вліяніемъ ея опредѣленій; но съ теченіемъ времени онъ отрывается отъ этихъ опредѣленій и создаетъ свой собственный духовный міръ, осуществляя путемъ свободы то, что онъ есть въ себѣ самомъ. На высшихъ ступеняхъ, человѣкъ сознательно является тѣмъ, чѣмъ онъ инстинктивно былъ съ самаго начала своего существованія, носителемъ идеальныхъ началъ. Человѣкъ, по природѣ своей, есть метафизическое существо, и таковымъ онъ является въ исторіи.

Понятно, что отрицая метафизику, позитивизмъ не въ состояніи постигнуть смыслъ развитія. Вслѣдствіе этого и выведенный имъ законъ историческаго движенія оказывается ложнымъ. Мы видѣли, что Огюстъ Контъ требуетъ, чтобы этотъ законъ согласовался съ положительнымъ понятіемъ о природѣ человѣка; а такъ какъ это положительное понятіе у него совершенно превратно, то и согласованный съ нимъ законъ долженъ быть также невѣренъ. По ученію Конта, этотъ законъ состоитъ въ послѣдовательности трехъ періодовъ умственнаго развитія: богословскаго, метафизическаго и положительнаго. Первый представляетъ младенчество человѣческаго

рода. У человѣка, въ эту пору, опытности еще нѣтъ, воображеніе преобладаетъ надъ разумомъ. Поэтому онъ склоненъ представлять себѣ всѣ вещи по аналогіи съ своею собственною личностью. Сначала онъ самые неодушевленные предметы принимаетъ за живыя существа. Отсюда первая ступень богословскаго міросозерцанія — фетишизмъ. Впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія способности къ обобщенію, человѣкъ живыми существами признаетъ уже не отдѣльныя вещи, а общія господствующія надъ ними силы; это — періодъ многобожія. Наконецъ, всѣ эти отдѣльныя силы сводятся къ единству, и тогда надъ всѣмъ воздвигается единое, всемогущее и разумное Существо, которому поклоняется человѣкъ. Однако и тутъ сохраняется тотъ же антропоморфическій характеръ міросозерцанія, который господствовалъ въ началѣ. Только по мѣрѣ развитія разума, человѣкъ приходитъ къ убѣжденію, что явленія природы управляются не подобными ему существами, а вѣчными и неизмѣнными законами, которыхъ изслѣдованіе одно доступно нашему разуму, тогда какъ причины вещей отъ насъ скрыты. Въ этомъ состоитъ истинно научная точка зрѣнія, къ которой разумъ приходитъ въ высшемъ своемъ развитіи. Но прежде, нежели онъ достигъ этой высоты пониманія, онъ проходитъ черезъ посредствующую ступень, гдѣ представленіе объ управляющихъ явленіями живыхъ существахъ замѣняется смутнымъ представленіемъ метафизическихъ началъ, которыя однако, по самой своей шаткости и неопредѣленности, неспособны дать какую бы то ни было твердую точку опоры человѣческому разуму. Значеніе метафизики заключается единственно въ томъ, что она служитъ переходомъ отъ богословскаго міросозерцанія къ положительному. Только въ послѣднемъ человѣческій разумъ находитъ наконецъ настоящее свое средоточіе [1]).

Эта теорія подверглась критикѣ со стороны самихъ защитниковъ опыта. Спенсеръ замѣтилъ, что хотя мы признаемъ первую причину вещей непознаваемою для разума, но это не мѣшаетъ ей оставаться предметомъ религіознаго чувства, въ настоящее время, также какъ и въ первыя времена человѣчества. Наука никогда не можетъ вытѣснить религію, ибо отношеніе разума къ познаваемому никогда не можетъ замѣнить отношеніе чувства къ непознаваемому [2]).

Это замѣчаніе совершенно вѣрно относительно немыслимой замѣны

[1]) Cours de Phil. Pos. IV, 51-ième Leçon.

[2]) Reasons for dissenting from the philosophy of M. Comte: Essays, III, стр. 75.

религіи наукою; но оно страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, какъ и теорія Конта, въ томъ отношеніи, что оно столь же мало объясняетъ историческое значеніе религіи. Когда Контъ выдаетъ религію за пустой призракъ, и затѣмъ распространяется о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ этого призрака для первыхъ ступеней человѣческаго развитія, то это одна изъ тѣхъ несообразностей, въ которыя такъ часто впадаетъ реализмъ. Пустой призракъ не можетъ быть двигателемъ историческаго развитія, ибо ничто ничего не производитъ. Поставить религію на ряду съ астрологіею и алхиміею значитъ ничего не понять въ ея исторической роли. Въ религіи нѣтъ даже того практическаго интереса, который побуждалъ астрологовъ и алхимиковъ къ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ; вѣра въ сверхъестественное дѣйствіе невидимыхъ существъ избавляла, напротивъ, человѣка отъ необходимости изучать дѣйствительную связь явленій. Но точно также ничего не выходитъ и изъ отношенія неопредѣленнаго чувства къ непознаваемому предмету. И при такомъ взглядѣ, неоспоримое значеніе религіи, какъ великой исторической силы, остается непонятнымъ.

Это значеніе объясняется единственно тѣмъ, что религія есть не пустой призракъ или смутное чувство чего-то неизвѣстнаго, а живое отношеніе человѣческой души къ познаваемому абсолютному. Отсюда та всеобъемлющая сила, съ которою она охватываетъ человѣка; поэтому только она можетъ сдѣлаться началомъ историческаго движенія. И это значеніе не есть нѣчто преходящее. Религіозное стремленіе вытекаетъ изъ глубочайшихъ основъ человѣческой природы. Какъ метафизическое существо, которое и разумомъ и чувствомъ возвышается надъ всѣмъ относительнымъ, человѣкъ жаждетъ единенія съ тѣмъ абсолютнымъ, на которое указываетъ ему все его естество. Поэтому религія всегда была, есть и будетъ кореннымъ началомъ человѣческой жизни.

Всего менѣе она можетъ быть вытѣснена опытною наукою, которая вращается въ совершенно иной, гораздо болѣе низменной сферѣ. Когда Контъ признаетъ познаніе относительнаго высшею ступенью человѣческаго развитія, то это опять же идетъ наперекоръ самымъ кореннымъ требованіямъ человѣческой природы, требованіямъ, которыя заявляются съ неотразимою силою, какъ только человѣкъ начинаетъ думать о себѣ и о мірѣ. «Замѣчательно, говоритъ Контъ, что вопросы наиболѣе радикальнымъ образомъ недоступные нашимъ

средствамъ, внутренняя природа существъ, начало и конецъ всѣхъ явленій, суть именно тѣ, которые нашъ умъ полагаетъ себѣ прежде всего въ этомъ первоначальномъ состояніи, тогда какъ дѣйствительно разрѣшимыя задачи считаются почти недостойными серіозныхъ размышленій» [1]). Что же это доказываетъ, какъ не вѣчную принадлежность этихъ вопросовъ человѣческому разуму съ самыхъ первыхъ ступеней его развитія? Во всякомъ случаѣ, чтò бы мы ни думали о возможности удовлетворенія этихъ требованій, мы не можемъ не признать, что устраненіе ихъ было бы подавленіемъ не животной стороны нашего естества, какъ требуется указаннымъ Контомъ закономъ развитія, а именно того, что возвышаетъ насъ надъ животными и что связываетъ насъ съ высшимъ, духовнымъ міромъ. Чѣмъ совершеннѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе онъ можетъ отказаться отъ этого глубочайшаго стремленія своей природы, отъ этой высшей печати своего духовнаго естества. Поэтому, преобладаніе опытнаго знанія никогда не можетъ быть признано вѣнцомъ человѣческаго развитія. Оно можетъ явиться только переходною ступенью въ исторіи человѣческой мысли, признакомъ, характеризующимъ тѣ несчастныя посредствующія эпохи, когда извѣстное міросозерцаніе уже не удовлетворяетъ человѣка и вырабатывается другое, которое еще не выяснилось вполнѣ.

Это до такой степени вѣрно, что самое опытное знаніе, не смотря на то, что оно отрекается отъ познанія абсолютнаго, неизбѣжно, силою вещей, отправляется отъ началъ, которыя оно признаетъ абсолютными. Безъ этого никакое научное познаніе невозможно. По теоріи Конта, познаніе причинъ, первоначальныхъ и конечныхъ, должно замѣниться изслѣдованіемъ законовъ, управляющихъ вселенною. Но эти законы признаются вѣчными, неизмѣнными и непреложными: такова исходная точка всей системы, безъ чего нѣтъ опытной науки. Слѣдовательно, это—законы абсолютные; вытолкнутое въ одну дверь, абсолютное возвращается въ другую. И когда идеаломъ познанія выставляется сведеніе всѣхъ законовъ къ единому, верховному закону, изъ котораго все остальное выводится, какъ послѣдствіе, то этимъ самымъ признается, что эти абсолютные законы образуютъ единую разумную систему, ибо логически выводить можно только то, что заключаетъ въ себѣ логиче-

[1]) Cours de Philos. Pos. I, стр. 10.

скую связь. Если же всѣ законы вселенной составляютъ единую непреложную и разумную систему, то въ основаніи ихъ лежитъ единая, абсолютная и разумная сила, ибо законъ ничто иное какъ способъ дѣйствія силы, и когда мы познаемъ законъ, мы тѣмъ самымъ познаемъ и природу проявляющейся въ немъ силы. Это познаніе разумныхъ силъ, лежащихъ въ основаніи явленій, составляетъ именно задачу метафизики, которая однако, по самому существу дѣла, принуждена отправляться не отъ внѣшнихъ явленій, а отъ разума и его законовъ, ибо, для того чтобы понять разумность явленій и управляющихъ ими законовъ, необходимо предварительно имѣть мѣрило въ самомъ испытующемъ разумѣ. Безъ этого, наука превращается въ груду несвязанныхъ фактовъ. Связать явленія можно лишь логическою связью, а логическая связь дается законами разума. Если же разумъ понимается какъ чисто страдательная способность, воспринимающая лишь чуждое ей содержаніе, то связь будетъ исключительно фактическая, и тогда не будетъ ни разумной системы, ни непреложныхъ законовъ, ни строгой науки. Тогда дѣйствительно все будетъ представляться относительнымъ, то есть, случайнымъ и колеблющимся. Всякая твердая точка опоры исчезнетъ.

Такимъ образомъ, метафизика представляетъ не переходъ отъ богословія къ положительной наукѣ, а начало и конецъ положительной науки. Преобладающее значеніе чистаго опыта можетъ быть лишь переходною ступенью умственнаго развитія. Это и подтверждается исторіею. О наукѣ новаго времени мы фактически судить не можемъ, ибо именно въ настоящее время мы находимся въ одной изъ такихъ переходныхъ эпохъ. Но въ исторіи древняго мышленія мы имѣемъ уже законченный циклъ; что же она говоритъ намъ въ этомъ отношеніи? Подтверждаетъ ли она законъ, выведенный Контомъ? Ничуть не бывало. Греческая мысль дѣйствительно перешла отъ первоначальнаго, богословскаго міросозерцанія къ метафизическому, послѣ чего она, откинувъ метафизику, устами Софистовъ, провозгласила явленіе истиною и относительное единственнымъ предметомъ познанія; но затѣмъ, вмѣсто того чтобы остановиться на этой свойственной созрѣвшей мысли точкѣ зрѣнія, она снова погружается въ метафизику и отъ метафизики опять переходитъ къ богословію. Мы имѣемъ тутъ самое яркое фактическое опроверженіе всей теоріи позитивизма.

Какъ же выпутывается изъ этого Контъ? Онъ все развитіе греческой мысли, обнимавшей собою и философію, и математику и даже

опытныя науки, относитъ къ богословскому періоду, и притомъ даже не къ высшей, а къ средней его эпохѣ, которая характеризуется многобожіемъ; а такъ какъ за Грецією слѣдовалъ Римъ съ своею воинственною политикою, которая, по теоріи Конта, тоже составляетъ принадлежность богословскаго періода, то греческая наука оказывается у него переходною формою между египетскою теократіею и римскимъ военнымъ духомъ. Теократія уже ослабѣла, а военный духъ еще не вполнѣ развился; а потому умственныя силы, которымъ некуда было дѣваться, бросились на науки и на искусство!! [1]). И такія несообразныя объясненія, которыми можно развѣ морочить дѣтей, выдаются за высшій плодъ созрѣвшаго опыта! Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: отчего же мысль, которая отъ нечего дѣлать кинулась въ науку и нечаянно наткнулась не только на метафизику, но даже на математику и на опытное знаніе, не продолжала идти тѣмъ же путемъ? Поворотъ ея отъ опыта къ метафизикѣ и отъ метафизики къ богословію все таки служитъ неопровержимымъ доказательствомъ противъ выведеннаго Контомъ преемственнаго движенія человѣческаго ума черезъ послѣдовательные три періода, богословскій, метафизическій и положительный.

И такъ, провозглашенный съ такимъ трескомъ законъ историческаго развитія оказывается мнимымъ. Одностороннее пониманіе человѣческой природы повело къ ложному пониманію управляющаго ею закона. Пока мы не признаемъ кидающагося въ глаза факта, что человѣкъ, по природѣ своей, есть метафизическое существо, мы ничего не поймемъ въ его развитіи, и еще менѣе мы въ состояніи будемъ постигнуть тотъ идеалъ, къ которому онъ долженъ направлять свой путь. Въ этомъ отношеніи, ученіе Конта весьма поучительно. Не смотря на отрицаніе конечныхъ причинъ, онъ считаетъ возможнымъ указать не только законъ, которымъ управляется движеніе человѣческихъ обществъ, но и ту цѣль, къ которой должно привести человѣчество развитіе положительной философіи. У него также есть свой общественный идеалъ; но такъ какъ этотъ идеалъ составляетъ логическій выводъ изъ одностороннихъ воззрѣній, то и онъ не представляетъ ничего, кромѣ чистыхъ фантазій. Положительная философія въ результатѣ своемъ приходитъ къ воздушнымъ замкамъ.

---

[1]) Cours de Phil. Pos. V, стр. 245 и слѣд. (53-ième Leçon).

Идеальное устройство общества, по теоріи Конта, должно состоять въ замѣнѣ религіи положительною наукою и военной силы промышленностью. На мѣсто церкви ставится корпорація ученыхъ. Подобно средневѣковой церкви, эта корпорація стоитъ на высшей ступени общественной лѣствицы; ей не присвоивается государственная власть, но она завѣдываетъ воспитаніемъ, сдерживаетъ умственную анархію и даетъ нравственное направленіе обществу. Свѣтская же область, гдѣ владычествуетъ промышленность, устроивается іерархически, согласно съ общимъ началомъ положительной философіи, которая вездѣ признаетъ восхожденіе отъ низшаго къ высшему и подчиненіе перваго послѣднему. Низшую ступень общественной лѣствицы занимаютъ рабочіе, надъ ними возвышаются предприниматели, наконецъ высшее мѣсто занимаютъ банкиры, которые обладаютъ наибольшими капиталами и составляютъ истинный центръ промышленнаго міра. Этимъ однако не установляется владычество денегъ. Нравственное вліяніе корпораціи ученыхъ даетъ нравственное направленіе и употребленію богатства. Каждый разсматриваетъ себя какъ должностное лице, обязанное служить обществу, вслѣдствіе чего граждане обращаютъ свои средства на общую пользу. Въ этомъ, по мнѣнію Конта, состоитъ истинное разрѣшеніе соціальнаго вопроса и удовлетвореніе справедливыхъ требованій пролетаріата. При такомъ порядкѣ, низшіе классы будутъ видѣть своихъ естественныхъ защитниковъ въ корпораціи ученыхъ, и установится прочный союзъ между положительною философіею и демократіею [1]). Что касается до законовъ и учрежденій, которыми должно управляться это общество, то Контъ придаетъ имъ весьма мало значенія. Юристовъ, вмѣстѣ съ метафизиками, онъ относитъ къ переходной эпохѣ. Они занимаютъ такое же посредствующее мѣсто между военною силою и промышленностью, какъ метафизика между богословіемъ и положительною философіею. Государство, такимъ образомъ, совершенно улетучивается.

Очевидно, что все это устройство ничто иное какъ сколокъ съ средневѣковаго порядка, въ которомъ, съ формальной стороны, Огюстъ Контъ видѣлъ верхъ человѣческой мудрости. Измѣняется только содержаніе: на мѣсто церкви надобно поставить науку, а на мѣсто феодализма промышленность; то есть, надобно устроить

[1]) Cours de Ph. Pos. VI, 57-ième Leçon.

церковь безъ религіи и военную іерархію безъ военной силы, и тогда все будетъ хорошо. А что иное содержаніе требуетъ и иной формы, объ этомъ, повидимому, основатель положительной философіи не догадывался. Всего менѣе было ему доступно понятіе о государствѣ, въ которомъ метафизическія начала являются преобладающими. Поэтому онъ и не придавалъ ему никакого значенія.

Если мы сравнимъ этотъ дѣтскій бредъ съ тѣмъ глубокимъ пониманіемъ общественнаго быта, которое мы находимъ у метафизическихъ философовъ, то мы увидимъ все безконечное превосходство послѣднихъ. Казалось бы, что именно опытная философія должна дать намъ истинное познаніе дѣйствительности, а на дѣлѣ выходитъ совершенно обратное. И это объясняется самымъ свойствомъ предмета. Такъ какъ человѣкъ, по природѣ своей, есть метафизическое существо, то вся человѣческая дѣйствительность является созданіемъ метафизики. Поэтому, когда метафизическая философія обращается къ этой дѣйствительности, она узнаетъ въ ней самое себя и понимаетъ ее такъ, какъ она есть. Напротивъ, такъ называемая положительная философія начинаетъ съ отрицанія метафизики; но именно вслѣдствіе этого, она не въ состояніи ничего понять ни въ природѣ человѣка, ни въ управляющихъ имъ законахъ, ни въ созданномъ имъ общественномъ бытѣ. Существующую дѣйствительность она отрицаетъ, а на мѣсто ея она воздвигаетъ собственные идеалы, которые, не имѣя корня въ человѣческой природѣ и будучи основаны лишь на крайне одностороннемъ пониманіи явленій, лишены всякой внутренней состоятельности и представляютъ не болѣе какъ праздныя фантазіи. Весь ихъ интересъ заключается въ совершенной ихъ пустотѣ, обличающей ложную точку исхода.

Ученіемъ Конта не исчерпывается однако содержаніе реалистической философіи. Даже среди приверженцевъ реализма, это ученіе нашло себѣ мало послѣдователей. Такъ, Гербертъ Спенсеръ заявилъ, что онъ не согласенъ ни съ однимъ изъ основныхъ положеній Конта. По его мнѣнію, опытное знаніе должно имѣть въ виду не одни законы, но главнымъ образомъ п р и ч и н ы вещей, при чемъ однако первая причина должна вѣчно оставаться для насъ непознаваемою. Въ дѣйствительности, причины всегда составляли настоящій предметъ человѣческихъ изслѣдованій. Въ болѣе и болѣе полномъ ихъ познаніи состоитъ умственный прогрессъ человѣчества, прогрессъ, который не проходитъ черезъ три различныя фазы, какъ

утверждаетъ Контъ, а всегда слѣдуетъ одному и тому же пути, также какъ и самое опытное знаніе. Невѣрно и то, что умственный прогрессъ является верховнымъ дѣятелемъ въ человѣческомъ развитіи; напротивъ, онъ самъ состоитъ подъ вліяніемъ другихъ элементовъ. Міръ, говоритъ Спенсеръ, управляется и разрушается не идеями, а чувствами, идеи же служатъ имъ только путеводителями. Общественный механизмъ держится не на мнѣніяхъ, а на характерѣ. Извѣстное общественное состояніе, проистекающее изъ совокупности существующихъ въ немъ влеченій, порождаетъ извѣстныя идеи, а не наоборотъ. Поэтому, за теоріею прогресса надобно обратиться не къ умственному развитію, а къ совершенно инымъ началамъ [1]).

Собственную свою теорію развитія Спенсеръ первоначально изложилъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: Прогрессъ, его законъ и причина [2]). Она появилась въ 1857 году. Здѣсь Спенсеръ пытался свести прогрессъ къ общему закону, управляющему всѣмъ мірозданіемъ. Отправляясь отъ эмбріологическихъ изслѣдованій Бера, онъ опредѣлялъ прогрессъ вообще, какъ превращеніе однороднаго въ разнородное, и указывалъ присутствіе этого начала во всѣхъ явленіяхъ міра. Причину же подобнаго превращенія онъ полагалъ въ общемъ законѣ, въ силу котораго всякая причина производитъ болѣе, нежели одно дѣйствіе, а такъ какъ всякое дѣйствіе, въ свою очередь, становится причиною новаго дѣйствія, то отсюда проистекаетъ постоянное осложненіе вещей.

Скоро однако самъ Спенсеръ замѣтилъ, что умноженіе различій далеко не всегда означаетъ прогрессъ. У Бера взята была формула, но у нея отнятъ былъ смыслъ. Въ организмѣ переходъ отъ однороднаго къ разнородному потому только является признакомъ развитія, что это разнородное служитъ общей цѣли организма; явленіе же разнороднаго, которое противорѣчитъ этой цѣли, вовсе не можетъ считаться признакомъ прогресса. Всякая болѣзнь есть появленіе новой разнородности; но никто не признаетъ ее прогрессомъ. Тоже самое относится и къ разложенію. Надобно было, слѣдовательно, искать точнѣйшихъ опредѣленій. Это Спенсеръ и старался сдѣлать въ своихъ Первыхъ Началахъ (First Prin-

---

[1]) Reasons for dissenting from M. Comte: Essays, III.
[2]) Progress, its Law and Cause: Essays, I.

ciples), которыя содержатъ въ себѣ основаніе всей его философской системы.

Здѣсь, вмѣсто прогресса, является уже болѣе общій терминъ: эволюція, которой противополагается диссолюція. Эволюція, въ самомъ общемъ своемъ значеніи, есть интеграція, или сосредоточеніе материи, съ сопровождающею потерею, или разсѣяніемъ движенія; диссолюція, напротивъ, есть воспринятіе, или прибавленіе движенія, съ сопровождающимъ его разсѣяніемъ матеріи. Эти два противоположные процесса раздѣляютъ между собою всю вселенную, которая и въ цѣломъ и въ частяхъ представляетъ послѣдовательные періоды эволюціи и диссолюціи.

Спенсеръ подробно анализируетъ всѣ стадіи этихъ процессовъ, начиная съ сосредоточенія матеріи, которое служитъ первою причиною происхожденія вещей. Онъ указываетъ присутствіе этого начала во всѣхъ міровыхъ явленіяхъ: въ образованіи солнечной системы черезъ постепенное охлажденіе и уплотненіе вращающейся туманной массы, согласно съ извѣстною астрономическою гипотезою; въ происткшемъ отъ той же причины образованіи земной поверхности; въ органическомъ развитіи, которое происходитъ посредствомъ вбиранія разсѣянной прежде пищи; въ большемъ и большемъ сосредоточеніи органовъ на высшихъ ступеняхъ животнаго царства; въ появленіи общежительныхъ стремленій у животныхъ; наконецъ, въ прогрессѣ человѣческихъ обществъ, которыя отъ соединенія мелкихъ племенъ идутъ къ образованію большихъ государствъ, и окончательно къ международной федераціи. Такая же интеграція происходитъ и внутри каждаго общества, гдѣ отдѣльныя части получаютъ болѣе и болѣе сосредоточенную организацію. Тоже самое мы видимъ въ языкѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ. Однимъ словомъ, вездѣ повторяется одинъ и тотъ же основной законъ.

Рядомъ съ этимъ идетъ и другой процессъ, который сопровождаетъ первый, но занимаетъ второстепенное мѣсто въ общемъ эволюціонномъ движеніи, а именно, дифференціація, или переходъ отъ однороднаго къ разнородному. И этотъ процессъ можно фактически прослѣдить въ тѣхъ же явленіяхъ: солнечная система, изъ однородной массы, разбивается на отдѣльныя, связанныя законами тяготѣнія свѣтила; земная поверхность, охлаждаясь, получаетъ безконечно разнообразныя формы и виды; организмъ, въ своемъ развитіи, пріобрѣтаетъ разнообразно устроенные органы. Тотъ же переходъ отъ однообра-

зія къ разнообразію мы замѣчаемъ и въ совокупномъ развитіи животнаго царства. Но всего болѣе онъ обнаруживается въ человѣкѣ: племена расходятся; общество, по мѣрѣ совершенствованія жизни, получаетъ болѣе разнообразное строеніе; является различіе правительства и подданныхъ, раздѣленіе классовъ, сложная промышленная организація; въ языкѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, оказывается все большая и большая дифференціація частей, а вмѣстѣ и осложненіе цѣлаго.

Однакоже, не всякій переходъ отъ однороднаго къ разнородному служитъ признакомъ эволюціи. Болѣзни, разложенія, внутреннія возмущенія и бѣдствія суть явленія разнороднаго, которыя принадлежатъ диссолюціи. Признакомъ эволюціи, по мнѣнію Спенсера, служатъ лишь тѣ разности, которыя имѣютъ опредѣленность, строго отличающую ихъ отъ другихъ частей, тогда какъ разности, порожденныя диссолюціею, напротивъ, уничтожаютъ опредѣленность границъ. Высшее развитіе состоитъ именно въ большей и большей опредѣленности частей.

Наконецъ, ко всѣмъ предъидущимъ признакамъ, относящимся къ распредѣленію матеріи, надобно прибавить еще распредѣленіе остающагося въ тѣлѣ движенія. Если часть движенія теряется при интеграціи, то остающаяся часть слѣдуетъ внутреннему распредѣленію матеріи: также какъ послѣдняя, внутреннее движеніе становится болѣе сосредоточеннымъ, болѣе разнообразнымъ и болѣе опредѣленнымъ. Частичное движеніе, при интеграціи матеріи, переходитъ въ движеніе массъ, и притомъ въ прогрессивномъ порядкѣ; каждая же часть пріобрѣтаетъ свое особенное, именно ей свойственное движеніе. Это мы видимъ и въ образованіи солнечной системы, гдѣ безконечно разнообразныя движенія частицъ получаютъ сначала общее вращательное движеніе, а затѣмъ разбиваются на опредѣленныя движенія свѣтилъ, и въ образованіи земной поверхности, гдѣ установляется постоянное распредѣленіе климатовъ и воздушныхъ теченій, и въ организмѣ, гдѣ съ высшимъ строеніемъ появляются болѣе сосредоточенныя, опредѣленныя, но вмѣстѣ и сложныя отправленія, и наконецъ въ человѣкѣ, какъ со стороны развитія его душевныхъ способностей, такъ и въ общемъ ходѣ исторіи, въ которомъ разобщенныя прежде дѣйствія людей все болѣе и болѣе связываются и подчиняются общему направленію.

На основаніи всѣхъ этихъ признаковъ, Спенсеръ опредѣляетъ

эволюцію слѣдующимъ образомъ: «эволюція есть интеграція матеріи и сопровождающее ее разсѣяніе движенія, въ теченіи которыхъ матерія переходитъ отъ неопредѣленнаго, безсвязнаго однообразія къ опредѣленному и связному разнообразію, а остающееся движеніе подвергается параллельному превращенію».

Откуда же проистекаетъ этотъ законъ? Спенсеръ приводитъ разныя причины, которыя однако окончательно всѣ сводятся къ одной, именно, къ постоянству силы, составляющему основной законъ вселенной.

Первая причина заключается въ неустойчивости однороднаго (the instability of the homogeneous). Равновѣсіе однородной массы, при малѣйшемъ внѣшнемъ вліяніи, нарушается, и проистекающее отсюда разнообразіе идетъ увеличиваясь. Самое же это свойство однороднаго происходитъ оттого, что различныя его части, внутреннія и внѣшнія, ближайшія и отдаленныя, въ разной степени подвергаются дѣйствію всякой внѣшней силы; разныя же дѣйствія силъ имѣютъ различныя послѣдствія, которыя и производятъ разнообразіе въ строеніи и дѣятельности вещей.

Къ этому присоединяется другая причина, проистекающая изъ того же источника. Такъ какъ по основному закону силы, дѣйствіе всегда равно противодѣйствію, то дѣйствующая сила, производя различныя дѣйствія въ однородной массѣ, въ свою очередь претерпѣваетъ различныя воздѣйствія со стороны послѣдней, а потому раздробляется на группы разнородныхъ силъ. Отсюда общій законъ, что дѣйствіе всегда сложнѣе причины.

Этими двумя законами объясняется увеличеніе разнообразія; опредѣленность же разнообразнаго объясняется тѣмъ, что когда извѣстная сила дѣйствуетъ на предметъ, состоящій изъ разнородныхъ частей, то сходныя между собою части подвергаются одинакому дѣйствію, а потому отдѣляются отъ другихъ. Такъ напримѣръ, когда вѣтеръ или вода уноситъ предметы, имѣющіе различную тяжесть, то ближе всего падаютъ тяжелѣйшіе, дальше менѣе тяжелые, а далѣе всѣхъ самые легкіе. Такимъ образомъ, дѣйствіе внѣшней силы не только производитъ разнообразіе въ однородномъ, но и вноситъ въ него опредѣленность, отдѣляя разнородныя части одну отъ другой. И все это составляетъ послѣдствіе единаго начала—постоянства силы.

Каковъ же результатъ этого процесса? Очевидно, что постепенная потеря движенія, сопровождающая интеграцію матеріи, должна

наконецъ привести къ полному его прекращенію. Всякое движеніе въ пространствѣ, встрѣчая постоянное сопротивленіе, хотя бы и самое нечувствительное, непремѣнно когда нибудь приходитъ къ концу. Точно также и начало внутренняго движенія, теплота, улетучиваясь вслѣдствіе вліянія окружающей среды, производитъ наконецъ полное охлажденіе. Поэтому солнце должно когда нибудь померкнуть, и всѣ планеты съ своими спутниками должны съ нимъ соединиться. Прекращеніе движенія составляетъ естественный конецъ и всякаго органическаго существа. Смерть есть то окончательное равновѣсіе, къ которому стремится всякая эволюція. Но прежде, нежели эта цѣль достигнута, наступаетъ періодъ подвижнаго равновѣсія, которое есть пора высшаго совершенства даннаго предмета. Оно состоитъ въ томъ, что внутреннія силы и внѣшнія, дѣйствіе и противодѣйствіе, находятся въ равновѣсіи, вслѣдствіе чего прекращаются всякія частныя движенія, проистекающія изъ отношенія къ внѣшнимъ силамъ, и остается только общее движеніе частей въ отношеніи другъ къ другу, что всего яснѣе выражается въ вращающемся шарѣ. Въ животномъ организмѣ, это подвижное равновѣсіе проявляется въ томъ, что въ періодъ зрѣлости ежедневная потеря силъ совершенно уравновѣшивается ежедневнымъ ихъ возобновленіемъ посредствомъ пищи и сна. Въ человѣческихъ же обществахъ, это идеальное состояніе должно водвориться съ полнымъ уравновѣшеніемъ потребностей и внѣшнихъ условій. Однако это подвижное равновѣсіе не можетъ продолжаться вѣчно. Такъ какъ внутреннее движеніе все теряется, то наступаетъ минута, когда внѣшнія силы берутъ перевѣсъ, и это ускоряетъ окончательную остановку внутренняго движенія. Тогда для существа наступаетъ смерть; послѣдствіемъ же смерти является безпрепятственное дѣйствіе внѣшнихъ силъ, которыя, внося движеніе въ остановившіяся частицы, подвергаютъ ихъ разложенію. За сосредоточеніемъ матеріи и соотвѣтствующимъ разсѣяніемъ движенія, слѣдуетъ усиленіе движенія и соотвѣтствующее разсѣяніе матеріи, за эволюціею диссолюція. Сплотившіяся тѣла опять возвращаются въ то разрѣженное состояніе, изъ котораго они вышли; но это разрѣженное состояніе, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ начало новой эволюціи. Такимъ образомъ, все міозданіе должно представлять постоянныя смѣны періодовъ эволюціи и диссолюціи.

Такова теорія Спенсера. При поверхностномъ взглядѣ, она пред-

ставляется достаточно округленною и послѣдовательною. Но если мы вглянемся въ нее поближе, мы увидимъ, что она не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ совершенно произвольно подобранныхъ фактовъ и выводовъ, въ которыхъ можно найти все, исключая логики. Послѣдуемъ за нею шагъ за шагомъ.

Для того чтобы существовала какая бы то ни было матеріальная вещь, безъ сомнѣнія необходимо соединеніе матеріи, при чемъ соединившіяся частицы естественно теряютъ то движеніе, которое произвело ихъ соединеніе. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы основнымъ закономъ каждаго матеріальнаго существованія было постоянно увеличивающееся сосредоточеніе матеріи съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ движенія, до тѣхъ поръ пока не наступитъ обратный порядокъ. Факты не подтверждаютъ подобнаго взгляда.

Конечно, если мы остановимся на весьма вѣроятной гипотезѣ происхожденія солнечной системы, а вмѣстѣ и земной поверхности путемъ постепеннаго охлажденія раскаленной массы, то мы найдемъ здѣсь этотъ законъ. И не мудрено: онъ отсюда и взятъ. Но невозможно прилагать его къ единичнымъ существамъ, иначе, какъ съ помощью величайшихъ натяжекъ. Въ кристаллахъ, очевидно, нѣтъ ничего подобнаго: мы не видимъ въ нихъ постепеннаго уплотненія матеріи съ соотвѣтствующею потерею движенія. Они въ теченіи тысячелѣтій могутъ оставаться въ совершенно одномъ положеніи, до тѣхъ поръ пока не будутъ разрушены внѣшнею силою. Поэтому Спенсеръ осторожно ихъ обходитъ, хотя законъ эволюціи, какъ міровой законъ, вытекающій изъ постоянства силы, долженъ бы былъ проявляться и въ нихъ.

Столь же мало этотъ законъ прилагается и къ развитію организмовъ. Матерія, изъ которой образуется тѣло цыпленка, не находится въ разсѣянномъ видѣ; она заключена въ яйцѣ. Можно, пожалуй, превращеніе ея изъ неорганизованной формы въ организованную назвать интеграціею, но тогда мы подъ именемъ интеграціи будемъ разумѣть самые разнородные процессы, и никакого общаго закона изъ этого не выйдетъ. При переходѣ изъ неорганизованной формы въ организованную, матерія яйца частью уплотняется, частью разрѣжается, ибо въ тѣлѣ являются пустые промежутки. Во всякомъ случаѣ, тутъ не происходитъ никакой потери движенія. Напротивъ, весь этотъ процессъ требуетъ усиленнаго внутренняго движенія,

вслѣдствіе чего онъ совершается подъ вліяніемъ постоянно прибывающей извнѣ теплоты. Въ цыпленкѣ, очевидно, болѣе движенія, нежели въ только что снесенномъ яйцѣ. И тоже повторяется при дальнѣйшемъ его ростѣ. Зерна, которыя онъ клюетъ, не теряютъ, а напротивъ, пріобрѣтаютъ движеніе: они перевариваются желудкомъ и въ видѣ крови разносятся по всѣмъ частямъ тѣла.

Точно также законъ эволюціи не прилагается къ іерархическому порядку единичныхъ существъ. Принявши теорію Спенсера, мы должны бы были сказать, что чѣмъ выше строеніе тѣла, тѣмъ больше въ немъ плотности и тѣмъ меньше движенія. Дерево должно имѣть бо́льшую плотность и меньшую внутреннюю подвижность, нежели металлъ, животное, нежели растеніе. Извѣстно, что въ дѣйствительности существуетъ обратное отношеніе, съ чѣмъ вмѣстѣ вся эта теорія оказывается построенною на воздухѣ.

Наконецъ, и къ развитію человѣчества этотъ законъ совершенно не приложимъ. Прежде всего замѣтимъ, что въ духовныхъ организмахъ, которые самъ Спенсеръ считаетъ высшими, интеграція матеріи, (если только можно назвать это интеграціею), несравненно меньше, нежели въ физическихъ организмахъ. Люди, принадлежащіе къ одному государству, не сливаются въ одно тѣло, какъ органическія клѣточки, а дѣйствуютъ на разстояніи. Разсѣяніе служитъ даже признакомъ внутренней силы, доказательствомъ чему служитъ колонизація, которая производится именно во времена наибольшаго роста народовъ. Затѣмъ, историческое развитіе вовсе не состоитъ, какъ увѣряетъ Спенсеръ, въ «томъ процессѣ, посредствомъ котораго мелкія владѣнія соединяются въ феоды, феоды въ провинціи, провинціи въ королевства, и наконецъ смежныя королевства въ одно государство, и который медленно завершается уничтоженіемъ первоначальныхъ границъ раздѣленія» [1]). Мы видимъ, что нерѣдко именно на низшихъ ступеняхъ развитія разомъ образуются громадныя государства, чему, даже въ новой исторіи, примѣромъ служатъ Монголы. Но безмѣрное расширеніе всегда влечетъ за собою внутреннюю слабость, а потому распаденіе. Даже тѣ государства, которыя расширяются путемъ постепеннаго роста, какъ древняя Римская Имперія, падаютъ и замѣняются дробными силами. По теоріи Спенсера выходитъ, что деспотическія монархіи Востока пред-

---

[1]) First Principles, § III. Ниже въ текстѣ цитуются параграфы того же сочиненія.

ставляютъ высшую форму общественной эволюціи: въ нихъ мы замѣчаемъ наиболѣе интеграціи и наименѣе внутренняго движенія. Извѣстно однако, что при столкновеніи громадной Персидской монархіи съ мелкими греческими республиками, въ которыхъ было мало интеграціи и много внутренняго движенія, послѣднія получили перевѣсъ и явились представителями высшей ступени человѣческаго развитія.

Такимъ образомъ, первый законъ міровой эволюціи оказывается мнимымъ. Таковымъ же является и переходъ отъ однороднаго къ разнородному. Какъ уже было замѣчено выше, этотъ переходъ можетъ считаться признакомъ развитія, только когда въ немъ есть смыслъ, то есть, когда разнородное служитъ высшей цѣли. Простое же умноженіе различій вовсе не означаетъ движенія впередъ, и еще менѣе можетъ быть признано общимъ закономъ міровыхъ явленій.

Не станемъ говорить о кристаллахъ, въ которыхъ нѣтъ никакого движенія отъ однороднаго къ разнородному. Если они переходятъ въ жидкое состояніе или растворяются въ водѣ, то при охлажденіи или осадкѣ они снова возвращаются въ то однородное состояніе, изъ котораго они вышли. Тутъ усиливающейся дифференціаціи не оказывается, вслѣдствіе чего она не можетъ быть признана міровымъ закономъ.

Что касается до органическаго развитія, то здѣсь мы дѣйствительно замѣчаемъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному, но отнюдь не какъ постоянный законъ, дѣйствующій безостановочно, а только до извѣстной ступени, пока не достигнута полнота типа. Жеребенокъ, появляющійся на свѣтъ, имѣетъ уже всѣ готовые органы, и дальнѣйшей дифференціаціи не происходитъ, хотя ростъ продолжается. Еслибы на самомъ дѣлѣ движеніе къ разнородному было общимъ закономъ, проистекающимъ изъ постояннаго осложненія слѣдствій, то оно должно было бы идти усиливаясь, но этого мы не видимъ. Позднѣе всего въ развивающемся организмѣ появляются половыя отправленія, но это не простая дифференціація, а завершеніе развитія воспроизведеніемъ его начала.

Точно также и въ восходящей лѣстницѣ животнаго царства, мы не находимъ подтвержденія этого закона. У низшихъ животныхъ есть метаморфозы и перемѣны поколѣній, которыхъ нѣтъ у высшихъ. У насѣкомыхъ, кромѣ различія половъ, встрѣчаются и средніе типы, даже въ нѣсколькихъ формахъ, чего у позвоночныхъ нѣтъ.

Наконецъ, всего менѣе этотъ законъ приложимъ къ человѣку. Конечно, въ сравненіи съ первобытною слитностью, устройство развитыхъ обществъ представляется разнообразнымъ и сложнымъ; но это разнообразіе не идетъ увеличиваясь. Если на высшихъ ступеняхъ является несуществовавшее прежде раздѣленіе правительства и подданныхъ, то еще позднѣе является участіе подданныхъ въ правительствѣ, и это сліяніе обоихъ элементовъ не представляется шагомъ назадъ. Точно также раздѣленіе на сословія уступаетъ мѣсто свободному сліянію классовъ. Спенсеръ считаетъ это явленіе переходнымъ; по его мнѣнію, оно означаетъ разрушеніе одного устройства и замѣну его другимъ. Но нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ, которыя указывали бы на то, что въ новомъ устройствѣ раздѣльность должна быть больше, нежели въ прежнемъ. Напротивъ, мы знаемъ, что раздѣльность всего ярче выступаетъ на относительно низкихъ ступеняхъ, которыя характеризуются существованіемъ кастъ. И если въ дальнѣйшемъ движеніи эта раздѣльность исчезаетъ, уступая мѣсто хотя бы и временному сліянію, то все же это доказываетъ, что прогрессивная дифференціація вовсе не есть постоянный законъ человѣческихъ обществъ. Столь же неудачна и ссылка Спенсера на языки: въ развитіи языковъ мы не замѣчаемъ осложненія, а напротивъ, видимъ упрощеніе формъ. Новые языки въ этомъ отношеніи далеко уступаютъ классическимъ, и когда Спенсеръ выше всѣхъ ставитъ англійскій языкъ, какъ заключающій въ себѣ наиболѣе различій, то можно только удивляться смѣлости этого положенія. Точно также и въ письменахъ, высшая форма, фонетическій алфавитъ, несомнѣнно проще іероглифовъ. Въ искусствѣ, спеціализація и осложненіе никакъ не могутъ служить признаками высшаго развитія. Греческое искусство остается вѣчнымъ образцомъ изящнаго, именно по своей простотѣ. Наконецъ, въ религіи мы не замѣчаемъ движенія отъ единобожія къ многобожію, и послѣднее отнюдь не можетъ считаться высшимъ началомъ.

Самъ Спенсеръ чувствовалъ, что одинъ внѣшній признакъ дифференціаціи ровно ничего не означаетъ. Выдавать появленіе бородавки за высшую ступень эволюціи слишкомъ уже нелѣпо. Поэтому, онъ старался искать болѣе точныхъ опредѣленій. Но за отсутствіемъ тѣхъ началъ, которыя даютъ смыслъ явленіямъ, онъ принужденъ былъ все таки ограничиться чисто внѣшними свойствами; въ своихъ поискахъ онъ остановился на опредѣленности.

Нельзя было сдѣлать болѣе неудачнаго выбора. Нарость можетъ имѣть весьма опредѣленную форму, отличающую его отъ всего остальнаго тѣла. Шестой палецъ, который иногда воспроизводится даже наслѣдственно, имѣетъ совершенно такую же опредѣленность, какъ и другіе, и если при этомъ онъ одаренъ еще какою нибудь кривою формою, то по теоріи Спенсера онъ несомнѣнно долженъ служить признакомъ высшей эволюціи. Тотъ же характеръ слѣдуетъ признать и за всякимъ нарушеніемъ симметріи. Человѣкъ, у котораго одна нога короче другой, у котораго ротъ кривой или одинъ глазъ выше другаго, долженъ считаться существомъ высшаго разряда. Въ приложеніи же къ человѣческому общежитію, мы должны признать, что чѣмъ рѣзче различіе между правительствомъ и подданными, чѣмъ менѣе допускается участіе послѣднихъ въ общественныхъ дѣлахъ, тѣмъ выше общественная организація. Устройство кастъ должно считаться идеаломъ человѣческаго общежитія, а всякое отъ него уклоненіе признакомъ диссолюціи.

Наконецъ, если мы взглянемъ на послѣднее свойство эволюціи, на внутреннее распредѣленіе движенія, сопровождающее распредѣленіе матеріи, то здѣсь мы уже въ самомъ основаніи найдемъ полное противорѣчіе. Можно себѣ представить, что однородныя частицы матеріи, соединяясь, по чему либо становятся болѣе разнообразными; но нельзя себѣ представить, чтобы разнообразныя движенія, сливаясь въ одно общее движеніе, черезъ это самое становились болѣе разнообразными. Если, какъ говоритъ Спенсеръ, «процессъ идетъ отъ движенія простыхъ частицъ къ движеніямъ сложныхъ частицъ, отъ частичныхъ движеній къ движеніямъ массъ, и отъ движеній меньшихъ массъ къ движеніямъ большихъ массъ» (§ 139), то здѣсь оказывается постепенное уменьшеніе, а не увеличеніе разнообразія; если же появляется увеличеніе разнообразія, то законъ послѣдовательнаго сліянія движеній невѣренъ. И точно, подобный законъ въ дѣйствительности не существуетъ. Не ходя за дальними доказательствами, мы никакъ не можемъ сказать, чтобы напримѣръ въ человѣческихъ обществахъ, уничтоженіе своеобразнаго дѣйствія свободныхъ силъ было признакомъ высшаго развитія. Напротивъ, именно на низшихъ ступеняхъ онѣ подчиняются тяготѣющему надъ ними вліянію однообразныхъ и непреложныхъ обычаевъ; позднѣе онѣ сдерживаются деспотизмомъ, и только на высшихъ ступеняхъ предоставляется имъ надлежащій просторъ. Вытекающее изъ сво-

боды своеобразіе движеній составляетъ высшій плодъ человѣческаго развитія, между тѣмъ какъ по теоріи Спенсера идеаломъ представляется полное господство массы надъ лицемъ. Какъ типическій примѣръ высокой интеграціи движеній, онъ приводитъ армію, въ которой все повинуется единой волѣ, и постоянная выправка сообщаетъ должную точность всѣмъ движеніямъ (§ 144). Но если это дѣйствительно можетъ служить примѣромъ высокой интеграціи, то никакъ нельзя назвать армію высшимъ типомъ человѣческаго общежитія. При такомъ взглядѣ, пришлось бы полчища Чингисъ-Хана поставить выше республики Соединенныхъ Штатовъ. Ниже мы увидимъ, почему самъ Спенсеръ, въ своемъ идеалѣ человѣческаго общежитія, повидимому уклоняется отъ этого типа.

И такъ, индуктивная часть ученія Спенсера вовсе не оправдываетъ выводимыхъ имъ законовъ. Нѣтъ ничего легче, какъ подобрать нѣсколько фактовъ, болѣе или менѣе близко подходящихъ къ заранѣе изобрѣтенной теоріи, и опустивши все, что ей противорѣчитъ, воздвигать на этомъ шаткомъ основаніи цѣлыя міровыя системы; но подобный пріемъ всего менѣе можетъ имѣть притязаніе на научное значеніе. Приверженцы опыта болѣе, нежели кто либо, должны бы были настаивать на строгомъ соблюденіи правилъ научнаго наведенія; а между тѣмъ, въ своихъ теоретическихъ выводахъ, они всего чаще отъ нихъ уклоняются.

Но если индуктивная сторона ученія оказывается крайне слабою, то дедуктивная не выдерживаетъ уже ни малѣйшей критики. Она представляетъ тщетную и несогласную, не только съ строго научною логикою, но и съ простымъ здравымъ смысломъ попытку построить теорію развитія чисто на основаніи дѣйствія внѣшнихъ силъ, безъ всякаго внутренняго начала. Не мудрено, что выводимые отсюда законы оказываются чистыми призраками.

Объ интеграціи матеріи Спенсеръ не распространяется, хотя это— основной фактъ эволюціи. Въ предшествующихъ главахъ своего сочиненія онъ старался доказать, что мы, по свойству нашего ума, не можемъ представить себѣ частицы матеріи иначе какъ одаренными взаимнымъ притяженіемъ и отталкиваніемъ: причина та, что мы матерію познаемъ по сопротивленію, которое она намъ оказываетъ, а сопротивленіе предполагаетъ, съ одной стороны, взаимное сцѣпленіе частицъ, съ другой стороны противодѣйствіе внѣшней силѣ (§ 74). Но не говоря уже о ложныхъ основаніяхъ этого

вывода, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, не говоря о томъ, что сцѣпленіе и сопротивленіе вовсе не тождественны съ притяженіемъ и отталкиваніемъ, нельзя не замѣтить, что этимъ все таки не объясняется та интеграція матеріи, которая лежитъ въ основаніи развитія. Неужели въ самомъ дѣлѣ претвореніе яичнаго желтка въ организмъ цыпленка или добываніе пищи хищнымъ животнымъ объясняется взаимнымъ притяженіемъ частицъ, составляющимъ коренное свойство матеріи? Очевидно нѣтъ. И такъ, объясненіе основнаго факта требуется, но оно не дано. Вмѣсто того чтобы изъ постоянства силы вывести различныя явленія интеграціи, какъ слѣдовало бы для логической цѣльности системы, Спенсеръ прямо начинаетъ съ того, что̀ онъ называетъ неустойчивостью однороднаго, начало, которое составляетъ источникъ дифференціаціи. Посмотримъ, существуетъ ли въ дѣйствительности подобный законъ?

Если мы взглянемъ, напримѣръ, на пирамиды, которыя, состоя изъ однородныхъ массъ, стоятъ ненарушимо въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, между тѣмъ какъ однодневное насѣкомое, при весьма сложномъ и разнообразномъ внутреннемъ строеніи, появляется только на мгновеніе, то мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что говорить о неустойчивости однороднаго, какъ объ общемъ законѣ природы, по меньшей мѣрѣ смѣло. Пирамиды имѣютъ и внутреннюю сторону и внѣшнюю, и верхъ и низъ, которые различно подвергаются дѣйствію внѣшнихъ силъ, и все таки онѣ не поддаются малѣйшему вліянію, какъ вѣсы, готовые опрокинуться отъ ничтожнѣйшей тяжести. Точно также, въ другой области, мы видимъ, что дикія племена, съ весьма однороднымъ внутреннимъ строеніемъ, остаются неподвижны въ теченіи вѣковъ и скорѣе даже вымираютъ, нежели поддаются цивилизаціи, тогда какъ высоко стоящіе народы, заключающіе въ себѣ самые разнообразные элементы, быстро развиваются и легко воспринимаютъ въ себя внѣшнія вліянія. Самый законъ, въ томъ видѣ, какъ онъ формулированъ Спенсеромъ, вовсе не относится спеціально къ однородному; онъ прилагается ко всему на свѣтѣ, ибо всякій матеріальный предметъ имѣетъ внутреннія части и наружныя, имѣетъ стороны, обращенныя къ различнымъ направленіямъ пространства, а потому подлежащія различному дѣйствію приходящихъ извнѣ силъ. Къ разнородному это относится даже въ большей степени, нежели къ однородному, ибо чѣмъ раз-

нообразнѣе части, тѣмъ разнообразнѣе будетъ и дѣйствіе. Это признаетъ самъ Спенсеръ, когда онъ говоритъ, что «разнообразіе дѣйствій увеличивается въ геометрической прогрессіи съ разнообразіемъ предмета, подверженнаго дѣйствію» (§ 158). Но если такъ, то невозможно утверждать спеціальную неустойчивость однороднаго. Надобно, напротивъ, сказать, что всѣ матеріальные предметы, состоя изъ различно расположенныхъ частей, различнымъ образомъ подвергаются внѣшнимъ вліяніямъ, но однородные въ меньшей степени, нежели разнородные, ибо различій въ нихъ меньше. Однако и это заключеніе будетъ невѣрно, ибо способность предмета противостоять внѣшнимъ вліяніямъ зависитъ не столько отъ большей или меньшей однородности его частей, сколько отъ внутренней ихъ связи. Однородная масса въ газообразномъ состояніи очевидно менѣе устойчива, нежели таже масса въ твердомъ состояніи. Сила и орудія, которыя могутъ разрѣзать яблоко, не въ состояніи разрѣзать металлъ. Слѣдовательно, все тутъ зависитъ отъ внутренней силы; если же мы устранимъ послѣднюю, или оставимъ ее безъ вниманія, то мы волею или неволею принуждены будемъ формулировать законы, не имѣющіе основанія ни въ логикѣ, ни въ опытѣ.

Тоже самое относится и къ закону умноженія слѣдствій. По теоріи Спенсера выходитъ, что дѣйствующая извнѣ причина, встрѣчая различныя противодѣйствія, сама разбивается на различныя группы силъ, которыя, продолжая дѣйствовать и въ свою очередь раздробляясь, производятъ возрастающее въ геометрической прогрессіи разнообразіе. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мы этого не видимъ. Если мы возьмемъ основной типъ, съ котораго взята вся теорія эволюціи, солнечную систему, то вмѣсто возрастающаго въ геометрической прогрессіи разнообразія, мы найдемъ, напротивъ, постоянный и неизмѣнный порядокъ. Спенсеръ указываетъ на всю безконечную цѣпь послѣдствій, проистекающую отъ пертурбацій въ ходѣ планетъ вслѣдствіе ихъ взаимнаго притяженія, которое то увеличивается, то уменьшается съ измѣненіемъ разстояній между ними при круговомъ движеніи. Но вся эта безконечная цѣпь послѣдствій не производитъ ни малѣйшей перемѣны въ общемъ устройствѣ солнечной системы, которая остается совершенно такою же, какою она была тысячи лѣтъ тому назадъ. Дѣло въ томъ, что вмѣсто прогрессивнаго умноженія причинъ и слѣдствій, тутъ дѣйствуетъ

единая и постоянная внутренняя причина, которая и сохраняетъ неизмѣнный порядокъ системы.

Точно также и въ развитіи организма мы не видимъ, чтобы разнообразіе шло увеличиваясь. Какъ уже было указано выше, достигнувъ извѣстныхъ предѣловъ, оно останавливается. Неужели мы скажемъ, что съ осуществленіемъ типической формы, постоянство силы прекращается и проистекающій изъ него міровой законъ умноженія слѣдствій внезапно перестаетъ дѣйствовать? Это было бы нелѣпо. Мы не видимъ также, чтобы увеличеніе разнообразія происходило здѣсь отъ внѣшней причины. При высиживаніи яицъ, внѣшняя причина есть прибывающее извнѣ тепло; оно прежде всего дѣйствуетъ на скорлупу, которая однако остается неизмѣнною, затѣмъ на бѣлокъ, который тоже не развивается, далѣе на желтокъ, который точно также не подвергается развитію, и только зародышъ подъ этимъ вліяніемъ начинаетъ разнообразиться, при чемъ однако происходящія въ немъ измѣненія ни коимъ образомъ не могутъ быть объяснены дѣйствіемъ тепла. Если, вслѣдъ за раздѣленіемъ первоначальной клѣточки, въ зародышѣ птицы появляется желобокъ, зачатокъ будущаго спиннаго хребта, и затѣмъ къ одному концу этотъ желобокъ расширяется, и въ этомъ расширеніи появляются утолщенія, представляющія части будущаго мозга, то никто, конечно, не станетъ утверждать, что тепло въ состояніи произвести подобныя явленія. Между тѣмъ, Спенсеръ увѣряетъ, что «всякое движеніе впередъ въ усложненіи зародыша проистекаетъ отъ дѣйствія привходящихъ силъ (incident forces) на прежде существовавшее усложненіе. .. Ибо, говоритъ онъ, такъ какъ доказано, что никакой зародышъ, животный или растительный, не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго зачатка, слѣда или признака будущаго организма, такъ какъ микроскопъ показалъ намъ, что первый процессъ всякаго оплодотвореннаго зародыша есть процессъ повторенныхъ, самопроизвольныхъ раздѣленій, кончающійся произведеніемъ массы клѣточекъ, изъ которыхъ ни одна не представляетъ спеціальнаго характера, то повидимому нѣтъ иной альтернативы, какъ заключить, что частная организація, существующая въ каждый данный моментъ въ развивающемся зародышѣ, превращается дѣйствующими на нее силами въ слѣдующую фазу организаціи, а послѣдняя опять въ слѣдующую, до тѣхъ поръ пока, черезъ постоянно увеличивающіяся осложненія, достигается конечная форма» (§ 159).

Почему же однако нѣтъ другой альтернативы? Единственно потому что логика плоха. Конечно, стараніе отыскать въ зародышѣ будущую органическую форму есть самый грубый логическій пріемъ. Сила, образующая организмъ, столь же мало можетъ быть видима въ микроскопъ, какъ и сила притяженія или химическаго сродства. Она постигается умомъ и не доступна зрѣнію. Но умъ нашъ вовсе не требуетъ, чтобы мы послѣдовательный рядъ состояній какого бы то ни было существа непремѣнно приписывали послѣдовательному дѣйствію внѣшнихъ, измѣняющихся причинъ. Такой логическій пріемъ немного выше перваго и обличаетъ весьма низкую ступень философскаго мышленія. Логика говоритъ намъ, напротивъ, что чисто внѣшнее дѣйствіе силъ никогда не можетъ произвести внутренняго единства и связной организаціи; если же оказывается внутреннее единство въ концѣ развитія, то оно должно быть и въ началѣ, а потому мы необходимо должны предположить единую внутреннюю силу, которая проявляется во всемъ послѣдовательномъ рядѣ состояній, и своимъ постояннымъ дѣйствіемъ переводитъ одно состояніе въ другое, съ помощью столь же постояннаго взаимнодѣйствія съ окружающими условіями. Этимъ только объясняется, почему развитіе есть именно развитіе зародыша, который заключаетъ въ себѣ эту силу, а не развитіе яичной скорлупы, бѣлка или желтка, которые подвержены тѣмъ же внѣшнимъ вліяніямъ. Этимъ объясняется и то, что развитіе наконецъ останавливается: внутренняя сила даетъ только то, что въ ней заключается, и не можетъ дать ничего другаго, тогда какъ внѣшнія силы продолжаютъ дѣйствовать непрерывно.

Факты такъ громко говорятъ въ пользу этого взгляда, что самъ Спенсеръ принужденъ признать недостаточность своего объясненія. «Несомнѣнно, говоритъ онъ, мы все еще обрѣтаемся во тьмѣ относительно тѣхъ таинственныхъ свойствъ, которыя заставляютъ зародышъ, когда онъ подвергается надлежащимъ вліяніямъ, испытывать спеціальныя перемѣны, начинающія этотъ рядъ превращеній. Все, что здѣсь доказывается, это то, что будучи даны эти таинственныя свойства, эволюція организма зависитъ отчасти отъ того умноженія слѣдствій, которое, какъ мы видѣли, составляетъ одну изъ причинъ эволюціи вообще» (§ 159). Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо признаетъ, что выставленное имъ начало «не даетъ ключа къ подробнымъ явленіямъ органическаго развитія.

Оно совершенно не объясняетъ родовыхъ и видовыхъ особенностей, и равнымъ образомъ оставляетъ насъ въ невѣдѣніи относительно тѣхъ болѣе важныхъ различій, которыми обозначаются семейства и порядки. Почему два яйца, одинаково положенныя въ тоже болото, становятся, одно изъ нихъ рыбою, а другое пресмыкающимся, оно не можетъ намъ сказать. Что изъ двухъ различныхъ яицъ, положенныхъ подъ одну курицу, происходятъ, изъ одного утенокъ, а изъ другаго цыпленокъ, это—фактъ, который не объясняется вышеизложенною гипотезою. У насъ нѣтъ другой альтернативы, какъ сослаться на необъясненное начало наслѣдственной передачи. Способность неорганизованнаго зародыша развиться въ сложную взрослую особь, которая повторяетъ черты предковъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, даже когда она была поставлена въ условія совершенно несходныя съ тѣми, въ которыхъ находились предки, есть свойство, которое мы въ настоящее время понять не можемъ. Что микроскопическая частица повидимому безформенной матеріи заключаетъ въ себѣ такого рода вліяніе; что происходящій изъ нея человѣкъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ сдѣлается подагрикомъ или сумасшедшимъ, это—истина, которая была бы невѣроятна, еслибы она не оправдывалась ежедневно» (§ 152).

Въ этомъ случаѣ дѣйствительно альтернативы другой нѣтъ. Но именно эта таинственная способность опровергаетъ всю теорію, ибо она доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что выведенные законы вовсе не суть законы и ровно ничего не объясняютъ. Тутъ нельзя ссылаться на то, что сущность наслѣдственнаго начала остается намъ неизвѣстною. Мы знаемъ самымъ положительнымъ образомъ, что развитіе зависитъ отъ этой внутренней силы, а не отъ внѣшнихъ условій, и этого совершенно достаточно для того, чтобы вся міровая теорія Спенсера разлетѣлась въ прахъ.

Если мы вглянемся въ это таинственное начало и сравнимъ его съ тѣмъ, что намъ указываетъ разумъ, не въ низшей, опытной его формѣ, а въ высшей, философской, то мы увидимъ, что оно не такъ загадочно, какъ оно представляется мыслителямъ, для которыхъ вытекающіе изъ разума способы пониманія явленій остаются закрытою книгою. Свойства этого начала дадутъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ключъ къ пониманію развитія.

Раскрываемый опытомъ фактъ состоитъ въ томъ, что зародышу передается отъ родителей сила, воспроизводящая типъ. Это не есть

передача готовой уже формы: такой формы мы въ зародышѣ не видимъ, да и предполагать не можемъ. Форма является уже результатомъ развитія. Это не есть также передача движенія, которое должно произвести будущій типъ, хотя нѣкоторые естествоиспытатели считаютъ передачу движенія единственнымъ научнымъ объясненіемъ этого явленія [1]). Микроскопъ, на который ссылаются въ доказательство, что въ зародышѣ нѣтъ предопредѣленной формы, столь же мало открываетъ намъ движеніе, способное произвести будущую форму. Въ простой клѣточкѣ нѣтъ даже присущаго различнымъ частямъ организма неравенства роста, на которое напираютъ защитники этого взгляда, и изъ котораго они стараются вывести особенности типа. Все это—явленія позднѣйшія. Первое же движеніе оплодотвореннаго зародыша состоитъ въ томъ, что клѣточка дѣлится и такимъ образомъ производитъ другія себѣ подобныя, и это движеніе совершенно одинаково у всѣхъ животныхъ. Позднѣе, когда этотъ процессъ совершился, и происшедшая отъ одной клѣточки масса распалась на два листика, у позвоночныхъ животныхъ внезапно появляется желобокъ, который затѣмъ къ одному концу расширяется, послѣ чего въ этомъ расширеніи появляются три утолщенія, все явленія новыя, для которыхъ предшествующее развитіе готовило только матеріалъ, и которыя сами по себѣ не имѣютъ никакого смысла, а объясняются лишь тѣмъ, что изъ нихъ со временемъ должны образоваться спинной хребетъ и головной мозгъ. Очевидно, что движеніе, ведущее къ формѣ, равно какъ и самая форма, содержится въ зародышѣ не въ д ѣ й с т в и т е л ь н о с т и, а въ в о з м о ж н о с т и, подобно тому какъ и всякая не проявившаяся еще сила содержитъ въ себѣ будущее свое дѣйствіе. Эти логическія категоріи возможности и дѣйствительности (δύναμις, ἐνέργεια, potentia, actus) давнымъ давно установлены философіею, какъ необходимые способы пониманія вещей. Онѣ до такой степени присущи нашему разуму, что даже философы, которые придерживаются опытной методы,

[1]) См. His: Unsere Körperform und das physiologische Problem ihrer Entstehung. Гисъ ссылается на Аристотеля, какъ на родоначальника этой теоріи; но Аристотель подъ именемъ движенія разумѣлъ не механическій переходъ частицы съ одного мѣста на другое, а движеніе отъ возможности къ дѣйствительности, или отъ матеріи къ формѣ. Началомъ движенія онъ считалъ присущую матеріи форму, или, что тоже самое, разумъ, присущій вещамъ. Отъ естествоиспытателей нельзя требовать знанія философіи, но желательно, чтобы они были знакомы съ тѣми философскими ученіями, на которыя они ссылаются.

когда они говорятъ о силахъ, признаютъ, что мы должны представлять ихъ не иначе, какъ въ формѣ напряженій, хотя они вмѣстѣ съ тѣмъ сознаются, что съ точки зрѣнія чистаго опыта, подобное представленіе лишено смысла [1]). И точно, возможное не подлежитъ опыту; оно раскрывается только разуму.

Но въ отличіе отъ другихъ силъ, въ зародышѣ намъ представляется сила, дѣйствующая цѣлесообразно. Это фактически доказывается тѣмъ, что она производитъ цѣлесообразную форму, результатъ, который можетъ быть достигнутъ только цѣлесообразно дѣйствующею силою. Цѣль состоитъ въ воспроизведеніи типа, снабженнаго всѣми органами необходимыми для существованія, и эту задачу заключающаяся въ зародышѣ сила исполняетъ постепенно, употребляя, какъ средство, находящійся въ ея распоряженіи матеріалъ, и подчиняясь законамъ, которыми управляется этотъ матеріалъ. Сила безсознательно дѣйствуетъ также, какъ человѣкъ дѣйствуетъ сознательно, когда онъ осуществляетъ извѣстную цѣль: поэтому мы должны признать, что она проникнута разумомъ. Это—то, что Аристотель называлъ разумомъ, присущимъ вещамъ. Въ общежитіи, подобная сила называется душою. Но цѣль, къ которой она стремится, не есть цѣль внѣшняя, а внутренняя; она состоитъ въ осуществленіи собственной ея природы, которая въ началѣ находится въ состояніи возможности, а въ концѣ должна явиться какъ дѣйствительность. Въ этомъ и состоитъ существо развитія. Этимъ объясняется, почему истинная природа вещи является только въ концѣ, а также почему родительскія свойства воспроизводятся иногда въ позднее время. Все это факты, но факты, которые совершенно совпадаютъ съ выводами философіи и объясняются только ею. На этихъ началахъ еще Аристотель строилъ свою систему, а новѣйшій идеализмъ развилъ ихъ съ удивительнымъ блескомъ и послѣдовательностью. Съ другой стороны, такъ понимаютъ развитіе и величайшіе естествоиспытатели. Знаменитѣйшій изъ эмбріологовъ, фонъ-Беръ, въ предсмертномъ сочиненіи, провозгласилъ стремленіе къ цѣли неотъемлемою принадлежностью всякаго организма [2]). Эти истины отвергаются только современнымъ реализмомъ, который въ своей односторонности, будучи не въ состояніи объяснить явленія,

---

1) См. Mill: Logic, I, стр. 497.
2) См. Studien aus dem Gebiete des Naturwissenchaften, II (1876).

намѣренно отвертывается отъ нихъ, или хватается за объясненія, одинаково противорѣчащія логикѣ и фактамъ. Для низшаго пониманія душа есть явленіе тѣла, для высшаго пониманія тѣло есть явленіе души.

Механическое воззрѣніе на развитіе приводитъ Спенсера и къ механическому объясненію постепеннаго совершенствованія организмовъ въ царствѣ природы. Не смотря на то, что онъ наслѣдственность объявилъ таинственнымъ началомъ и призналъ, что эволюція организма только частью объясняется умноженіемъ слѣдствій, онъ рѣшительно заявляетъ, что весь послѣдовательный рядъ органическихъ формъ есть созданіе окружающихъ силъ (§§ 152, 159). Производя всякаго рода перемѣны по закону умноженія слѣдствій, эти силы, между прочимъ, производятъ и такія, которыя дѣлаютъ организмъ болѣе способнымъ къ жизни въ окружающей средѣ. Эти болѣе приспособленныя особи, вслѣдствіе своего преимущества, переживаютъ другихъ и передаютъ свои свойства потомству. Отсюда прогрессъ, который однако можетъ сдѣлаться и попятнымъ движеніемъ, какъ скоро условія жизни требуютъ не высшихъ, а низшихъ способностей. Это именно оказывается у паразитовъ.

Такимъ образомъ, внутренней силѣ, проявляющейся въ наслѣдственности, предоставляется лишь воспроизводить то, что создано силою внѣшнею. Но такъ какъ слѣдующія непрерывною нитью произведеніе и воспроизведеніе органическихъ формъ логически должны быть признаны дѣйствіемъ одной и той же силы, то подобное воззрѣніе, не имѣющее за себя ни единаго факта, очевидно грѣшитъ и противъ логики. Необходимость признать наслѣдственность посредствующимъ звеномъ органическаго развитія уничтожаетъ всякую возможность приписать его дѣйствію внѣшнихъ силъ.

Ниже мы возвратимся къ этому ученію, занимающему столь видное мѣсто въ современномъ умственномъ движеніи; теперь же посмотримъ на третью, изобрѣтенную Спенсеромъ причину разнообразія, именно, на происходящее отъ внѣшнихъ причинъ выдѣленіе однороднаго, чѣмъ сообщается опредѣленность различіямъ. И это начало столь же мало выдерживаетъ критику, какъ и предъидущія. Если мы взглянемъ на приведенные Спенсеромъ примѣры дѣйствія вѣтра и воды, то мы увидимъ, что тутъ столь же часто происходитъ смѣшеніе разнороднаго. Вихрь самые разнообразные предметы сваливаетъ въ кучу; тоже дѣлаетъ наводненіе. Вода, растворяя раз-

личныя вещества, вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ смѣшеніе растворѣннаго. Съ другой стороны, если мы обратимся къ различіямъ органическаго строенія, то мы легко убѣдимся, что разнообразіе органовъ состоитъ вовсе не въ томъ, что однородныя частицы соединяются съ однородными и становятся особо. Анаксагоръ могъ такимъ образомъ объяснять строеніе вселенной; но современной наукѣ совершенно извѣстно, что руки, ноги, туловище и голова животнаго состоятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же тканей, которыя получаютъ только разное устройство вслѣдствіе различія отправленій, къ которымъ предназначены органы. Извѣстно также, что кровеносная и нервная системы распространены по всѣмъ частямъ тѣла, такъ что ссылаться на механическое отдѣленіе однороднаго для объясненія опредѣленности органическихъ различій по меньшей мѣрѣ странно. Очевидно, что существующая въ организмѣ опредѣленность различій имѣетъ иную причину, которую надобно искать внутри, а не внѣ его.

Тѣмъ же внѣшнимъ причинамъ, которыя производятъ эволюцію, Спенсеръ приписываетъ и ея прекращеніе. Всякое движеніе, говоритъ онъ, встрѣчаетъ сопротивленіе, на одолѣніе котораго употребляется сила, а такъ какъ сопротивленіе дѣйствуетъ постоянно, то сила постепенно истощается, и рано или поздно движеніе должно прекратиться (§ 176). Это конечное равновѣсіе составляетъ послѣдовательный результатъ всей предшествующей эволюціи; жизнь ничто иное какъ постепенная потеря движенія, а потому полное прекращеніе движенія представляется достиженіемъ цѣли, высшею ступенью эволюціи. Вслѣдствіе этого, Спенсеръ называетъ постепенное уменьшеніе движенія «прогрессомъ къ равновѣсію» (§ 170). При всемъ томъ, онъ не рѣшается признать смерть высшимъ вѣнцомъ жизни. Таковымъ онъ считаетъ состояніе предсмертное, когда большая часть жизненныхъ движеній прекратились, и остается только общее круговоротное движеніе массы, которое, встрѣчая наименѣе сопротивленія, сохраняется, когда остальное уже исчезло. Въ приложеніи къ человѣческому роду, Спенсеръ признаетъ это предсмертное состояніе періодомъ высшаго блаженства. Люди потеряли уже всѣ свои личныя наклонности и желанія, и добровольно, безъ всякаго внѣшняго принужденія, вступаютъ въ круговоротъ общаго движенія. При такихъ условіяхъ, дѣйствіе правительства, конечно, становится излишнимъ. Свободѣ можно предоставить полный просторъ, ибо она даруется уже не живому существу, а умирающему, потерявшему всѣ свои само-

бытныя силы и ставшему страдательною частицею матеріи, увлекаемою общимъ движеніемъ.

О прелестяхъ подобнаго состоянія можно спорить, но прежде всего надобно спросить: какимъ образомъ оно вяжется съ законами, управляющими эволюціею? Основной законъ эволюціи состоитъ, какъ мы видѣли, въ постепенной интеграціи матеріи съ сопровождающею потерею движенія. Въ этомъ процессѣ, подвижное равновѣсіе составляетъ предсмертный моментъ, когда, вслѣдствіе постояннаго дѣйствія внѣшнихъ силъ, значительнѣйшая часть внутренняго движенія уже потеряна; почему же этотъ моментъ вдругъ получаетъ устойчивость? Казалось бы, что чѣмъ болѣе потеряно внутренняго движенія, тѣмъ менѣе предметъ можетъ противостоять внѣшнимъ вліяніямъ, слѣдовательно и уравновѣсить послѣднія, и тѣмъ съ большею быстротою онъ долженъ приближаться къ смерти. Не видать также, почему тутъ должна прекратиться прогрессивная дифференціація, которую Спенсеръ выводитъ изъ вѣчнаго закона постоянства силы. Если, подъ вліяніемъ закона умноженія слѣдствій, движенія дробятся все болѣе и болѣе, пока наконецъ они дѣлаются совершенно нечувствительными (§ 170), то какимъ образомъ возможно при этихъ условіяхъ достигнуть равновѣсія? Если же, какъ говоритъ Спенсеръ, движенія, встрѣчающія наиболѣе сопротивленія, исчезли, а остались только тѣ, которыя способны одолѣвать препятствія (§ 176), то прогрессивная дифференціація не составляетъ общаго закона эволюціи. Въ такомъ случаѣ, равновѣсіе достигается уменьшеніемъ различій и приближеніемъ къ однообразію. Но тутъ, съ другой стороны, мы встрѣчаемъ законъ неустойчивости однороднаго. Или мы должны отказаться отъ этого закона, и тогда не будетъ эволюціи, или мы должны его признать, и тогда не будетъ равновѣсія.

При постоянномъ дѣйствіи внѣшнихъ силъ, равновѣсіе достижимо только въ одномъ случаѣ, именно, если теряющіяся силы будутъ постоянно возобновляться изъ той самой среды, которая ихъ разрушаетъ. Это—то, что Спенсеръ называетъ зависимымъ равновѣсіемъ. Примѣромъ служатъ животныя, которыя воспринятіемъ пищи постоянно возобновляютъ утраченныя силы. Но здѣсь не видать, почему равновѣсіе можетъ когда либо прекратиться. Если животное, посредствомъ пищи, постоянно возстановляетъ утраченное имъ внутреннее движеніе, то почему же, въ первый періодъ его существованія, это извнѣ приходящее движеніе даетъ избытокъ, ко-

торый идетъ на ростъ, въ слѣдующій періодъ оно только уравновѣшиваетъ утраченное движеніе, а подъ конецъ оно не въ состояніи даже возстановить потерянное? Очевидно, что и тутъ мы должны признать внутреннюю силу, которая, независимо отъ воспринимаемой пищи, имѣетъ свои періоды возрастанія и упадка, періоды, которые столь же мало, какъ и наслѣдственность, объясняются выведенными Спенсеромъ законами.

Наконецъ, всего менѣе понятіе о подвижномъ равновѣсіи прилагается къ развитію человѣческихъ обществъ. Неподвижность цѣлаго, при однообразномъ круговоротѣ внутренней жизни, есть состояніе, въ которомъ находятся многіе народы, но никакъ нельзя сказать, чтобы оно было признакомъ высшаго развитія, и еще менѣе, чтобы это было состояніе полнаго блаженства и свободы. Ни бытъ дикихъ племенъ, ни восточный деспотизмъ, ни устройство кастъ къ этому понятію не подходятъ. Исторія представляетъ также примѣры народовъ, которые умерли болѣе отъ внутренняго разслабленія, нежели отъ внѣшняго напора, но едва ли ихъ предсмертное состояніе можетъ въ комъ либо возбудить зависть. Вообще, подведеніе идеала человѣческаго развитія подъ одну категорію съ круговращеніемъ шара и обращеніемъ волчка составляетъ одну изъ самыхъ смѣлыхъ и оригинальныхъ мыслей современной философіи, но трудно приписать ей научное значеніе. Она скорѣе даже похожа на бредъ больнаго, нежели на произведеніе зрѣлаго ума.

Такимъ образомъ, знаменитѣйшая въ наше время теорія эволюціи, построенная на реалистическихъ началахъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается только сплетеніемъ несообразностей. Задача поставлена міровая, но Спенсеръ не въ состояніи былъ объяснить даже малѣйшую ея частицу. И жизнь и смерть, и процвѣтаніе и упадокъ равно имъ не поняты, ибо нѣтъ возможности объяснить дѣйствіе внутренняго, живаго, духовнаго начала движеніемъ внѣшнихъ, механическихъ силъ. Ученіе Спенсера служитъ только знаменьемъ времени; оно обозначаетъ то печальное состояніе человѣческаго ума, когда мысль, вмѣсто того чтобы поднять глаза къ небу, зарывается въ землю и старается вывести самыя высокія явленія изъ самыхъ низменныхъ причинъ.

Тѣмъ же механическимъ взглядомъ на вещи страдаетъ и другое современное ученіе, въ нѣкоторомъ отношеніи сродное съ системою Спенсера, но имѣвшее еще большее вліяніе на умы, ученіе, которое

зародилось въ средѣ естествознанія, но которое приверженцы его стараются приложить и къ развитію человѣчества. Я говорю о теоріи Дарвина.

Сущность этой теоріи извѣстна. Въ отличіе отъ Спенсера, Дарвинъ приписываетъ весьма небольшое значеніе прямому дѣйствію внѣшнихъ силъ. Но онъ признаетъ извѣстную измѣнчивость организма, какъ фактъ, удостовѣряемый искусственнымъ подборомъ, съ помощью котораго человѣкъ развиваетъ въ домашнихъ животныхъ нужныя ему качества. Такого же рода подборъ, но производимый естественнымъ путемъ, Дарвинъ отыскиваетъ и въ природѣ. Здѣсь, вслѣдствіе стремленія органическихъ существъ къ безмѣрному размноженію, повсюду кипитъ борьба за существованіе. Огромное большинство организмовъ погибаетъ; остаются только тѣ, которые способнѣе другихъ выдержать борьбу: они, по закону наслѣдственности, передаютъ свои свойства потомкамъ. Поэтому, если въ силу измѣнчивости организма, въ какой либо органической особи явилось качество для нея полезное, помогающее ей выдержать борьбу за существованіе, то это качество сохраняется и упрочивается въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. А такъ какъ этотъ процессъ продолжается безпрерывно, то отсюда медленно, путемъ незамѣтныхъ переходовъ, происходитъ постепенное совершенствованіе организмовъ. Можно даже предположить, что всѣ организмы такимъ путемъ развились изъ простѣйшихъ формъ, въ теченіи тысячей вѣковъ накопляя полезные признаки и передавая ихъ своимъ потомкамъ.

Послѣдователи Дарвина развили эту теорію въ чисто механическое міросозерцаніе. Они возвѣстили, какъ несомнѣнную истину, что все въ мірѣ совершается дѣйствіемъ физическихъ и химическихъ силъ, которыя, съ помощью приспособленія и наслѣдственности, и подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, постепенно ведутъ организмы къ большему и большему совершенствованію. Съ своей стороны, соціологи не преминули воспользоваться этимъ воззрѣніемъ для своихъ цѣлей. Ланге провозгласилъ борьбу за существованіе основнымъ закономъ исторіи; Шеффле старался на этомъ началѣ построить цѣлую теорію историческаго развитія.

Все это ученіе, по общему признанію, имѣетъ только значеніе гипотезы. Фактическихъ доказательствъ тутъ нѣтъ и не можетъ быть. Дѣйствительнаго превращенія одной породы животныхъ въ другую никто никогда не видалъ; для того чтобы подобное пре-

вращеніе совершилось, какъ признаютъ сами послѣдователи этой теоріи, нужны тысячи и даже сотни тысячъ лѣтъ. Все, слѣдовательно, ограничивается логическимъ построеніемъ, а потому эта система можетъ держаться лишь на столько, на сколько она соотвѣтствуетъ строгимъ требованіямъ логики. Но именно этого соотвѣтствія мы въ ней не видимъ.

Прежде всего, нельзя не замѣтить, что весь процессъ развитія представляется здѣсь произведеніемъ случайности. Ланге съ торжествомъ заявляетъ, что новѣйшей наукѣ удалось доказать то, что предчувствовали нѣкоторые изъ древнихъ философовъ, именно, что цѣлесообразное устроеніе вещей можетъ быть дѣломъ случая. Въ силу борьбы за существованіе, только цѣлесообразное способно сохраняться и воспроизводиться. Если представить себѣ природу слѣпо творящею, то все же, черезъ безконечно великіе промежутки времени, цѣлесообразное, не смотря на свою рѣдкость, получитъ перевѣсъ. Эта идея, говоритъ Ланге, разомъ полагаетъ конецъ всѣмъ выводамъ, которые дѣлаются изъ цѣлесообразности творенія; чтобы опровергнуть ихъ, достаточно простаго замѣчанія, что еслибы это твореніе не было цѣлесообразно, то его бы вовсе не было [1]). Однако тутъ же, въ слѣдующей фразѣ, Ланге прибавляетъ: «мы ежедневно еще видимъ нецѣлесообразное рядомъ съ цѣлесообразнымъ и рядомъ съ здоровымъ больное и неспособное къ жизни, а что́ въ этомъ отношеніи могло существовать прежде въ еще бо́льшихъ размѣрахъ, и что́ не могло сохраниться, того мы не знаемъ». Оказывается, слѣдовательно, что нецѣлесообразное можетъ существовать даже рядомъ съ цѣлесообразнымъ; почему же оно не можетъ существовать одно? Ничто не мѣшаетъ намъ представить себѣ міръ въ видѣ полнѣйшаго хаоса. Пускай нецѣлесообразное непрочно; оно замѣнится другимъ таковымъ же. Цѣлесообразнаго изъ этого все таки не выйдетъ, ибо цѣлесообразное предполагаетъ цѣль и силу, ведущую къ цѣли. Люди, не привыкшіе къ точному мышленію, воображаютъ, что нагромоздивши милліоны на милліоны вѣковъ, дѣло рѣшается само собою. Но это значитъ, вмѣсто мысли, пробавляться воображеніемъ. Если устранена причина, ведущая къ цѣли, то никакое теченіе времени ея не замѣнитъ. Для того чтобы цѣлесообразное строеніе, хотя бы въ малѣйшихъ

---

[1]) Arbeiterfrage, I Глава, примѣч. 1-е (4 изд.).

размѣрахъ, могло проявиться въ организмѣ, надобно, чтобы послѣднему присуща была сила, производящая это цѣлесообразное строеніе. Зародышъ глаза можетъ явиться только тамъ, гдѣ есть стремленіе къ созданію глаза. Еще яснѣе это обнаруживается на произведеніяхъ человѣка, къ которымъ эта теорія равно приложима, ибо, если случай можетъ сдѣлать тоже самое, что дѣлаетъ цѣлесообразно дѣйствующая сила, то это одинаково относится къ произведеніямъ природы и къ произведеніямъ человѣка. По понятіямъ Ланге выходитъ, что напримѣръ сочиненія Шекспира могли бы черезъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ появиться совсѣмъ отпечатанными, хотя бы никогда не существовали ни Шекспиръ, ни изобрѣтатель книгопечатанія, ни изобрѣтатель бумаги, ни фабрикантъ, ни типографщики. Неизвѣстно откуда происшедшія буквы, по волѣ случая, сами когда нибудь расположатся въ требуемомъ порядкѣ на неизвѣстно откуда явившихся листахъ. И это созданіе случая имѣло бы болѣе шансовъ на продолжительное существованіе, нежели другія, ему подобныя, ибо случайно появившіеся на свѣтъ люди, столь же случайно научившіеся англійскому языку, бережно сохраняли бы эту книгу, тогда какъ безсмысленныя сочетанія буквъ оставлялись бы безъ вниманія. Подобные выводы, логически вытекающіе изъ принятыхъ началъ, обличаютъ ихъ несостоятельность. Если нѣтъ производящей причины, то никогда не будетъ и слѣдствія, сколько бы вѣковъ ни повторялась игра случая.

Столь же противорѣчитъ требованіямъ мысли и прибѣжище къ безконечно-малымъ. Если извѣстный результатъ представляется невозможнымъ по существу дѣла, то нельзя вопросъ разрѣшить тѣмъ, что это дѣлается понемножку. А именно къ такой аргументаціи прибѣгаетъ Дарвинъ. Онъ прямо говоритъ, что предположеніе, будто глазъ, со всѣми его изумительными приспособленіями, сложился въ силу естественнаго подбора, можетъ показаться въ высшей степени нелѣпымъ; но стоитъ предположить постепенность, и все объясняется очень легко [1]. На этомъ доводѣ держится вся его система. А между тѣмъ, это чистый софизмъ. Этимъ способомъ можно доказать, напримѣръ, что человѣкъ въ состояніи поднимать горы. Стоитъ только пріучать его по немножку, прибавляя песчинку къ песчинкѣ: при измѣнчивости организма и наслѣдственной передачѣ пріобрѣтен-

[1]) О происхожденіи видовъ, гл. VI.

ныхъ привычекъ, черезъ нѣсколько тысячъ поколѣній онъ будетъ уже нести Монъ-Бланъ. Въ дѣйствительности, постепенность ничто иное какъ извѣстный способъ дѣйствія; результатъ же получается только тогда, когда есть причина способная его произвести. Поэтому, при объясненіи явленія, надобно прежде всего изслѣдовать свойства причины; постепенность же, сама по себѣ, ровно ничего не объясняетъ.

Точно также и борьба за существованіе ничто иное какъ извѣстный способъ дѣйствія, который самъ по себѣ не способенъ служить объясненіемъ явленій. Причина можетъ произвести данный результатъ путемъ борьбы или безъ борьбы; сущность дѣла состоитъ въ причинѣ, а не въ борьбѣ, которая сама по себѣ ничего не производитъ. Дарвинъ увѣряетъ, что именно вслѣдствіе всеобщей борьбы за существованіе сохраняются лишь наиболѣе приспособленные къ ней организмы. Но въ такомъ случаѣ, должны бы были исчезнуть всѣ низшія формы, а между тѣмъ онѣ существуютъ рядомъ съ высшими. Если онѣ сохраняются, то значитъ, между ними и высшими борьбы нѣтъ, и тогда борьба не можетъ быть признана всеобщимъ закономъ. Противъ этого нельзя возразить, какъ дѣлаетъ Дарвинъ, что существующія низшія формы и высшія такъ разошлись, что онѣ могутъ жить рядомъ, не оспоривая другъ у друга условій существованія, тогда какъ промежуточныя формы, приходя въ ближайшее столкновеніе съ высшими, скорѣе исчезаютъ. Въ силу борьбы за существованіе, прежде, нежели исчезли промежуточныя формы, онѣ должны были уничтожить низшія; если послѣднія не уничтожились, то это опять означаетъ, что борьбы не было, и что тѣмъ и другимъ было достаточно просторно. Когда же затѣмъ вновь нарождающіяся высшія формы начинаютъ тѣснить промежуточныя, то послѣднія, въ свою очередь, должны тѣснить низшія, которыя все таки, по этому предположенію, уничтожатся прежде, нежели непосредственно надъ ними стоящія и имѣющія надъ ними превосходство въ строеніи.

Борьба за существованіе не объясняетъ и превращенія органовъ, которые, для того чтобы перейти изъ одного полезнаго состоянія въ другое, должны пройти черезъ промежуточное безполезное состояніе, гдѣ носитель ихъ будетъ находиться въ худшемъ положеніи, нежели прежде. Такъ напримѣръ, предполагаютъ, что крыло птицы развилось изъ лапы пресмыкающагося. Очевидно, что для подобнаго

превращенія нужны сотни тысячъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ превращающійся органъ не будетъ ни лапою, ни крыломъ, слѣдовательно не будетъ служить ни къ чему. Въ борьбѣ за существованіе, обладатель его, имѣя болѣе несовершенныя орудія, нежели другіе, непремѣнно погибнетъ, а потому крыло никогда не разовьется. Польза крыла можетъ оказаться только въ концѣ развитія, а потому и здѣсь необходимо предположить цѣлесообразно дѣйствующую силу, которая достигаетъ своей цѣли не съ помощью борьбы за существованіе, а напротивъ, не смотря на борьбу за существованіе. Послѣдняя можетъ служить только препятствіемъ, ибо она ставитъ животное, находящееся въ переходномъ состояніи, въ невыгодныя условія.

Даже первоначальное развитіе органовъ, при такомъ взглядѣ, становится невозможнымъ. Дарвинисты, въ доказательство своей теоріи, ссылаются на зачаточные органы, которые, будучи безполезными, объясняются лишь тѣмъ, что они суть унаслѣдованные остатки прежде полезныхъ органовъ. Но каковыми эти органы являются въ концѣ, таковыми же они должны были быть и въ началѣ, ибо все, по этой теоріи, развивается путемъ незамѣтныхъ переходовъ отъ меньшаго къ большему. Если же они въ самомъ началѣ, пока они находятся въ зачаточномъ состояніи, безполезны, а всякое развитіе зависитъ отъ приносимой органомъ пользы, то почему же они развились? Возьмемъ, напримѣръ, крылья насѣкомыхъ. У многихъ жуковъ они находятся въ зачаточномъ состояніи и не служатъ ни къ чему. Это объясняется тѣмъ, что они не доразвились. Но, по гипотезѣ Дарвинистовъ, они и въ самомъ началѣ были таковыми; полезными они могли сдѣлаться лишь тогда, когда они достигли достаточныхъ размѣровъ, чтобы служить летанію, то есть, черезъ сотни тысячъ лѣтъ. Какъ же они могли развиваться? Въ борьбѣ за существованіе они никакой выгоды не приносили.

Дѣло въ томъ, что во всякомъ развивающемся органѣ, польза, имъ приносимая, то есть, извѣстное его отправленіе, также какъ и полнота строенія, отъ которой зависитъ это отправленіе, является не въ началѣ, а въ концѣ процесса. Если эта польза составляетъ только случайный результатъ предшествующаго движенія, то она представляется слѣдствіемъ; но тогда развитіе не отъ нея зависитъ. Если же самый процессъ опредѣляется пользою, то есть, если начало опредѣляется концомъ, то подобное отношеніе носитъ названіе цѣ-

ли. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что польза составляетъ главную пружину органическаго развитія, но единственно какъ внутренняя цѣль, а не какъ механическая причина. Только при такомъ воззрѣніи объясняются явленія развитія; только въ силу этого начала самое развитіе рода подчиняется тѣмъ же законамъ, которые управляютъ и развитіемъ особи, ибо при этомъ только условіи наслѣдственность, составляющая необходимое звено въ этой цѣпи, не идетъ въ разрѣзъ съ принятыми основаніями общаго развитія. Въ яйцѣ развитіе очевидно происходитъ не въ силу борьбы за существованіе; въ немъ создаются органы, которые только въ будущемъ сдѣлаются полезными. Зачѣмъ же намъ въ развитіи рода предполагать иныя начала и законы, нежели въ развитіи особи? Это тѣмъ менѣе умѣстно, что мы развитіе особи все таки принуждены сдѣлать посредствующимъ звеномъ въ развитіи рода. Если въ одномъ случаѣ все происходитъ безъ борьбы за существованіе, то къ чему же она служитъ въ другомъ?

Сами Дарвинисты, при построеніи основанной на трансформизмѣ міровой системы, отодвинули борьбу за существованіе на задній планъ. У Гекеля, первенствующее значеніе получаютъ приспособленіе и наслѣдственность. Съ точки зрѣнія отвлеченно логической, это составляетъ, безъ сомнѣнія, шагъ впередъ, ибо способъ дѣйствія замѣняется внутренними силами. Но съ другой стороны, нелѣпо выдавать приспособленіе и наслѣдственность за чисто механическія причины. Мы уже видѣли, что все значеніе наслѣдственности заключается въ воспроизведеніи типа, который составляетъ цѣль развитія единичной особи. Что же касается до приспособленія, то самое его названіе показываетъ, что тутъ есть отношеніе цѣли къ средствамъ. Приспособленіе можетъ быть двоякаго рода: отрицательное и положительное. Отрицательное состоитъ въ созданіи или въ развитіи различныхъ способовъ защиты отъ угрожающихъ внѣшнихъ вліяній. Таковъ мѣхъ для защиты отъ холода, рога у животныхъ, жидкость, которую испускаютъ нѣкоторые изъ нихъ, когда они преслѣдуются врагами. Положительное же приспособленіе состоитъ въ созданіи или въ развитіи органовъ для пользованія внѣшними условіями. Таковы глазъ и ухо, какъ органы зрѣнія и слуха, желудокъ, какъ органъ пищеваренія. Въ обоихъ случаяхъ ясно, что не внѣшнія вліянія создаютъ эти органы и орудія. Свѣтъ не производитъ глаза, звукъ не строитъ уха, пища не со-

здаетъ желудка, хищное животное не награждаетъ другаго рогами или жидкостью, которыя служатъ для его отраженія. Самъ организмъ строитъ себѣ органы и орудія, которыя имѣютъ для него значеніе средствъ для достиженія его цѣлей. Но если тутъ есть средства и цѣль, то очевидно, что приспособленіе есть дѣйствіе цѣлесообразное, а не просто механическая причина. Если же мы скажемъ, что тутъ дѣйствуютъ однѣ механическія причины, то это будетъ уже не приспособленіе, какъ постоянное свойство организма, а просто игра природы. Слѣдовательно, признавши приспособленіе и наслѣдственность движущими причинами органическаго развитія, мы тѣмъ самымъ говоримъ, что источникомъ развитія служитъ присущая организму цѣлесообразно дѣйствующая сила, идущая изъ поколѣнія въ поколѣніе; но въ такомъ случаѣ къ чему тутъ борьба за существованіе? Борьба можетъ быть однимъ изъ способовъ дѣйствія этой силы; но если послѣдняя обладаетъ способностью къ приспособленію, доходящею до созданія самыхъ сложныхъ и совершенныхъ орудій, то она можетъ обойтись и безъ борьбы за существованіе. Необходимости тутъ не видать. Съ этой точки зрѣнія, развитіе рода можетъ совершаться по тому же самому закону, какъ и развитіе особи, именно, дѣйствіемъ внутренней движущей силы, стремящейся осуществить въ дѣйствительности то, что содержится въ ней, какъ возможность. Внѣшнія же условія служатъ ей только средствомъ и матеріаломъ, которыми она пользуется, подчиняясь ихъ законамъ, но которыя собственному ея движенію не даютъ закона.

Въ этомъ состоитъ истинная сторона теоріи Дарвинистовъ. Если мы очистимъ это ученіе отъ узкости и односторонности взгляда, низводящей его на степень чисто механическаго міросозерцанія, то мы въ результатѣ найдемъ то самое начало, которое давно уже добыто умозрительною философіею, и къ которому приводитъ насъ съ другой стороны изученіе фактовъ. Законъ наслѣдственности несомнѣнно удостовѣряетъ насъ, что единичная сила, проявляющаяся въ органической особи, сама составляетъ частное проявленіе болѣе общаго начала. Сила, которая передается преемственно и переходитъ изъ рода въ родъ, въ существѣ своемъ есть одна и таже сила. Вслѣдствіе этого она и воспроизводитъ постоянно одинъ и тотъ же типъ, хотя она проявляется въ отдѣльныхъ особяхъ. Изъ этого ясно, что понятіе объ общей субстанціи, живущей въ отдѣльныхъ особяхъ, столь же мало можетъ быть признано простымъ обобщені-

емъ человѣческаго разума, какъ и понятіе о единствѣ силы, превращающейся изъ одной формы въ другую и переходящей черезъ различныя сочетанія матеріальныхъ частицъ. А такъ какъ мы не только въ рождающихся другъ отъ друга поколѣніяхъ, но и въ разныхъ родахъ и видахъ органическихъ существъ, не связанныхъ между собою наслѣдственнымъ преемствомъ, видимъ повтореніе одного и того же типическаго строенія, такъ какъ и въ цѣломъ рядѣ организмовъ мы замѣчаемъ постепенное совершенствованіе, то мы должны заключить, что въ основаніи всѣхъ ихъ лежитъ общее, живое, творческое начало, которое даетъ матеріи все высшее и высшее строеніе, приготовляя ее къ воспринятію духа. Эта животворная сила въ настоящее время таже самая, какою она была искони, ибо для сохраненія бытія нужна таже сила, какая необходима и для того, чтобы дать вещи бытіе; но созданіе новыхъ формъ прекратилось, потому что съ появленіемъ человѣка присущая органическому міру творческая сила исполнила свою задачу и осуществила то, что въ ней заключалось. Дальнѣйшее движеніе предоставляется другой, высшей силѣ, духовной.

Изъ этого можно видѣть, до какой степени, съ научной точки зрѣнія, допустимо существованіе міровой души, понятіе, которое, какъ извѣстно, лежитъ въ основаніи нѣкоторыхъ идеалистическихъ системъ, все улетучивающихъ въ началѣ конечной цѣли. Если, какъ сказано выше, мы душою называемъ силу, дѣйствующую по внутренней цѣли, то мы единую душу должны видѣть лишь въ органическомъ мірѣ, который воздвигается надъ міромъ механическихъ и химическихъ силъ, какъ новое, высшее твореніе, носящее въ себѣ самомъ начало развитія, и который, въ свою очередь, служитъ только приготовительною ступенью для появленія совершенно иной силы, безконечно возвышающейся надъ всѣмъ матеріальнымъ міромъ, силы, имѣющей своимъ содержаніемъ само безконечное—для духа.

Съ переходомъ къ духу, мы вступаемъ уже въ совершенно новую область. Хотя физически человѣкъ весьма мало отличается отъ другихъ животныхъ, но въ духовномъ отношеніи между ними лежитъ цѣлая бездна. Въ человѣческихъ обществахъ господствуютъ начала неизвѣстныя матеріальному міру: наука, искусство, религія, право, нравственность, политика. Человѣкъ, съ одной стороны, покоряетъ своимъ цѣлямъ внѣшнюю природу, съ другой стороны,

онъ возвышается разумомъ и чувствомъ къ абсолютному источнику всего сущаго и сознаетъ вѣчные законы, управляющіе вселенною. Это и составляетъ содержаніе исторіи. Человѣческій родъ, подобно органической природѣ, подлежитъ развитію; онъ также развиваетъ свою сущность въ рядѣ ступеней, идущихъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ; но сообразно съ природою духа, въ этомъ процессѣ развиваются не матеріальныя, а духовныя начала, которыми и опредѣляется весь послѣдовательный ходъ исторіи.

И тутъ однакоже, какъ и во всякомъ развитіи, истинная природа развивающагося существа раскрывается не въ началѣ, а въ концѣ; она обнаруживается по мѣрѣ осуществленія ея во внѣшнемъ мірѣ и перехода ея изъ возможности въ дѣйствительность. Въ началѣ же, духовная природа человѣка находится въ скрытомъ состояніи; она погружена въ матерію, отъ которой она должна оторваться, чтобы проявить истинную свою сущность. Мы видѣли, что таково именно свойство всякаго развитія. Поэтому нѣтъ ничего превратнѣе, какъ сравненіе низшихъ ступеней человѣческой жизни съ высшими ступенями животнаго царства, съ цѣлью доказать, что первая составляетъ лишь продолженіе послѣдняго. Въ этомъ обнаруживается только полное непониманіе предмета. Въ зародышѣ человѣкъ даже ниже всякаго животнаго: зародышъ Шекспира, Рафаэля или Ньютона, по физическому строенію, не можетъ сравниться съ вполнѣ развившимся слизнякомъ или насѣкомымъ; но въ этой простой клѣточкѣ заключается возможность такихъ дивныхъ созданій, которымъ вся матеріальная природа не представляетъ и тѣни подобія.

Поэтому и перенесеніе на исторію тѣхъ законовъ развитія, которые коренятся въ свойствахъ матеріи, не имѣетъ никакого смысла. Сюда принадлежитъ, между прочимъ, борьба за существованіе. Если въ органическомъ мірѣ это начало не можетъ считаться движущею пружиною развитія, то тѣмъ менѣе оно способно управлять исторіею человѣчества. Духъ развивается путемъ борьбы, и эта борьба нерѣдко принимаетъ матеріальный характеръ, ибо поприщемъ духа служитъ физическій міръ; но послѣдній даетъ ему только матеріалы и орудія, а не управляющія начала. Движущую пружину развитія духа надобно искать въ томъ, что̀ составляетъ собственную его природу, его отличительное свойство. Это свойство заключается въ тѣхъ началахъ разума, которыя, съ одной стороны, связываютъ человѣка съ Божествомъ, а съ другой стороны опредѣляютъ всю его прак-

тическую дѣятельность. Ихъ развитіе составляетъ существенное содержаніе исторіи.

Это до такой степени вѣрно, что даже тѣ писатели, которые всего болѣе толкуютъ о борьбѣ за существованіе, принуждены признать эти высшія начала главными двигателями историческаго развитія. «Въ то время, говоритъ Ланге, какъ растеніе безсознательно, а животное обыкновенно вполнѣ повинуясь естественному инстинкту, страдательно покоряются этимъ законамъ природы, въ человѣкѣ послѣднею ступенью этого естественнаго процесса совершенствованія является способность подняться надъ его жестокимъ и бездушнымъ механизмомъ, замѣнить слѣпо совершающееся устроеніе расчитанною цѣлесообразностью, и съ безконечнымъ сбереженіемъ страданій и смертныхъ мученій, достигнуть поступательнаго движенія, которое идетъ быстрѣе, вѣрнѣе и безостановочнѣе, нежели то, которое производятъ слѣпо властвующіе законы природы посредствомъ борьбы за существованіе» [1]). «Мы требуемъ для человѣка, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, иную природу, нежели та, которая принадлежитъ животнымъ, и всѣ великія усилія и стремленія человѣчества имѣютъ цѣлью создать такое состояніе, въ которомъ живущій, наслаждаясь бытіемъ, достигаетъ возможнаго совершенства и не падаетъ жертвою ни внезапнаго уничтоженія, ни медленно грызущаго зуба нищеты» [2]).

Такимъ образомъ, провозглашая борьбу за существованіе общимъ закономъ природы и исторіи, защитники этого начала стараются избавить отъ него человѣчество. Таковъ обыкновенный пріемъ современныхъ мыслителей въ отношеніи ко всѣмъ естественнымъ законамъ. Ланге ограничился впрочемъ общими фразами, изъ которыхъ никакой теоріи нельзя вывести. Подробнѣе развилъ это начало Шеффле, который борьбу за существованіе возвелъ въ основной законъ историческаго развитія, при чемъ однако онъ до такой степени расширилъ это понятіе, что оно теряетъ у него всякій смыслъ и обнаруживаетъ только полную несостоятельность всей этой попытки.

Уже самъ родоначальникъ этой теоріи, говоря о борьбѣ за существованіе, заявилъ, что онъ принимаетъ этотъ терминъ въ обширномъ и метафорическомъ значеніи. Но прилагая это начало къ исторіи человѣчества, Дарвинъ замѣтилъ, что даже въ обшир-

[1]) Arbeiterfrage, гл. I, прим. 2-е (4-е изд.).
[2]) Тамъ же, гл. I, стр. 4.

номъ и метафорическомъ значеніи оно не объясняетъ множества явленій. Онъ призналъ, что у высоко образованныхъ народовъ постоянный прогрессъ только въ малой мѣрѣ зависитъ отъ естественнаго подбора, ибо образованные народы не уничтожаютъ другъ друга, какъ дикія племена. У нихъ главными двигателями развитія являются хорошее воспитаніе, законы, обычаи, преданія, симпатія, общественное мнѣніе, все начала, не подходящія подъ понятіе о борьбѣ за существованіе. Приводя это мнѣніе, Шеффле упрекаетъ Дарвина въ томъ, что онъ подобными уступками подвергаетъ опасности всю послѣдовательность своего ученія. Естественный подборъ, по увѣренію Шеффле, заключаетъ въ себѣ всѣ эти начала, а потому слѣдовало бы сказать, что «прогрессъ и въ цивилизаціи производится естественнымъ подборомъ; но при иномъ, болѣе широкомъ сцѣпленіи внѣшнихъ условій существованія и при дѣятельномъ вліяніи высшихъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, соціальная борьба за существованіе переходитъ отъ истребительной войны къ ненасильственному веденію спора и имѣетъ послѣдствіемъ взаимно-полезное приспособленіе, образованіе общества, цивилизацію. Черезъ это, замѣчаетъ Шеффле, всѣ эти явленія общественнаго развитія подводятся подъ законъ подбора» [1]). Пожалуй, подводятся, но лишь тѣмъ, что понятіе лишается смысла. Если мирное соглашеніе называть борьбою за существованіе, то чего нельзя подвести подъ это начало?

Сообразно съ такимъ взглядомъ, Шеффле признаетъ, что соціальный подборъ, проистекающій изъ борьбы за существованіе, имѣетъ свои особенности. Тутъ субъекты иные, нежели въ животномъ царствѣ: борются не отдѣльныя лица, а соединенныя силы. Тутъ, съ самаго начала, «является фактъ общества, а съ нимъ дары разума и рѣчи, которыми обладаетъ способный къ цивилизаціи человѣкъ.... Общество, какъ цѣлое, выступаетъ со всею своею мощью, чтобы регулировать борьбу за существованіе въ интересахъ сохраненія цѣлаго. Специфическимъ аттрибутомъ человѣческаго веденія борьбы за существованіе служитъ установленный для нея, посредствомъ права и нравственности, общественный порядокъ». Общежительный, а потому обладающій даромъ слова человѣкъ, продолжаетъ

---

[1]) Bau und Leben des socialen Körpers II, стр. 53. Въ текстѣ цитуются далѣе страницы этого сочиненія.

Шеффле, ведетъ свою борьбу и особеннымъ оружіемъ, а именно, все болѣе и болѣе оружіемъ духа. Здѣсь и цѣли и интересы иные, нежели въ животномъ царствѣ: только на низшихъ ступеняхъ идетъ борьба за матеріальныя потребности и за половыя наклонности; съ дальнѣйшимъ же развитіемъ, люди борются уже за избытокъ внѣшнихъ благъ, за честь, за власть, за превосходство знанія и образованія, за значеніе и за распространеніе идей, и чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ болѣе выступаетъ эта борьба за высшія блага, между тѣмъ какъ пошлый характеръ борьбы за удовлетвореніе животныхъ чувствъ отступаетъ назадъ. Точно также измѣняется и форма борьбы: самоуправство и физическая сила замѣняются обоюднымъ соглашеніемъ или рѣшеніемъ третьихъ. Наконецъ и результаты тутъ совершенно иные, нежели въ животномъ царствѣ: проистекающая изъ борьбы за существованіе высшая цивилизація ведетъ къ большему и большему общенію людей; они становятся восполняющими другъ друга членами всемірнаго общества, которое является высшимъ и послѣднимъ продуктомъ необходимыхъ законовъ развитія (II, стр. 47—52).

Спрашивается: что же во всемъ этомъ есть общаго съ выведеннымъ Дарвиномъ закономъ естественнаго подбора, въ силу котораго, при избыткѣ производимыхъ природою зародышей, всѣ слабѣйшія особи погибаютъ и только сильнѣйшія остаются? Но не смотря на эти очевидныя несообразности, Шеффле храбро увѣряетъ, что весь этотъ процессъ, въ человѣкѣ, также какъ и въ животномъ царствѣ, имѣетъ единственнымъ источникомъ стремленіе къ самосохраненію (II, стр. 28) и единственнымъ результатомъ побѣду сильнѣйшаго (стр. 56). Отсюда онъ выводитъ и право, и нравственность, и даже самую религію, въ которой онъ видитъ «осадокъ» чувствъ, накопляемыхъ борьбою за существованіе. Проистекающее изъ этой борьбы сознаніе человѣческаго несовершенства и неудовлетворенность существующимъ порождаютъ, по его мнѣнію, желаніе блаженства и единенія съ Божествомъ; они вызываютъ мысли «о вѣчномъ покоѣ и вѣчномъ мирѣ, о совершенствованіи и святости, объ искупленіи и примиреніи, о воздаяніи и судѣ, наконецъ о вѣчномъ, блаженномъ общеніи съ Богомъ» (IV, стр. 145—6). Чѣмъ же однако, спрашиваетъ себя читатель, можетъ быть неудовлетворенъ сильнѣйшій, когда онъ всегда остается побѣдителемъ, и отъ него зависитъ, не только устроеніе человѣческихъ дѣлъ, но и все направленіе мыслей

и воли людей? И какимъ образомъ можетъ понятіе о Божествѣ родиться изъ стремленія къ самосохраненію и вытекающей отсюда борьбы?

Разгадку этой задачи можно найти у самого Шеффле: громоздя противорѣчія на противорѣчія, онъ тутъ же самъ себя обличаетъ. Сказавши, что единственный источникъ совершенствованія заключается въ стремленіи къ самосохраненію, онъ рядомъ съ этимъ признаетъ, что «ведущія къ величайшему прогрессу приспособленія принесены въ міръ безкорыстными идеалистами»; онъ заявляетъ, что «вѣрность долгу и добродѣтель сохраняютъ многія существованія на уровнѣ способнаго къ жизни приспособленія» (II, стр. 194). Не одни животныя побужденія и эгоизмъ, говоритъ онъ, но и «движущій впередъ общественный духъ» производитъ напряженія силъ, имѣющія послѣдствіемъ побѣду наиболѣе приспособленныхъ (стр. 229). Борьба же, вызванная эгоизмомъ, ведетъ лишь къ «усовершенствованію порожденныхъ имъ дурныхъ качествъ». Шеффле прямо даже объявляетъ, что «внутренняя война является главною причиною и весьма общею формою общественнаго упадка и погибели. Искусства мошенничества, обмана, лизоблюдства, лести и клеветы, искаженіе общественнаго мнѣнія и правъ свободы, подкупъ и софистика, раболѣпство и лицемѣріе съ одной стороны, жестокость и несправедливость съ другой, формально подвергаются подбору» (стр. 3—7). Вслѣдствіе этого, война «часто становится источникомъ попятнаго движенія, какъ для побѣдителя, такъ и для побѣжденнаго» (стр. 250, 251). Она уничтожаетъ именно лучшія силы (стр. 388). Побѣдитель же нерѣдко пользуется своею властью вовсе не для усовершенствованія человѣческаго рода, а для извращенія, какъ права, такъ и морали. При такихъ условіяхъ, говоритъ Шеффле, «само собою разумѣется, что господствующій элементъ, всплывающій къ верху, будетъ вовсе не наиболѣе приспособленный и цѣнный. Производящая соціальный подборъ борьба за существованіе черезъ это превращеніе отвлекается отъ своего совершенствующаго направленія и становится причиною упадка народовъ» (стр. 385).

Оказывается, слѣдовательно, что естественный и міровой законъ можетъ быть отклоненъ отъ своего истиннаго назначенія и обращенъ въ противоположную сторону лукавствомъ именно тѣхъ, кого онъ выдвигаетъ впередъ! Казалось бы, послѣ этого трудно утверждать, что борьба за существованіе всегда даетъ побѣду «духовно сильнѣй-

шимъ и нравственно здоровѣйшимъ» элементамъ, и что естественный подборъ самъ собою ведетъ къ совершенствованію человѣчества. И точно, не смотря на свои увѣренія, Шеффле признаетъ, что могутъ быть даже весьма продолжительные періоды упадка; однако онъ надѣется, что рано или поздно снова появятся условія, дѣлающія возможнымъ лучшее приспособленіе, и тогда опять начнется движеніе въ верхъ. Поэтому, заключаетъ онъ, исторію человѣчества надобно представить себѣ въ видѣ неравномѣрнаго прогресса, который лучше всего изображается кривою линіею, постоянно поднимающеюся, не смотря на многочисленныя уклоненія въ низъ (стр. 445—7).

Въ силу чего же однако можно ожидать возобновленія прогресса, если основной законъ развитія, борьба за существованіе, къ нему не ведетъ, а нерѣдко производитъ совершенно обратное дѣйствіе? Причины нѣтъ никакой, а потому и вѣра въ совершенствованіе ни на чемъ не основана. Истинный источникъ этой вѣры лежитъ въ идеальныхъ стремленіяхъ человѣка; но для того чтобы она могла осуществиться на дѣлѣ, надобно прежде всего устранить именно борьбу за существованіе. Еслибы дѣйствительно это начало играло въ исторіи такую первенствующую роль, какую ему приписываютъ, то человѣчество не только не подвинулось бы впередъ, а напротивъ, вѣчно осталось бы на степени животныхъ. Это весьма ясно доказывается самимъ Шеффле, когда онъ говоритъ о развращающемъ дѣйствіи междоусобной войны, которая истребляетъ лучшія силы и развиваетъ именно самыя дурныя свойства людей. Чѣмъ ниже цѣль, за которую борются люди, тѣмъ ниже возбуждаемыя борьбою страсти, а потому тѣмъ хуже будетъ результатъ. Борьба за существованіе ничего не можетъ развить, кромѣ животныхъ инстинктовъ. Значеніе борьбы зависитъ отъ той цѣли, за которую она ведется. Только прогрессивныя цѣли способны дать прогрессивный характеръ и борьбѣ, изъ чего ясно, что развитіе человѣчества опредѣляется развитіемъ цѣлей; борьба же служитъ только средствомъ.

Дѣйствительно, духъ развивается путемъ борьбы; въ этомъ состоитъ его сущность, ибо орудіями его являются свободныя лица, которыя, въ силу своей свободы, неизбѣжно приходятъ въ столкновеніе другъ съ другомъ. На это давно уже указала философія. Подобная борьба плодотворна и возвышаетъ человѣка, ибо она ведется за духовныя цѣли и преимущественно духовнымъ оружіемъ, хотя нерѣдко употребляется и оружіе матеріальное, вслѣдствіе того что духъ

осуществляетъ свои цѣли въ матеріальномъ мірѣ. Въ этой борьбѣ человѣкъ духовно крѣпнетъ и мужаетъ, а потому подвигается впередъ, какъ въ уразумѣніи цѣлей, такъ и въ ихъ осуществленіи. Низводить же эту борьбу разумно-свободныхъ существъ на степень животной борьбы за существованіе, въ которой сильнѣйшій остается въ живыхъ, а остальные истребляются, значитъ совершенно не понимать существа духа и законовъ его развитія. Это легкомысленное заимствованіе модной теоріи у обрѣтающихся нынѣ въ модѣ естественныхъ наукъ составляетъ, можно сказать, одну изъ самыхъ позорныхъ страницъ въ исторіи современной мысли. Кромѣ чудовищныхъ противорѣчій, она ничего не могла произвести.

Въ чемъ же состоятъ цѣли духа, которыми опредѣляется его развитіе? Сведенныя къ общему ихъ началу, онѣ состоятъ въ раскрытіи внутренней его природы, или совокупности его силъ. Какъ и всякая развивающаяся сущность, духъ осуществляетъ въ дѣйствительности то, что заключается въ немъ въ возможности. И если въ органическомъ мірѣ мы изъ преемственности поколѣній и послѣдовательности органическихъ типовъ могли заключить о единой, лежащей въ основаніи ихъ сущности, то въ еще большей степени подобное заключеніе приложимо къ духу. Здѣсь единство выражается явнымъ образомъ въ духовномъ общеніи людей; здѣсь и духовное наслѣдіе передается не только отъ одного поколѣнія другому, но и отъ однихъ народовъ другимъ, какъ современнымъ, такъ и позднѣйшимъ. То, что было добыто духовною дѣятельностью Грековъ и Римлянъ, служитъ для новыхъ народовъ источникомъ дальнѣйшаго, высшаго развитія; сами же Греки и Римляне получили начало своей духовной жизни отъ мудрости восточныхъ народовъ. Такимъ образомъ, не смотря на видимые перерывы, вся исторія человѣчества представляетъ одно преемственное движеніе, управляемое общими законами и ведущее къ одной цѣли, къ раскрытію существа духа.

Это умственное общеніе, связывающее не только современниковъ, но и отдаленнѣйшія поколѣнія и народы, составляетъ отличительную черту духовнаго міра, самую сущность духовнаго естества. Источникъ его лежитъ въ той коренной силѣ, которою человѣкъ отличается отъ животныхъ, въ разумѣ. Человѣкъ есть разумное существо, и какъ таковое, имѣетъ языкъ, посредствомъ котораго онъ можетъ сообщаться со всѣми другими людьми. И хотя разнообразіе духовныхъ особенностей различныхъ племенъ и народовъ, а равно

окружающихъ ихъ условій и степени ихъ развитія, ведетъ къ тому, что въ человѣчествѣ господствуетъ не одинъ языкъ, а многіе, однако всѣ эти языки, будучи явленіемъ единаго разума, могутъ сдѣлаться понятными для всѣхъ другихъ и служить средствами духовнаго общенія. Образованный человѣкъ способенъ вполнѣ изучить и понимать языкъ дикихъ, стоящихъ на самой низкой ступени умственной лѣствицы; но какъ бы онъ по физическому строенію ни подходилъ близко къ обезьянамъ, онъ ни въ какомъ духовномъ общеніи съ ними находиться не можетъ. Между ними лежитъ непроходимая бездна.

Эта коренная сила духа составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ главную пружину историческаго развитія. Въ человѣкѣ развитіе происходитъ не безсознательно, какъ въ органическомъ царствѣ, а черезъ посредство сознанія. Въ этомъ отношеніи, Огюстъ Контъ былъ правъ, когда онъ развитіе разума поставилъ во главѣ всего историческаго движенія, хотя онъ, по ограниченности своей точки зрѣнія, не въ состояніи былъ понять законы этого движенія. Несправедливо возраженіе Спенсера, что главными двигателями человѣческаго развитія являются чувства, наклонности, интересы, а идеи служатъ имъ только путеводителями. Чувства, наклонности, интересы, тогда только способны двигать человѣчество впередъ, когда они проникнуты разумомъ и подчиняются его руководству. Путеводитель указываетъ, куда и какъ идти; онъ ставитъ или, во всякомъ случаѣ, одобряетъ или осуждаетъ цѣль; онъ изыскиваетъ и средства. Безъ него, все обратилось бы въ хаотическое блужданіе, безъ всякаго общаго плана и безъ всякаго исхода. Для разумнаго существа, каковъ человѣкъ, недостаточна одна внутренняя, цѣлесообразно дѣйствующая сила, направляющая движеніе. Въ отличіе отъ органической природы, въ духѣ эта внутренняя движущая сила возводится на степень сознанія; по мѣрѣ развитія сознанія она раскрывается въ большей и большей полнотѣ, давая для каждой послѣдующей ступени ту идею, которая служитъ путеводною нитью живущимъ на ней поколѣніямъ. Значеніе разумныхъ началъ человѣческаго духа состоитъ именно въ томъ, что они вносятъ свѣтъ въ хаосъ борющихся силъ и стремленій, которыя тѣмъ самымъ становятся способными служить высшимъ цѣлямъ человѣчества.

Въ своей чистотѣ, или въ идеальной формѣ, эта разумная сторона человѣческой природы, кромѣ языка, который служитъ оруді-

емъ разума, выражается въ наукѣ, въ искусствѣ, въ религіи. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ духа отражается двоякое присущее ему стремленіе, одно обращенное къ міру, другое обращенное къ Богу. Съ одной стороны, человѣкъ познаетъ внѣшній міръ и воспроизводитъ его въ художественной формѣ; съ другой стороны, онъ возвышается къ абсолютному началу всего сущаго, отъ котораго происходятъ и разумъ, и жизнь, и природа. А такъ какъ единственно возведеніемъ міровыхъ явленій къ ихъ верховному источнику является возможность связать ихъ въ единое, гармоническое цѣлое, то познаніе абсолютнаго становится началомъ и концомъ всякаго человѣческаго міросозерцанія. Отъ понятія, которое человѣкъ составляетъ себѣ объ абсолютномъ, зависитъ все его воззрѣніе на относительное. Отсюда проистекаютъ и тѣ идеи, которыя служатъ ему путеводителями въ жизни. Вслѣдствіе этого, развитіе идеи абсолютнаго въ человѣческомъ сознаніи представляетъ умозрительное изображеніе всего хода человѣческой исторіи.

Это развитіе совершается въ двоякой формѣ, религіозной и философской. Религіозное міросозерцаніе представляетъ собою установившуюся систему человѣческаго сознанія, когда принявшая опредѣленную и прочную форму идея Божества охватываетъ всю человѣческую душу и становится для нея источникомъ духовной жизни и дѣятельности. Философское сознаніе, напротивъ, составляетъ прогрессивное начало исторической жизни. Оно представляетъ движеніе отъ одной установившейся системы къ другой, посредствомъ постоянной смѣны вытекающихъ другъ изъ друга понятій и направленій мысли. Господствомъ религіи характеризуются синтетическія эпохи всемірной исторіи, преобладаніемъ философіи эпохи аналитическія. И тѣ и другія равно составляютъ принадлежность историческаго развитія; и если для людей, живущихъ въ одной изъ нихъ, состояніе человѣческаго духа въ другой представляется или отсталостью или упадкомъ, то для научнаго взгляда, обнимающаго все пройденное пространство, и тѣ и другія образуютъ въ своей совокупности одно стройное движеніе, управляемое единымъ закономъ и ведущее къ одной верховной цѣли—къ полному развитію и гармоническому соглашенію всѣхъ элементовъ человѣческаго естества, въ связи, какъ съ природою, такъ и съ Божествомъ [1]).

---

[1]) Въ своемъ сочиненіи: Наука и Религія, я старался вывести са-

Но эта умозрительная сторона историческаго развитія изображаетъ его, можно сказать, въ отвлеченіи. Этимъ оно не исчерпывается. Существо духа состоитъ не только въ томъ, что онъ сознаетъ и себя, и природу, и Божество: онъ сознанныя имъ начала прилагаетъ къ жизни; изъ области сознанія онъ переводитъ ихъ въ дѣйствительность. Эта вторая, практическая сторона духа имѣетъ двоякую сферу дѣятельности: покореніе природы и созданіе нравственнаго порядка.

Покореніе природы цѣлямъ человѣка составляетъ необходимое условіе развитія, ибо поприщемъ духа служитъ матеріальный міръ. Это—сторона противоположная идеальному міросозерцанію: тамъ все происходитъ въ сферѣ чистой мысли или отвлеченнаго чувства; здѣсь, напротивъ, человѣкъ погружается въ матерію и дѣйствуетъ, какъ физическое существо, на окружающую его физическую среду. Ближайшую цѣль этой дѣятельности составляетъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей; но покореніе природы необходимо и для развитія высшихъ элементовъ духовной жизни. Гармоническое сочетаніе этихъ двухъ противоположныхъ сторонъ человѣческаго естества, матеріальной и духовной, составляетъ именно конечную цѣль человѣческаго духа, который, будучи связанъ съ плотью, стоитъ на границѣ двухъ міровъ и имѣетъ задачею осуществить идеальныя начала въ матеріальной области, и наоборотъ, сдѣлать матерію изображеніемъ идеальныхъ началъ.

Исполненіе этой задачи принадлежитъ человѣку, не въ отдѣльности взятому, а въ союзѣ съ другими. Только совокупными силами возможно покорить природу, и только въ общеніи съ другими развивается сознаніе высшихъ началъ. Поэтому, правильно устроенное общежитіе является необходимымъ условіемъ духовнаго развитія. Оно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ и высшую его цѣль, ибо въ немъ только осуществляется полное взаимное проникновеніе матеріи и разума: здѣсь идеальныя начала изъ области сознанія переходятъ въ дѣйствительность и воплощаются въ союзѣ единичныхъ, матеріальныхъ существъ, связанныхъ духовными цѣлями. Общая субстанція духа получаетъ здѣсь видимый образъ.

Матеріальная сторона союза выражается въ единичныхъ особяхъ.

мый законъ, которымъ управляется это движеніе. Отсылаю къ нему читателей, которыхъ интересуетъ этотъ вопросъ.

Но въ лицѣ человѣка, матерія перестаетъ уже имѣть чисто служебное значеніе. Она становится сосудомъ высшаго начала, которое сообщаетъ ей высшее достоинство. Въ единичномъ матеріальномъ существѣ живетъ разумъ, сознающій не только законы вселенной, но и абсолютное начало всего сущаго, живетъ чувство, которое непосредственно связываетъ эту бренную особь съ самимъ Божествомъ. Единичное существо, одаренное разумомъ, является носителемъ абсолютнаго, сосудомъ божественнаго. Въ этомъ именно состоитъ его человѣческое достоинство, безконечно возвышающее его надъ уровнемъ животныхъ. Въ силу этого свойства, и только въ силу его, человѣкъ никогда не можетъ быть низведенъ на степень простаго средства, а всегда является самъ себѣ цѣлью и долженъ быть признанъ таковымъ. Отсюда вытекаетъ и то коренное начало, которое лежитъ въ основаніи всей его дѣятельности—свобода. Какъ носитель абсолютнаго, человѣкъ является абсолютнымъ началомъ своихъ дѣйствій. Всякое внѣшнее опредѣленіе должно пройти черезъ внутреннее самоопредѣленіе разумнаго существа, не связаннаго никакими частными побужденіями и способнаго возвыситься надъ всѣмъ относительнымъ, къ безусловному отрицанію, также какъ и къ безусловному положенію. Это начало, вытекающее изъ самой глубины духа, составляетъ неотъемлемую принадлежность всякаго существа, входящаго въ составъ духовнаго міра. Мы находимъ здѣсь въ концѣ, на высшей ступени духовнаго развитія, то, что было положено въ основаніе всего нашего изслѣдованія.

Этимъ началомъ опредѣляются и отношенія человѣческихъ особей, какъ между собою, такъ и къ тому цѣлому, въ составъ котораго онѣ входятъ. Источникомъ этихъ опредѣленій является опять разумъ, но уже не какъ отвлеченное сознаніе, а какъ дѣятель въ дѣйствительномъ мірѣ. Это и есть воля, высшій элементъ человѣческой природы, высшій однакоже единственно тогда, когда онъ является новою формою разума, а не результатомъ слѣпыхъ влеченій. Послѣднія, также какъ и разумъ, служатъ источникомъ человѣческихъ дѣйствій, но это именно тотъ матеріальный элементъ, который въ самомъ человѣкѣ долженъ быть покоренъ духовному началу и действительно покоряется ему высшимъ развитіемъ духа. Только пріобщеніемъ своимъ къ духу, этотъ элементъ получаетъ высшее значеніе и право на признаніе своихъ требованій. Только

черезъ это онъ можетъ сдѣлаться и орудіемъ развитія. Разумная воля подвигаетъ человѣчество впередъ; господство слѣпыхъ влеченій отодвигаетъ его назадъ.

Коренное, неотъемлемое свойство разумной воли есть свобода, которая поэтому является опредѣляющимъ началомъ всякаго истинно-человѣческаго общежитія. А такъ какъ отношеніе свободныхъ воль есть то, что̀ въ обширномъ смыслѣ называется отношеніемъ нравственнымъ, то всякое человѣческое общежитіе изображаетъ собою извѣстный нравственный порядокъ. Различныя стороны этого порядка суть право, какъ выраженіе свободы личной и внѣшней, нравственность, какъ выраженіе свободы внутренней, сознающей абсолютный законъ, который связываетъ всѣ разумно-свободныя существа между собою, наконецъ, какъ высшее сочетаніе того и другаго, тѣ союзы, въ которыхъ осуществляется свобода общественная, посредствомъ соединенія разумныхъ существъ въ одно нравственно-юридическое цѣлое. И тутъ однакоже, какъ и во всякомъ развитіи, истинная природа человѣка, а вмѣстѣ и установленіе вполнѣ разумнаго нравственнаго порядка, является не началомъ, а плодомъ историческаго движенія. Въ этомъ состоитъ высшая цѣль всемірной исторіи. Свобода постепенно вырабатывается изъ несвободы, составляющей законъ матеріальнаго міра.

Отсюда ясно, что никакой общественный идеалъ немыслимъ иначе, какъ на почвѣ свободы; это—единственный порядокъ, совмѣстный съ существомъ духа. Субъективное начало, выражающееся въ природѣ, свойствахъ и дѣятельности единичнаго лица, не можетъ, конечно, считаться высшимъ въ развитіи духа; если духъ составляетъ единую сущность, послѣдовательно развивающуюся въ цѣломъ рядѣ поколѣній, то высшимъ выраженіемъ этой сущности можетъ быть не отдѣльное лице, а то, что связываетъ лица, то есть, общій, объективный строй, въ который отдѣльныя лица входятъ, какъ члены. Вслѣдствіе этого, преходящее лице считаетъ высшимъ своимъ призваніемъ служить отечеству или человѣчеству, и чѣмъ значительнѣе личность, тѣмъ болѣе она посвящаетъ себя этому служенію. Но при всемъ томъ, объективный строй, въ высшемъ своемъ значеніи, не долженъ развиваться въ ущербъ самостоятельности отдѣльныхъ лицъ, ибо природа духа состоитъ въ томъ, что онъ развивается путемъ сознані[illegible] сознаніе и свобода принадлежатъ не объектив[illegible] оно Государ[illegible]

единицамъ. Въ этомъ отношеніи, лице стоитъ выше общества и составляетъ для него цѣль. Въ этомъ заключается непреходящее значеніе индивидуализма. Духъ потому именно завершаетъ собою все міровое развитіе, что въ немъ и цѣлое и члены одинаково являются сосудами абсолютнаго. То начало, которое обыкновенно выставляется признакомъ организма, именно, что всѣ его части взаимно другъ для друга служатъ цѣлью и средствомъ, въ духѣ проявляется въ возвышенной степени. Здѣсь лице, служа обществу, какъ высшему цѣлому, никогда не можетъ быть низведено на степень простаго средства, а всегда остается само себѣ цѣлью и абсолютнымъ началомъ своихъ дѣйствій. Соединеніе свободныхъ лицъ въ единомъ общественномъ строѣ и разрѣшеніе этимъ путемъ самой упорной изъ міровыхъ противоположностей, противоположности между абсолютною самостоятельностью, вытекающею изъ свободы лица, и абсолютными требованіями, вытекающими изъ существа объективнаго духа, такова задача духовнаго развитія и высшая цѣль всемірной исторіи.

Эта задача разрѣшается тѣмъ, что создается рядъ общественныхъ союзовъ, въ которые свобода входитъ, какъ составное начало, проявляя въ нихъ различныя свои стороны. На свободномъ соединеніи лицъ основанъ уже первоначальный союзъ, указанный самою природою, какъ источникъ физической преемственности поколѣній, союзъ семейный. Согласно съ духовною природою человѣка, здѣсь съ естественною связью соединяется связь нравственная, которая даетъ первой болѣе прочности и высшее значеніе. Однако духовное начало находится здѣсь еще подъ вліяніемъ естественныхъ опредѣленій. Взаимное влеченіе половъ составляетъ данное природою основаніе союза, и такой же естественный характеръ носитъ связь между родителями и дѣтьми. Ребенокъ не по своей волѣ вступаетъ въ семейный союзъ и не по своей волѣ состоитъ подъ опекою родителей. Союзъ не простирается далѣе тѣснаго круга естественныхъ узъ и прекращается со смертью тѣхъ физическихъ лицъ, которыя дали ему бытіе. Съ расширеніемъ же родства, установленная природою связь слабѣетъ и союзъ распадается. Лице отрывается отъ своихъ естественныхъ опредѣленій и становится самобытнымъ источникомъ силы и дѣятельности. Оно создаетъ свой собственный міръ общественныхъ отношеній, въ которыхъ значеісамо уже является опредѣляющимъ началомъ. Это со-

ставляетъ вторую ступень общественнаго развитія, ступень, на которой выступаетъ начало субъективное. Сообразно съ двоякою формою субъективной свободы, внѣшнею и внутреннею, изъ которыхъ вытекаютъ право и нравственность, эта ступень представляетъ противоположность двухъ союзовъ, гражданскаго общества, основаннаго на началѣ юридическомъ, и церкви, основанной на началѣ нравственно-религіозномъ. Но самая эта противоположность указываетъ на потребность высшаго единства. Оно достигается тѣмъ, что субъективное начало въ обѣихъ своихъ формахъ, отвлеченно-общей и частной, какъ нравственное сознаніе и какъ личное требованіе, снова подчиняется началу объективному. Это послѣднее выражается въ верховномъ союзѣ, въ государствѣ, которое возвышается надъ остальными, но не поглощаетъ ихъ въ себѣ, ибо поглощеніе было бы уничтоженіемъ самостоятельныхъ сферъ свободы, то есть, отрицаніемъ самой природы духа, котораго государство является высшимъ видимымъ воплощеніемъ. И въ государствѣ осуществляется свобода, но уже въ новой формѣ, которая обозначаетъ подчиненіе ея объективнымъ опредѣленіямъ духа. Здѣсь свобода является уже не какъ абсолютное самоопредѣленіе лица, а какъ участіе въ совокупныхъ рѣшеніяхъ. На высшей ступени духовнаго развитія, гдѣ объективное начало по необходимости становится владычествующимъ, субъективное сохраняетъ свое значеніе, какъ часть, живущая общею жизнью съ цѣлымъ. Идеаломъ государства можетъ быть только свободное государство.

Таковы логическія требованія, вытекающія изъ самой природы духа, и таковъ же результатъ всемірно-историческаго развитія человѣчества. Это развитіе идетъ отъ первоначальнаго единства къ раздвоенію, послѣ чего оно снова отъ раздвоенія возвращается къ высшему единству, сохраняя однако относительную самостоятельность выдѣлившихся элементовъ. Въ исторіи это движеніе обозначается въ ясныхъ чертахъ.

Первоначальное единство означаетъ нераздѣльность союзовъ, образующихъ человѣческое общежитіе. На низшей ступени господствуетъ союзъ кровный. Но какъ скоро человѣчество выходитъ изъ первобытной дикости и вступаетъ на историческое поприще, такъ выдвигаются одинъ за другимъ и всѣ остальные союзы, завершаясь высшимъ изъ нихъ, государствомъ. Все это однако находится еще въ состояніи безразличія. Государство непо-

средственно сливается и съ религіознымъ обществомъ и съ гражданскимъ; самые кровные союзы входятъ въ него, какъ составной элементъ. Эта первоначальная слитность всѣхъ сторонъ общественной жизни характеризуетъ весь древній міръ, хотя въ различные періоды развитія перевѣсъ склоняется то на сторону одного союза, то на сторону другаго. За господствомъ родоваго начала въ первобытныя времена слѣдуетъ владычество теократіи, которая налагаетъ свою печать и на самое государство. Позднѣе послѣднее выступаетъ съ своимъ преимущественно свѣтскимъ значеніемъ, и тогда религія, также какъ и вся частная жизнь, становятся къ нему въ служебное отношеніе. Въ классическихъ государствахъ появляется и свобода, но свобода не частная, а политическая. Гражданинъ весь принадлежитъ государству и живетъ единственно для него; частныя же его потребности удовлетворяются рабствомъ. Но такъ какъ частные интересы составляютъ неотъемлемую принадлежность человѣческой природы, то рано или поздно они выступаютъ на сцену, и тогда начинается разложеніе непризнающаго ихъ порядка. Съ развитіемъ общественной жизни неизбѣжно является различіе богатыхъ и бѣдныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба между ними за власть, борьба, которая на почвѣ рабства не имѣетъ исхода, ибо тутъ закрытъ источникъ самодѣятельности, который одинъ даетъ человѣку возможность возвышаться по общественной лѣствицѣ. Древній гражданинъ могъ обращаться съ своими требованіями только къ государству, а такъ какъ послѣднее, съ своей стороны, не въ состояніи было ихъ удовлетворить, ибо государство личной самодѣятельности замѣнить не можетъ, то подобный общественный быть, по самой своей природѣ, обреченъ былъ на паденіе. Это паденіе ускоряется столкновеніями съ другими народами; вторженіе чуждыхъ элементовъ разлагаетъ цѣльность народнаго духа, которою сдерживалось развитіе частныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, здѣсь образуется двоякое теченіе, которое ведетъ къ развитію противоположныхъ началъ человѣческаго естества, а вмѣстѣ и человѣческой свободы: съ одной стороны, развитіе матеріальныхъ интересовъ влечетъ за собою большее и большее обособленіе личности въ ея частной сферѣ; съ другой стороны, развитіе умственное, расширяя узкую рамку народныхъ воззрѣній, приготовляетъ появленіе общечеловѣческаго, чисто нравственнаго начала. Во времена Римской Имперіи, на послѣдней ступени развитія древняго міра, это двоякое теченіе обозначилось весьма ясно. Съ одной

стороны, подъ вліяніемъ римскихъ юристовъ, развивается частное право, съ другой стороны все болѣе ростетъ и крѣпнетъ выдѣляющаяся изъ государства христіанская церковь. Подверженное этому двоякому разлагающему теченію, древнее государство наконецъ рушилось, и на развалинахъ его воздвигся новый, средневѣковой порядокъ.

Этотъ порядокъ представляетъ совершенную противоположность древнему. Вмѣсто единства, здѣсь господствуетъ раздвоеніе. Государство, какъ цѣльный организмъ народной жизни, перестало существовать. Что сохранилось изъ преданій Римской Имперіи, то преобразилось въ идею всемірной власти, отчасти съ нравственно-религіознымъ, отчасти съ феодальнымъ характеромъ. Въ первомъ отношеніи, свѣтская власть болѣе или менѣе подчинялась церкви, во второмъ она стояла во главѣ гражданскаго общества. Эти два противоположные союза воздвигаются на развалинахъ разложившагося государства: съ одной стороны церковь, основанная на нравственно-религіозномъ началѣ и во имя этого начала заявляющая притязаніе на абсолютное нравственное господство въ свѣтской области, съ другой стороны гражданское общество, основанное на частномъ правѣ, а потому внутри себя дробящееся до безконечности. При такой системѣ, государственное право поглощается частнымъ; общественныя должности принимаютъ характеръ собственности; вмѣсто общаго права, вездѣ являются отдѣльно пріобрѣтаемыя и охраняемыя вольности и привилегіи. О государственномъ подданствѣ нѣтъ уже помину: вольный человѣкъ не считаетъ себя никому подвластнымъ и вступаетъ въ обязательства только на основаніи свободнаго договора; состоящій же въ постоянномъ подчиненіи находится въ частной зависимости, подъ той или другою формою. Всѣ средневѣковыя европейскія общества, восточныя и западныя, не смотря на различіе внутренняго устройства, носятъ на себѣ одинъ общій типъ.

Такое одностороннее развитіе крайностей не могло однако породить ничего, кромѣ внутреннихъ противорѣчій и безпрерывной борьбы. По своей идеѣ, церковь, какъ носительница нравственно-религіознаго начала, должна была служить убѣжищемъ внутренней свободы человѣка. Таковою она и являлась въ первую эпоху развитія христіанства. Именно она выше всего подняла нравственное достоинство человѣческой личности, провозглашая связь ея съ Божествомъ

и вѣчное ея назначеніе, независимое отъ разнообразныхъ условій земной жизни. Но мы замѣтили уже, что одностороннее развитіе внутренней свободы ведетъ къ отрицанію свободы внѣшней, а вслѣдствіе того наконецъ и къ отрицанію самой себя. Средневѣковая церковь тѣмъ легче могла идти по этому пути, что она заступала мѣсто государства, а черезъ это отчасти приняла на себя его характеръ. Вслѣдствіе этого, нравственно-религіозное начало получаетъ юридическое значеніе и становится принудительнымъ. Свобода совѣсти изгоняется; человѣкъ, подъ страхомъ смерти, обязанъ вѣрить въ свое безконечное достоинство и въ свое вѣчное спасеніе.

Съ другой стороны, свобода внѣшняя, безъ высшаго, сдерживающаго ее закона, точно также сама себѣ противорѣчитъ, ибо безграничная свобода одного приходитъ въ столкновеніе съ таковою же свободою другихъ. При отсутствіи власти, которой всѣ безусловно должны подчиняться, борьба рѣшается силою, и тогда слабѣйшій покоряется сильнѣйшему. Отсюда нескончаемая цѣпь частной зависимости, въ разнообразнѣйшихъ формахъ, которая опутываетъ весь средневѣковой порядокъ. Тамъ же, гдѣ человѣкъ довольно силенъ, чтобы отстоять свою самостоятельность, неизбѣжно является непрестанная война. Средневѣковая исторія наполнена внутренними междоусобіями, которыя составляютъ характеристическую ея черту.

Ко всему этому присоединяется наконецъ борьба между двумя противоположными обществами, свѣтскимъ и церковнымъ, борьба, которая на Западѣ принимаетъ характеръ міровой борьбы между папами и императорами. Средневѣковая жизнь протекла среди этихъ противорѣчій и столкновеній, которымъ внутри ея не было исхода.

Исходъ могъ быть только одинъ: надобно было надъ противоположными союзами, осуществляющими въ себѣ крайніе элементы общежитія, воздвигнуть новый, высшій союзъ, представляющій общественное единство и сдерживающій противоборствующія стремленія, то есть, надобно было возстановить разложившееся государство. Это и было совершено исторіею. На зарѣ новаго времени, изъ среды дробныхъ средневѣковыхъ силъ, поддержанная церковью, возникаетъ новая государственная власть, которая мало по малу сводитъ къ единству стремящіеся врозь элементы, укрощаетъ борьбу, ставитъ каждаго на свое мѣсто, отнимая у него то, что ему не принадлежитъ, и такимъ образомъ водворяетъ внутренній миръ и порядокъ, составляющіе необходимыя условія правильной граждан-

ской свободы. Въ этомъ состоитъ историческій процессъ новаго времени. Это было возвращеніе къ древности, но возвращеніе уже на иной почвѣ и при иныхъ условіяхъ. Единство не поглощаетъ уже въ себѣ различій; верховный союзъ воздвигается надъ другими, оставляя имъ должную самостоятельность, каждому въ своей области, и подчиняя ихъ только высшимъ требованіямъ цѣлаго. Черезъ это достигается полнота жизни и согласное дѣйствіе частей. Каждый элементъ получаетъ все то развитіе, которое совмѣстно съ существованіемъ другихъ; онъ остается вполнѣ самостоятельнымъ въ своей сферѣ, но восполняется другими, гдѣ нужно, и подчиняется общему порядку.

Таковъ общій ходъ исторіи. Въ немъ выражается тотъ міровой діалектическій законъ, который управляетъ разумомъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Вездѣ развитіе исходитъ отъ первобытнаго единства, разбивается на противоположности, и затѣмъ опять идетъ отъ противоположностей къ высшему единству. Первобытное единство представляетъ то состояніе слитности, въ которомъ разнообразныя опредѣленія предмета не получили еще раздѣльнаго бытія. Развитіе противоположностей состоитъ въ выдѣленіи и противоположеніи основныхъ элементовъ, присущихъ природѣ вещей, и въ особенности природѣ разумнаго существа, именно, отвлеченно-общаго и частнаго. Наконецъ, высшее единство завершаетъ собою процессъ, не простымъ возвращеніемъ къ первоначальной слитности, а возстановленіемъ единства при сохраненіи относительной самостоятельности противоположностей. Этимъ достигается, съ одной стороны полнота, а съ другой гармонія всѣхъ опредѣленій.

Высшее единство жизни и гармоническое соглашеніе всѣхъ ея элементовъ не установляются однако разомъ. И тутъ, какъ и во всякомъ историческомъ развитіи, происходитъ медленный процессъ созиданія, проходящій черезъ различныя ступени. Шагъ за шагомъ строится зданіе новаго государства и вырабатываются различные его элементы, сначала власть, первѣйшій изъ всѣхъ, къ которому примыкаютъ остальные, затѣмъ законъ и свобода, наконецъ государственная цѣль, или идея, совокупляющая разъединенныя части въ одно стройное цѣлое. И послѣ того какъ долгою и упорною исторической борьбою создана политическая форма, остается еще разрѣшеніе другой задачи, — опредѣленіе отношенія этой формы къ содержанію, то есть, къ живущимъ подъ нею разнообразнымъ общественнымъ силамъ.

Эта задача ставится уже съ самаго возникновенія государственнаго порядка и получаетъ то или другое рѣшеніе, сообразно съ историческимъ измѣненіемъ политическихъ началъ и жизненныхъ потребностей. На первыхъ порахъ, пока юному государству приходилось бороться съ средневѣковыми стихіями, отбирать у нихъ то, что имъ не принадлежало, и создавать новый порядокъ вещей, оно должно было вмѣшиваться во все и всему давать направленіе. Усиленіе власти было насущною потребностью общества. Но по мѣрѣ того, какъ прекращалось острое состояніе борьбы и установлялся новый жизненный строй, въ которомъ общественныя силы могли развиваться мирно, не уничтожая другъ друга, явилось совершенно обратное стремленіе къ возможно большему ограниченію государственной дѣятельности и къ предоставленію самаго широкаго простора свободѣ. Это направленіе формулировалось сначала въ теоріи, а затѣмъ перешло и въ практику. Послѣдствіемъ его было уничтоженіе множества стѣсненій и значительное расширеніе частной дѣятельности, передъ которою открылись всѣ поприща. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ развитіемъ политической свободы, получившія голосъ общественныя силы настойчивѣе выступили съ своими требованіями и стремленіями. Но по мѣрѣ того какъ общество пріобрѣтало самостоятельность, въ немъ самомъ все болѣе и болѣе обнаруживалась противоположность, которая повела къ новой борьбѣ. Мы видѣли, что двоякая общественная дѣятельность, умственная и матеріальная, влечетъ за собою образованіе классовъ, высшихъ и низшихъ. Первые, обезпеченные матеріально, предаются умственной работѣ, вторые добываютъ себѣ пропитаніе физическимъ трудомъ. Отсюда противоположность интересовъ, которой послѣдствіемъ, при развитіи свободы, является борьба. Въ этомъ именно заключается характеристическая черта нашего времени. А такъ какъ въ этой борьбѣ верховный судья есть государство, то обѣ стороны обращаются къ нему, одни за защитою, другіе за удовлетвореніемъ ихъ требованій. Отсюда реакція въ пользу расширенія вѣдомства государственной власти. Соціалисты, въ особенности, ожидаютъ отъ нея полнаго осуществленія своихъ мечтаній. Самые умѣренные изъ нихъ видятъ въ этомъ историческую необходимость. Ссылаются на раскрывающійся въ исторіи «законъ возрастающаго расширенія государственной дѣятельности»; утверждаютъ, что развитіе человѣческихъ обществъ неудержимо ведетъ къ осуществленію требованій соціализма,

и что рано или поздно, хотя можетъ быть и черезъ весьма отдаленное время, человѣчество непремѣнно къ этому придетъ.

Изъ предъидущаго ясно, что этотъ мнимый «законъ возрастающаго расширенія государственной дѣятельности» вовсе не оправдывается исторіею. Въ древности государство имѣло несравненно большее значеніе, нежели въ новое время, и два вѣка тому назадъ сфера его дѣятельности была шире, нежели въ настоящую пору. Адольфъ Вагнеръ, который хочетъ вывести этотъ законъ сравнительно-историческимъ путемъ, хотя при этомъ онъ никакихъ фактическихъ сравненій не дѣлаетъ, ссылается въ доказательство на постоянное увеличеніе государственныхъ смѣтъ и расходовъ, увеличеніе, которое вызывается не только военными потребностями, но и осложненіемъ внутренняго управленія [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что съ развитіемъ жизни и съ умноженіемъ и усовершенствованіемъ средствъ, дѣятельность государства въ собственной его сферѣ принимаетъ все большіе размѣры; но вопросъ состоитъ не въ этомъ, а въ томъ: дѣйствительно ли эта дѣятельность расширяется на счетъ дѣятельности частныхъ лицъ и союзовъ, и точно ли государственная опека становится все болѣе и болѣе захватывающею и въ глубь и въ ширь? На этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ. Самъ Вагнеръ признаетъ, что въ области промышленнаго производства «можно усмотрѣть совершенно противоположный ходъ развитія. Земля, говоритъ онъ, все болѣе и болѣе, и притомъ вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, связанныхъ съ возрастающею интенсивностью хозяйства, переходитъ въ частныя руки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ полную частную собственность. Ремесла, фабрики, торговые обороты почти исключительно вѣдаются частными хозяйствами. Самое финансовое управленіе получаетъ свои доходы все менѣе и менѣе хозяйственнымъ способомъ, а главнымъ образомъ посредствомъ податей; точно также и реальная потребность государства въ извѣстныхъ матеріальныхъ предметахъ, напримѣръ для военной силы, весьма часто удовлетворяется уже не собственною его дѣятельностью, а покупкою отъ другихъ производителей, на деньги, полученныя путемъ налоговъ. Изъ такого рода наблюденій, замѣчаетъ Вагнеръ, выводили даже иногда законъ уменьшающейся

[1]) Rau-Wagner: Grundlegung, § 171 и слѣд. См. также Schäffle: Bau und Leben d. soc. Körp. II, стр. 187 и слѣд.

государственной дѣятельности въ развитомъ народѣ» (§ 176).

Къ этому надобно прибавить совершенно измѣнившееся отношеніе государства къ частной промышленности. Въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ меркантильной системы, государство опредѣляло и орудія, и образцы и цѣну произведеній; регламентація доходила до мельчайшихъ подробностей: въ настоящее время обо всемъ этомъ нѣтъ и помину. Свобода расширилась не только на счетъ правительственной опеки, но и на счетъ тѣхъ мелкихъ общественныхъ союзовъ, которые въ прежнее время были столь же стѣснительны для частной предпріимчивости, какъ и самое вмѣшательство государства. Съ паденіемъ цеховаго устройства, личная самодѣятельность получила безграничный просторъ. И если, съ умноженіемъ средствъ, государственная дѣятельность въ принадлежащей ей области постоянно возрастаетъ, то съ своей стороны частная дѣятельность пріобрѣтаетъ такіе исполинскіе размѣры, какъ никогда прежде. Нынѣ частныя компаніи совершаютъ предпріятія, о которыхъ государства, не только въ прежнее время, но и въ настоящее, не смѣютъ даже мечтать. Достаточно вспомнить прорытіе Суэзскаго перешейка. И послѣ всего этого, возможно ли говорить объ историческомъ законѣ «возрастающаго расширенія государственной дѣятельности» и на немъ основывать какіе бы то ни было выводы?

Вагнеръ увѣряетъ однако, что все это касается исключительно промышленнаго производства. «Во всѣхъ другихъ областяхъ, говоритъ онъ, стремленіе къ экстенсивному и интенсивному усиленію государственной дѣятельности обнаруживается совершенно несомнѣннымъ образомъ» (§ 177). Такъ ли это? Точно ли государственная опека надъ умственною дѣятельностью гражданъ принимаетъ все большіе размѣры? Точно ли съ развитіемъ жизни все болѣе и болѣе стѣсняются свобода мысли, свобода совѣсти, свобода преподаванія? Точно ли новое государство все болѣе и болѣе вмѣшивается въ дѣла церкви? Достаточно, кажется, поставить эти вопросы, чтобы получить на нихъ отвѣтъ. Весь этотъ мнимо-историческій «законъ возрастающаго расширенія государственной дѣятельности», которымъ думаютъ подкрѣпить требованія соціализма, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается миѳомъ. И это, въ сущности, признается самими защитниками этой теоріи. Характеристическою чертою новѣйшаго времени они считаютъ господство индивидуализма, противъ котораго они ратуютъ, выдавая его за преходящую

историческую категорію; но что такое индивидуализмъ, какъ не начало личной свободы? Если это начало именно въ новѣйшее время сдѣлалось преобладающимъ, то никакъ нельзя, рядомъ съ этимъ, утверждать, что оно движеніемъ исторіи и развитіемъ жизни все болѣе и болѣе стѣсняется.

Если же прошедшее не даетъ намъ ни малѣйшаго ручательства за возможность осуществленія соціалистическихъ требованій, то на какомъ основаніи можемъ мы ожидать этого осуществленія въ будущемъ, хотя бы самомъ отдаленномъ? Будущее приготовляется прошедшимъ, ибо оно составляетъ плодъ того самаго процесса, который совершается въ историческомъ движеніи. Въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ развивается единая духовная сущность, которая постепенно раскрываетъ внутреннюю свою природу. Поэтому невозможно предполагать, что когда нибудь человѣчество изобрѣтетъ нѣчто такое, чего никогда еще не бывало. Легкомысленно повторямое соціалистами каѳедры выраженіе Книса, что человѣчество не всегда же осуждено быть обезьяною, есть отрицаніе исторіи и ея законовъ. Обезьяна подражаетъ другимъ; человѣчество же, какъ и всякое существо, неизбѣжно всегда подражаетъ себѣ, ибо оно отъ собственной природы отрѣшиться не можетъ. Подобно тому, какъ въ зародышѣ позвоночнаго животнаго съ первыхъ ступеней обозначаются уже позвоночный столбъ и голова, которые съ дальнѣйшимъ развитіемъ пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе опредѣленныя формы, въ человѣческомъ родѣ прошедшимъ намѣчается будущее, и каждый послѣдующій шагъ, составляя звено единой, непрерывной цѣпи, все глубже и полнѣе раскрываетъ то, что лежитъ въ существѣ духа. А такъ какъ весь этотъ процессъ представляетъ развитіе собственной природы человѣка, то это предварительное обозначеніе пути, эта зависимость будущаго отъ прошедшаго, никогда не можетъ быть для него стѣсненіемъ. Именно въ этихъ формахъ и въ этомъ движеніи проявляется безконечная его сущность. Напротивъ, осуществленіе соціалистическихъ мечтаній, будучи отрицаніемъ исторіи, было бы вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніемъ развивающейся въ ней человѣческой природы. Соціализмомъ уничтожается именно высшее свойство этой природы, то, что неотъемлемо принадлежитъ духу, и что составляетъ главную движущую пружину историческаго развитія—свобода. И умозрѣніе и опытъ, и философія и исторія, и внутренній голосъ человѣка и внѣшнее теченіе событій равно убѣждаютъ насъ, что бу-

дущее совершенствованіе человѣчества возможно только на почвѣ свободы, а потому мы, на основаніи всѣхъ имѣющихся у насъ данныхъ, должны признать соціалистическія требованія неосуществимыми.

Соціалисты, которые знаютъ, чего хотятъ, вовсе и не думаютъ полагаться на историческое развитіе и утѣшать своихъ послѣдователей тѣмъ, что когда нибудь, медленнымъ, но неотразимымъ ходомъ событій, исполнится то, чего они желаютъ. Они понимаютъ, что осуществленіе ихъ мечтаній никогда не можетъ быть плодомъ развитія существующаго порядка. Чтобы достигнуть своей цѣли, они должны предварительно все разрушить, и затѣмъ все начать съизнова, по совершенно новому плану. Отсюда проповѣдь всеобщаго разрушенія, которая составляетъ крайнее, но послѣдовательное развитіе соціалистическихъ началъ. Но такъ какъ въ стремленіяхъ, имѣющихъ цѣлью земныя блага, невозможно совершенно оторваться отъ земли и ея порядковъ, то и эта безумная теорія думаетъ опираться на исторію. За отсутствіемъ всякихъ положительныхъ данныхъ, хватаются за отрицательныя. Указываютъ на тѣ революціи, которыя, уничтоживъ весь старый историческій строй, явились началомъ обновленія человѣчества; ссылаются на то, что всѣ великія идеи пролагали себѣ путь въ міръ не иначе какъ посредствомъ упорной борьбы и цѣною крови. Этими примѣрами стараются оправдать самыя фантастическія требованія и самыя хладнокровно расчитанныя злодѣянія.

Подобный взглядъ обличаетъ только полное презрѣніе къ исторіи. Дѣйствительно, въ судьбахъ народовъ совершаются иногда переломы, которые сопровождаются кровавыми событіями. Но для того чтобы изъ этого что нибудь вышло, необходимо, чтобы новый порядокъ вещей былъ приготовленъ вѣками предшествующаго развитія. Кровавый переломъ обозначаетъ только послѣдній кризисъ, періодъ окончательно обострившейся борьбы, когда давно потерявшій свои основы старый общественный строй рушится, и на мѣсто его воздвигается новый, выработанный жизнью. Таковъ именно былъ тотъ переворотъ, на который обыкновенно указываютъ защитники этой теоріи. Французская революція 1789-го года дѣйствительно разрушила старый порядокъ, но этотъ порядокъ разрушался уже въ теченіи столѣтій и окончательно отжилъ свой вѣкъ. Въ немъ воплощались средневѣковыя начала, которыя мало по малу уступали мѣсто новому госу-

дарственному быту. Его паденіе было приготовлено всею предшествующею исторіею Франціи. Сама королевская власть, стоя во главѣ третьяго сословія, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ совершала это дѣло, и когда наконецъ ослабѣвшіе короли упустили движеніе изъ своихъ рукъ, оно было довершено третьимъ сословіемъ, представлявшимъ собою не какой либо отдѣльный классъ, а совокупность народа. На сторонѣ приверженцевъ новаго порядка были и богатство и образованіе; вся философія XVIII-го вѣка поддерживала ихъ требованія; съ ними рука объ руку шли самые просвѣщенные люди изъ привилегированныхъ сословій. Притомъ идеи, которыя они проводили, вовсе не были чѣмъ-то новымъ и небывалымъ. Сѣверная Америка представляла уже полное ихъ осуществленіе на дѣлѣ. И не смотря на все это, именно потому что при проведеніи этихъ началъ не остановились передъ нотоками крови, исторически созрѣвшее дѣло было задержано, и на развалинахъ свободы водворился военный деспотизмъ. Доселѣ Франція, подъ вліяніемъ этихъ событій, попеременно кидаясь отъ революціи къ диктатурѣ, и отъ диктатуры къ революціи, не можетъ обрѣсти своего равновѣсія. При несовершенствѣ человѣка, великіе историческіе перевороты нерѣдко проходятъ черезъ кровавую купель. Но не кровь составляетъ движущую пружину развитія, а тѣ идеи, которыя, созрѣвши въ общественной мысли, подготовлены и всею предшествующею жизнью. Видѣть въ пролитіи крови необходимое условіе прогресса, смѣшивать идеи съ тѣми преступленіями, которыя во имя ихъ совершаются, могутъ только безумцы; требовать крови для крови и разрушенія для разрушенія могутъ только изверги. Когда этотъ изступленный бредъ прикрывается знаменемъ науки и выдаетъ себя за нѣчто высокое и святое, то это служитъ лишь доказательствомъ того безграничнаго умственнаго и нравственнаго извращенія, до котораго доводитъ человѣка слѣпой фанатизмъ.

Существенная задача настоящаго времени состоитъ не въ разрушеніи, а въ созиданіи. Человѣчеству предстоитъ завершить все государственное и общественное развитіе новаго времени. Съ XV-го вѣка, на развалинахъ средневѣковаго порядка, постепенно воздвигается новый жизненный строй. Всѣ элементы его уже на лицѣ: и государство со всѣми своими формами, и общественныя силы съ ихъ разнообразными стремленіями. Теперь предстоитъ все это свести къ единству, не разрушеніемъ созданнаго предшествующею исто-

ріею порядка, не уничтоженіемъ одного элемента въ пользу другаго, а поставленіемъ каждаго на свое мѣсто и приведеніемъ ихъ къ гармоническому соглашенію. Одно государство не въ силахъ это сдѣлать. Какъ верховный общественный союзъ, оно стоитъ во главѣ общественнаго движенія; ему принадлежитъ руководство. Но именно потому что оно составляетъ только вершину, а не заключаетъ въ себѣ все, оно одними собственными средствами не въ состояніи установить всеобщую гармонію. Эта задача тѣмъ менѣе для него исполнима, что здѣсь дѣло идетъ не объ утвержденіи внѣшняго порядка, а о внутреннемъ единеніи свободныхъ человѣческихъ силъ. Необходимымъ для этого условіемъ является живое содѣйствіе самихъ этихъ силъ. Внутреннее соглашеніе государства и общества можетъ быть только плодомъ постояннаго и живаго взаимнодѣйствія между обоими. А такъ какъ подобное взаимнодѣйствіе возможно единственно при свободныхъ учрежденіяхъ, то и съ этой стороны свободное государство представляется высшимъ идеаломъ общественнаго быта. Оно одно способно исполнить предстоящую современному человѣчеству задачу.

Но однихъ свободныхъ учрежденій мало; они даютъ не болѣе какъ форму, въ которой должно вырабатываться внутреннее соглашеніе общественныхъ элементовъ. Самое же соглашеніе зависитъ отъ того духа, которымъ наполняется и движется эта форма. Безъ него, послѣдняя, совмѣщая въ себѣ все общественное разнообразіе, можетъ стать источникомъ бо̀льшаго разлада. Духъ же, который даетъ жизнь общественнымъ учрежденіямъ, направляется къ цѣли присущимъ ему разумомъ, указывающимъ путь и средства. Поэтому, первое и необходимое условіе внутренняго соглашенія состоитъ въ развитіи разумѣнія. Для того чтобы было согласіе въ жизни, надобно, чтобы оно установилось въ умахъ.

Въ этомъ именно состоитъ главная предварительная задача, а вмѣстѣ и существеннѣйшій недостатокъ нашего времени. Насущная потребность европейскихъ народовъ заключается вовсе не въ поднятіи матеріальнаго уровня низшихъ классовъ, о которомъ нынѣ такъ много хлопочутъ, а въ поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня высшихъ классовъ, безъ котораго невозможно никакое дальнѣйшее развитіе. Мы видѣли уже, что поднятіе матеріальнаго уровня низшихъ классовъ совершается само собою, съ помощью труда и сбереженій; на это нужны только время и свобода. Поднятіе же умственнаго и нравственнаго уровня высшихъ классовъ требуетъ

несравненно большей работы. Надобно вырвать человѣческую мысль изъ той низменной области, въ которую она въ настоящее время погружена, и гдѣ за бездною частностей исчеваетъ изъ виду общее. Отсюда проистекаетъ господствующій нынѣ разладъ и въ мысли и въ жизни, паденіе вѣры, презрѣніе къ философіи, отрицаніе всѣхъ высшихъ началъ человѣческаго духа, скептическое отношеніе къ благороднѣйшей способности человѣческаго разума, къ познанію абсолютнаго, а вслѣдствіе того, извращеніе истиннаго отношенія вещей и подчиненіе высшихъ началъ низшимъ, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, какъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ. Такова картина современнаго состоянія человѣчества, состоянія, при которомъ немыслимо правильное рѣшеніе, не только высшихъ задачъ, представляющихся человѣческому разуму, но даже и простѣйшихъ практическихъ вопросовъ, какъ скоро они имѣютъ нравственный характеръ. Совершенствованіе техники можетъ дѣлать изумительные успѣхи; накопленіе умственнаго матеріала можетъ быть громадное; но свѣтлой мысли, озаряющей этотъ хаосъ, нигдѣ не видать, и душа человѣческая, блуждающая въ дебряхъ опытнаго міра, тоскуетъ по высшемъ своемъ призваніи. Вопль отчаянія можетъ вырваться изъ груди современнаго человѣка, который не отрекся отъ благороднѣйшей части своего естества, и только непоколебимая вѣра въ силы духа и въ непреложные законы исторіи поддерживаетъ его среди господствующей умственной и нравственной неурядицы. Эта вѣра не есть только смутное чаяніе; она опирается на законы разума и на факты исторіи. Все прошедшее человѣческаго рода яркими чертами свидѣтельствуетъ о развивающемся въ немъ духѣ и ручается за то, что спустившись въ низменности, гдѣ какъ будто теряется всякая путеводная нить, онъ снова взойдетъ на высоту, откуда окидывается взоромъ вся вселенная, и гдѣ ясно становится для человѣка и собственное его призваніе и его отношеніе къ Божеству. Вооруженные этимъ убѣжденіемъ, мы можемъ смѣло сказать, что весь современный разладъ представляетъ лишь преходящее явленіе, которое будетъ осилено человѣческимъ родомъ въ его дальнѣйшемъ движеніи. Но для совершенія этого дѣла требуется громадная работа: нужно совладать со всѣмъ накопившимся матеріаломъ и свести его къ общему синтезу. А для этого недостаточно одного опыта; необходима философія, которая одна можетъ озарить свѣтомъ разума все извѣданное и испытанное человѣкомъ. Въ этомъ и состоитъ задача

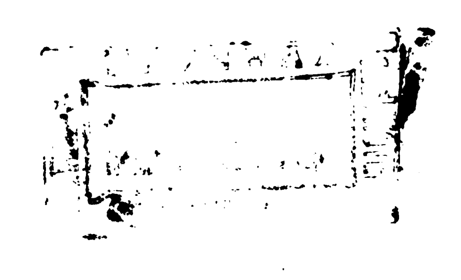
современныхъ поколѣній, задача высокая и трудная, способная заманить человѣка, но которая не свыше человѣческихъ силъ.

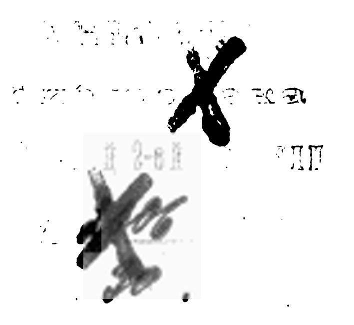
Каждому народу на этомъ пути предстоитъ исполнить свою долю въ совокупномъ дѣлѣ; каждый по своему разрѣшитъ и общую задачу гармоническаго соглашенія общественныхъ элементовъ. Человѣческій духъ единъ въ своемъ существѣ; но онъ живетъ среди безконечнаго разнообразія естественныхъ условій, и самъ, подъ ихъ вліяніемъ, проявляетъ внутреннее свое разнообразіе, которое воплощается въ различіи народныхъ свойствъ и характеровъ. А гдѣ есть различіе внутреннихъ свойствъ и внѣшнихъ условій, тамъ есть и различное строеніе общественныхъ элементовъ, требующее каждый разъ и своего особеннаго способа соглашенія. Однако и тутъ за разнообразіемъ мы не должны забывать единства. Народъ составляетъ только отдѣльное выраженіе общей духовной сущности, и чѣмъ выше историческое его призваніе, тѣмъ ближе онъ стоитъ къ этой единой сущности и тѣмъ полнѣе онъ ее отражаетъ. Поэтому, для всѣхъ народовъ, подвизающихся на историческомъ поприщѣ, путеводною звѣздою должны быть общечеловѣческія начала, которыя, составляя собственную природу духа, выясняются самосознаніемъ и осуществляются движеніемъ всемірной исторіи.

И намъ, позднѣе всѣхъ явившимся на полѣ исторіи, предстоитъ таже міровая задача. Глубокій разладъ, разъѣдающій современныя общества, отражается у насъ въ потрясающихъ явленіяхъ и порождаетъ страшныя событія. И намъ предстоитъ его осилить, не только борьбою внѣшней силы съ безумными страстями, но и борьбою разума съ окружающимъ насъ мракомъ. Таково истинное призваніе всѣхъ, кто въ Россіи способенъ мыслить и чувствовать; къ тому же призываются и молодыя поколѣнія, которыя должны приготовить отечеству болѣе свѣтлое будущее. Для исполненія этой задачи, мы должны не отрекаться отъ всемірной исторіи, какъ отъ чего-то намъ чуждаго, не отвращаться отъ ясной области разума, возлагая всѣ свои надежды на темные инстинкты массъ, а напротивъ, устремлять свои взоры на то, что добыто міровымъ развитіемъ духа, а потому составляетъ достояніе всего человѣчества. Только въ живомъ взаимнодѣйствіи съ общечеловѣческими началами, проникая ими свои особенности, и возводя свои особенности на степень общечеловѣческихъ началъ, мы можемъ не только стать въ уровень съ другими, но и принести свою дань общему дѣлу человѣче-

ства. Именно къ этому приготовила насъ вся наша исторія. Такова была задача новой Россіи, введенной геніемъ Петра въ семью европейскихъ народовъ; таковъ смыслъ и тѣхъ великихъ и дорогихъ всякому Русскому преобразованій минувшаго царствованія, которыя окончательно поставили насъ на общеевропейскую почву, перестроивъ весь нашъ общественный бытъ на началахъ свободы. Смѣло идти впередъ по тому же пути, дружнымъ дѣйствіемъ правительства и гражданъ побѣдить гнетущій насъ внутренній разладъ, поднять умственный и нравственный уровень русскаго общества, вотъ что предстоитъ намъ въ ближайшемъ будущемъ, и къ чему должны быть направлены всѣ лучшія силы русской земли. Что мы совершимъ этотъ подвигъ, въ томъ ручается намъ все наше прошлое, въ томъ ручаются и тѣ великіе дары, которые кроются въ глубинѣ русскаго духа, и которые поставили Россію на ряду съ могущественнѣйшими и образованнѣйшими европейскими государствами. Эти дары могутъ временно затмиться, но они не могутъ исчезнуть.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга вторая: Промышленность.

(*Продолженіе*).

Книга третья: Государство.

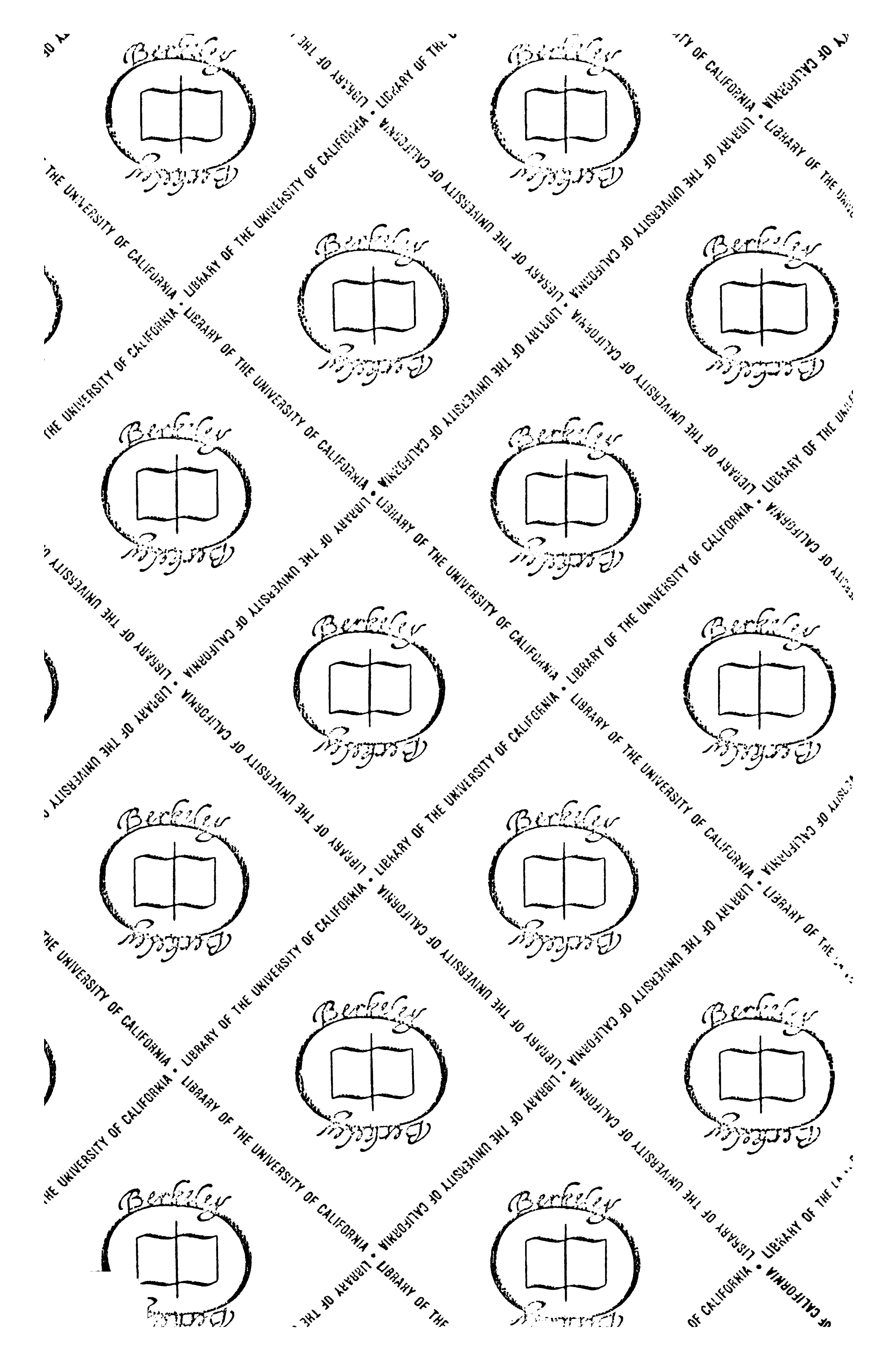
ВЪ ПРОДАЖѢ

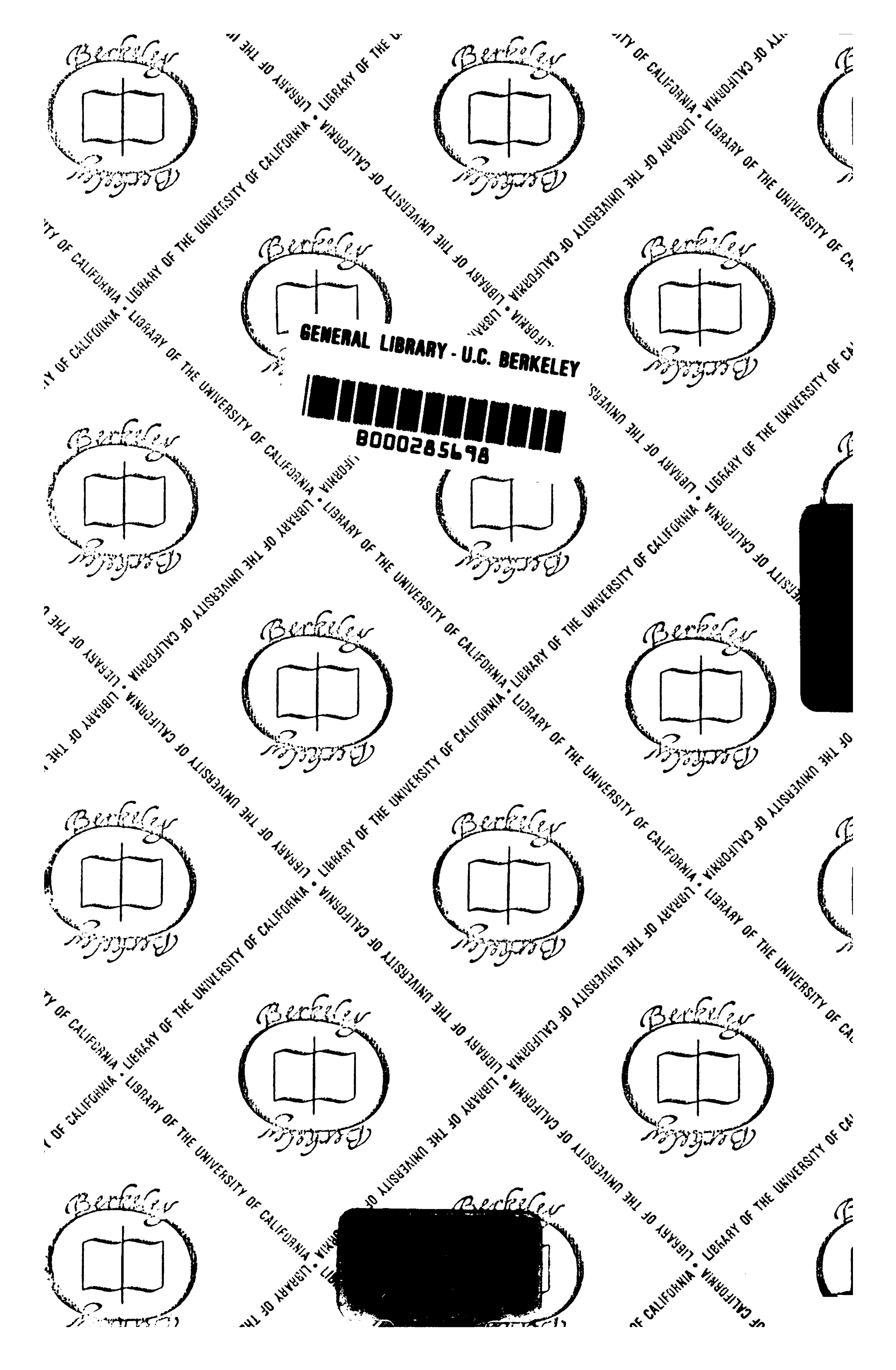
сочиненія того же автора:

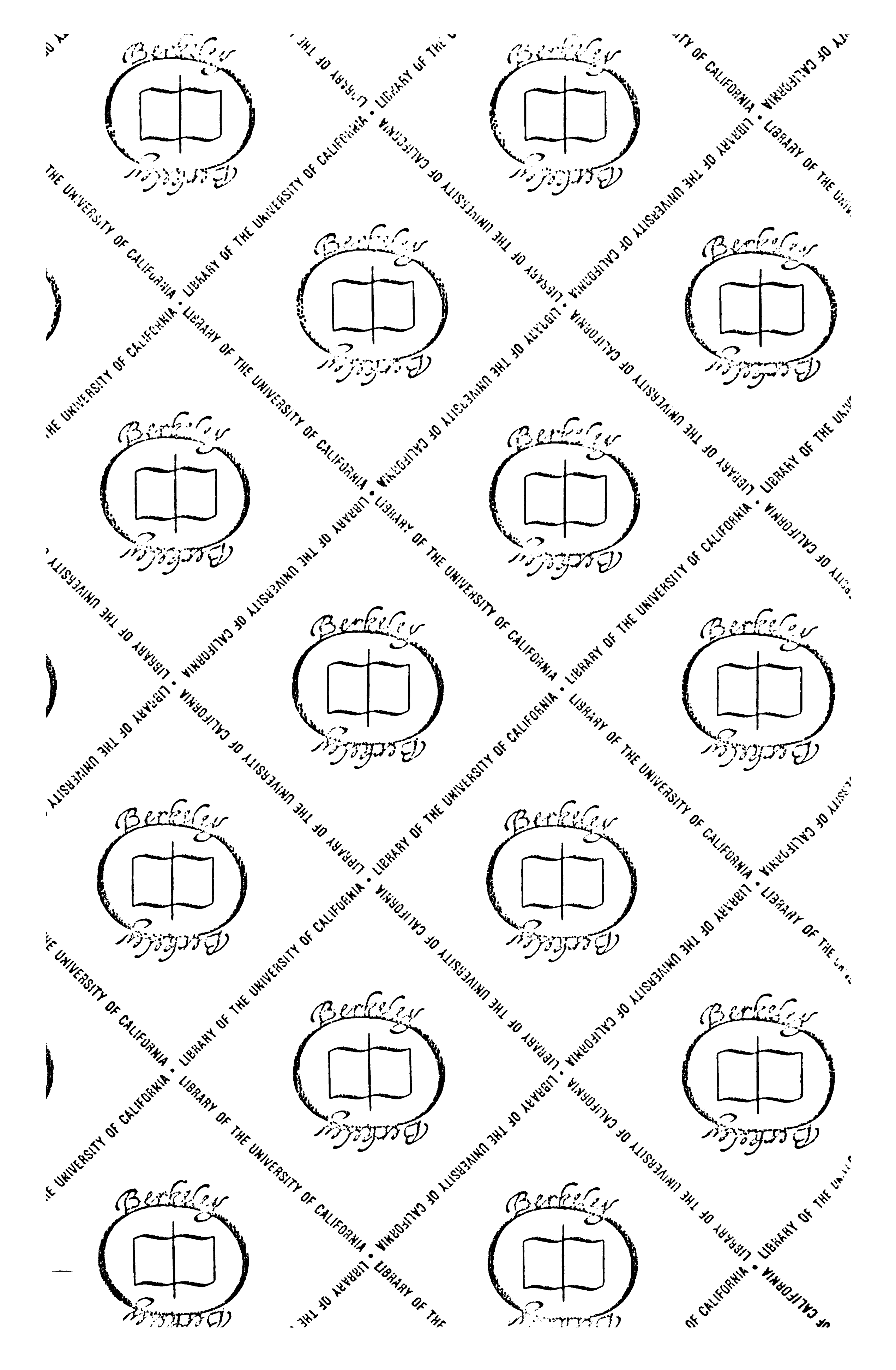
Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Москва 1856 г. . . . . 3 р.
Опыты по исторіи русскаго права. 1858 г. . . . 1 »
Очерки Англіи и Франціи. 1858 г. . . . . 1 »
Нѣсколько современныхъ вопросовъ. 1862 г. . . 1 »
Исторія политическихъ ученій. 4 части. Москва 1868—1878 г. . . . . 12 »
Наука и Религія. Москва. 1879 г. . . . . 4 »
Мистицизмъ въ наукѣ. Москва. 1880 г. . . . . 1 р. 50 к.

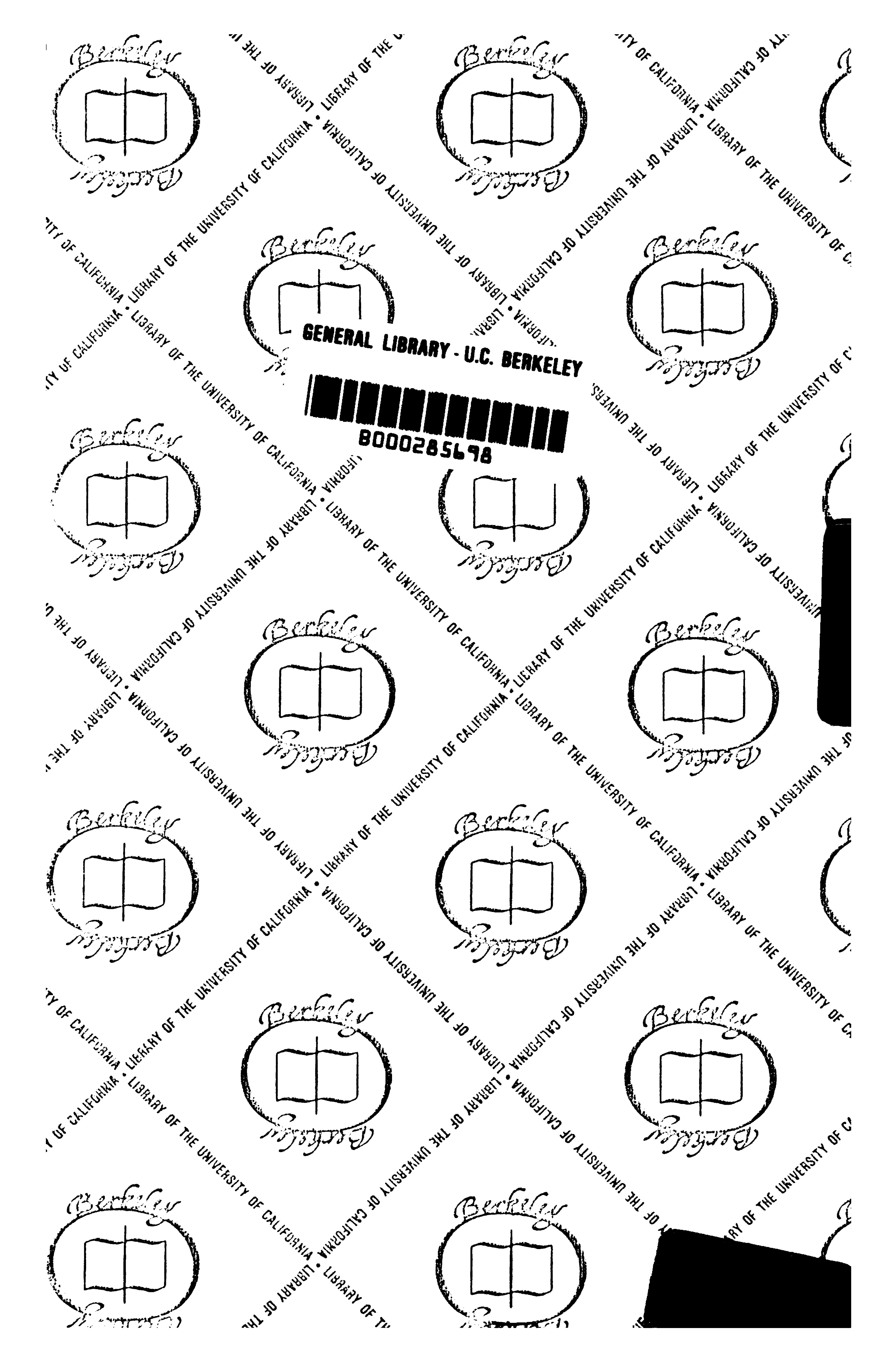
В. Герье и Б. Чичерина:

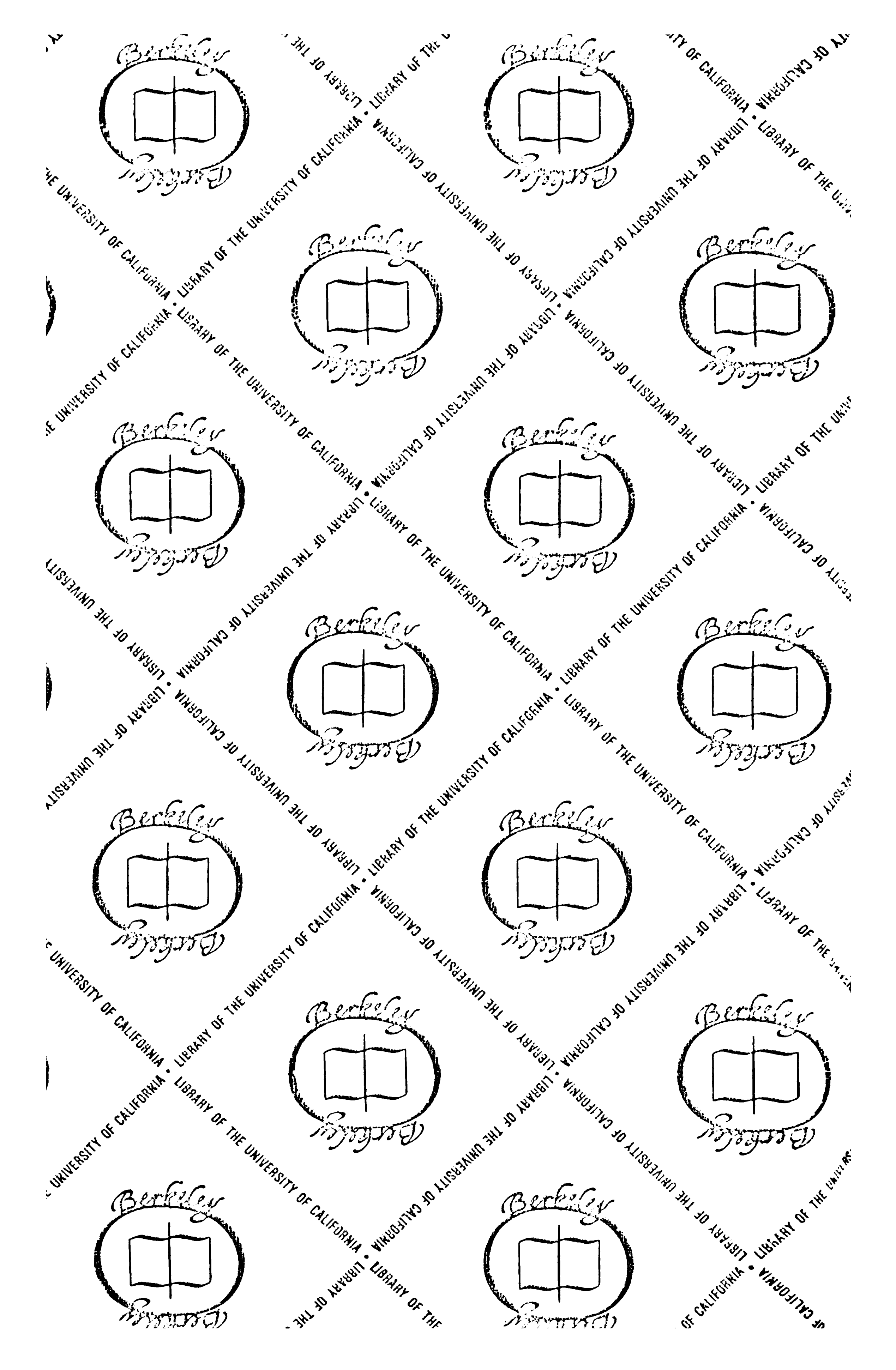
Русскій дилеттантизмъ и общинное землевладѣніе. Москва. 1878 г. 1 р. 50 к.

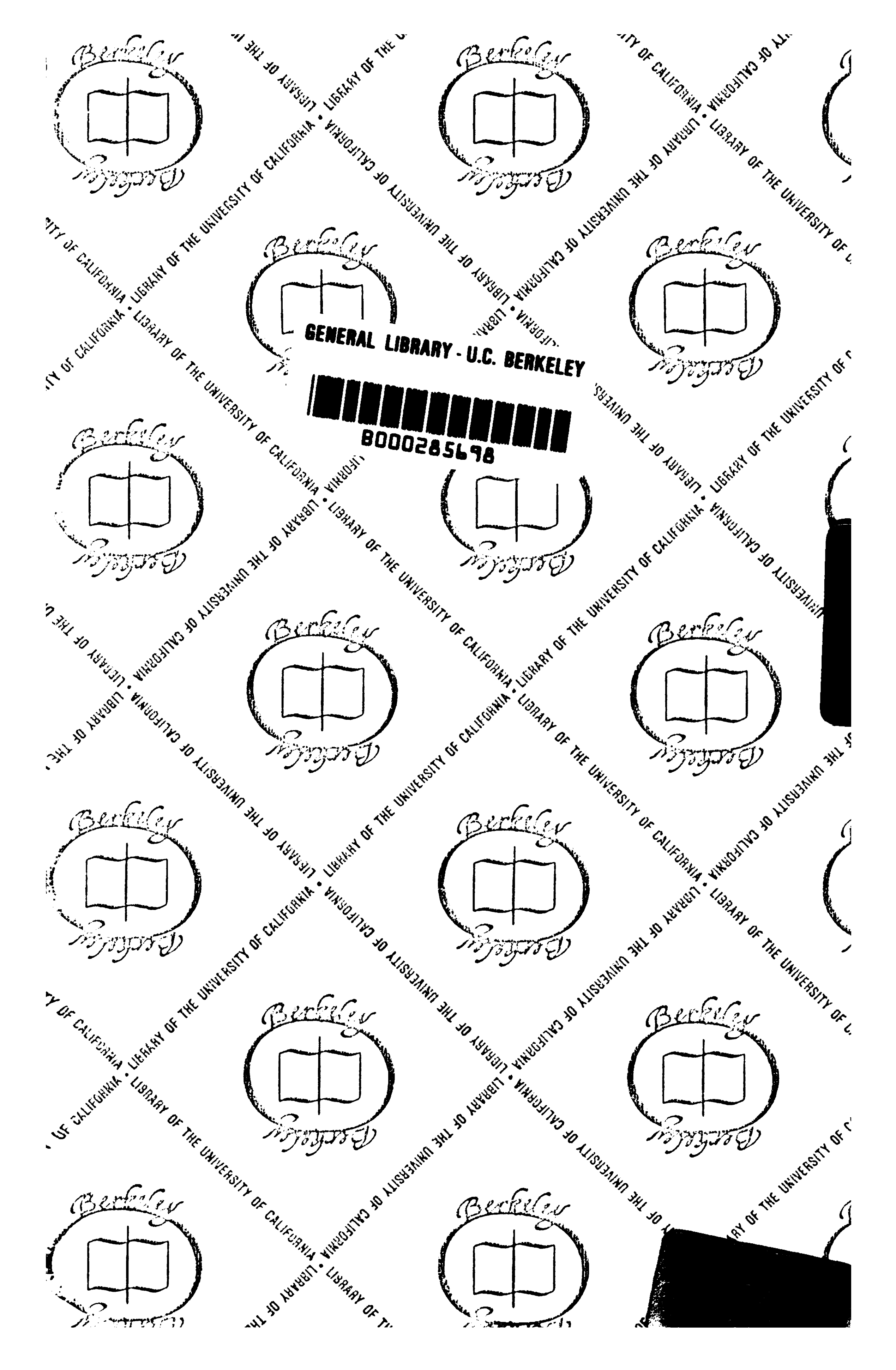

Berkeley
LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

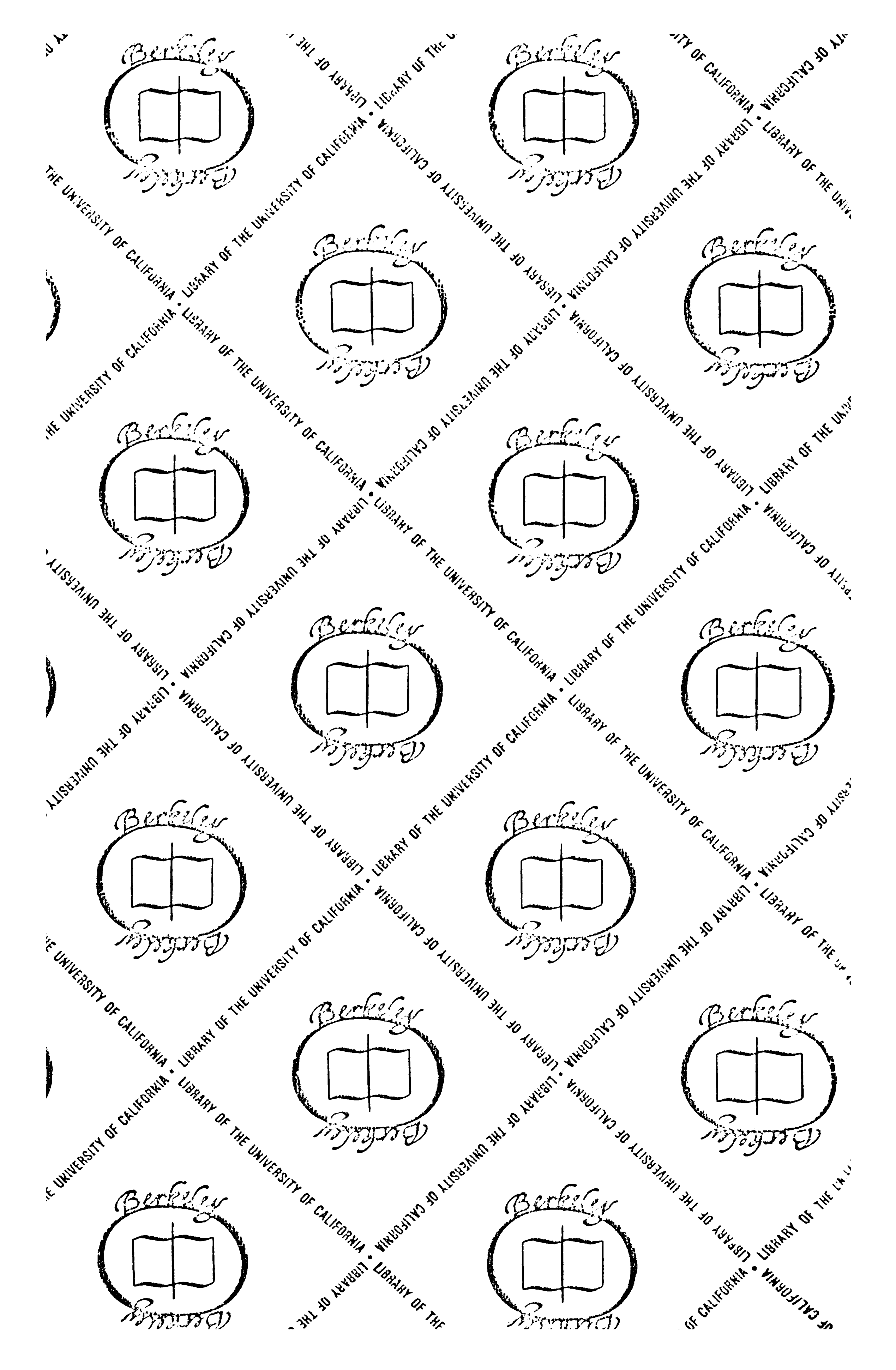

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Berkeley

Berkeley
LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

Berkeley
LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

